

GUSTAVE DE MOLINARI

ŒUVRES COMPLÈTES

Volume XV

Institut Coppet

L'Institut Coppel remercie l'ensemble de ses donateurs occasionnels ou réguliers, pour l'appui qu'ils donnent à cette publication et aux autres semblables.

GUSTAVE DE MOLINARI

ŒUVRES
COMPLÈTES

Volume XV

DANS LA PRESSE RUSSE, I
(1858-1859)

*Publié sous la direction de Mathieu Laine
et avec le soutien de M. André de Molinari*

Notes et notices par Benoît Malbranche

Paris, 2024
Institut Coppet

1858 - 1859

089. — LE MESSAGER RUSSE (РУССКИЙ ВѢСТНИК).

I. Liste des articles de Gustave de Molinari
dans cette revue (1858-1876).¹

1858 Обв условиях и механизме кредита (Des conditions et du mécanisme du crédit). — Volume 14, partie 1, 1858, p. 293-310.

Обв условиях и механизме кредита (Des conditions et du mécanisme du crédit). (Partie 2) — Volume 14, partie 1, 1858, p. 513-533.

Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). Брюссель, 9 апркса, 1858. (Bruxelles, 9 avril 1858). — Volume 14, partie 2, 1858, p. 345-368.

Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). Брюссель, 25 ююя 1858 г. (Bruxelles, 25 juillet 1858), — Volume 16, p. 187-222.

1859 Обв условиях и механизме кредита (Des conditions et du mécanisme du crédit). (Partie 3) — Volume 18, partie 1, 1858, p. 477-500.

¹ Voir, pour les années 1861-1877, le répertoire suivant :

«Русский Вестник»: культурно-интеллектуальное наследие журнала М. Н. Каткова. (Указатель содержания литературных, политических исторических и научных работ в хронологическом порядке) Часть первая, 1861-1877 гг. — Составители: Галина Николаевна Лебедева, кандидат философских наук, доцент Александр Геннадьевич Буйчик доктор экономических наук, PhD политических и социальных наук — Острва-Глучин. Санкт-Петербург. Чешская Республика. 2021

(Le « Messenger russe » : héritage culturel et intellectuel de la revue de M. N. Katkov. (Index du contenu des études littéraires, politiques, historiques et scientifiques, par ordre chronologique). Première partie, 1861-1877. Compilé par : Galina Nikolaïevna Lebedeva, diplômé de philosophie, professeur agrégé, et Alexandre Gennadiévitch Buichik, docteur en économie, docteur en sciences politiques et sociales. — Hlučín, district d'Opava (République tchèque), et Saint-Pétersbourg. Publié en République tchèque en 2021.)

Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). Брюссель, 28 января 1859. (Bruxelles, 28 janvier 1859), — Volume 19, partie 2, p. 97-108.

Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). Брюссель, 10 марта 1859. (Bruxelles, 10 mars 1859), — Volume 20, partie 2, p. 3-21. — Suite dans le même volume, p. 223-234.

Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). Брюссель, 12 сентября 1859. (Bruxelles, 12 septembre 1859), — Volume 23, partie 2, p. 3-19.

Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). Брюссель, 18 сентября 1859. (Bruxelles, 18 septembre 1859). Volume 23, partie 2, p. 307-321.

Императоръ Наполеонъ III какъ писатель. (Napoléon III publiciste). — Volume 24, partie 1, p. 71-105. — Suite dans le même volume, p. 396-428, p. 607-644, et enfin p. 841-854.

- 1860 Описаніе обѣда, даданнаго въ честь г-ну де-Молинали въ петербургѣ 10 февраля 1860 года. (Compte-rendu du dîner organisé en l'honneur de M. Gustave de Molinari, le 10 février 1860.) — Volume 25, partie 2, p. 304-311.

Публичныя лекцій г. Густава де Молинали въ Москвѣ (Conférences publiques de M. Gustave de Molinari à Moscou). — Volume 25, partie 2, p. 221-223.

О свободѣ труда (Sur la liberté du travail). « Изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Москвѣ въ мартѣ мѣсяцѣ сего года. » (Sur la base de conférences données au mois de mars de cette année) — Volume 26, partie 2, p. 395-426.

Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). Брюссель, 5-го августа 1860 г. (Bruxelles, 5 août 1860), — Volume 28, partie 2, p. 227-236.

- 1861 Война и миръ, соч. П. И. Прудона (Guerre et paix, par M. P. J. Proudhon). — Volume 34, partie 2, p. 129-162.

- 1862 Поземельный кредит и переселение иностранных капиталовъ (Le crédit foncier et l'afflux des capitaux étrangers). — Volume 42, partie 1, p. 82-118
- 1864 Вопросъ о рабочихъ (La question des travailleurs). [Брюссель, 21-го марта 1864 г. (Bruxelles, 21 mars 1864)] — Volume 50, partie 2, p. 327-360.
- 1865 Вопросъ о рабочихъ (La question des travailleurs). [Suite] — Volume 60, partie 1, p. 235-258.
- 1867 Сезонные конгрессы (Les Congrès de la saison). — Volume 70, partie 2, p. 625-689.
- 1868 Всемирная выставка 1867 года (L'Exposition Universelle de 1867). — Volume 77, partie 1, p. 164-194
- Международные конгрессы. I Конгресс Международной ассоциации Рабочих в Брюсселе. II Конгресс Лиги Мира и Свободы в Берне. (Congrès internationaux. Congrès de l'Association internationale des travailleurs à Bruxelles. II. Congrès de la Ligue de la paix et de la liberté à Berne.) — Volume 77, partie 2, p. 462-501.
- Мексиканская экспедиция (L'expédition au Mexique). — Volume 78, partie 2, p. 199-227, et suite p. 464-479.
- 1869 Союзы рабочих в Англии (Les syndicats de travailleurs en Angleterre). — Volume 81, p. 467-519.
- Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). — Volume 83, p. 303-348.
- Международные конгрессы (Congrès internationaux). — Volume 84, p. 32-59.
- 1870 Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). — Volume 87, p. 61-103.
- 1871 После разгрома (Après le déluge). — Volume 94, p. 470-506.
- 1872 Парламентское следствие о восстании 18 марта (Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars). — Volume 99, p. 857-888.

- Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). — Volume 101, p. 615-644.
- Конгрессы социалистов (Congrès socialistes). — Volume 102, p. 247-264.
- 1873 Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). — Volume 104, p. 832-864.
- 1874 Баланс Французской революции (Bilan de la Révolution française). — Volume 111, p. 275-303.
- 1875 Парламентское следствие и действия правительства национальной обороны (о событиях в Париже 1871) (Enquête parlementaire et action du Gouvernement de la Défense nationale (sur les événements de 1871)). — Volume 117, p. 254-288.
- 1876 Экономическая корреспонденция (Correspondance économique). — Volume 121, partie 2, p. 815-834.

* Les passages du texte mis entre crochets sont ceux dont une version originale en français a pu être découverte. Le reste constitue une traduction inédite, que nous avons voulue aussi fidèle que possible.

Введение. — Цѣль кредита и его опредѣленіе. — Составные элементы процента. — Кредитъ производительный и кредитъ потребительный. — Разборъ этихъ двухъ родовъ кредита. — Первый болѣе и болѣе распространяется въ сравненіи со вторымъ. — По какимъ причинамъ. — О капиталахъ, преимущественно подлежащихъ кредитнымъ операціямъ. — Общій обзоръ этихъ операцій. — О гарантіяхъ, служащихъ основаніемъ кредиту. — О гарантіяхъ, необходимыхъ заемщику. — Безопасность. — Сбытъ. Чтò случается когда не достааетъ этихъ гарантій. — О гарантіяхъ, необходимыхъ вѣрителю. — Личныя гарантіи. Нравственныя качества и умственныя способности. — Вещественныя или матеріальныя гарантіи. Залоги (gages) движимые и недвижимые. — Вліяніе законодательства на развитіе кредита. — Освященіе личныхъ гарантій закономъ. Личный арестъ, и что должно о немъ думать. — Объ удобствахъ, какія законъ долженъ бы доставлять для доступности вещественныхъ гарантій. — О препятствіяхъ, противопоставляемыхъ имъ этой доступности. — Происхожденіе этихъ препятствій. — Возрастающая необходимость ихъ устраненія. — Классификація кредита по его гарантіямъ. — Кредитъ личный, вещественный, движимый и недвижимый. — Заключение.

I.

Кредитныя учрежденія играютъ въ наше время въ экономическомъ мірѣ роль, о важности которой излишне было бы распространяться. Во всѣхъ странахъ, гдѣ промышленность находится на пути преобразованій, гдѣ введеніе могущественныхъ механическихъ двигателей, совершившихъ переворотъ въ производствѣ, обусловливаетъ замѣнъ небольшихъ промышленныхъ предпріятій предпріятіями большихъ размѣровъ, гдѣ вслѣдствіе этого капиталъ, необходимый для ихъ устройства и усовершенствованія, становится все болѣе и болѣе значительнымъ, — рѣдко случается, чтобы предприниматели не должны были прибѣгнуть къ займу части этого капитала подъ тою или другою формою. По всей вѣроятности, необходимость эта будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе ощутительною и общеою, по мѣрѣ того,

¹ Съ удовольствіемъ извѣщаемъ нашихъ читателей, что авторъ предлагаемой статьи, г. де Молиари, принадлежащій къ замѣчательнѣйшимъ современнымъ экономистамъ, редакторъ извѣстнаго изданія *Économiste belge*, изъявилъ желаніе быть постояннымъ сотрудникомъ *Русскаго Вѣстника*, и будетъ, кромѣ болѣе или менѣе обширныхъ статей, составляемыхъ по нашему особенному приглашенію, сообщать намъ, отъ времени до времени, обзорніе текущихъ экономическихъ явленій. Въ слѣдующей книжкѣ, вмѣстѣ съ продолженіемъ начатой здѣсь статьи, мы представимъ читателямъ и полученное уже нами первое письмо нашего почтеннаго корреспондента, интересное какъ по важности фактовъ, такъ и по возрѣніямъ автора. *Ред.*

DES CONDITIONS ET DU MÉCANISME DU CRÉDIT ¹

Introduction. — Objet et définition du prêt. — De quels éléments se compose l'intérêt. — Le crédit accordé à la production et le crédit accordé à la consommation. — Analyse de ces deux types de crédit. — La première de ces deux formes prend de plus en plus le pas sur la seconde. — Raison de ce phénomène. — Le capital dans ses rapports avec les opérations de crédit. — Aperçu général de ces opérations. — Les garanties du crédit. — Garanties nécessaires pour l'emprunteur. — Sécurité. — Commerce. — Que se passe-t-il lorsque ces garanties manquent. — Garanties nécessaires pour le prêteur. — Garanties personnelles. Qualités morales et capacités mentales. — Garanties matérielles. Nantissements (gages) mobiliers et immobiliers. — Influence de la législation sur le développement du crédit. — La garantie personnelle protégée par la loi. L'arrestation des débiteurs, et ce qu'il faut en penser. — Comment la loi doit assurer la disponibilité des garanties matérielles. — Obstacles qui s'opposent à cette disponibilité. — Origine de ces obstacles. — Nécessité croissante de leur élimination. — Classification des différents prêts en fonction de leur niveau de garantie. — Crédit personnel, matériel, mobilier et immobilier. — Conclusion.

I.

À notre époque, les établissements de crédit jouent dans l'arène économique un rôle dont l'importance n'a pas besoin d'être prouvée. Dans tous les pays où l'industrie est en voie de transformation, où l'introduction de puissants moteurs mécaniques a révolutionné la production, et causé le remplacement de la petite industrie par la grande, où les capitaux nécessaires à leur construction et à leur amélioration deviennent de plus en plus considérables, il est rare que les entrepreneurs n'aient pas à recourir au crédit, sous une forme ou sous une autre. Selon toute vraisemblance, ce besoin deviendra de plus en plus pressant et général, car l'industrie nécessitera l'emploi

¹ Nous avons le plaisir d'informer nos lecteurs que l'auteur du présent article, M. de Molinari, l'un des économistes contemporains les plus remarquables, et rédacteur en chef du célèbre *Économiste belge*, a exprimé le désir de rejoindre notre *Messenger Russe* en tant que collaborateur régulier. En plus de nous fournir les études plus ou moins étendues que nous lui demanderons, il passera en revue, à intervalles réguliers, les phénomènes économiques du monde contemporain. Dans le prochain volume, en plus de la suite de l'article dont nous publions ici la première partie, nos lecteurs trouveront la première lettre de correspondance économique de notre honorable correspondant, lettre que nous avons déjà reçue, et qui mérite d'être lue, tant pour les faits importants dont l'auteur rend compte que pour les opinions qu'il développe. (*Note de l'éditeur.*)

по мѣрѣ того, какъ возрастающіе успѣхи промышленности потребуютъ большіихъ капиталовъ для всякаго предпріятія. Кредитъ уже и въ настоящее время есть жизненный органъ производства, и ему предназначено съ каждымъ днемъ занимать болѣе и болѣе важное мѣсто въ экономическомъ устройствѣ общества.

Необходимо слѣдовательно хорошо изучить эту важную часть въ механизмѣ производства, — тѣмъ необходимѣе, что могущество кредита, подобно всякой другой силѣ, можетъ быть столь же пагубно при дурномъ его устройствѣ и неразумномъ управленіи, сколько благотѣльно оно, когда организовано здраво и разумно направлено къ пользѣ. Громадныя кредитныя учрежденія, замѣнившія небольшія конторы прежнихъ ростовщиковъ, можно сравнить съ могучими и чудесными паровозами, смѣнившими дилижансы, кукушки (soucouis) и портшезы; они оказываютъ въ тысячу разъ болѣе услугъ; но когда они соскочатъ съ рельсовъ, или лопнутъ ихъ котель, потому ли, что дорога, по которой они слѣдуютъ, непрочна, или дурно ихъ устройство, или наконецъ отъ невѣжества кондукторовъ своихъ, они бываютъ причиною несчастій, несравненно болѣе серьезныхъ, чѣмъ всѣ тѣ, какія могли произойти отъ паденія дилижанса или всякой другой старинной и достопочтенной колымаги: тамъ, гдѣ прежде бывало нѣсколько ушибенныхъ путешественниковъ, теперь сотни жертвъ погибаютъ ужасною смертью.

Такимъ образомъ въ странахъ, гдѣ наиболѣе размножились и развились кредитныя учрежденія, на примѣръ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, раздражались по временамъ ужасающіе кризисы, которые поглащали тысячи заведеній и бросали въ коммерческой міръ внезапное и глубокое разстройство. Кризисы эти, о которыхъ въ прежнее время не было и помину, суть какъ бы взрывы кредитной машины. Жертвы ихъ еще многочисленнѣе оттого, что всѣ народы, благодаря развитію взаимной мѣны, связаны теперь узами обширной экономической солидарности, и каждый изъ нихъ подвергается вліянію благосостоянія своихъ сосѣдей, или бѣдствій, ихъ поражающихъ.

Но избѣжать этихъ ужасающихъ взрывовъ кредитной машины, взрывовъ, передаваемыхъ телеграфомъ, буквально съ быстротою молніи, съ одного конца торговаго міра на другой, можно только двумя способами.

Первый состоялъ бы въ томъ, чтобъ совершенно разобщиться съ другими народами и препятствовать у себя всякому развитію кредитнаго механизма, лишь бы только неподвергаться взрывамъ такой опасной машины. Это было бы почти такъ же разумно, какъ запретить устройство желѣзныхъ дорогъ и вѣчно довольствоваться дилижансами, кукушками и портшезами, во избѣжаніе

d'une quantité sans cesse croissante de capital. Le crédit est déjà un organe vital de la production, et il est destiné à occuper chaque jour une place de plus en plus importante dans la structure économique de la société.

Il est donc nécessaire d'étudier en profondeur cette partie importante du mécanisme de la production ; et cela d'autant plus que le crédit, comme toute autre force, peut tout aussi bien être néfaste lorsque ses assises sont mauvaises et que son organisation est défectueuse, que bénéfique lorsqu'il est organisé de manière judicieuse et intelligemment orienté vers le profit. Les vastes établissements sur crédit qui ont remplacé les petits bureaux des anciens prêteurs sur gages peuvent être comparés aux puissantes et merveilleuses locomotives à vapeur qui ont remplacé les diligences, les coucous et les chaises à porteurs ; ils fournissent des services mille fois supérieurs ; mais lorsqu'ils déraillent des voies ou que leur moteur explose, soit parce que la route qu'ils suivent est instable, soit parce que leur structure même est mauvaise, soit enfin à cause de l'ignorance de leurs conducteurs, ils deviennent la cause de malheurs incomparablement plus graves que tout ce qui aurait pu arriver par suite de la chute d'un carrosse ou de toute autre voiture de l'ancien temps : là où auparavant plusieurs voyageurs en ressortaient blessés, aujourd'hui des centaines de victimes meurent d'une mort effroyable.

Ainsi, dans les pays où les établissements de crédit se sont le plus multipliés et développés, par exemple en Angleterre et aux États-Unis, de terribles crises ont parfois éclaté, qui ont englouti des milliers d'établissements et jeté un désordre soudain et profond dans le monde commercial. Ces crises, dont on ne parlait pas dans le passé, sont comme les explosions de la machine à crédit. Leurs victimes sont d'autant plus nombreuses aujourd'hui que toutes les nations, grâce au développement de leurs échanges réciproques, sont désormais liées par les liens d'une vaste solidarité économique, et que chacune d'elles jouit ou subit l'influence de la prospérité de ses voisins ou des désastres qui les frappent.

Il n'y a que deux manières d'éviter ces terrifiantes explosions des machines à crédit, explosions qui se transmettent par le télégraphe, à la vitesse de l'éclair, d'un bout à l'autre du monde commercial.

La première serait de se désolidariser complètement des autres nations et d'empêcher tout développement du mécanisme du crédit dans notre pays, de manière à éviter de subir les explosions d'une machine aussi dangereuse. Ce serait presque aussi raisonnable que d'interdire la construction des chemins de fer et de se contenter toujours de diligences, de coucous et de chaises à porteurs, dans la

несчастій, происходящихъ отъ соскакиванія поѣзда съ рельсовъ или отъ взрыва паровиковъ.

Второй способъ предупрежденія этихъ кризисовъ состоитъ въ устраненіи несовершенствъ кредитнаго механизма, когда несовершенства эти дѣйствительно и вѣрно усмотрѣны, а болѣе всего въ томъ, чтобы съ мудростію и благоразуміемъ, не исключаящими счастливой отваги духа предпріимчивости, направлять это новое могущество, столь плодотворное и благодѣтельное, но въ то же время столь опасное, если попадаетъ въ неопытныя руки.

Мы считаемъ излишнимъ прибавлять, что въ нашихъ глазахъ этотъ второй способъ есть единственно разумный. По нашему мнѣнію, въ дѣлѣ кредита, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, никогда не должно обращаться назадъ, а смотрѣть впередъ, и только въ прогрессѣ искать врачеванія отъ золь, имъ поражаемыхъ. Намъ не безызвѣстно, что во многихъ странахъ, между прочимъ даже въ Соединенныхъ Штатахъ, послѣднія кредитныя катастрофы произвели въ этомъ отношеніи реакцію въ умахъ, и заставили многихъ подумать, не слѣдуетъ ли ужь остановить развитіе силы, неправильный ходъ которой причиняетъ иногда столько бѣдствій.

Мы постараемся доказать, что реакція эта произведена неполнымъ пониманіемъ кредитнаго механизма, и что пособіе противъ подобныхъ катастрофъ никакъ не заключается въ ограниченіи свободы кредита. Доказательство это мы постараемся вывести изъ самаго описанія обширнаго кредитнаго снаряда и движущихъ его колесъ. Мы начнемъ съ изложенія условій, необходимыхъ для устройства и развитія кредита, далѣе разсмотримъ различныя формы, принимаемая кредитными учрежденіями съ цѣлью удовлетворить разнообразнымъ потребностямъ, которыя вызвали ихъ, потомъ разберемъ употребляемая кредитомъ орудія, каковы банковые билеты, всякаго рода облигаціи, векселя и проч. ; напослѣдокъ мы постараемся разыскать, какими недостатками кредитной машины могутъ быть порождены или усилены кризисы и какихъ пособій требуютъ эти недостатки.

Можетъ-быть это описаніе условій и механизма кредита будетъ, мѣстами, нѣсколько сухо, но мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ серіозною публикой и пишемъ для страны, которая, будучи одушевлена благородною любовью къ прогрессу, понимаетъ въ то же время, что прогрессъ долженъ быть подготовляемъ терпѣливымъ трудомъ науки.

За тѣмъ приступимъ къ дѣлу.

vue d'éviter les malheurs qui sont la suite du déraillement des trains ou de l'explosion des machines à vapeur.

La seconde manière de prévenir ces crises est d'éliminer les imperfections du mécanisme du crédit, lorsque ces imperfections se font réellement et véritablement sentir ; et surtout, d'employer avec sagesse et prudence ce nouveau pouvoir, si fécond et si bienfaisant, car quelles que soient les ressources de l'esprit d'entreprise, ce pouvoir peut venir dangereux s'il tombe entre des mains inexpérimentées.

Il est inutile d'ajouter qu'à nos yeux cette seconde méthode est la seule raisonnable. À notre avis, en matière de crédit, comme en toute autre question, il ne faut jamais revenir en arrière, mais regarder devant, et c'est dans le progrès lui-même qu'il faut chercher un remède aux maux qu'il provoque. Nous n'ignorons pas que dans de nombreux pays, et jusqu'aux États-Unis, les récentes catastrophes du crédit ont provoqué une réaction dans les esprits à ce sujet et qu'elles ont poussé beaucoup de gens à se demander s'il n'était pas nécessaire d'arrêter le développement de cette force dont une direction maladroite était susceptible d'aboutir parfois à de si grands désastres.

Nous tenterons de prouver que cette réaction a été produite par une compréhension incomplète du mécanisme du crédit, et que le remède à de telles catastrophes ne réside en aucune manière dans la limitation de la liberté du crédit. Nous tenterons de tirer cette conclusion de la description même du vaste appareil du crédit et des roues qui l'entraînent. Nous commencerons par exposer les conditions nécessaires à l'organisation et au développement du crédit, puis nous considérerons les différentes formes prises par les établissements de crédit afin de satisfaire aux différents besoins qui les ont suscités, puis nous examinerons les instruments utilisés par le crédit : billets de banque, obligations de toutes sortes, lettres de change, etc. Enfin, nous tenterons de découvrir quels défauts de la machine de crédit sont susceptibles de générer ou d'intensifier les crises, et quelles solutions ces déficiences nécessitent.

Peut-être cette description des conditions et du mécanisme du crédit sera trouvée, par endroits, un peu sèche ; mais nous savons que nous avons affaire à un public sérieux et que nous écrivons pour un peuple qui, animé par un noble amour du progrès, comprend en même temps la nécessité des réformes. Et ces réformes, c'est le travail patient de la science qui les prépare.

Entrons donc en matière.

II.

Цѣль кредита — облегчать и развивать употребленіе капиталовъ, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова.

Подъ словомъ *капиталы* слѣдуетъ разумѣть совокупность всѣхъ агентовъ производства, а именно столько же трудъ и землю, какъ и машины, сырые матеріалы и проч., специально обозначаемые въ терминологіи науки названіемъ капитала. Соображаясь съ принятымъ обычаемъ, мы сохраняемъ въ этой статьѣ общеупотребительныя названія: *трудъ*, *капиталъ* и земля, но считаемъ нужнымъ напомнить въ самомъ началѣ, что хотя и существуютъ физическія различія между этими тремя родами агентовъ производства, тѣмъ не менѣе они подлежатъ одинаковымъ экономическимъ законамъ. Но, говоря о кредитѣ, который равно примѣняется къ труду, капиталу и землѣ, намъ часто случится называть эти разныя части въ механизмѣ производства общимъ и родовымъ именемъ *капиталоеъ*.

Самое происхожденіе слова *кредитъ*, отъ латинскаго слова *credere*, *вѣрить*, *довѣрять*, прекрасно выражаетъ его значеніе, потому что основа кредита есть довѣріе. Довѣрять другому, на болѣе или менѣе долгое время, капиталы, или, говоря другимъ образомъ, вещи, имѣющія цѣнность, *цѣнности*, — вотъ операція кредита. Съ какою же цѣлью поступаютъ такимъ образомъ? Для чего даютъ кредитъ? Для чего даютъ займы? Даютъ *кредитъ*, *даютъ займы*, съ цѣлію вознагражденія или какой-нибудь выгоды матеріальной или нравственной. Это вознагражденіе или выгода имѣютъ различныя названія, смотря по свойству довѣрять емыхъ вещей, но общее названіе есть, какъ извѣстно, *интересъ* (*intérêt*), слово также весьма знаменательное, или *процентъ*.

Берутъ займы (*брать займы*) то же, что получать кредитъ), занимаютъ употребленіе силы, способностей или производительныхъ средствъ человѣка, употребленіе машины, груды сырыхъ матеріаловъ, суммы денегъ, зданія, земли и проч., съ тѣмъ чтобы возратить *вѣрителю* взятую вещь, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени владѣнія ею.

Что же въ такомъ случаѣ должны мы вѣрителю кромѣ возвращенной вещи? мы должны ему цѣну пользованія этою вещью, заключающую въ себѣ: 1) вознагражденіе за порчу вещи и за издержки на ея содержаніе, если они оставались на вѣрителѣ; 2) вознагражденіе за лишеніе, которое могъ испытывать вѣритель, ссужая вещь; 3) премію за рискъ, которому онъ подвергался; наконецъ, 4) долю прибыли или чистаго дохода, болѣе или менѣе значительную, смотря по обстоятельствамъ.

II.

La fonction du crédit est de faciliter et de développer l'usage du capital, dans l'acceptation la plus large qu'on puisse donner à ce mot.

Le terme « capital » désigne la totalité des agents de production, c'est-à-dire que dans l'appellation scientifique, le travail, la terre, les machines, les matières premières, etc., entrent tous dans la dénomination de capital. Suivant l'usage, nous emploierons dans cet article les termes couramment employés de travail, de capital et de terre, mais nous estimons nécessaire de rappeler avant toute chose que s'il existe des différences physiques entre ces trois types d'agents de production, tous sont néanmoins soumis aux mêmes lois économiques. Ainsi, en parlant du crédit, qui s'applique également au travail, au capital et à la terre, il nous arrivera souvent de qualifier ces différentes parties du mécanisme de la production du nom général et générique de capital.

L'étymologie même du mot crédit, du latin *credere*, croire, faire confiance, rend parfaitement sa signification, car la base du crédit, c'est la confiance. Confier à autrui, pour une période de temps plus ou moins longue, des capitaux ou, pour le dire autrement, des choses de valeur ou tout simplement des valeurs, c'est là l'opération même du crédit. Dans quel but agit-on de cette manière ? Pourquoi accorde-t-on du crédit ? Pourquoi prête-t-on ? On accorde du crédit, on prête, en vue d'une rémunération ou d'un avantage quelconque, matériel ou moral. Cette rémunération ou cet avantage portent des noms différents, selon la nature des choses confiées, mais le nom général est, comme on le sait, l'intérêt, autre mot plein de sens.

On emprunte (et emprunter revient à recevoir un prêt), on emprunte pour utiliser la force, les capacités ou les moyens de production d'une personne, pour utiliser une machine, employer une certaine quantité de matières premières, une somme d'argent, des bâtiments, des terrains, etc., et pour restituer la chose empruntée au prêteur après une période de possession plus ou moins longue.

Dans ce cas, que devons-nous au prêteur, au-delà de la chose restituée ? Nous lui devons le prix d'utilisation de cette chose, qui comprend : 1) l'indemnisation des dommages causés à la chose et des frais de son entretien, s'ils sont restés à la charge du prêteur ; 2) une rémunération pour la privation que peut subir le prêteur en abandonnant temporairement la jouissance de la chose ; 3) une prime couvrant le risque auquel il est exposé ; enfin, 4) une part du bénéfice ou du résultat net, plus ou moins importante selon les cas.

Таковы элементы, изъ которыхъ состоитъ цѣна пользованія капиталомъ. Таковы обязательства заемщика. Теперь спрашивается, что можетъ заставить рѣшиться на заемъ, несмотря на эти обязательства?

Есть двѣ категорій заемщиковъ: 1) тѣ, которые берутъ займы капиталы съ цѣлью употребить ихъ на производство; 2) тѣ, которые берутъ ихъ съ цѣлью собственнаго потребленія, не имѣя въ виду никакого производительнаго предпріятія.

Когда дѣло идетъ о производствѣ, заемъ можетъ быть выгоденъ только при слѣдующихъ условіяхъ. Вѣроятные результаты производства должны быть таковы, чтобъ они могли доставить заемщику необходимую сумму на покрытіе процента съ занятаго капитала и вознагражденіе за трудъ его, также какъ и за рискъ его предпріятія. Въ противномъ случаѣ никто не станетъ занимать, развѣ только человѣкъ, обманывающій себя на счетъ вѣроятныхъ результатовъ предпріятія, или имѣющій безчестное намѣреніе присвоить себѣ взятый займы капиталъ.

Когда дѣло идетъ о потребленіи, то занять съ пользою можно только въ такомъ случаѣ, когда потребности настоящаго, котормъ нужно удовлетворить, настоятельностью своею и силою оправдываютъ употребленіе дополнительныхъ средствъ, которыя въ послѣдствіи, въ ущербъ удовлетворенію будущихъ потребностей, должны быть возвращены, съ прибавкою постепенно нарастающихъ процентовъ. Если, какъ это часто случается, особенно въ молодости, человѣкъ не отдаетъ себѣ полнаго отчета ни въ нуждахъ будущаго, ни въ средствахъ, которыя тогда найдутся у него для удовлетворенія этихъ нуждъ, однимъ словомъ, если онъ не имѣетъ дара *предусмотрительности*, то займами для потребленія причинить себѣ большой вредъ въ будущемъ.

Итакъ вотъ двѣ главныя категорій займовъ: 1) *займы производительные*, 2) *займы потребительные*.

Если мы бросимъ взглядъ на прошедшее, то найдемъ, что займы перваго рода, составлявшіе прежде меньшинство, въ наше время пріобрѣтаютъ все большій и большій перевѣсъ надъ вторыми. Разсмотримъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершилось это измѣненіе.

Въ первыя времена цивилизаціи, мы находимъ производительный кредитъ мало развитымъ, потому что и самое производство находится еще въ дѣтствѣ. Въ самой средѣ семейства производится почти все, что служитъ для потребленія членовъ этого первобытнаго товарищества, и для производства употребляется земля, рабочей скотъ, орудія, запасы, трудъ и проч., только тѣ, какими располагаетъ семья. Кредитъ появляется

Tels sont les éléments qui composent le prix d'utilisation du capital ; ce sont les obligations de l'emprunteur. Maintenant, la question est la suivante : qu'est-ce qui peut vous décider à contracter un emprunt, malgré ces obligations ?

On peut distinguer deux catégories d'emprunteurs : 1) ceux qui empruntent du capital dans le but de l'utiliser pour la production ; 2) ceux qui l'empruntent pour leur propre consommation, sans avoir en vue aucun emploi productif.

Dans le cours de la production, un prêt ne peut être bénéfique que sous certaines conditions. Les résultats probables de la production doivent être tels qu'ils puissent fournir à l'emprunteur la somme nécessaire pour couvrir les intérêts du capital emprunté, la rémunération de son travail, et les risques de son entreprise. Lorsque ces conditions ne sont pas remplies, personne n'emprunte — sauf celui qui se trompe sur les résultats probables de son entreprise, ou celui qui a l'intention malhonnête de s'approprier le capital emprunté.

En ce qui concerne la consommation, il n'est possible d'emprunter avec profit que dans le cas où les besoins du temps présent, devant être satisfaits, justifient par leur urgence et leur force le recours à des ressources supplémentaires, qui seront restituées par la suite avec une augmentation due à l'intérêt, et ce au détriment de la satisfaction des besoins futurs. Si, comme cela arrive souvent, surtout dans le temps de la jeunesse, un individu n'a pleinement conscience ni des besoins de l'avenir ni des moyens dont il disposera dans ce temps éloigné pour satisfaire à ces besoins, en un mot s'il n'a pas le don de la prudence, alors les prêts à la consommation produiront un grand mal futur.

Tels sont donc les deux grandes catégories de prêts : 1) les prêts productifs, 2) les prêts à la consommation.

Si l'on examine le passé, on constate que les emprunts du premier type, autrefois minoritaires, acquièrent de nos jours une prépondérance de plus en plus grande sur les seconds. Considérons sous l'influence de quels phénomènes ce changement a lieu.

Aux premiers jours de la civilisation, le crédit productif est peu développé, car la production elle-même en est encore à ses premiers balbutiements. Presque tout ce qui sert à la consommation des membres d'un groupe familial est produit au sein de cette petite société primitive, et pour la production l'on n'emploie que les terres, le bétail, les outils, les fournitures, la main-d'œuvre, etc., que la famille possède en propre. Le crédit n'apparaît timidement que

почти только тогда, когда внезапное бѣдствіе, война, неурожай, падежъ скота, неожиданно увеличиваютъ расходы маленькой общины, или отнимаютъ у нея средства, на которыя она рассчитывала. Лишь съ того времени, какъ раздѣленіе труда и мѣна стали измѣнять этотъ первобытный видъ производства, кредитъ въ свою очередь начинаетъ принимать въ немъ правильное участіе.

Мѣна и раздѣленіе труда имѣли слѣдствіемъ упрощеніе и вмѣстѣ увеличеніе производства. Люди перестали производить все въ средѣ семейства, а производятъ исключительно только нѣкоторыя вещи и вымѣниваютъ на нихъ въ большемъ количествѣ всѣ другія, въ которыхъ нуждаются. Но чтобъ привести въ дѣйствіе эту спеціальную мастерскую, заводимую по болѣе или менѣе обширному плану, смотря по обширности сбыта, производительныхъ силъ семейства рѣдко бываетъ достаточно. Чтò же вслѣдствіе этого дѣлаютъ? Къ этимъ силамъ прибавляютъ другія, или въ видѣ ассоціаціи, или въ видѣ займа. Иногда производители, прежде работавшіе отдѣльно, соединяютъ вмѣстѣ свои производительныя средства: земли, постройки, орудія, матеріалы, трудъ; основываютъ такимъ образомъ общее предпріятіе и дѣлятъ между собою доходы съ него, сообразно со вкладомъ каждаго. Иногда же заемъ беретъ верхъ. Предприниматель занимаетъ услуги болѣе или менѣе значительнаго числа работниковъ, нанимаетъ землю, зданія, машины; беретъ взаемъ сырые матеріалы, запасы; если же изобрѣтена монета, то онъ въ особенности занимаетъ деньги, съ которыми можетъ добыть все остальное.

Кредитъ всегда болѣе или менѣе участвуетъ въ этихъ операціяхъ, представляющихъ сочетаніе займа съ куплей. Вотъ напримѣръ какъ это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда товаромъ бываетъ трудъ: предприниматель покупаетъ трудъ работниковъ за сумму денегъ или условленное количество извѣстныхъ товаровъ, и расплачивается, когда уже выполнено или сдано извѣстное количество работы; иногда, впрочемъ въ рѣдкихъ случаяхъ, онъ платитъ за трудъ впередъ. Въ первомъ случаѣ работники даютъ кредитъ предпринимателю; во второмъ напротивъ предприниматель даетъ кредитъ работникамъ. Почти то же бываетъ, когда дѣло идетъ о земляхъ, строеніяхъ, орудіяхъ или рабочемъ скотѣ. Иногда ренту, или наемную плату за нихъ, вносятъ впередъ; иногда, и это случается гораздо чаще, за наемъ этотъ платятъ уже послѣ того какъ, въ продолженіи опредѣленнаго срока, пользовались взятымъ займа агентомъ производства. Точно то же бываетъ по отношенію къ сырымъ матеріаламъ и къ денежнымъ суммамъ, Но въ самой природѣ

lorsqu'un désastre soudain, une guerre, une mauvaise récolte, une perte de bétail, augmente de manière inattendue les dépenses de la petite communauté ou la prive des ressources sur lesquelles elle comptait. Ce n'est qu'à partir du moment où la division du travail et le troc ont commencé à modifier ce type primitif de production que le crédit, à son tour, a commencé à y jouer un rôle.

L'échange et la division du travail aboutissaient à une simplification et, en même temps, à une augmentation de la production. Les hommes ont cessé de tout produire au sein de la famille ; ils produisent exclusivement certaines denrées, en plus grande quantité, et ils les échanent ensuite contre toutes les autres denrées dont ils ont besoin. Mais pour assurer le fonctionnement de cette structure de production, établie selon un plan plus ou moins étendu, en fonction de l'étendue des marchés, les forces productives de la famille suffisent rarement. Que fait-on alors ? Aux forces productives de la famille, on en joint d'autres, soit par l'association, soit par l'emprunt. Ici, des producteurs qui travaillaient auparavant séparément, combinent leurs moyens de production — terres, bâtiments, outils, matériaux, travail ; ils créent ainsi une entreprise commune et se répartissent entre eux les revenus qui en proviennent, sur la base de la contribution de chacun. Là, le prêt intervient : un chef ou entrepreneur s'adjoit les services d'un nombre plus ou moins important de travailleurs, loue des terrains, des bâtiments, des machines ; il emprunte des matières premières et des fournitures ; si la monnaie a déjà été inventée, alors il emprunte surtout sous la forme d'argent ou de numéraire, au moyen duquel il peut acquérir ensuite tout le reste.

Le crédit intervient toujours plus ou moins dans ces opérations qui tiennent à la fois du prêt et de l'achat. Voici, par exemple, comment cela se fait dans les cas où la marchandise est du travail : l'entrepreneur achète le travail pour une somme d'argent ou une quantité convenue de biens déterminés, et il paie cette somme lorsqu'une certaine quantité de travail a été accomplie, ou lorsque le produit est terminé ou livré ; parfois, mais rarement, il paie la main-d'œuvre à l'avance. Dans le premier cas, les travailleurs accordent un prêt à l'entrepreneur ; dans le second, à l'inverse, l'entrepreneur accorde un prêt à ceux qu'il emploie. La même chose a lieu lorsqu'il s'agit de terrains, de bâtiments, d'outils ou de bétail. Parfois, le loyer, ou le montant correspondant au loyer, est payé à l'avance ; parfois, et cela arrive beaucoup plus souvent, ce loyer n'est payé qu'après l'utilisation de cet agent de la production pendant un certain temps. Il en va exactement de même en ce qui concerne les matières premières et le numéraire ; mais dans la nature même de

этих займовъ есть существенныя различія, на которыя слѣдуетъ указать.

Если вы занимаете услуги работника, съ условіемъ заплатить ему за нихъ по истеченіи опредѣленнаго срока, то онъ ни сколько не рискуетъ капиталомъ производительныхъ своихъ способностей, предоставляя вамъ пользованіе ими. Въ случаѣ банкротства, ему угрожаетъ только потеря цѣнности тѣхъ услугъ, которыя онъ вамъ предоставилъ. Владѣльцы земель и строеній, отдающіе въ наемъ эти орудія производства, находятъ въ такомъ же положеніи. Но когда дѣло идетъ о машинахъ, инструментахъ, рабочемъ скотѣ и проч., присвоить которые гораздо легче, рискъ ссуды увеличивается; еще болѣе увеличивается онъ, когда дѣло идетъ о сырыхъ матеріалахъ и денежныхъ суммахъ. Если и случается, что предприниматель даетъ кредитъ работнику и владѣльцу земель или строеній, то самъ онъ всегда пользуется кредитомъ отъ капиталиста, который ссужаетъ его сырыми матеріалами или денежными суммами, то есть тою частію употребляемаго въ дѣло капитала, которую мы обыкновенно называемъ *капиталомъ оборотнымъ* (*capital circulant*)¹. Я говорю, что онъ всегда пользуется кредитомъ, когда дѣло идетъ о займѣ оборотнаго капитала, даже и тогда, когда проценты или плата за наемъ его выдаются впередъ, и тѣмъ болѣе, если этотъ процентъ или эта плата выдаются только по истеченіи извѣстнаго времени, въ срокъ, назначенный особеннымъ условіемъ или опредѣленный установившимся обычаемъ. Почему же такъ? Потому что при ссудѣ *оборотнаго капитала* вѣритель всегда рискуетъ потерять, не только наемную плату (процентъ) за капиталъ, но и самый капиталъ свой.

Вотъ почему также названіе кредита прилагается почти только къ займу однихъ оборотныхъ капиталовъ.

Въ тѣ времена, когда монета еще не существовала, предметомъ займовъ могли быть только земли, зданія, орудія, рабочій скотъ, сырые матеріалы, запасы, трудъ. Но какъ мы сейчасъ видѣли, въ тѣ времена, по причинѣ препятствія, поставляемаго распространенію мѣны отсутствіемъ монеты, производство было еще въ зародышѣ, займы были рѣдки, кредитъ едва существовалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтена монета, предметомъ займовъ большею частію становятся денежные цѣнности, *дѣйствительныя* или только *вѣрительныя*, звонкая монета или бумажныя деньги. Когда кто-нибудь затѣваетъ промышленное предпріятіе или хочетъ основать какое-нибудь

¹ Въ старину у Французскихъ легистовъ эта часть капитала называлась *capital fongible, капиталомъ потребительнымъ*.

ces prêts, il existe des différences significatives qu'il convient de souligner.

Lorsque vous empruntez les services d'un travailleur en vous engageant à le payer après un certain laps de temps, celui-ci ne met aucunement en péril le capital représenté par ses capacités productives en vous permettant de les utiliser. En cas de faillite, il ne fait face qu'à la perte de la valeur des services qu'il vous a rendus. Les propriétaires de terrains et de bâtiments qui louent ces instruments de production se trouvent dans la même situation. Mais lorsqu'il s'agit de machines, d'outils, de bétail, etc., toutes choses beaucoup plus faciles à s'approprier, le risque du prêteur augmente ; et il est encore plus élevé lorsqu'il s'agit de matières premières et de sommes d'argent ou de numéraire. Lorsqu'un entrepreneur accorde un prêt à un ouvrier, ou au propriétaire d'un terrain ou d'un bâtiment, il le fait toujours en utilisant lui-même le produit d'un prêt provenant d'un capitaliste, lequel lui prête des matières premières ou du numéraire, c'est-à-dire la partie du capital utilisé en affaires que l'on appelle couramment *capital circulant*.¹ Je dis qu'il a toujours recours au crédit lorsqu'il s'agit de constituer son fonds de roulement, même lorsque les intérêts ou le paiement de son travail sont assurés à l'avance, et encore plus si ces intérêts ou paiements ne sont demandés qu'après un certain laps de temps, dans les délais assignés par un contrat exprès ou déterminés par une coutume établie. Pourquoi en est-il ainsi ? C'est qu'en prêtant du *fonds de roulement*, le prêteur court toujours le risque de perdre non seulement le loyer du capital (intérêts), mais aussi le capital lui-même.

C'est pourquoi le terme de crédit ne s'attache presque qu'au seul prêt en fonds de roulement.

Au temps où la monnaie n'existait pas encore, les prêts ne pouvaient se faire que sous la forme matérielle de terrains, de bâtiments, d'outils, de bétail, de matières premières, de fournitures et de main-d'œuvre. Mais à cette époque, comme nous l'avons vu précédemment, en raison de l'obstacle que l'absence de monnaie opposait au développement des échanges, la production n'en était encore qu'à ses premiers balbutiements ; les prêts étaient rares, le crédit existait à peine. À partir de l'invention de la monnaie, les prêts ont pu s'opérer, dans leur majorité, sous forme de numéraire, ou revêtir même la forme de simple titres de créance. Lorsqu'un individu lance une entreprise ou veut fonder une sorte d'établissement industriel,

¹ Autrefois, les juristes français appelaient cette partie du capital *capital fongible*.

производственное заведение, не обладая всѣмъ нужнымъ на это капиталомъ, денежнымъ или состоящимъ изъ необходимыхъ орудій, — что дѣлаетъ онъ тогда? Занимаетъ сумму денегъ, нужную для пополненія капитала, который у него есть. Какъ же употребляетъ онъ эту сумму денегъ? Онъ употребляетъ ее на покупку или на наемъ дѣятелей или производительныхъ услугъ, долженствующихъ содѣйствовать предпріятію. При покупкѣ земель и зданій расплачиваются занятыми деньгами; большею же частію земли и зданія только нанимаются. Въ такомъ случаѣ дѣлается менѣе значительный заемъ, потому что тогда не нужно уплатить всей цѣнности этихъ дѣятелей производства, а уплачивается только цѣнность временнаго пользованія ими, и то не вдругъ. Остаются инструменты, сырые матеріалы и трудъ, которые надо покупать, или на наличныя деньги, или разсрочивая уплату, то-есть при посредствѣ или безъ посредства кредита, и которые безпрестанно должны быть возобновляемы (сырые матеріалы и трудъ въ особенности). Еслибъ отъ владѣльцевъ земель, зданій, машинъ, сырыхъ матеріаловъ, и отъ работниковъ можно было получить кредитъ на столько времени, сколько нужно для того, чтобъ была возможность заплатить имъ за ссуженныя ими продукты или услуги произведеніями предпріятія, когда послѣднія уже будутъ *реализованы*, то-есть обращены въ деньги, — то можно бы было обойтись безъ займа денежнаго капитала для того, чтобъ пустить въ ходъ предпріятіе и вести его. Кредитъ тогда былъ бы, какъ говорится, *натурой*, то-есть въ видѣ самыхъ произведеній или услугъ, которыя надо было бы пустить въ дѣло. Но такой случай бываетъ рѣдко и никогда не осуществляется вполнѣ. Обыкновенно за пользованіе землею, зданіями, производительными способностями рабочихъ, надо заплатить, то-есть выплачивать ренту, наемъ и заработную плату; надо также заготовить деньги для возобновленія инструментовъ и сырыхъ матеріаловъ, за долго до продажи производимыхъ вещей.

Но если никогда не случается, чтобы работники, обладатели различныхъ дѣятелей, необходимыхъ для производства, давали все въ кредитъ предпринимателю до *реализаціи*, или обращенія въ деньги его произведеній; если, слѣдовательно, предпринимающій долженъ имѣть капиталъ для вознагражденія дѣятелей, которыхъ содѣйствіемъ онъ пользуется, за то иногда случается, что капиталъ этотъ доставляется самимъ покупщикомъ. Случай этотъ встрѣчается въ тѣхъ странахъ, гдѣ чувствуется недостатокъ капиталовъ для производства, и гдѣ работаютъ для другихъ странъ, болѣе изобилующихъ капиталами. Такъ напримѣръ англійскіе негоціанты, покупающіе строевой лѣсъ, поташъ,

et cela sans disposer de tout le capital nécessaire, en argent ou en outils, que fait-il ? Il emprunte la somme d'argent nécessaire pour constituer le capital dont il usera ensuite. Comment utilisera-t-il alors cette somme d'argent ? Il l'utilisera pour embaucher des travailleurs ou pour payer les services productifs nécessaires à l'activité qu'il entreprend. Lorsqu'il acquerra des terrains ou des bâtiments, il paiera avec de l'argent emprunté ; la plupart des terrains et des bâtiments ne sont que loués. Dans ces cas, on n'emprunte que de moindres sommes, car on n'a pas besoin de payer la valeur totale de ces agents de la production ; on ne doit que la valeur de leur utilisation temporaire, et de plus le paiement ne s'en fait pas soudainement. Restent les outils, les matières premières et la main-d'œuvre, qu'il faut acheter soit au comptant, soit payer par termes, c'est-à-dire acquérir avec ou sans crédit, et qui doivent être constamment renouvelés (les matières premières et la main-d'œuvre notamment). S'il était possible d'obtenir un prêt de la part des propriétaires de terrains, de bâtiments, de machines, de matières premières et de la part des travailleurs, pendant tout le temps qui est nécessaire à la production pour fournir les produits ou services qui, convertis en argent, puissent faire office de paiement, alors on pourrait se passer d'emprunter du capital-argent pour lancer l'entreprise et la faire fonctionner. Le crédit serait alors, comme on dit, en nature, c'est-à-dire qu'il se présenterait sous la forme de produits ou de services employés pour la production. Mais un tel cas arrive rarement, il ne se réalise jamais pleinement. Généralement, pour utiliser des terres, des bâtiments et du travail, il faut payer : c'est-à-dire qu'il faut payer un loyer et des salaires ; il faut aussi mettre de côté de l'argent pour le renouvellement des outils et des matières premières, et cela bien avant la vente du résultat de la production.

Mais s'il n'arrive jamais que les ouvriers et les propriétaires des divers biens nécessaires à la production fournissent tout à crédit à l'entrepreneur avant la vente ou la conversion de ses produits en argent ; si donc l'entrepreneur doit disposer d'un capital pour rémunérer les travailleurs dont il emploie le concours, il arrive parfois que ce capital soit fourni par l'acheteur lui-même. Ce cas se produit dans les pays où il existe une pénurie de capital disponible pour la production et où l'on travaille pour d'autres pays disposant de capitaux en abondance. Ainsi, par exemple, les marchands anglais qui achètent du bois, de la potasse et des graines oléagineuses dans les colonies et en Russie fournissent généralement de l'argent à l'avance aux

маслянистыя сѣмена въ колоніяхъ и въ Россіи, даютъ обыкновенно деньги за нихъ впередъ производителямъ. Въ такомъ случаѣ процентъ ссуды является видомъ уменьшенія продажной цѣны товара.

Но чаще всего случается, что капиталъ, необходимый для какого-нибудь предпріятія, даютъ вкладчики (*baillieurs de fond*), вступающіе въ товарищество съ предпринимателемъ и раздѣляющіе шансы его предпріятія, получая при томъ доходъ болѣе или менѣе значительный, смотря по выгодамъ, какія доставляетъ предпріятіе; или же капиталъ этотъ даютъ заимодавцы (*prêteurs*), которые получаютъ за него процентъ, обыкновенно также сообразный съ выгодами предпріятія.

Теперь остается узнать, какія условія необходимы для того, чтобы число этого рода займовъ могло возрасти, чтобы могъ развиваться кредитъ, который мы назвали производительнымъ, и который долженъ обратить на себя наше особенное вниманіе.

III.

Условія эти заключаются въ извѣстномъ числѣ гарантій или обезпеченій, какія должны имѣть и заемщикъ и вѣритель.

1. *Обезпеченія, необходимыя заемщику.* Никакое производительное предпріятіе не можетъ состояться, если предпринимашій не можетъ разсчитывать на такой доходъ, который, впервыхъ, покрывалъ бы издержки производства, включая и проценты съ занятаго капитала, а вовторыхъ доставлялъ бы чистую прибыль, которая бы вознаградила его за трудъ и рискъ.

Существованіе этой обезпеченности зависитъ отъ двояката рода гарантій, изъ которыхъ однѣ присущи самому предпріятію, другія же относятся къ сбыту его произведеній.

Впервыхъ надо, чтобъ право собственности было совершенно обезпечено, чтобы не только нельзя было опасаться возможности несправедливаго лишенія капитала, затраченнаго на производство, но чтобы и самая продажа произведеній не была затруднена или ненадежна, вслѣдствіе недобросовѣстности частныхъ лицъ, соединенной съ недостатками законодательства.

Вовторыхъ, надобно располагать сбытомъ достаточно обширнымъ и постояннымъ. Имѣть сбытъ значить имѣть возможность разсчитывать на кругъ покупателей (*une clientèle*), желающихъ приобрести производимый товаръ за цѣну, достаточную на покрытие издержекъ производства и на доставленіе обыкновенной прибыли. Сбытъ долженъ быть достаточно великъ, чтобы поглащать, по выгодной цѣнѣ, все количество производимыхъ товаровъ; онъ долженъ быть достаточно постояненъ, для того чтобы не было мѣста опасенію лишиться его, частію или

producteurs qu'ils commissionnent. Dans ce cas, les intérêts du prêt constituent une sorte d'acompte et viennent en réduction du prix de vente.

Mais le plus souvent il arrive que le capital nécessaire à toute entreprise est apporté par des bailleurs de fonds, qui s'associent à l'entrepreneur et partagent les risques de son entreprise, et qui perçoivent un revenu plus ou moins important, selon les bénéfices que l'entreprise génère ; ou bien ce capital est apporté par de simples prêteurs, qui en perçoivent des intérêts, calculés généralement aussi en fonction des bénéfices de l'entreprise.

Reste maintenant à savoir quelles sont les conditions nécessaires pour que le nombre de ce type de prêts puisse augmenter, et pour que se développe le crédit que nous avons qualifié de productif et qui doit retenir particulièrement notre attention.

III.

Ces conditions consistent en un certain nombre de garanties ou de dispositions, dont doivent disposer tant l'emprunteur que le prêteur.

1. *Garantie exigée par l'emprunteur.* Aucune entreprise productive ne peut avoir lieu si l'entrepreneur ne peut compter sur un revenu qui, d'une part, couvre les coûts de la production, y compris les intérêts du capital emprunté, et qui, d'autre part, lui procure un bénéfice net qui lui serve de récompense pour son travail et pour les risques encourus.

L'existence de cette sécurité dépend de deux types de garanties, dont certaines sont inhérentes à l'entreprise elle-même, tandis que d'autres ont plutôt rapport à la commercialisation des produits qui en sont le fruit.

Premièrement, il est nécessaire que le droit de propriété soit pleinement garanti, afin que non seulement il n'y ait aucune crainte d'une éventuelle privation injuste du capital consacré à la production, mais aussi que la vente des produits elle-même ne soit pas rendue difficile ou hasardeuse en raison de la malhonnêteté des particuliers, combinée aux lacunes de la législation.

Deuxièmement, il est nécessaire de disposer d'un marché suffisamment étendu et constant. Cela signifie de pouvoir compter sur un cercle d'acheteurs (une clientèle) désireux d'acquérir le produit en cours de fabrication à un prix suffisant pour couvrir les coûts de production et procurer un profit ordinaire. Les ventes doivent être suffisamment importantes pour absorber, à un prix avantageux, la totalité de la quantité des biens produits ; elles doivent être suffi-

совершенно, отъ запретительной ли мѣры, если сбыть этотъ за границей, или отъ налога на потребленіе, на предметы роскоши, или какънибудь иначе, если онъ существуетъ внутри государства.

Что же случится, если этихъ обезпеченій не будетъ у производителя? Безъ сомнѣнія, всѣ будутъ производить, потому что надо производить, чтобъ поддерживать существованіе; но предпріятія будутъ крайне мало развиты, потому что ни у кого нѣтъ охоты подвергать имущество свое неизбѣжному риску. Занимать будутъ еще менѣе, ибо займы потребуютъ процентовъ, превосходящихъ вѣроятные барыши отъ предпріятій.

Въ томъ положеніи, которое мы сейчасъ описали, для производства употребляютъ сколько возможно меньшее количество капитала, и при выручкѣ барышей отнюдь не обращаютъ ихъ на большее развитіе своей промышленности и не даютъ ихъ взаймы другимъ промышленникамъ; они идутъ на собственное потребленіе или обращаются въ драгоцѣнные камни, металлы и тому подобныя вещи, которыя легче уберечь отъ частныхъ и общественныхъ воровъ.

Итакъ отсутствіе обезпеченій, необходимыхъ промышленникамъ-предпринимателямъ для того, чтобъ производство могло развиваться, еще болѣе задерживаетъ развитіе кредита.

II. *Обезпеченія, необходимыя вѣрителю.* Гарантіи, требуемыя заимодавцемъ отъ предпринимателя для того, чтобы довѣрить ему свой капиталъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на гарантіи *личныя* и гарантіи *вещественныя*. Разсмотримъ ихъ поочередно.

Личныя гарантіи основываются на нравственныхъ качествахъ и умственныхъ способностяхъ предпринимателя.

Нравственные качества составляютъ необходимѣйшія обезпеченія кредита. Если занимающій не честенъ или только не аккуратенъ, если онъ склоненъ къ мотовству, лѣнливъ, развратенъ, то ему едва ли удастся найдти капиталъ, какъ бы велики ни были его умственные и дѣловыя способности. Поэтому-то въ странахъ, гдѣ мало развита нравственность, кредитъ также мало развивается, ибо матеріальныя гарантіи не могутъ восполнить недостатокъ гарантіи личныхъ. Въ такихъ странахъ страховая премія, долженствующая вознаграждать за рискъ ссуды, очень велика, кредитъ дорогъ, и потому ограниченъ. Съ другой стороны, боязливыя предосторожности, вызываемыя ненадежностію заемщиковъ, поставляютъ также препятствія распространенію кредита. Изъ этого видно, какую важную, до сихъ поръ недостаточно оцѣненную роль играютъ нравственные качества въ производствѣ богатства. И дѣйствительно, безъ нравственныхъ

samment constantes pour qu'il n'y ait pas lieu de craindre d'en être privé, en partie ou en totalité, par une mesure prohibitive, si la vente a lieu à l'étranger, ou par un impôt sur la consommation, sur les produits de luxe, ou de toute autre manière, s'il a lieu à l'intérieur de la nation.

Que se passera-t-il si le fabricant n'est pas placé dans de telles circonstances ? Sans aucun doute, tout le monde continuera à produire, car il faut produire pour vivre ; mais les entreprises seront extrêmement sous-développées, car personne ne se plaît à exposer ses biens à des risques inévitables. On empruntera encore moins, car les prêts nécessiteront des taux d'intérêt supérieurs aux bénéfices probables des entreprises.

Dans la situation que nous venons de décrire, on utilisera le moins de capital possible pour la production, et lorsqu'on réalisera des bénéfices, ils ne seront pas employés aux progrès de l'industrie, pas plus qu'à fournir des ressources à d'autres industriels ; on les destinera à la consommation personnelle ou ils seront transformés en pierres précieuses, en métaux et en objets similaires, plus faciles à protéger des atteintes des voleurs privés et publics.

Ainsi, le défaut de la sécurité nécessaire aux entrepreneurs d'industrie pour que la production puisse se développer retarde encore davantage le développement du crédit.

II. *Dispositions exigées par le prêteur.* Les garanties exigées par le prêteur à l'égard de l'entrepreneur pour lui confier son capital peuvent être divisées en deux catégories : d'un côté les garanties *personnelles* ; de l'autre les garanties *matérielles*. Examinons-les les unes après les autres.

Les garanties personnelles reposent sur les qualités morales et les capacités mentales de l'entrepreneur.

[Les qualités morales constituent les garanties les plus essentielles du crédit. Que l'emprunteur manque de probité ou simplement d'exactitude, qu'il ait un goût exagéré pour la dépense, qu'il soit paresseux, débauché, et il réussira difficilement à se procurer un capital, quelles que soient, du reste, son intelligence et son aptitude aux affaires. Dans les pays où la moralité est peu répandue, le crédit est peu développé, car les garanties matérielles ne suppléent qu'imparfaitement aux garanties personnelles. Dans ces pays, la prime destinée à couvrir le risque du prêt est très élevée ; le crédit est cher, partant restreint. D'un autre côté, les précautions méticuleuses qui sont nécessaires pour obvier au manque de foi des emprunteurs constituent encore autant d'obstacles à l'extension du crédit. On voit par là quel rôle considérable jouent les qualités morales dans la

качество нѣтъ кредита, а безъ кредита невозможно развитіе про изводства.

Иные народы отличаются врожденною нравственностію тать же, какъ другіе умомъ или красотой. Монтескѣ довольно вѣрно замѣтилъ, что на югѣ менѣе врожденной нравственности, чѣмъ на сѣверѣ. « Вы встрѣтите, говоритъ онъ, въ сѣверномъ климатѣ народы, у которыхъ пороковъ немного, но довольно добродѣтелей, много искренности и откровенности. По мѣрѣ приближенія къ югу вамъ покажется, что вы удаляетесь отъ самой нравственности, сила страстей здѣсь умножаетъ преступления; всякій старается пріобрѣсти себѣ насчетъ другихъ всѣ преимущества, которыя могутъ служить этимъ страстямъ... Тамъ легче переносятъ наказанія, чѣмъ борьбу съ своими страстями; самое рабство кажется тамъ сноснѣе, чѣмъ сила духа, необходимая для управленія собою »¹. Однакожь замѣчаніе это не вполне справедливо и допускаетъ множество исключеній. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что нравственные качества, такъ же какъ и умственные способности, могутъ развиваться образованіемъ. Къ несчастію, нравственному образованію человѣка не достаетъ еще очень многого. Духовенство, на которомъ въ особенности лежитъ эта обязанность, часто жертвуетъ нравственнымъ ученіемъ догматическому. Надобно замѣтить, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ соперничаютъ нѣсколько разныхъ вѣроисповѣданій, нравственное образованіе занимаетъ должное мѣсто въ воспитаніи. Нужно ли и говорить, что, съ этой точки зрѣнія, свобода вѣроисповѣданій получаетъ огромное экономическое значеніе?

Замѣтимъ также, что необходимость прочнаго нравственнаго воспитанія чувствуется все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ промышленность развивается и организуется на болѣе широкомъ основаніи. Когда машины и способы производства находились въ первобытномъ состояніи несовершенства и грубости, когда сбытъ не могъ быть обширенъ по причинѣ трудности и дороговизны сообщеній, тогда объемъ предпріятій и важность ихъ были ограниченны. Въ то время достаточно было небольшого капитала на издержки для начала и веденія предпріятія. Но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось. Инструменты и способы производства сильно подвинулись на пути усовершенствованія, и сбытъ расширяется, благодаря постепенному уменьшенію естественныхъ и искусственныхъ препятствій, которыя дробили поле потребленія на мелкіе участки. Вслѣдствіе этого должны были возрасти и размѣры предпріятій. Нынѣ они требуютъ капиталовъ все болѣе и болѣе значительныхъ, такъ что имущество одного лица не

¹ *Esprit des lois*, книга XIV, глава. VI.

production de la richesse. Sans crédit, en effet, point de production développée, et sans qualités morales, point de crédit.

Il y a des populations qui sont naturellement plus morales que d'autres, comme il y en a de plus intelligentes et de plus belles. C'est une remarque assez vraie de Montesquieu qu'il existe moins de moralité naturelle dans le Midi que dans le Nord. « Vous trouverez, dit-il, dans les climats du Nord des peuples qui ont peu de vices, assez de vertus, beaucoup de sincérité et de franchise. Approchez des pays du Midi, vous croirez vous éloigner de la morale même ; des passions plus vives multiplieront les crimes, chacun cherchera à prendre sur les autres tous les avantages qui peuvent favoriser ces mêmes passions... ; la plupart des châtimens y seront moins difficiles à soutenir que l'action de l'âme, et la servitude moins insupportable que la force d'esprit qui est nécessaire pour se conduire soi-même¹. » Cette observation n'est pas vraie toutefois d'une manière absolue ; elle comporte de nombreuses exceptions. À quoi il faut ajouter que les qualités morales comme les facultés intellectuelles sont susceptibles de se développer par la culture. Malheureusement, la culture morale de l'homme laisse encore beaucoup à souhaiter. Le clergé qui en est principalement chargé, néglige presque partout l'enseignement de la morale appliquée. C'est seulement dans les pays où plusieurs cultes se font une pleine concurrence, que la culture morale occupe la place qui lui revient dans l'éducation. Envisagée à ce point de vue, la liberté des cultes acquiert, il est à peine nécessaire de le dire, une immense importance économique.

Remarquons encore que la nécessité d'une bonne culture morale se fait sentir davantage à mesure que l'industrie se développe et s'organise sur un plan plus vaste. Lorsque les machines et les procédés de la production étaient encore dans leur état d'imperfection et de grossièreté primitives, lorsque les débouchés étaient peu étendus par suite de la difficulté et de la cherté des communications, les limites et l'importance des entreprises étaient naturellement restreintes. Il suffisait alors d'un faible capital pour constituer et alimenter une entreprise. Mais, de nos jours, la situation a changé. L'outillage et les procédés de la production ont reçu l'impulsion énergétique du progrès et les débouchés acquièrent une étendue de plus en plus vaste, grâce à l'abaissement successif des obstacles naturels et artificiels qui morcelaient jadis le champ de la consommation. Les entreprises doivent s'agrandir en conséquence. Elles exigent maintenant, de plus en plus, des capitaux tellement considérables, que la fortune d'un particulier ne pourrait y suffire, en admettant

¹ *De l'Esprit des lois*. Liv. XIV, chap. VI.

можетъ быть достаточнымъ, допуская даже, что лицо это согласилось бы, что очень неблагоуразумно, употребить все свое состояніе на одно предпріятіе. Итакъ въ этомъ новомъ положеніи производства, ассоціація и кредитъ съ каждымъ днемъ становятся все болѣе и болѣе необходимы. Нравственныя же качества суть основы ассоціаціи такъ же какъ и кредита, и скоро настанетъ время, когда промышленное превосходство какого-нибудь народа будетъ служить критеріемъ его превосходства нравственного.

За качествами нравственными слѣдуютъ умственные способности. Недостаточно заслуживать довѣріе честностію, строгою точностію, расчетливостію, чтобъ получить капиталъ въ свое распоряженіе; для того, чтобы капиталъ этотъ приносилъ плоды, надо имѣть умственные способности, надо имѣть коммерческой умъ. Въ противномъ случаѣ предприниматель не справится съ дѣломъ, опыты не удадутся, и занятый капиталъ подвергнется опасности. Впрочемъ коммерческой умъ не состоитъ только въ соединеніи извѣстныхъ умственныхъ способностей, въ него входятъ также извѣстныя нравственныя качества, какъ напримѣръ твердость, осторожность и пр. Совокупность этихъ различныхъ и рѣдко встрѣчаемыхъ свойствъ необходима для образованія хорошаго промышленнаго предпринимателя.

Словомъ, извѣстныя нравственныя и умственные качества, обуславливающія способность къ дѣламъ, — таковы личныя гарантіи, требуемыя отъ заемщика и необходимыя для развитія кредита.

Къ личнымъ гарантіямъ присоединяются гарантіи вещественныя. Они состоятъ въ движимомъ или недвижимомъ имуществѣ, которымъ обладаетъ заемщикъ, и которое онъ можетъ дать въ залогъ въ обезпеченіе займа,

Когда собственность этихъ имуществъ можетъ быть ясно доказана, когда никакое препятствіе, поставляемое обычаями или законами, не противится ихъ залогу, когда самый залогъ не подлежитъ продолжительнымъ и дорого стоящимъ формальностямъ, или не становится невѣрнымъ и ненадежнымъ, вслѣдствіе недостаточности закона, то вещественныя или матеріальныя гарантіи доставляютъ важное и полезное дополненіе личнымъ гарантіямъ и много способствуютъ распространенію кредита.

Обыкновенно эти два рода гарантіи являются вмѣстѣ, въ извѣстной степени соединенныя, хотя совершенно въ различныхъ пропорціяхъ. Значительность ссужаемыхъ капиталовъ соотвѣтствуетъ личнымъ и вещественнымъ гарантіямъ, которыя представляетъ заемщикъ. Рѣдко случается, чтобы давали взаимны большую сумму человѣку, имѣющему однѣ личныя гарантіи. Рѣдко также случается, чтобы давали и тому, кто представляетъ

même qu'il consentît, chose peu sage, à engager tous ses fonds dans une seule affaire. Dans ce nouvel état de la production, l'association et le crédit deviennent donc chaque jour plus nécessaires. Or, les qualités morales sont les bases sur lesquelles reposent l'association aussi bien que le crédit, et le temps n'est pas loin où la supériorité industrielle d'un peuple apparaîtra comme le criterium de sa moralité.

Après les qualités morales viennent les facultés intellectuelles. Il ne suffit pas, en effet, de mériter la confiance par sa probité, son exactitude scrupuleuse, son esprit d'économie, pour obtenir l'usage d'un capital, il faut encore, pour faire fructifier ce capital, être suffisamment pourvu d'intelligence ; il faut, selon l'expression consacrée, être doué de l'esprit des affaires. Sinon, qu'arrivera-t-il ? C'est que l'on dirigera mal son entreprise ; c'est que l'on fera de mauvaises opérations et que l'on compromettra l'existence du capital emprunté. L'esprit des affaires ne se compose pas, au surplus, seulement d'une réunion de certaines facultés intellectuelles, il se compose aussi de certaines qualités morales, telles que la fermeté, la prudence, etc. L'association de ces qualités diverses et peu communes est indispensable pour former un bon entrepreneur ou un bon directeur d'industrie.

En résumé, la moralité et l'intelligence ou l'aptitude aux affaires, telles sont les garanties personnelles requises de l'emprunteur, et nécessaires au développement du crédit.

Aux garanties personnelles se joignent les garanties réelles ou matérielles. Celles-ci résident dans les biens mobiliers ou immobiliers que possèdent les emprunteurs et qu'ils peuvent engager pour garantir leurs emprunts. Quand la propriété de ces biens peut être clairement établie, quand aucun obstacle provenant des coutumes ou des lois ne s'oppose à ce qu'ils soient engagés ou hypothéqués, quand l'engagement et l'hypothèque ne sont point soumis à des formalités lentes et coûteuses, ou bien encore rendus incertains et précaires par les défauts de la législation, les garanties réelles ou matérielles fournissent un utile et notable supplément aux garanties personnelles et elles contribuent pour une large part à la diffusion du crédit.

Communément, ces deux sortes de garanties se présentent associées dans une certaine mesure, quoique dans des proportions fort diverses. On prête des capitaux en raison et des garanties personnelles et des garanties réelles ou matérielles qui sont offertes par les emprunteurs. Il est rare que l'on prête une somme importante à un homme qui n'a que des garanties personnelles à offrir. Il est rare aussi que l'on prête à celui qui n'offre que des garanties matérielles

только матеріяльныя гарантіи, но котораго нравственность подозрительна, ибо съ его стороны всегда можно опасаться обмана и увертокъ.

IV.

Законодательство можетъ въ сильной степени задерживать или облегчать развитіе кредита, смотря по тому, запрещаетъ ли оно употребленіе гарантій, служащихъ основою для сдѣлокъ между заимодавцами и заемщиками, или освящаетъ это употребленіе своимъ разрѣшеніемъ. Когда дѣло идетъ о гарантіяхъ личныхъ, законъ долженъ даровать заключеннымъ обязательствамъ положительное и не допускающее никакихъ увертокъ утвержденіе, предоставляя въ то же время договаривающимся самую полную свободу во всемъ что касается сущности условій. Древній законъ даже разрѣшалъ кредитору, за неимѣніемъ другаго залога, захватить должника и обратить его въ рабство. Новый законъ Дозволяетъ кредитору только посадить должника тюрьму и держать его тамъ, правда, неопредѣленное время¹. Во всѣ времена сильно возставали противъ этихъ положеній закона, дозволяющихъ кредитору завладѣть личностію своего должника или наложить на него секвестръ. Ихъ считали чрезмѣрно строгими и безчеловѣчными. Но мы думаемъ, что люди, осуждавшіе такимъ образомъ упомянутыя мѣры, видя только бѣдствія, принимаемая ими при нѣкоторыхъ случайныхъ обстоятельствахъ, упускали изъ виду выгоды, доставляемая этими же мѣрами самимъ должникамъ. Не малое число займовъ, предписываемыхъ крайнею необходимостію, не могли бы совершиться, еслибы заемщики, за неимѣніемъ гарантій матеріяльныхъ, не могли отвѣчать своею личностію, еслибъ они не могли представить, въ видѣ обезпеченія, своимъ кредиторамъ того драгоцѣннаго блага, которое зовемъ мы свободой. Сѣтуютъ на законъ, когда должники бывали вынуждены отдаться въ руки кредиторамъ, не будучи въ состояніи выполнить своихъ обязательствъ; но не основательнѣе ли было бы обвинять самихъ должниковъ въ недостатокѣ предусмотрительности? Здѣсь такъ же, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, законъ ничего не долженъ предписывать. Онъ долженъ ограничиться освященіемъ заключенныхъ обязательствъ, если только послѣднія не нарушаютъ вѣчныхъ законовъ нравственности, которые всегда гармонируютъ съ законами политической экономіи.

Что касается до гарантій вещественныхъ, то законъ долженъ стараться сдѣлать ихъ по возможности доступнѣе. Хотите ли вы

¹ По русскимъ законамъ не болѣе пяти лѣтъ. *Прим. пер.*

et dont on suspecte la moralité, car on peut toujours redouter de sa part la chicane et la fraude.

IV.

La législation peut entraver ou faciliter, dans une large mesure, le développement du crédit, selon qu'elle interdit ou qu'elle autorise, en lui apportant sa sanction, l'emploi des garanties qui servent de base aux transactions des prêteurs et des emprunteurs. S'agit-il des garanties personnelles ? Il convient que la loi apporte une sanction positive et inéludable aux engagements contractés, tout en laissant aux contractants la liberté la plus entière, quant à la nature même des stipulations. La loi ancienne allait jusqu'à autoriser le créancier à s'emparer de la personne du débiteur, à défaut d'un autre gage, et de la réduire en esclavage. La loi moderne permet seulement au créancier de faire mettre son débiteur en prison.¹ On s'est, de tous temps, beaucoup élevé contre ces dispositions légales qui permettent au créancier de s'emparer de la personne du débiteur ou de la faire mettre sous le séquestre. On les a considérées comme excessives et inhumaines. Mais on n'a vu, croyons-nous, que les maux qu'elles entraînaient sous l'empire de certaines circonstances extérieures, sans considérer les avantages qu'elles procuraient aux débiteurs eux-mêmes. Bien des emprunts, commandés par une nécessité impérieuse, n'auraient pu être contractés si les emprunteurs, dépourvus de garanties matérielles, n'avaient pas été autorisés à s'engager de leurs personnes ; s'ils n'avaient pu offrir comme garantie à leurs créanciers ce bien précieux que l'on nomme la liberté. On manquait rarement d'accuser la loi, quand les débiteurs étaient contraints de se livrer à leurs créanciers, faute de pouvoir satisfaire à leurs engagements, mais n'était-ce pas bien plutôt l'imprévoyance des débiteurs qu'il aurait fallu accuser ? En cette matière comme en beaucoup d'autres, la loi ne doit, au surplus, rien prescrire. Elle doit se borner à sanctionner les engagements contractés, pourvu que ces engagements ne portent aucune atteinte aux lois éternelles de la morale, lesquelles sont toujours en harmonie avec celles de l'économie politique.

S'agit-il des garanties réelles ou matérielles ? La loi doit faciliter, autant que possible, l'accession à ce genre de garanties. Voulez-vous,

¹ Les lois russes fixent à cet emprisonnement un maximum de cinq années.
(*Note de l'éditeur.*)

напримѣръ заложить товары или какую бы то ни было движимую вещь — законъ долженъ предоставить вамъ полную свободу дѣйствій, не мѣшать вамъ располагать по произволу товарами или другого рода движимымъ имуществомъ, какъ для залога, такъ и для продажи, предоставляя себѣ только подать вамъ, въ случаѣ нужды, помощь, чтобы вы могли возвратить себѣ залогъ когда вы уже выполнили свои обязательства. Хотите ли вы заложить недвижимыя имущества — законъ и въ этомъ случаѣ долженъ сколько возможно облегчить васъ, чтобы вы могли по желанію своему заложить свое поле, свою мастерскую или домъ свой, точно такъ же, какъ закладываете товары, наполняющіе магазины ваши, инструменты изъ вашей мастерской, мебель, украшающую ваше жилище, и даже часы, которые у васъ въ карманѣ. Только залогъ здѣсь требуетъ нѣсколько большей формальности, по причинѣ недвижимости закладываемой вещи. Предлагая вещь движимую въ обезпеченіе займа, вы обыкновенно передаете эту вещь въ руки заимодавца или третьяго лица, для храненія, и лишаетесь ея употребленія. Эта передача залога въ руки заимодавца необходима по причинѣ движимости закладываемой вещи. Не такъ бываетъ, когда дѣло идетъ о недвижимыхъ имуществахъ. Послѣднія, по самому свойству своему, могутъ оставаться въ рукахъ заемщика, ибо онъ не можетъ ни разрушить, ни унести ихъ. Вслѣдствіе этого же свойства недвижимыя имущества могутъ въ одно и то же время служить залогомъ по многимъ займамъ¹, лишь бы только законъ доставлялъ заимодавцу средства знать о положеніи недвижимыхъ имуществъ относительно лежащихъ на нихъ долговыхъ обязательствъ, и увѣренность, что заложенное имущество будетъ предоставлено ему, безъ проволочекъ, затрудненій и излишнихъ расходовъ.

Къ сожалѣнію, законодательство, въ многихъ европейскихъ странахъ, вмѣсто того чтобы облегчить закладываніе недвижимыхъ имуществъ, какъ будто поставило себѣ напротивъ цѣлью затруднять его. Это зависитъ отъ экономическихъ и общественныхъ условій той эпохи, когда произошло это законодательство. Съ тѣхъ поръ условія перемѣнились, но законы остались тѣ же.

Въ древности производство, еще только зачинавшееся, какъ мы уже выше замѣтили, лишь въ слабой степени требовало содѣйствія кредита. Кредитъ для производства былъ мало развитъ, и только кредитъ для потребленія былъ сколько-нибудь значителенъ. Этотъ-то послѣдній составлялъ источникъ безчи-

¹ На этой возможности основана такъ-называемая *ипотекарная система*, столь способствующая оживленію всякаго рода денежныхъ сдѣлокъ.

par exemple, engager des marchandises ou n'importe quel objet mobilier ? Il convient que la loi vous laisse faire ; qu'elle vous permette de disposer à votre guise de vos marchandises ou de vos effets mobiliers pour les engager comme pour les vendre, en se bornant à vous assister au besoin pour recouvrer votre gage, lorsque vous vous êtes acquitté de vos obligations. Voulez-vous hypothéquer des biens immobiliers ? Il convient encore que la loi vous accorde à cet égard toute facilité ; que vous puissiez engager à volonté votre champ, votre atelier ou votre maison, comme les marchandises qui remplissent vos magasins, les outils qui garnissent votre atelier, les meubles qui ornent votre demeure et la montre même que contient votre gousset. Mais ici l'engagement ou l'hypothèque exige quelques formalités de plus à cause de la nature immobilière de l'objet engagé ou hypothéqué. Quand vous fournissez un objet mobilier comme garantie d'un emprunt, cet objet passe communément de vos mains entre celles du prêteur ou d'un tiers dépositaire, et vous en perdez l'usage. Cette collocation du gage au prêteur est indispensable, à cause de la nature mobilière de la chose engagée. Mais il en est autrement lorsqu'il s'agit de biens immobiliers. Ceux-ci peuvent demeurer, en vertu de leur nature même, entre les mains de l'emprunteur, car il ne peut ni les détruire ni les emporter.] De ce fait, les biens immobiliers peuvent servir en même temps de garantie à de nombreux prêts¹, pour peu que la loi accorde aux prêteurs les moyens de connaître la situation des biens immobiliers en ce qui concerne les engagements qui pèsent sur eux, et qu'elle assure que ces gages seront bien livrés, sans difficultés ni dépenses inutiles, en cas de non-exécution des engagements contractés.

[Malheureusement, la législation au lieu de faciliter l'engagement des biens immobiliers semble, au contraire, s'être proposé pour but de l'entraver. Cela tient aux circonstances économiques et sociales de l'époque où cette législation a pris naissance. Ces circonstances ont changé ; la législation est demeurée la même.

Dans l'antiquité, la production encore à l'état embryonnaire n'exigeait, que dans une faible mesure, le concours du crédit. Le crédit à la production était peu développé. Le crédit à la consommation seul avait pris quelque extension. Or celui-ci était la source de nombreux abus. Trop souvent, des jeunes gens imprévoyants

¹ C'est sur cette possibilité d'usages multiples à titre de garanties que repose le système dit *hypothécaire*, système si favorable à l'accroissement de toutes sortes de transactions.

сленныхъ злоупотребленій. Слишкомъ часто непредусмотрительные молодые люди занимали для удовлетворенія своихъ беспорядочныхъ наклонностей, и когда личныхъ гарантій, которыя они могли предложить, оказывалось недостаточно, они закладывали свое наслѣдство. Законъ попытался прекратить этотъ родъ злоупотребленій, усѣвая затрудненіями доступъ къ вещественнымъ гарантіямъ. Эти затрудненія были еще многочисленнѣе для имуществъ недвижимыхъ, чѣмъ для движимыхъ; ибо первыя составляли, по самому свойству своему, наиболѣе прочную часть семейнаго наслѣдства и вмѣстѣ самую значительную по экономическому положенію древнихъ обществъ. Препятствія, которыми законодательство окружало заемъ подъ залоги, уменьшали цѣнность вещественныхъ гарантій, представляемыхъ заемщикомъ, и имѣли послѣдствіемъ ограниченіе этого рода займовъ.

Быть-можетъ это законодательство, которое было, замѣтимъ это, прямо направлено противъ роскоши, имѣло разумное значеніе въ то время, когда производство лишь въ очень слабой степени требовало содѣйствія кредита, когда Люди занимали только для потребленія, и когда непредусмотрительность была общимъ недостаткомъ всѣхъ классовъ общества. Но въ наше время экономическое положеніе общества много измѣнилось. Всѣ вѣтви производства настоятельно требуютъ помощи кредита: кредитъ производительный беретъ все болѣе и болѣе верхъ надъ потребительнымъ, такъ что препятствія, поставляемая залого имуществъ, задерживая развитіе кредита, наносятъ производству вредъ все болѣе и болѣе значительный. Добро, какое могутъ сдѣлать эти препятствія, обуздывая непредусмотрительность, незначительно въ сравненіи съ зломъ, какое они причиняютъ, замедляя ходъ промышленной дѣятельности народовъ. Наступило уже время оставить это обветшалое законодательство, возвышающее цѣну кредита въ той мѣрѣ, въ какой оно уменьшаетъ значеніе вещественныхъ гарантій, на которыхъ основанъ кредитъ. Во многихъ странахъ закладное право и законъ, опредѣляющій отобраніе собственности у несостоятельнаго должника, подверглись уже преобразованіямъ, лучше согласующимъ ихъ съ экономическими потребностями нашего времени.

V.

Таковы, слѣдовательно, два рода гарантій, служащія основаніемъ кредиту и представляющія необходимыя условія его развитія. Этимъ двумъ родамъ гарантій соотвѣтствуетъ двоякій же родъ кредита, а именно: *кредитъ личный и кредитъ вещественный*. Послѣдній дѣлится на *кредитъ движимый* (crédit mobilier)

empruntaient pour satisfaire leurs appétits déréglés, et quand les garanties personnelles qu'ils pouvaient offrir ne suffisaient pas, ils engageaient leur patrimoine. La loi essaya de mettre un terme à ce genre d'abus en hérissant de difficultés l'accèsion aux garanties réelles. Ces difficultés, on les multiplia encore plus pour les biens immobiliers que pour les biens mobiliers, car ceux-là constituaient, en vertu de leur nature même, la partie la plus solide du patrimoine des familles, et, en vertu de la situation économique des sociétés anciennes, ils en étaient aussi la partie la plus considérable. Les obstacles dont la législation environnait le prêt sur hypothèque avaient pour résultat de restreindre ce genre de prêts, en diminuant la valeur des garanties matérielles que pouvaient offrir les emprunteurs.

Peut-être cette législation, dont le caractère était, remarquons-le bien, purement somptuaire, avait-elle sa raison d'être à une époque où l'on n'empruntait guère que pour consommer et où l'imprévoyance était un défaut commun à toutes les classes de la société. Mais, de nos jours, la situation économique de la société a bien changé. La production, dans toutes ses branches, exige impérieusement le concours du crédit : le crédit à la production l'emporte de plus en plus sur celui à la consommation, en sorte que les obstacles opposés à l'engagement des propriétés, en retardant le développement du crédit, causent à la production un dommage de plus en plus considérable. Le bien que ces obstacles peuvent faire en opposant un frein à l'imprévoyance est insignifiant en comparaison du mal qu'ils causent en ralentissant l'essor de l'industrielle activité des peuples. Le moment est donc venu d'abandonner cette législation surannée qui renchérit artificiellement le crédit.] Dans de nombreux pays, le droit hypothécaire et le droit de saisie des biens d'un débiteur insolvable ont déjà été réformés pour mieux s'adapter aux besoins économiques de notre époque.

V.

Telles sont donc les deux types de garanties qui servent de base au crédit et qui représentent les conditions nécessaires à son développement. Ces deux types de garanties correspondent à un double type de crédit, à savoir le *crédit personnel* et le *crédit matériel*. Ce dernier se divise en *crédit mobilier* et en *crédit immobilier*, selon la nature des biens hypothécaires offerts en garantie.

и *кредитъ недвижимый* (crédit immobilier), смотря по свойству закладовъ, предлагаемыхъ въ обезпеченіе.

Эти различные роды гарантій часто встрѣчаются въ соединеніи, и первоначально они не отличаются другъ отъ друга; но по мѣрѣ того, какъ производство организуется на болѣе обширномъ основаніи, и кредитъ распространяется, они развѣтвляются все болѣе и болѣе и даютъ начало особымъ учрежденіямъ, которыя мы рассмотримъ въ послѣдствіи.

Но, покуда, сдѣланный нами разборъ необходимыхъ къ развитію кредита условій, разборъ впрочемъ очень краткій, долженъ убѣдить читателей нашихъ, что зданіе кредита можетъ быть прочно и крѣпко только въ томъ случаѣ, когда основой ему служатъ безопасность лица и собственности, вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ всякаго рода условій. Тамъ, гдѣ безопасность эта не существуетъ, гдѣ безнаказанно можно посягнуть, прямымъ или косвеннымъ путемъ, на право собственности, гдѣ законъ, напимѣръ, доставляетъ только недостаточныя средства противъ людей, желающихъ уклониться отъ своихъ обязательствъ, тамъ тщетно стали бы стараться организовать и развитъ кредитъ. Напрасно стали бы тамъ заводить самыя лучшія, самыя полезныя учрежденія, съ цѣлью распространенія кредита; эти искусственныя созданія оставались бы безплодными. Напротивъ въ странахъ, гдѣ лицамъ и собственности предоставлены всѣ необходимыя гарантіи, гдѣ строго наблюдается за точнымъ выполненіемъ обязательствъ, контрактовъ и условій всякаго рода, кредитныя установленія заводятся, развиваются и размножаются сами собою, естественнымъ образомъ, такъ что вполнѣ соотвѣтствуютъ потребностямъ, для удовлетворенія которыхъ они предназначены. Итакъ, хорошая организація общественной безопасности (sécurité publique) есть необходимая основа организаціи кредита.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ces différents types de garanties se retrouvent souvent conjointement, et, au départ, ils ne diffèrent pas les uns des autres ; mais à mesure que la production s'organise sur une base plus étendue et que le crédit s'étend, elles se raffinent de plus en plus et donnent naissance à des institutions spéciales, que nous examinerons plus tard.

Au fond, notre analyse, toute brève soit-elle, des conditions nécessaires au développement du crédit devrait convaincre nos lecteurs que les bases du crédit ne peuvent être assurées et solides que si elles reposent sur la sécurité complète des personnes et des biens. Là où cette sécurité n'existe pas ; là où le droit de propriété peut être impunément violé, directement ou indirectement ; là où la loi, par exemple, ne prévoit que des moyens insuffisants contre ceux qui entendent se soustraire à leurs obligations, il serait vain de tenter d'organiser et de développer le crédit. Il serait vain d'y établir les institutions les meilleures et les plus utiles pour répandre le crédit ; ces créatures artificielles resteraient stériles. Au contraire, dans les pays où les personnes et les biens disposent de toutes les garanties nécessaires, où l'exacte exécution des obligations, des contrats et des engagements de toute nature est strictement observée, les établissements de crédit s'établissent, se développent et se multiplient d'eux-mêmes, naturellement, de manière à remplir pleinement le besoin qu'on en a. Ainsi, une bonne organisation de la sécurité publique est une base nécessaire à l'organisation du crédit.

GUSTAVE DE MOLINARI.

(À suivre.)

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ И МЕХАНИЗМЕ КРЕДИТА ¹

Общій обзоръ образованія капиталовъ. — Чистая прибыль отъ предпріятій капитализуется подъ видомъ монеты. — Какъ капиталы доходить до тѣхъ, кто въ нихъ нуждается? — О посредникахъ или банкирахъ. — Сходство дѣятельности банкировъ съ дѣятельностью купцовъ. — Услуги, оказываемыя банкирами заимодавцамъ и заемщикамъ. — Гарантіи, которыя должны представлять эти посредники кредита. — Важность ихъ роли. Опасность монополіи, присвоенной посредникамъ кредита. — Посредники кредита не могутъ злоупотреблять своею силой при свободной конкуренціи. — Естественная іерархія посредниковъ кредита. — Ихъ спеціальности. — Дѣятельность посредниковъ на низшей ступени іерархіи. — Платежъ и полученіе денегъ. — Чеки. — Обыкновенные способы полученія денегъ по торговымъ кредитнымъ бумагамъ. — О мѣстахъ вексельной торговли.

I.

Общій выводъ изъ элементарныхъ понятій, изложенныхъ въ предыдущей статьѣ, можно выразить такъ: Мы находимъ вопервыхъ, что *потребность въ кредитъ* или *запросъ на него* проявляется и развивается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе раздѣляется трудъ, чѣмъ болѣе возрастаетъ могущество орудій, которыми человѣкъ располагаетъ для производства, и вслѣдствіе того чѣмъ болѣе значительнаго капитала требуютъ производительныя предпріятія. Далѣе, мы находимъ, что развитіе кредита, или говоря техническимъ терминомъ, *производство кредита, его предложеніе*, растетъ и распространяется вопервыхъ, сообразно со степенью изобилія свободныхъ капиталовъ, вторыхъ, соотвѣтственно той степени безопасности, какою могутъ пользоваться заимодавцы. Это послѣднее условіе въ особенности существенно. Дѣйствительно, въ странахъ, гдѣ царствуетъ безопасность лица и собственности, капиталы образуются быстро, а если въ нихъ окажется недостатокъ, то они непременно прильютъ изъ другихъ странъ; тамъ же напротивъ, гдѣ нѣтъ достаточной безопасности, капиталы быстро исчезаютъ: новыхъ не образуется, а старые или скрываются или выселяются въ другія страны. Итакъ вопросъ о развитіи кредита, какъ мы видѣли, подчиненъ вопросу объ установленіи мѣры безопасности.

Объяснившись касательно этого пункта, посмотримъ теперь какимъ образомъ происходитъ и распределяется кредитъ. Намъ предстоитъ изслѣдовать, какъ образуются капиталы, и какимъ

¹ См. *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г. № 7.

DES CONDITIONS ET DU MÉCANISME DU CRÉDIT ¹

Aperçu global de la formation du capital. — Le bénéfice net des entreprises capitalisé sous forme de numéraire. — Comment les capitaux parviennent-ils à ceux qui en ont besoin ? — Les intermédiaires ou banquiers. — Que l'activité des banquiers ressemble à celle des commerçants. — Services fournis par les banquiers aux prêteurs et aux emprunteurs. — Garanties que doivent fournir ces intermédiaires de crédit. — Importance de leur rôle. — Danger d'un monopole attribué aux intermédiaires de crédit. — Dans un système de libre concurrence les intermédiaires de crédit ne peuvent pas abuser de leur pouvoir. — Hiérarchie naturelle des intermédiaires de crédit. — Leurs spécialités. — Activités des intermédiaires de crédit au niveau le plus bas de la hiérarchie. — Paiement et réception de l'argent. — Les chèques. — Méthodes ordinaires pour obtenir de l'argent à partir de titres de crédit commercial. — Sur les lieux où s'échangent ces titres.

I.

On peut formuler comme suit la conclusion générale des concepts élémentaires que nous avons exposés dans l'article précédent : Nous constatons, premièrement, que le besoin de crédit, ou la demande de crédit, se manifeste et se développe d'autant plus fortement que le travail est divisé, que la puissance des instruments dont l'homme dispose pour produire s'est accrue, et par conséquent que les entreprises productives ont besoin de plus de capital. En outre, nous constatons que le développement du crédit, ou, en termes techniques, la production du crédit, son offre, croît et s'étend, d'une part en fonction du degré d'abondance du capital disponible, et d'autre part en fonction du degré de sécurité dont les prêteurs peuvent jouir. Cette dernière condition est particulièrement importante. En effet, dans les pays où règne la sécurité des personnes et des biens, les capitaux se forment rapidement, et s'ils manquent, ils afflueront certainement d'autres pays ; au contraire, là où la sécurité est insuffisante, le capital disparaît rapidement : on ne forme pas de nouveaux capitaux et les anciens se cachent ou trouvent refuge dans d'autres pays. Ainsi, la question du développement du crédit, ainsi que nous l'avons vu, est subordonnée à la question de l'établissement de la sécurité.

Ce point étant rappelé, voyons maintenant comment le crédit se produit et est distribué. Nous devons étudier comment le capital se

¹ Voir le *Message Russe*, année 1858, n° 7.

способомъ, какими путями они становятся доступны тѣмъ, кто въ нихъ нуждается и *требуетъ* ихъ.

Что касается до образованія капиталовъ, то мы только напомнимъ читателю о нѣсколькихъ простыхъ, но необходимыхъ понятіяхъ. Капиталы суть плодъ труда и сбереженія. Начнемъ съ труда. Всякое производительное предпріятіе, поставленное въ здравыя и нормальныя условія, даетъ выручку, которой не только достаточно для поддержанія и обновленія производительныхъ дѣятелей, вещественныхъ и личныхъ, способствовавшихъ образованію выручки, но и для доставленія соучастникамъ излишка или *чистой прибыли*. Эта чистая прибыль, болѣе или менѣе значительная, смотря по тому, въ какой степени выгоденъ промыселъ, составляющій предметъ занятій, можетъ получить двоякое назначеніе. Она можетъ быть или посвящаема на издержки, увеличивающія довольство обладателя, или откладываема, накаплиема, *сберегаема*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она становится *капиталомъ*.

Подъ какою формой является намъ капиталъ рождающійся, капиталъ въ первый моментъ своего образованія? Онъ является обыкновенно подъ видомъ денежныхъ цѣнностей, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ положеніи производства. Подъ видомъ монеты выручается чистая прибыль, подъ тѣмъ же видомъ она сберегается, и переходя такимъ образомъ въ капиталъ, отдается взаимно.

Явленіе это не нуждается въ длинномъ объясненіи. При настоящемъ положеніи производства, всѣ произведенія, которыя не потребляются прямо самими производителями, предназначаются къ продажѣ, то-есть къ обмѣну на деньги. Часть этихъ денегъ, въ которыя обращаются произведенія, въ скоромъ времени обмѣнивается, или на инструменты, матеріалы и услуги, необходимые для продолженія производства, или на произведенія и всякаго рода услуги, необходимыя для содержанія самихъ промышленниковъ предпринимателей. А другая часть, представляющая излишекъ или чистую прибыль, будучи сберегаема, составляетъ новый капиталъ.

Итакъ капиталъ представляется въ началѣ въ видѣ денегъ, по крайней мѣрѣ въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ, гдѣ произведенія различныхъ предпріятій обыкновенно обращаются въ деньги. Это-то болѣе всего и подавало поводъ къ смѣшенію капитала съ деньгами. Но форма, эта чисто переходная, и вновь образовавшійся капиталъ не долго удерживаетъ ее. Капиталъ можетъ получить троякое назначеніе. Обладатель его можетъ, во первыхъ, сохранять его самъ или довѣрить его для храненія другому лицу. Въ этомъ, и только въ этомъ случаѣ, вновь

forme et de quelle manière il devient disponible pour ceux qui en ont besoin et qui le demandent.

Sur la formation du capital, nous nous contenterons de rappeler au lecteur quelques notions simples mais importantes. Le capital est le fruit combiné du travail et de l'épargne. Commençons par le travail. Toute entreprise productive placée dans des conditions saines et normales, produit un revenu qui est non seulement suffisant pour entretenir et renouveler les agents productifs, machines et main-d'œuvre, qui ont contribué conjointement à le faire naître, mais un revenu qui fournit aussi un surplus ou un profit net aux associés. Ce bénéfice net, plus ou moins important selon le degré de rentabilité de l'affaire qui a été entreprise, est susceptible d'être employé de deux manières. Il peut être consacré à des dépenses qui augmentent la jouissance du propriétaire, ou il peut être reporté, accumulé, économisé. Dans ce dernier cas, il se transforme en capital.

Sous quelle forme le capital nous apparaît-il à sa naissance, au premier moment de sa formation ? Il nous apparaît généralement sous la forme de valeurs monétaires, du moins dans l'état actuel de la production. C'est sous la forme de monnaie que le profit net se réalise, et c'est sous cette même forme qu'il est épargné et, après s'être ainsi transformé en capital, qu'il peut être prêté.

Ce phénomène ne nécessite pas de longues explications. Dans l'état actuel de la production, tous les produits qui ne sont pas directement consommés par les producteurs eux-mêmes sont destinés à la vente, c'est-à-dire à l'échange contre de l'argent. Une partie de cet argent, dans lequel les produits sont convertis, est à son tour échangée, soit contre des outils, matériaux et services nécessaires à la poursuite de la production, soit contre des produits et toutes sortes de services pour l'entretien et la jouissance des entrepreneurs d'industrie eux-mêmes. Quant à l'autre partie du surplus ou profit net, celle qui est épargnée, elle constitue un nouveau capital.

Le capital apparaît donc d'abord sous la forme de numéraire, du moins à l'époque et dans les pays où les produits des diverses entreprises sont habituellement convertis en numéraire. Ceci, plus que toute autre chose, a donné lieu à la confusion entre le capital et l'argent. Mais cette forme monétaire est purement transitoire et le capital nouvellement formé ne la conserve pas longtemps. Le capital peut avoir trois fonctions. Son propriétaire peut, dans un premier temps, le conserver lui-même ou le confier à une autre personne pour qu'il le conserve. Dans ce cas, et dans ce cas seulement, le

образовавшийся капиталъ можетъ долго оставаться въ видѣ денегъ въ рукахъ того, кто его составилъ, или того, кому онъ ввѣренъ. Вовторыхъ, обладатель новаго капитала, можетъ употребить его для развитія своего производства. Въ такомъ случаѣ денежныя цѣнности, составляющія капиталъ, вскорѣ обмѣниваются на орудія, машины, сырые матеріялы, услуги, необходимыя для расширенія предпріятія. Втретьихъ, вмѣсто того, чтобы сохранять образовавшийся капиталъ или употреблять его самому, можно отдать его взаймы. И въ этомъ случаѣ также, капиталъ отдается въ видѣ денегъ, но занимающіе непремѣнно, и какъ можно скорѣе, обмѣниваютъ эти деньги на вещи, для пріобрѣтенія которыхъ деньги были заняты.

Посмотримъ теперь, какъ происходитъ ссуда капитала, какими путями переходитъ онъ изъ рукъ, образовавшихъ его, въ руки тѣхъ, кто въ немъ нуждается.

II.

Какъ только капиталы начинаютъ размножаться, и является живой запросъ на нихъ, сами собой являются посредники между *производителями капиталовъ*, или капиталистами, и *потребителями капиталовъ*, или заемщиками. Посредники эти принимаютъ различныя названія, смотря по роду займовъ, которыхъ они бываютъ агентами, но вообще они извѣстны подъ именемъ банкировъ. Мы сейчасъ увидимъ, что дѣятельность ихъ имѣетъ большое сходство съ дѣятельностію негоціантовъ, или купцовъ, служащихъ посредниками между производителями земледѣльческими, промышленными и другими, и потребителями.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ дѣло негоціанта или торговца? Въ томъ, чтобы помимо всѣхъ преградъ времени и пространства сдѣлать доступными потребителю всякаго рода товары, безпрестанно выходящіе изъ безчисленныхъ промышленныхъ заведеній, гдѣ они производятся. Исполняя это, купецъ оказываетъ услугу и производителямъ и потребителямъ. Первыхъ онъ избавляетъ отъ труда заниматься каждый день продажою своихъ товаровъ въ малыхъ количествахъ, и притомъ цѣлой толпѣ потребителей. Вторыхъ онъ избавляетъ отъ труда отправляться въ мѣста часто весьма отдаленныя, гдѣ производятся нужныя имъ вещи. Справедливо говорятъ, что торговля есть одна изъ вѣтвей производства. Если Фабрикантъ измѣняетъ видъ матеріяловъ, которые онъ обрабатываетъ, чтобы сдѣлать ихъ годными къ удовлетворенію нуждъ потребителей, то купецъ, для той же цѣли, измѣняетъ положеніе всякихъ матеріяловъ, выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ, относительно времени и мѣста.

capital nouvellement constitué peut rester longtemps sous forme d'argent monnayé entre les mains de celui qui l'a constitué ou de celui à qui il est confié. Deuxièmement, le propriétaire du nouveau capital peut l'utiliser pour développer sa production. Dans ce cas, les valeurs monétaires qui constituent le capital sont bientôt échangées contre des outils, des machines, des matières premières et autres services nécessaires à l'expansion de l'entreprise. Troisièmement, enfin, au lieu d'épargner le capital ainsi obtenu ou de l'utiliser soi-même, on peut encore le prêter. Et dans ce cas aussi, le capital est transmis sous forme d'argent ; mais ceux qui empruntent échantent logiquement et le plus rapidement possible cet argent contre les choses pour l'achat desquelles ils ont acquis ces sommes.

Voyons maintenant comment s'opère l'emprunt du capital, de quelles manières il passe des mains qui l'ont formé dans celles des personnes qui en ont besoin.

II.

[Dès que les capitaux commencent à se multiplier et que la demande en devient active, on voit des intermédiaires se placer d'eux-mêmes entre les producteurs de capitaux ou capitalistes et les consommateurs de capitaux ou emprunteurs. Ces intermédiaires prennent différents noms selon la nature des emprunts auxquels ils servent d'agents, mais ils sont généralement désignés sous la dénomination de banquiers. Nous allons voir que leurs fonctions ont la plus grande analogie avec celles des négociants ou des commerçants qui servent d'intermédiaires entre les producteurs agricoles, industriels et autres, et les consommateurs.

Quelles sont, en effet, les fonctions du négociant ou du commerçant ? C'est de mettre à la portée du consommateur, en franchissant le temps et l'espace, les marchandises de toute espèce qui sortent incessamment de la multitude des ateliers de la production. En remplissant cette fonction, le commerçant rend à la fois service aux producteurs et aux consommateurs. Aux premiers, il épargne la peine de vendre leur marchandise au jour le jour et par quantités souvent fort petites à la foule des consommateurs. Aux seconds, il épargne la peine d'aller se pourvoir aux lieux souvent fort éloignés où s'opère la production des choses dont ils ont besoin. Comme on l'a remarqué avec raison, le commerce est véritablement une branche de la production. Tandis que le manufacturier, par exemple, fait subir un changement de forme aux matériaux qu'il travaille, afin de les rendre propres à pourvoir aux besoins des consommateurs, le

Въ первыя времена экономическаго развитія обществъ, производитель — земледѣлецъ или промышленникъ — исполняетъ и обязанности купца, самъ продавая свой товаръ потребителямъ; но по мѣрѣ раздѣленія труда, эти два занятія отдѣляются, а вслѣдъ за тѣмъ и самая торговля подраздѣляется на множество отраслей. Торговцы раздѣляются на разряды оптовыхъ, полуптовыхъ (среднихъ) и мелочныхъ, и наконецъ для каждаго разряда произведеній являются свои особенныя торговцы, по крайней мѣрѣ въ центрахъ обширнаго потребленія.

То же полезное мѣсто, какое занимають купцы между производителями и потребителями, занимають банкиры между заимодавцами и заемщиками. Мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности, для того чтобъ яснѣе выставить, почему необходимо этотъ посредствующій механизмъ, служащій *проводникомъ* кредита.

Вы занимаетесь какою-нибудь промышленностію. Ежегодно получаете вы отъ продажи вашихъ произведеній не только сумму, достаточную для покрытія издержекъ производства и вашего собственнаго содержанія, но еще и излишекъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по тому, какъ счастливъ былъ для васъ истекшій годъ. Что сдѣлаете вы съ этимъ излишкомъ? Употребите его на свою промышленность? Но заведеніе ваше и безъ того уже достаточно велико по отношенію къ обширности сбыта. Оно не требуетъ добавочнаго капитала. Что же вы сдѣлаете со своимъ излишкомъ? Обратите его на увеличеніе своихъ личныхъ издержекъ? Но потребности и вкусы ваши удовлетворены уже и настоящими расходами. Кромѣ того, вы не прочь сберечь запасный капиталецъ для предотвращенія непріятныхъ случайностей въ будущемъ. Поэтому вы рѣшаетесь обратитъ въ капиталъ этотъ излишекъ выручки, иначе говоря, эту чистую прибыль. Исполнивъ это и придавъ своему новому капиталу обыкновенный видъ денежныхъ цѣнностей, вы можете сохранять его сами или отдать взаймы. Вы можете также затратить его путемъ ассоціаціи въ производительныя предпріятія: къ этому послѣднему случаю мы должны будемъ возвратиться въ послѣдствіи, но покуда оставимъ его въ сторонѣ.

Если вы будете сохранять капиталъ свой безъ всякаго употребленія, онъ ничего не принесетъ вамъ, а если отдадите его взаймы, онъ дастъ вамъ проценты.

Вы рѣшаетесь на послѣднее, и ищете заемщиковъ. Ихъ является много, но какъ ремесло заимодавца не составляетъ вашей спеціальности, то вы исполняете это дѣло дурно. Вы или довѣряете свой капиталъ лицамъ, о которыхъ не могли собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія, и которыя не представляютъ на-

commerçant fait subir aux matériaux fabriqués ou non fabriqués qui passent entre ses mains un changement de temps et de lieu pour les approprier davantage à ces mêmes besoins. Dans la première période du développement économique des sociétés, le producteur agricole ou industriel remplit, en même temps, les fonctions du commerçant en débitant, lui-même, sa marchandise aux consommateurs ; mais à mesure que la division du travail fait des progrès, on voit les deux fonctions se séparer, puis le commerce même se diviser et se sous-diviser en une multitude de ramifications. On distingue les commerçants en gros, en demi-gros et en détail ; enfin chaque espèce de produits finit par avoir ses commerçants spéciaux, au moins dans les grands foyers de consommation.

Eh bien, ce rôle utile que jouent les commerçants entre les producteurs et les consommateurs, les banquiers le remplissent à leur tour entre les prêteurs et les emprunteurs. Entrons dans quelques détails pour bien faire ressortir la raison d'être de ce rouage intermédiaire ou de ce *medium* du crédit.

Vous exercez une industrie quelconque. Chaque année, vous obtenez par la vente de vos produits, non seulement de quoi couvrir les frais de votre production et ceux de votre entretien personnel, mais encore un excédent plus ou moins considérable, selon que l'année a été plus ou moins heureuse. Qu'allez-vous faire de cet excédent ? L'appliquerez-vous à votre industrie ? Mais votre établissement est déjà bien assez important, eu égard à l'étendue de votre débouché. Il n'exige point l'application d'un capital supplémentaire. Que ferez-vous donc de votre excédent ? Le consacrerez-vous à une augmentation de vos dépenses personnelles ? Mais vos besoins et vos goûts se trouvent suffisamment satisfaits par votre dépense actuelle. En outre, vous n'êtes pas fâché de vous ménager une réserve de capital pour parer aux mauvaises éventualités de l'avenir. Vous vous décidez, en conséquence, à capitaliser cet excédent de produit, autrement dit, ce produit net. Cela fait, et votre nouveau capital étant réalisé sous la forme de valeurs monétaires, vous pouvez le garder ou le prêter. Vous pouvez encore l'engager, par voie d'association, dans des entreprises de production.

Si vous conservez votre capital, sans l'employer, il ne vous rapportera rien ; si vous le prêtez, il vous rapportera un intérêt.

Vous vous décidez à prendre ce dernier parti et vous cherchez des emprunteurs. Il s'en présente beaucoup, mais comme ce n'est pas votre spécialité de faire le métier de prêteur, vous le faites mal. Ou bien vous confiez votre capital à des individus sur lesquels vous n'avez pu recueillir toutes les informations nécessaires et qui ne présentent point de bonnes garanties, ou bien vous le prêtez dans

дежных гарантій, или же отдаете его займы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ свободные капиталы находятся въ изобиліи, и слѣдовательно процентъ на нихъ незначителенъ, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ вы могли бы получить болѣе. Но вотъ является посредникъ, который спеціально занимается тѣмъ, чтобы брать капиталы займы у однихъ и отдавать ихъ другимъ. Онъ всю жизнь свою только то и дѣлаетъ, что развѣдываетъ о гарантіяхъ, какъ личныхъ, такъ и вещественныхъ, представляемыхъ заемщиками, и о мѣстахъ, гдѣ капиталы берутся займы по самымъ высокімъ процентамъ. Такимъ образомъ онъ Достигаетъ возможности дѣйствовать вѣрнѣе и при условіяхъ болѣе благоприятныхъ, чѣмъ обладатель капитала. Онъ можетъ предложить капиталисту помѣщеніе капитала на лучшихъ условіяхъ, чѣмъ какія тотъ могъ бы найти, еслибы самъ вступилъ въ прямыя сношенія съ заемщиками.

Итакъ посредникъ, или банкиръ, полезенъ обладателю капиталовъ или капиталисту; не менѣе того полезенъ онъ и потребителю капиталовъ, или заемщику. Дѣйствительно, предположимъ, что посредника не будетъ; тогда заемщикъ будетъ принужденъ самъ отыскивать заимодавцевъ и, недостаточно зная состояніе рынка, иногда будетъ занимать по процентамъ чрезмѣрно высокімъ, а часто и вовсе не найдетъ, гдѣ занять, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ капиталы будутъ отдаваться по самой низкой цѣнѣ, или и вовсе не найдутъ желающихъ взять ихъ займы.

Итакъ посредникъ, занимая у однихъ, чтобы давать другимъ, оказываетъ услугу вмѣстѣ и заимодавцамъ, и заемщикамъ. Что же касается до его прибыли, онъ находитъ ее въ разности между тѣми процентами, на какихъ онъ самъ занимаетъ, и тѣми, на какихъ отдаетъ въ займы. При господствѣ свободной конкуренціи разница эта никогда не можетъ возвыситься до того, чтобы доставлять посредникамъ кредита прибыль, превышающую, при одинаковыхъ условіяхъ, прибыль другихъ производителей. Во всякомъ случаѣ предѣлъ этой прибыли заключается въ важности оказанной услуги; переступить этотъ предѣлъ она не можетъ, ибо заемщики и заимодавцы не замедлили бы въ такомъ случаѣ вступить въ прямыя сношенія между собою, чтобы не платить чрезмѣрной цѣны за услугу посредника.

III.

Итакъ, кредитъ организуется самъ собою, какъ только съ одной стороны начинаютъ появляться капиталы а съ другой

une localité où les capitaux sont déjà offerts en abondance, où, par conséquent, le taux de l'intérêt est peu élevé, tandis que vous pourriez en obtenir davantage ailleurs. Mais voici qu'apparaît un intermédiaire qui s'attribue spécialement la fonction d'emprunter des capitaux d'une main pour les prêter de l'autre. En conséquence, il s'enquiert des garanties tant personnelles que matérielles que présentent les emprunteurs et il s'informe des endroits où les capitaux se prêtent au taux le plus élevé. Il parvient ainsi à opérer d'une manière plus sûre et à des conditions plus favorables que ne pourrait le faire le propriétaire du capital. Il peut offrir, par là même, de meilleures conditions de prêt au capitaliste que celui-ci n'en aurait pu obtenir s'il avait voulu s'aboucher directement avec les emprunteurs.

L'intermédiaire ou banquier est donc utile au propriétaire de capitaux ou capitaliste ; il ne l'est pas moins au consommateur de capitaux ou emprunteur. Supposons, en effet, que l'intermédiaire n'existât point, l'emprunteur serait obligé de se mettre continuellement à la recherche de prêteurs, et, faute de connaître suffisamment la situation du marché des capitaux, il emprunterait parfois à un taux excessif, souvent même il ne trouverait pas à emprunter, tandis que dans d'autres parties du marché les capitaux se prêteraient à vil prix ou même ne trouveraient point de preneurs.

En résumé donc, l'intermédiaire, en empruntant d'une main pour prêter de l'autre, rend à la fois service aux prêteurs et aux emprunteurs. Quant à son bénéfice, il le trouve dans la différence du taux auquel il emprunte et de celui auquel il prête. Sous un régime de libre concurrence, cette différence ne peut jamais s'élever de manière à attribuer aux intermédiaires du crédit un bénéfice supérieur, toutes proportions gardées, à celui des autres producteurs. En tous cas, ce bénéfice a pour limite extrême l'importance même du service rendu : il ne peut aller au-delà, car les emprunteurs et les prêteurs ne manqueraient pas de s'aboucher directement plutôt que de surpayer le service de l'intermédiaire.

III.

Ainsi, le crédit s'organise de lui-même, dès que les capitaux commencent à se former, d'une part, dès qu'ils commencent à se demander, d'une autre part. Il procède dans son organisation par

начинаеть обнаруживаться запросъ на нихъ. Организация эта начинается съ появленія посредниковъ, которые облегчаютъ распространеніе и полезное употребленіе капиталовъ и въ то же время обезпечиваютъ сохраненіе ихъ.

Установленіе посредствующихъ органовъ кредита есть уже успѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Чтобъ еще болѣе убѣдиться въ этомъ, стоитъ взглянуть на условія, какія они должны соединять въ себѣ, для того, чтобы привлечь довѣріе капиталистовъ, безъ котораго имъ не возможно составить себѣ кругъ кліентовъ.

Сдѣлавъ предметомъ своей спеціальной дѣятельности заемъ капиталовъ у однихъ, съ цѣлью ссужать ихъ другимъ, посредники очевидно должны представлять *въ высшей степени* всѣ вещественныя, умственные и нравственные гарантіи, какія требуются отъ простыхъ заемщиковъ, и обзоръ которыхъ мы сдѣлали въ предыдущей статьѣ нашей. Впервыхъ они должны обладать довольно значительнымъ капиталомъ, который бы могъ служить обезпеченіемъ для лицъ, довѣряющихъ имъ свои деньги. Чѣмъ свободнѣе этотъ капиталъ, чѣмъ легче онъ можетъ быть обращенъ въ деньги, тѣмъ дѣйствительнѣе обезпеченіе. Не нужно для этого, чтобы капиталъ, принадлежащій банкиру, былъ непременно затраченъ въ банковыхъ операціяхъ. Лучше даже, если онъ помѣщенъ иначе, если состоитъ изъ прочныхъ цѣнностей, легко обращаемыхъ въ деньги; потому что тогда онъ можетъ оставаться неприкосновеннымъ и къ нему можно будетъ прибѣгнуть въ томъ случаѣ, если банкъ будетъ находиться въ затруднительномъ положеніи. Но этого обезпеченія, какъ бы ни было оно значительно, еще недостаточно, если человекъ, представляющій его, не довольно честенъ, если онъ не соединяетъ съ гарантіями матеріальными нравственныхъ. Обезпеченіе это будетъ также малоцѣнно и въ томъ случаѣ, когда представляющій его не имѣетъ достаточно соображенія и способности вести хорошо дѣла свои, выгодно размѣщать кредитъ, которымъ располагаетъ. Ибо если онъ дурно выберетъ своихъ кліентовъ, если рискнетъ ввѣренными ему капиталами, ссудивъ ихъ на опасныя операціи или на сумасбродныя предпріятія, если однимъ словомъ, онъ не благоразуменъ и не остороженъ, то не замедлитъ понести потери столь значительныя, что онъ не только поглотитъ капиталъ, служащій обезпеченіемъ его вѣрителямъ, но коснутся и суммъ, отданныхъ ему взаймы съ цѣлью полученія съ нихъ дохода.

Занятіе посредниковъ кредита, или банкировъ, требуетъ, какъ видимъ, такого соединенія вещественныхъ и личныхъ гарантіи, какое довольно рѣдко встрѣчается. Конечно далеко не всѣ, занимающіеся этимъ важнымъ и щекотливымъ дѣломъ,

l'établissement d'intermédiaires qui facilitent la diffusion et l'emploi utile des capitaux tout en assurant mieux leur conservation.

L'établissement des intermédiaires du crédit est donc, à tous égards, un progrès. On s'en convaincra plus complètement encore si l'on considère les conditions qu'ils doivent réunir pour attirer la confiance des capitalistes, sans laquelle il leur serait impossible de se former une clientèle.

Ayant pour fonction spéciale d'emprunter des capitaux pour les prêter, les intermédiaires doivent évidemment offrir au plus haut degré toutes les garanties matérielles, intellectuelles et morales que l'on exige des simples emprunteurs. Ils doivent, d'abord, posséder un capital assez considérable pour leur servir de caution vis-à-vis de leurs prêteurs. Plus ce capital est libre, aisément réalisable, et plus la caution est valable. Il n'est pas nécessaire que le capital appartenant au banquier soit engagé dans les opérations de la banque. Il est même préférable qu'il ne le soit pas ; il est préférable qu'il soit placé ailleurs, en valeurs solides et facilement réalisables. Ceci afin qu'il demeure intact et qu'on puisse y recourir dans le cas où la situation de la banque se trouverait compromise. Cette caution, si considérable qu'elle soit, ne suffit pas cependant. Elle ne présentera même qu'une faible sécurité si celui qui la fournit manque de probité, s'il ne joint pas les garanties morales aux garanties matérielles. Elle sera de peu de valeur encore s'il ne possède pas assez d'intelligence ou d'esprit des affaires pour distribuer utilement le crédit dont il est le dispensateur. Car s'il choisit mal ses clients, s'il aventure dans des opérations chanceuses ou dans des entreprises chimériques les capitaux qui lui sont confiés, s'il manque, pour tout dire, de jugement et de prudence, il ne tardera guère à subir des pertes assez considérables, non seulement pour absorber le capital qui lui sert de caution vis-à-vis de ses prêteurs, mais encore pour entamer les fonds qu'il a empruntés en vue de les faire valoir.

La profession d'intermédiaire du crédit ou de banquier exige, comme on voit, une réunion de garanties matérielles et personnelles assez rares. Sans doute, tous les hommes qui exercent cette profession si importante et si délicate, sont loin de les posséder au même

совмѣщаютъ въ себѣ всѣ эти гарантіи; но только тѣмъ, кого молва въ изобилии снабжаетъ ими, капиталисты охотно довѣряютъ свои капиталы. Конечно, общественное мнѣніе иногда ошибается; Финансовыя репутаціи могутъ быть такъ же обманчивы, какъ и репутаціи политическія, литературныя или артистическія. Но вообще ошибка здѣсь не правило, а исключеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что умноженіе посредниковъ не только сближаетъ предпринимателей и заимодавцевъ, но и болѣе обезпечиваетъ отдаваемые займы капиталы, и слѣдовательно содѣйствуетъ пониженію процента. Кредитное заведеніе, большое или малое, котораго репутація упрочена, и которому выгодо поддерживать эту репутацію, чтобы сохранить своихъ кліентовъ, представляетъ большее количество гарантій, чѣмъ отдѣльные предприниматели, съ которыми капиталистамъ приходилось бы вступать въ прямыя сношенія, еслибы не было посредниковъ. Но даже въ такомъ случаѣ, еслибы гарантій были равныя, каждый изъ капиталистовъ, не имѣя такихъ средствъ къ собиранію свѣдѣній и къ надзору, какъ посредники, которыхъ вся дѣятельность состоитъ въ займѣ и ссудѣ, принужденъ былъ бы вознаграждать себя за рискъ, происходящій отъ самой этой недостаточности свѣдѣній, пропорціонально возвышая страховую премію, входящую въ составъ процента. Итакъ введеніе посредниковъ въ механизмъ кредита имѣетъ слѣдствіемъ не только облегченіе займовъ, но также и уменьшеніе дѣйствительнаго или воображаемаго риска ссуды и, черезъ это, пониженіе процента.

Мы довольно сказали, чтобы оправдать существованіе посредниковъ кредита, и чтобы дать понятіе о возрастающей важности мѣста, занимаемаго ими при настоящемъ положеніи производства. Нельзя отрицать, что важность эта была преувеличиваема. Школа сень-симонистовъ, на примѣръ, превращала директоровъ кредитныхъ учрежденій въ какихъ то *panz* промышленности. Но оставляя въ сторонѣ всякое преувеличеніе, одного взгляда на экономическій міръ достаточно, чтобы увидѣть въ нихъ великую силу, которая легко можетъ стать опасною и гнетущею, если свобода не будетъ сдерживать и направлять ее.

Въ самомъ дѣлѣ, мы уже обратили вниманіе на то обстоятельство, что производительныя предпріятія въ наше время все болѣе и болѣе требуютъ такихъ капиталовъ, какіе уже не могутъ быть доставляемы однимъ лицомъ. Очень не много большихъ и даже средней руки предпріятій устраиваются теперь и поддерживаются капиталомъ, принадлежащимъ только самому предпринимателю. Вообще капиталъ составляетъ частію посредствомъ товарищества, частію же посредствомъ займа. Иногда предприниматель набираетъ себѣ компаніоновъ или вкладчиковъ

degré ; mais les capitalistes ne confient volontiers leurs fonds qu'à ceux qui ont la réputation d'en être largement pourvus. Sans doute aussi, la voix publique se trompe quelquefois : les réputations financières peuvent être surfaites comme les réputations politiques, littéraires ou artistiques. Mais, en général, l'erreur est ici l'exception plutôt que la règle. D'où il résulte que la multiplication des intermédiaires a pour résultat non seulement d'établir un trait d'union entre les emprunteurs et les prêteurs, mais encore d'assurer davantage le prêt des capitaux, partant de réduire le taux de l'intérêt. Car une institution de crédit, grande ou petite, dont la réputation est bien établie et qui est intéressée à la maintenir pour conserver sa clientèle, présente une somme plus élevée de garanties que les emprunteurs isolés avec lesquels les capitalistes devraient s'aboucher directement si l'intermédiaire n'existait point. Alors même, du reste, que les garanties seraient égales des deux parts, les capitalistes, pris individuellement, ne possédant pas les mêmes moyens d'information et de contrôle que des intermédiaires qui ont pour spécialité de prêter et d'emprunter, seraient obligés de se couvrir du risque dérivant de l'insuffisance même de leurs moyens d'information, en élevant, d'une manière proportionnelle, la prime d'assurance comprise dans le taux de l'intérêt. L'introduction des intermédiaires dans le mécanisme du crédit, n'a donc pas eu seulement pour résultat de faciliter les emprunts, mais encore de diminuer les risques réels ou supposés du prêt et de rendre, par là même, le taux de l'intérêt réductible d'autant.]

Nous en avons assez dit pour justifier l'existence des intermédiaires de crédit, et pour donner une idée de la place de plus en plus importante qu'ils occupent dans le système de la production. On ne peut nier toutefois que cette importance ait été exagérée. L'école Saint-Simonienne, par exemple, a fait des directeurs d'établissements de crédit des sortes de papes de l'industrie. Sans tomber dans l'exagération, il suffit de donner un coup d'œil sur le monde économique pour voir dans ces établissements une force majeure, qui peut facilement devenir dangereuse et oppressive si la liberté ne la comprime et ne la dirige.

En vérité, nous avons déjà attiré l'attention sur le fait que les entreprises productives de notre époque ont de plus en plus besoin de capitaux et que ceux-ci ne peuvent plus être fournis par une seule personne. Très peu de grandes et même de moyennes entreprises sont désormais créées et soutenues par un capital appartenant uniquement à l'entrepreneur lui-même. En général, le capital est formé en partie par l'association et en partie par l'emprunt. Ici, un entre-

на вѣру, изъ которыхъ каждый доставляетъ ему болѣе или менѣе значительную часть капитала, и при томъ или участвуетъ въ веденіи дѣлъ, или въ него не вмѣшивается. Иногда же предпріятіе составляется не однимъ предпринимателемъ, а цѣлымъ товариществомъ капиталистовъ, которые назначаютъ директора для управленія этимъ предпріятіемъ. Но рѣдко случается, чтобы требуемый капиталъ составлялся весь такимъ образомъ; обыкновенно его дополняютъ посредствомъ займа. Не многія промышленныя предпріятія устроены на такихъ широкихъ основаніяхъ, что не нуждаются въ кредитѣ. Почти всѣ они принуждены давать въ кредитъ, а поэтому и имъ самимъ необходимо прибѣгать къ кредиту.

Въ виду этого господствующаго нынѣ способа организацій предпріятій и возрастающаго ихъ расширенія легко понять, какую важность должны пріобрѣсти посредники, играющіе роль распредѣлителей кредита. Такъ какъ они по самому свойству своихъ занятій знаютъ гораздо лучше простыхъ капиталистовъ, гдѣ выгодно помѣстить деньги; то капиталы и вѣряются имъ обыкновенно по мѣрѣ того, какъ образуются. какъ образуются. Къ нимъ-то стало быть приходится обращаться и за полученіемъ этого необходимаго элемента производства. Если предпріятіе, по ихъ мнѣнію, надежно, они становятся его вкладчиками или открываютъ ему кредитъ, достаточный для начатія дѣла; если напротивъ предпріятіе не внушаетъ имъ довѣрія, они отказываютъ ему въ своемъ содѣйствіи, и предпріятіе становится почти невозможнымъ. Этимъ путемъ они могутъ, по произволу, облегчать или затруднять, ускорять или замедлять образованіе новыхъ предпріятій. Точно также они дозволяютъ предпріятіямъ уже существующимъ расширять кругъ своей дѣятельности или принуждаютъ ихъ стѣснять свои операціи, расширяя или стѣсняя тотъ кредитъ, какимъ-то или другое предпріятіе пользуется у нихъ.

Итакъ если предположить, что занятіе посредниковъ кредита сдѣлалось бы предметомъ монополіи, то обладатели послѣдней облечены были бы громадною властію. Они были бы нѣкоторымъ образомъ верховными распорядителями судьбъ промышленности; множество людей, нуждающихся въ кредитѣ, то-есть большинство промышленныхъ предпринимателей, вполне зависѣли бы отъ ихъ произвола въ средствахъ своихъ къ труду, или, что почти все равно, въ средствахъ къ существованію.

Но такая монополія не возможна, по крайней мѣрѣ невозможно ея полное примѣненіе, а при отсутствіи монополій, при системѣ полной свободы, могущество посредниковъ, снабжа-

preneur s'adjoind des partenaires ou des investisseurs, et chacun lui apporte une part plus ou moins importante du capital ; ces investisseurs participent ensuite à la conduite des affaires ou ne s'en occupent pas directement. Là, l'entreprise n'est pas formée par un seul entrepreneur, mais par tout un groupe de capitalistes, qui nomment un directeur pour la conduire. Mais il arrive rarement que le capital requis soit apporté entièrement de cette manière ; il est généralement complété par un prêt. Rares sont les entreprises industrielles qui sont organisées sur une base si peu large qu'elles n'ont pas besoin de crédit. Presque toutes sont obligées de vendre à crédit et doivent donc elles-mêmes recourir au crédit.

Au vu de ce mode d'organisation aujourd'hui prédominant des entreprises et de leur expansion croissante, il est aisé de comprendre l'importance des intermédiaires jouant le rôle de distributeurs de crédit. Puisque, de par la nature même de leur métier, ils savent bien mieux que les capitalistes ordinaires les branches de la production dans lesquelles il est plus rentable d'employer des fonds, les capitaux leur sont généralement confiés au fur et à mesure de leur formation. On se tourne donc vers eux pour obtenir cet agent nécessaire à la production. Si l'entreprise, à leur avis, est fiable, ils y investissent ou lui accordent un prêt suffisant pour qu'elle démarre ; si, au contraire, l'entreprise ne leur inspire pas confiance, ils refusent leur concours, et l'entreprise devient presque impossible. Ils peuvent ainsi, à leur gré, faciliter ou entraver, accélérer ou ralentir la création de nouvelles entreprises. De la même manière, ils permettent aux entreprises existantes d'élargir la gamme de leurs activités ou ils les obligent à restreindre leurs opérations, en élargissant ou en limitant le crédit qu'ils accordent à telle ou telle entreprise.

Ainsi, dans l'hypothèse où la profession d'intermédiaire de crédit serait l'objet d'un monopole, les propriétaires de ces établissements seraient investis d'un pouvoir énorme. Ils seraient en quelque sorte les intendants suprêmes du sort de l'industrie. La multitude des personnes qui ont besoin de crédit, c'est-à-dire la majorité des entrepreneurs industriels, seraient entièrement soumis à leur arbitraire pour leurs moyens de travail ou, ce qui revient presque au même, pour leurs moyens de subsistance.

Mais une telle oppression n'est pas possible, du moins sa pleine application est impossible, en l'absence de monopole, et dans un

ющихъ кредитомъ, уже нисколько не страшно, а напротивъ только благодѣтельно.

Мы говоримъ, что посредники кредита не могутъ быть облечены полною монополіей. Самая сущность кредита проти вится этому. Пожалуй можно даровать нѣкоторымъ кредитнымъ учрежденіямъ привилегіи, которыя воспрепятствуютъ основанію другихъ подобныхъ учрежденій для конкуренціи съ первыми. Но если бы эти привилегированныя учрежденія захотѣли употребить во зло свою власть, и воспользовались своею монополією, чтобы платить капиталистамъ очень низкій процентъ и въ то же время требовать съ заемщиковъ процентъ несоразмѣрно высокій, то дѣло кончилось бы тѣмъ, что всѣ стали бѣ обходиться безъ ихъ посредничества. Настало бы время, когда капиталисты и заемщики нашли бы, что выгоднѣе договариваться прямо другъ съ другомъ, чѣмъ пользоваться посредничествомъ, которое за услуги свои требуетъ болѣе, чѣмъ онѣ стоятъ. Такъ велики однакожь неудобства и затрудненія этихъ непосредственныхъ сношеній, что монополія могла бы долго существовать, прежде чѣмъ капиталисты и заемщики рѣшились бы прибѣгнуть къ этому средству.

Но предположимъ, что монополія не существуетъ, предположимъ, что кредитныя учрежденія не пользуются никакими привилегіями: при этомъ условіи преобладаніе ихъ совершенно перестаетъ быть опаснымъ. Безъ сомнѣнія, въ качествѣ раздавателей кредита они все еще имѣютъ въ рукахъ своихъ значительную власть, могутъ облегчать и затруднять основаніе и веденіе предпріятій, расширяя или ограничивая зависящіе отъ нихъ займы. Но конкуренція ихъ между собою мѣшаетъ имъ злоупотреблять этою властію. Положимъ, что дѣло идетъ объ отношеніяхъ ихъ къ капиталистамъ, желающимъ помѣстить свои капиталы: если одно изъ упомянутыхъ учрежденій даетъ капиталистамъ слишкомъ недостаточный процентъ, то конкуренты не замедлятъ привлечь ихъ къ себѣ болѣе выгодными предложеніями, такъ что капиталистамъ-заимодавцамъ, при такомъ положеніи дѣлъ, нечего опасаться. Благодаря соперничеству, они всегда могутъ получить на свои капиталы процентъ, какой допускаетъ положеніе рынка. Относительно заемщиковъ то же самое. Выгода самихъ посредниковъ требуетъ, чтобы они привлекали и удерживали за собою возможно большее число заемщиковъ и заимодавцевъ, ибо количество ихъ барыша зависитъ отъ числа и важности сдѣлокъ. Чтò же они должны дѣлать съ этою цѣлію? Какъ долженъ вести себя въ отношеніи къ искателямъ кредита посредникъ или банкиръ, понимающій свои выгоды? Онъ долженъ сначала тщательно ознакомиться съ ихъ

système de liberté totale le pouvoir des intermédiaires fournissant du crédit ne peut être dangereux, mais au contraire, seulement bénéfique.

Nous disons que les intermédiaires de crédit ne peuvent pas être investis d'un monopole complet. L'essence même du crédit s'y oppose. Il est peut-être possible d'accorder à certains établissements de crédit des privilèges qui empêcheront la création d'autres établissements similaires destinés à concurrencer les premiers. Mais si ces institutions privilégiées voulaient utiliser leur pouvoir pour le mal et profitaient de leur monopole pour payer aux capitalistes un taux d'intérêt très bas et en même temps exigeaient de leurs emprunteurs un taux d'intérêt disproportionné, leurs opérations prendraient fin du fait que leurs clients commenceraient à s'entendre sans eux. Le moment viendrait où les capitalistes et les emprunteurs trouveraient plus rentable de négocier directement entre eux plutôt que de recourir à des intermédiaires dont les services exigent plus que ce qu'il leur en coûte pour rester à flot. Mais les difficultés et les inconvénients de ces relations directes sont si grands que le monopole pourrait exister pendant longtemps avant que les capitalistes et les emprunteurs ne décident de recourir à ce moyen.

Mais supposons qu'il n'y ait pas de monopole, supposons que les établissements de crédit ne jouissent d'aucun privilège : dans cette situation, leur pouvoir cesse complètement d'être redoutable. Sans aucun doute, en tant que distributeurs de crédit, ils ont encore entre leurs mains un pouvoir considérable, ils peuvent faciliter ou compliquer la création et la gestion des entreprises, en élargissant ou en limitant les prêts qui les soutiennent. Mais la concurrence qu'ils se font entre eux les empêche d'abuser de ce pouvoir. Supposons qu'un désaccord naisse dans leur relation avec les capitalistes qui veulent investir leur capital : si l'une des institutions de crédit offre aux capitalistes des intérêts trop faibles, alors les concurrents n'hésiteront pas à les attirer à eux par de meilleures offres, de sorte que dans cet état de choses, il n'y a rien à craindre. Grâce à la concurrence, les intermédiaires de crédit pourront toujours percevoir des intérêts sur leur capital, au taux que la situation du marché permet. Les choses sont les mêmes du côté des emprunteurs. L'intérêt des intermédiaires de crédit eux-mêmes les pousse à attirer et à conserver autant d'emprunteurs et de prêteurs que possible, puisque le montant de leurs bénéfices dépend du nombre et de l'importance des transactions. Que devront-ils faire dans cette vue ? Comment un intermédiaire ou un banquier qui comprend son intérêt doit-il se comporter envers les demandeurs de prêt ? Il doit d'abord bien se familiariser avec leur

положеніемъ, состоятельностьюю, съ шансами успѣха тѣхъ предприятий, которыя они затѣваютъ или ведутъ; за тѣмъ онъ долженъ опредѣлить объемъ кредита, какой можно имъ дать, и условія, какія можно предложить имъ. По всей вѣроятности онъ предложить имъ самый значительный кредитъ и самыя выгодныя условія, какія только допускаются ихъ положеніемъ; его выгоды, по крайней мѣрѣ, требуютъ, чтобъ онъ такъ поступалъ. Ибо если онъ слишкомъ много станетъ съ ними торговаться, если онъ захочетъ заставить ихъ слишкомъ дорого платить за кредитъ, они обратятся къ другому. Вотъ почему онъ даетъ все, что можетъ дать. При такомъ устройствѣ, посредники кредита также мало могутъ слѣдовательно злоупотреблять своею властію относительно заемщиковъ, какъ и относительно заимодавцевъ. Сдерживаемые правящею уздой конкуренціи, они должны предоставить и тѣмъ и другимъ возможно большее количество удобствъ и выгодъ, какое только допускается положеніемъ денежнаго рынка, довольствуясь естественнымъ вознагражденіемъ за свои услуги и покрытіемъ страховой преміи за рискъ. Отсюда слѣдуетъ, что, при господствѣ конкуренцій, кредитъ такъ доступенъ и такъ дешевъ, какъ Только возможно.

IV.

Объясненій, въ какія мы вошли, достаточно по нашему мнѣнію, чтобы показать мѣсто, занимаемое посредниками кредита въ обширномъ механизмѣ производства. Посредники эти ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ обвиненія въ чужеядіи или паразитствѣ, которое взвели на нихъ нѣкоторыя школы. Они, равно полезны капиталистамъ и заемщикамъ; они при свободномъ соперничествѣ не могутъ принуждать къ слишкомъ дорогому платежу за свои услуги. Безъ сомнѣнія, во многихъ еще случаяхъ этотъ посредствующій механизмъ кредита не вполне удовлетворителенъ, и услуги, имъ оказываемыя, обходятся слишкомъ дорого. Но недостатки и злоупотребленія, на которыя можно указать въ нынѣшнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, вовсе не заключаются въ самой сущности этихъ учреждений; они проистекаютъ или отъ случайнаго существованія монополій, или, если монополіи этой не существуетъ, отъ свойства общаго всѣмъ людскимъ учрежденіямъ, которыя именно потому и не совершенны, что способны совершенствоваться. Въ самомъ дѣлѣ, не надо забывать, что экономическая организація общества способна развиваться и совершенствоваться въ своемъ развитіи; что если неизмѣнны общіе законы, которые управляютъ образованіемъ предприятий, за то форма предприятий, ихъ размѣры и способы не

situation, leur richesse et les chances de succès des entreprises qu'ils entreprennent ou dirigent ; il doit ensuite déterminer le montant du crédit qui peut leur être accordé, et les conditions qui peuvent leur être proposées. Selon toute vraisemblance, il leur proposera le prêt le plus important et les conditions les plus avantageuses que leur situation permette ; son intérêt, du moins, l'y pousse. Car s'il marchandait trop avec eux, s'il veut les forcer à payer trop cher pour les capitaux prêtés, ils se tourneront vers un autre intermédiaire. C'est pourquoi il leur donne tout ce qu'il peut leur donner. Dans de telles circonstances, les intermédiaires de crédit sont tout aussi peu susceptibles d'abuser de leur pouvoir à l'égard des emprunteurs qu'à l'égard des prêteurs. Limités par le frein majeur de la concurrence, ils doivent offrir à tous deux les conditions les meilleures et les plus profitables que l'état du marché monétaire leur permet d'offrir, en se contentant de la récompense naturelle de leurs services et en couvrant la prime d'assurance pour le risque. Il s'ensuit que, sous le régime de la concurrence, le crédit est aussi accessible et aussi bon marché que possible.

IV.

Les explications que nous avons fournies suffisent, à notre avis, pour expliquer la place occupée par les intermédiaires de crédit dans le vaste mécanisme de la production. Ces intermédiaires ne méritent en aucun cas les accusations de spoliation ou de parasitisme que certaines écoles leur ont adressées. Ils sont également utiles aux détenteurs de capitaux et aux emprunteurs, et, sous un régime de libre concurrence, ils ne peuvent pas imposer une rémunération trop élevée pour leurs services. Sans aucun doute, dans de nombreux autres cas, ce mécanisme de l'intermédiation du crédit n'est pas entièrement satisfaisant et les services qu'il fournit sont trop coûteux. Mais les carences et les abus que l'on peut signaler dans les établissements de crédit modernes ne sont pas du tout à trouver dans le fait même de ces institutions ; ils proviennent soit de l'existence accidentelle de monopoles, soit, si ce monopole n'existe pas, d'un caractère commun à toutes les institutions humaines, qui ne sont pas parfaites précisément parce qu'elles sont susceptibles d'amélioration. En effet, il ne faut pas oublier que l'organisation économique de la société est capable de se modifier et de s'améliorer dans son développement ; que quoique les lois générales qui régissent la création des entreprises sont fixes, la forme des entreprises, leur taille et leurs méthodes non seulement ne le sont pas, mais elles se distinguent par

только подлежать измѣненіямъ, но даже отличаются необыкновенною подвижностію. Предпріятія образуются и дѣйствуютъ сегодня такъ, завтра иначе; эта сторона предпріятій точно такъ же способна къ прогрессу, какъ и орудія, машины и промышленные способы, употребляемые предпринимателями. Мы будемъ имѣть случай показать, въ какой степени развились и усовершенствовались кредитныя учрежденія, съ того времени какъ промышленность приняла обширные размѣры; настоящее ихъ устройство столько же похоже на прежнее, сколько механизмъ бумажной фабрики, приводимой въ движеніе посредствомъ пара, похожъ на орудія мастерской для ручной пряжи и тканья. Прогрессъ преобразоваль и то и другое. Преобразованія пойдутъ далѣе, и при каждомъ своемъ прогрессивномъ видоизмѣненіи, они будутъ освобождаться отъ какого-нибудь изъ своихъ недостатковъ, будутъ все дѣйствительнѣе и надежнѣе. Хотѣть уничтоженія ихъ, потому что они не совершенны, было бы такъ же безразсудно, какъ уничтожать дороги, потому что онѣ испорчены колеями, или экипажи, потому что оси ихъ иногда ломаются. Должно стараться объ усовершеніи того, что не совершенно, о развитіи того, что не достаточно, и никогда не терять изъ виду, что всякое учрежденіе, не имѣющее разумной причины существованія, или потерявшее ее, всякое учрежденіе бесполезное падаетъ само собою, если только не поддерживается внѣшнею силой. Можно еще прибавить, что и самая эта сила скоро истрачивается въ поддержкѣ учреждений, переставшихъ приносить пользу.

Разсмотримъ теперь различныя обязанности, исполняемыя кредитными учрежденіями, мало-по малу занявшими мѣсто между капиталистами и заемщиками; а равно и разнообразныя операціи, которыя они берутъ на себя.

Обязанности эти и операцій различны, смотря по степени, занимаемой посредникомъ въ іерархіи кредита, и по *спеціальности*, составляющей предметъ занятій посредника.

Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно, чтобъ объяснить эти два выраженія: *степень* и *спеціальность*, въ примѣненіи къ кредитнымъ учрежденіямъ.

Вопервыхъ *степень*. Разсматривая кредитныя заведенія, которыя образовались сами собою и развились какъ естественный продуктъ экономическаго растительнаго царства, для удовлетворенія обоюднымъ потребностямъ заимодавцевъ и заемщиковъ, мы замѣчаемъ въ *торговль капиталами* ту же самую іерархію, какая установилась въ обыкновенной торговлѣ. Какъ тамъ бывають оптовые негоціанты, торговцы средніе и мелочные, такъ и тутъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ большіе банки, которые

une variété et une mobilité extraordinaires. Les entreprises se créent et fonctionnent d'une manière aujourd'hui, d'une autre demain ; et cet aspect des entreprises est tout aussi susceptible de progrès que les outils, les machines et les méthodes industrielles utilisés par les entrepreneurs. Nous aurons l'occasion de montrer à quel point les institutions de crédit se sont développées et améliorées depuis que l'industrie a pris des proportions plus étendues ; leur structure actuelle est aussi semblable à la précédente que le mécanisme d'une fabrique textile mue par la vapeur est semblable aux outils d'un atelier de filage et de tissage à la main. Le progrès a transformé les uns comme les autres. Les transformations se poursuivront, et à chacune de leurs modifications progressives, elles abandonneront certaines de leurs lacunes, elles deviendront plus efficaces et plus fiables. Vouloir détruire ces mécanismes parce qu'ils ne sont pas parfaits serait aussi insensé que de détruire les routes parce qu'elles sont parfois abimées par des ornières, ou les voitures parce que leurs essieux viennent parfois à se briser. Nous devons essayer d'améliorer ce qui n'est pas parfait, de développer ce qui est insuffisant, et ne jamais perdre de vue que toute institution qui n'a pas de raison d'être rationnelle ou qui l'a perdue, que toute institution inutile tombe d'elle-même, à moins qu'elle ne soit soutenue par une force extérieure. On pourrait aussi ajouter que ce même pouvoir en vient bientôt à être employé pour soutenir des institutions qui ont cessé d'être utiles.

Étudions maintenant les diverses fonctions exercées par les établissements de crédit, qui peu à peu sont intervenus entre les capitalistes et les emprunteurs, ainsi que les différentes opérations qu'ils entreprennent.

Ces fonctions et opérations sont différentes selon le rang occupé par l'intermédiaire dans la hiérarchie du crédit, et selon la spécialité qui constitue l'objet de la profession de l'intermédiaire.

Quelques mots suffiront pour expliquer ces deux expressions : rang et spécialité, appliquées aux établissements de crédit.

[Le *rang* d'abord. En examinant ces institutions qui sont nées d'elles-mêmes et qui se sont développées, comme une véritable végétation économique, pour satisfaire aux besoins réciproques des prêteurs et des emprunteurs, on s'aperçoit que la même hiérarchie qui s'établit dans le commerce ordinaire, où l'on distingue, comme chacun sait, des négociants en gros et en demi-gros, et des marchands de détail, se retrouve aussi dans le commerce des capitaux. Viennent d'abord les grandes banques qui reçoivent et qui distri-

получаютъ и раздають капиталы массамаи, пренебрегая операціями второстепенными; за ними слѣдуютъ небольшіе банки, частью конторы большіихъ, ихъ какъ бы вѣтви, частью ихъ спутники, служащіе посредниками между ними и оптовою торговлею или большою промышленностію; третье мѣсто занимаютъ банкиры средней и мелочной торговли, средней и мелочной промышленности, исполняющіе мелкія банковыя операціи.

Вотворыхъ *спеціальность*. Торговля капиталами имѣетъ, такъ же какъ и торговля произведеніями, свои *спеціальности*; число ихъ будетъ современемъ возрастать по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія этой торговли. Одни заведенія спеціально занимаются доставкою капиталовъ для промышленности земледѣльской на условіяхъ и на сроки, приспособленные къ этому роду займовъ; другія доставляютъ капиталы для промышленности мануфактурной и для торговли. Есть заведенія, занимающіяся сборомъ и составленіемъ капиталовъ, необходимыхъ для вновь образующихся предпріятій; другія, напротивъ, воздерживаются отъ затрачиванія капиталовъ въ новыя предпріятія, но удовлетворяютъ потребности въ кредитѣ уже существующихъ предпріятій и берутся получать за нихъ деньги и производить уплаты.

Сдѣлавъ это общее замѣчаніе, постараемся дать понятіе объ обязанностяхъ, доставшихся въ удѣлъ различнымъ категоріямъ кредитныхъ учреждений.

Начнемъ съ низшей ступени въ іерархіи кредита.

Перенесемъ въ какой-нибудь мануфактурный центръ, гдѣ выдѣлываютъ напримѣръ шерстяныя или бумажныя ткани. Тамъ мы находимъ промышленниковъ всѣхъ классовъ; одни имѣютъ огромныя Фабрики, другіе — только маленькія мастерскія. Между капиталами этихъ промышленниковъ бываютъ огромныя различія, несоразмѣрная даже съ цифрою дѣлъ ихъ обладателей. Одни имѣютъ не только зданія и машины, необходимыя для ихъ промысла, то есть *капиталъ постоянный*, но такъ же и *оборотный капиталъ*, необходимый для покупки топлива, шерсти или бумаги, химическихъ произведеній и другихъ сырыхъ продуктовъ, ими употребляемыхъ, и для уплаты работникамъ, до времени распродажи своихъ произведеній. Понятно, что этимъ промышленникамъ, имѣющимъ капиталы въ такомъ обилии, не зачѣмъ прибѣгать къ кредиту и доставать деньги, по крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Напротивъ того, такъ какъ капитала у нихъ достаточно на покрытіе всѣхъ издержекъ производства до времени продажи ихъ произведеній, то въ это время у нихъ является избытокъ денегъ, и они желаютъ помѣстить ихъ на время. Одинъ изъ самыхъ употребительныхъ способовъ помѣщенія въ такомъ случаѣ состоитъ въ увеличеніи

buent les capitaux en masses, en négligeant les opérations secondaires. Viennent ensuite les petites banques, ordinairement les succursales ou les satellites des grandes et qui servent d'intermédiaires entre celles-ci et le haut commerce ou la grande industrie. Viennent enfin les banquiers du moyen et du petit commerce, de la moyenne et de la petite industrie, qui font le détail des opérations de banque.

La *spécialité* ensuite. Le commerce des capitaux a encore, comme le commerce des produits, ses spécialités et il les aura de plus en plus à mesure qu'il se développera davantage. Tels établissements fournissent spécialement des capitaux à l'agriculture sous des conditions et à des termes appropriés à ce genre de prêts ; tels autres en fournissent à l'industrie et au commerce. Les uns encore s'occupent de rassembler et de constituer les capitaux nécessaires aux entreprises en voie de formation ; les autres, au contraire, s'abstiennent d'immobiliser des capitaux dans les nouvelles entreprises ; mais ils pourvoient aux besoins de crédit des entreprises existantes, dont ils se chargent, en même temps, de recouvrer les créances et d'effectuer les paiements.

Essayons maintenant de donner une idée des fonctions qui sont dévolues à ces diverses catégories d'établissements de crédit.

Commençons par le degré inférieur de la hiérarchie.

Transportons-nous dans une localité manufacturière où l'on fabrique, par exemple, des étoffes de laine ou de coton. Nous y trouvons des industriels de tous rangs, les uns possédant d'immenses manufactures, les autres n'ayant que de petits ateliers. Ces industriels sont fort inégalement pourvus de capitaux, même en tenant compte de l'inégalité du chiffre de leurs affaires. Les uns possèdent non seulement les bâtiments et les machines nécessaires à leur industrie, c'est-à-dire le capital fixe, mais encore tout le capital circulant nécessaire à l'achat successif du combustible, de la laine ou du coton, des produits chimiques et des autres matières premières qu'ils emploient, ainsi qu'au paiement de leurs ouvriers, jusqu'au moment de la réalisation de leurs produits. Ces industriels si amplement pourvus de capitaux n'ont, on le conçoit, aucunement besoin de recourir au crédit pour s'en procurer, du moins dans les circonstances ordinaires. Au contraire ! Leurs capitaux étant suffisants pour couvrir toutes leurs dépenses de production jusqu'aux époques de la réalisation de leurs produits, à ces époques ils se trouvent surchargés de fonds et ils ne sont pas fâchés de les placer d'une manière temporaire. Un des modes de placement les plus usités, en pareil cas,

кредита, при продажѣ товаровъ, ибо это почти вѣрное, хотя правда и опасное средство увеличить число своихъ покупателей. Купцы, покупающіе на долгіе сроки, естественно желаютъ купить болѣе, такъ какъ кредитъ, которымъ они пользуются, позволяетъ имъ въ свою очередь облегчить уплату для потребителей и тѣмъ самымъ побудить ихъ потреблять больше. Однакожъ эта система нисходящаго кредита поражаетъ шаткое и опасное положеніе, къ которому мы еще возвратимся, когда будемъ говорить о торговыхъ кризисахъ.

Если у промышленниковъ, обладающихъ капиталами, превышающими требованія ихъ промысла, остается еще излишекъ даже послѣ того, какъ они предоставили своимъ покупателямъ возможно значительный кредитъ, и если они не хотятъ оставить эти капиталы безъ производительнаго употребленія на то время, пока они имъ не нужны, что могутъ они съ ними сдѣлать? Они могутъ найти имъ прямое помѣщеніе; но если они благоразумны, то помѣщаютъ ихъ такъ, чтобы не трудно было получить ихъ обратно въ случаѣ непредвидѣнной нужды. Они могутъ еще довѣрить свои капиталы какому-нибудь банку, который вознаграждаетъ ихъ за то уплатою процентовъ и на себя уже беретъ употребить капиталы такъ, чтобы они давали доходъ. Итакъ вотъ разрядъ промышленниковъ, не прибѣгающихъ къ помощи кредита. Но нечего прибавлять, что эта промышленная аристократія не многочисленна. За нею располагается по разнымъ ступенямъ большинство предпринимателей, не обладающихъ достаточнымъ количествомъ капитала и принужденныхъ слѣдовательно безпрестанно прибѣгать къ кредиту.

Эти предприниматели, скудно снабженные капиталами, тѣмъ не менѣе однакоже принуждены, замѣтьте это, продавать въ кредитъ свои произведенія. Они принуждены подражать въ этомъ отношеніи своимъ болѣе богатымъ конкурентамъ, чтобы составить или сохранить себѣ кругъ постоянныхъ покупателей. Въ замѣнъ того они сами покупаютъ, по возможности также въ долгъ, употребляемые ими сырые матеріалы. Но тѣмъ не менѣе все же приходится имъ платить жалованье работникамъ и покрывать текущіе издержки наличными деньгами. Съ этою цѣлью они должны достать себѣ болѣе или менѣе значительное дополненіе къ своему оборотному капиталу, подъ видомъ наличныхъ денегъ. За этимъ они прибѣгаютъ къ банкиру, которому передаютъ срочные векселя или *тратты* (переводные векселя) на торговцовъ, купившихъ въ долгъ ихъ товары. Банкиръ выдаетъ имъ Деньгами цѣнность этихъ векселей или *траттъ*, представляющихъ собою цѣнность проданнаго товара, и беретъ на себя трудъ получить по нимъ деньги. Кромѣ того,

consiste dans l'augmentation des crédits à la vente des marchandises. Car c'est là un moyen presque infaillible, quoiqu'il soit, à la vérité, fort dangereux, d'accroître le nombre de ses acheteurs. Les marchands qui achètent à de longs termes sont naturellement portés à acheter davantage, le crédit qu'on leur accorde leur permettant d'augmenter les facilités de paiement qu'ils accordent de leur côté aux consommateurs et de les exciter par là même à consommer davantage.

Si les industriels qui possèdent des capitaux au-delà même des nécessités de leur industrie ont encore un excédent de fonds après avoir accordé à leur clientèle un crédit aussi étendu que possible, et s'ils ne veulent point garder ces fonds, d'une manière improductive, dans les intermittences de leurs besoins, qu'en peuvent-ils faire ? Ils peuvent les placer directement eux-mêmes ; mais, s'ils sont prudents, ils les placent de manière à pouvoir les réaliser aisément en cas de besoins imprévus. Ils peuvent encore les confier à une banque ou à un banquier qui leur en bonifie un intérêt et qui se charge de les faire valoir. Voilà donc, en définitive, une catégorie d'industriels qui n'empruntent point le secours du crédit. Mais nous n'avons pas besoin d'ajouter que cette aristocratie de l'industrie est peu nombreuse. Au-dessous d'elle se place à des degrés divers la multitude des entrepreneurs qui ne possèdent point une quantité suffisante de capital, et qui sont, en conséquence, incessamment obligés de recourir au crédit.

Ces entrepreneurs mal pourvus de capitaux n'en doivent pas moins, remarquons-le bien, vendre leurs produits à terme. Ils sont tenus d'imiter sous ce rapport leurs concurrents plus riches, afin de pouvoir se former une clientèle ou la conserver. En revanche, ils achètent autant que possible à terme aussi, les matières premières dont ils font usage. Ils ont toutefois à payer, en tous cas, au comptant, les salaires de leurs ouvriers et à pourvoir aux dépenses courantes. Dans ce but, ils doivent se procurer un supplément plus ou moins considérable de capital circulant sous forme de numéraire. Ils recourent pour cela à un banquier auquel ils remettent des traites ou des mandats sur les négociants en draps ou en cotonnades, à qui ils ont vendu des marchandises payables à terme. Le banquier leur avance le montant de ces mandats ou de ces traites, représentant des marchandises vendues, et il se charge d'en faire le recouvrement.

иногда промышленники, не имѣющіе капиталовъ, принуждены бываютъ занимать просто, не покрывая займа передачею срочныхъ векселей.

Положеніе банкира, торгующаго капиталами, относительно различныхъ промышленниковъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло, какъ видите, весьма различно. У однихъ онъ самъ занимаетъ. Другимъ, онъ даетъ въ займы, скупая у нихъ векселя, уплаты по которымъ предстоятъ по истеченіи срока, болѣе или менѣе отдаленнаго. Наконецъ, третьимъ онъ даетъ въ займы просто, то-есть безъ всякихъ обезпеченій.

Но хотя банкиры не всѣмъ своимъ кліентамъ доставляютъ нужные имъ дополнительные капиталы, они всѣмъ имъ оказываютъ общія услуги, о которыхъ необходимо упомянуть. Вовпервыхъ, они платятъ и получаютъ ихъ долги, служа имъ такимъ образомъ вмѣсто кассировъ. Вовторыхъ, они доставляютъ имъ наличныя деньги для расплаты съ работниками, или векселя для уплаты за матеріалы и орудія производства, когда они получаютъ фабрикантами изъ другихъ мѣстностей или странъ.

Промышленнику или негоціанту всегда приходится производить множество платежей, если даже не считать жалованья работникамъ и покупку тѣхъ запасовъ, за которые платятъ деньги опредѣленное число разъ въ годъ. Поэтому ему необходимо всегда имѣть въ кассѣ своей болѣе или менѣе значительную сумму денегъ. Но онъ можетъ избавиться отъ этой заботы, поручивъ банкиру исполнять по его счетамъ обязанности кассира, и выдавая вмѣсто наличныхъ денегъ переводныя записки, такъ-называемыя чеки, по которымъ уплата производится банкиромъ по ихъ предъявленіи. Система эта, вообще принятая въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, составляетъ значительную экономію труда и капитала. Вовпервыхъ она даетъ возможность промышленнику или негоціанту обходиться безъ особеннаго довѣреннаго лица для завѣдыванія кассой. Три или четыре прикащика, завѣдывающіе счетною частью и кассою одного банкира, исполняютъ при этой системѣ, все то дѣло, которое потребовало бы тридцати или сорока кассировъ у промышленниковъ или негоціантовъ, еслибы они производили уплату каждый у себя дома. Вовторыхъ, банкиру не нужно держать въ кассѣ сумму, равную всѣмъ вмѣстѣ взятымъ суммамъ, какія были бы необходимы тридцати или сорока кассирамъ, которыхъ онъ замѣняетъ, потому что виременты (переводы со счетовъ одного лица на счета другаго) въ этой системѣ замѣняютъ большую часть платежей наличными

Quelquefois encore, les industriels les moins pourvus de capitaux sont obligés d'emprunter tout à fait à découvert, c'est-à-dire sans fournir, en échange, des créances payables à terme.

La situation du banquier faisant commerce de capitaux vis-à-vis de ces différentes catégories de clients est, comme on voit, fort diverse. Aux uns, il ne prête point, il emprunte au contraire. Aux autres, il prête en leur achetant des créances exigibles à des termes plus ou moins éloignés et représentant des marchandises vendues. Aux derniers enfin, il prête purement et simplement sans être couvert par des sécurités d'aucune sorte.

Mais si les banquiers ne fournissent point à tous leurs clients des capitaux complémentaires, ils leur rendent à tous certains services généraux dont il est nécessaire de donner un aperçu. 1° Ils font, pour leur compte, des paiements et des recouvrements, leur servant ainsi de caissiers. 2° Ils leur fournissent des espèces pour salarier leurs ouvriers ou des lettres de change pour payer les matières premières ou les instruments de leur fabrication, lorsque ceux-ci proviennent d'autres localités ou d'autres pays.

Un industriel ou un négociant a toujours une multitude de paiements à faire, en laissant de côté même les salaires et les approvisionnements qu'il est tenu de payer à des époques périodiques. Il est obligé, en conséquence, de conserver toujours dans sa caisse une somme d'argent plus ou moins considérable. Mais il peut se débarrasser de ce soin en chargeant un banquier de remplir pour son compte l'office de caissier ; il donne alors, au lieu d'espèces, pour régler ses achats, des mandats ou chèques payables à vue sur son banquier. Ce système, généralement usité en Angleterre et aux États-Unis, occasionne une assez notable économie de travail et de capital. En premier lieu, il permet à l'industriel ou au négociant de se passer d'un employé spécial pour tenir sa caisse. Trois ou quatre commis chargés de la comptabilité et de la caisse d'un seul banquier font dans ce système toute la besogne qui en exigeait auparavant trente ou quarante chez les industriels ou chez les négociants qui payaient chez eux. En second lieu, le banquier n'a pas besoin de conserver en caisse une somme égale à la totalité des sommes qui étaient nécessaires aux trente ou quarante caissiers qu'il remplace, les virements de compte se substituant pour une large part, dans ce

деньгами; а отъ этого происходитъ экономія капитала, которая еще важнѣе экономіи труда¹.

На банкира возлагается не только производство платежей, но и полученіе денегъ посчетами и документами. Разсмотримъ какого рода бываютъ тѣ вѣрительные документы, по которымъ банкиру приходится получать деньги, и какъ происходитъ это полученіе.

Положимъ, вы продали въ мѣстность, болѣе или менѣе отдаленную отъ мѣста вашего производства, извѣстное количество своихъ произведеній на двухъ-или трехъ-мѣсячный срокъ, то-есть вы дали покупателю своему на два или на три мѣсяца кредитъ, равняющійся итогу цѣнности проданнаго вами товара. Какимъ образомъ получите вы деньги по этому документу? Вы можете требовать отъ покупщика своего, чтобъ онъ выслалъ вамъ, по истеченіи срока, должную сумму наличными деньгами. Но впервыхъ этотъ способъ требуетъ пересылки денегъ, стоящей всегда довольно дорого. Вовторыхъ онъ не позволяетъ вамъ сдѣлать употребленіе изъ полученнаго вами документа, въ случаѣ надобности въ деньгахъ прежде срока платежа. Вы прибѣгаете поэтому къ способу полученія болѣе выгодному, къ которому естественнымъ образомъ привело развитіе торговыхъ сношеній, то-есть вы или даете переводъ на имя вашего должника подъ платежъ по вашему приказу, или берете отъ него вексель. То-есть либо вы сами выпускаете отъ себя билетъ, тратту, подъ платежъ покупщика своего, на стоимость товаровъ, которые вы ему продали, съ означеніемъ обязательнаго срока уплаты, либо онъ присылаетъ вамъ обязательство платить въ срокъ по вашему приказу, либо онъ наконецъ передаетъ вамъ векселя на своихъ покупателей или на своего банкира, на сумму равную стоимости даннаго вами ему кредита. Что же вы станете дѣлать съ этими платежными переводами, которые, какъ вы видите, могутъ принимать самыя разнообразныя формы? Вы можете прямо получать по нимъ деньги по истеченіи срока въ мѣстахъ, гдѣ они по условію должны быть уплачены, и велѣтъ выслать себѣ ихъ стоимость звонкою монетою. Вы можете также передать ихъ вашимъ собственнымъ поставщикамъ, которые продали вамъ въ кредитъ сырые матеріалы или другіе продукты, при чемъ вы

¹ Недавно въ одной лондонской корреспонденціи представлено очень ясное описаніе этой замысловатой системы *чековъ*, которую всѣ страны материка должны бы заимствовать у Англіи. (Въ шестой книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, за текущій годъ, въ Смѣси, читатели найдутъ извлеченіе изъ этой корреспонденціи, а потому мы считаемъ излишнимъ помѣ— щать его здѣсь.)

système, aux paiements en espèces, d'où résulte une économie de capital plus importante encore que celle de travail¹.

Le banquier n'est pas chargé seulement de faire des paiements pour le compte des industriels et des négociants ; il l'est aussi de faire des recouvrements. Examinons en quoi consistent communément les créances qu'il est chargé de recouvrer et comment les choses se passent à cet égard.

Vous avez, je suppose, vendu dans une localité plus ou moins éloignée du siège de votre industrie, une certaine quantité de vos produits à un terme de deux ou trois mois, ce qui signifie que vous accordez pendant deux ou trois mois à votre acheteur un crédit égal au montant de la valeur de la marchandise. De quelle façon allez-vous opérer le recouvrement de cette créance ? Vous pouvez exiger de votre acheteur qu'il vous en envoie, à l'échéance, le montant en numéraire. Mais d'abord ce procédé implique un transport d'argent toujours passablement coûteux. Ensuite, il ne vous permet pas de tirer parti de votre créance avant qu'elle ne vienne à échoir, dans le cas où vous auriez besoin d'argent. Vous avez recours, en conséquence, à un autre procédé de recouvrement beaucoup plus économique et auquel le développement des relations commerciales a conduit naturellement, c'est le procédé du billet à ordre, du mandat ou de la lettre de change. Ou bien vous faites un billet, une traite sur votre acheteur pour le montant des marchandises que vous lui avez vendues et qui échoient au terme stipulé, ou bien il vous envoie une promesse de paiement, ou bien encore il vous remet des billets tirés par lui sur des acheteurs de ses marchandises ou sur son banquier jusqu'à concurrence du montant de votre créance. Maintenant, que faites-vous de ces mandats de paiement, lesquels peuvent affecter, comme on voit, les formes les plus diverses ? Vous pouvez les faire recouvrer directement, à leur échéance, dans les endroits où ils sont payables et vous en faire expédier le montant en numéraire. Vous pouvez encore les remettre à vos propres fournisseurs qui vous ont vendu à terme des matières premières ou d'autres produits, en tenant

¹ Une correspondance londonienne donnait récemment une description très claire de ce système complexe de virements, que tous les pays du continent devaient emprunter à l'Angleterre. (Dans le sixième volume du *Messenger russe* pour l'année en cours, dans la série des Variétés, les lecteurs trouveront un extrait de cette correspondance, que nous jugeons donc inutile de reproduire ici.)

примете въ расчетъ разницу сроковъ платежа. Вы наконецъ можете передать ихъ банкиру, чтобъ онъ взялъ на себя полученіе по нимъ и потомъ переслалъ вамъ стоимость ихъ въ видѣ наличныхъ денегъ, или въ видѣ другихъ векселей, или наконецъ вы можете предоставить себѣ право располагать вашимъ кредитомъ у него или у его корреспондентовъ, которые въ этомъ случаѣ откроютъ вамъ кредитъ по его письмамъ (*кредитивамъ*). Изъ этихъ-то различныхъ способовъ полученія употребляется тотъ или другой, смотря по существующимъ въ данное время потребностямъ. Но первый способъ (прямая пересылка денегъ) вообще рѣдко употребляется. Чаще случается, что билеты или векселя, данные покупщикомъ въ уплату за товары ему проданные, передаются продавцомъ другому продавцу въ уплату за товары, взятые имъ у сего послѣдняго. Но подъ конецъ всегда почти эти билеты переходятъ въ руки банкира, который беретъ получить по нимъ соотвѣтствующую цѣнность. Банкиръ, имѣя съ этою цѣлью корреспондентовъ въ большей части промышленныхъ или торговыхъ мѣстностей, скорѣе и дешевле простаго неоганта можетъ исполнить это дѣло. Смотри по большому или меньшему отдаленію мѣстности и по тому, какъ многочисленны и развиты въ ней дѣла, смотря также по значительности суммы, которую предстоитъ получать, банкиръ выговариваетъ себѣ вознагражденіе за комиссію по полученію денегъ и ставитъ сверхъ того въ счетъ потерю въ курсѣ, зависящую отъ коммерческихъ обстоятельствъ того мѣста, гдѣ должна быть произведена уплата. Въ большихъ торговыхъ центрахъ этой потери нѣтъ. Многіе изъ небольшихъ банкировъ или подсобныхъ конторъ, открываемыхъ большими банками, имѣютъ спеціальнымъ и почти исключительнымъ занятіемъ полученіе денегъ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ кредитъ еще мало развитъ.

Чего же требуется отъ банкировъ въ замѣнъ этихъ долговыхъ обязательствъ, полученіе по которымъ имъ поручаютъ? Какой требуютъ отъ нихъ цѣнности, которая равнялась бы этимъ обязательствамъ, или говоря техническимъ терминомъ, *равноцѣнности ихъ*? Отъ нихъ требуютъ, какъ мы сейчасъ это видѣли, иногда присылки денегъ, иногда права располагать у нихъ или у ихъ корреспондентовъ полученною ими, какъ вкладъ, суммою, иногда же требуютъ отъ нихъ векселей на извѣстные города, къ которымъ въ торговомъ мірѣ принято обращаться для производства и полученія платежей за главнѣйшіе товары, составляющіе предметъ внутренней или международной мѣны.

Для совершенной ясности дополнимъ это объясненіе механизма полученій, пользуясь тою же гипотезою, къ которой мы сейчасъ прибѣгли.

compte de la différence des échéances. Vous pouvez enfin les remettre à un banquier pour qu'il se charge de les faire recouvrer, puis de vous en envoyer le montant, soit sous forme de numéraire, soit sous forme d'autres lettres de change, à moins que vous ne préfériez en disposer chez lui ou chez ses correspondants, auprès desquels il vous ouvre, dans ce but, un crédit. Ces divers modes de recouvrement sont tour à tour employés, selon qu'ils répondent plus ou moins aux convenances du moment. Le premier toutefois (l'envoi direct de numéraire) est rarement usité. Il arrive plus souvent que des billets ou des mandats fournis par un acheteur, en paiement de marchandises qui lui ont été livrées, soient remis à un vendeur en paiement des marchandises reçues. Mais presque toujours ces billets sont finalement remis à un banquier qui se charge d'en opérer le recouvrement ; et qui, ayant, dans ce but, des correspondants dans la plupart des localités industrielles ou commerciales, se trouve mieux en mesure qu'un simple négociant d'effectuer cette rentrée à peu de frais. Selon que la localité est plus ou moins écartée, et que les affaires y sont plus ou moins nombreuses et actives, selon encore que la somme à recouvrer est plus ou moins importante, le banquier exige une commission de recouvrement et stipule une perte de place plus ou moins forte. Dans les grands foyers d'affaires, il n'y a pas de perte de place. Beaucoup de petits banquiers ou de succursales de banques ont pour fonction spéciale et presque unique d'opérer des recouvrements, surtout dans les pays où le crédit est encore peu développé.

En échange, et comme contre-valeur de ces créances industrielles ou commerciales qu'on leur donne à recouvrer, que demande-t-on aux banquiers ? On leur demande, comme nous venons de le dire, tantôt des envois de numéraire, tantôt l'autorisation de disposer chez eux ou chez leurs correspondants du montant de la somme qu'ils ont recouvrée, tantôt enfin des lettres de change sur certaines places que le commerce est convenu de choisir pour effectuer ou pour recevoir le paiement des principales marchandises qui font l'objet des échanges intérieurs ou internationaux.

Complétons cette explication du mécanisme des recouvrements, au moyen de l'hypothèse que nous avons formulée tout à l'heure.

Положимъ, что я фабрикантъ шерстяныхъ или бумажныхъ тканей и что продалъ я *на срокъ* извѣстное количество своихъ тканей въ своей странѣ (въ Бельгій), а другія изъ нихъ въ Голландіи, въ Италиі и наконецъ еще въ Соединенныхъ Штатахъ. Что же я сдѣлаю для полученія уплаты за товары, которые я продалъ на болѣе или менѣе отдаленные сроки? Если дѣло идетъ о покупщикахъ соотечественникахъ, то я могу выдать *тратты* на нихъ. Также могу я поступить съ своими покупщиками въ Голландіи, въ Италиі и въ Соединенныхъ Штатахъ; но если они живутъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ главныхъ городовъ, то я подвергаюсь болѣе или менѣе значительнымъ издержкамъ, вслѣдствіе неудобствъ полученія по моимъ *траттамъ*. Чтò же я сдѣлаю? Отдавая свои товары, я условливаюсь, чтобы деньги за нихъ были заплачены въ городахъ, составляющихъ центры значительнаго торговаго движенія, гдѣ сношенія многочисленны, и гдѣ потому удобно получать деньги. Такимъ образомъ нѣкоторые города становятся, вслѣдствіе свободнаго согласія договаривающихся сторонъ, мѣстами расчетовъ по большей части торговыхъ сдѣлокъ. Послѣ мы увидимъ, какимъ образомъ, какъ быстро и съ какою экономіей совершаются тамъ эти расчеты. Итакъ покупщики мои дадутъ мнѣ векселя или откроютъ мнѣ кредитъ на Ливорно, Амстердамъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Парижъ, Лондонъ или какой-нибудь другой центръ банковыхъ оборотовъ. Но какими же способами достанутъ они эти векселя и эти *кредитивы*? Ничего нѣтъ легче. Я, фабрикантъ, продалъ имъ тканей, которыя они перепродали своимъ покупщикамъ, обыкновенно разсѣяннымъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Они выдали тратты на своихъ кліентовъ или получили отъ нихъ наличныя деньги или платежныя приказы. Эти *тратты*, наличныя деньги или приказы они передали своимъ банкирамъ, отъ которыхъ получили равноцѣнные векселя или *кредитивы* на города, гдѣ производятся расчеты по большимъ торговымъ сдѣлкамъ, на мѣста вексельной торговли. Вотъ какимъ образомъ мои заграничныя покупатели могли найти приличныя средства уплаты, чтобъ удобно для меня разсчитаться со мною.

Итакъ за товары, проданные мною въ моемъ отечествѣ, я получаю въ уплату билеты или приказы на различныя бельгійскіе города; за товары же, проданные за границу, векселя или кредитивныя письма на иностранныя города. Какъ поступаю я съ тѣми и съ другими? Если въ то самое время, когда предстоятъ полученія по этимъ бумагамъ, мнѣ надобно, у себя или за границей, платить за купленные мною товары (сырые матеріалы и другіе элементы производства), то я могу употребить на это мои кредитныя бумаги, передавая ихъ прямо своимъ поставщи-

Vous êtes, je suppose, fabricant de tissus de laine ou de coton. Vous avez vendu à *terme* certaines quantités de vos tissus dans le pays même (en Belgique), d'autres quantités en Hollande, d'autres encore en Italie, d'autres enfin aux États-Unis. Comment allez-vous vous y prendre pour obtenir le paiement de ces marchandises que vous avez vendues à des termes plus ou moins éloignés ? S'il s'agit de vos acheteurs de l'intérieur, vous pourrez faire des traites sur eux. Vous pourrez en user de même avec vos acheteurs de la Hollande, de l'Italie et des États-Unis ; mais s'ils demeurent dans des localités écartées, vous serez exposé à payer des frais considérables pour le recouvrement de vos traites. Que faites-vous donc ? Vous stipulez, en livrant vos marchandises, qu'elles seront payables dans des villes qui sont les foyers d'un grand mouvement d'affaires, où les relations sont nombreuses et les recouvrements faciles. Certaines villes deviennent ainsi, par l'accord libre des parties contractantes, les lieux où se règlent la plupart des grandes transactions commerciales. Vos acheteurs vous fourniront donc des lettres de change ou vous ouvriront des crédits sur Livourne, sur Amsterdam, sur Francforts/Mein, sur Paris, sur Londres ou sur tout autre foyer d'opérations de banque. Mais comment auront-ils fait pour se procurer ces lettres de change ou ces crédits ? Rien de plus aisé à concevoir. Vous leur avez vendu, vous fabricant, des étoffes qu'ils ont revendues à leur clientèle, laquelle est ordinairement disséminée dans une foule de localités différentes. Ils ont fait des traites sur leurs clients ou ils ont reçu d'eux du numéraire ou des mandats de paiement. Ces traites, ce numéraire ou ces mandats, ils les ont remis à leurs banquiers, et ceux-ci leur en ont fourni la contre-valeur en lettres de change ou en crédits ouverts sur les villes où s'opère le règlement des grandes opérations commerciales ou, pour nous servir de l'expression consacrée, sur les *places de change*. Voilà comment vos acheteurs étrangers ont pu se procurer des moyens de paiement convenables pour s'acquitter envers vous.

Vous recevez donc, en paiement des marchandises que vous avez fournies à l'intérieur, des billets ou des mandats sur différentes localités de la Belgique ; en paiement des marchandises que vous avez fournies au dehors, des lettres de change ou des crédits ouverts sur l'étranger. Que faites-vous des uns et des autres ? Si vous avez précisément à l'époque où vous recevez ces remises des marchandises à payer (matières premières et autres éléments de production) à l'intérieur et à l'étranger, vous pouvez vous servir des remises qui vous sont faites pour vous libérer, en les passant directement à vos

камъ. Бельгійскимъ поставщикамъ своимъ я отправляю бумаги, выданныя мнѣ на Бельгію, на Бельгію, американскимъ поставщикамъ векселя или вѣрительныя письма мои на Лондонъ. Но вообще рѣдко можетъ случиться, чтобы время, въ которое мнѣ предстоятъ платежи за купленные мною товары, совпадало со срокомъ полученія мною *римессы*, или кредитныхъ удовлетвореній за проданные мною товары, то-есть съ тѣмъ срокомъ, когда я долженъ получить уплату по переводамъ за товары, мною проданные; рѣдко также случается, чтобы *римессы* эти были на тѣ именно города, гдѣ мнѣ нужно произвести свои собственные платежи, и чтобы суммы, получаемыя мною, совершенно подходили къ тѣмъ, которыя мнѣ нужно выдать. Какъ же я поступаю? По мѣрѣ того какъ я получаю *римессы*, которыхъ не могу употребить прямо на уплату за свои покупки, я передаю ихъ своему банкиру и требую отъ него *равноцѣнностей*, въ видѣ векселей или вѣрительныхъ писемъ на тѣ города и на тѣ сроки, какъ мнѣ нужно. Для уплаты въ условленные сроки за шерсть, купленную въ Германіи, я требую отъ него векселей или вѣрительныхъ писемъ на Франкфуртъ-на-Майнѣ. Для уплаты за австралийскую шерсть или за американскій хлопокъ, прошу векселей на Лондонъ; за яванское индиго — векселей на Амстердамъ.

Принимать *римессы* въ видѣ билетовъ всякаго рода, чтобы самому получать по нимъ или передавать ихъ другимъ для полученія по нимъ, доставлять *разноцѣнность* за нихъ въ другихъ *римессахъ*, бумагами, открытіемъ кредита или наличными деньгами, вогь одно изъ главныхъ занятій банкировъ и банковъ. Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ кредитъ (въ собственномъ смыслѣ) можетъ играть только второстепенную роль при подобнаго рода сдѣлкахъ. Можетъ, напримѣръ, случиться, что банкиръ будетъ только простымъ комиссіонеромъ для полученія, что кліентамъ своимъ онъ не будетъ давать ничего впередъ, а ограничится доставленіемъ имъ равноцѣнности за принадлежащія имъ *римессы*, послѣ того, какъ деньги по нимъ уже получены, или же въ замѣнъ ихъ векселей онъ дастъ имъ бумаги, которыхъ срокъ совпадаетъ съ срокомъ этихъ полученныхъ имъ векселей. Но говоря вообще, роль кредита при этихъ сдѣлкахъ бываетъ обыкновенно значительна, ибо промышленникамъ или негоціантамъ, вслѣдствіе недостаточности ихъ капиталовъ, обыкновенно нужно бываетъ еще до истеченія срока обратить полученныя ими *римессы* въ деньги, и для этого они прибѣгаютъ къ способу *учета*.

Мы дошли теперь до того пункта, гдѣ предстоитъ внимательно изучить эту послѣднюю операцію, которая въ настоящее время находится во всеобщемъ употребленіи. Намъ слѣдуетъ

vendeurs. Vous pouvez passer à vos vendeurs belges les remises qui vous ont été faites sur la Belgique, à vos vendeurs américains vos lettres de change ou vos crédits sur Londres, etc., etc. Mais il n'est pas ordinaire que les époques où vous avez des paiements à faire pour les marchandises que vous avez achetées soient les mêmes que celles où vous recevez des remises pour les marchandises que vous avez vendues ; il n'est pas ordinaire non plus que les remises qui vous sont fournies soient payables précisément sur les places où vous devez faire vos propres paiements, ni que les sommes que vous recevez d'un côté s'ajustent avec celles que vous avez à fournir d'un autre. Que faites-vous donc ? Vous passez à votre banquier, à mesure que vous les recevez, toutes les remises que vous ne pouvez utiliser directement pour solder vos achats, et vous lui en demandez la contre-valeur, en lettres de change ou en crédits ouverts sur les places convenables, aux époques où vous avez des paiements à effectuer. Vous lui demandez pour payer aux échéances stipulées les laines que vous avez achetées en Allemagne, des lettres de change ou des crédits ouverts sur Francfort-sur-Mein ; pour payer les laines d'Australie ou les cotons d'Amérique, des lettres de change ou des crédits ouverts sur Londres ; pour payer les indigos de Java des lettres de change ou des crédits ouverts sur Amsterdam.

Recevoir des remises, en billets de toute sorte pour les recouvrer ou les faire recouvrer, fournir d'autres remises en papier, en crédits ouverts ou en numéraire, comme contre-valeur des premières, voilà donc une des principales fonctions des banquiers. Remarquons qu'à la rigueur le crédit peut n'intervenir que d'une manière accessoire dans les opérations de ce genre. Il se peut, en effet, que le banquier ne soit qu'un simple commissionnaire de recouvrements ; qu'il ne fasse à ses clients aucune avance ; qu'il se borne à leur fournir la contre-valeur de leurs remises après qu'elles ont été recouvrées. Toutefois, le crédit joue communément un rôle considérable dans ces opérations, car les industriels ou les négociants ont besoin pour la plupart, par suite de l'insuffisance de leurs capitaux, de réaliser, avant l'échéance, les remises qui leur sont faites, et ils recourent, dans ce but, au procédé de l'escompte.]

Nous voilà désormais parvenus au point où il nous faut étudier attentivement cette dernière opération, qui est aujourd'hui devenue commune. Il convient également de compléter notre aperçu général

также пополнить нашъ общій обзоръ способовъ расчета по коммерческимъ дѣламъ, разсмотрѣніемъ *вексельной системы*.

Итакъ *учетъ* и *вексельная система* — вотъ предметы нашей слѣдующей статьи. Безъ сомнѣнія, эти предметы знакомы уже большей части нашихъ читателей, но мы не можемъ обойдти ихъ, не указавъ ихъ мѣста въ кредитномъ механизмѣ. Когда ясно напечатлѣется въ умѣ эта совокупность предварительныхъ свѣдѣній, тогда намъ можно будетъ идти далѣе, и приступить къ опредѣленію причинъ, производящихъ кризисы въ коммерческомъ мірѣ, и къ изложенію условий раціональной системы кредита,

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

des modes de règlement en matière commerciale en considérant le système des lettres de change.

L'escompte et le système des paiements fourniront donc la matière de notre prochain article. Sans aucun doute, ces éléments sont déjà familiers à la plupart de nos lecteurs, mais nous ne pouvons les mentionner sans indiquer leur place dans le mécanisme du crédit. Lorsque cet ensemble d'informations préliminaires sera clairement ordonné dans l'esprit du lecteur, nous pourrons aller plus loin et commencer à étudier les causes qui produisent les crises dans le monde commercial et à énoncer les conditions d'un système rationnel de crédit.

GUSTAVE DE MOLINARI.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ И МЕХАНИЗИТЪ КРЕДИТА. ¹

Учетъ. — Въ чемъ онъ состоитъ. — Послѣдствія введенія этой кредитной операціи. — Результаты повышенія учета и ограниченія кредита. — О банкахъ, учитывающихъ на звонкую монету. — О банкахъ оборотныхъ и учетныхъ. — Что такое банковый билетъ. — Какія свойства банковаго билета даютъ ему преимущество предъ звонкою монетою для нѣкоторыхъ сдѣлокъ. — Какихъ обезпеченій онъ требуетъ. — Какъ должны быть организованы оборотные и учетные банки. — Бюро выпуска банковыхъ билетовъ, учета и ссуды. — Портфель и *обезпеченія* (*sécurités*). — Банку необходимо имѣть обезпечивающій капиталъ. — Рискъ уплатъ, долженствующій покрываться этимъ капиталомъ. — Обстоятельства, въ которыхъ обнаруживается этотъ рискъ. Изъ чего долженъ состоять этотъ обезпечивающій капиталъ. — Онъ не може гъ состоя гъ изъ однихъ вкладавъ. — Какая часть его должна находиться въ звонкой монетѣ. — Выгоды оборотныхъ и учетныхъ банковъ. — Созданіе удобной и дешевой монеты. — Обиліе и дешевизна кредита. — Это обаліе и эта дешевизна не могутъ однакоже быть безпредѣльны. — Невозможность дароваго кредита. — Выпускъ кредитной монеты ограничивается въ своихъ размѣрахъ потребностями обращенія. — Незначительность количества денежных цѣнностей въ сравненіи съ совокупностью всѣхъ цѣнностей въ государствѣ. — Общій выводъ.

I.

Даже и въ томъ случаѣ, когда банкиры ограничиваются только выполненіемъ обязанностей кассировъ промышленныхъ предпріятій, принимая на себя производство за нихъ платежей и полученій, — изъ ихъ дѣятельности проистекаетъ уже для общества значительная экономія. Источникомъ этой экономіи бываетъ впервыхъ раздѣленіе труда, въ силу котораго всякое специализированное занятіе лучше выполняется; вовторыхъ, возможность совершать большее число платежей при помощи меньшей суммы звонкой монеты.

Но банкиры принимаютъ на себя не одно только производство платежей и полученій по счетамъ промышленныхъ предпріятій, они также ссужаютъ ихъ и капиталами. Банкиры не кассиры только, но и заимодавцы. Они доставляютъ деньги предпріятіямъ, не снабженнымъ достаточнымъ капиталомъ, что дѣлается преимущественно посредствомъ учета. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ состоитъ этотъ способъ.

Привычка все продавать на срокъ, какъ мы уже замѣтили, обобщается все болѣе и болѣе. Фабрикантъ даетъ два, три или четыре мѣсяца кредита, часто даже болѣе, оптовому негодіанту,

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 г. №№ 7-й и 8-й.

DES CONDITIONS ET DU MÉCANISME DU CRÉDIT. ¹

L'escompte. — En quoi il consiste. — Conséquences de l'introduction de cette opération de crédit. — Résultats de l'augmentation de l'escompte et de la limitation du crédit. — Les banques qui conservent le numéraire. — Les banques de circulation et d'escompte. — Qu'est-ce qu'un billet de banque ? — Quelles propriétés confèrent à un billet de banque un avantage sur la monnaie pour certaines transactions ? — De quel genre de dispositions a-t-il besoin ? — Comment s'organise le fonctionnement et la comptabilité des banques. — L'émission des billets de banque. — L'escompte et les prêts. — Portefeuille et sécurités. — La banque doit être soutenue par des capitaux. — Quels risques de paiements doivent être couverts par ce capital. — Circonstances dans lesquelles ce risque n'est pas couvert. — En quoi doit consister ce capital. — Il ne peut pas s'agir uniquement de versements. — Avantages que présentent les banques qui opèrent la circulation et accordent de l'escompte. — Création d'une monnaie pratique et à bon marché. — Abondance et bon marché du crédit. — Que cette abondance et ce bon marché ne peuvent cependant être illimités. — Impossibilité du crédit gratuit. — Le volume de l'émission des titres de crédit est limité par les besoins de la circulation. — Insignifiance du montant des valeurs monétaires par rapport à la totalité de toutes les valeurs dans une nation. — Conclusion générale.

I.

Même dans le cas où les banquiers se limitent uniquement à remplir une fonction de caissiers pour les entreprises industrielles, en réalisant pour elles les paiements et en recevant les versements que leurs opérations nécessitent, des économies importantes résultent déjà pour la société de leurs activités. La source de cette économie est, premièrement, la division du travail, grâce à laquelle chaque métier spécialisé est mieux exercé ; c'est encore, deuxièmement, la possibilité d'effectuer un plus grand nombre de paiements en utilisant une plus petite quantité d'espèces.

Mais les banquiers ne se chargent pas uniquement d'effectuer des paiements et de recevoir des versements sur les comptes des entreprises industrielles leurs clientes, ils leur prêtent également des capitaux. Les banquiers ne sont pas seulement des caissiers, ce sont encore des prêteurs. Ils avancent de l'argent aux entreprises qui ne disposent pas de suffisamment de capital, et cela se fait principalement par le biais de l'escompte. Nous allons maintenant voir en quoi consiste cette opération.

L'habitude de tout vendre à terme, comme nous l'avons déjà remarqué, se généralise de plus en plus. Le fabricant accorde deux,

¹ Voir le *Messenger Russe*, 1858, n° 7 et 8.

оптовой негоціантъ даетъ такой же кредитъ купцу полуоптовому, который въ свою очередь дѣлаетъ то же самое для мелочнаго торговца, а этотъ послѣдній наконецъ переноситъ тотъ же кредитъ на потребителя. Это цѣлый каскадъ кредитовъ, ниспадающихъ съ вершинъ производства въ великій бассейнъ потребления. Обыкновенно кредиты эти уравниваются или почти что уравниваются. Всякій, какъ промышленникъ, такъ и купецъ, оказываетъ кредитъ своимъ кліентамъ почти на ту же сумму, на какую самъ получаетъ отъ своихъ поставщиковъ. Балансъ нарушается только въ исключительныхъ случаяхъ.

Кредитъ этотъ, одними оказываемый, другими получаемый, не освобождаетъ однакоже, въ чемъ легко убѣдиться, промышленника или негоціанта отъ необходимости имѣть оборотный капиталъ, соразмѣрный съ объемомъ его предпріятій. Капиталъ этотъ долженъ заключать въ себѣ сумму сырыхъ матеріаловъ, которымъ промышленникъ придаетъ другой видъ, или товаровъ, которые купецъ перемѣщаетъ во времени и въ пространствѣ, съ суммою труда, необходимаго для совершенія этихъ операцій до времени продажи продукта, и съ расходами найма и ремонта постоянного капитала и пр. Но когда нѣтъ необходимаго на всѣ эти расходы оборотнаго капитала, — случай, который въ послѣднее время сталъ встрѣчаться все чаще и чаще, — его занимаютъ, прибѣгая большою частію къ способу учета. Въ чемъ же состоитъ учетъ?

Учетъ можно опредѣлить такъ: это заемъ подъ залогъ срочнаго долговаго обязательства, или продажа его на наличныя съ условіемъ, — въ случаѣ неуплаты по проданному обязательству, — принять его обратно. Я промышленникъ или купецъ, и продаю товары съ уплатою за нихъ въ трехъ-мѣсячный, на примѣръ, срокъ. Я дѣлаю на покупателя переводный вексель (traite) или онъ даетъ мнѣ долговую запись на сумму этихъ товаровъ. Если я нуждаюсь въ деньгахъ до наступленія этого срока, то продаю это срочное обязательство на наличныя деньги. Вотъ учетъ. Высота процента, по которому совершается учетъ, естественно зависитъ отъ положенія денежнаго рынка въ данное время, то-есть, отъ отношенія, какое существуетъ въ это время между массою денежныхъ цѣнностей и массою цѣнностей торговыхъ, предлагаемыхъ въ замѣнъ. По этому самому онъ подверженъ безпрестаннымъ колебаніямъ.

Принятіе этого способа кредита, все болѣе и болѣе распространяющееся, имѣло послѣдствія, на которыя мы должны указать.

Учетъ позволяетъ промышленникамъ и негоціантамъ начинать дѣла съ очень-небольшимъ оборотнымъ капиталомъ

trois ou quatre mois de crédit, souvent même plus, au grossiste, le grossiste accorde le même crédit au vendeur de demi-gros, lequel agit de même à son tour avec le petit commerçant, et enfin ce dernier accorde le même crédit au consommateur final. C'est toute une cascade de crédits tombant des sommets de la production jusque dans le grand lac de la consommation. Habituellement, ces prêts sont équilibrés ou presque équilibrés. Chacun, industriel ou commerçant, accorde à ses clients un crédit à peu près égal à celui qu'il reçoit lui-même de ses fournisseurs. L'équilibre n'est rompu que dans des cas exceptionnels.

Ce crédit, accordé par les uns et reçu par les autres, ne dispense cependant pas l'industriel ou le commerçant, comme il est aisé de le constater, de la nécessité de disposer d'un fonds de roulement proportionné au volume de ses affaires. Ce capital doit comprendre la somme des matières premières que l'industriel transforme sous une autre forme, ou des marchandises que le commerçant déplace dans le temps et dans l'espace, avec la somme du travail nécessaire pour réaliser ces opérations jusqu'au moment de la vente finale du produit, et avec les dépenses de main-d'œuvre et d'entretien du capital constant, etc. Mais lorsque le fonds de roulement n'est pas exactement en adéquation avec la somme de toutes ces dépenses — et ce cas se produit aujourd'hui de plus en plus souvent —, l'industriel ou le commerçant comblent cette différence en recourant principalement à la méthode de l'escompte. Qu'est-ce que l'escompte ?

On peut définir l'escompte comme suit : il s'agit d'un prêt garanti par un titre de créance à durée déterminée, qui peut s'échanger au comptant et couvrir le cas de non-paiement. Je suis industriel ou commerçant, par exemple, et je vends des marchandises avec paiement dans trois mois. Je passe un accord avec l'acheteur pour qu'il me remette une lettre de change du montant de ces marchandises. Si je fais face à un besoin urgent d'argent avant la date limite, je peux échanger ce titre contre de l'argent. Voici l'escompte. Le taux d'intérêt auquel l'escompte s'effectue dépend naturellement de la situation du marché monétaire à ce moment donné, c'est-à-dire de la relation qui existe à ce moment-là entre la masse des valeurs monétaires et la masse des valeurs commerciales offertes en échange. Pour cette raison, le taux de l'escompte est soumis à des fluctuations permanentes.

L'adoption de ce mode de crédit, aujourd'hui de plus en plus répandu, a eu des conséquences qu'il importe de souligner.

L'escompte permet aux industriels et aux commerçants de lancer des entreprises avec très peu de fonds de roulement. Supposons, par

Предположимъ, напримѣръ, что за сырые матеріялы или товары, покупаемые для переработки или перепродажи, они платятъ въ срокъ по истеченіи среднимъ числомъ трехъ мѣсяцевъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ промысловъ, операціи которыхъ многочисленны и сложны, они могутъ распродать свои произведенія или своитовары до наступленія этого срока. Правда, что промышленникъ, купленный имъ на срокъ сырой матеріялъ, послѣ обработки его, продаетъ тоже на срокъ, а купецъ также поступаетъ съ товаромъ, переходящимъ черезъ его руки. Но билеты разнаго рода, переводные векселя или долговья записи скрѣпляютъ эти продажи, и билеты эти представляются къ учету. Такимъ образомъ получаютъ впередъ цѣну запродаваемыхъ произведеній или товаровъ и деньги эти употребляютъ на уплату за сырые матеріялы или товары, которые были куплены три мѣсяца назадъ и для которыхъ наступаетъ срокъ уплаты. Отсюда возможность, полагаясь на кредитъ, предпринимать дѣла почти безъ капитала. Дѣйствительно для этого достаточно имѣть болѣе или менѣе обеспеченный сбытъ для произведеній, которыя кто-нибудь намѣревается выдѣлывать, или которыми хочеть торговать, и достаточно внушать нѣкоторое довѣріе. Тогда сырые матеріялы или товары, потребные для начала операцій, получаютъ въ кредитъ. Какъ только работы окончены, или продажа совершена, получаютъ торговья цѣнности, которыя представляются къ учету, и такимъ образомъ получается средство для дальнѣйшихъ уплатъ за дѣлаемая вновь покупки. Благодаря такому порядку бываетъ можно предпринимать очень большія дѣла съ весьма небольшимъ капиталомъ. Однакоже не всѣ предпріятія представляютъ въ этомъ отношеніи одинаковыя удобства. Если дѣло идетъ о какомъ-нибудь промышленномъ предпріятіи, напримѣръ о мануфактурѣ, то предварительно долженъ быть затраченъ болѣе или менѣе значительный капиталъ на постройки, машины и пр., должно также имѣть необходимый оборотный капиталъ для платы за первое время рабочимъ. Въ этомъ случаѣ отъ учета можно требовать только небольшой части всего нужнаго капитала. Другое дѣло, если предпріятіе торговое. Въ этомъ случаѣ постоянный капиталъ не важенъ. Тутъ не надо строить заводы, рыть шахты, покупать машины и немного предстоитъ разда — вать вознагражденія за трудъ. Можно производить обширныя операціи въ небольшой конторѣ, съ помощью одного или двухъ прикащиковъ. Преобладающій элементъ здѣсь оборотный капиталъ. Покупаемый товаръ тотчасъ же перепродается. Итакъ, предпринимая дѣла этого рода, достаточно внушать на столько довѣрія, чтобъ имѣть возможность добыть себѣ товаровъ съ отсрочкой уплаты и пустить въ учетъ ихъ

exemple, que les matières premières ou les biens achetés pour être transformés ou revendus soient payés à terme après un délai moyen de trois mois. À l'exception de certaines industries dont les opérations sont nombreuses et complexes, la plupart des entreprises peuvent écouler leurs produits ou leurs marchandises avant ce délai. Il est vrai que l'industriel, qui a acheté la matière première en profitant d'un certain délai de paiement, la revend, après l'avoir transformée, en accordant également un certain délai de paiement, et le commerçant en fait de même avec les marchandises qui passent entre ses mains. Mais des titres de toutes sortes, lettres de change ou billets à ordre, matérialisent ces ventes, et ces titres sont présentés à l'escompte. De cette manière, le prix des produits ou des marchandises vendues est reçu à l'avance et cet argent est utilisé pour payer les matières premières ou les marchandises achetées trois mois auparavant et pour lesquelles le délai est expiré et le paiement dû. D'où la possibilité, en s'appuyant sur le crédit, d'entreprendre des affaires sans disposer presque d'aucun capital. En effet, il suffit pour cela de disposer d'un marché plus ou moins sûr pour les produits que l'on a l'intention de fabriquer ou de commercialiser, et d'inspirer une certaine confiance. Ensuite, les matières premières ou les biens nécessaires au lancement des opérations sont obtenus à crédit. Dès que les opérations sont terminées ou que la vente est réalisée, des titres de valeur commerciale sont obtenus et présentés à l'escompte, ce qui fournit un moyen d'engager des paiements supplémentaires lors d'achats futurs. Grâce à cette méthode, il est possible d'entreprendre de très grandes opérations tout en disposant de très peu de capital. Cependant, toutes les entreprises n'offrent pas la même commodité à cet égard. Si nous songeons à certaines sortes d'entreprises industrielles, une manufacture par exemple, alors un capital plus ou moins important doit d'abord être dépensé en bâtiments, en machines, etc., et on doit également disposer du fonds de roulement nécessaire pour payer les premières opérations des travailleurs. Dans ce cas, seule une petite partie du capital total requis peut être obtenue par l'escompte. Il en va différemment lorsqu'il s'agit d'une entreprise commerciale. Dans ce cas, le capital constant n'a pas d'importance. Il n'est pas nécessaire de construire des usines, de creuser des mines, d'acheter des machines, et il n'est pas nécessaire non plus de dépenser de larges sommes en salaires. Il est possible d'effectuer des opérations importantes dans un petit bureau, avec l'aide d'un ou deux commis. L'élément prédominant ici est le fonds de roulement. Les biens achetés sont immédiatement revendus. Ainsi, lorsqu'on entreprend une affaire de ce genre, il suffit d'inspirer suffisamment de confiance pour pouvoir se procurer soi-même

цѣнность, какъ только они будутъ перепроданы. Эти два источника, купля съ отсрочкой уплаты и учетъ, могутъ доставить почти весь капиталъ, нужный для того, что бы занять мѣсто въ торговомъ мѣрѣ.

Но удобства эти имѣютъ и свои опасности, потому что самымъ тѣснымъ образомъ связываютъ судьбы промышленности и торговли съ судьбами учетныхъ банковъ и ставятъ такимъ образомъ движеніе промышленныхъ и торговыхъ предприятий въ зависимость отъ всѣхъ колебаній, какимъ подвергается капиталъ, находящійся въ распоряженіи банковъ.

Такимъ образомъ положеніе негоціанта, живущаго кредитомъ, очень непрочное. Онъ принужденъ ставить свои операціи въ совершенную зависимость отъ большихъ или меньшихъ удобствъ, какія предоставляютъ ему учетчики. Что же бываетъ, когда учетный процентъ значительно поднимается? Негоціантъ, извлекающій изъ этого источника большую часть капитала, съ помощью котораго онъ совершаетъ свои операціи, становится вынужденнымъ на столько же увеличить цѣну своихъ товаровъ. Но онъ не можетъ сдѣлать этого, не подвергаясь въ то же время опасности меньше продавать, дѣлать меньше оборотовъ и слѣдовательно получать меньше барышей.

Если же банки, не ограничиваясь однимъ возвышеніемъ своего учетнаго процента, уменьшать и самый учетъ, то послѣдствія будутъ еще бѣдственнѣе, особливо если это сокращеніе кредита произойдетъ внезапно и неожиданно. Вы, негоціантъ, живущій кредитомъ, купили товары на срокъ. Вамъ предстоитъ слѣдовакельно выплачивать въ опредѣленные сроки суммы болѣе или менѣе значительныя. Чтобы честно выполнить свои обязательства, вы разчитываете на продажу этихъ самыхъ товаровъ; правда, продажа эта совершится также съ отсрочкой уплаты, но по векселямъ, которые могутъ быть представлены къ учету. Итакъ вы продаете; но вдругъ, подъ вліяніемъ политическаго или финансоваго событія, банки уменьшаютъ объемъ своихъ операцій и отказываютъ вамъ въ учетѣ полученныхъ вами векселей. И вотъ вы поставлены въ невозможность выполнить свои обязательства, принуждены прекратить свои платежи и объявить себя банкротомъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что съ сокращеніемъ кредита становится затруднительною и продажа товаровъ. Въ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ очень многіе негоціанты напримѣръ принуждены покупать товары единственно съ цѣлью извлечь изъ нихъ кредитъ. Они покупаютъ на срокъ, для того чтобы немедленной перепродажей и учетомъ векселей, представляющихъ цѣнность товаровъ, добыть суммы, необходимыя имъ для покрытія крайне настоятельныхъ потребностей. Такимъ

des biens avec un paiement différé et de recourir à l'escompte. Ces deux opérations, achat différé et escompte, peuvent fournir la quasi-totalité du capital nécessaire pour s'engager dans le monde commercial.

Mais cette aisance a aussi ses dangers, car elle lie très étroitement le sort de l'industrie et du commerce au sort des banques qui procèdent à l'escompte, et cela place ainsi les entreprises industrielles et commerciales sous la menace des fluctuations auxquelles les capitaux dont disposent les banques sont soumis.

Ainsi, la situation d'un commerçant qui vit à crédit est très précaire. Il est contraint de faire dépendre entièrement ses opérations des conditions plus ou moins avantageuses que lui accordent les banquiers. Que se passe-t-il lorsque le taux de l'escompte augmente de manière significative ? Le commerçant, qui tire de cette source la plus grande partie du capital avec lequel il effectue ses opérations, est obligé d'augmenter d'autant le prix de ses marchandises. Mais il ne peut le faire sans courir en même temps le risque de réduire le chiffre de ses ventes, de réaliser moins de chiffre d'affaires et, par conséquent, de réaliser moins de profit.

Si les banques, sans se limiter à une simple augmentation de leur taux d'escompte, réduisent elles-mêmes le montant de l'escompte, les conséquences seront alors encore plus désastreuses, surtout si cette restriction du crédit se produit soudainement et de manière inattendue. Vous, commerçant vivant à crédit, avez acheté des marchandises pendant un certain temps. Vous devrez systématiquement payer des sommes plus ou moins importantes au cours d'un certain temps. Afin de remplir honnêtement vos obligations, vous comptez sur la vente de ces mêmes biens. Cette vente se fera sans doute également avec un paiement différé, avec des lettres de change pouvant être présentées à l'escompte. Vous vendez ; mais soudain, sous l'influence d'un événement du monde politique ou financier, les banques réduisent le volume de leurs opérations et refusent d'honorer les traites que vous avez reçues. Désormais, vous êtes incapable de remplir vos obligations, vous êtes contraint à la cessation des paiements et à vous déclarer en faillite. À cela il faut ajouter que lorsque le crédit se restreint, la vente de biens devient également plus difficile. Dans les centres de commerce et d'industrie, de nombreux commerçants, par exemple, sont obligés d'acheter des marchandises dans le seul but d'en tirer du crédit. Ils achètent avec un certain délai de paiement afin de revendre immédiatement, et ils escomptent les traites représentant la valeur des biens afin d'obtenir les sommes dont ils ont besoin pour couvrir certains besoins extrêmement

образомъ случается, что одинъ и тотъ же товаръ постепенно и бесплодно проходить чрезъ тридцать или сорокъ рукъ, для того только, чтобы доставить своимъ покупателямъ, въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, пользованіе суммою, равною его цѣнности. Но какъ только учетъ ограничивается, прекращаются также и купли въ видахъ кредита. И потому запросъ на товары уменьшается, и цѣны падаютъ. Трудно становится отдѣлаться отъ всего запаса своихъ товаровъ, и во всякомъ случаѣ неизбѣженъ болѣе или менѣе значительный убытокъ вслѣдствіе пониженія цѣны, причиненнаго ограниченіемъ кредита.

Эта система, состоящая въ займѣ, посредствомъ учета, болѣе части оборотнаго капитала, необходимаго для предпріятій промышленныхъ и въ особенности для дѣлъ торговыхъ, ставитъ, какъ видите, промышленность, и еще болѣе торговлю, въ совершенную зависимость отъ учетныхъ банковъ. Итакъ, по мѣрѣ того какъ распространяется эта система, увеличивается и важность требованія, чтобы эти кредитныя учрежденія были устроены на болѣе прочныхъ основаніяхъ и чтобы они дѣйствовали болѣе экономическимъ образомъ.

Изучая механизмъ ихъ, мы увидимъ, какимъ образомъ они должны быть устроены, чтобы сколько возможно болѣе удовлетворяютъ этимъ двумъ необходимымъ условіямъ прочности и дешевизны.

II.

Учетные банки можно раздѣлить на двѣ большія категоріи: на такіе, которые производятъ свои операціи на звонкую монету, и такіе, которые употребляютъ для этого монету кредитную, ими же выпускаемую, другими словами, *банковые билеты*. Эти послѣднія учрежденія, какъ извѣстно, носятъ названіе *оборотныхъ и учетныхъ банковъ*.

Учетъ посредствомъ звонкой монеты или бумажныхъ денегъ, замѣняющихъ ее въ нѣкоторыхъ государствахъ, есть, очевидно весьма древнее обыкновеніе. Не трудно было отыскать его генеалогію. Потребности торговли породили продажу съ отсрочкой платежа. Эта послѣдняя въ свою очередь породила торговые обязательства, переводныя письма (*billets à ordre*), ассигновки (*mandats*), векселя (*lettres de change*), скрѣпляющіе такую продажу. Когда же эти торговые обязательства вошли въ употребленіе, то по нимъ пришлось получать деньги, и естественно, что банкиры, принимавшіе на себя эти полученія, въ случаѣ нужды давали впередъ, за уплату извѣстнаго процента, сумму, равную цѣнности обязательства, по которому имъ предстояло получить. Такимъ

urgents. Il arrive ainsi que la même marchandise passe peu à peu et inutilement entre trente ou quarante mains, pour ne fournir finalement à ses clients, dans un délai de deux ou trois mois, que le profit d'une somme de même valeur. Mais dès que le volume de l'escompte diminue, les achats sous forme de crédit baissent également. Et donc la demande des biens diminue et les prix baissent. Il devient difficile de se débarrasser de la totalité de son stock de marchandises, et de toute façon une perte plus ou moins importante est inévitable en raison de la baisse des prix provoquée par la restriction du crédit.

Ce système, qui consiste à emprunter, grâce à l'escompte, l'essentiel du fonds de roulement nécessaire aux entreprises industrielles et surtout aux affaires commerciales, place, comme vous le voyez, l'industrie, et plus encore le commerce, dans une dépendance totale des banques qui procèdent à l'escompte. Ainsi, à mesure que ce système se répand, la nécessité de faire reposer ces établissements de crédit sur des bases plus solides et de les faire fonctionner de manière plus économique devient de plus en plus pressante.

En étudiant le mécanisme de ces établissements, nous verrons comment ils doivent être structurés afin de satisfaire au mieux ces deux conditions nécessaires de la solidité et du bon marché.

II.

Les banques qui procèdent à l'escompte peuvent être divisées en deux grandes catégories : celles qui effectuent leurs opérations en espèces, et celles qui utilisent à cet effet des titres de crédit qu'elles émettent, c'est-à-dire des billets de banque. Ces dernières institutions, comme on le sait, sont appelées banques de circulation et banques d'escompte.

L'escompte au moyen de numéraire ou de papier-monnaie — car la monnaie de papier remplace la monnaie métallique dans certains États — est évidemment une coutume très ancienne. Sa généalogie n'est pas difficile à retracer. Les besoins du commerce donnèrent lieu à des ventes à paiement différé. Ces dernières donnèrent à leur tour naissance à des obligations commerciales, des billets à ordre, des mandats, des lettres de change, matérialisant ces ventes. Lorsque ces obligations commerciales sont entrées en vigueur, on recevait de l'argent en échange, et il est naturel que les banquiers qui prenaient sur eux ces titres, donnèrent aussi d'avance, en cas de besoin, et contre paiement d'un certain intérêt, une somme égale à la valeur du titre qu'ils avaient reçu. Ainsi, la plupart des

образомъ большая часть банкировъ, производившихъ платежи и полученія по счетамъ промышленниковъ и купцовъ, по самой силѣ вещей сдѣлались банкирами-учетчиками.

Система эта сохранилась во всѣхъ странахъ, гдѣ не введены еще оборотные банки. Въ этихъ странахъ болѣе или менѣе значительные банкирскіе дома занимаются производствомъ учета посредствомъ капитала, заключающагося въ звонкой монетѣ. Дома эти представляютъ больше или меньше гарантій прочности, смотря по степени ихъ благоразумія и осторожности въ ссудахъ, смотря по тому, какую часть ихъ капитала составляютъ суммы, занятыя ими, и наконецъ потому, сдѣланы ли эти займы на короткіе или на долгіе сроки.

Вообще, капиталъ ссужаемый банкирами въ видѣ ли учета или иначе, составляется изъ вкладовъ тѣхъ промышленниковъ или купцовъ, которые обладаютъ большею суммою капитала, чѣмъ сколько требуютъ ихъ операціи, или же просто только *временнымъ излишкомъ* капитала. Припомнимъ вкратцѣ тѣ объясненія, въ которыя мы уже входили по этому случаю. Сроки платежей рѣдко совпадаютъ со сроками полученія денегъ. Промышленникъ или купецъ, получивъ значительныя суммы, часто ждетъ нѣсколько мѣсяцевъ до наступленія срока предстоящихъ ему значитель ныхъ платежей. Полученныя имъ суммы остаются въ этотъ промежутокъ въ его распоряженіи и могутъ быть употреблены на временныя ссуды тѣмъ домамъ, которымъ предстоятъ платежи въ настоящее время, а полученія которыхъ должны произойти нѣсколько позже. Итакъ этотъ временно свободный капиталъ отдается банкиру, который платитъ за него болѣе или менѣе высокій процентъ, смотря по состоянію денежнаго рынка и по болѣе или менѣе продолжительному времени пользованія данною суммой; онъ употребляетъ ее, также на время, на ссуды, въ видѣ учета. Такимъ образомъ денежный капиталъ находится въ постоянной дѣятельности, что представляетъ выгоды для всѣхъ. Вкладчикъ получаетъ процентъ съ денегъ, которыя иначе бесплодно лежали бы въ его кассѣ; занимающій посредствомъ учета можетъ легко и по большей части за умѣренный процентъ достать дополнительный капиталъ, въ которомъ онъ нуждается; наконецъ банкиръ находитъ свою выгоду въ разницѣ между процентомъ, который онъ платитъ однимъ, и учетнымъ процентомъ, который получаетъ съ другихъ.

Въ обыкновенное время этотъ механизмъ кредита дѣйствуетъ какъ нельзя лучше, если только банкиръ-посредникъ не лишенъ способности и благоразумія и умѣетъ распорядиться своими операціями какъ слѣдуетъ. Но не такъ бываетъ въ минуты кризисовъ. Тогда вкладчики, или для удовлетворенія чрезвычайныхъ

banquiers qui effectuaient des paiements et des encaissements pour le compte d'industriels et de commerçants, devinrent, par la force même des choses, des banquiers d'escompte.

Ce système s'est conservé dans tous les pays où les banques de circulation n'ont pas encore été introduites. Dans ces pays, des établissements bancaires plus ou moins importants se consacrent à la production de l'escompte grâce à un capital constitué d'espèces. Ces maisons présentent des gages plus ou moins sérieux de solidité, selon le degré de leur sagesse et de leur prudence dans leurs opérations, selon la part que leur capital représente dans le montant qu'elles prêtent, et enfin, selon que ces prêts sont consentis pour de courtes ou de longues périodes.

En général, le capital prêté par les banques, que ce soit par voie d'escompte ou autrement, tire sa source dans les dépôts des industriels ou des commerçants qui possèdent une quantité de capital plus grande que celle nécessaire à leurs opérations, ou, plus simplement, un excédent temporaire de capital. Rappelons brièvement les explications que nous avons déjà développées sur ce sujet. Le moment de la facturation coïncide rarement avec celui de la réception effective de l'argent. Un industriel ou un commerçant, ayant encaissé des sommes importantes, a souvent plusieurs mois devant lui pour régler ses paiements. Les sommes qu'il reçoit restent à sa disposition pendant cette période et peuvent être utilisées pour des prêts temporaires aux entreprises dont les paiements sont actuellement dus et dont les rentrées doivent intervenir un peu plus tard. Ce capital temporairement libre est donc remis au banquier, qui le rémunère à un taux d'intérêt plus ou moins élevé, selon l'état du marché monétaire et la durée plus ou moins longue d'utilisation des sommes ; il les emploie aussi temporairement, pour des prêts, sous forme d'escompte. Ainsi, le capital-argent est en activité constante, et cela au bénéfice de tout le monde. Le déposant reçoit des intérêts sur de l'argent qui autrement resterait inutilement dans sa caisse ; l'emprunteur, grâce à l'escompte, peut facilement, moyennant un intérêt modéré, obtenir le capital dont il a besoin et qui lui manque ; enfin, le banquier trouve son profit dans la différence entre les intérêts qu'il paie aux uns et les intérêts d'escompte qu'il reçoit des autres.

En temps ordinaire, ce mécanisme de crédit fonctionne parfaitement, à moins que le banquier intermédiaire ne soit dénué de compétence et de prudence et qu'il ne sache pas gérer comme il se doit ses opérations. Mais ce n'est plus la même chose en période de crise. Alors les déposants, soit pour satisfaire à des besoins urgents,

нуждъ, или по недостатку довѣрія, берутъ назадъ свои фонды. Если банкиръ производитъ свои операціи съ помощію вкладовъ, которые должны быть уплачиваемы по востребованію или въ короткій срокъ, онъ можетъ попасть въ очень-затруднительное положеніе, и затрудненіе это возрастаетъ еще болѣе, когда значительная часть учтенныхъ имъ векселей не уплачивается въ срокъ. Если тогда онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи дополнительныхъ средствъ, онъ бываетъ вынужденъ прекратить свои платежи. По этому-то необходимо, чтобъ учитывающій банкиръ имѣлъ капиталъ, помѣщенный внѣ его обычныхъ операцій, и который бы, во время кризиса, легко могъ быть обращенъ въ деньги. Этотъ капиталъ или обезпечивающій фондъ въ прежнее время обыкновенно помѣщался банкирами въ депозитные банки, каковы банки амстердамскій и гамбургскій, которые, не затрачивая своихъ капиталовъ на ссуды, представляли самыя прочныя гарантіи безопасности¹. Правда, они за то не получали никакого процента съ своего капитала, отъ чего и самыя операціи ихъ обходились дороже, но по крайней мѣрѣ всегдашняя возможность распорядиться гарантирующимъ фондомъ обезпечивала существованіе этихъ заведеній отъ всякаго риска.

Система оборотныхъ и учетныхъ банковъ новѣе. Она беретъ свое начало только съ конца XVII вѣка, со времени основанія Англійскаго банка (въ 1694 году), который былъ первымъ извѣстнымъ большимъ оборотнымъ и учетнымъ банкомъ. Эта система, въ сравненіи съ прежнею, составляетъ значительный шагъ впередъ, потому что дозволяетъ увеличеніе количества учетовъ и уменьшеніе учетнаго процента, замѣняя звонкую монету монетою кредитною, выпускаемою самими банками и требующею меньшихъ издержекъ

Эта кредитная монета есть *банковъ билетъ*.

III.

Что такое банковъ билетъ? Это обѣщаніе уплатить по предъявленіи опредѣленную сумму звонкой монеты 100, 500, 1000 Франковъ. Оборотные банки, вмѣсто того чтобы давать звонкую монету въ замѣнъ торговыхъ цѣнностей, которыя они учитываютъ, довольствуются способомъ болѣе дешевымъ, выдавая такого рода билеты, или обѣщанія.

¹ Относительно механизма и дѣйствій этихъ прежнихъ банковъ, мы отсылаемъ читателей къ *Dictionnaire de l'économie politique*, статья Банки.

soit par manque de confiance, reprennent leurs fonds. Si un banquier effectue ses opérations à l'aide de dépôts qui doivent être payés à vue ou à bref délai, il peut se retrouver dans une situation très embarrassante, et cette impasse se matérialise encore davantage lorsqu'une grande partie des effets qu'il escompte n'est pas payée à temps. S'il ne dispose pas de fonds supplémentaires, il est contraint à la cessation de paiements. C'est pour cette raison qu'il est indispensable que les banques d'escompte disposent de capitaux placés en dehors de leurs opérations courantes, et qui, en temps de crise, puissent être facilement convertis en numéraire. Ce capital ou fonds de réserve était autrefois généralement placé par les banquiers dans des banques de dépôt, telles que les banques d'Amsterdam et de Hambourg, lesquelles, n'utilisant pas leur capital pour l'escompte, disposaient de plus fortes garanties de sécurité.¹ Certes, dans ces opérations, ces banques ne percevaient aucun intérêt sur leur capital, ce qui rendait leurs opérations elles-mêmes plus coûteuses, mais au moins elles avaient la possibilité constante de disposer d'un fonds de garantie, ce qui assurait leur existence même.

Le système des banques de circulation et d'escompte est plus récent. Il ne remonte qu'à la fin du XVIIe siècle, avec la fondation de la Banque d'Angleterre (en 1694), qui fut la première grande banque de circulation et d'escompte que le monde ait connu. Ce système, par rapport au précédent, constitue un progrès significatif, car il permet d'augmenter le montant de l'escompte et d'en diminuer les frais, en remplaçant le numéraire par des titres de crédit, émis par les banques elles-mêmes et nécessitant des coûts moindres.

C'est ce titre de crédit qu'on appelle un billet de banque.

III.

Qu'est-ce qu'un billet de banque ? Il s'agit d'une promesse de payer sur présentation une certaine somme en espèces, 100, 500, 1 000 francs. Les banques de circulation, au lieu de fournir des espèces en échange des valeurs commerciales dont elles enregistrent le dépôt, se contentent d'une méthode moins coûteuse, en émettant des billets.

¹ Concernant le mécanisme et le fonctionnement de ces anciennes banques, nous renvoyons les lecteurs au *Dictionnaire de l'économie politique*, article *Banques*.

Но какимъ же образомъ, люди, получившіе въ учетномъ или ссудномъ бюро какого-нибудь оборотнаго банка, эти общанія уплаты, напечатанныя на клочкѣ бумаги, нейдутъ тотчасъ же въ кассу за полученіемъ суммы? Зачѣмъ оставляютъ они у себя эту кредитную монету, а не мѣняютъ ея на настоящую? Что за причина такого предпочтенія?

Причина эта заключается такъ сказать въ *физическихъ свойствахъ* банковаго билета, свойствахъ, которыя во множествѣ сдѣлокъ даютъ ему преимущество передъ золотою или серебряною монетой. Сумму сколько-нибудь значительную гораздо удобнѣе платить или получать билетами, чѣмъ звонкою монетой. Впервыхъ билеты въ 100, 500, 1000 фр. могутъ быть скорѣе сосчитаны чѣмъ серебряныя или золотыя монеты въ 5, 10 или 20 фр. Ввторыхъ эта бумажная монета, менѣе тяжеловѣсная и громоздкая чѣмъ золото или серебро, гораздо удобнѣе для перевозки и требуетъ меньшихъ издержекъ. Однимъ словомъ она представляетъ больше удобообращаемости, по крайней мѣрѣ для суммъ довольно значительныхъ, и этого свойства было достаточно, чтобъ упрочить за ней право совмѣстничества съ звонкою монетой.

Тѣмъ не менѣе звонкая монета, сдѣланная изъ золота или серебра, сохраняетъ передъ кредитною, сдѣланною изъ бумаги, то преимущество, что носить въ самой себѣ свою цѣнность. Выгода эта безъ сомнѣнія такъ значительна, что не замедлила бы упрочить за звонкою монетой общее предпочтеніе, еслибы соперница ея не представляла достаточныхъ гарантій безопасности, еслибъ владѣльцы банковыхъ билетовъ не были увѣрены въ возможности всегда по желанію размѣнять ихъ на звонкую монету, или по крайней мѣрѣ пользоваться ими неограниченное время, не опасаясь никакого значительнаго пониженія въ цѣнѣ ихъ.

Но когда этой увѣренности нѣтъ, когда рискъ пониженія ѣны превосходитъ физическія преимущества, свойственныя всякой бумажной монетѣ, тогда золотая и серебряная монета получаетъ предпочтеніе. Итакъ рискъ пониженія цѣны банковаго билета долженъ почти не существовать, для того чтобъ эта кредитная монета могла удержаться въ обращеніи совмѣстно съ дѣйствительной монетой. Обратные и учетные банки должны быть учреждены на достаточно-прочныхъ основаніяхъ и управляться съ достаточнымъ благоразуміемъ, для того чтобы цѣнность ихъ билетовъ никогда не уменьшалась.

Условія эти существенны, ибо одно изъ двухъ: или банкъ обязанъ будетъ выплатить всю сумму своихъ билетовъ, въ надежность торыхъ общество перестало вѣрить, и которые по

Mais comment se fait-il que les personnes qui reçoivent ces promesses de paiement, imprimées sur un morceau de papier, au bureau de l'escompte ou du crédit d'une banque de circulation, ne se rendent pas immédiatement à la caisse pour recevoir le montant en numéraire ? Pourquoi conservent-ils ce titre de crédit et ne l'échangent-ils pas contre de la monnaie en bonne et due forme ? Comment expliquer cette préférence ?

L'explication se trouve, pour ainsi dire, dans les propriétés physiques du billet de banque, propriétés qui, dans de nombreuses transactions, lui confèrent un avantage sur les pièces d'or ou d'argent. Il est beaucoup plus pratique de payer ou de percevoir une somme importante avec des billets qu'avec des espèces métalliques. D'un côté, les billets à valeur faciale de 100, 500, 1000 francs, peuvent être comptés plus rapidement que des pièces d'or ou d'argent valant chacune 5, 10 ou 20 francs. D'un autre côté, ces titres de papier, moins lourds et encombrants que l'or ou l'argent, sont beaucoup plus pratiques à transporter et nécessitent des coûts moindres. En un mot, les titres de papier sont plus convertibles, du moins pour les transactions qui mettent en jeu des sommes assez importantes, et cette propriété a suffi pour leur conférer une place dans la circulation, à côté de la monnaie métallique.

Néanmoins, une pièce de monnaie en or ou en argent conserve par rapport à un titre de crédit en papier l'avantage de posséder une valeur intrinsèque. Cet avantage est si crucial qu'il ne tarderait pas sans doute à valoir aux espèces métalliques une préférence générale, si son rival de papier n'offrait pas de garanties de sécurité suffisantes, si les détenteurs de billets de banque n'étaient pas sûrs de disposer de la possibilité de les échanger toujours à volonté contre des espèces métalliques, ou du moins de jouir de cet avantage d'une manière illimitée, sans craindre une baisse significative de valeur.

Mais lorsque cette certitude fait défaut, lorsque le risque de baisse de valeur l'emporte sur les avantages physiques inhérents à tout titre de papier, alors les pièces d'or et d'argent sont préférées. Il faut donc que le risque de baisse de valeur d'un billet de banque soit quasi inexistant pour que ce titre de crédit reste en circulation à côté de la monnaie métallique. Les banques de circulation et d'escompte doivent être établies sur des bases suffisamment solides et gérées avec suffisamment de prudence pour que la valeur de leurs billets ne diminue jamais.

Ces conditions sont essentielles, car de deux choses l'une : ou bien la banque sera obligée de payer la totalité du montant des billets émis, quand la société aura cessé de croire à la stabilité de leur

этому самому падаютъ въ цѣнѣ относительно звонкой монеты и въ такомъ случаѣ банкъ теряетъ выгоды, приносимыя употребленіемъ этого дешеваго орудія обращенія; или банкъ получаетъ разрѣшеніе не уплачивать по своимъ билетамъ, и тогда эта кредитная монета, утратившая цѣнность, представляетъ въ обращенія всѣ неудобства и всѣ опасности, свойственныя бумажнымъ деньгамъ, изъ чего слѣдуетъ, что существованіе оборотнаго банка, вмѣсто выгоды, становится зломъ для общества.

Установивъ это, посмотримъ, на какихъ основаніяхъ должны быть учреждены и организованы оборотные и учетные банки для того, чтобы доставлять промышленности и торговлѣ необходимыя имъ ссуды денежныхъ капиталовъ, не представляя въ то же время опасности внезапнаго прекращенія или замедленія этихъ ссудъ, и не принуждая промышленниковъ и купцовъ платить за нихъ дороже той цѣны, по которой банку позволяеть доставлять ихъ употребленіе экономической кредитной монеты. Однимъ словомъ, посмотримъ, какимъ образомъ должны быть учреждены и организованы оборотные и учетные банки, чтобы доставлять обществу всѣ присущія имъ выгоды.

IV.

Во всѣхъ оборотныхъ и учетныхъ банкахъ существуетъ однообразное раздѣленіе банка на два совершенно различные отдѣла. Они состоятъ, впервыхъ, изъ выпускнаго бюро, иначе сказать, изъ фабрики кредитной монеты, вовторыхъ изъ учетной и ссудной конторы. Это выпускное бюро и эта учетная и ссудная контора хотя совершенно различны другъ отъ друга и имѣютъ возможность дѣйствовать раздѣльно, состоятъ однако въ необходимой связи между собою. Бюро находитъ сбытъ для выпускаемой имъ кредитной монеты въ учетѣ и ссудѣ. Контора, въ свою очередь, безпрестанно нуждается въ этой монетѣ, чтобъ имѣть возможность производить учетъ и ссуду дешево и въ большихъ размѣрахъ.

Бюро состоитъ въ долгу на всю сумму выданныхъ имъ банковыхъ билетовъ, на всю сумму кредитной монеты, пущенной имъ въ обращеніе. Долгъ этотъ можетъ быть востребованъ по предъявленіи. Итакъ бюро должно всегда имѣть, въ формѣ денежныхъ цѣнностей или такихъ, которыя легко могутъ быть обращены въ деньги, сумму, достаточную для обезпеченія своей кредитной монеты противъ всякаго риска пониженія цѣны ея, то есть для того, чтобы не допустить до требованія уплаты по ней.

Ссудная и учетная контора беретъ на себя обязанность доставлять бюро часть легко обратимыхъ въ деньги цѣнностей,

valeur et quand, de ce fait, ces billets auront perdu de la valeur par rapport aux espèces métalliques, et dans ce cas la banque perdra les avantages produits par l'utilisation de cet instrument à bon marché ; ou bien la banque recevra l'autorisation de ne pas payer les billets qui lui seront présentés, et alors ce titre de crédit, dont la valeur aura baissé, produira dans la circulation tous les inconvénients et tous les dangers inhérents au papier-monnaie : d'où il résulte que l'existence d'une banque de circulation, d'un bien, devient un mal pour la société.

Ceci posé, voyons sur quelles bases les banques de circulation et d'escompte devraient être préférablement créées et organisées afin d'accorder à l'industrie et au commerce le crédit de capital-argent dont l'un et l'autre ont besoin, sans faire courir en même temps le risque d'une interruption ou d'un ralentissement soudain du mouvement des affaires, et sans obliger les industriels et les commerçants à payer ce crédit plus cher que le prix auquel la banque permet de les délivrer en utilisant des titres de crédit à bon marché. En un mot, voyons comment les banques de circulation et d'escompte devraient préférablement être créées et organisées afin de fournir à la société tous les bienfaits possibles.

IV.

Dans toutes les banques de circulation et d'escompte, on retrouve une division similaire en deux départements de nature complètement différente. Il s'agit d'une part du bureau d'émission, c'est-à-dire d'une fabrique de titres de crédit, et d'autre part d'un bureau d'escompte et de crédit. Ce bureau d'émission et ce bureau d'escompte et de crédit, bien que complètement différents l'un de l'autre et ayant l'un et l'autre la capacité d'agir séparément, sont néanmoins en lien nécessaire l'un avec l'autre. Le bureau d'émission trouve un débouché pour les titres de crédit qu'il produit dans les activités de l'escompte et du crédit. Le bureau d'escompte et de crédit, à son tour, a constamment besoin de ces titres pour pouvoir escompter et prêter à moindre coût et sur une grande échelle.

Le bureau d'émission crée un passif de la totalité des billets de banque ou titres de crédit qu'il émet et place dans la circulation. Cette dette peut être réclamée sur simple demande. Le bureau d'émission doit donc toujours disposer, sous forme de valeurs monétaires ou de titres facilement convertibles en argent, d'une somme suffisante pour garantir ses titres de crédit contre tout risque de baisse de leur valeur, c'est-à-dire pour empêcher que s'accroisse la demande des remboursements.

необходимых для обезпеченія обращенія его кредитной монеты. Эти цѣнности состоятъ, съ одной стороны, въ торговыхъ векселяхъ, съ срочною уплатой, которые учитывала контора, съ другой стороны—въ публичныхъ фондахъ и промышленныхъ цѣнностяхяхъ: акціяхъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, рудниковъ и проч., подъ залогъ которыхъ она ссужала. Эти различныя цѣнности, доставляемая учетною и ссудною конторой выпускному бюро, въ замѣнъ кредитной монеты, носятъ названіе цѣнностей въ портфель или просто *портфеля* относительно конторы, обязанной ихъ реализовать, и названіе *обезпеченій* (*sécurités*) относительно выпускнаго бюро, которому онѣ служатъ гарантіями.

Но достаточно ли этихъ *обезпеченій* даже и въ томъ случаѣ, если допустить, что по цѣнности они равны всей суммѣ кредитной монеты, пущенной банкомъ въ обращеніе? Нѣтъ, ибо на дѣлѣ это не суть денежныя цѣнности или такія, которыя бы могли безъ замедленія быть обращены въ деньги. Это цѣнности, которыя могутъ быть реализованы въ болѣе или менѣе отдаленные сроки, черезъ одинъ, два, три мѣсяца; иногда даже цѣнности эти таковы, что реализація ихъ не вполне обезпечена. Но банкъ всякую минуту можетъ быть принужденъ выплатить часть выпущенныхъ имъ билетовъ, вслѣдствіе чего ему необходимо капиталъ въ видѣ денежныхъ цѣнностей, или такихъ, которыя могутъ немедленно обратиться въ деньги, чтобы всегда быть наготовѣ къ такому случаю.

Какъ значителенъ долженъ быть этотъ обезпечивающій капиталъ? Какая часть его должна находиться наготовѣ въ кассахъ банка, въ видѣ звонкой монеты или драгоценныхъ металловъ? Въ какой другой формѣ можетъ состоять остальная часть этого капитала? Какимъ образомъ онъ долженъ быть помѣщенъ? — вотъ вопросы, которые долго занимали и теперь еще занимаютъ экономистовъ и финансистовъ.

Съ перваго взгляда кажется необходимымъ, чтобы банкъ всегда имѣлъ въ деньгахъ или бумагахъ, которыя немедленно могутъ быть обращены въ деньги, капиталъ, равняющійся всей суммѣ выпущенныхъ банкомъ билетовъ: ибо тогда только банкъ вполне былъ бы въ состояніи выполнить свои обязательства, въ случаѣ еслибы вся его кредитная монета была вдругъ предъявлена къ уплатѣ.

Но какъ опытъ доказалъ, что случай этотъ никогда не представляется, то достаточно, если банкъ имѣетъ довольно денежныхъ цѣнностей или такихъ, которыя могутъ быть обращены въ деньги безъ замедленія, чтобы удовлетворить *въроятному* количеству требованій уплаты, разчитывая на *тахітис* этихъ требованій.

Le bureau de crédit et d'escompte prend la responsabilité de remettre au bureau d'émission une partie des valeurs facilement convertibles en monnaie qui est nécessaire pour assurer la circulation de ses titres de crédit. Ces valeurs consistent, d'une part, en effets de commerce, à paiement dû immédiatement ou à très brève échéance, et que le bureau d'escompte et de crédit a enregistré ; d'autre part, en fonds publics et en titres industriels — actions de chemins de fer, d'usines, de mines, etc. — apportés en garantie des prêts qu'il a accordés. Ces différents objets de valeur, remis par le bureau d'escompte et de crédit au bureau d'émission, en échange de titres de crédit, sont appelés *valeurs en portefeuille* ou simplement *portefeuille* du côté du bureau qui les reçoit, et prennent le nom de *titres* du côté de l'organisme émetteur, pour lequel ils servent de garantie.

Cependant, même si l'on suppose que leur valeur est égale à la totalité du montant des titres de crédit mis en circulation par la banque, ces garanties seront-elles suffisantes ? Non, car en réalité ce ne sont pas là des valeurs monétaires ou qui pourraient être immédiatement converties en argent. Ce sont des valeurs qui peuvent être réalisées dans un délai plus ou moins long — dans un, deux, trois mois ; parfois même ces valeurs sont de telle nature que leur réalisation n'est pas totalement certaine. Or la banque peut à tout moment être contrainte de rembourser une partie des billets qu'elle a émis et, par conséquent, elle a besoin de capitaux sous la forme d'objets de valeur ou de valeurs immédiatement convertibles en argent, afin d'être toujours en mesure de répondre à une telle éventualité.

Quelle devrait être l'importance de ce capital de sauvegarde ? Quelle quotité doit-on conserver dans les caisses de la banque, sous forme d'espèces ou de métaux précieux ? Sous quelle autre forme le reste de ce capital doit-il être conservé ? Comment doit-il être placé ? — Telles sont les questions qui ont occupé, occupent et occuperont encore longtemps les économistes et les financiers.

À première vue, il semble nécessaire que la banque dispose toujours, en monnaie ou en titres immédiatement convertibles en monnaie, d'un capital égal à la totalité des billets émis par elle : car alors seulement la banque serait pleinement en mesure de remplir ses obligations, dans l'hypothèse où ses titres de crédit viendraient à être soudainement demandés en remboursement.

Mais comme l'expérience a prouvé que ce cas ne se présente jamais, il suffit que la banque dispose de suffisamment de valeurs monétaires ou autres susceptibles d'être converties en argent sans délai, pour satisfaire à toutes les demandes probables de remboursement.

Поэтому все дѣло въ томъ, чтобы вычислить и взвѣсить эту вѣроятность требованій, изслѣдовать, при какихъ обстоятельствахъ и въ какой мѣрѣ она проявляется; когда и въ какой пропорціи можетъ представиться *taxitit* требованій.

При этой оцѣнкѣ вѣроятностей платежа, не надо терять изъ виду существеннаго факта, на который мы указали выше, а именно, *что уплаты по банковымъ билетамъ бываютъ требуемы только въ такомъ случаѣ, когда эта кредитная монета становится для владѣльцевъ ея менѣе цѣнною, чѣмъ монета настоящая*, — другими словами, только тогда, когда она упала или падаетъ въ цѣнѣ относительно звонкой монеты. Такова, дѣйствительно, единственная причина, могущая побудить владѣльцевъ какой-нибудь кредитной монеты требовать обмѣна ея.

Въ какихъ же обстоятельствахъ кредитная монета можетъ понизиться въ цѣнѣ относительно звонкой монеты, на которую она должна обмѣниваться по предъявленіи? Обстоятельства эти многочисленны. Избѣжать однихъ зависитъ отъ банка, но не въ его волѣ избѣжать другихъ. 1) Можетъ случиться, что банкъ, не будучи управляемъ съ достаточнымъ благоразуміемъ и пониманіемъ дѣла, теряетъ довѣріе публики, что обнаруживаются сомнѣнія насчетъ цѣнности обезпеченій, ручающихся за его кредитную монету, и цѣнность этой послѣдней падаетъ какъ бы по причинѣ порчи ея качества. 2) Можетъ случиться, что банкъ, слишкомъ увеличивая свои учеты и ссуды, чрезмерно размножить свои билеты, что онъ выпуститъ больше кредитной монеты, чѣмъ сколько дозволяютъ потребности обращенія, и что билеты его потеряютъ часть своей цѣнности вслѣдствіе излишняго увеличенія ихъ количества. Если допустить, что нѣсколько соперничающихъ банковъ увеличатъ свои выпуски дотого, что преступаятъ предѣлъ потребностей обращенія, то, по всей вѣроятности, тѣ изъ нихъ, которые менѣе надежны, или тѣ, которые, справедливо или нѣтъ, внушаютъ публикѣ меньше довѣрія, будутъ принуждены выплатить излишекъ. 3) Можетъ случиться, что какое-нибудь событіе, политическій переворотъ напримѣръ, со дня на день уменьшая количество сдѣлокъ, упразднитъ ту часть монеты, которая служила для ихъ совершенія. Въ такомъ случаѣ, если въ обращеніи находится одна звонкая монета, то часть ея, оказавшаяся излишнею, будетъ вывезена, что бы ни дѣлали, чтобъ удержать ее; если же въ обращеніи находится частію звонкая монета и частію кредитная, то изъ этой послѣдней, еще не имѣющей международнаго характера и потому не могущей подлежать вывозу, часть, равная всему излишку въ обращеніи, обмѣнивается на звонкую монету, которая и будетъ вывезена. 4) Можетъ случиться чрезвычайный запросъ на

Il s'agit donc de calculer et de peser la probabilité de ces demandes, d'examiner dans quelles circonstances et dans quelle mesure elles se manifestent, quand et dans quelle proportion les exigences maximales peuvent se présenter.

Dans cette évaluation des probabilités de demande de remboursement, il ne faut pas perdre de vue le fait essentiel que nous avons souligné plus haut, à savoir que le remboursement des billets de banque n'est exigé que dans le cas où ce titre de crédit devient de moins de valeur pour ses détenteurs qu'une vraie pièce de monnaie, en d'autres termes il ne se présente que lorsque la valeur de ces titres de crédit a chuté ou est en train de baisser par rapport aux espèces métalliques. C'est en effet la seule raison qui peut inciter les détenteurs de titres de crédit à exiger un échange.

Dans quelles circonstances un titre de crédit peut-il perdre de la valeur par rapport à l'espèce métallique contre laquelle il doit être échangé à vue ? Ces circonstances sont nombreuses. Il appartient à la banque d'en éviter certaines ; mais d'autres, il n'est pas en son pouvoir de les éviter. 1) Il peut arriver qu'une banque, n'étant pas gérée avec suffisamment de prudence et de sagesse, perde la confiance du public, que des doutes surgissent sur la valeur des titres garantissant son papier de crédit, et que la valeur de ce dernier chute, comme si sa qualité s'était détériorée. 2) Il peut arriver que la banque, en augmentant excessivement ses escomptes et ses prêts, multiplie excessivement ses billets, qu'elle émette plus de titres de crédit que ne le permettent les besoins de la circulation, et que ses billets perdent une partie de leur valeur du fait de l'augmentation excessive de leur nombre. Si l'on imagine que plusieurs banques rivales multiplient leurs émissions au point de dépasser les limites des besoins de la circulation, alors, selon toute probabilité, celles d'entre elles qui sont les moins fiables, ou celles qui, à tort ou à raison, inspirent le moins confiance au public, celles-là seront obligées de rembourser l'excès des billets émis. 3) Il peut arriver qu'un événement donné, une révolution politique, par exemple, réduisant le nombre des transactions quotidiennes, rende inutile une partie des titres qui servent à les réaliser. En pareil cas, s'il n'y a qu'une seule espèce monétaire en circulation, alors la partie qui se trouve excédentaire sera retirée de la circulation, quels que soient les efforts entrepris pour la conserver ; si en revanche il se trouve dans la circulation une partie de numéraire et une partie de papiers de crédit, alors ces derniers, qui n'ont pas encore un caractère international et par conséquent ne peuvent être exportés, disparaissent de toute la quantité qui se trouve en excédent dans la circulation et ils sont échangés contre du numéraire qui lui a la faculté d'être exporté.

звонкую монету, который вдруг подниметь цѣнность ея сравнительно съ кредитною монетою, и до тѣхъ поръ пока равновѣсіе снова возстановится, будетъ побуждать къ обмѣну части этой монеты на драгоцѣнные металлы, составляющіе наличный фондъ банковъ. Случай этотъ встрѣчается, напримѣръ, когда, вѣдствие скудной жатвы, является необходимость покупать за границей значительное дополненіе жизненныхъ припасовъ, за которые надобно платить драгоцѣнными металлами.

Таковы главныя случайности, которыя могутъ вызвать требованіе обмѣна кредитной монеты, выпущенной въ видѣ банковыхъ билетовъ. Эти случайности, эти риски платежа, измѣняются смотря по странамъ и по обстоятельствамъ. Во всякомъ случаѣ банки должны имѣть свободный капиталъ, достаточный для покрытія *maximum* этихъ рисковъ.

Долженъ ли капиталъ этотъ, обезпечивающій цѣнность, находящейся въ обращеніи кредитной монеты, или *застраховывающей* ее, долженъ ли онъ необходимо принадлежать банку? Не можетъ ли банкъ образовать его посредствомъ займа? Долженъ ли онъ быть реализованъ или только представлять возможность реализаций?

Опять вопросы, которые долго были предметомъ преній, повторяющихся ежедневно еще и понынѣ.

Подобно кредитнымъ учрежденіямъ, производящимъ свои операціи на звонкую монету, и все болѣе и болѣе вытѣсняемымъ оборотными и учетными банками, эти послѣдніе получаютъ ввѣряемые имъ капиталы, въ качествѣ вклада или ссуды. Только одни изъ нихъ, какъ напримѣръ американскіе банки, даютъ на эти вклады процентъ; другіе же, какъ Англійскій, Французскій, Національный бельгійскій, не даютъ процентовъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, могутъ ли капиталы, ввѣренные банкамъ, служить на покрытіе риска требованій уплаты по находящимся въ обращеніи билетамъ?

Могутъ, но только въ извѣстной степени, и при томъ довольно незначительной. Тѣ обстоятельства, которыя заставляютъ требовать уплаты по билетамъ, заставляютъ требовать и возвращенія вкладовъ. Если допустимъ, что вклады эти должны быть выдаваемы по востребованію, что слѣдовательно на банкирѣ лежитъ обязанность возвращать ихъ немедленно, то на нихъ нельзя будетъ разчитывать для удовлетворенія требованій уплаты по билетамъ. Однакожь такъ какъ немедленное требованіе всѣхъ вкладовъ невѣроятно, то банкъ, въ крайнемъ случаѣ, можетъ употребить часть этихъ вкладовъ на покрытіе первой необходимости при требованіяхъ платежа, но безразсудно было бы злоупотреблять этимъ средствомъ. Другое дѣло, когда

4) Une demande urgente de numéraire peut survenir, telle qu'elle augmente brusquement sa valeur par rapport au titre de crédit, et, jusqu'à ce que l'équilibre soit rétabli, cette demande accrue pousse à l'échange d'une partie de ces titres contre des métaux précieux, qui se trouvent dans les coffres des banques. Ce cas se produit, par exemple, lorsque, à la suite d'une faible récolte, il est nécessaire d'acheter à l'étranger un supplément important de denrées de première nécessité, et qu'il faut les payer en métaux précieux.

Telles sont les principales éventualités qui peuvent nécessiter l'échange de titres de crédit émis sous forme de billets de banque. Ces imprévus, ces risques de demande en paiement, varient selon les pays et les circonstances. Dans tous les cas, les banques doivent disposer de capitaux disponibles en quantité suffisante pour couvrir le maximum de ces risques.

Ce capital, qui garantit la valeur des titres de crédit en circulation ou qui l'assure, doit-il nécessairement appartenir à la banque ? La banque ne pourrait-elle pas l'obtenir grâce à un prêt ? Doit-il entièrement être réalisé ou ne représenter qu'une possibilité de réalisation ?

De telles questions ont, là encore, fait l'objet de nombreux débats, et on se les pose encore quotidiennement de nos jours.

Comme les établissements de crédit qui effectuent leurs opérations en espèces sont de plus en plus supplantés par les banques de circulation et d'escompte, ces dernières reçoivent les capitaux qui leur sont confiés sous la forme de dépôts ou de prêts. Seules certaines d'entre elles, comme les banques américaines, paient des intérêts sur ces dépôts ; d'autres, comme en Angleterre, en France et en Belgique, ne versent pas d'intérêt. Mais dans les deux cas, les capitaux confiés aux banques peuvent-ils servir à couvrir le risque que les demandes de paiement sur les billets en circulation leur fait courir ?

Ils le peuvent, mais seulement dans une certaine mesure, et disons plus, dans une mesure assez insignifiante. Les mêmes circonstances qui nécessitent le remboursement des billets font également exiger la restitution des garanties. Si l'on suppose que ces garanties doivent être fournies sur demande, et que par conséquent le banquier a l'obligation de les restituer immédiatement, alors elles ne peuvent pas être utilisées pour satisfaire aux demandes de remboursement des billets. Cependant, comme la demande de remboursement immédiat de tous les dépôts est improbable, la banque peut, en dernier recours, utiliser une partie de ces dépôts pour couvrir les besoins urgents des demandes de remboursement, mais il serait téméraire d'abuser de ce moyen là. Il en va autrement lorsque les dépôts sont

вклады приняты банкомъ съ обязанностью возвратить ихъ только по истеченіи условнаго срока. Тогда онъ можетъ пользоваться ими для расплаты по билетамъ, съ тѣмъ чтобы послѣ, на уплату вкладовъ, употребить коммерческія цѣнности *портфеля*, которыми срокъ наступаетъ въ этотъ промежутокъ времени.

Однакожь въ этихъ средствахъ такъ много случайнаго, что они не могутъ достаточно обезпечивать обороты банка. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что вклады будутъ одинъ за другимъ взяты обратно и не возобновятся болѣе; между тѣмъ банкъ можетъ вдругъ очутиться въ виду цѣлой массы билетовъ, которые нужно уплатить по предъявленіи, не имѣя другихъ средствъ кромѣ промышленныхъ и торговыхъ цѣнностей, по которымъ требовать денегъ можно только въ болѣе или менѣе отдаленные сроки. Итакъ необходимо, чтобы банкъ имѣлъ свой собственный капиталъ, который онъ могъ бы употребить во всякое время на покрытіе риска уплаты, лежащаго на выпущенныхъ имъ билетахъ, такъ же какъ и риска потерь, неразлучнаго съ его ссудными и учетными операціями. Если капиталъ этотъ соотвѣтствуетъ риску, на покрытіе которато онъ предназначенъ, и если онъ дѣйствительно находится въ распоряженіи банка, то положеніе этого учрежденія будетъ по возможности прочно, и его кредитная монета будетъ представлять такія же гарантіи безопасности, какъ и настоящая монета.

Мы говоримъ, что капиталъ банка долженъ постоянно находиться въ его распоряженіи, но изъ этого не слѣдуетъ, что весь капиталъ этотъ долженъ быть обращенъ въ деньги и въ видѣ звонкой монеты лежать безъ употребленія въ кладовыхъ банка. Нѣтъ! банку нужна звонкая монета только на то, чтобы встрѣтить случайности первыхъ требованій уплаты. Достаточно, если онъ можетъ быстро реализовать свой капиталъ. Обыкновенно банки помѣщаютъ капиталъ свой въ публичные фонды того государства, которому они сами принадлежатъ. Этотъ родъ помѣщенія по большей части даже обязательень для нихъ. Но это, ограниченіе, очевидно, напрасно. Если требованія уплаты бывають слѣдствіемъ политическаго и финансоваго кризиса, театромъ котораго служить та же самая страна, то и государственные фонды могутъ тогда быть реализованы не иначе какъ съ большою потерей.

Гораздо выгоднѣе было бы помѣщать капиталы въ иностранные фонды, особливо съ тѣхъ поръ, какъ развитіе международныхъ финансовыхъ сношеній и устройство электрическихъ телеграфовъ, сдѣлали реализацію иностранныхъ фондовъ не менѣе удобною и быстрою, чѣмъ реализація національныхъ фондовъ.

acceptés par la banque avec l'obligation de les restituer uniquement après l'expiration d'un délai conditionnel. Alors, la banque peut les utiliser pour rembourser les billets ; tandis que plus tard, pour rembourser les dépôts, elle pourra se servir de la valeur des effets en portefeuille, qui arriveront à échéance à ce moment là.

Toutefois, ces fonds sont tellement aléatoires qu'ils ne peuvent pas assurer suffisamment les opérations de la banque. Supposons en effet que les dépôts soient redemandés les uns après les autres et ne soient pas renouvelés ; à ce moment là, la banque peut se retrouver subitement en face d'une grande quantité de billets qui doivent être payés sur présentation, sans disposer d'autre moyen de les payer que des valeurs industrielles et commerciales, pour lesquelles il n'est possible d'exiger le transfert de leur valeur qu'à des époques plus ou moins éloignées. Il est donc nécessaire que la banque dispose de capitaux propres, qu'elle puisse utiliser à tout moment pour couvrir le risque de remboursement pesant sur les billets qu'elle émet, ainsi que le risque de perte inhérent à ses opérations de prêt et d'escompte. Si ce capital se trouve de niveau avec le risque qu'il est destiné à couvrir, et s'il est effectivement à la disposition de la banque, alors la position de cette institution sera la plus sûre possible, et son crédit présentera la même garantie de sécurité qu'une pièce de monnaie véritable.

Nous disons que le capital de la banque doit toujours être à sa disposition, mais il ne s'ensuit pas que tout ce capital doive être converti en argent et rester immobile sous forme de lingots dans les réserves de la banque. Non ! La banque n'a besoin d'espèces que pour faire face aux imprévus des premières demandes de remboursement. Il suffit qu'elle puisse réaliser rapidement son capital. Généralement, les banques placent leur capital dans les fonds publics des États dans lesquels elles sont elles-mêmes établies. Dans la plupart des cas, ce type de placement est même obligatoire. Mais cette disposition est naturellement vaine. Si les demandes de paiement sont la conséquence d'une crise politique et financière dont le théâtre est le pays même dans lequel est établie la banque, alors les fonds publics ne peuvent être réalisés qu'au prix d'une perte importante.

Il serait beaucoup plus utile d'investir ces capitaux dans des fonds étrangers, d'autant plus que le développement des relations financières internationales et l'aménagement des télégraphes électriques ont rendu l'échange de fonds étrangers tout aussi pratique et rapide que la vente de fonds nationaux.

Въ теченіе долгаго времени господствовало мнѣніе, что банкъ не можетъ дѣйствовать безопасно, если не будетъ сохранять въ своихъ сундукахъ количество звонкой монеты равное по крайней мѣрѣ трети всего его кредитнаго оборота. Установляя эту пропорцію, обыкновенно не приводили для нея никакой разумной причины, а ограничивались утвержденіемъ, что опытъ доказалъ ея необходимость. По нашему мнѣнію, мы доказали уже въ предыдущемъ, что въ этомъ отношеніи не можетъ быть установлено никакой математической пропорціи; что одинъ банкъ можетъ быть вполне надежнымъ, хотя бы въ сундукахъ его обыкновенно хранилась только незначительная сумма звонкой монеты, если только его операціи будутъ искусны и разумны, и если онъ будетъ имѣть добавочный и легко реализуемый обезпечивающій капиталъ; что напротивъ того положеніе другаго банка можетъ быть весьма ненадежно, хотя бъ онъ имѣлъ въ наличности звонкою монетою даже всю сумму своего оборота, если эти деньги состоятъ изъ вкладовъ, подлежащихъ немедленному возвращенію по востребованіи, и если банкъ этотъ принималъ въ учетъ сомнительныя торговыя цѣнности и ссужалъ свои билеты подъ залогъ публичныхъ фондовъ или промышленныхъ цѣнностей также непадежной прочности.

Таковы основы, на которыхъ должны быть учреждаемы оборотныя и учетныя банки; таковы гарантіи, которыя они должны соединять, чтобы доставить своимъ билетамъ всю необходимую надежность и оказывать прочныя услуги производству.

V.

Посмотримъ же теперь, въ чемъ состоятъ особенныя выгоды, представляемая оборотными и учетными банками.

Выгоды эти двухъ родовъ. Ихъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

1) Созданіе кредитной монеты, пользующейся предпочтеніемъ передъ золотою и серебряною для сдѣлокъ извѣстнаго разряда.

2) Дешевизна и обиліе кредита.

Въ старой банковской системѣ орудіемъ кредита служить звонкая монета. Чтобы имѣть возможность ссужать или учитывать, надо обратить свой капиталъ въ звонкую монету. Въ новой же системѣ, орудіе ссудъ или учетовъ добывается гораздо болѣе дешевымъ способомъ. Сами банки дѣлаютъ изъ бумаги свою монету, ограничиваясь тѣмъ, что гарантируютъ ее надежнымъ образомъ. Публика соглашается принимать и употреблять эту монету, потому что находить ее болѣе удобною для употребленія и для перевоза, чѣмъ звонкую, по крайней мѣрѣ относительно

Pendant longtemps, l'opinion dominante a été qu'une banque ne pouvait fonctionner en toute sécurité que si elle conservait dans ses coffres une quantité d'espèces égale à au moins un tiers de son chiffre d'affaires total en matière de crédit. Lorsque les partisans de cette proportion la livraient au public, ils n'en donnaient généralement aucune raison valable, et se limitaient à affirmer que l'expérience en avait prouvé la nécessité. À notre avis, nous avons déjà prouvé dans l'article précédent qu'aucune proportion mathématique ne peut être établie dans cette question ; qu'une banque peut être totalement fiable, même si ses coffres ne contiennent en général qu'une quantité insignifiante d'espèces, pourvu que ses opérations soient sûrement et raisonnablement menées, et pourvu qu'elle dispose d'un capital de soutien supplémentaire et facilement réalisable ; et qu'au contraire, la situation d'une autre banque peut être très précaire, bien qu'elle ait en espèces même la totalité de son chiffre d'affaires, si cet argent est constitué de dépôts qui peuvent être réclamés sans délai, et si cette banque a pris en compte des valeurs commerciales douteuses et si ses billets émis sont garantis par des fonds publics ou des valeurs industrielles qui sont également susceptibles de baisser fortement.

Telles sont les bases sur lesquelles devraient être établies les banques de circulation et d'escompte. Ce sont ces garanties qu'elles doivent conjuguer pour assurer à leurs billets toute la fiabilité nécessaire et apporter un service utile à la production.

V.

Voyons désormais quels avantages particuliers les banques de circulation et d'escompte présentent.

Ces avantages sont de deux sortes. Ils peuvent être définis comme suit :

1) Création de titres de crédit préférables à l'or et à l'argent pour certaines transactions.

2) Bon marché et abondance du crédit.

Dans l'ancien système bancaire, le crédit se faisait au moyen de numéraire. Afin de pouvoir prêter ou recevoir en compte, vous deviez convertir votre capital en espèces sonnantes et trébuchantes. Dans le nouveau système, le prêt ou l'escompte se fait d'une manière beaucoup moins coûteuse. Les banques fabriquent elles-mêmes leurs propres titres en papier, et elles se contentent de garantir leur sûreté. Le public accepte de recevoir et d'utiliser ces billets parce qu'il les trouve plus pratiques à manipuler et à transporter que la monnaie métallique, du moins pour les sommes assez importantes — c'est-à-

суммъ довольно значительныхъ, — короче, *больше оборотную*, — и потому еще, что публика довѣряетъ обезпеченіямъ, на которыхъ основана цѣнность этой бумажной монеты.

Но эта кредитная монета имѣетъ не одну только ту выгоду, что она во многихъ случаяхъ удобнѣе звонкой монеты для обращенія; она кромѣ того, и въ особенности, представляетъ еще выгоду большей дешевизны; производство ея обходится дешево, и слѣдовательно она можетъ быть дешевле отдаваема на временное пользованіе.

Въ самомъ дѣлѣ, сравнимъ, чего стоитъ кредитному учрежденію добыть себѣ капиталъ, состоящій изъ звонкой монеты, и капиталъ изъ бумажной монеты. Предположимъ, что требуемый капиталъ состоитъ изъ десяти милліоновъ. Если операціи производятся на звонкую монету, сумма эта будетъ стоить однихъ ежегодныхъ процентовъ, 300, 400 и 500,000 франковъ, смотря по тому, будетъ ли платиться 3, 4 или 5%. Если же операціи производятся посредствомъ бумаги, тогда достаточно надѣлать билетовъ, согласуя купоны ихъ съ существующими потребностями, и обезпечить ихъ цѣнность. А какъ большая часть капитала, употребленнаго на это обезпеченіе, можетъ быть помѣщена на проценты, только часть его должна быть обращена въ звонкую монету и храниться въ сундукахъ банка, то ежегодныя издержки кредитнаго оборота въ десять милліоновъ не превысятъ 100 или 200,000 франковъ. Если же кредитный оборотъ обходится дешевле денежнаго, то не можетъ ли онъ и ссужать на столько же дешевле, въ видѣ учета или иначе? А если онъ дѣйствительно ссужаетъ по болѣе дешевой цѣнѣ, то не увеличится ли и запросъ на кредитъ, не разовьется ли пропорціонально оборотъ ссудъ и и учетовъ? Итакъ введеніе кредитной монеты, выпускаемой банками, дозволяетъ этимъ учрежденіямъ доставлять кредитъ по болѣе дешевой цѣнѣ и въ большемъ изобиліи, создавая въ то же время орудіе обращенія болѣе совершенное, чѣмъ звонкая монета, или по крайней мѣрѣ лучше приспособленное къ большому числу Сдѣлокъ.

Можно ли однакожь сказать, чтобъ успѣхъ, осуществленный созданіемъ банковаго билета, не имѣлъ предѣловъ въ отношеніи дешевизны и развитія кредита? Конечно нельзя. Банки безъ сомнѣнія могутъ производить кредитную монету съ меньшими издержками, чѣмъ приобрѣтатъ звонкую; но и эта кредитная монета не достается даромъ. Кромѣ издержекъ на производство ея, которыя не велики, и издержекъ на содержаніе выпускнаго бюро, которыя нѣсколько значительнѣе, надо еще покрыть издержки капитала, застраховывающаго противъ риска пониженія цѣны билетовъ и требованія уплаты. Съ другой стороны, надо

dire que les billets sont plus aisément négociables —, et aussi parce que le public a confiance dans la garantie sur laquelle repose la valeur de ce titre de papier.

Mais ce titre de crédit n'a pas seulement l'avantage d'être dans de nombreux cas plus commode à échanger que la monnaie métallique. De plus et surtout, il présente l'avantage encore plus grand d'être moins cher ; sa production se fait à bon marché et il peut donc être moins coûteux de le distribuer pour un usage temporaire.

Comparons ce qu'il en coûte à un établissement de crédit pour obtenir du capital en monnaie métallique et du capital en papier-monnaie. Supposons que le capital requis soit de dix millions. Si les transactions sont effectuées en espèces, ce montant coûtera un intérêt annuel de 300 000, 400 000 et 500 000 francs, selon que 3, 4 ou 5% seront demandés. Si l'opération s'opère avec du papier, il suffira alors d'émettre des billets en faisant correspondre leurs montants aux besoins existants et de sécuriser leur valeur. Or, comme la majeure partie du capital employé pour fournir cette garantie peut être placée sous une forme productrice d'intérêts, et que seule une partie doit être convertie en espèces métalliques et stockée dans les coffres de la banque, le coût annuel d'opérations de crédit d'un montant de dix millions ne dépassera pas 100 000 ou 200 000 francs. Si la production d'un même montant de crédit se fait à moindre coût en papier qu'en monnaie métallique, l'établissement ne pourra-t-il pas prêter le même montant à moindre intérêt, sous forme d'es-compte ou autre ? Et s'il prête réellement à un taux d'intérêt inférieur, la demande de crédit n'augmentera-t-elle pas également, la pratique des prêts et des comptes ne se développera-t-elle pas proportionnellement ? Ainsi, l'introduction de la monnaie de crédit émise par les banques permet à ces institutions de fournir du crédit à meilleur prix et en plus grande abondance, tout en créant un instrument de circulation plus parfait que le numéraire, ou du moins mieux adapté à un plus grand nombre de personnes et à un plus grand nombre de transactions.

Peut-on cependant affirmer que la création des billets de banque puisse se faire à des coûts sans cesse plus faibles et produire un développement sans limite du crédit ? Il n'en est pas ainsi, bien entendu. Sans doute, il en coûte moins aux banques de produire des titres de crédit que d'acheter des espèces métalliques pour la même valeur ; mais les titres de crédit eux-mêmes ne se produisent pas sans frais. Outre les coûts de la production, qui ne sont pas élevés, et les frais généraux du bureau d'émission, qui sont un peu plus importants, il faut également couvrir les frais du capital, qui garantit contre le risque de baisse de valeur des billets et des demandes de rem-

также покрыть рискъ неуплаты за учетныя торговыя цѣнности, или еще рискъ упадка цѣны промышленныхъ цѣнностей или публичныхъ фондовъ, принятыхъ въ качествѣ гарантій относительно ссудъ. Наконецъ банки должны давать своимъ акціонерамъ барыши, соотвѣтствующіе барышамъ всѣхъ другихъ предпріятій. Соединеніе этихъ расходовъ составляетъ *собственную стоимость* (*prix de revient*) учета или процента. До тѣхъ поръ, покуда будутъ существовать эти расходы — а уничтожить ихъ совершенно никогда будетъ не возможно, какія бы ни были сдѣланы усовершенствованія въ механизмѣ кредита (ихъ конечно еще можетъ бытъмного сдѣлано) — *даровой кредитъ* останется утопіей.

Итакъ дешевизнѣ кредита полагаются предѣлы и при системѣ оборотныхъ банковъ. Предѣлы эти полагаются также и обилію кредита. Съ цѣлью увеличить ссуды и учеты, нельзя по произволу и въ неограниченномъ количествѣ производить кредитную монету. Ее можно производить только въ предѣлахъ потребностей обращенія.

Гдѣ же эти предѣлы?

И вопервыхъ, дѣйствительно ли можно считать за монету банковые билеты? Вопросъ этотъ былъ предметомъ горячихъ споровъ и до сихъ поръ онъ еще не исчерпанъ; но мы съ своей стороны, не колеблясь, рѣшаемъ его утвердительно. Могутъ ли банковые билеты замѣнять звонкую монету — вотъ въ чемъ по настоящему состоитъ этотъ вопросъ. Но чему же въ этомъ отношеніи научаеъ насъ опытъ? Тому, что во всѣхъ странахъ, гдѣ были введены банковые билеты, они удержались въ обращеніи совмѣстно съ звонкою монетой, что даже во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ сдѣлкахъ они стали любимыми проводниками оборота. Что доказываетъ этотъ фактъ? Очевидно то, что банковые билеты имѣютъ всѣ качества, требуемая отъ монеты, однимъ словомъ, что они составляютъ монету *sui generis*.

Пропорція между этою бумажною и звонкою монетой, соперничающими въ обращеніи, измѣняется различно въ различныхъ странахъ. Въ Шотландіи, на примѣръ, больше банковыхъ билетовъ, чѣмъ металлическихъ денегъ, во Франціи же и въ большей части другихъ континентальныхъ государствъ преобладаетъ звонкая монета.

Эти неравенства въ относительной пропорціи двухъ родовъ монеты зависятъ отъ различныхъ причинъ. Хотя банковые билеты для нѣкоторыхъ сдѣлокъ удобнѣе: звонкой монеты, по причинѣ: особыхъ свойствъ, исчисленныхъ нами выше, однакожь въ обращеніи они не вездѣ занимаютъ то мѣсто, которое бы могли занимать. Это зависитъ отъ того, что выпускающіе ихъ банки устройствомъ своимъ не внушаютъ достаточнаго довѣрія

boursement. D'autre part, il faut également couvrir le risque de non-paiement des actifs commerciaux enregistrés, voire le risque de baisse du prix des actifs industriels ou des fonds publics acceptés en garantie des prêts. Enfin, les banques doivent offrir à leurs actionnaires des bénéfices qui correspondent à ceux de toutes les autres entreprises. La combinaison de ces dépenses constitue le prix de revient de l'escompte ou des prêts. Tant que ces dépenses existeront — et il ne sera jamais possible de les éliminer complètement, quelles que soient les améliorations apportées au mécanisme du crédit (et bien entendu, beaucoup peuvent encore être apportées) — le crédit gratuit restera une utopie.

Le bon marché du crédit a donc des limites, même dans le système des banques de circulation. Ces limites se retrouvent également dans la quantité des crédits accordés. Il est impossible, dans la vue d'accroître le montant des prêts et des comptes, de produire des titres de crédit de manière arbitraire et en quantité illimitée. Ils ne peuvent être émis que dans la limite des besoins de la circulation.

Quelle est cette limite ?

Et d'abord, les billets de banque peuvent-ils vraiment être considérés comme de la monnaie ? Cette question a fait l'objet de débats passionnés et elle n'est pas encore réglée à ce jour ; mais pour notre part, nous le disons sans hésiter, nous répondons par l'affirmative. Les billets de banque peuvent-ils remplacer les espèces métalliques ? Telle est véritablement la question en jeu. Or, que nous apprend l'expérience à cet égard ? Le fait est que dans tous les pays où les billets de banque ont été introduits, ils sont restés dans la circulation avec les espèces, et que, dans toutes les transactions importantes, ils sont devenus les vecteurs préférés de la circulation. Qu'est-ce que cela prouve ? Cela prouve évidemment que les billets de banque possèdent toutes les qualités des pièces de monnaie ordinaires, en un mot, qu'ils constituent une monnaie *sui generis*.

La proportion, dans la circulation monétaire, de ces billets de papier et des espèces métalliques, varie selon les pays. En Écosse, par exemple, il y a plus de billets de banque que d'espèces métalliques, tandis qu'en France et dans la plupart des autres pays du continent, ce sont les espèces qui prédominent.

Cette inégalité dans la proportion relative des deux types de monnaie a plusieurs explications. Quoique les billets de banque soient plus pratiques pour certaines transactions que les espèces métalliques, en raison des propriétés particulières que nous avons détaillées plus haut, ils n'occupent pas toujours dans la circulation la place qui pourrait leur revenir. Cela s'explique par le fait que l'institution même des banques qui émettent des billets n'inspire pas

публикѣ, или же огь того, что народонаселеніе, бывшее жертвой несчастныхъ опытовъ съ бумажными деньгами, сохранило непобѣдимую недовѣрчивость ко всякой кредитной монетѣ. Наконецъ это можегь зависѣть и отъ того, что купоны билетовъ слишкомъ крупны. Такъ, напримѣръ, было во Франціи, гдѣ въ теченіе долгаго времени меньшій купонъ банковаго билета былъ въ 200 франковъ, и гдѣ еще и теперь онъ не ниже 100 франковъ.

Таковы главныя причины, которыя въ различныхъ государствахъ измѣняютъ пропорцію банковыхъ билетовъ, употребляемыхъ совмѣстно съ звонкою монетой. Но во всякомъ государствѣ пропорція эта способна измѣняться, и дѣйствительно безпрестанно измѣняется. По мѣрѣ того, какъ сглаживается дурная память, оставленная опытами бумажныхъ денегъ, по мѣрѣ того какъ и самое устройство банковъ становится прочнѣе, и какъ они размножаютъ свои купоны, согласуя ихъ съ потребностями обращенія, банковые билеты, все въ большей пропорціи, замѣняютъ звонкую монету.

Но если даже допустить, что эта кредитная монета заняла бы въ обращеніи мѣсто, которое, *естественно*, принадлежитъ ей, въ силу физическихъ свойствъ, дающихъ ей преимущество передъ звонкою монетой для множества сдѣлокъ, — количество ея тѣмъ не менѣе будетъ ограничено. Никогда не будетъ возможности выпускать ее безъ счета.

Въ настоящее время это уже не требуетъ долгихъ доказательствъ. Но недавно еще вѣрили, что государство можетъ имѣть въ неограниченномъ количествѣ металлическую и бумажную монету, и что чѣмъ больше оно ея имѣетъ, тѣмъ оно богаче. Это заблужденіе служило основой меркантильной системы, въ силу которой каждое государство старалось завлечь къ себѣ деньги и захватить ихъ, какъ въ мышеловку, препятствуя потомъ ихъ вывозу. Это же самое заблужденіе породило и всѣ планы, которые предлагались къ возстановленію финансовъ и развитію общественнаго богатства, посредствомъ размноженія бумажныхъ денегъ. Но болѣе справедливыя понятій одержали наконецъ верхъ послѣ множества бѣдственныхъ опытовъ. Доказано было, что каждому народу необходимо только извѣстное количество денежныхъ цѣнностей для совершенія обмѣновъ и сбереженій. Количество это соразмѣрно массѣ обмѣновъ, которые должны быть произведены, и массѣ сбереженій, которыя должны совершиться. Тѣмъ не менѣе, если оно находится въ прачомъ отношеніи къ обмѣнамъ и сбереженіямъ, которые должны совершиться, то къ быстротѣ, съ какою совершаются обмѣны и накопленія сбереженія, оно находится въ обратномъ отношеніи. Извѣстная сумма денегъ, которая въ одинъ мѣсяць произведетъ только сто

suffisamment de confiance au public, ou que la population, ayant été victime d'expériences malheureuses avec le papier-monnaie, conserve une méfiance invincible à l'égard de tout titre représentatif de la monnaie. Enfin, on pourrait encore expliquer cette faible diffusion par le fait que les coupures des billets sont encore trop élevées. Ce fut le cas en France, par exemple, où pendant longtemps la plus petite coupure d'un billet de banque était de 200 francs, et où encore aujourd'hui elle est au minimum de 100 francs.

Telles sont les principales raisons pour lesquelles, dans les différents États, la proportion de billets de banque en circulation par rapport aux espèces métalliques varie. Mais dans n'importe quel État, cette proportion est susceptible de changer, et elle change même constamment. À mesure que les mauvais souvenirs laissés par les expériences de papier-monnaie s'effacent, à mesure que la structure même des banques se solidifie, et à mesure qu'elles multiplient les petites coupures, en les coordonnant aux besoins de la circulation, les billets de banque remplacent les espèces métalliques dans des proportions toujours croissantes.

Mais même dans la supposition où ces titres de crédit occupent dans la circulation la place qui leur revient naturellement, en raison des propriétés physiques qui leur confèrent un avantage sur l'espèce métalliques pour de nombreuses transactions, leur quantité n'en serait pas moins limitée. Il ne sera jamais possible d'en émettre sans un certain capital de garantie.

Aujourd'hui, la démonstration en est aisée à faire. Mais jusqu'à une époque récente, on croyait encore généralement que l'État pouvait disposer d'une quantité illimitée de monnaie en métal et en papier, et que plus il en possédait, plus il était riche. Cette idée fautive a servi de base au système mercantiliste, en vertu duquel chaque État a tenté d'attirer les métaux précieux vers lui et de les emprisonner comme dans une souricière, en empêchant leur exportation. Cette même erreur se trouve à la base de tous les plans qui ont été proposés pour le redressement des finances et le développement de la richesse publique par la multiplication du papier-monnaie. Mais des conceptions plus justes ont finalement prévalu, après de nombreuses expériences désastreuses. Il est demeuré prouvé que chaque nation n'a besoin que d'une certaine quantité de valeurs monétaires pour réaliser ses échanges et matérialiser son épargne. Cette quantité est proportionnelle à la masse des échanges à réaliser, et à la masse de l'épargne à conserver. Néanmoins, si elle se trouve en rapport direct avec le montant des échanges et de l'épargne qui doivent avoir lieu, elle est en relation inverse avec la rapidité avec laquelle les échanges se font et les épargnes s'accroissent. Une certaine somme d'argent,

обмѣновъ, перейдетъ только чрезъ сотню рукъ, въ странѣ, гдѣ торговое обращеніе медленно, — въ то же самое время совершить тысячу обмѣновъ, побываетъ въ тысячѣ рукъ, въ странѣ, гдѣ торговое обращеніе быстро. Другая, извѣстная сумма, которая въ странѣ, гдѣ употребленіе сбереженій затруднительно, гдѣ всякій охотнѣе сберегаетъ ихъ у себя дома, пролежитъ праздно цѣлыя годы на днѣ сундука или ящика, — въ то же самое время послужитъ къ удешевленію капитала въ странѣ, гдѣ сбереженія легко и быстро обращаются въ пользу. Изъ этого слѣдуетъ, что относительно наибольшее количество денегъ употребляется не въ тѣхъ странахъ, гдѣ совершается всего больше оборотовъ, и гдѣ накапливается больше капиталовъ. Въ Англіи, напримѣръ, количество звонкой и кредитной монеты считается не болѣе половины количества ея во Франціи, хотя цѣнность ежегодныхъ сдѣлокъ въ Соединенномъ Королевствѣ и превосходитъ цѣнность ежегодныхъ сдѣлокъ во Франціи. Почему же это такъ? Потому что обмѣны въ Англіи совершаются быстрѣе, потому что сбереженія тамъ остаются праздными на меньшее время, наконецъ потому, что болѣе усовершенствованные способы кредита тамъ дозволяютъ заключать больше сдѣлокъ безъ посредства денегъ.

Какъ бы то ни было, количество монеты, необходимое странѣ для того чтобы производить обмѣны и копить сбереженія (а монета нынѣ уже не имѣетъ другаго назначенія) — это количество ограничено. Оно всегда соотвѣтствуетъ массѣ цѣнностей, которая должна подвергаться перемѣщенію или для обмѣна ихъ, или для сбереженія. Предположимъ, что захотятъ увеличить это количество сверхъ тѣхъ потребностей, которымъ оно удовлетворяетъ. Что изъ этого выйдетъ? Монета упадетъ въ цѣнѣ, и чѣмъ больше увеличится ея количество, тѣмъ значительнѣе будетъ пониженіе цѣны. Слѣдовательно, какъ бы о томъ ни старались, никакая страна никогда не будетъ имѣть суммы денежныхъ цѣнностей больше той, которая нужна для совершенія обмѣновъ и сбереженій. Есть, конечно, возможность приобрести и большее количество; но достигнувъ предѣловъ необходимости, количество это, отъ избытка предложенія, утратитъ на столько цѣнности, что сумма его никогда не превзойдетъ *maximum* того, что требуется для совершенія обмѣновъ и сбереженій.

Установивъ сначала это, можно формулировать слѣдующее правило: *никогда обращеніе банковыхъ билетовъ, или какое бы то ни было другое кредитное обращеніе, не можетъ по цѣнности превзойти ту сумму, въ предѣлахъ которой кредитные знаки имѣютъ естественнымъ образомъ преимущество передъ звонкою монетой для обмѣновъ и сбереженій.*

qui en un mois ne fera que cent échanges, ne passera que par cent mains, dans un pays où la circulation commerciale est lente, fera mille échanges dans le même laps de temps, passera par mille mains, dans un pays où la circulation commerciale est rapide. Une autre somme donnée, qui, dans un pays où l'utilisation de l'épargne est difficile, où chacun préfère épargner chez soi, restera inutilisée pendant des années entières au fond d'une commode ou d'un tiroir, servira dans le même temps à féconder l'activité dans un pays où l'épargne se transforme facilement et rapidement en capital productif. Il s'ensuit qu'on n'utilise pas une quantité de monnaie relativement plus importante dans les pays où les affaires sont les plus importantes et où le plus de capital est accumulé. En Angleterre, par exemple, on estime que la quantité d'espèces et de titres de crédit n'excède pas la moitié de celle de la France, bien que la valeur des transactions annuelles en Angleterre dépasse celle des transactions annuelles en France. Pourquoi en est-il ainsi ? Parce que les échanges en Angleterre s'effectuent plus rapidement, parce que l'épargne y reste moins longtemps oisive, et enfin parce que des méthodes de crédit plus perfectionnées permettent d'y conclure davantage de transactions sans recourir à la monnaie métallique.

Quoi qu'il en soit, la quantité de pièces dont un pays a besoin pour réaliser des échanges et accumuler de l'épargne (et les pièces de monnaie n'ont désormais plus d'autre utilité), cette quantité est limitée. Elle correspond toujours à la masse des objets de valeur qu'il faut transférer, soit pour les échanger, soit pour les mettre en réserve. Supposons qu'on souhaite augmenter cette quantité de monnaie métallique au-delà du niveau des besoins qu'elle satisfait. Qu'advient-il ? La valeur des pièces de monnaie diminuera, et plus la quantité augmentera, plus la baisse de valeur sera importante. Par conséquent, quels que soient les efforts réalisés dans cette voie, aucun pays ne disposera jamais d'un montant de valeurs monétaires supérieur à celui qui est nécessaire à ses échanges et à son épargne. Il est bien sûr possible d'en produire une plus grande quantité ; mais parvenue aux limites du besoin qu'on en a, cette quantité, en tant qu'elle offre surabondante, perdra tellement de sa valeur qu'elle ne dépassera jamais le maximum de ce qui est nécessaire pour réaliser les échanges et matérialiser l'épargne.

Ceci étant dit, nous pouvons formuler la règle suivante : *jamais la circulation des billets de banque, ni aucune autre circulation de titres de crédit, ne peut excéder en valeur la somme de monnaie qui peut être émise en papier de par ses avantages sur les espèces métalliques pour les échanges et l'épargne.*

Едва ли нужно прибавлять, что подобное же правило можно вывести и для звонкой монеты.

Но если теперь всю цѣнность кредитной монеты, или, если хотите, всю цѣнность монеты вообще, какъ кредитной, такъ и металлической, сравнить со всею массою тѣхъ цѣнностей, на перемѣщеніе и на сбереженіе которыхъ она употребляется, то окажется, что первая составляетъ только очень не большую часть послѣдней. Такъ сумму всего богатства Соединенныхъ Штатовъ, движимаго и недвижимаго, оцѣняютъ въ 110 миллиардовъ Франковъ, а съ прибавкою сюда всей цѣнности самаго персонала производства, котораго заработная плата или барыши требуютъ дѣйствія значительной части оборотнаго посредника, сумма эта конечно превзойдетъ 150 миллиардовъ Франковъ. Цѣнность же кредитной и звонкой монеты, обращающейся въ Соединенныхъ Штатахъ, не превосходитъ $2\frac{1}{2}$ миллиардовъ, то-есть едва $\frac{1}{60}$ части всей суммы цѣнностей, существующихъ во всѣхъ видахъ. Итакъ, вы видите, что какъ для перевоза требуется только опредѣленное число возовъ и магазиновъ, такъ и для обмѣновъ и сбереженій требуется только ограниченная сумма кредитной или металлической монеты.

Какъ только полезная пропорція, существующая между деньгами и другими цѣнностями, для которыхъ деньги служатъ проводникомъ, нарушается: она тотчасъ же, въ силу закона равновѣсія, правящаго экономическимъ міромъ, естественно стремится возстановиться снова. Если дѣло идетъ о кредитной монетѣ, то цѣнность ея понижается, и она обмѣнивается на звонкую монету въ банковыхъ бюро. Только тогда, когда по банковымъ билетамъ уже не уплачиваютъ звонкою монетой, и когда они такимъ образомъ переходятъ въ категорию *бумажныхъ денегъ*, ихъ можно выпускать безчисленное количество. Мы говоримъ: количество, но не цѣнность, ибо по мѣрѣ того какъ увеличивается выпущенное количество, билеты падаютъ въ цѣнѣ и падаютъ въ пропорціи, постоянно возрастающей. Что же касается до звонкой монеты, цѣна ея никогда не можетъ упасть ниже цѣны металла, который въ ней содержится, а цѣна этого послѣдняго, какъ извѣстно, опредѣляется положеніемъ общаго рынка драгоцѣнныхъ металловъ. Когда звонкая монета находится въ излишствѣ въ какой-нибудь странѣ, она необходимо вывозится въ такой мѣрѣ, въ какой это нужно чтобы возстановилось равновѣсіе между цѣнностью металла въ этой странѣ и цѣнностью того же металла въ другихъ странахъ.

Итакъ, въ сущности, нельзя пустить въ обращеніе неограниченную сумму цѣнностей въ видѣ кредитной или металлической монеты. Въ обращеніе можно пустить только ровно такое коли-

Il n'est guère nécessaire d'ajouter que cette même règle s'applique aussi aux espèces métalliques.

Si l'on compare maintenant la valeur totale des titres de crédit, ou, si l'on préfère, la valeur totale des titres monétaires en général, que ce soit sous forme de crédit ou de métal ; si l'on compare cette valeur totale, dis-je, avec la masse des valeurs qu'elle sert à transporter ou à épargner, alors on s'apercevra que le premier chiffre est extrêmement réduit par rapport au second. Ainsi la somme de toutes les richesses mobilières et immobilières des États-Unis est estimée à 110 milliards de francs, et si l'on y ajoute la valeur totale du personnel de la production lui-même, dont les salaires ou les profits nécessitent l'intervention d'une partie significative du moyen de circulation qu'est la monnaie, cette somme dépassera certainement les 150 milliards de francs. La valeur du crédit et des billets en circulation aux États-Unis ne dépasse pas 2 milliards et demi, soit à peine 1/60e du montant total des valeurs existant sous toutes les formes. Ainsi, vous voyez que, de même que dans le transport et le commerce seul un petit nombre de chariots et de magasins est nécessaire, de même pour les échanges et l'épargne seul un montant limité de titres de crédit ou de pièces de métal est nécessaire.

Dès que la proportion utile entre la monnaie et les autres valeurs pour lesquelles elle sert de véhicule et d'agent cesse d'être respectée, elle tend naturellement et immédiatement, en vertu de la loi de l'équilibre qui régit le monde économique, à se rétablir. En ce qui concerne les titres de crédit, leur valeur diminue et ils sont échangés contre des espèces métalliques dans les bureaux des banques. Ce n'est que lorsque les billets de banque cessent d'être remboursés en espèces métalliques, et qu'ils entrent ainsi dans la catégorie du papier-monnaie, qu'ils peuvent être émis en immense quantité. Et nous disons : en immense quantité, mais non en immense valeur, car à mesure que la quantité de billets émis augmente, ceux-ci voient leur prix diminuer, et cette baisse est sans cesse croissante. Quant aux espèces métalliques, leur valeur ne peut jamais descendre au-dessous de la valeur du métal qu'elles contiennent, et le prix de ce dernier, comme on le sait, est déterminé par la situation du marché général des métaux précieux. Lorsque les espèces métalliques sont en abondance dans un pays, elles doivent être exportées en quantité nécessaire pour rétablir l'équilibre entre la valeur du métal dans ce pays et la valeur du même métal dans les autres pays.

Ainsi, par définition, il est impossible de mettre en circulation une quantité illimitée d'objets de valeur sous forme de crédit ou de pièces métalliques. Seul le montant exact nécessaire aux échanges et

чество, какого требуетъ совершеніе обмѣновъ и сбереженій. Какъ только нарушается эта пропорція, — обращеніе выбрасываетъ изъ себя все, что даютъ ему излишняго, или же понижаетъ цѣнности соразмѣрно съ излишнимъ количествомъ, когда не можетъ выбросить ихъ. Какъ видите, всѣ проекты, имѣющіе цѣлю обогатить народы созданиемъ или введеніемъ неограниченнаго количества денегъ, лишены всякаго серіознаго основанія. Ибо чрезъ размноженіе денегъ точно такъ же нельзя создать богатствъ, для обмѣна и сбереженія которыхъ предназначаются деньги, какъ нельзя создать жатвъ, умножая сверхъ необходимости количество возовъ, назначенныхъ для перевоза ихъ и магазиновъ для ихъ храненія.

Мы описали въ общихъ чертахъ механизмъ обратныхъ и учетныхъ банковъ, введеніе которыхъ обозначаетъ новую фазу въ исторіи кредита. Мы изслѣдовали, какимъ условіямъ должны они удовлетворять, чтобы прочнымъ образомъ исполнять свое дѣло и доставлять обществу всѣ выгоды, которыя они способны ему доставить. Къ сожалѣнію, этимъ условіямъ далеко не удовлетворяютъ нынѣ существующіе учетные и обратные банки. Привилегированы ли они, или свободны, почти всѣ они страдаютъ какимъ-нибудь органическимъ недостаткомъ. Отсюда эти катастрофы, эти кризисы, которыми мы намѣрены заняться въ послѣдующихъ статьяхъ нашихъ, и которые можно сравнить съ пагубными случаями, омрачающими исторію усовершенствованныхъ способовъ перевоза: пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Разсматривая устройство главныхъ существующихъ нынѣ банковъ, указывая на ихъ недостатки, мы уяснимъ себѣ, какимъ образомъ разразились эти катастрофы, эти кризисы, и быть-можетъ будемъ въ состояніи указать какія-нибудь средства для предупрежденія ихъ возврата.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

à l'épargne peut être mis en circulation. Dès que cette proportion est violée, la circulation rejette tout ce qui lui est apporté en excès, ou, lorsqu'elle ne peut pas le rejeter, elle abaisse la valeur de cette monnaie proportionnellement au degré d'excédent qu'elle présente. Comme vous pouvez le constater, tous les projets qui ont pour objectif d'enrichir les peuples en créant ou en introduisant une masse de monnaie illimitée sont dépourvus de toute base sérieuse. Car de même qu'il est impossible d'accroître les récoltes en multipliant au-delà de la nécessité le nombre des charrettes affectées à leur transport et des magasins employés pour les conserver, de même la multiplication de la monnaie ne permet pas de créer les richesses que la monnaie a pour but d'échanger et d'épargner.

Nous avons décrit en termes généraux le mécanisme des banques de circulation et d'escompte, dont l'introduction marque une nouvelle phase dans l'histoire du crédit. Nous avons examiné quelles conditions ces établissements doivent remplir pour remplir leur tâche de manière sûre et pour apporter à la société tous les avantages qu'il est en leur pouvoir de donner. Malheureusement, ces conditions sont loin d'être remplies par les banques d'escompte et de circulation telles qu'elles existent actuellement. Qu'elles soient privilégiées ou libres, presque toutes souffrent de quelque défaut organique. D'où ces catastrophes, ces crises, que nous entendons traiter dans nos prochains articles, et qui peuvent être comparées aux accidents désastreux qui assombrissent l'histoire des moyens de transport perfectionnés que sont les bateaux à vapeur et les chemins de fer. En examinant la structure des principales banques existantes aujourd'hui, en signalant leurs lacunes, nous comprendrons comment ces catastrophes, ces crises, ont éclaté, et peut-être pourrons-nous indiquer des moyens pour empêcher leur retour.

GUSTAVE DE MOLINARI.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Брюссель, 9 апрѣля, 1858.

Вы желаете, чтобъ я извѣщалъ васъ о движеніи экономическихъ идей и событій во Франціи и Бельгіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе: оно служитъ мнѣ новымъ подтвержденіемъ того, что уже зналъ я о вниманіи, какимъ политическая экономія пользуется теперь въ Россіи. Задача моя не будетъ трудна: общество, къ которому я обращаюсь, приметъ радушно ученія, коль скоро сознаетъ ихъ важность, и будетъ снисходительно къ ихъ излагателямъ. Слушая любимую пѣсню, публика бываетъ не слишкомъ взыскательна къ музыкантамъ; любимую пѣсню она будетъ не прочь послушать и на шарманкѣ.

Участіе, какимъ, сколько мнѣ извѣстно, пользуется политическая экономія въ образованныхъ сословіяхъ вашего народа, доставляетъ намъ, западнымъ экономистамъ, живое и глубокое удовлетвореніе. Не думая утверждать, по примѣру философа или танцмейстера въ Мольеровой комедіи, что наука наша первенствуетъ предъ всѣми другими, мы однако убѣждены, что она заслуживаетъ мѣсто въ ряду самыхъ полезныхъ. Мы думаемъ, напримѣръ, что врачевать или облегчать страданія общественнаго тѣла, безъ знанія устройства его, то-есть безъ знанія политической экономіи, такъ же невозможно, какъ лѣчить болѣзнь человеческого тѣла, безъ знанія анатоміи и физиологіи. Потому-то при видѣ страны, гдѣ многочисленныя злоупотребленія, накопленныя вѣками, вынуждаютъ помышлять о преобразованіяхъ, мы колеблемся между живымъ желаніемъ видѣть начало реформы, и опасеніемъ за ея послѣдствія, если она не будетъ достаточно уяснена и направлена знаніемъ. Мы знаемъ, что недугъ злоупотребленій, становясь хроническою болѣзнію, постепенно изнуряетъ больнаго; мы знаемъ, что излѣченіе тѣмъ труднѣе, чѣмъ позже оно предпринимается; но мы боимся чтобы больной, выведенный изъ терпѣнія болью, и желая вылѣчиться во что бы то ни стало, не обратился къ шарлатанамъ и колдунамъ. Въ самомъ дѣлѣ, что бываетъ неминуемымъ слѣдствіемъ этихъ невѣжественныхъ врачеваній? Усиливается болѣзнь, положеніе больнаго становится хуже, и тѣмъ самымъ вызывается реакція противъ всѣхъ врачей, и истинныхъ, и ложныхъ. Сколько людей, вамъ извѣстно, видятъ во всѣхъ болѣзняхъ, а въ особенности въ болѣзняхъ общественнаго организма, не что иное какъ кару Провидѣнія! Коль скоро не удастся какой-нибудь способъ лѣченія,

CHRONIQUE CONTEMPORAINE
CORRESPONDANCE ÉCONOMIQUE.

Bruxelles, le 9 avril 1858.

Vous souhaitez que je vous fournisse des informations sur le mouvement des idées et sur les événements économiques en France et en Belgique. C'est avec un plaisir non dissimulé que je réponds à votre demande, qui me prouve une nouvelle fois ce que je savais déjà, à savoir que l'économie politique jouit désormais d'une grande considération en Russie. Ma tâche, au surplus, ne sera pas difficile : si elle reconnaît leur importance, la société à laquelle je m'adresse accueillera favorablement mes enseignements, et elle sera indulgente envers celui qui s'en fait le messager. Lorsqu'il écoute sa chanson préférée, le public n'est pas trop exigeant envers les musiciens ; cela ne le dérange pas d'écouter sa chanson préférée jouée à l'orgue.

La considération qui, je crois, s'attache à l'économie politique dans les classes instruites de votre peuple, nous procure à nous, économistes occidentaux, une vive et profonde satisfaction. Sans songer à affirmer, à l'instar du philosophe ou du maître à danser de la Comédie de Molière, que notre science est supérieure à toutes les autres, nous sommes néanmoins convaincus qu'elle figure parmi les plus utiles. Nous pensons, par exemple, qu'il est tout aussi impossible de guérir ou d'atténuer les souffrances du corps social, sans connaître sa constitution, c'est-à-dire sans connaissance de l'économie politique, que de soigner les maladies du corps humain, sans connaître l'anatomie et la physiologie. C'est pourquoi, quand on voit un pays où de nombreux abus, accumulés au fil des siècles, nous obligent à réfléchir à des réformes, on reste comme interdit, entre le désir de voir le mouvement des réformes s'engager, et la crainte des conséquences si ce mouvement n'est pas suffisamment compris et dirigé par la science. On sait que certaines maladies, en devenant chroniques, épuisent peu à peu le malade ; on sait que la guérison en est d'autant plus difficile qu'elle sera entreprise tardivement ; mais on craint que le malade, excédé par la douleur et voulant à tout prix guérir, ne se tourne vers les charlatans. Quelle est pourtant la conséquence inévitable de ces faux traitements ? C'est que la maladie s'intensifie, que la situation du patient s'aggrave, et que se prépare ainsi une réaction contre tous les médecins, vrais ou faux. Combien trouvez-vous de personnes qui ne voient dans toutes les maladies, et surtout dans les maladies de l'organisme social, que le châtiment de la Providence ! Dès qu'une méthode de traitement échoue, ces gens

люди эти тотчасъ же примутся увѣрять, что лѣчение вообще невозможно, и что лѣчиться отъ болѣзни, значить оскорблять Провидѣніе. Эти-то *охранители* болѣзни, эти *консерваторы* зла, легко успѣваютъ овладѣть умомъ больного, побывавшаго въ рукахъ у шарлатановъ; и вотъ почему всякая реформа, не освѣщаемая наукой и ведущая къ неудачамъ, не только поражаетъ реакцію и возвращаетъ къ *statu quo*, но и вызываетъ чувство недовѣрія противъ всякой новой попытки изцѣленія, откуда бы она ни исходила.

Увы! въ настоящее время мы жертвы такой реакціи, такого недовѣрія. Безъ сомнѣнія, въ нашемъ западномъ мірѣ есть также много злоупотребленій, подлежащихъ исправленію, много язвъ, требующихъ изцѣленія. Наши болѣзни не тѣ, что ваши; но они также важны. Насъ гложетъ напримѣръ язва пауперизма, и до сихъ поръ еще нельзя сказать, чтобъ эта язва, подрывающая чувство увѣренности въ прочности нашего экономического устройства и замедляющая развитіе нашихъ силъ, — нельзя сказать, чтобъ язва эта уменьшилась въ своемъ объемѣ и въ своей глубинѣ. Въ одной нашей Бельгии около милліона нуждающихся записано въ благотворительныхъ кассахъ, — милліонъ людей, которымъ въ большей или меньшей мѣрѣ вспомошествуетъ общественное милосердіе, при народонаселеніи въ 4 1/2 милліона жителей! Два года предъ симъ, офиціальная коммисія составила бюджетъ нашихъ рабочихъ классовъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ филантроповъ нашихъ, г. Эд. Дюкпесіо (Ed. Ducpétiaux), обнародовалъ въ краткомъ изложеніи содержаніе этого бюджета. Въ безотраднѣ видѣ раскрывается здѣсь положеніе огромнаго большинства нашихъ соотечественниковъ! Здѣсь цифрами подтверждается печальная истина, что доходъ нашихъ рабочихъ классовъ едва достаточенъ для матеріальнаго существованія, а расходы на высшія нравственныя и умственныя потребности почти совершенно неизвѣстны имъ. Почти въ такомъ же положеніи находятся и сосѣднія страны. Передъ февральскою революціей, вы знаете, какъ сильно заботило всѣхъ великое зло и великая опасность пауперизма. Не только люди науки посвящали преимущественно ему свои труды, но и романисты вводили въ свои вымыслы этотъ « общественный вопросъ », какъ тогда выражались, и даже консервативный *Journal des Débats* печаталъ романъ, въ которомъ бѣдствія нашего общественнаго организма являлись во всей отвратительной и мерзкой наготѣ своей: я говорю о *Парижскихъ тайнахъ*. Повсюду уже готовились реформы, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ общественное спокойствіе не было нарушено въ Европѣ, великія экономическія и общественныя улучшенія были бы слѣдствіемъ этого движенія, увлекавшаго умы, воспалявшаго сердца. Но вотъ грянула февральская революція, и отъ нея

commencent immédiatement à dire que la guérison est tout à fait impossible et que se faire soigner pour une maladie c'est offenser la Providence. Ces gardiens de la maladie, ces conservateurs du mal, parviennent facilement à s'emparer de l'esprit des patients qui ont été entre les mains de charlatans ; et c'est pourquoi toute réforme qui n'est pas éclairée par la science et conduit à l'échec, engendrera non seulement des réactions et un retour au *statu quo*, mais suscitera également un sentiment de méfiance à l'égard de toute nouvelle tentative de guérison, d'où qu'elle vienne.

Hélas ! Nous sommes actuellement victimes d'une telle réaction, d'une telle méfiance. Sans aucun doute, dans notre monde occidental, il y a aussi de nombreux abus à corriger, de nombreux fléaux à guérir. Nos maladies ne sont pas les mêmes que les vôtres ; mais elles sont également dangereuses. Par exemple, nous sommes rongés par l'ulcère du paupérisme, et il est encore impossible de dire si cet ulcère, qui sape la confiance qu'on a généralement dans la valeur de notre système économique et qui ralentit le développement de nos forces, a diminué ou non en volume et en sévérité. Rien que dans notre Belgique, il y a environ un million de personnes nécessiteuses inscrites à l'assistance publique — un million de personnes plus ou moins aidées par la charité publique, pour une population de 4 millions et demi d'habitants ! Il y a deux ans, une commission officielle établissait le budget de nos classes populaires ; un de nos plus remarquables philanthropes, M. Éd. Ducpétiaux, a publié une synthèse du contenu de ce budget. La situation de la grande majorité de nos compatriotes se révèle ici de manière bien sombre. Les chiffres confirment la triste vérité selon laquelle les revenus de nos classes ouvrières sont à peine suffisants pour assurer leur existence matérielle, et que les dépenses liées aux besoins moraux et intellectuels leur sont presque totalement impossibles. Les pays voisins sont presque tous dans la même situation. Avant la Révolution de Février, vous savez à quel point tout le monde était préoccupé par le grand mal et le grand danger du paupérisme. Non seulement les hommes de science y consacraient une grande partie de leurs ouvrages, mais les romanciers même introduisaient la « question sociale », comme ils le disaient alors, dans leurs fictions, et même le conservateur *Journal des Débats* publiait un roman dans lequel apparaissaient les maux de notre organisme social dans toute leur nudité dégoûtante et vile (je parle des maux parisiens). Des réformes se préparaient déjà partout, et il ne fait aucun doute que si la paix publique n'avait été troublée en Europe, de grands progrès économiques et sociaux auraient été la conséquence de ce mouvement qui captivait les esprits et enflammait les cœurs. Mais alors la révolution de Février a éclaté

потребовали скороспѣлаго рѣшенія этихъ общественныхъ вопросовъ, которые выдвинуло впередъ великодушное сочувствіе къ страданіямъ массъ, а разрѣшить могла только наука своими терпѣливыми изслѣдованіями. Тогда утописты поднесли свои всецѣлебныя лѣкарства и, что всего хуже, вздумали давать ихъ насильно. Революціонный социализмъ хвастливо брался « передѣлать общество ». Но общество вовсе не желало, чтобы социализмъ передѣлывалъ его. Совершилась реакція; въ ней соединились всѣ интересы, которымъ угрожали утописты, и социализмъ былъ побѣжденъ этою громадною реакціей. Что же вышло? Страхъ, наведенный утопіями превратился въ боязнь и прогресса; общество, находясь еще подъ вліяніемъ ужаса, который нагналъ на него социализмъ, хотѣвшій вдругъ произвести невозможную реформу, простерло свое недоувѣріе и на политическую экономію, которая желала лишь возможныхъ реформъ, тщательно подготовленныхъ и зрѣло обдуманныхъ. Возобладалъ духъ консерватизма самаго исключительнаго и скареднаго, не было уже и помина объ улучшеніи общественнаго положенія, — думали только какъ бы поддержать его безъ всякихъ измѣненій. *Statu quo* стало на время идеаломъ умовъ, напуганныхъ социализмомъ, идеаломъ интересовъ, которымъ онъ угрожалъ.

И досихъ поръ еще, увы! мы не совсѣмъ освободились отъ вліянія этой реакціи, вызванной утопистами 1848 года. Политическая экономія находится въ подозрѣніи даже у тѣхъ, кто прежде призывали ее на помощь противъ заблужденій социализма. Во Франціи напримѣръ, предъ революціей 1848 года, всѣ были согласны, что политическая экономія занимала слишкомъ мало мѣста въ публичномъ преподаваніи. Дѣйствительно, ей были предоставлены только двѣ каѳедры, одна въ *Collège de France*, которая была занимаема съ честью г. Мишелемъ Шевалье, а другая въ *Консерваторіи ремеслъ и искусствъ*, куда блестящая рѣчь незабвеннаго Бланки привлекала множество слушателей. Въ 1845 году Росси создалъ третью въ *Школѣ путей сообщенія* (*École des ponts et chaussées*); она была ввѣрена ученому редактору *Журнала экономистовъ*, г. Жозефу Гарнье. А въ какомъ положеніи теперь находится преподаваніе политической экономіи во Франціи? Оно не только не разширилось, а даже еще умалилось противъ прежняго. Каѳедра въ *Консерваторіи ремеслъ и искусствъ* ввѣрена протекціонисту, г-ну Бюра, который преподаетъ тамъ только статистику промышленности и торговли, такъ что для служенія наукъ остаются только двѣ каѳедры въ *Collège de France* и въ *Школѣ путей сообщенія*. Недавно значительнѣйшіе граждане города Монпелье сложились и собрали деньги, чтобъ открыть у себя курсъ политической экономіи. Просили разрѣшенія у министра, который, не отказывая положительно, отсрочилъ его.

et il a fallu résoudre hâtivement ces problèmes sociaux soulevés par une généreuse sympathie pour la souffrance des masses, et que seule la science pouvait solutionner par ses patientes recherches. Alors les utopistes ont proposé leurs remèdes guérisseurs et, ce qu'il y a de pire, ils ont décidé de les administrer de force. Le socialisme révolutionnaire s'est vanté de « refaire la société ». Mais la société ne voulait pas du tout que le socialisme la renouvelle. Une réaction a eu lieu ; elle a réuni tous les intérêts menacés par les utopistes, et le socialisme a été vaincu par cette énorme réaction. Que s'est-il passé ? La peur produite par les utopies s'est transformée en peur du progrès ; la société, toujours sous l'influence de l'horreur que lui avait causée le socialisme, qui voulait tout à coup accomplir une réforme impossible, étendait sa méfiance à l'économie politique, qui ne voulait que des réformes possibles, soigneusement préparées et mûrement réfléchies. L'esprit du conservatisme le plus exclusif prévalait ; il n'était plus question d'améliorer la situation sociale, on songeait seulement aux moyens de la maintenir sans aucun changement. Le *statu quo* devint pour un temps l'idéal des esprits effrayés par le socialisme, et l'idéal des intérêts qu'il menaçait.

Hélas ! nous en sommes encore là. Nous ne nous sommes pas complètement libérés de l'influence de cette réaction provoquée par les utopistes de 1848. L'économie politique est suspecte même parmi ceux qui auparavant faisaient appel à elle pour lutter contre les erreurs du socialisme. En France par exemple, avant la révolution de 1848, tout le monde était d'accord sur le fait que l'économie politique occupait trop peu de place dans l'enseignement public. Elle ne possédait en effet que deux chaires, l'une au Collège de France, occupée avec honneur par M. Michel Chevalier, et l'autre au Conservatoire des arts et métiers, où les brillantes leçons de l'inoubliable Blanqui attiraient de nombreux auditeurs. En 1845, Rossi créa la troisième à l'École des ponts et chaussées ; elle fut ensuite confiée au savant rédacteur en chef du *Journal des Économistes*, M. Joseph Garnier. Quelle est la situation actuelle de l'enseignement de l'économie politique en France ? Non seulement il n'a pas progressé, mais il accuse même un recul. La chaire du Conservatoire des arts et métiers est confiée au protectionniste M. Burat, qui n'y enseigne que les statistiques de l'industrie et du commerce, de sorte qu'il ne reste que deux chaires au service de la science, la première au Collège de France et la seconde à l'École des ponts et chaussées. Récemment, les citoyens les plus importants de la ville de Montpellier se sont constitués et ont assemblé des fonds pour ouvrir un cours d'économie politique. Ils en demandèrent l'autorisation au ministre qui, sans refuser catégoriquement, fit attendre. Deux chaires d'économie

Двѣ каѳедры политической экономіи на 36 миллионовъ людей, — право, это очень немного! Конечно, политическая экономія имѣетъ въ Парижѣ, кромѣ отдѣленія въ Институтѣ, общество, считающее въ числѣ членовъ многія знаменитости, и котораго ежемѣсячныя засѣданія представляютъ много интереснаго; но общество это вовсе не занимается пропагандой. Предъ 1848 годомъ, составилаь ассоціація, для таможеннаго преобразования, стараніями знаменитаго Бастіа; революція остановила труды этого союза, и съ тѣхъ поръ они не возобновлялись. Наконецъ правительство, которое повидимому расположено совершить реформу, бывшую цѣлью этого союза, задерживается оппозиціей протекціонистовъ съ одной стороны, и ра- внодушіемъ общественнаго мнѣнія съ другой. Оно принуждено было отсрочить до 1861 года отмѣну нынѣшней запретительной системы. Итакъ, къ сожалѣнію, совершенно справедливо, что политическая экономія во Франціи не только не разширила круга своего вліянія, но еще принуждена была стѣснить его.

Подобная же реакція произошла и въ Бельгіи, хотя въ меньшей степени, потому что страна эта имѣла счастье избѣжать революціонныхъ опытовъ. Но духъ застоя тѣмъ не менѣе господствовалъ и здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и вопросы объ улучшеніи — ніяхъ общественныхъ были отодвинуты на задній планъ. Реакція эта начинается однако же проходить. Въ Брюсселѣ, два года тому назадъ, основано было политико-экономическое общество подъ предсѣдательствомъ ветерана науки графа Арривабене, и изъ среды этого общества вышла ассоціація для таможеннаго преобразования, производящая теперь дѣятельную пропаганду.

Но все же мы еще терпимъ грустную реакцію увлеченій и безразсудствъ февральской революціи. Мы хотимъ *возможнаго* прогресса, мы стараемся достигъ его, дѣйствуя убѣжденіемъ на общественное мнѣніе, и вотъ мы должны страдать отъ безумія сектаторовъ, хотѣвшихъ вдругъ осуществить невозможный прогрессъ, навязывая его силою. Россія, я убѣжденъ въ томъ, избѣгнетъ этой опасности. Она спокойно и постепенно, руководясь свѣтомъ экономической науки, которая такъ кстаги пользуется въ ней почетомъ, совершитъ успѣхи, какіе можетъ и должна совершить, въ мѣрѣ для нея возможной и обязательной. Слѣдовательно ей нечего опасать — ся никакой реакціи. Кто знаетъ также, не поможетъ ли и намъ это благородное стремленіе къ преобразованіямъ, овладѣвшее ею и поощряемое мудрымъ и великодушнымъ монархомъ, выйдти изъ того вреднаго оцѣпенѣнія, въ какое привела насъ реакція, вызванная социализмомъ? Кто знаетъ, можетъ быть примѣръ экономическихъ и общественныхъ преобразованій, готовящихся въ Россіи, разсѣетъ и у насъ ту недовѣрчивость къ

politique pour 36 millions d'habitants, c'est vraiment très peu ! Certes, l'économie politique possède à Paris, outre une section à l'Institut, une société qui compte parmi ses membres de nombreuses notabilités et dont les réunions mensuelles sont d'un grand intérêt ; mais cette société ne fait pas du tout de propagande. Avant 1848, une association se constitua pour la réforme du régime des douanes, grâce aux efforts du célèbre Bastiat. La révolution arrêta les travaux de cette association, et depuis lors ils n'ont pas repris. Enfin, le gouvernement, qui semble disposé à accomplir la réforme qui était l'objet de cette association, est entravé par l'opposition des protectionnistes d'une part, et par l'indifférence de l'opinion publique d'autre part. Il fut contraint de reporter à 1861 l'abolition du système prohibitif actuel. Il est donc malheureusement tout à fait vrai que l'économie politique en France non seulement n'a pas élargi son cercle d'influence, mais qu'elle s'est vue forcée de le restreindre.

Une réaction similaire s'est produite en Belgique, quoique dans une moindre mesure, car ce pays a eu la chance d'éviter les expériences révolutionnaires. Mais l'esprit de stagnation a néanmoins prévalu ici pendant plusieurs années et les questions d'amélioration sociale ont été reléguées au second plan. Une réaction commence cependant à se produire. À Bruxelles, il y a deux ans, une société d'économie politique a été fondée sous la présidence d'un grand savant, le comte Arrivabene, et du sein de cette société est née une association pour la réforme douanière, qui accomplit aujourd'hui une propagande active.

Mais nous subissons toujours la triste réaction des passions et des folies de la révolution de Février. Nous ambitionnons des réformes raisonnables, nous essayons de les réaliser en agissant avec conviction sur l'opinion publique, et nous devons lutter contre la folie des sectaires qui ont soudainement voulu réaliser un progrès impossible, en l'imposant par la force. La Russie, j'en suis convaincu, évitera ce danger. Sereinement et progressivement, guidée par la lumière de la science économique, qui jouit d'un si grand honneur chez elle, elle obtiendra les succès qu'elle peut et doit se promettre, et accomplira les réformes qui lui sont possibles et nécessaires. La Russie n'a donc à craindre aucune réaction. Qui sait aussi si ce noble désir de changement, qui s'est emparé de ce pays et est encouragé par un monarque sage et magnanime, ne nous aidera pas nous-mêmes à sortir de la torpeur néfaste dans laquelle nous a plongé la réaction provoquée par le socialisme ? Qui sait si l'exemple des transformations économiques et sociales qui se préparent en Russie ne dissipera pas également en nous cette méfiance à l'égard

полезнымъ преобразованіямъ, которая вызвана была гибельными попытками невозможныхъ реформъ? Превосходныя слѣдствія начавшихся у васъ таможенныхъ преобразованій доставляютъ уже намъ сильный доводъ, которымъ мы не рѣдко пользуемся, чтобы побудить общественное мнѣніе къ продолженію нашихъ реформъ. Отмѣна крѣпостнаго состоянія и административныя реформы, которыми у васъ теперь занимаются, снабдятъ насъ новыми доводами. Освобождая крестьянъ своихъ отъ бремени крѣпостнаго состоянія, вы побудите насъ дѣятельно искать средствъ освободить нашихъ бѣдныхъ отъ бремени нищеты. Такимъ образомъ, выдвигая впередъ дѣло прогресса у себя, вы помогаете и намъ, за что мы вамъ весьма благодарны, сдѣлать то же.

Теперь я приближаюсь къ вопросамъ, занимавшимъ въ послѣднее время нашъ экономическій міръ. И вопервыхъ, à tout seigneur tout honneur. Пронесшись гибелью надъ торговымъ міромъ, распространяя на пути своемъ отчаяніе и разореніе, уничтожая самыя старыя и повидимому самыя надежныя дома, не говоря уже о непрочныхъ зданіяхъ, на скоро сколоченныхъ спекуляціей, кризисъ естественно долженъ былъ обратить на себя изслѣдованія ученыхъ и возбудить между ними горячіе споры. Многія засѣданія политикоэкономическихъ обществъ, въ Парижѣ и въ Брюсселѣ, были посвящены изысканію причинъ, вызвавшихъ его, и средствъ къ предотвращенію подобныхъ бѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, не представляютъ ли кризисы одно изъ самыхъ поразительныхъ явленій нашего экономического устройства? Какое повидимому благоденственное положеніе дѣлѣ! Повсюду умножается число предпріятій, пролагаются новыя желѣзныя дороги, устраиваются новыя заводы и фабрики, основываются вновь торговыя конторы и банки. Повсюду съ тѣмъ вмѣстѣ увеличиваются общественныя и частныя расходы. Правительственныя бюджеты такъ же какъ и семейныя счета, быстро поднимаются до непривычныхъ цифръ. Повсюду наконецъ возвышаются цѣны на вещи подъ вліяніемъ общаго возрастающаго запроса. Вдругъ мы узнаемъ, что двѣ или три компаній желѣзныхъ дорогъ прекратили свои дѣйствія въ Соединенныхъ Штатахъ, и что нѣкоторыя кредитныя учрежденія лопнуть вслѣдствіе этого. Случай ничтожный, не правда ли? мы часто видимъ, что случаи несравненно важнѣйшіе проходятъ безъ другихъ послѣдствій, кромѣ мѣстнаго бѣдствія. Но на этотъ разъ дѣло обходится не такъ. Зло не остается мѣстнымъ; събыстротою электрической искры, пробѣгающей по сіти телеграфическихъ проволокъ, оно распространяется не только по всему Американскому союзу, но и по всему протяженію коммерческаго міра, въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, въ Даніи, въ Швеціи, въ Россіи, въ Бразиліи, въ Индіи и даже въ Австраліи. Конечно, потрясеніе,

des transformations utiles, suite des tentatives désastreuses de réformes impossibles ? Les excellents résultats des réformes douanières que vous avez engagées nous fournissent un argument de poids, que nous utilisons souvent pour inciter l'opinion publique à poursuivre nos réformes. L'abolition du servage et les réformes administratives que vous poursuivez actuellement nous fourniront de nouveaux arguments. En libérant vos paysans du fardeau du servage, vous nous encouragerez à rechercher activement les moyens de libérer nos populations du fardeau du paupérisme. Ainsi, en faisant avancer la cause du progrès dans votre propre pays, vous nous aidez à faire de même, et nous vous en sommes très reconnaissants.

J'aborde désormais les questions qui ont occupées ces derniers temps notre monde économique. Et d'abord, à tout seigneur tout honneur. Après avoir semé la destruction sur le monde commercial, laissant sur son passage le désespoir et la ruine, détruisant les maisons les plus anciennes et apparemment les plus solides, sans parler des bâtiments fragiles rapidement reconstitués par la spéculation, la crise devait naturellement attirer les recherches des scientifiques et susciter des débats houleux entre eux. De nombreuses réunions de sociétés d'économie politique, à Paris et à Bruxelles, ont été consacrées à la recherche des causes qui l'ont provoquée et des moyens de prévenir de tels désastres.

En fait, les crises ne représentent-elles pas l'un des phénomènes les plus frappants de notre système économique ? Quelle situation apparemment prospère ! Partout le nombre des entreprises se multiplie, de nouvelles voies ferrées sont construites, de nouvelles fabriques et usines sont créées, de nouveaux comptoirs de commerce et de nouvelles banques sont fondées. Dans le même temps, les dépenses publiques et privées augmentent partout. Les budgets gouvernementaux, ainsi que ceux des familles, atteignent rapidement des chiffres inhabituels. Partout, le prix des choses finit par augmenter sous la pression d'une demande générale croissante. Soudain, nous apprenons que deux ou trois compagnies ferroviaires ont fait faillite aux États-Unis et que plusieurs établissements de crédit vont en conséquence faire faillite. L'affaire est insignifiante, n'est-ce pas ? Nous observons souvent que des crises de grande envergure se produisent sans aucune conséquence autre qu'un marasme tout local. Mais cette fois, les choses sont différentes. Le mal ne reste pas local ; avec la vitesse d'une étincelle électrique parcourant un réseau de fils télégraphiques, elle se propage non seulement dans toute l'Union américaine, mais dans toute l'étendue du monde économique, en Angleterre, en France, en Allemagne, au Danemark, en Suède, en Russie, au Brésil, en Inde et même en Australie. Bien entendu, le

произведенное кризисомъ, не вездѣ одинаково сильно. Между тѣмъ какъ это финансовое землетрясеніе опрокидываетъ кредитныя учрежденія и торговлю Соединенныхъ Штатовъ, Англии и Гамбурга, оно гораздо менѣе чувствуется напримѣръ въ Голландіи и Бельгіи. Но дѣйствіе его, хотя и не вездѣ равномѣрное, отличается повсюду характеромъ всеобщности. Повсюду кризисъ представляетъ слѣдующіе два симптома: возвышеніе учетнаго процента и пониженіе цѣны товаровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ учетный процентъ возвышается до 36%. Банки Французскій и англійскій постепенно поднимаютъ у себя съ 4% на 10%. Въ Гамбургѣ учетъ доходитъ до 15% и болѣе. Въ то же время цѣны на большую часть сырыхъ матеріаловъ и колоніальныхъ товаровъ, шерсть, шелкъ, кожу, сахаръ, кофе и пр., подвергаются пониженію, доходящему отъ 25% до 50% и болѣе. Незадолго предъ тѣмъ деньги были въ изобиліи, и не доставало товара; а тутъ вдругъ денеге стало мало, а товаровъ не куда дѣть. Такое положеніе длилось почти четыре мѣсяца, отъ конца сентября до конца января; но самый сильный разгаръ его продолжался около шести недѣль, потомъ начало отпускать, появи — лись деньги, учетъ снова понизился, паденіе цѣны товаровъ останавливается, и кризисъ прекратился. Но въ этотъ промежутокъ времени совершилось много финансовыхъ и торговыхъ несчастій, работа замедлилась въ главныхъ центрахъ производства, и уменьшеніе числа ввозовъ и вывозовъ въ разныхъ странахъ свидѣтельствуетъ, что въ дѣлахъ застой, и что торговля потерпѣла.

Итакъ, вотъ въ чемъ состояло явленіе, котораго мы были свидѣтелями, явленіе, въ которомъ ничего бы не поняли наши добрые предки, въ которомъ и мы сами не отдаемъ еще себѣ яснаго отчета, — такъ непогрѣшима извѣстная истина, что дѣйствительность обыкновенно опережаетъ теорію. Я говорю, что мы еще не отдаемъ себѣ яснаго отчета въ этомъ явленіи; это доказывается тѣмъ, что всякій по своему объясняетъ кризисъ. По мнѣнію однихъ, все зло происходитъ отъ неумѣренности въ спекуляціяхъ, — самое неопредѣленное и податливое выраженіе. По мнѣнію другихъ, виновна свобода банковъ. Отвѣтственность за зло должна лежать на банкахъ, слишкомъ разномноженныхъ этого свободой въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ предъ кризисомъ считалось ихъ не менѣе 1400, и въ подтвержденіе своихъ словъ противники свободы банковъ приводятъ мнѣніе самого президента Союза, г. Буканана, котораго послѣднее посланіе заключаетъ въ себѣ настоящій обвинительный актъ противъ банковъ. По мнѣнію же иныхъ, напротивъ, зло причинено и усилено монополіей большихъ кредитныхъ учрежденій или отсутствіемъ всякаго оборотнаго банка и, въ доказательство, они, въ свою очередь, приводятъ примѣръ Англии, гдѣ въ самый разгаръ кризиса

choc produit par la crise n'est pas partout le même. Alors que ce tremblement de terre financier bouleverse les institutions de crédit et le commerce aux États-Unis, en Angleterre et à Hambourg, il est beaucoup moins ressenti, par exemple, aux Pays-Bas et en Belgique. Mais, sans être partout uniformes, ses effets ont un caractère universel. Partout la crise présente les deux symptômes suivants : une augmentation du taux de l'escompte et une baisse du prix des marchandises. Aux États-Unis, le taux de l'escompte s'élève à 36%. Les banques françaises et anglaises augmentent progressivement leurs taux de 4% à 10%. À Hambourg, l'escompte atteint 15% ou plus. Parallèlement, les prix de la plupart des matières premières et des biens coloniaux, tels que laine, soie, cuir, sucre, café, etc., font l'objet de réductions allant de 25 à 50%, voire plus. Peu de temps auparavant, l'argent était abondant et les biens rares ; et tout à coup, il n'y a plus d'argent et on ne trouve plus à écouler les marchandises. Cette situation a duré près de quatre mois, de la fin du mois de septembre à la fin du mois de janvier ; mais son pic le plus fort a duré environ six semaines, puis la crise s'est apaisée, l'argent est réapparu, le taux de l'escompte a de nouveau baissé, la chute des prix des marchandises s'est arrêtée et la crise a pris fin. Mais au cours de cette période, de nombreux désastres financiers et commerciaux se sont produits, le travail s'est ralenti dans les principaux centres de production et la diminution du montant des importations et des exportations dans les différents pays indique que les affaires stagnaient et que le commerce souffrait.

Voilà donc en quoi consistait le phénomène dont nous avons été témoins, phénomène auquel nos bons ancêtres n'auraient rien compris, et dont nous-mêmes ne nous rendons pas encore compte clairement, car c'est une vérité reconnue que la réalité précède habituellement la théorie. Je dis que nous ne nous rendons pas encore compte clairement de ce phénomène des crises. En témoigne le fait que chacun explique la crise à sa manière. Selon certains, tout le mal vient des excès de la spéculation — expression extrêmement vague et malléable. Selon d'autres, c'est la liberté des banques qui est en cause. La responsabilité du mal doit incomber aux banques, qui se sont trop multipliées par suite de la liberté aux États-Unis : avant la crise elles n'étaient pas moins de 1 400 ; et à l'appui de leurs propos les opposants à la liberté bancaire citent l'avis du président de l'Union lui-même, M. Buchanan, dont le dernier message contient un acte d'accusation contre les banques. Pour d'autres, au contraire, le mal a été causé et aggravé par le monopole des grands établissements de crédit ou par l'absence de toute banque circulante et, pour preuve, ils citent à leur tour l'exemple de l'Angleterre, où, en pleine

оказалось необходимымъ освободить банкъ отъ стѣсненій, поставляемыхъ актомъ 1844 года, и примѣръ Гамбурга, въ которомъ кризисъ свирѣпствовалъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо, хотя тамъ нѣтъ большихъ кредитныхъ учрежденій, или, лучше сказать, потому-то самому, что ихъ тамъ нѣтъ. Вы видите, какъ раздѣлились мнѣнія о причинахъ зла; это должно было еще болѣе затруднить пріисканіе пособій. Я не стану пока пускаться въ разсмотрѣніе этого вопроса, который такъ важенъ, что нельзя касаться его лишь мимоходомъ, а постараюсь разобрать его съ тою подробностію, которой онъ заслуживаетъ, въ статьяхъ объ *условіяхъ и механизмѣ кредита*, которыя вы съ такою обязательностію приняли въ свой журналъ. Замѣчу только, что кризисъ этотъ, причинивъ зло, которое еще до сихъ поръ чувствуется повсемѣстно, принесъ однакоже и своего рода пользу, склонивъ общее вниманіе на нѣкоторыя полезныя истины.

Такъ напримѣръ, онъ удивительно хорошо доказалъ истину новаго начала солидарности народовъ. Скептикъ Монтанъ говорилъ: *выгода одного — убытокъ другому*, и правило это, заимствованное имъ у древнихъ, не лишено было прежде нѣкоторой справедливости. Пока война была главнымъ промысломъ народовъ, пока они не понимали другой возможности пріобрѣсть богатство и могущество какъ посредствомъ грабительства и порабощенія сосѣдей, пока славнѣйшіе изъ нихъ гордились тѣмъ, что воздѣлывали землю копьемъ и собирали жатву мечомъ — до тѣхъ поръ дѣйствительно съ полнымъ правомъ можно было сказать, что собственность однихъ покупалась цѣною разоренія другихъ. Ибо война могла только разрушать или перемѣщать богатства, но была безсильна создавать ихъ.

Теперь она, къ счастью, уже не составляетъ главнаго занятія образованныхъ націй. На нее смотрятъ только какъ на пагубную случайность въ жизни народовъ. Она навсегда уступила мѣсто производительнымъ промысламъ, и въ настоящее время каждый народъ старается развивать свои средства къ существованію, увеличивать свое благосостояніе, употребляя въ дѣло естественныя средства и способности, какими надѣлило его Провидѣніе. Каждый старается умножать свои произведенія и услуги, и мѣною на предметы, производимые имъ съ наименьшимъ трудомъ и съ наименьшими издержками, старается достать другіе, которыхъ производство обходилось бы ему слишкомъ дорого, иногда даже было бы невозможно. Въ чемъ же, стало-быть, заключаются истинныя интересы каждаго народа при такомъ новомъ положеніи? Не въ томъ ли, чтобы всѣ другіе народы благоденствовали? Не въ томъ ли, чтобы быть окружену народами богатыми, съ которыми онъ могъ бы производить обширную мѣну и отъ которыхъ слѣдовательно могъ бы получать обширныя выгоды?

crise, il s'est avéré nécessaire de libérer la Banque des restrictions imposées par la loi de 1844, et aussi l'exemple de Hambourg, où la crise a fait rage plus que partout ailleurs, bien qu'il n'y ait pas de grands établissements de crédit, ou, mieux encore, parce qu'il ne s'en trouve pas. Vous voyez combien les opinions sont divisées sur les causes du mal ; cela doit rendre la recherche des solutions plus difficile. Je n'aborderai pas ici cette question, trop importante pour être évoquée en passant, mais j'essaierai de l'examiner avec le détail qu'elle mérite dans une série d'articles sur les conditions et le mécanisme du crédit, que vous avez si obligeamment acceptés de publier dans votre journal. Je noterai seulement que cette crise, après avoir causé des maux qui se font encore sentir partout, a néanmoins produit quelque bien, en dirigeant l'attention générale sur quelques vérités utiles.

Par exemple, la crise a apporté de nouvelles preuves à l'idée de la solidarité universelle des peuples. Montaigne disait : le bénéfice de l'un est la perte de l'autre, et cette règle, empruntée par lui aux anciens, n'était pas sans quelque fondement. En un temps où la guerre était la principale forme que prenait le commerce entre les peuples, et qu'on ne comprenait pas d'autre moyen d'acquérir des richesses et du pouvoir que le vol et la mise en esclavage de ses voisins, en un temps où les plus glorieux d'entre les hommes étaient fiers de cultiver la terre avec une lance et de récolter la moisson avec l'épée : en de tels temps, en effet, on pouvait dire à juste titre que la prospérité des uns était achetée au prix de la ruine des autres. Car la guerre pouvait bien détruire ou déplacer la richesse, mais elle était impuissante à la créer.

Aujourd'hui, heureusement, la guerre n'est plus la principale occupation des nations civilisées ; elle n'est plus qu'un accident désastreux dans la vie des peuples. La guerre cède la place aux industries productives, et désormais chaque nation essaie de développer ses moyens de subsistance, d'augmenter son bien-être, en utilisant les moyens et les ressources naturelles dont la Providence l'a doté. Chacun essaie de multiplier ses produits et ses services, et en échangeant les objets qu'il produit avec le moins de travail et le moins de dépenses, il essaie d'en obtenir d'autres dont la production lui coûterait trop cher, ou s'avérerait même impossible. Quels sont alors, dans une situation aussi nouvelle, les véritables intérêts de chaque peuple ? N'est-ce pas que toutes les autres nations prospèrent ? N'est-ce pas d'être entouré de peuples riches avec lesquels on puisse faire de vastes échanges et dont on puisse par conséquent tirer de vastes

Такъ напримѣръ, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и богатства въ Соединенныхъ Штатахъ, не возрастаетъ ли вывозъ въ эту страну англійскаго ножоваго товара, швейцарскихъ набивныхъ тканей, бельгійскихъ суконъ, лiонскихъ шелковыхъ матерій, не возрастаютъ ли слѣдовательно и выгоды производителей всѣхъ этихъ вещей? Не способствуетъ ли возрастаніе богатства въ Америкѣ возрастанію его Въ Европѣ? За то какъ только какое-нибудь событіе, война, кризисъ, или всякое другое несчастье, уменьшить на время богатство Америки, не задержать ли это работу въ главныхъ производительныхъ центрахъ Европы, и не замедлится ли въ ней умноженіе богатства? Итакъ солидарность народовъ есть въ настоящее время уже несомнѣнный фактъ, и изреченіе Монтаня опровергается другимъ, въ силу котораго выгоды одного составляютъ выгоду другаго, такъ же какъ убытокъ одного причиняетъ убытокъ другому; говоря иначе на каждомъ народѣ равно отражаются какъ благосостояніе такъ и бѣдствія другихъ.

Но должно замѣтить, что что этотъ великій фактъ есть фактъ существенно прогрессивный. Онъ зависитъ отъ обширности и важности сношеній, связующихъ каждый народъ съ прочими членами огромной человѣческой семьи. Разсмотрите таблицы внѣшней торговли каждой страны, и вы увидите мѣру солидарности, связующей ее съ другими странами; вы узнаете, сколько народовъ заинтересованы въ ея благосостояніи, и обратно, благосостояніе какихъ народовъ въ особенности интересуется эту страну, и въ какихъ различныхъ степеняхъ. Но благодаря успѣхамъ путей сообщенія, уменьшенію таможенныхъ преградъ, постепенному ослабленію матеріальныхъ и нравственныхъ препятствій, раздѣлявшихъ народы, мы видимъ, что внѣшняя ихъ торговля удваивается по крайней мѣрѣ чрезъ каждыя двадцать пять лѣтъ. Что же отсюда происходитъ? То, что сила солидарности, ихъ связующей, удваивается также чрезъ каждыя двадцать пять лѣтъ. Вслѣдствіе этого, какое-нибудь бѣдственное событіе, какая-нибудь катастрофа, случись она полвѣка назадъ у одного народа, для другихъ прошла бы почти незамѣтно, а теперь причиняетъ повсемѣстное замѣшательство. Кризисы напримѣръ, которые прежде могли удерживать лишь мѣстное или частное значеніе, должны принимать все болѣе и болѣе характеръ всеобщности. Кризисъ 1857 года былъ самымъ яснымъ и самымъ знаменательнымъ проявленіемъ этого новаго начала. Если подобный кризисъ появится въ 1875 году, то-есть, въ то время, когда международная торговля по всей вѣроятности снова удвоится, когда сътъ солидарныхъ интересовъ станеть еще вдвое обширнѣе и плотнѣе, не будутъ ли бѣдствія тогдашняго кризиса еще явственнѣе отличаться характеромъ общительности, чѣмъ

bénéfices ? Ainsi, par exemple, à mesure que la population et la richesse augmentent aux États-Unis, les exportations vers ce pays de coutellerie anglaise, de tissus imprimés suisses, de draps belges, de soieries lyonnaises n'augmentent-elles pas, et les profits des producteurs de toutes ces choses n'augmentent-ils pas ? L'augmentation de la richesse en Amérique ne contribue-t-elle pas à son augmentation en Europe ? Dès qu'un événement, une guerre, une crise ou tout autre malheur, réduit pour un temps la richesse de l'Amérique, cela ne frappe-t-il pas le travail dans les principaux centres productifs de l'Europe, et le progrès de la richesse ne se ralentit-il pas ? Ainsi, la solidarité des peuples est désormais un fait incontestable, et le mot de Montaigne laisse la place à un autre, selon lequel le bien de l'un constitue le bien de l'autre, de même que la perte de l'un entraîne la perte de l'autre ; en d'autres termes, que chaque nation est également affectée par la prospérité et par les malheurs des autres.

Mais il faut remarquer que ce grand fait est un fait essentiellement progressif. Il dépend de l'étendue et de l'importance des relations qui unissent chaque peuple avec les autres membres de la grande famille humaine. Considérez les tableaux du commerce extérieur de chaque pays, et vous verrez la mesure de la solidarité qui le relie aux autres pays ; vous découvrirez combien de peuples s'intéressent à son bien-être et, inversement, au bien-être de quels peuples s'intéressent particulièrement ce pays, et à quels degrés. Mais grâce au progrès des communications, à la réduction des barrières douanières, à l'affaiblissement progressif des obstacles matériels et moraux qui séparent les peuples, on voit que leur commerce extérieur double au moins tous les vingt-cinq ans. Que se passe-t-il dès lors ? C'est que la force de la solidarité qui les lie double aussi tous les vingt-cinq ans. En conséquence, un événement désastreux, une catastrophe, qui, si elle s'était produite il y a un demi-siècle parmi un peuple, serait passé presque inaperçu chez les autres, provoque aujourd'hui une confusion généralisée. Les crises, par exemple, qui auparavant ne pouvaient avoir qu'une signification locale ou particulière, doivent revêtir de plus en plus un caractère général. La crise de 1857 fut la manifestation la plus claire et la plus significative de cette nouvelle situation. Si une crise similaire survenait en 1875, c'est-à-dire à une époque où le commerce international aurait probablement à nouveau doublé et le réseau des intérêts solidaires serait devenu deux fois plus étendu et plus dense, les désastres de cette crise ne seraient-ils pas encore plus graves ? Ce fait de l'har-

бѣдствія нынѣшняго? Въ этомъ фактѣ взаимности народовъ, возрастающей по мѣрѣ того какъ интересы ихъ все болѣе и плотнѣе сплетаются между собою, подъ вліяніемъ причинъ, которыхъ дѣйствіе не въ силахъ была бы остановить никакая власть человѣческая, въ этомъ предопредѣленномъ фактѣ, говорю я, заключается не только переворотъ экономической, но и переворотъ политики и государственнаго права, остававшихся до сихъ поръ слишкомъ вѣрными старому правилу Монтаня. Ибо если солидарность становится все болѣе и болѣе господствующимъ фактомъ въ жизни народовъ, то не будутъ ли принуждены политика и государственное право все болѣе и болѣе соображаться съ этимъ фактомъ? Не должны ли они будутъ, въ свою очередь, бросить старый принципъ антагонизма, лежавшій въ основѣ ихъ, чтобы стать выраженіемъ новаго принципа солидарности и вмѣстѣ служить его обезпеченіемъ? Благословимъ же кризисъ, доставившій намъ еще одно *наглядное доказательство* этого начала, которое станетъ закономъ будущаго, какъ антагонизмъ былъ закономъ прошедшаго.

Кризисъ представляетъ еще и ту заслугу, что снабжаетъ новыми практическими доводами приверженцевъ свободной торговли, съ одной стороны, и защитниковъ свободы роста, съ другой.

Приверженцамъ свободной торговли онъ далъ случай опровергнуть знаменитый софизмъ *объ остаткахъ* (*sophisme des soldes*). Не знаю, проникъ ли этотъ софизмъ въ Россію, но во Франціи и въ Бельгій онъ остается еще однимъ изъ главныхъ членовъ символа вѣры протекціонистовъ. Вотъ какъ обыкновенно излагаютъ его: «Мы не боимся соперничества Англичанъ въ обыкновенное время и сознаемъ, что мы въ состояніи бороться съ ними въ своемъ отечествѣ, потому что боремся же мы съ ними въ чужихъ краяхъ, гдѣ продаемъ множество всякаго рода произведеній совмѣстно съ Англичанами. Другое дѣло во время кризисовъ. Что тогда дѣлаютъ Англичане? Имѣя постоянно въ своемъ распоряженіи огромныя массы произведеній, они продаютъ ихъ за что попало въ эти критическія минуты, когда имъ необходимо обратить ихъ въ деньги. Они *наводняютъ* своими остатками, то-есть своими непроданными произведеніями, всѣ доступные имъ рынки. Продають ихъ съ 50% или 60% убытку, то-есть не продають, а почти отдають даромъ. Какъ борются съ такими соперниками? Не должно ли сохранять нерушимо нашъ запретительный тарифъ, хотя бы для того только, чтобъ уберечь себя отъ *наплыва остатковъ* въ эпохи кризисовъ?» Но вотъ наступилъ кризисъ, кризисъ сильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, и что же случилось? Исполнились ли предсказанія протекціонистовъ? Рынки, вполнѣ

monie des intérêts des peuples, qui va croissante à mesure que leurs intérêts sont de plus en plus étroitement liés les uns aux autres, sous l'influence de causes qu'aucune puissance humaine ne pourrait arrêter, ce fait particulier, dis-je, implique non seulement une révolution économique, mais aussi une révolution dans la politique et le droit public, domaines restés jusqu'ici trop fidèles à l'ancienne règle de Montaigne. Car si la solidarité devient de plus en plus un fait dominant dans la vie des nations, la politique et le droit public ne seront-ils pas de plus en plus contraints de se conformer à ce fait ? Ne devront-ils pas, à leur tour, abandonner le vieux principe de l'antagonisme qui se trouvait à leur base, pour devenir l'expression du nouveau principe de solidarité et en même temps lui servir de garantie ? Bénissons la crise, qui nous a donné une nouvelle preuve éclatante de ce principe qui deviendra la loi de l'avenir, tout comme l'antagonisme était la loi du passé.

La crise a aussi le mérite de fournir de nouveaux arguments pratiques aux partisans du libre-échange, d'une part, et aux défenseurs de la libre concurrence, d'autre part.

Elle donne l'occasion aux partisans du libre-échange de réfuter le fameux sophisme des soldes. Je ne sais pas si ce sophisme a pénétré en Russie, mais en France et en Belgique, il reste l'un des principaux points du credo protectionniste. Voici comment ils le présentent habituellement : « Nous n'avons pas peur de la concurrence des Anglais en temps ordinaire et nous savons que nous sommes capables de lutter avec eux dans notre propre pays, parce que nous luttons avec eux dans des pays étrangers, où nous écoulons des marchandises de toutes sortes en concurrence avec les Anglais. Mais c'est une autre affaire en temps de crise. Car alors, que font les Anglais ? Disposant à tout moment d'immenses masses de produits, ils les vendent à tout prix dans ces moments critiques où il leur faut les transformer en argent. Ils inondent de leurs dépouilles, c'est-à-dire de leurs produits invendus, tous les marchés qui s'offrent à eux. Ils les vendent avec une perte de 50 ou 60%, c'est-à-dire qu'ils ne les vendent pas, mais les donnent presque pour rien. Comment lutter contre de tels rivaux ? Ne devrions-nous pas maintenir inviolablement nos tarifs prohibitifs, ne serait-ce que pour nous protéger de l'afflux des marchandises invendues en temps de crise ? » Mais alors une crise est survenue, une crise plus violente que toutes celles qui l'avaient précédée, et que s'est-il passé ? Les prédictions des protectionnistes se sont-elles réalisées ? Les marchés entièrement acces-

доступные Англичанамъ, напримѣръ рынки Швейцаріи, Голландіи и Гамбурга, были ли завалены британскими товарами, продаваемыми за безцѣнокъ? Нисколько. Напротивъ, Англичане лучше соглашались оставить у себя свои товары, чѣмъ продавать ихъ по низкой цѣнѣ, а главное, они стали уменьшать свое производство; въ ноябрѣ и въ декабрѣ 1857 года вывозы изъ Соединеннаго Королевства уменьшились на 152 милліона Франковъ сравнительно съ тѣми же двумя мѣсяцами прошедшаго года. Съ другой стороны нельзя также сказать, чтобъ Англичане обратили на материкъ не проданные товары, которые у нихъ были въ Соединенныхъ Штатахъ. Интересная замѣтка, напечатанная въ *Annales du commerce extérieur de la France*, доставила въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, въ точности которыхъ нельзя сомнѣваться¹.

¹ Вотъ эта замѣтка:

« Министръ земледѣлія, торговли и публичныхъ работъ пожелалъ имѣть точныя свѣдѣнія о фактѣ, который повидимому обратилъ на себя живое вниманіе торговаго и промышленнаго міра, какъ во Франціи, такъ и въ чужихъ краяхъ.

« Фактъ этотъ состоитъ будто бы въ томъ, что вслѣдствіе финансоваго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ была отвезена обратно въ Англію значительная часть англійскихъ товаровъ, не нашедшихъ себѣ покупателей въ Америкѣ; по возвращеніи своемъ въ Европу благодаря убытку отъ 25 до 70 на 100, понесенному вывозною торговлей, товары эти продаются теперь на заграничныхъ рынкахъ, по цѣнѣ, не допускающей никакой конкуренціи.

« По послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что если опасенія, вызванныя этимъ случаемъ, не были совершенно лишены всякаго основанія, то все-таки они были слишкомъ преувеличены. Нѣсколько англійскихъ домовъ, напуганныхъ извѣстіемъ о финансовыхъ и торговыхъ бѣдствіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, могли конечно потребовать настоятельно или немедленной уплаты за отправленные ими товары, или обратной присылки этихъ товаровъ, и требованіе ихъ могло быть удовлетворено; но въ этомъ должно видѣть не болѣе какъ случайность, не имѣющую никакого существеннаго вліянія на положеніе рынка. Нечего говорить о томъ, какъ не нормальна была бы обратная присылка товаровъ, которые, будучи, какъ это дѣлается въ Англіи, приготовлены спеціально для извѣстнаго потребленія, и приспособлены ко вкусамъ и привычкамъ тѣхъ странъ, куда они предназначаются, были бы потомъ отосланы въ Европу во избѣжаніе продажи ихъ по болѣе или менѣе убыточной цѣнѣ. Вотъ что было на дѣлѣ.

« Въ виду всеобщей остановки уплаты въ американскихъ банкахъ и безпримѣрныхъ катастрофъ, за тѣмъ послѣдовавшихъ, нѣсколько негодціантовъ, въ видѣ исключенія, воротили обратно въ Европу нѣкоторую часть отправленныхъ ими товаровъ; такимъ образомъ незначительная часть англійскаго вывоза, а именно ткани шелковыя, шерстяныя и бумажныя и часть суконъ, всего на сумму отъ 15 до 20,000 фунтовъ стерлинговъ (отъ 375,000 до 500,000 Франковъ), возвратились на лондонскую биржу. Но

sibles aux Anglais, comme ceux de la Suisse, des Pays-Bas et de Hambourg, se sont-ils remplis de produits anglais vendus à moindre prix ? Pas du tout. Au contraire, les Anglais préférèrent conserver leurs marchandises plutôt que de les vendre à bas prix, et surtout, ils commencèrent à réduire leur production ; en novembre et décembre 1857, les exportations du Royaume-Uni diminuèrent de 152 millions de francs par rapport aux deux mêmes mois de l'année précédente. D'un autre côté, on ne peut pas non plus dire que les Anglais ont envoyé sur le continent les invendus destinés aux États-Unis. Une note intéressante publiée dans les *Annales du commerce extérieur de la France* fournit à cet égard des informations dont l'exactitude ne peut être mise en doute. ¹ Selon cette revue, les exportations en retour des

¹ Voici cette note :

« Le ministre de l'agriculture, du commerce et des travaux publics a voulu être exactement renseigné sur un fait qui paraît avoir vivement fixé l'attention du commerce et des industriels, tant en France qu'à l'étranger.

« Ce fait serait le retour en Angleterre, par suite de la crise financière des États-Unis, de parties considérables, dit-on, de marchandises anglaises, qui, n'ayant pu se placer dans ce pays, auraient été réexpédiées en Europe, où, grâce à des pertes de 25 à 70% subies par le commerce expéditeur, ces marchandises s'écouleraient aujourd'hui, sur les marchés extérieurs, dans des conditions de prix propres à défier toute concurrence.

« Il résulte de renseignements récemment parvenus que si les alarmes exprimées à ce sujet n'étaient pas absolument dénuées de tout fondement, elles étaient du moins empreintes d'une très grande exagération. Quelques maisons anglaises, effrayées à la nouvelle des désastres financiers et commerciaux des États-Unis, ont bien pu réclamer impérieusement ou le paiement immédiat des marchandises qu'elles y avaient expédiées, ou le renvoi de ces marchandises, et il a pu être fait droit à leur requête ; mais on ne doit voir là qu'un accident sans aucune influence réelle sur la situation du marché. On n'a pas besoin d'insister sur ce qu'aurait d'anormal le retour au point de départ de marchandises préparées, comme on le fait dans le Royaume-Uni, en vue d'une consommation spéciale, adaptées aux goûts et aux habitudes des pays auxquels elles sont destinées, et qui, pour ne pas subir une dépréciation plus ou moins considérable, seraient ensuite réexpédiées comme remises en Europe. Voici en définitive ce qui s'est passé :

« En présence de la suspension générale des banques américaines et des catastrophes sans exemple qui en ont été la suite, quelques négociants ont exceptionnellement fait réexpédier en Europe, comme remises, certaines parties d'envoi ; un petit nombre d'exportations anglaises, notamment des tissus de soie, de laine et de coton, et quelques parties de draps, représentant une valeur totale de 15 000 à 20 000 liv. st. (375 000 à 500 000 francs), sont revenues sur la place de Londres.

По словамъ этого журнала, обратный вывозъ английскихъ товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ не превосходить цѣнности отъ 15 до 20,000 фунтовъ стерлинговъ. Итакъ вотъ во что обращаются эти грозные *остатки* (*soldes*), которые должны были наводнить европейскій рынокъ и усыпать землю развалинами континентальной промышленности. Кризисъ совершилъ послѣдній актъ правосудія надъ знаменитымъ софизмомъ *объ остаткахъ*. Теперь придется искать другаго въ замѣнъ его. Но протекціонисты не затруднятся въ этомъ, ибо софизмы единственныи товаръ, который они производятъ съ неистощимымъ изобиліемъ и на который не боятся никакой конкуренціи.

Приверженцамъ свободной ссуды на проценты кризисъ доставилъ не менѣ рѣшительное фактическое доказательство въ пользу защищаемаго ими положенія. Между тѣмъ, какъ старое обыкновеніе устанавливать таксы, или высшій предѣлъ цѣнамъ на вещи (*maximum*) оставлялось мало-по-малу всѣми образованными народами, между тѣмъ, какъ уже вездѣ почти перестали прибѣгать ко вмѣшательству закона для охраненія цѣны произведеній или услугъ, — наемная цѣна денегъ, или процентъ, подъ влияніемъ старинныхъ предразсудковъ, все еще подлежала ограниченію. Эта особаго рода такса, назначеніе высшаго предѣла процента еще существуетъ, какъ вы знаете, въ большей части Европы. Французскій законъ отъ 1807 года, принятый всѣми сосѣдними странами, постановляетъ указнымъ процентомъ 5% въ частныхъ дѣлахъ и 6% въ дѣлахъ торговли. Странно однакоже! Правительства, предписывая этотъ законъ народамъ, не затруднялись сами нарушать его всякій разъ, когда имѣли нужду въ деньгахъ и не могли достать ихъ ниже положеннаго закономъ предѣла; они прикрывали сколько могли это нарушеніе, занимая по обыкновенію 3-хъ, 4-хъ и 5-ти процентными рентами, но цифры эти были чисто номинальныя: вмѣсто того, на примѣръ, чтобъ получать сто Франковъ за 5% ренты, правительства получали ихъ всего 90, или 80, или еще менѣ; словомъ они занимали дѣйствительно по процентамъ, которые запрещаетъ ими же постановленный законъ. Кризисъ, говоримъ мы, доставилъ еще

незначительность этой цифры, въ сравненіи съ громадными цѣнностями всего количества ежегодныхъ вывозовъ тканей изъ Англій, не допускаетъ даже мысли, чтобъ эти обратныя присылки изъ Америки могли хоть сколько-нибудь подѣйствовать на курсы англійскаго рынка. Безъ сомнѣнія цѣны понизились, но пониженіе это объясняется торговыми смутами, Финансовымъ кризисомъ, который въ свою очередь былъ вызванъ невоздержностью въ спекуляціяхъ, и чрезмѣрностью цѣнъ, до какихъ дошли сырые матеріалы и мануфактурныя издѣлія. »

marchandises anglaises des États-Unis ne dépassent pas la valeur de 15 000 à 20 000 livres sterling. Voilà donc ce que sont devenues ces formidables soldes qui étaient censées inonder le marché européen et préparer la ruine de l'industrie continentale. La crise a enfin fait justice du fameux sophisme des soldes. Il va maintenant falloir en découvrir un autre qui puisse le remplacer. Mais les protectionnistes n'auront pour cela aucune difficulté, car le sophisme est la seule marchandise qu'ils produisent avec une abondance inépuisable et pour laquelle ils ne craignent aucune concurrence.

La crise a de même prouvé de façon non moins décisive en faveur de l'opinion des partisans de la liberté du prêt à intérêt. À l'époque, tandis que l'ancienne coutume d'établir une taxe, ou une limite maximale sur le prix des choses, était peu à peu abandonnée par tous les peuples civilisés, tandis que partout ils cessaient presque de recourir à l'intervention de la loi pour protéger le prix des produits ou des services, les prêts d'argent, sous l'influence de préjugés anciens, restaient encore soumis à des restrictions. Cette forme spéciale de taxe, qui fixe un plafond d'intérêt maximal, existe encore, comme vous le savez, dans la majeure partie de l'Europe. La loi française de 1807, adoptée par tous les pays voisins, fixe à 5% dans les affaires privées et à 6% dans les affaires commerciales la limite de l'intérêt. Et, chose curieuse ! les gouvernements qui prescrivaient cette loi au peuple, n'avaient pas de difficulté à la violer eux-mêmes chaque fois qu'ils avaient besoin d'argent et qu'ils ne parvenaient pas à emprunter au-dessous de la limite fixée par la loi ; ils couvraient cette violation autant qu'ils le pouvaient, en empruntant comme d'habitude à 3, 4 et 5% d'intérêt, mais ces chiffres étaient purement symboliques : au lieu, par exemple, de recevoir cent francs pour 5% d'intérêt, les gouvernements n'en recevaient que 90, ou 80, voire moins ; en un mot, ils empruntaient en réalité à des taux d'intérêt que la loi qu'ils avaient eux-mêmes établie interdisait. La crise, disons-nous, a fourni une nouvelle preuve contre cette législation

Mais la faiblesse de ce chiffre, comparé aux valeurs énormes qui représentent l'ensemble des exportations annuelles de tissus du Royaume-Uni, exclut toute idée que ces retours d'Amérique aient pu réagir en quoi que ce soit sur les cotes du marché anglais. Les prix ont sans doute baissé ; mais cette dépréciation s'explique par la perturbation commerciale, par la crise financière amenée elle-même par l'excès des spéculations, et par l'exagération des prix qu'avaient atteints les matières premières et les produits fabriqués. »

новое доказательство противъ этого отжившаго закона, который сами правительства такъ часто нарушали, не задумываясь. Повсюду приходилось либо формально приостановить дѣйствіе этого закона, либо смотрѣть сквозь пальцы на его нарушенія; ибо въ то время, когда процентъ на деньги дошелъ до 10% и болѣе въ Англіи, до 15% въ Гамбургѣ и до 36% въ Соединенныхъ Штатахъ, стало Физически невозможно удержать его въ другихъ мѣстахъ ниже 6%. Да и что бы вышло, еслибъ попробовали это сдѣлать? Звонкая монета была бы вывезена въ тѣ страны, гдѣ она могла быть помѣщена съ наибольшою выгодой, и крайній предѣлъ, предписанный проценту, имѣлъ бы единственнымъ слѣдствіемъ поощрить вывозъ звонкой монеты. Пришлось бы прибѣгнуть къ запрещенію вывоза, какъ къ необходимому дополненію процентной таксы, а извѣстно, что эта мѣра причиняетъ только стѣсненіе, въ исполненіи же хромаетъ. Правительства предпочли приостановить дѣйствіе закона и провозгласить или допустить временную свободу процентной ссуды. Сардинія и Голландія воспользовались случаемъ, чтобы навсегда постановить эту свободу, отмѣнивъ законъ 1807 года. Не нужно прибавлять, что вездѣ почувствовали пользу отступленія отъ этого обветшалаго законодательства. Можно было на практикѣ убѣдиться, что возвышеніе процента есть лучшее средство быстро пособить недостатку звонкой монеты, такъ же какъ предложеніе большей цѣны за зерновой хлѣбъ есть лучшее средство противъ голода, потому что деньги, какъ и зерновой хлѣбъ, стекаются преимущественно въ тѣ мѣста, гдѣ за нихъ платятъ дороже. Такъ въ Гамбургѣ, гдѣ никакое ограниченіе не стѣсняло процентной ссуды, деньги скоро начали притекать, и теперь вмѣсто недостатка оказывается чрезмѣрное изобиліе въ нихъ; обычный учетъ теперь равенъ тамъ 1 ½ %, тогда какъ три мѣсяца тому назадъ онъ едва могъ совершаться по 12%. Кризисъ далъ снова приверженцамъ регламентарной системы хорошій урокъ политической экономіи, и надо надѣяться, что урокъ этотъ принесетъ имъ пользу.

Итакъ на ряду съ вредомъ, кризисъ можетъ внести въ свою счетную книгу, и выгоду, которую онъ доставилъ, доказавъ на дѣлѣ великую и прекрасную истину прогрессивной взаимности народовъ; туда же онъ можетъ внести два тоже не дурныя доказательства: одно въ пользу свободной торговли, другое въ пользу свободы процентной ссуды.

Кризисъ обилень еще и другими уроками въ назиданіе расточительнымъ правительствамъ, безразсуднымъ и недобросовѣстнымъ спекулянтамъ: къ несчастію, эти уроки мало приносятъ пользы, и много еще понадобится кризисовъ, чтобы внушить

arriérée, que les gouvernements eux-mêmes ont si souvent violée sans y penser. Partout il fallait soit suspendre formellement l'application de cette loi, soit fermer les yeux sur ses violations ; car à une époque où le taux d'intérêt de l'argent atteignait 10% ou plus en Angleterre, 15% à Hambourg et 36% aux États-Unis, il devenait physiquement impossible de le maintenir ailleurs en dessous de 6%. Et que se passerait-il si on essayait de l'y maintenir quand même ? Les capitaux se dirigeraient vers les pays où ils pourraient être placés avec le plus grand profit, et le maximum prescrit pour l'intérêt aurait pour seul effet d'encourager l'exportation des espèces monétaires. Il faudrait recourir à une interdiction des exportations comme complément nécessaire à la limitation du taux de l'intérêt, mais on sait que cette mesure ne produit que des nuisances et s'avère d'une exécution difficile. Les gouvernements ont choisi de suspendre la loi et de proclamer ou d'autoriser temporairement la liberté des prêts à intérêt. La Sardaigne et la Hollande en ont profité pour instaurer définitivement cette liberté en abrogeant la loi de 1807. Il n'est pas nécessaire d'ajouter que partout on a pu se convaincre des bienfaits que l'abolition de cette législation désuète produit. On a pu se convaincre en pratique que la liberté de l'intérêt est le meilleur moyen de remédier rapidement à la pénurie monétaire, tout comme offrir un prix plus élevé pour le pain est le meilleur remède contre la faim, car l'argent, comme le pain, afflue principalement vers les endroits où ils sont le mieux payés. Ainsi à Hambourg, où aucune restriction n'entravait le prêt à intérêt, l'argent commença bientôt à affluer, et maintenant, au lieu d'une pénurie, il y a une abondance excessive ; l'escompte ordinaire est aujourd'hui à 1,5%, alors qu'il y a trois mois on pouvait difficilement l'obtenir à 12%. La crise a une fois de plus donné aux adeptes du système réglementaire une bonne leçon d'économie politique, et il faut espérer que cette leçon leur sera bénéfique.

Ainsi, à côté du mal, la crise peut ajouter à son bilan le bénéfice qu'elle a apporté, prouvant dans la pratique la grande et belle vérité de la réciprocité progressive des peuples ; elle peut encore introduire deux preuves également bonnes : l'une en faveur du libre-échange, l'autre en faveur de la liberté des prêts à intérêt.

La crise est également riche d'autres leçons pour l'édification des gouvernements gaspilleurs, des spéculateurs imprudents et sans scrupules : malheureusement, ces leçons sont de peu d'utilité, et bien d'autres crises seront nécessaires pour inculquer l'économie aux gouvernements, et la prudence et l'honnêteté aux spéculateurs.

правительствуамъ экономію, спекулантамъ благоразуміе и честность. Опытъ, говорилъ Франклинъ, есть школа, но уроки въ ней стоятъ дорого. Тѣмъ дороже, прибавимъ мы, что ихъ обыкновенно находятъ скучными и ставятъ себѣ въ священную обязанность не слушать ихъ.

Отъ кризиса до «вопроса о золотѣ» одинъ шагъ. И здѣсь также мнѣнія различны. Г. Леонъ Фоше не думалъ, чтобы золото могло упасть въ цѣнѣ; напротивъ, г. Мишель Шевалье считаетъ паденіе цѣны золота неизбѣжнымъ, съ тѣхъ поръ какъ открытіе золотыхъ присковъ въ Калифорніи и Австраліи удесятирило ежегодное добываніе этого металла, — и денежный переворотъ, совершающійся теперь во Франціи, по видимому рѣшительно оправдываетъ достойнаго парижскаго профессора. Въ сочиненіи, напечатанномъ сначала въ *Revue des Deux Mondes*, потомъ отдѣльно брошюрой¹, г. Мишель Шевалье съ свойственною ему отчетливостію очертилъ положеніе дѣль, и указалъ средство, которое по его мнѣнію особенно примѣнимо къ этому положенію, по крайней мѣрѣ относительно Франціи. Прежде всего онъ показываетъ, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ увеличилось производство золота съ 1848 года. Между тѣмъ, напримѣръ, какъ вся Америка со времени перваго путешествія Христофора Колумба, до открытія Калифорнійскихъ рудниковъ, то-есть въ теченіи 365 лѣтъ (съ 1492 до 1848), дала только 2,910,000 килограммовъ чистаго золота, то-есть 10 миллиардовъ 126 миллионѣвъ Франковъ, нынѣшнее производство въ иной годъ доходитъ почти до 300,000 килограммовъ. Выходитъ, что образованные народы получаютъ въ одинъ годъ количество золота, равняющееся десятой части всего, что дала Америка со времени своего открытія до 1848 года. Безъ сомнѣнія потребленіе золота можетъ также увеличиваться, и если *предложеніе* возрастаетъ подъ вліяніемъ развитія производства, то *запросъ* увеличивается подъ вліяніемъ умноженія мѣнъ, въ которыхъ золото служить посредникомъ, и такъ же по мѣрѣ возрастающаго употребленія его въ промышленности. Но достаточно ли будетъ этого естественнаго возрастанія запроса для того, чтобы уравниѣсится возрастающее предложеніе? Г. Мишель Шевалье не думаетъ этого. Онъ дѣлаетъ смѣту производства и оцѣнку дѣйствительнаго и вѣроятнаго потребленія золота, заключаетъ, что *предложеніе* не замедлитъ превзойти запросъ и такимъ образомъ приведетъ къ неизбѣжному пониженію цѣны металла. Послѣ пониженія *запросъ* увеличится подъ вліяніемъ

¹ De la Baisse probable de l'or, des conséquences commerciales et sociales qu'elle peut avoir et des mesures qu'elle provoque, par Michel Chevalier. In-8, 91 pages.

L'expérience, disait Franklin, est une école dont les leçons coûtent cher. Cela est d'autant plus vrai, ajouterons-nous, pour les gouvernements, qu'ils les trouvent généralement ennuyeuses et se font un devoir sacré de ne pas les écouter.

De la crise à la « question de l'or », il n'y a qu'un pas. Et là aussi, les avis divergent. M. Léon Faucher ne pensait pas que le prix de l'or puisse baisser ; au contraire, M. Michel Chevalier considère la baisse du prix de l'or comme inévitable, puisque la découverte de mines d'or en Californie et en Australie a décuplé la production annuelle de ce métal — et la révolution monétaire qui s'opère actuellement en France semble justifier de manière décisive la thèse du professeur parisien. Dans un essai publié d'abord dans la *Revue des Deux Mondes*, puis sous forme de brochure séparée¹, M. Michel Chevalier, avec sa clarté caractéristique, a exposé l'état des choses et indiqué un remède qui, à son avis, est particulièrement applicable à cette situation, du moins par rapport à la France. Tout d'abord, il montre à quel point la production de l'or a augmenté énormément depuis 1848. Tandis que toute l'Amérique depuis le premier voyage de Christophe Colomb jusqu'à la découverte des mines californiennes, soit pendant 365 ans (de 1492 à 1848) n'a donné que 2 910 000 kilogrammes d'or pur, soit 10 milliards 126 millions de francs, la production annuelle atteint désormais près de 300 000 kilogrammes. Il s'avère donc que les peuples civilisés reçoivent en un an une quantité d'or égale à un dixième de tout ce que l'Amérique a livré depuis sa découverte jusqu'en 1848. Sans aucun doute, la consommation d'or peut également augmenter, et si l'offre augmente sous l'influence du développement de la production, la demande augmente sous l'influence de la multiplication des marchés, dans lesquels l'or sert d'intermédiaire, et aussi de matière première industrielle. Mais cette augmentation naturelle de la demande suffira-t-elle à équilibrer l'offre croissante ? M. Michel Chevalier ne le pense pas. Il fait une estimation de la production et une évaluation de la consommation réelle et probable de l'or, et conclut que l'offre ne tardera pas à dépasser la demande et entraînera ainsi une baisse inévitable du prix du métal. Après cette baisse, la demande augmentera sous

¹ De la Baisse probable de l'or, des conséquences commerciales et sociales qu'elle peut avoir et des mesures qu'elle provoque, par Michel Chevalier. In-8, 91 pages.

дешевизны, и когда предложѣніе и запросъ снова достигнуть степени равновѣсія, пониженіе цѣны прекратится, и золото опять пріобрѣтетъ постоянную цѣнность. Но какая будетъ эта степень? До какихъ предѣловъ должна понизиться цѣна золота? Понизится ли она до того, что вмѣсто 15 только въ 12 разъ будетъ превышать цѣну серебра, какъ было до открытія Америки, или дойдетъ до пропорціи 6 или 8 къ 1, какъ было съ пятнадцатаго по шестнадцатое столѣтіе до Р.Х., по мнѣнію г. Дюро де-ла-Маль? Никто не можетъ сказать этого. Тутъ возможны лишь одни предположенія. Но то можно утверждать положительно и доказать опытомъ, что металлъ, подверженный упадку въ цѣнѣ, теряетъ самое существенное изъ достоинствъ монеты, а именно постоянство цѣнности; что внезапныя колебанія цѣнности монеты, повышеніе ея или пониженіе, бывають причиной самыхъ важныхъ замѣшательствъ во всѣхъ сдѣлкахъ; что отъ измѣненій этого общаго мѣрила всѣхъ цѣнностей происходитъ такія же неудобства, какія могли бы произойти отъ удлинненія или укороченія метра или всякой другой мѣры; что при упадкѣ цѣны золота владѣльцы, которые отдали внаймы на долгій срокъ, и капиталисты, ссудившіе займы на неопредѣленный срокъ и для которыхъ номинальная сумма монеты не будетъ уже представлять одинаковой дѣйствительной цѣнности, понесутъ огромныя потери вслѣдствіе упадка цѣны золота. Итакъ есть достаточно причинъ подумать объ избѣжаніи этихъ смуть, угрожающихъ столь многимъ уважительнымъ интересамъ. Особенно слѣдуетъ подумать объ этомъ во Франціи, гдѣ хотя серебро и составляетъ главное основаніе монетной системы, однако съ нѣкоторыхъ поръ золото въ большемъ количествѣ замѣняетъ серебро въ обращеніи. Вотъ каково положеніе дѣла въ этой странѣ: монетная единица есть Франкъ, то-есть монета вѣсомъ въ 5 граммъ, содержащая 9/10 или 4 1/2, грамма чистаго серебра. Но къ этому монетному мѣрилу основной законъ XI года присоединилъ золото въ видѣ вспомогательной монеты. Тогда было рѣшено чеканить золотыя монеты, въ 20 и 40 Франковъ, рассчитывая вѣсъ этихъ монетъ по отношенію, существующему между цѣною обоихъ металловъ. Отношеніе это было въ то время какъ 151/, къ 1. Золотая монета въ 20 франковъ была слѣдовательно чеканена вѣсомъ въ 6,431 граммовъ, съ содержаніемъ 9/10 чистаго металла, что въ точности равнялось въ 20 разъ взятымъ 5 граммамъ серебра, съ тѣмъ же содержаніемъ чистаго металла.

Система эта была бы превосходна, еслибъ отношеніе между цѣнностью золота и серебра не измѣнялось; ибо въ этомъ случаѣ чеканили бы безразлично и золотыя, и серебряныя монеты. Или, лучше сказать, серебряныя монеты чеканили бы для мелкихъ

l'influence du bon marché, et lorsque l'offre et la demande auront de nouveau atteint un certain degré d'équilibre, la baisse des prix cessera et l'or retrouvera une valeur constante. Mais quel sera ce niveau ? Dans quelle mesure le prix de l'or devrait-il baisser ? Va-t-il baisser au point qu'au lieu de 15, il ne sera plus que 12 fois le prix de l'argent, comme c'était le cas avant la découverte de l'Amérique, ou bien atteindra-t-il une proportion de 6 ou 8 pour 1, comme c'était le cas du XVe au XVIe siècles avant J.-C., selon M. Dureau de la Malle ? Personne ne peut l'affirmer. Il ne peut être question ici de d'émettre des hypothèses. Mais on peut affirmer positivement et prouver par l'expérience qu'un métal soumis à une baisse de prix perd le plus essentiel des mérites que doit avoir une monnaie, à savoir la stabilité de sa valeur ; que les fluctuations brusques de la valeur d'une monnaie, soit à la hausse soit à la baisse, sont la cause d'une très grande confusion dans toutes les transactions ; que les changements dans cette mesure générale de toutes les valeurs produisent les mêmes inconvénients que ceux qui pourraient survenir en cas d'allongement ou de raccourcissement du mètre ou de toute autre mesure ; que lorsque le prix de l'or baisse, les propriétaires qui ont prêté pour une longue période, et les capitalistes qui ont prêté pour une durée indéterminée et pour qui le montant nominal de la monnaie ne représentera plus la même valeur réelle, subiront d'énormes pertes en raison de la baisse du prix de l'or. Il y a donc de nombreuses raisons pour chercher à éviter ces troubles qui menacent tant d'intérêts respectables. Cela mérite particulièrement d'être pris en compte en France, où, bien que l'argent soit la base principale du système monétaire, l'or a depuis quelque temps remplacé l'argent dans la circulation, et ce dans une très forte proportion. Voilà la situation dans ce pays : l'unité monétaire est le franc, c'est-à-dire une pièce de 5 grammes, contenant 9/10e ou 4 1/2 grammes d'argent pur. Mais à cet étalon monétaire, la constitution de l'an XI ajouta l'or sous forme d'auxiliaire. On décida alors de frapper des pièces d'or de 20 et 40 francs, en calculant le poids de ces pièces selon le rapport existant entre le prix des deux métaux. Le rapport était alors de 15 1/2 pour 1. La pièce d'or de 20 francs était donc frappée à un poids de 6,431 grammes, avec une teneur de 9/10e de métal pur, ce qui était exactement égal à 20 fois 5 grammes d'argent, avec la même teneur en métal pur.

Ce système serait excellent si le rapport entre la valeur de l'or et de l'argent ne changeait pas ; car dans ce cas, les pièces d'or et d'argent seraient employées indifféremment. Ou, mieux encore, les pièces d'argent seraient employées pour les petites transactions et les pièces d'or pour les transactions d'un montant plus important.

сдѣлокъ, а золотыя для сдѣлокъ болѣе крупныхъ. Каждый металлъ имѣлъ бы свое назначеніе, свою область, и одинъ не захватывалъ бы мѣста другаго. Къ сожалѣнію, неизмѣняемость отношенія въ цѣнности обоихъ металловъ есть чистый вымыселъ, и система, сооруженная на этомъ вымыслѣ, была ошибочна въ своемъ основаніи. Доказательство этому скоро представилось. Въ XI году отношеніе золота къ серебру было какъ $15 \frac{1}{2}$ къ 1. Немного спустя, частію вслѣдствіе уменьшившагося производства золота, чему виною были перевороты въ американскихъ колоніяхъ, частію вслѣдствіе увеличенія запроса на этотъ металлъ, отношеніе измѣнилось въ пользу золота. Килограммъ золота, стоившій только $15 \frac{1}{2}$ килограммовъ серебра въ XI году, стоилъ нѣсколько лѣтъ спустя уже $15 \frac{3}{4}$ килограммовъ. Что же изъ этого вышло? Такъ какъ золотая двадцатиФранковая монета на дѣлѣ стоила болѣе четырехъ серебряныхъ пятиФранковыхъ монетъ, то всѣ почти перестали платить золотомъ и держались серебра.

Небольшое число лицъ, продолжавшихъ требовать золота для особенныхъ случаевъ, въ которыхъ оно безъ неудобствъ не можетъ быть замѣнено серебромъ, напримѣръ для путешествій, должны были платить лажъ или премію, чтобъ достать его. Такое состояніе продолжалось до 1848 года. Но съ этого года внезапное и быстрое возрастающее увеличеніе производства золота, измѣнило отношенія цѣнности этихъ двухъ металловъ въ обратномъ смыслѣ. Отношеніе это держалось вообще до 1848 года выше $15 \frac{1}{2} : 1$; послѣ же 1848 года оно постепенно упало ниже этой цифры. Чтѣ же должно было послѣдовать за этимъ пониженіемъ цѣны? Золото, изгнанное прежде изъ обращенія серебромъ, теперь въ свою очередь должно было вытѣснить серебро. Такъ какъ закономъ равно дозволялось уплачивать долгъ въ 20 франковъ, напримѣръ, четырьмя серебряными пяти-франковыми монетами, всего вѣсомъ на 100 граммовъ серебра, или одною золотою монетою вѣсомъ въ 6,451, то очевидно было, что всякій охотнѣе станетъ платить золотомъ, чѣмъ серебромъ, какъ только 6,451 грам. золота въ дѣйствительности не будутъ уже стоить ста граммовъ серебра, и можно будетъ покупать у торгующихъ драгоцѣнными металлами количество золота въ 6,431 грам. вѣсомъ за количество серебра вѣсомъ менѣе ста граммъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Золото во Франціи цѣлыми массами заступило мѣсто серебра въ обращеніи. Этотъ процессъ вытѣсненія серебра золотомъ начался въ 1848 году, и продолжался съ тѣхъ поръ въ огромныхъ размѣрахъ; въ продолженіе 1856 и 1837 года, напримѣръ, ввозъ золота во Францію достигъ цифры 1,030,900,000 франковъ, между тѣмъ какъ вывозъ былъ только 209,800,000. Излишекъ ввоза равняется слѣдовательно 821,100,000 Франковъ. Въ эти же два года ввозъ серебра равнялся только 206,800,000

Chaque métal aurait sa propre fonction, son propre domaine, et l'un ne prendrait pas la place de l'autre. Malheureusement, l'immuabilité du rapport entre la valeur des deux métaux est une pure fiction, et le système construit sur cette fiction reposait sur des fondements erronés. La preuve en fut bientôt faite. En l'an XI, le rapport entre l'or et l'argent était de 15 1/2 pour 1. Un peu plus tard, en partie à cause de la diminution de la production de l'or, suite aux révolutions dans les colonies américaines, en partie à cause d'une augmentation de la demande de l'or, le rapport changea en faveur de l'or. Un kilogramme d'or, qui ne coûtait que 15 1/2 kilogrammes d'argent en l'an XI, coûtait 15 3/4 kilogrammes quelques années plus tard. Qu'est-il arrivé ? Comme une pièce de vingt francs en or valait en réalité plus que quatre pièces de cinq francs en argent, tout le monde ou presque a arrêté de payer en or et s'en est tenu à l'argent.

Un petit nombre de personnes qui continuaient à demander de l'or pour des utilisations spéciales pour lesquelles il ne pouvait sans inconvénient être remplacé par de l'argent, comme à l'occasion de voyages, devaient payer un droit ou une prime pour l'obtenir. Cet état de choses dura jusqu'en 1848. Mais depuis cette époque, un accroissement soudain et rapide de la production de l'or a inversé le rapport de valeur entre ces deux métaux. Ce rapport restait généralement supérieur à 15 1/2 pour 1 jusqu'en 1848 ; après 1848, il tomba progressivement au-dessous de ce chiffre. Qu'est-ce qui aurait dû résulter de cette baisse de prix ? L'or, qui avait été auparavant chassé de la circulation par l'argent, devait maintenant, à son tour, évincer l'argent. Puisque la loi permettait également de payer une traite de 20 francs, par exemple, avec quatre pièces de cinq francs en argent pesant au total 100 grammes d'argent, ou avec une pièce d'or pesant 6,451, il était évident que chacun préférerait payer en or qu'en argent. L'or et l'argent n'étant plus de pair, il devenait possible d'acquiescer chez les négociants en métaux précieux plus d'or avec toujours moins d'argent. Et c'est ce qui se produisit. En France, l'or a en grande partie remplacé l'argent dans la circulation. Ce processus de remplacement de l'argent par l'or a commencé en 1848 et s'est poursuivi depuis lors sur une très vaste échelle. En 1856 et 1857, par exemple, l'importation d'or en France atteignit le chiffre de 1 030 900 000 francs, tandis que l'exportation n'était que de 209 800 000 francs. L'excédent des importations est donc égal à 821 100 000 francs. Au cours des mêmes deux années, les importations d'argent ne s'élevaient qu'à 206 800 000 francs, tandis que

франковъ, тогда какъ вывозъ поднялся до 852,900,000 Франковъ. Излишекъ вывоза — 646,100,000 франковъ. Числа эти свидѣтельствуя о томъ, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ, во Франціи, металлъ съ измѣнившеею цѣнностью замѣщается металломъ, котораго цѣна понижается. Этотъ процессъ, очевидно, остановится только тогда, когда во Франціи все серебро въ обращеніи замѣнится золотомъ. Но согласно ли это замѣщеніе съ строгою справедливостію? Согласно ли оно съ общественною пользою? Г. Мишель Шевалье этого не думаетъ. Онъ доказываетъ рѣшительно, что главная монета во Франціи есть серебро, а золото было принято только въ видѣ вспомогательной монеты; что въ XI году было рѣшено, что въ случаѣ измѣненія въ узаконенномъ отношеніи обоихъ металловъ, серебряная монета оставлена будетъ безъ измѣненія, а золотая монета напротивъ будетъ переплавлена, приче́мъ вѣсъ ея будетъ уменьшенъ, если металлъ возвысился въ цѣнѣ, и увеличенъ, если цѣна металла понизилась. Итакъ, тотчасъ же какъ только начала понижаться цѣна золота, слѣдовало либо по примѣру Голландіи и Бельгіи, лишить монетнаго наченія золото, какъ металлъ, потерявшій главнѣйшее изъ своихъ монетныхъ качествъ, либо переплавить золотую монету и увеличить вѣсъ ея пропорціонально съ пониженіемъ цѣны металла. Тогда былъ бы сохраненъ смыслъ узаконенія XI года. Но этого не сдѣлали, и отъ того монетные законы во Франціи представляютъ теперь только мертвую букву, и монета въ этой странѣ *ослабла* въ той мѣрѣ, въ какой золото упало въ цѣнѣ по отношенію къ серебру. Такое *ослабленіе* монеты, причиненное сохраненіемъ этого фиктивного узаконеннаго отношенія, которое слѣдовало измѣнить для того, чтобъ остаться вѣрнымъ смыслу и даже буквѣ закона XI года, будетъ возрастать по мѣрѣ пониженія цѣны металла; государственные и частные кредиторы будутъ ограблены на сумму равную степени пониженія этой цѣны, несмотря на гарантіи, даруемыя имъ закономъ, и слѣдствіемъ этого будетъ не только вредъ частнымъ интересамъ, а также и то, что правительство, причинившее ослабленіе монеты удержаніемъ между обоими металлами узаконеннаго отношенія, не соотвѣтствующаго дѣйствительности, уронить себя въ общемъ мнѣніи.

Въ заключеніе г. Мишель Шевалье гсворитъ, что необходимо быстро принять мѣры противъ этого положенія дѣлъ. Но какимъ образомъ? Что приходится сдѣлать, чтобы возстановить во всей ея истинѣ систему, введенную закономъ XI года? По мнѣнію г. Мишеля Шевалье, должно прибѣгнуть къ переплавкѣ, и выпустить золотую монету, цѣнность которой была бы совершенно не зависима отъ цѣны серебряной монеты. Напримѣръ выдѣлывать золотыя монеты въ 5 и 10 граммовъ, предоставляя торговлѣ назначать имъ цѣну, которая бы измѣнялась сообразно съ

l'exportation s'élevait à 852 900 000 francs. Excédent d'exportation : 646 100 000 francs. Ces chiffres indiquent dans quelle mesure, en France, le nouveau métal, dont la valeur avait changé, fut remplacé par un autre métal, dont le prix diminuait. Ce processus ne s'arrêtera évidemment que lorsqu'en France tout l'argent en circulation sera remplacé par de l'or. Mais ce remplacement est-il conforme à la stricte justice ? Est-il conforme à l'intérêt public ? M. Michel Chevalier ne le pense pas. Il prouve de manière décisive que la monnaie principale en France est l'argent et que l'or n'est accepté que sous la forme d'auxiliaire ; qu'en l'an XI, il fut décidé qu'en cas de changement dans le rapport légal des deux métaux, la pièce d'argent resterait inchangée, et que la pièce d'or, au contraire, serait fondue et son poids réduit si le prix du métal avait augmenté, et augmenté si le prix du métal avait baissé. Ainsi, dès que le prix de l'or commençait à baisser, il fallait soit, à l'instar de la Hollande et de la Belgique, priver l'or de sa valeur monétaire, en tant que métal ayant perdu la plus importante de ses qualités monétaires, soit refondre les pièces d'or et augmenter leur poids proportionnellement à la baisse du prix du métal. Le sens de la législation de l'an XI aurait alors été préservé. Mais cela n'a pas été fait, et c'est pourquoi les lois sur la monnaie en France ne sont plus que lettre morte, et que la monnaie dans ce pays s'est affaiblie à mesure que le prix de l'or a baissé par rapport à l'argent. Cet affaiblissement de la monnaie, provoqué par la continuation de ce rapport juridique fictif, qu'il aurait fallu modifier pour rester fidèle au sens et même à la lettre de la loi de l'an XI, va s'accroître à mesure que le prix du métal baissera ; les créanciers publics et privés seront privés d'une somme égale au degré de baisse, malgré les garanties qui leur sont données par la loi, et la conséquence de cela sera non seulement un préjudice frappant les intérêts privés, mais aussi que le gouvernement, qui a provoqué l'affaiblissement de la monnaie en entretenant un rapport juridique entre les deux métaux ne correspondant pas à la réalité, sera discrédité dans l'opinion.

En conclusion, M. Michel Chevalier affirme qu'il est nécessaire de prendre rapidement des mesures contre cet état de fait. Mais comment ? Que faut-il faire pour restaurer dans toute sa vérité le système instauré par la loi de l'an XI ? De l'avis de M. Michel Chevalier, il faudrait recourir à la refonte et émettre une pièce d'or dont la valeur serait complètement indépendante du prix de la pièce d'argent. Par exemple, produire des pièces d'or de 5 et 10 grammes, permettant au commerce de leur attribuer un prix qui évoluerait en

колебаниями цѣны на самый металл. Или же, во избѣжаніе переплавки, можно измѣнить законное отношеніе такъ, чтобъ оно совпадало съ нынѣ-существующимъ дѣйствительнымъ отношеніемъ. Такимъ образомъ, такъ какъ золото, вмѣсто прежнихъ 15 1/2, разъ, теперь въ дѣйствительности стоитъ никакъ не болѣе 15 1/4. разъ дороже серебра, то золотая двадцати-франковая монета была бы оцѣнена приблизительно въ 19 1/2. Но и эта оцѣнка не была бы постоянною, она подверглась бы измѣненію или каждыя шесть мѣсяцевъ или каж, й разъ, когда послѣдуетъ новое уменьшеніе въ цѣнности золота. Какъ примѣръ въ подтвержденіе этой новой системы, г. Мишель Шевалье приводитъ фактъ, заимствованный изъ исторіи русской монетной системы. « Въ Россіи, говоритъ онъ, золотыя пяти-рублевыя монеты, выпущенныя вслѣдствіе указа 1810 года, находились въ обращеніи при такихъ же условіяхъ. Указъ отъ 1-го іюля 1839 года, находя, что отношеніе обоихъ металловъ нѣсколько измѣнилось, и что золото въ Россіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, стало дороже, постановилъ, что съ этихъ поръ пяти-рублевыя полуимперіялы будутъ ходить за 5 рублей 15 копѣекъ, что и совершилось безъ всякихъ затрудненій, какъ утверждаетъ г. Мишель Шевалье, несмотря на названіе пяти-рублевыхъ, выставленное на этихъ монетахъ. Не вижу, заключаетъ онъ, почему бы не поступить также и во Франціи. »

Эти способы разрѣшенія вопроса, на которые указалъ г. Мишель Шевалье, вызвали однако много возраженій, и едва ли во Франціи охотно примутъ на практикѣ золотую монету, не представляющую удобствъ круглоты счета такихъ монетъ, каковы напримѣръ монеты въ 10, 20 или 40 франковъ, и подверженную безпрестаннымъ измѣненіямъ въ отношеніи своемъ къ образцовой монетѣ или монетному мѣрилу, серебру. Мы, съ своей стороны, предпочли бы систему, которая поставила бы золото въ одинаковыя условія съ мѣдною монетою, предоставляя одному правительству право чеканить золотую монету, также какъ одно оно чеканить монету мѣдную, и въ то же время ограничивая выпускъ ея на столько, сколько нужно, чтобы дѣйствительная цѣнность золотой монеты не могла пасть ниже ея номинальной цѣнности. Можно бы также устроить, чтобы выпущенная по этой системѣ золотая монета всегда размѣнивалась на серебряную, по желанію предъявителя, и черезъ это препятствовать пониженію цѣны ея, такъ же какъ препятствуютъ пониженію цѣны банковыхъ билетовъ при потоги же самаго способа. Еслибы французское правительство приняло эту систему, ему можетъ быть пришлось бы выкупить часть золота, находящагося теперь въ обращеніи; но часть эта была бы незначительна, ибо обладатели золотой

fonction des fluctuations du prix du métal lui-même. Ou bien, pour éviter une refonte, on peut modifier la relation juridique afin qu'elle coïncide avec l'équilibre réel des valeurs. Ainsi, puisque l'or, au lieu de 15 1/2 auparavant, ne vaut désormais plus que 15 1/4 fois plus cher que l'argent, la valeur d'une pièce de vingt francs en or serait dans le rapport d'environ 19 1/2. Mais cette évaluation ne serait pas constante, elle serait susceptible de changer soit tous les six mois, soit à chaque fois qu'une nouvelle baisse de la valeur de l'or se produirait. À titre d'exemple à l'appui de ce nouveau système, M. Michel Chevalier cite un fait emprunté à l'histoire du système monétaire russe. « En Russie, dit-il, les pièces d'or de cinq roubles émises à la suite du décret de 1810 circulaient dans les mêmes conditions. Le décret du 1er juillet 1839, constatant que le rapport des deux métaux avait quelque peu changé et que l'or en Russie, comme dans le monde entier, était devenu plus cher, décréta que désormais les demi-impériaux de cinq roubles vaudraient 5 roubles 15 kopecks, ce qui s'est fait sans aucune difficulté, prétend M. Michel Chevalier, malgré le nom de pièces de cinq roubles inscrit sur ces pièces. Je ne vois pas, conclut-il, pourquoi on ne pourrait pas faire pareil en France. »

Ces solutions au problème monétaire, signalées par M. Michel Chevalier, ont cependant suscité de nombreuses objections, et il est peu probable qu'en France on accepte volontiers dans la pratique une pièce d'or qui ne présenterait pas la commodité de fournir des comptes ronds, comme par exemple les pièces de 10, 20 ou 40 francs, et sujette à des changements constants dans son rapport avec l'étalon ou pièce étalon, l'argent. Pour notre part, nous préférierions un système qui placerait l'or sur un pied d'égalité avec les pièces de cuivre, donnant au gouvernement le droit de frapper des pièces d'or tout comme des pièces de cuivre, et en même temps en limitant l'émission autant que possible pour que la valeur réelle d'une pièce d'or ne puisse pas descendre en dessous de sa valeur nominale. Il serait également possible de faire en sorte que la pièce d'or émise dans le cadre de ce système soit toujours échangeable contre de l'argent, à la demande du porteur, et d'empêcher ainsi sa baisse de prix, tout comme par le même moyen on empêche la baisse du prix des billets de banque. Si le gouvernement français avait adopté ce système, il aurait peut-être dû racheter une partie de l'or actuellement en circulation ; mais cette part serait insignifiante, car les propriétaires d'une pièce d'or, sachant qu'elle peut toujours être

монеты, зная, что она всегда можетъ быть обмѣнена на серебряную, предпочли бы ее за ея чисто физическія преимущества, каковы: красивость, легкость, удобство въ употребленіи и пр. Они оставляли бы ее у себя по той же причинѣ, по какой владѣльцы банковыхъ билетовъ или ходячихъ бумажныхъ денегъ охотнѣе оставляютъ эти цѣнности у себя, чѣмъ мѣняютъ ихъ на звонкую монету. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ имѣетъ большую важность и будетъ еще важнѣе, по мѣрѣ того, какъ пониженіе цѣны золота будетъ становиться ощутительнѣе.

Вотъ еще вопросъ совсѣмъ другаго рода, разрѣшеніе котораго ожидалось съ нетерпѣніемъ, вопросъ, лишь недавно разрѣшенный Французскимъ правительствомъ. Мы говоримъ о свободѣ мяснаго промысла въ Парижѣ. Хотя свобода ремеслъ была провозглашена во Франціи первымъ учредительнымъ собраніемъ (законъ 2-17 марта 1791 года), она все еще не совершенно проникла въ дѣйствительность. Удержалось много частныхъ уклоненій. Такъ напримѣръ мясная торговля въ Парижѣ все еще оставалась предметомъ монополіи. До 1829 года, число мясниковъ было ограничено 400, а съ этого времени 501. Этимъ ограниченіемъ числа продавцовъ естественно было вызвано искусственное возвышеніе цѣны на мясо. Императорское правительство, два года тому назадъ, попробовало помочь этому злу, установивъ таксу на мясо, то-есть установивъ тахититъ, выше котораго не позволялось продавать его. Люди, которые простодушно вѣрятъ (а такихъ во Франціи множество), что правительство имѣетъ власть назначать по произволу цѣну товарамъ, что оно, по желанію своему, можетъ распоряжаться повышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ, какъ Господь Богъ повелѣваетъ быть дождю или ведру, были въ восторгѣ отъ такого способа, но радость ихъ не была продолжительна. Такъ какъ такса не могла установить различій между сортами мяса, то производить лучшіе сорта стало не выгодно, потому что запрещено было продавать ихъ дороже другихъ.

« Самыя очевидныя слѣдствія системы, дѣйствующей въ продолженіе двухъ лѣтъ въ Парижѣ, говорилъ знаменитый агрономъ г. де-Беанъ (de Béhague) въ Парижскомъ политико-экономическомъ обществѣ (засѣданіе 5-го января), — суть тѣ, что мясникамъ нѣтъ никакой выгоды покупать отборный скотъ, отъ котораго получается лучшій сортъ мяса, что скотоводамъ нѣтъ выгоды разводить его, что потребители получаютъ дурную провизію, и наконецъ, что мясо становится все хуже и дороже. »

Итакъ, опытъ таксаціи не удался и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ. При видѣ такого результата оставалось одно средство прибѣгнуть къ свободѣ, объявить мясной промыселъ свободнымъ и предоставить конкуренціи понизить цѣны на мясо

échangée contre une pièce d'argent, la préféreraient pour ses avantages purement physiques, tels que la beauté, la légèreté, la facilité d'utilisation, etc. Ils la garderaient pour la même raison que les propriétaires de billets de banque ou de papier-monnaie préfèrent garder ces titres de valeur avec eux plutôt que de les échanger contre des espèces. Quoi qu'il en soit, cette question est d'une grande importance et le deviendra encore plus à mesure que la baisse du prix de l'or deviendra plus sensible.

Voici maintenant une autre question d'un tout autre genre, dont la solution était attendue avec impatience, et qui a été récemment résolue par le gouvernement français. Nous parlons de la liberté du commerce de la viande à Paris. Si la liberté du commerce a été proclamée en France par la première assemblée constituante (loi du 2-17 mars 1791), elle n'a pas encore pleinement pénétré dans la réalité. De nombreuses exceptions ont été maintenues. Ainsi, par exemple, le commerce de la viande à Paris faisait encore l'objet d'un monopole. Jusqu'en 1829, le nombre des bouchers était limité à 400, et depuis cette date à 501. Cette limitation du nombre des vendeurs provoqua naturellement une augmentation artificielle du prix de la viande. Le gouvernement impérial, il y a deux ans, a tenté d'endiguer ce fléau en instaurant une taxe sur la viande, c'est-à-dire en fixant un prix maximal au-dessus duquel il n'était pas permis de la vendre. Les gens qui croient naïvement (et ils sont nombreux en France) que l'État a le pouvoir de fixer à volonté le prix des marchandises, qu'il peut, à sa guise, contrôler la hausse et la baisse des prix, comme le Seigneur Dieu fait descendre la pluie ou une manne, ces gens-là en étaient ravis, mais leur joie ne dura pas longtemps. Comme la taxe ne pouvait pas distinguer les types de viande, la production des meilleures variétés cessait d'être rentable, car il était interdit de les vendre à un prix plus élevé.

Les conséquences les plus évidentes du système en vigueur depuis deux ans à Paris, a déclaré le célèbre agronome M. de Béhague à la Société d'économie politique (séance du 5 janvier), sont qu'il n'y a plus aucun avantage pour les bouchers à acheter du bétail réputé, à partir duquel on obtient la meilleure qualité de viande ; que les éleveurs n'ont plus aucun avantage à les élever, que les consommateurs obtiennent de la mauvaise qualité, et enfin que la viande devient de moins en moins bonne et coûte de plus en plus cher.

Ainsi, l'expérience du maximum a échoué dans ce cas comme dans bien d'autres. Face à un tel résultat, il n'y avait qu'une seule solution, c'était de recourir à la liberté, de déclarer le commerce de la viande libre et de permettre à la concurrence de faire baisser le

до естественнаго предѣла. Французское правительство поняло это, и установило свободу мяснаго промысла въ Парижѣ съ 31-го марта. Донесеніе, предшествующее императорскому декрету, изданному по этому случаю, внушено самими здоровыми экономическими понятіями. Вотъ нѣсколько интересныхъ строкъ о благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ конкуренціи:

« Всюду принято, говорить авторъ донесенія, г. Руэ, министръ земледѣлія и торговли, — и всеобщимъ опытомъ дознано, что въ свободномъ промыслѣ конкуренція ведетъ къ дешевизнѣ. Въ этомъ легко дать себѣ отчетъ. Купецъ, который видитъ передъ собой соперника и не можетъ стакнуться и условиться съ нимъ, потому что въ открытомъ для всѣхъ промыслѣ, еслибъ онъ и успѣлъ уговориться съ однимъ соперникомъ, тотчасъ же явится другой, — купецъ всячески хлопочетъ и придумываетъ средства, чтобы товаръ обходился ему дешевле, а слѣдовательно могъ бы и продаваться у него дешевле, чѣмъ у другаго купца, ибо масса покупателей привлекается дешевизной. Если средства, имъ употребляемая, не всегда бываютъ законны, то дѣло покупателей наблюдать за этимъ, дѣло полиціи изслѣдовать обманы, дѣло уголовного закона карать ихъ. Но несомнѣнно то, что вообще свобода конкуренціи заставляетъ купца понижать цѣны. И если справедливо сказать такъ о торговлѣ вообще, то почему же не справедливо будетъ сказать тоже о мясной торговлѣ въ особенности? »

Нельзя лучше оцѣнить пользу конкуренціи. Французскіе протекціонисты, вѣроятно, не слишкомъ были довольны такими словами министра. Въ самомъ дѣлѣ, если конкуренція хороша, когда идетъ изнутри, то почему же ей быть дурною, когда она идетъ извнѣ? Если хорошо возбужденіемъ конкуренціи подстрекать мясниковъ дешевле продавать свой товаръ, то почему не употребить такого же возбуждательнаго средства и для производителей чугуна, желѣза, бумажныхъ тканей и пр., которымъ запретительная система предоставила монополію французскаго рынка къ большой невыгодѣ потребителямъ? Отмѣна мясной монополіи, какъ видно, есть шагъ къ уничтоженію всѣхъ другихъ преградъ, еще противящихся благопріятному дѣйствію конкуренціи; это не только мѣра хорошая, но и обѣщаніе хорошее. А мѣра эта уже начинаетъ давать отличные результаты: новыя мясныя лавки открылись въ Парижѣ въ самый день обнародованія декрета, и цѣна на мясо понизилась.

Въ Бельгіи общее вниманіе раздѣлено въ различной мѣрѣ между многими экономическими вопросами. Впервыхъ таможенная реформа, въ пользу которой организована дѣятельная

prix de la viande jusqu'à sa limite naturelle. Le gouvernement français s'en est rendu compte et a instauré la liberté de la boucherie à Paris à partir du 31 mars. Le rapport précédant le décret impérial publié à cette occasion s'inspirait des conceptions économiques les plus saines. Voici quelques lignes intéressantes sur les effets bénéfiques de la concurrence :

« On reconnaît partout », dit l'auteur du rapport, M. Rouet, ministre de l'Agriculture et du Commerce, « et l'expérience universelle le prouve, que dans le système du libre-échange, la concurrence conduit au bon marché. Cela est au reste facile à comprendre. Un commerçant qui trouve un rival devant lui avec lequel il ne peut s'entendre — car, dans une branche de commerce ouverte à tous, même lorsqu'on parvient à s'entendre avec un rival, un autre apparaît immédiatement — ce commerçant est sans cesse tourmenté par la pensée de trouver des moyens pour que les marchandises lui coûtent moins cher et puissent donc être vendues moins cher chez lui que chez un autre commerçant, car le bon marché attire une large clientèle. Si les moyens qu'il emploie ne sont pas parfaitement légaux, c'est aux acheteurs qu'il appartient de s'en rendre compte, à la police d'enquêter sur les tromperies et à la justice pénale de les punir. Mais il ne fait aucun doute qu'en général, la liberté de la concurrence oblige le commerçant à baisser ses prix. Et s'il est juste de dire cela du commerce en général, pourquoi ne serait-il pas juste de dire la même chose du commerce de la viande en particulier ? »

Les avantages de la concurrence ne peuvent être mieux expliqués. Les protectionnistes français n'ont probablement pas été très satisfaits de ces propos du ministre. Car si la concurrence est bonne lorsqu'elle vient de l'intérieur, pourquoi devrait-elle être mauvaise lorsqu'elle vient de l'extérieur ? S'il est bon d'inciter les bouchers à vendre moins cher en développant la concurrence, pourquoi ne pas utiliser le même agent stimulant pour les fabricants de fonte, de fer, de tissus en papier, etc., à qui le système prohibitif a accordé un monopole sur le marché français, au grand désavantage des consommateurs ? L'abolition du monopole de la viande, comme on peut le constater, est un pas vers la destruction de tous les autres obstacles qui empêchent encore les effets bénéfiques de la concurrence de se manifester. Ce n'est pas seulement une bonne mesure, c'est aussi une bonne promesse. Et cette mesure commence déjà à produire d'excellents résultats : de nouvelles boucheries ont ouvert à Paris le jour même de la promulgation du décret, et le prix de la viande a baissé.

En Belgique, l'attention générale est partagée, à des degrés divers, entre de nombreuses questions économiques. Premièrement, la

пропаганда. Вовторыхъ уничтоженіе *octrois*, или таможенъ, устроенныхъ при въѣздѣ въ города. Эти внутреннія таможи чрезвычайно размножились въ Бельгій. Ихъ считается здѣсь не менѣе 74 въ городахъ и общинахъ, заключающихъ въ себѣ около четвертой части народонаселенія. Множество плановъ было предложено для уничтоженія внутреннихъ таможенъ, и недавно ассоціація для таможенной реформы (*association pour la réforme douanière*) назначила комиссію, чтобы рассмотретьъ эти планы и прислать систему общинныхъ податей, которая бы всего удобнѣе могла замѣнить нынѣ существующую. Главная трудность, встрѣчаемая реформой, состоитъ въ чрезмѣрномъ увеличеніи общинныхъ расходовъ, увеличеніи, вызванномъ по большей части самымъ существованіемъ внутреннихъ таможенъ. Дѣло въ томъ, что эти внутреннія таможи также, какъ и всѣ другіе косвенные налоги, имѣютъ преимущество, чрезвычайно цѣнное недалекими Финансистами, преимущество, состоящее въ томъ, что они падаютъ на плательщиковъ незамѣтно для самихъ плательщиковъ. Но увы! налоги все же падаютъ на нихъ, и если они не отдадутъ себѣ отчета въ своемъ отягощеніи, то отъ этого имъ все-таки не легче. Когда же вся задача Финансовой науки перестанетъ заключаться въ томъ только, чтобы, говоря французскою пословицею, «ощипать курицу такъ, чтобы она не кричала»?

Сильное движеніе происходило въ Бельгій еще по поводу вопроса объ отмѣнѣ военной конскрипціи. Прошенія почти съ 72,000 подписей поданы въ палаты о томъ, чтобы насильственные рекрутскіе наборы по жеребью, навязанные намъ во время господства Французовъ, замѣнить добровольнымъ наборомъ, какой ведется въ Англіи. Съ экономической точки зрѣнія, очевидно нельзя одобрить систему насильственного рекрутскаго набора, безразлично принуждающую вступать въ военную службу молодыхъ людей, какъ склонныхъ и способныхъ къ ней, такъ и ни мало не склонныхъ и не способныхъ; съ точки зрѣнія естественнаго права сомнительно, слѣдуетъ ли возлагать на семейства, въ которыхъ есть молодые люди годные къ военной службѣ, всю тяжесть этой службы, установленной въ интересъ цѣлаго народа. Если бы лошади, необходимыя для ремонта кавалеріи, не покупались правительствомъ по добровольному условію, а набирались въ видѣ повинности; если бы всѣ владѣльцы лошадей принуждаемы были поставлять ихъ правительству за пустое вознагражденіе; если бы при томъ бѣдный крестьянинъ несъ эту подать наравнѣ съ богатымъ владѣльцемъ; если бы, отнимая у перваго его единственную и необходимую ему рабочую лошадь, у послѣдняго требовали только одну изъ множества лошадей, служащихъ его роскоши, да еще предоставляя ему право замѣнить ее дешевокупленную клячей, такая система не вызвала ли бы всеобщихъ

réforme douanière, en faveur de laquelle une propagande active a été organisée. Deuxièmement, la destruction des octrois ou douanes établies à l'entrée des villes. Ces douanes intérieures se sont énormément multipliées en Belgique. On estime qu'il y en a au moins 74, dans les villes et les bourgs, contenant environ un quart de la population. De nombreux projets ont été proposés pour l'abolition des octrois, et récemment l'Association pour la réforme douanière a nommé une commission pour examiner ces projets et trouver un système d'impôts qui puisse remplacer le plus commodément le système actuel. La principale difficulté à laquelle la réforme fait face, est l'augmentation excessive des dépenses publiques, provoquée en grande partie par l'existence même des octrois. Le fait est que ces douanes intérieures, comme tous les autres impôts indirects, ont l'avantage, extrêmement apprécié par les financiers à courte vue, de frapper les contribuables sans qu'ils s'en aperçoivent. Mais hélas ! les impôts retombent toujours sur eux, et qu'ils soient ou ne soient pas conscients de leur fardeau, le poids n'en est pas amoindri pour cela. Quand donc toute la tâche de la science financière cessera-t-elle de consister uniquement, pour reprendre un proverbe français, à « plumer la poule sans la faire crier » ?

Un fort mouvement s'est développé aussi en Belgique concernant la question de l'abolition de la conscription militaire. Des pétitions rassemblant près de 72 000 signatures ont été soumises aux Chambres pour demander que la conscription forcée par tirage au sort, qui nous a été imposée sous la domination des Français, soit remplacée par un recrutement volontaire, tel qu'il se pratique en Angleterre. Du point de vue économique, il est évidemment impossible d'approuver un système de recrutement forcé, qui oblige indifféremment les jeunes gens qui y sont disposés et capables, et ceux qui ne le sont pas du tout, à s'enrôler dans l'armée. Du point de vue du droit naturel, il est douteux que la totalité de la charge de ce service, établi dans l'intérêt du peuple tout entier, doive reposer sur les familles au sein desquelles se trouvent des jeunes gens aptes au service militaire. Si les chevaux nécessaires au recrutement de la cavalerie n'étaient pas achetés par le gouvernement sur une base volontaire, mais étaient recrutés par conscription ; si tous les propriétaires de chevaux étaient obligés de les fournir au gouvernement contre une récompense symbolique ; si en même temps le paysan pauvre supportait cet impôt à égalité avec le riche propriétaire ; si, en privant le premier de son seul et nécessaire cheval de trait, on n'exigeait du second qu'un seul des nombreux chevaux qui servent à son luxe, et même on lui donnait le droit de le remplacer à prix d'argent, un tel système ne susciterait-il pas des plaintes générales ?

жалобъ? Но неужели система, несправедливость которой кажется возмутительною въ примѣненіи къ лошадямъ, можетъ почитаться справедливою, когда примѣняется къ людямъ? Франклинъ удивительно хорошо постановилъ вопросъ о насильственномъ рекрутскомъ наборѣ въ слѣдующемъ замѣчаніи, которое было внушено ему насильственнымъ захватомъ матросовъ въ Англии. « Вопросъ, говорилъ онъ, состоитъ въ слѣдующемъ: справедливо ли, чтобы богатые принуждали бѣдныхъ сражаться за нихъ и за ихъ имущества и получать плату, какую богатымъ угодно будетъ назначить? » Однакожь ходатайство просителей было отвергнуто палатами; но вопросъ этотъ теперь на очереди и рано или поздно будетъ рѣшенъ согласно съ требованіями свободы и справедливости.

Еще другой вопросъ занимаетъ нашу журналистику. Это вопросъ объ обязательномъ воспитаніи. Законно ли и справедливо ли заставлять отцовъ семействъ давать своимъ дѣтямъ первоначальное образованіе, или должно въ этомъ отношеніи совершенно положиться на ихъ заботливость о существахъ, произведенныхъ ими на свѣтъ? Таковъ вопросъ. Благотворительный франкфуртскій конгрессъ, которому онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе, рѣшилъ его въ смыслѣ обязательнаго воспитанія, и многіе изъ нашихъ общинныхъ совѣтовъ, особенно совѣтъ мануфактурнаго города Гента, выразили такое же желаніе. Къ несчастью этотъ вопросъ имѣетъ большую важность въ Бельгіи, гдѣ несмотря на всѣ усилія распространить первоначальное образованіе, рабочія массы преданы постыдному невѣжеству. Изъ 40,000 молодыхъ людей, которые, достигши девятнадцати-лѣтняго возраста, должны вынимать рекрутскій жеребій, насчитывается не менѣе 13 или 14,000, то-есть около третьей части, не умѣющихъ ни читать, ни писать. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о плачевномъ небреженіи со стороны родителей, и дѣйствительно, можно поднять вопросъ, не слѣдуетъ ли принять строгихъ мѣръ противъ такого грубаго нарушенія родительскихъ обязанностей. Вопросъ этотъ былъ предметомъ подробныхъ обсужденій Въ *Économiste Belge*, гдѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ экономистовъ, г. Фредерикъ Пасси, защищалъ противъ редактора этого журнала дѣло необязательнаго воспитанія¹.

¹ По чувству весьма понятной деликатности, г. де-Молinari слишкомъ глухо отозвался объ этомъ спорѣ, который велъ онъ съ г. Пасси. Что касается до насъ, то мы, отдавая полную справедливость доброму источнику, изъ котораго вышли возраженія г. Пасси, считаемъ это дѣло рѣшеннымъ въ пользу обязательности первоначальнаго воспитанія и вполнѣ принимаемъ сторону нашего почтеннаго корреспондента. Читателямъ нашимъ

Mais un système dont l'injustice semble scandaleuse lorsqu'il est appliqué aux chevaux peut-il être considéré comme juste lorsqu'il est appliqué aux hommes ? Franklin a étonnamment bien résumé la question de la conscription forcée dans la remarque suivante, qui lui a été inspirée par l'enrôlement forcé des marins en Angleterre. « La question, dit-il, est la suivante : est-il juste que les riches obligent les pauvres à se battre pour eux et pour leurs biens et à recevoir pour cela le paiement qu'ils veulent bien leur donner ? » Cependant, la requête des pétitionnaires a été rejetée par les Chambres ; mais cette question est désormais passée au second plan et elle sera tôt ou tard résolue conformément aux exigences de la liberté et de la justice.

Une autre question occupe nos journaux. C'est la question de l'enseignement obligatoire. Est-il juste et légitime d'obliger les pères de famille à donner à leurs enfants une éducation primaire, ou doit-on à cet égard s'en remettre entièrement au souci qu'ils se font des créatures qu'ils ont mises au monde ? Telle est la question. Le Congrès de bienfaisance de Francfort, auquel elle fut soumise, l'a résolue dans le sens de l'enseignement obligatoire, et plusieurs de nos conseils communaux, notamment celui de la ville manufacturière de Gand, ont exprimé le même vœu. Malheureusement, cette question revêt une grande importance en Belgique, où, malgré tous les efforts déployés pour diffuser l'éducation primaire, les masses laborieuses sont abandonnées à une honteuse ignorance. Sur les 40 000 jeunes qui, ayant atteint l'âge de dix-neuf ans, doivent se présenter au recrutement, il n'y en a pas moins de 13 000 ou 14 000, soit environ un tiers, qui ne savent ni lire ni écrire. Ce fait témoigne d'une négligence déplorable de la part des parents, et l'on peut effectivement se demander s'il ne faudrait pas prendre des mesures strictes contre un manquement aussi flagrant à leurs devoirs. Cette question a fait l'objet de discussions approfondies dans *l'Économiste Belge*, où l'un des plus remarquables économistes français, M. Frédéric Passy, a défendu la cause de l'enseignement non obligatoire, contre le rédacteur en chef de cette revue. ¹

¹ Par un sentiment de délicatesse bien compréhensible, M. de Molinari ne s'étend pas davantage sur cette dispute qu'il a eue avec M. Passy. Quant à nous, tout en rendant pleinement justice à l'honnêteté et à la science qui ont suggéré les objections de M. Passy, nous considérons cette affaire tranchée en faveur du caractère obligatoire de l'enseignement primaire, et nous prenons pleinement le parti de notre honorable correspondant. Nos lecteurs savent à quel point nous accordons une grande valeur à la liberté individuelle et à l'autonomie de la société, et combien nous avons peu de sympathie pour toute réglementation forcée ; mais c'est précisément dans l'intérêt de cette liberté que les parents devraient être

Наконецъ, вы знаете, что Бельгія есть по преимуществу страна конгрессовъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ у насъ было ихъ до двѣнадцати: конгрессъ мира, два конгресса экономистовъ, конгрессъ благотворительности, конгрессъ статистическій, конгрессъ гомеопатовъ и пр. и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ международныхъ собраній не были лишены блеска. Эта спеціальность, выпавшая на долю Бельгіи, зависитъ впервыхъ отъ ея топографическаго положенія, ввторныхъ, и въ особенности, отъ совершенной свободы, съ которою мы можемъ выражать нашу мысль въ рѣчи и въ печати. Разумѣется мы очень рады тому, что люди науки и прогресса избираютъ нашу страну театромъ своихъ мирныхъ преній. Слишкомъ долго, къ несчастію, была она мѣстомъ встрѣчъ властителей, рѣшавшихъ свои распри. Провидѣніе какъ бы въ вознагражденіе за то, что прежде судило намъ вытерпѣть жестокія и бесполезныя столкновенія грубой силы, теперь радуется насъ зрѣлищемъ плодотворной борьбы разума, пекущагося объ улучшеніи судьбы людей. Мы благодаримъ Его за это и надѣемся, что отнынѣ одни воины науки будутъ дѣлать нашествіе на Бельгію. Такъ въ этомъ году (27 будущаго сентября) у насъ будетъ конгрессъ по вопросу о *собственности* художественной и литературной. Созваніе этого конгресса есть вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода публичное покаяніе съ нашей стороны, ибо Бельгія, какъ вы знаете, до послѣдняго времени была главнымъ мѣстомъ, гдѣ

извѣстно, какъ высоко ставимъ мы свободу лица и автономію общества, и какъ мало сочувствуемъ всякой насильственной регламентаціи; но именно въ интересѣ этой свободы должно желать, чтобы родители были обязаны не препятствовать своимъ дѣтямъ получать первоначальное обученіе тамъ, гдѣ есть даровыя и для всѣхъ доступныя школы. Въ благоустроенномъ обществѣ нельзя терпѣть, чтобы одинъ человѣкъ, каковы бы ни были права его относительно другаго, имѣлъ надъ нимъ безграничную власть. Если въ наше время невозможна та власть, какую римское право предоставляло отцу надъ жизнію дѣтей, если, по нашимъ понятіямъ, дѣти не могутъ считаться *собственностію* отца и при всей зависимости отъ него имѣютъ права, на которыя не можетъ посягать родительскій произволъ; то можно ли допустить, чтобы произволъ этотъ могъ уродовать и даже умерщвлять нравственныя основы человѣка? Ограждая физическое существованіе ребенка отъ насилія, хотя бы и родительскаго, не должны ли мы принять мѣры и къ огражденію нравственнаго существованія его? Даровыхъ и обязательныхъ школъ для первоначальнаго обученія требуетъ духъ нашей христіанской цивилизаціи, и великій интересъ личной и общественной свободы, ибо свобода должна состоять не въ возможности дѣлать другому насиліе, а прежде всего въ независимости человѣка отъ произвола другихъ. Скажемъ кстати, что недавно въ одномъ изъ англійскихъ колоніальныхъ парламентовъ, именно въ Австраліи, возникъ вопросъ объ этомъ предметѣ, и былъ рѣшенъ въ пользу обязательнаго обученія. *Ред*

Enfin, vous savez que la Belgique est le pays par excellence des congrès. En dix ans, nous en avons eu jusqu'à douze : un congrès de la paix, deux congrès des économistes, un congrès de bienfaisance, un congrès de statistique, un congrès d'homéopathie, etc., etc. Certaines de ces rencontres internationales n'ont pas été sans éclat. Cette spécialité, qui revient à la Belgique, est la conséquence, d'une part, de sa position géographique, et d'autre part, et surtout, de la liberté totale avec laquelle nous pouvons exprimer nos pensées oralement et par écrit. Bien entendu, nous sommes très heureux que les hommes de science et de progrès choisissent notre pays comme théâtre de leur débat pacifique. Car malheureusement, pendant trop longtemps, la Belgique a été le lieu de rencontre privilégié des chefs d'État, qui y résolvaient leurs différends. La Providence, comme pour nous récompenser du fait qu'auparavant nous étions destinés à endurer les affrontements cruels et inutiles de la force brute, nous accorde désormais le spectacle des luttes fructueuses de la raison, pour l'amélioration du sort des hommes. Nous l'en remercions et espérons que désormais seuls les guerriers de la science envahiront la Belgique. Ainsi, le 27 septembre prochain, nous aurons un congrès sur la question de la propriété artistique et littéraire. La convocation de ce congrès est en même temps pour nous une sorte de repentir public, car la Belgique, comme vous le savez, était jusqu'à récem-

obligés à faire donner à leurs enfants une éducation primaire là où il existe des écoles gratuites et accessibles à tous. Dans une société bien ordonnée, on ne peut tolérer qu'une personne, quels que soient ses droits par rapport à une autre, ait un pouvoir illimité sur elle. Si à notre époque le pouvoir que le droit romain accordait au père sur la vie des enfants est impossible ; si, selon nos conceptions, les enfants ne peuvent être considérés comme la propriété du père et, malgré toute leur dépendance à son égard, s'ils ont des droits sur lesquels l'arbitraire parental ne peut empiéter ; alors est-il possible de permettre à cet arbitraire de dégrader voire même d'annihiler les fondements moraux d'une personne ? Comme on protège l'existence physique d'un enfant contre la violence, même parentale, ne devrait-on pas prendre des mesures pour protéger son existence morale ? L'esprit de notre civilisation chrétienne et le grand intérêt de la liberté personnelle et sociale exigent des écoles gratuites et obligatoires pour l'éducation primaire, car la liberté ne doit pas consister pour une personne dans la capacité de faire violence à autrui, mais avant tout dans la liberté d'agir avec indépendance face à l'arbitraire des autres. Disons d'ailleurs que récemment, dans l'un des parlements coloniaux anglais, en Australie, un débat s'est engagé à ce sujet, et qu'il a été tranché en faveur de l'enseignement obligatoire. (*Note de l'éditeur.*)

перепечатывались произведенія иноземныхъ литературъ. Только въ 1852 году согласилась она заключить литературный договоръ съ Франціей, чтобъ положить конецъ перепечаткамъ, и мнѣ весьма пріятно сообщить вамъ, что эта справедливая мѣра не причинила никакого вреда нашей типографской промышленности, которую по видимому обрекала на жертву. Въ самомъ дѣлѣ никогда еще эта промышленность не была такъ дѣятельна какъ теперь. Вотъ новое доказательство, какъ всегда полезна бываетъ справедливость даже для тѣхъ, кому несправедливость по видимому была особенно выгодна. Два главные вопроса, которые будутъ предложены конгрессу, относятся: 1-й къ продолжительности срока, который должно назначить для собственности литературной и художественной; 2-й къ средствамъ для повсемѣстнаго распространенія этого права собственности, помощью гарантій, которыя должны быть ей предоставлены вездѣ на подобіе тѣхъ, какими пользуется собственность матеріальная. Конгрессъ, можно надѣяться, признаетъ, что эти оба рода собственности должны быть совершенно уравнены, и что отнять у человѣка, въ данный моментъ времени или въ извѣстномъ мѣстѣ, собственность книги или музыкальной піесы, имъ написанной, картины, которую онъ нарисовалъ, статуи, которую изваялъ, также несправедливо и бесполезно, какъ и отнять у него разработанное его руками поле или выстроенный имъ домъ. Мы раздѣлялись уже съ коммунизмомъ во всемъ, что касается матеріальной собственности, — будемъ же надѣяться, что скоро освободится отъ него и собственность умственная. Нашъ конгрессъ художественной и литературной собственности, безъ сомнѣнія, много подвинетъ этотъ вопросъ, и вотъ почему я обращаю на него вниманіе не только вашихъ писателей и художниковъ, но и всѣхъ любителей прекрасныхъ литературныхъ и артистическихъ произведеній, которыя еще болѣе размножатся, если авторы ихъ будутъ получать болѣе справедливое вознагражденіе.

Въ заключеніе этого слишкомъ длиннаго письма, хочу обратить вниманіе ваше на нѣкоторыя новыя экономическія сочиненія. Гилльюмень, дѣятельный и даровитый издатель *Журнала экономистовъ* (*Journal des économistes*) предпринимаетъ изданіе *Теоретическаго всеобщаго словаря торговли и мореплаванія* (*Dictionnaire Universel théorique et pratique du commerce et de la navigation*), предназначеннаго замѣнить *Dictionnaire du commerce et des marchandises*, *Словарь торговли и товаровъ*, который былъ изданъ имъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и въ которомъ статистическія данныя уже устарѣли. Этотъ новый *Словарь*, первый выпускъ котораго уже вышелъ, заключаетъ въ себѣ очеркъ коммерческой географіи, коммерческихъ обычаевъ различныхъ странъ, ихъ вѣсы, мѣры, монеты и проч. Нѣтъ надобности

ment le principal lieu de réimpression des œuvres de la littérature étrangère. Ce n'est qu'en 1852 qu'elle accepta de conclure un traité littéraire avec la France pour mettre fin à ces pratiques, et je suis très heureux de vous informer que cette juste mesure n'a causé aucun dommage à notre imprimerie, qu'elle condamnait soi-disant à l'extinction. En fait, jamais auparavant cette industrie n'a été aussi active qu'aujourd'hui. Voici qui prouve une nouvelle fois que la justice est toujours utile même à ceux à qui l'injustice semblait particulièrement bénéfique. Les deux principales questions qui seront proposées au Congrès sont : 1° la durée de la période qui doit être attribuée à la propriété littéraire et artistique ; 2° les moyens de diffusion universelle de ce droit de propriété, par des garanties qui puissent lui être accordées partout, semblables à celles dont jouit la propriété matérielle. On peut espérer que le Congrès reconnaîtra que ces deux sortes de propriété doivent être complètement égales, et que le fait de retirer à un homme, à un moment donné ou en un lieu déterminé, la propriété d'un livre ou d'un morceau de musique qu'il a écrit, d'un tableau qu'il a peint, d'une statue qu'il a sculptée, est un procédé aussi injuste et inutile que de lui enlever la propriété d'un champ aménagé par ses mains ou d'une maison construite par lui. Nous avons déjà aboli le communisme dans tout ce qui concerne la propriété matérielle, espérons que la propriété intellectuelle en sera bientôt libérée. Notre congrès de la propriété artistique et littéraire fera sans aucun doute faire beaucoup de progrès à cette question, et c'est pourquoi j'y attire l'attention non seulement de vos écrivains et de vos artistes, mais aussi de tous les amateurs de belles œuvres littéraires et artistiques, toutes œuvres qui se multiplieraient encore davantage si leurs auteurs en recevaient une rémunération plus juste.

En terminant cette trop longue lettre, je voudrais attirer votre attention sur quelques nouvelles publications économiques. Guillaumin, l'actif et doué éditeur du *Journal des économistes*, entreprend la publication du *Dictionnaire général théorique et pratique du commerce et de la navigation*, destiné à remplacer le *Dictionnaire du commerce et des marchandises*, qu'il a publié il y a vingt ans, et dont les données statistiques sont déjà périmées. Ce nouveau Dictionnaire, dont le premier volume a déjà été publié, contient un aperçu de la géographie commerciale, des coutumes commerciales des divers pays, de leurs poids, mesures, monnaies, etc. Il n'est pas nécessaire de

выставлятъ на видъ практическую пользу такой книги. Тотъ же издатель, подъ заглавіемъ: *Bibliothèque нравственныхъ и политическихъ наукъ* (*Bibliothèque des sciences morales et politiques*), издаетъ собраніе старыхъ и новыхъ сочиненій, предназначенныхъ для распространенія понятій политической экономіи и международного права. Здѣсь прежде всего останавливается вниманіе на полномъ собраніи сочиненій Бастіа, этого удивительнаго популяризатора, который сумѣлъ сдѣлать изъ политической экономіи, не во гнѣвъ будь сказано г. Тьеру¹, самую занимательную изъ отраслей литературы, и на различныхъ сочиненіяхъ Леона Фоше, особливо на его прекрасныхъ *Études sur l'Angleterre* (*Этюды объ Англіи*). Далѣе слѣдуютъ: *l'Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre* (*Опытъ о земледѣльческой экономіи Англіи*), г. Леонса де-Лаверня, писателя, который для агрономіи то же, что Бастіа для политической экономіи, и который сдѣлалъ ее привлекательною даже для самыхъ поверхностныхъ и легкомысленныхъ умовъ; *Manuel de morale et d'économie politique* (*Руководство нравственности и политической экономіи*) г. Рапе, сочиненіе, получившее академическую премію въ 10,000 франковъ, установленную г. Феликсомъ Божуромъ, и содержащее самое ясное и общедоступное изложеніе экономической науки въ приложеніи къ нравственности; *Le Traité des délits et des peines* (*Трактатъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ*) Беккари, съ комментаріями г. Фостина Эли, одной изъ знаменитостей Французской юриспруденціи; *le Précis du droit des gens modernes* (*Очеркъ современнаго международнаго права*) Мартенса съ примѣчаніями Пинейра Феррейра и историческимъ введеніемъ г. Шарля Верже, ученаго издателя бюллетеней Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. *Библиотека* Гилльйомена содержитъ еще многія не менѣ замѣчательныя сочиненія, а издатель общаетъ намъ и другія. Въ заключеніе укажу вамъ на книгу, исполненную знанія, оригинальности и того краснорѣчія, что выливается прямо изъ сердца. Это сочиненіе г. Виктора Модеста *О пауперизмъ во Франціи* (*Sur le Paupérisme en France*), составившаго себѣ имя лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ сочиненій о свободѣ хлѣбной торговли. Г. Викторъ Модестъ разсматриваетъ настоящее состояніе пауперизма, причины его и средства пособить ему. Онъ не подражаетъ писателямъ-соціалистамъ, не преувеличиваетъ зла; но не подражаетъ и консерваторамъ, то-есть не отрицаетъ и не

¹ Въ рѣчи своей о коммерческой системѣ Франціи, произнесенной въ 1851 году, г. Тьеръ, какъ извѣстно, объявилъ, что политическая экономія самая скучная изъ всѣхъ отраслей литературы. Но чѣмъ же занимался г. Тьеръ, когда писалъ свою замѣчательную книгу о собственности? Политическою экономіей.

démontrer l'utilité pratique d'un tel ouvrage. Le même éditeur, sous le titre : *Bibliothèque des sciences morales et politiques*, publie un recueil d'ouvrages anciens et nouveaux destinés à la diffusion des notions d'économie politique et de droit international. On trouve en particulier la collection complète des ouvrages de Bastiat, ce remarquable vulgarisateur qui, cela soit dit sans faire offense à M. Thiers¹, a su faire de l'économie politique la plus divertissante des branches de la littérature. Viennent ensuite divers ouvrages de Léon Faucher, notamment ses merveilleuses *Études sur l'Angleterre*. Citons encore : *l'Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre*, de M. Léonce de Lavergne, écrivain qui est à l'agronomie ce que Bastiat est à l'économie politique, et qui a rendu cette science attractive, même aux esprits les plus superficiels et les plus frivoles ; le *Manuel de morale et d'économie politique* de M. Rapet, essai qui a reçu un prix académique de 10 000 francs institué par M. Félix Beaujour, et qui contient la présentation la plus claire et la plus accessible de la science économique appliqué à la moralité ; le *Traité des Délits et des Peines* de Beccaria, avec des commentaires de M. Faustin Hélie, une des célébrités de la jurisprudence française ; le *Précis du droit des gens moderne* de Martens avec des notes de Pinheiro Ferreira et une introduction historique de M. Charles Vergé, le savant éditeur des bulletins de l'Académie des sciences morales et politiques. La bibliothèque de Guillaumin contient bien d'autres ouvrages tout aussi remarquables, et l'éditeur nous en promet d'autres. En conclusion, je vous indiquerai un livre plein de savoir, d'originalité et de cette éloquence qui vient directement du cœur. Il s'agit d'un essai de M. Victor Modeste sur le paupérisme en France, et qui est devenu le meilleur de tous les ouvrages que je connaisse sur la liberté du commerce des céréales. M. Victor Modeste examine l'état actuel du paupérisme, ses causes et les moyens d'y remédier. Il n'imité pas les écrivains socialistes, n'exagère pas le mal ; mais il n'imité pas non plus les conservateurs, c'est-à-dire qu'il ne le nie ni ne l'adoucit. Il se soucie avant tout de la

¹ Dans son discours sur le système commercial de la France, prononcé en 1851, M. Thiers, comme on le sait, déclarait l'économie politique la plus ennuyeuse de toutes les branches de la littérature. Mais que faisait M. Thiers lorsqu'il écrivait son merveilleux livre sur la propriété, sinon de l'économie politique ?

смягчаетъ его. Онъ заботится прежде всего объ истинѣ. Что же касается до средствъ, то онъ не требуетъ ихъ, какъ первые, отъ общественнаго переворота и поглощенія общества государствомъ, но и не раздѣляетъ мнѣнія другихъ, будто не нужно и будто опасно искать ихъ. Онъ находитъ ихъ вопервыхъ въ уничтоженіи всякаго рода препятствій, которыя еще мѣшаютъ плодотворному развитію человѣческой дѣятельности; далѣе, въ принципѣ *свободнаго застрахованія*, прилагаемаго ко всѣмъ причинамъ, производящимъ или усиливающимъ нищету. Однимъ словомъ, это произведеніе науки здравой и плодотворной, согрѣтой кромѣ того благороднымъ сочувствіемъ къ страждущимъ. Политическую экономію обвиняли въ недостатокъ человѣчности; но кто прочтетъ сочиненіе г. Модеста, тотъ убѣдится, что свойство политической экономіи, какъ науки разума, не мѣшаетъ ей быть и наукой сердца.

Вы видите, М. Г., что реакція, которой политическая экономія сдѣлалась неповинною жертвой, не привела экономистовъ въ уныніе; вы видите, что они продолжаютъ распространять свое ученіе съ тѣмъ горячимъ рвеніемъ, какое Провидѣніе вложило въ сердца людей, сознающихъ себя обладателями полезной истины. Безъ сомнѣнія, сѣмя это, бросаемое ими во всѣ стороны, взойдетъ не скоро; безъ сомнѣнія также, часть добраго сѣмени падетъ на каменистую почву; но не все же оно пропадетъ даромъ. Оно взойдетъ, быть можетъ медленно, но все же взойдетъ. Истина подобна сѣменамъ, найденнымъ въ ящикахъ египетскихъ мумій, сѣменамъ, которыя послѣ трехъ тысячъ лѣтъ, брошенныя въ землю, произвели еще роскошную жатву: истина, подобно имъ, одарена силой прозябенія, которую время не можетъ истребить. Она можетъ быть заглушена плевелами предрасудковъ или утопій, она можетъ быть зарыта въ могилу реакцій; но возвратите ей не много воздуха и солнца, не много свободы-этого воздуха и солнца истины, и она снова будетъ питать человѣчество! Когда народы, наскучивъ утопіями, когда правительства, утомясь стѣсненіями, стануть искать новыхъ началъ, которыя впредь должны будутъ направлять шествіе обществъ, пусть откроютъ они тогда книги экономистовъ; въ нихъ они найдутъ тѣ плодотворныя сѣмена всего справедливаго и полезнаго, которымъ предназначено нѣкогда взойти и принести плоды на благо чело вѣчеству.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

vérité. Quant aux moyens, il ne les trouve pas, comme les premiers, dans une révolution sociale et dans l'absorption de la société par l'État, mais il ne partage pas non plus l'opinion des autres selon laquelle il n'est pas nécessaire et qu'il est même dangereux d'améliorer leur sort. Il les trouve, d'abord, dans la destruction de toutes sortes d'obstacles qui gênent encore le développement fécond de l'activité humaine ; en outre, dans le principe de l'assurance gratuite, appliqué à toutes les causes qui produisent ou augmentent la pauvreté. En un mot, c'est une œuvre de science solide et féconde, animée d'ailleurs par une noble sympathie pour les masses souffrantes. L'économie politique a été accusée de manquer d'humanité ; mais qui lit l'ouvrage de M. Modeste sera convaincu que la qualification de l'économie politique comme science de l'esprit, ne l'empêche pas d'être aussi une science du cœur.

Vous voyez, M. G., que la réaction, dont l'économie politique a été l'innocente victime, n'a pas conduit les économistes au découragement ; vous voyez qu'ils continuent à répandre leur enseignement avec le même zèle ardent que la Providence a mis dans le cœur des gens qui se reconnaissent comme les détenteurs d'une vérité utile. Sans doute, cette graine, lancée par eux dans toutes les directions, ne germera pas de sitôt ; sans aucun doute aussi, une partie des bonnes graines tombera sur un sol rocheux ; mais tout cela ne sera pas vain. Le champ mûrira, peut-être lentement, mais il mûrira néanmoins. La vérité est comme les graines trouvées dans les boîtes des momies égyptiennes, graines qui, jetées en terre, après trois mille ans, ont produit une nouvelle récolte plantureuse : la vérité, comme elles, est dotée du pouvoir de croître, que le temps ne peut détruire. Elle peut être noyée par les mauvaises herbes des préjugés ou de l'utopie, elle peut être enterrée dans la tombe par la réaction ; mais donnez-lui un peu d'air et de soleil, un peu de liberté, cet air et ce soleil de la vérité, et elle nourrira encore l'humanité ! Quand les peuples, lassés des utopies, quand les gouvernements, fatigués de l'arbitraire, se mettront à rechercher de nouveaux principes pour guider la marche des sociétés, qu'ils ouvrent alors les livres des économistes ; ils y trouveront ces graines fécondes pour tout ce qui est juste et utile, graines qui sont destinées à ne jamais germer et à porter leurs fruits pour le bien de l'humanité.

GUSTAVE DE MOLINARI.

Брюссель, 25 іюля 1858 г.

Преданъ и экономической міръ въ жертву анархіи? Представляетъ ли онъ, какъ это утверждаютъ регламентаторы и социалисты, хаосъ, ожидающій своего проясненія отъ руки бюрократа, или отъ слова пророка? Или же, какъ утверждаютъ экономисты, экономической міръ такъ же, какъ міръ Физической, управляется естественнымъ закономъ равновѣсія, который поддерживаетъ въ немъ порядокъ и возстановляетъ его, когда возмущающія причины нарушаютъ этотъ порядокъ? Въ этомъ, какъ вы знаете, состоитъ существенный вопросъ, о которомъ уже почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія спорить школа регламентаторовъ, сверху или снизу, и школа приверженцевъ свободы. Съ обѣихъ стороны, въ подтвержденіе своего подложія, ссылаются на Факты и приводятъ примѣры. Кризисы, которые отъ времени до времени возмущаютъ и опустошаютъ экономическій міръ, не могли не попасть въ число самыхъ явныхъ доказательствъ разлада интересовъ, не могли не послужить самымъ убѣдительнымъ доводомъ противъ системы свободы *laissez faire*. Фурье, Луи Бланъ и за ними социалисты употребляли ихъ и злоупотребляли ими въ своихъ возгласахъ противъ свободной конкуренціи и стараго общества. Съ своей стороны и писатели-протекціонисты, гг. Феррье, де-Сент-Шаманъ и въ заключеніе г. Кери, американскій противникъ Рикардо и Мальтуса, указывали на кризисы, какъ на неопровержимое доказательство, противъ свободной торговли. Однакожъ, изучая кризисы вблизи и, въ особенности, послѣдній кризисъ 1857 г., сильнѣйшій и наиболѣе распространенный изъ всѣхъ, какимъ когда-либо подвергались міровая промышленность и торговля, изучая ихъ ближе, мы замѣтимъ въ нихъ яснѣе, чѣмъ въ обычныхъ фактахъ экономической жизни народовъ, печать того закона равновѣсія, порядка и гармоній, который «естественно» управляетъ людскими обществами, несмотря на всѣхъ социалистовъ и протекціонистовъ вмѣстѣ. Взглянемъ, въ самомъ дѣлѣ, на то, что случилось. Кризисъ раздражается подъ вліяніемъ разнаго рода возмущающихъ причинъ; подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго увеличенія государственныхъ расходовъ, причиненныхъ войною; подъ вліяніемъ повторявшихся неурожаевъ, развитія роскоши, излишества кредита, умноженія и безразсуднаго расширенія предприятий и проч. Все это такого рода возмущающія причины, которыя содѣйствуютъ нарушенію равновѣсія между запросомъ и предложеніемъ капиталовъ. Въ періодъ, предшествовавшій взрыву кризиса, Финансовая атмосфера тяжела, какъ атмосфера земная

Bruxelles, le 25 juillet 1858

Le monde économique est-il livré à l'anarchie ? Représente-t-il, comme le prétendent les réglementaires et les socialistes, un chaos demandant à être organisé par la main d'un bureaucrate ou par la parole d'un prophète ? Ou bien, comme l'affirment les économistes, le monde économique, tout comme le monde physique, est-il régi par la loi naturelle de l'équilibre, qui y maintient l'ordre et le rétablit lorsque des causes perturbatrices viennent à le déranger ? Il s'agit, comme vous le savez, d'une question essentielle sur laquelle se disputent depuis presque un siècle l'école des réglementaires, dans ses variétés, et l'école des partisans de la liberté. De part et d'autre, on cite, à l'appui de son opinion, certains faits, et on donne certains exemples. Les crises qui, de temps à autre, perturbent et dévastent le monde économique, ne peuvent manquer de figurer parmi les preuves les plus évidentes d'une opposition des intérêts, et elles ne peuvent que servir d'argument le plus convaincant contre le système de la liberté ou du laissez-faire. Fourier, Louis Blanc et les socialistes après eux les ont utilisés et en ont même abusé dans leur lutte contre la libre concurrence et la vieille société. De leur côté, les écrivains protectionnistes, MM. Ferrier, de Saint-Chamans et enfin M. Carey, l'opposant américain à Ricardo et Malthus, ont cité les crises comme des preuves irréfutables contre le libre-échange. Cependant, en étudiant de près les crises et, en particulier, la dernière crise de 1857, la plus forte et la plus étendue de toutes celles auxquelles l'industrie et le commerce mondiaux aient jamais été soumis, en les étudiant de plus près, on y remarquera plus clairement que dans les faits ordinaires de la vie économique des peuples, le sceau de cette loi d'équilibre, d'ordre et d'harmonie, qui régit « naturellement » les sociétés humaines, malgré ce que tous les socialistes et les protectionnistes soutiennent. Jetons donc un coup d'œil sur ce qui s'est passé. La crise a éclaté sous l'influence de diverses causes : sous l'influence de l'augmentation excessive des dépenses publiques provoquée par la guerre ; sous l'influence de mauvaises récoltes répétées, du développement du luxe, de l'excès de crédit, de la multiplication et de l'expansion inconsidérée des entreprises, etc. Autant de facteurs de risque qui ont contribué au déséquilibre entre la demande et l'offre de capital. Dans la période précédant le déclenchement de la crise, l'atmosphère financière était lourde, comme l'atmosphère

передъ грозой. Множество предприятий, начатыхъ на удачу, безъ достаточныхъ капиталовъ, тяготеютъ надъ рынкомъ, мучимыя недугомъ, который силится скрыть; пускаются въ ходъ всевозможныя уловки, чтобы замаскировать, все болѣе и болѣе явную, несоразмѣрность предпринятыхъ дѣлъ съ средствами, какими располагаютъ для ихъ поддержанія. Товары закупаются, на примѣръ, на срокъ, не столько въ видахъ барышей, какіе можно получить отъ нихъ, сколько съ тою цѣлью, чтобы перепродать ихъ и представивъ къ учету билеты или расписки, полученныя въ уплату, добыть себѣ тотчасъ же средство поправить свои дѣла. Такимъ образомъ запросъ на товары увеличивается искусственно, цѣны поднимаются, производство усиливается, задѣльная плата возвышается, всюду раскрывается лихорадочная дѣятельность, и признаки благосостоянія бросаются всѣмъ въ глаза. Но въ глубинѣ кроется недугъ и наступаетъ минута, когда становится уже невозможнымъ скрывать его. Какое-нибудь изъ этихъ предприятий, безъ мѣры раз множенныхъ духомъ спекуляцій, истощивъ всѣ свои средства и весь кредитъ свой, наконецъ падаетъ. Въ паденіи своемъ оно увлекаетъ другія, и разстройство, переходя отъ одного къ другому, становится всеобщимъ. Это кризисъ. Но управляетъ ли слѣпой случай и самымъ ходомъ этого кризиса, вызваннаго рядомъ случайностей, ошибокъ или безразсудныхъ дѣйствій? Нисколько. Самое это возмущающее явленіе имѣетъ свои законы, опредѣляющіе его естественный ходъ, и, чудное дѣло, недугъ исцѣляется самъ собою, врачбною силою самой природы. Кредитъ, слишкомъ расширившійся, сокращается. Множество предприятий, образовавшихся при капиталѣ недостаточномъ и поддерживавшихся только безпрестанно возобновляемыми займами, подъ видомъ учета, рушатся, какъ только учетные банки ограничиваютъ даваемый ими кредитъ. Остальныя уменьшаютъ свое производство, столько же по причинѣ временной дороговизны капиталовъ или трудности доставать ихъ, сколько вслѣдствіе уменьшенія запроса на произведенія. Такимъ образомъ число предприятий, которыя нужно поддерживать, быстро сокращается, и остающаяся не нуждающаяся уже въ такомъ количествѣ капиталовъ, потому что производство ихъ менѣе значительно. Итакъ нарушенное равновѣсіе между запросомъ и предложениемъ капиталовъ восстанавливается само собою; вслѣдствіе этого сокращенія запроса кризисъ прекращается, и все возвращается къ своему нормальному теченію. Однакожь естественнымъ слѣдствіемъ безразсудныхъ дѣйствій и крайностей, породившихъ кризисъ, является реакція въ противоположную сторону. Теперь осторожность уже доводится до крайности, и робость на нѣкоторое время заступаетъ мѣсто излишней смѣлости.

terrestre avant un orage. De nombreuses entreprises, lancées par hasard, sans capitaux suffisants, planaient sur le marché, tourmentées par une maladie qu'elles tentaient en vain de cacher. Toutes sortes d'astuces étaient employées pour masquer la disproportion de plus en plus évidente entre les entreprises et les moyens disponibles pour les soutenir. Les marchandises étaient achetées, par exemple, à terme, non pas tant pour la sorte de profit que ces opérations produisent, mais dans le but de les revendre et de soumettre à l'escompte les billets ou reçus reçus en paiement, et d'obtenir immédiatement un moyen d'améliorer sa situation. Ainsi, la demande de biens augmente artificiellement, les prix augmentent, la production s'intensifie, les salaires augmentent, une activité fébrile se révèle partout et les signes de prospérité sont évidents pour tous. Mais au plus profond se cache la maladie et vient un moment où il devient impossible de la cacher. Une de ces entreprises, après avoir crû outre mesure par l'esprit de spéculation, ayant épuisé tous ses fonds et tout son crédit, finit par tomber. Dans sa chute, elle en emporte d'autres, et le marasme, passant de l'un à l'autre, devient universel. C'est une crise. Mais un parfait hasard contrôle-t-il le cours même de cette crise, provoquée par une série d'accidents, d'erreurs ou d'actions imprudentes ? Pas du tout. Ce phénomène très inquiétant a ses propres lois qui déterminent son évolution naturelle et, miraculeusement, la maladie se guérit d'elle-même, par le pouvoir guérisseur de la nature elle-même. Le crédit, trop étendu, se contracte. De nombreuses entreprises, constituées avec un capital insuffisant et soutenues uniquement par des prêts constamment renouvelables, sous couvert d'escompte, s'effondrent dès que les banques d'escompte limitent le crédit qu'elles accordent. Les autres réduisent leur production, autant en raison du coût temporairement élevé des capitaux ou de la difficulté de les obtenir, qu'en raison d'une diminution de la demande pour les produits. Ainsi, le nombre d'entreprises à soutenir se réduit rapidement, et les entreprises restantes n'ont plus besoin d'une même quantité de capital, car leur production est moins importante. Ainsi, l'équilibre perturbé entre la demande et l'offre de capital se rétablit de lui-même. Grâce à cette réduction de la demande, la crise prend fin et tout reprend son cours normal. Cependant, la conséquence naturelle des actions imprudentes et des abus qui ont donné naissance à la crise est une réaction dans la direction opposée. Maintenant, la prudence est poussée à l'extrême, et la timidité remplace pendant un certain temps l'excessive témérité.

Статистика является на помощь политической экономіи, чтобъ осызательнѣе представить необходимое сдѣленіе явленій всякаго кризиса между собою. Такъ за излишествомъ производства и торговли, чрезмѣрно возбужденныхъ искусственнымъ запросомъ, послѣдовало замедленіе производства и торговли. Въ Англій, на примѣръ, итогъ вывоза въ продолженіи пяти первыхъ мѣсяцевъ равнялся только 43.226.371. р. ст., вмѣсто 30. 198.541 ф. ст. Соотвѣтствующаго періода послѣдняго года, и списки таможеннаго управленія всѣхъ другихъ странъ свидѣтельствуютъ также о болѣе или менѣе значительномъ уменьшеніи вывоза сравнительно съ цифрами прошедшаго года. Съ другой стороны, каково положеніе банковъ? Капиталы, осужденные на бездѣйствіе, со всѣхъ сторонъ стекаются въ ихъ кассы, и цифра учетовъ ихъ понизилась чрезвычайно. Такъ Французскій банкъ, имѣвшій въ началѣ іюля 1857 года въ кассѣ болѣе 262 миллионѣвъ наличными деньгами, въ этомъ году въ то же время имѣлъ 528 миллионѣвъ, между тѣмъ какъ сумма векселей въ его портфель понизилась отъ 585 миллионѣвъ на 393. Тщетно понижали банки свой учетный процентъ и старались снова сдѣлать кредитъ легко доступнымъ. Запросъ на капиталы оставался незначителенъ, потому что предпріятія, потерпѣвшая отъ кризиса, еще не возвратились къ своей прежней дѣятельности, а на образованіе новыхъ не рѣшались, пока торговая почва еще не совершенно окрѣпла.

Конечно природа прибѣгаетъ къ грубому средству для ограниченія излишка предпріятій, и кризисы, которые отъ времени до времени предають разрушенію предпріятія излишнія и сложившіяся на непрочныхъ основаніяхъ, можно сравнить съ тѣми бичами, о которыхъ говоритъ Мальтусъ; бичи эти голодь, заразы и пр., которые появляются для пониженія уровня чрезмѣрно размножившагося народонаселенія. Но грубое ли, или нѣтъ, средство это дѣйствительно, и количество, равно какъ и размѣры предпріятій, несмотря ни на какія хитрости, неизбѣжно уменьшаются до степени, соразмѣрной съ капиталомъ, какимъ они могутъ располагать для своего поддержанія; такъ точно народонаселеніе, умножившись до излишества, приводится дѣйствіемъ подавляющихъ препятствій къ уровню средствъ, какими располагаетъ для своего пропитанія. Безъ сомнѣнія лучше было бы предупреждать кризисы, препятствуя чрезмѣрному размноженію предпріятій, такъ же какъ было бы лучше предупреждать дѣйствіе излишней смертности, умѣряя развитие народонаселенія, убѣждая людей производить на свѣтъ только существа, которыхъ средства къ существованію уже достаточно обезпечены. Другими словами, нужно было бы побороть и заглушить въ

Les statistiques viennent à l'appui de l'économie politique et présentent de manière plus tangible l'interconnexion nécessaire des phénomènes de toute crise. Ainsi, à l'excès de production et d'échanges, surexcités par une demande artificielle, a succédé un ralentissement de la production et des échanges. En Angleterre, par exemple, le total des exportations pendant les cinq premiers mois s'est élevé à seulement 43 226 371. l. st., au lieu de 30 198 541 l. st. dans la période correspondante de l'année précédente, et les relevés de l'administration douanière de tous les autres pays témoignent également d'une diminution plus ou moins significative des exportations par rapport aux chiffres de l'année précédente. En revanche, dans quelle position sont les banques ? Les capitaux condamnés à l'inaction ont afflué de toutes parts dans leurs caisses, et le montant de l'escompte a énormément chuté. Ainsi, la Banque de France, qui au début de juillet 1857 ne disposait que de 262 millions de liquidités, disposait cette année à la même époque de 528 millions, tandis que le montant des effets en portefeuille baissait de 585 millions à 393 millions. En vain les banques ont abaissé leurs taux d'escompte et ont essayé de rendre le crédit à nouveau facile d'accès. La demande de capitaux est restée insignifiante, car les entreprises qui avaient souffert de la crise n'avaient pas encore repris leurs activités antérieures et n'osaient en créer de nouvelles tant que la situation commerciale n'était pas apaisée.

Certes, la nature recourt à des moyens violents pour limiter les excédents des entreprises, et les crises qui détruisent de temps à autre les entreprises excédentaires et celles établies sur des bases fragiles, peuvent être comparées à ces fléaux dont parle Malthus ; ces fléaux tels que la famine, les épidémies, etc., qui abaissent le niveau d'une population excessivement multipliée. Mais qu'il soit grossier ou non, ce moyen est utile, et le nombre aussi bien que la taille des entreprises, malgré toutes les manœuvres, se réduit progressivement jusqu'à atteindre le degré proportionné au capital qu'elles peuvent employer ; de même que la population, ayant augmenté excessivement, se réduit par l'action des obstacles, jusqu'au niveau des moyens disponibles pour la subsistance. Sans aucun doute, il vaudrait mieux prévenir les crises en empêchant la prolifération excessive des entreprises, tout comme il vaudrait mieux prévenir les effets d'une mortalité inutile en modérant le développement de la population, en persuadant les hommes de ne donner la vie qu'à des créatures dont les moyens de subsistance sont déjà suffisamment disponibles. En d'autres termes, il faudrait vaincre et éradiquer tout

зародышъ все, что можетъ возмутить порядокъ, установленный природою, какъ для размноженія предпріятей, так и для размноженія людей. Но не забудьте, что причины эти лежатъ въ невѣжествѣ, дурныхъ страстяхъ и въ недостаткѣ предусмотрительности людей. Такъ за новое дѣло берутся, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній о средствахъ, необходимыхъ для поддержанія его, или не задавая себѣ вопроса, не подвергаются ли въ такомъ дѣлѣ средства эти, если даже удастся добыть ихъ, слишкомъ большому риску; такъ среди обширнаго развитія частныхъ предпріятей, начатыхъ съ увѣренностію въ продолженіи мира, вдругъ вспыхиваетъ война, требуя, совершенно неожиданно, части капиталовъ, необходимыхъ для поддержанія мирныхъ предпріятей; такъ, наконецъ, и самыя стихій, которыя человѣкъ не могъ еще достаточно покорить своей волѣ, увеличиваютъ собою число возмущающихъ причины, и скудная жатва, напримѣръ, производя дороговизну на предметы, необходимые для жизни, уменьшаетъ потребленіе произведеній, для жизни менѣе необходимыхъ, и замедляетъ сбереженіе капиталовъ. Какая же общественная организація, какая регламентація, сверху ли или снизу идущая, можетъ совершенно исключить эти возмущающія причины? Какой образъ правленія можетъ похвалиться тѣмъ, что сдѣлаетъ людей всегда благоразумными, экономными, предусмотрительными, всегда предохранить ихъ отъ искушеній роскоши и безразсудныхъ спекуляцій? Какой образъ правленія можетъ дать намъ всегда неизмѣнны и времена года, всегда одинаковыя жатвы? Ни соціалисты, ни регламентаторы не могутъ имѣть власти уничтожить причины, возмущающія экономической порядокъ, и, какъ мы сейчасъ видѣли, порядокъ этотъ, который нарушается, увы! боль шею частію отъ безразсудства людей, природа возстановляетъ мудрою строгостію своихъ законовъ.

Мы сейчасъ сказали, что за кризисами обыкновенно слѣдуетъ періодъ разслабленія, что за излишнимъ довѣріемъ и чрезмѣрнымъ развитіемъ предпріятей наступаетъ, по естественному дѣйствию реакцій, неменѣе излишняя робость и нерѣшительность на затрату капиталовъ для новыхъ предпріятей, или на возстановленіе прежнихъ предпріятей въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они существовали до кризиса. Этотъ періодъ разслабленія, предшествукъ шій возобновленію дѣлъ, бываетъ болѣе или менѣе продолжителенъ, смотря по тому, какъ силенъ былъ кризисъ. Никто слѣдовательно не могъ ожидать, чтобы люди принялись за дѣла тотчасъ же вслѣдъ за кризисомъ 1857 года, самымъ труднымъ и наиболѣе распространеннымъ изъ всѣхъ, какіе когда-либо поражали промышленный мірі; однакожь вотъ уже скоро шесть мѣсяцевъ, какъ потрясеніе прошло, почва окрѣпла,

ce qui pourrait perturber l'ordre établi par la nature, tant pour la multiplication des entreprises que pour la multiplication des hommes. Mais n'oubliez pas que ces phénomènes découlent de l'ignorance, des mauvaises passions et du manque de prévoyance des hommes. Ils se lancent donc dans une nouvelle entreprise sans disposer d'informations suffisantes sur les fonds nécessaires pour la soutenir, ou sans se demander si dans une telle entreprise ces fonds, même s'ils peuvent être obtenus, ne seront pas exposés à un trop grand risque. Ainsi, au milieu d'un grand développement des entreprises privées, commencé avec confiance sous le règne de la paix, tout à coup la guerre vient à éclater, réclamant, de manière tout à fait inattendue, une partie des capitaux nécessaires au maintien des affaires de la paix. De même, les éléments mêmes, que l'homme ne peut pas encore suffisamment soumettre à sa volonté, ajoutent aux causes perturbatrices, et une maigre récolte, par exemple, rendant plus cher les choses nécessaires à la vie, réduit la consommation des produits moins nécessaires à la vie, et ralentit la formation du capital. Quelle organisation sociale, quelle régulation, qu'elle vienne d'en haut ou d'en bas, peut éliminer complètement ces causes perturbatrices ? Quelle forme de gouvernement peut se vanter de rendre les gens toujours sages, économes, prudents, en les garantissant toujours des tentations du luxe et de la spéculation téméraire ? Quel type de gouvernement nous donnera toujours les mêmes saisons, la même récolte ? Ni les socialistes ni les réglementaires ne peuvent avoir le pouvoir de détruire les causes qui perturbent l'ordre économique, et, comme nous venons de le voir, cet ordre dérangé par l'insouciance se rétablit dans la douleur, par les mesures sévères mais utiles de la nature.

Nous venons de dire que les crises sont généralement suivies d'une période de repli, et qu'à une confiance excessive et à un développement excessif des entreprises succède, comme une réaction naturelle, une timidité et une indécision tout aussi excessives dans l'emploi des capitaux pour de nouvelles entreprises ou pour le soutien des entreprises existantes, par rapport aux montants qui étaient les leurs avant la crise. Cette période de repli, qui précède la reprise de l'activité, peut être plus ou moins longue selon la gravité de la crise. Personne ne pouvait donc s'attendre à ce que les gens se remettent au travail immédiatement après la crise de 1857, la plus difficile et la plus étendue de toutes celles qui aient jamais frappé le monde industriel. Pourtant, cela fait presque six mois que le choc est passé, que le sol s'est renforcé et qu'ils n'osent toujours pas bâtir du

а созидать все еще не рѣшаются, какъ будто боясь новаго землетрясенія. Откуда же эти опасенія, замедляющія возобновленіе дѣль долге, чѣмъ можно было предвидѣть? Гдѣ причины. этихъ опасеній?

Хотя собственно предметъ моей корреспонденціи вопросы и факты экономическіе; однакожь между событіями політическими и экономическими существуетъ связь до такой стегени тѣсная, что я по необходимости долженъ касаться и политическіхъ вопросовъ. Слава Богу, политика уже не составляетъ *rem sacram*, и когда люди, управляющіе ею, способствуютъ своими ошибками къ усиленію критическаго положенія дѣль, очень позволительно указать на всю важность ихъ ошибокъ, также, какъ указываются ошибки свойственныя всѣмъ смертнымъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Очевидно, что если истощеніе, обычное слѣдствіе кризисовъ, тянется на этотъ разъ долѣе обыкновеннаго, если возобновленіе дѣль всюду замедляется, то этому виной политика.

Существенное назначеніе правительствъ состоитъ въ доставленіи народамъ безопасности, въ обезпеченіи каждому собственности и свободы располагать собою и своимъ имуществомъ; однимъ словомъ, правительства суть *производители* безопасности. Но необходимо замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ производство развивается въ большихъ размѣрахъ, по мрѣ того, какъ большая промышленная предаріятія замѣняютъ собою мелкія, возрастаетъ и потребность въ безопасности. Мелкія предприятия, затрачивающія только небольшой капиталъ, который, слѣдовательно, можетъ быть скоро реализованъ, и имѣющія только весьма ограниченный рынокъ для сбыта, не требуютъ, чтобы безопасность ихъ гарантирована была на долгое время и на большомъ пространствѣ. Для устройства ихъ достаточно лишь нѣкоторой доли безопасности мѣстной и временной. Но не такъ бываетъ съ большими предприятиями. Предположимъ, напримѣръ, желѣзную дорогу, долженствующую войти въ составъ огромной сѣти международныхъ сообщеній, или же мануфактуру, толькочто заводимую, или рудники, за разработку которыхъ принимаются, рассчитывая на сбытъ за границу; очевидно, что для такихъ огромныхъ предприятий необходима большая доля безопасности, какъ относительно пространства, такъ и относительно времени. Надо, во первыхъ, чтобы они могли вполне рассчитывать на продолжительный сбытъ сообщеній или сбыта, въ виду которыхъ они образовались; во вторыхъ, нужно, чтобы они могли рассчитывать на Пользованіе, довольно продолжительное для того, чтобы выплатить значительный капиталъ, который они должны были собрать. Итакъ имъ необходима безопасность въ обширной сферѣ и на продолжительный срокъ. Имъ необходимо достаточное обезпеченіе противъ опасности внутреннихъ переворотовъ и

nouveau, comme s'ils avaient peur d'un nouveau tremblement de terre. D'où vient cette inquiétude, qui ralentit la reprise de l'activité au-delà de ce qui aurait pu être anticipé ? Quelles sont les raisons de ces peurs ?

Bien que le sujet réel de ma correspondance soit les questions et les faits économiques, il existe un lien si étroit entre les événements politiques et les événements économiques que je dois nécessairement aborder ici ceux-ci comme ceux-là. Grâce à Dieu, la politique ne constitue plus un domaine interdit, et lorsque certaines décisions fausses participent à renforcer la situation critique du monde, il est bien permis de souligner l'importance de ces erreurs, erreurs qui sont d'ailleurs un fait majeur pour l'humanité, et qui se retrouvent partout. Il est évident que si l'inertie, conséquence habituelle des crises, dure cette fois plus longtemps qu'à l'accoutumé, si la reprise des affaires est partout ralentie, c'est la faute à des décisions politiques.

Le but essentiel des gouvernements est d'assurer la sécurité de la population, d'assurer à chacun la propriété et la liberté de disposer de sa personne et de ses biens ; en un mot, les gouvernements sont des producteurs de sécurité. Mais il faut remarquer qu'à mesure que la production se développe sur une plus grande échelle et que les grandes entreprises industrielles remplacent les petites, le besoin de sécurité augmente également. Les petites entreprises, n'utilisant qu'un maigre capital, écoulant leurs produits rapidement, et n'ayant qu'un marché de vente très limité, n'ont pas besoin que leur sécurité soit garantie pendant une longue période et sur une vaste échelle. Pour les former, seule une certaine sécurité locale et temporaire suffit. Mais ce n'est pas le cas des grandes entreprises. Supposons, par exemple, un chemin de fer qui doit faire partie d'un vaste réseau de communications internationales, ou une usine de fabrication qui vient tout juste de démarrer, ou l'extraction minière qui se développe dans l'espoir d'un écoulement à l'étranger. Il est évident que des entreprises aussi gigantesques nécessitent une large sécurité, tant dans l'espace que dans le temps. Il faut, en premier lieu, qu'elles puissent pleinement compter sur la durée des communications ou des ventes en vue desquelles elles ont été constituées ; d'autre part, il faut qu'elles puissent produire sur une durée de temps assez longue pour rembourser le large capital qu'elles ont dû collecter. Elles ont donc besoin de sécurité sur une vaste échelle et pour un temps long. Elles ont besoin d'être suffisamment protégées contre le danger de coups d'État internes et de guerres externes, et sont prêtes à payer un

внѣшнихъ войнъ, хотя бы пришлось платить за это большую *премію* тѣмъ, кто омы доставляетъ это обезпеченіе. Но въ безопасности этой нынѣ снова чувствуется недостатокъ; хотя премія, за нее выплачиваемая, увы, увсанчивается съ каждымъ день. Пять или шесть лѣтъ тому назадъ, знаменитый статистикъ, недавнюю потерю котораго оплакиваетъ наука, баронъ Реденъ, цѣнилъ доходъ всѣхъ европейскихъ провительствъ въ 6.800.000.000 франковъ. Другой замѣчательный статистикъ, г. Шемен-Долонтент, очень недавно, въ *Journal des Économistes*, оцѣнимъ этотъ доходъ въ 7.380.000.000. Итакъ вотъ въ нѣсколько лѣтъ увеличение почти въ 500 милліоновъ, не считая займовъ, къ которымъ съ нѣкотораго времени такъ часто прибѣгала большая часть правительствъ. Но не должно забывать, что въ мирное время добрая треть доходовъ правительствъ поглощается расходами на войска сухопутныхъ и морскія, и почти цѣлая треть идетъ на уплату процентовъ долга, которому начало вездѣ положила война. Къ этому надо еще прибавить, что, особенно въ теченій послѣднихъ десяти лѣтъ, всѣ приращенія расходовъ шли на ту же статью. Во Франціи, напримѣръ, сравнивая бюджетъ 1848 года (прошедшій въ 1847 году) съ бюджетомъ 1858 года, въ военномъ министерствѣ находимъ мы увеличение расходовъ въ 37 милліоновъ, а въ морскомъ министерствѣ въ 11.774.000. Въ статью долга увеличение еще болѣе громадно: проценты государственнаго долга въ бюджетѣ 1848 года простирались до 384.346.191 франка, а въ бюджетѣ 1838 года до 330.473.698 Франк., надо замѣтить, что въ этотъ промежутокъ превращеніе рентъ уменьшило на 18 милліоновъ процентъ долга. Итакъ въ десять лѣтъ увеличеніе дошло до 164 милліоновъ, и долгъ этотъ, который скоро достигнетъ размѣровъ англійскаго долга, если дѣла будутъ идти тѣмъ же порядкомъ, въ особенности увеличенъ былъ, какъ вы знаете, военными издержками.

Во всей Европѣ, даже въ нашей маленькой Бельгіи, нейтралитетъ которой обезпеченъ трактатами, военныхъ издержки возрасли до необычайности; теперь всюду народы платятъ, чтобы застраховать себя отъ войны, премію гораздо болѣе той, какую платили десять лѣтъ тому назадъ. И однакожь миръ отъ этого не болѣе обезпеченъ, а напротивъ менѣе. Это потому, что война не то, что пожаръ, съ которымъ, впрочемъ, она имѣетъ такъ много сходства, Вы можете сколько угодно увеличивать число пожарныхъ трубъ, отъ этого не будетъ ни однимъ пожаромъ болѣе, ибо здѣсь приготовленія, служащая къ спасенію отъ опасности, не способствуютъ увеличенію самой опасности. Между тѣмъ какъ, умножая число своихъ войскъ, увеличивая количество военныхъ запасовъ, число пушекъ, бомбъ, ядеръ, вы тѣмъ самымъ усили-

prix élevé à ceux qui assurent cette sécurité. Mais aujourd'hui, cette sécurité fait à nouveau défaut, bien que la prime payée pour cet objet aille, hélas, chaque jour en augmentant. Il y a cinq ou six ans, le célèbre statisticien dont la science pleure la récente perte, le baron Reden, évaluait les revenus de tous les gouvernements européens à 6 800 000 000 fr. Très récemment, un autre brillant statisticien, M. Chemin-Dupontès, dans le *Journal des Économistes*, estimait ce revenu à 7 380 000 000 fr. Ainsi, en quelques années, on a enregistré une augmentation de près de 500 millions, sans compter les emprunts auxquels la plupart des gouvernements ont si souvent eu recours depuis quelques temps. Mais il ne faut pas oublier qu'en temps de paix, un bon tiers des revenus des gouvernements est absorbé par les dépenses liées aux forces terrestres et navales, et près d'un tiers va au paiement des intérêts de la dette, qui partout a fait suite à la guerre. Il faut ajouter à cela que, surtout au cours des dix dernières années, toutes les augmentations de dépenses ont été affectées au même poste. En France, par exemple, en comparant le budget de 1848 (voté en 1847) avec celui de 1858, on constate au ministère de la Guerre une augmentation de dépenses de 37 millions, et au ministère de la Marine de 11 774 000. Au poste de la dette, l'augmentation est encore plus considérable : les intérêts de la dette nationale s'élèvent dans le budget de 1848 à 384 346 191 fr., et dans le budget de 1858 à 330 473 698 fr. Il faut noter que durant cette période la conversion des rentes a réduit la dette de 18 millions. Ainsi en dix ans l'augmentation se monte à 164 millions, et cette dette, qui atteindra bientôt le montant de la dette anglaise, si les choses continuent sur le même pied, fut surtout accrue, comme vous le savez, par les dépenses militaires.

Partout en Europe, et même dans notre petite Belgique, dont la neutralité est assurée par les traités, les dépenses militaires ont augmenté d'une manière extraordinaire. Aujourd'hui, dans tous les pays, les populations paient pour s'assurer contre la guerre une prime bien plus élevée qu'il y a dix ans. Et pourtant, le monde n'en est pas plus sûr, il l'est au contraire moins. En effet, la guerre n'est pas comme l'incendie, avec lequel elle présente pourtant tant de similitudes. Vous pouvez augmenter le nombre des bouches d'incendie autant que vous le souhaitez, cela ne provoquera pas l'incendie, car les aménagements qui vous servent à éloigner le danger, ne contribuent pas à l'accroître. À l'inverse, en multipliant le nombre de vos troupes, en augmentant la quantité de matériel militaire, le nombre d'armes à feu, de bombes, de boulets de canon, vous

ваете рискъ вашихъ сосѣдей; вы уменьшаете ихъ безопасность тѣми мѣрами, которыя вы принимаете для увеличенія вашей собственной. Пожарные ваши горять жеманіемъ отличиться, праздность тяготитъ ихъ, и надо же отъ времени до времени воспламенять какой-нибудь пожаръ, чтобъ пожарнымъ доставить славу погасить его, а трубамъ не дать заржавѣть... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Россія возбуждала опасенія Европы и заставляла всюду увеличивать количество пожарныхъ и умножать трубы. Теперь опасность уже не съ той стороны. Россія, слава Богу, вступила на плодотворную стезю мирныхъ преобразованій. Теперь уже не страшатся болѣе ея завоевательнаго и воинственнаго духа и перестали бояться, чтобона не возмутила спокойствія всего міра для увеличенія владѣній, и безъ того слишкомъ обширныхъ. Теперь довѣряютъ ея мирнымъ намѣреніямъ, и довѣріе это увеличивается до мѣрѣ того, какъ она болѣе и болѣе предается заботамъ объ улучшеніи своего внутренняго устройства. Но не всѣ великія державы послѣдовали примѣру Россіи, и если предметъ опасеній измѣнился, то сами опасенія отъ этого не уменьшились. Они теперь имѣютъ два главныхъ источника: положение Италіи и положение Франціи.

Италію не безъ причины сравниваютъ съ Везувіемъ; это обширный складъ легко воспламеняемыхъ веществъ, всякую минуту готовыхъ произвести взрывъ и вырваться наружу потоками лавы, сквозь трещины снаряда, ихъ сжимающаго. Кто же расположилъ ежедневно нарастающими слоями на почвѣ Италіи этотъ необдѣланный революціонный матеріаль? Демагогія ли, духъ ли мятежа и безпорядка, всегда бывшій язвою италіянскихъ республикъ? Я не большой охотникъ до демагогіи и очень хорошо знаю, что жители Италіи, какъ всѣ жители юга, далеко не удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ нравственности, но тѣмъ не менѣе думаю я, что еслибы правительства, тяготящая нынѣ надъ Италей, захотѣли разобрать дѣло по совѣсти, имъ пришлось бы обвинить прежде самихъ себя, чѣмъ демагогію и природную неукротимость народонаселенія. Канцлеръ Оксенштирна говаривалъ, что требуется лишь доля мудрости для управленія людьми. Но можно ли сказать, что италіянскія правительства обладаютъ этою маленькою долей мудрости? Можно ли сказать, что владычество ихъ сносно для народа даровитаго и образованнаго? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кобденъ, по возвращеніи своемъ изъ Италіи, говорилъ намъ, что во время путешествія всего болѣе поразило его прекрасное умственное и нравственное развитие высшихъ классовъ тамошняго народонаселенія. По словамъ его, онъ нигдѣ не нашель болѣе просвѣщеннаго и умнаго дворянства и высшей буржуазіи. Другой Фактъ, который также не мѣшаетъ

augmentez par cela même le risque de guerre de vos voisins ; vous réduisez leur sécurité par les mesures que vous prenez pour augmenter la vôtre. Vos pompiers ont envie de se distinguer, l'oisiveté leur pèse, et de temps en temps il faut allumer une sorte d'incendie pour leur offrir la gloire de l'éteindre, et éviter que les canalisations ne rouillent... Il y a de cela quelques années, la Russie a suscité les craintes de l'Europe et a obligé tous les pays à augmenter le nombre de pompiers et à multiplier les bouches d'incendie. Désormais, le danger ne se présente plus de ce côté-là. La Russie, Dieu merci, s'est engagée dans la voie fructueuse des réformes pacifiques. Désormais, on ne craint plus son esprit conquérant et guerrier, on ne craint plus qu'elle ne trouble la paix du monde entier pour accroître ses possessions déjà trop étendues. Désormais, on fait confiance à ses intentions pacifiques, et cette confiance augmente à mesure qu'elle se consacre de plus en plus au souci d'améliorer ses institutions intérieures. Mais toutes les grandes puissances n'ont pas suivi l'exemple de la Russie, et si la forme des craintes a changé, les craintes elles-mêmes n'ont pas diminué. Elles viennent désormais de deux sources principales : de l'Italie d'un côté, et de la France d'un autre.

Ce n'est pas sans raison qu'on compare l'Italie au Vésuve. L'un comme l'autre représentent de vastes entrepôts de substances hautement inflammables, prêtes à exploser à tout moment et à jaillir en jets de lave à travers les fissures de la montagne qui les comprime. Qui a placé cette matière première révolutionnaire en différentes couches sur le sol italien ? Est-ce la démagogie, ou l'esprit de rébellion et de désordre, qui a toujours été le fléau des républiques italiennes ? Je ne suis pas un grand partisan de la démagogie et je sais très bien que les habitants de l'Italie, comme tous les habitants du sud, sont loin de satisfaire à toutes les exigences de la morale ; mais je pense néanmoins que si les gouvernements qui pèsent aujourd'hui lourdement sur l'Italie voulaient régler l'affaire en conscience, ils devraient d'abord reconnaître qu'ils en sont les premiers responsables, et que la démagogie et l'indomptabilité naturelle de la population ne viennent qu'ensuite dans l'échelle des causes. Le chancelier Oxenstiern avait l'habitude de dire qu'il suffisait d'un peu de sagesse pour gouverner les hommes. Mais peut-on dire que le gouvernement italien possède ce peu de sagesse ? Peut-on dire que son règne peut être qualifié de supportable pour un peuple doué et instruit ? Il y a quelques années, Cobden, à son retour d'Italie, nous racontait que pendant son voyage, ce qui l'avait le plus frappé était l'excellent développement intellectuel et moral des classes supérieures de la population locale. Selon lui, on ne trouvait nulle part une noblesse et une haute bourgeoisie plus éclairées et plus intelligentes. Un autre

привести, состоитъ въ томъ, что политическая экономія, колыбелью которой была Италія, всегда пользовалась и пользуется тамъ большимъ уваженіемъ, и кромѣ туземныхъ изданій, каково собраніе экономистовъ, предпринимаемое г. Феррара, Италія считается однимъ изъ лучшихъ рынковъ для сбыта Французскихъ политико-экономическихъ сочиненій. Справьтесь у г. Гильйомена, и онъ скажетъ вамъ, что въ Туринѣ, въ Римѣ и Неаполѣ расходится гораздо большее количество его изданій, чѣмъ въ Лионѣ, въ Бордо или въ Марсели. Скажите же мнѣ, даетъ ли политическая стема, хоть напримѣръ неаполитанскаго правительства, образованнымъ и просвѣщеннымъ сословіямъ достаточныя гарантіи свободы? Могутъ ли люди, сознающіе свое достоинство и права свои, понимающіе свое равенство въ умственномъ и нравственномъ образованіи съ цвѣтомъ народонаселенія въ свободныхъ странахъ, могутъ ли, говорю я, такіе люди сносить терпѣливо и безъ раздраженія систему управленія, главная сила которой заключается въ шпионствѣ и въ ценсурѣ? Можетъ ли въ Папской области, гдѣ администрація, предоставленная духовенству, неспособностію и испорченностію своею такъ блистательно подтверждаетъ общій законъ раздѣленія труда, гдѣ необходимость отдѣленія духовной власти отъ свѣтской доказывается на всякомъ шагу, можетъ ли тамъ правительство стать болѣе, чѣмъ въ Неаполѣ, на высоту своего назначенія? Наконецъ не старалось ли всѣми средствами въ Ломбардіи австрійское владычество, и безъ того уже антипатичное италіянскому народу, стать какъ можно болѣе ненавистнымъ? Пока Австрія не попала въ такое запутанное финансовое положеніе, матеріальные интересы Ломбардіи еще щодились. Налоги тамъ были умѣренные и оттого сельскіе жители, напримѣръ, неслишкомъ жаловались на австрійское владычество. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ намоги возрастаютъ безпрестанно, и Ломбардія въ буквальномъ смыслѣ слова стала дойною коровою для Австрій. Но выносимо ли для угнетеннаго народа сознаніе, что онъ доставляетъ своимъ завоевателямъ большую часть тѣхъ средствъ, съ помощію которыхъ они его угнетаютъ? Какъ же странѣ, управляемой такимъ образомъ, странѣ, гдѣ какъ будто нарочито стараются затрогивать самые дорогие интересы, самыя прочныя чувства народа, предки котораго были повелителями міра, и который вовсе не такъ выродился, какъ это утверждаютъ, какъ же такой странѣ не быть революціоннымъ гнѣздомъ и источникомъ постоянныхъ опасеній для всей Европы? ч го касается до Франціи, то ея положеніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ Италіи. Въ послѣднее время система угнетенія была доведена тамъ до послѣднихъ предѣловъ. По распоряженію правительства, высланы были тысячи подозрительныхъ людей,

fait, qu'il n'est pas inutile de mentionner, est que l'économie politique, dont le berceau a été l'Italie, y a été entourée et y est encore entourée d'un grand respect, et outre les publications nationales, comme la collection des économistes organisée par Ferrara, l'Italie se présente comme l'un des meilleurs marchés pour la vente des ouvrages d'économie politique français. Renseignez-vous auprès de M. Guillaumin, il vous dira qu'un nombre beaucoup plus grand de ses publications se vendent à Turin, à Rome et à Naples, qu'à Lyon, Bordeaux ou Marseille. Or le système politique, par exemple celui du gouvernement napolitain, offre-t-il des garanties suffisantes de liberté aux classes instruites et éclairées ? Les gens qui sont conscients de leur dignité et de leurs droits, qui aspirent à parvenir au niveau des principaux pays libres en matière d'éducation intellectuelle et morale, peuvent-ils supporter patiemment et sans irritation un système de gouvernement fondé sur l'espionnage et sur la censure ? Dans les États pontificaux, où l'administration est laissée au clergé, règne l'incapacité et la corruption, ce qui démontre brillamment la loi générale de la division du travail, et la nécessité de la séparation du pouvoir spirituel et du pouvoir séculier. Enfin, la domination autrichienne en Lombardie, déjà antipathique au peuple italien, n'a-t-elle pas essayé par tous les moyens de devenir aussi détestée que possible ? Jusqu'au moment où l'Autriche se retrouva dans une situation financière très embarrassée, les intérêts matériels de la Lombardie étaient bien protégés. Les impôts y étaient modérés et c'est pourquoi les habitants des campagnes, par exemple, ne se plaignaient pas trop de la domination autrichienne. Mais depuis quelques années, la richesse ne cesse de croître et la Lombardie est littéralement devenue une vache à lait pour l'Autriche. Or comment un peuple opprimé peut-il rester paisible lorsqu'il se rend compte qu'il fournit à ses conquérants l'essentiel des moyens avec lesquels il est opprimé ? Comment un pays peut-il être gouverné de cette manière ? Et ce pays, où l'on semble vouloir délibérément blesser les intérêts les plus sensibles, les plus durables, se souvient de ses ancêtres qui ont été les dirigeants du monde et il n'est pas du tout aussi dégénéré qu'on le prétend ; comment donc un tel pays pourrait-il être autre chose qu'un nid révolutionnaire et une source de peur constante pour toute l'Europe ? Quant à la France, sa situation ressemble quelque peu à celle de l'Italie. Dernièrement, le système d'oppression y a été poussé jusqu'à ses dernières limites. Sur ordre du gouvernement, des milliers de personnes suspectes ont été expulsées, sans aucune formalité légale. Les journaux ont été privés

безъ всякихъ законныхъ формальностей; у журналистики Стнята была и та небольшая доля свободы, какою она еще пользовалась; дѣло дошло даже до того, что частные разговоры подвергались контролю. Не удивительно, если образованные классы общества припомнятъ, что она провели 15 лѣтъ подъ сѣнью реставрацій, 18 лѣтъ при июльскомъ правительствѣ, и отъ нихъ не требовали подобныхъ жертвъ? Удивительно ли, что эти классы будутъ недовольны системой, заставляющаго ихъ возвратиться къ эпохѣ до 89 года? Если же образованнѣйшіе классы недовольны, то правительству приходится искать себѣ опоры въ чемънибудь другомъ. Оно знаетъ, что старая страсть къ завоеваніямъ не погасла еще въ массахъ; оно знаетъ, что старая закваска ненависти къ иностранцамъ, и въ особенности къ Англичанамъ все еще бродитъ тамъ; оно знаетъ, что тысячи молодыхъ Офицеровъ его войскъ жаждутъ войны, которая бы доставила имъ повышение и почести. Поэтому-то оно льститъ воинственнымъ наклонностямъ Франціи, сотрясаетъ въ ней военную фибру и тѣмъ самымъ неизбежно производитъ безпокойство и опасеніе и замедляетъ возобновленіе торговой дѣятельности. Вотъ какъ политическія ошибки отзываются въ экономическомъ мірѣ! Вотъ какъ правительства, специальное назначеніе которыхъ состоитъ въ доставленіи народамъ безопасности, могутъ нарушать эту безопасность, если будутъ слѣдовать ложнымъ системамъ и воображать, что стѣсненіе, такъ же какъ и пушки, есть *ultima ratio regum*; вотъ какъ сами пожарные могутъ разжигать пожары!

Итакъ мы, ближайшіе сосѣди Франціи, провели нѣсколько мѣсяцевъ подъ вліяніемъ постоянного страха. Общественное вниманіе было отвлечено отъ экономическихъ вопросовъ и поглощено заботами всемірной политики. Займетъ ли Франція своими войсками Италію, или овладѣетъ Бельгіей? Или же она приведетъ въ исполненіе знаменитый проектъ высадки въ Англію, долженствующій вознаградить ее за поражение при Ватерлоо? Увы! таковы были вопросы, стоявшіе на первомъ планѣ, и каждый разъ, когда на горизонтѣ показывалась черная точка, всѣ глаза обращались въ ту сторону, стараясь открыть тамъ предвѣстія бури.

Впрочемъ Французское правительство наконецъ замѣтило, что эта политика до крайности доведеннаго угнетенія, принятая имъ вслѣдствіе покушенія 14-го января, сдѣлалась источникомъ всеобщей тревоги, и было на столько разсудительно, что отказалось отъ этой системы, замѣнивъ ее внутри государства болѣе умѣренною политикою и придавъ въ то же время внѣшней политикѣ болѣе миролюбивый характеру. Но оно не уменьшило своихъ боевыхъ приготовленій, напротивъ того! и теперь, оно приступаетъ къ торжественному открытому обширныхъ сооруженій, превратившихъ Шербургъ въ первоклассную крѣпость.

du peu de liberté dont ils jouissaient encore ; on en est même arrivé au point où les conversations privées ont été soumises à des contrôles. N'est-il pas surprenant que les classes instruites de la société se souviennent qu'elles ont passé 15 ans sous l'ombre de la restauration, 18 ans sous le gouvernement de Juillet, et qu'on ne leur a pas demandé de tels sacrifices ? Est-il surprenant que ces classes soient mécontentes du système politique qui les oblige à revenir à l'époque d'avant 1789 ? Si les classes instruites ne sont pas satisfaites, le gouvernement doit chercher ses soutiens ailleurs. Il sait que la vieille passion des conquêtes ne s'est pas encore éteinte parmi les masses ; il sait que le vieux levain de haine envers les étrangers, et surtout envers les Anglais, y fermente encore ; il sait que des milliers de jeunes officiers de ses troupes ont soif d'une guerre qui leur apporterait promotion et honneur. C'est pourquoi il flatte les vellétés guerrières de la France, encourage la fibre militaire en elle et crée ainsi inévitablement de l'anxiété et de la peur autour de lui, ce qui ralentit la reprise de l'activité commerciale. C'est ainsi que les erreurs politiques ont des conséquences dans le monde économique ! C'est ainsi que les gouvernements, dont le but premier est d'assurer la sécurité des populations, peuvent blesser cette sécurité s'ils suivent de faux systèmes et s'imaginent que la contrainte, comme les armes, est l'*ultima ratio regum* ; c'est ainsi que les pompiers eux-mêmes peuvent déclencher des incendies !

Nous, les plus proches voisins de la France, avons passé plusieurs mois sous l'emprise d'une peur constante. L'attention du public a été détournée des questions économiques et absorbée par les préoccupations de la politique internationale. La France occupera-t-elle l'Italie avec ses troupes, ou prendra-t-elle possession de la Belgique ? Ou bien réalisera-t-elle le fameux projet de débarquement en Angleterre, destiné à la dédommager de sa défaite de Waterloo ? Hélas ! Telles étaient les questions qui dominaient, et chaque fois qu'un point noir apparaissait à l'horizon, tous les regards se tournaient dans cette direction, essayant d'y découvrir les signes avant-coureurs d'une tempête.

Mais le gouvernement français a fini par s'apercevoir que cette politique d'oppression extrême, qu'il avait adoptée à la suite de la tentative d'assassinat du 14 janvier, était devenue une source d'inquiétude générale et il se montra si prudent qu'il abandonna ce système pour le remplacer à l'intérieur par une politique plus modérée et plus généreuse. Dans le même temps, sa politique étrangère prit un tour plus pacifique. Mais il n'a pas réduit ses armements, bien au contraire ! et aujourd'hui on inaugure solennellement les vastes constructions qui font de Cherbourg une forteresse de premier ordre.

Шербургъ же есть не что иное, какъ угроза Англій. Англичане, въ свою очередь, должны увеличить въ равной мѣрѣ свои боевыя средства. Они постараются завести постоянный флотъ въ каналъ, какъ противодѣйствіе шербургскимъ укрѣпленіямъ. Такимъ образомъ около милліонаФунтовъ стерл, нужно будетъ прибавить къ бремени ежегодныхъ военныхъ издержекъ Великобританіи. Вотъ еще лишній милліонъ, которымъ отягощена будетъ англійская промышленность и торговля для того, чтобы покрыть увеличившійся рискъ вторженія или войны.

Дѣло о суднѣ *Regina Coeli* было одною изъ тѣхъ черныхъ точекъ, о которыхъ я только что говорилъ. Судно это занималась перевозомъ болѣе или менѣе добровольныхъ переселенцевъ съ африканскаго берега на французскій островъ Соединенія. Переселенцы эти возмутились, овладѣли судномъ и сдались потомъ англійскому крейсеру. Вотъ тотъ Фактъ, который подалъ, поводъ къ такой жаркой и ѣдкой полемикѣ между англійскими и французскими журналами: первые утверждали, что Франція воскресила невольничество подъ видомъ системы наймовъ, вторые разыгрывали разныя варіяціи на старую тему о коварствѣ Англии и возводили на нее упреки въ ложной филантропіи. Въ то же время Англія затѣвала съ Соединенными Штатами не менѣе жаркую, хотя и не столь опасную для все, общаго мира, ссору, по поводу торговли неграми и права осмотра кораблей. Вопросъ о невольничествѣ и о дѣйствительности тѣхъ средствъ, которыя употреблены были для его уничтоженія, сталъ такимъ образомъ снова вопросомъ современнымъ, и поэтому вы позволите мнѣ поговорить подробнѣе объ этомъ столь важномъ вопросѣ, представляющемъ, впрочемъ, кромѣ того особенный интересъ для страны, гдѣ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія въ настоящее время стоитъ на первомъ планѣ.

Вамъ не безызвѣстно, что въ самой Англійи усилія и пожертвованія, требуемая уже въ теченіи столь долгого времени этимъ дѣломъ правды и человѣколюбія, извѣстнымъ подъ именемъ уничтоженія невольничества, произвели утомленіе и упадокъ бодрости. Не разъ уже, напримѣръ, всѣ пользующіеся наибольшимъ довѣріемъ органы англійской печати, съ *Times* во главѣ, требовали отозванія крейсеровъ, содержимыхъ столь дорогою цѣною у береговъ Африки для воспрепятствованія торгу невольниками. Не разъ также выставяема была огромность и вмѣстѣ бесполезность пожертвованій, которыя приняла на себя Англія съ цѣлью уничтоженія невольничества. За пламенною ревностью, за неутомимою дѣятельностью Уильберфорсовъ, Кларксоновъ, Фауэллеръ-Бекстоновъ и другихъ великихъ проповѣдниковъ аболіціонизма, послѣдовала глубокая апатія и сильное уныніе.

Cherbourg n'est rien d'autre qu'une menace pour l'Angleterre. Les Anglais, à leur tour, doivent augmenter leurs moyens militaires dans la même mesure. Ils tenteront d'établir une flotte permanente dans le Détroit en guise de contre-mesure aux fortifications de Cherbourg. Ainsi, environ un million de livres devront être ajoutées au fardeau des dépenses militaires annuelles de la Grande-Bretagne. Voilà un million supplémentaire dont l'industrie et le commerce anglais seront grevés pour couvrir le risque accru d'invasion et de guerre.

L'affaire du *Regina Coeli* fut l'un de ces points de crispation dont je viens de parler. Ce navire avait pour mission de transporter des immigrants plus ou moins volontaires depuis les côtes africaines jusqu'à l'île française de la Réunion. Ces immigrants se révoltent, prennent possession du navire puis se présentent devant un croiseur anglais. C'est ce qui a donné lieu à une polémique aussi vive que caustique entre les journaux anglais et français : les premiers affirmaient que la France avait ressuscité l'esclavage sous couvert d'un système de contrats, les seconds jouèrent diverses variations sur le vieux thème de la perfidie de l'Angleterre et soulevèrent des accusations de fausse philanthropie contre elle. Dans le même temps, l'Angleterre entamait une querelle tout aussi vive, bien que moins dangereuse pour la paix mondiale, avec les États-Unis, au sujet de la traite des Noirs et du droit d'inspecter les navires. La question de l'esclavage et de la réalité des ressources qui ont été employées pour son éradication est redevenue une question contemporaine, et c'est pourquoi vous me permettez de l'étudier ici, d'autant qu'elle doit être d'un intérêt d'autant plus grand pour votre pays, qu'il s'occupe aujourd'hui de l'abolition d'une autre forme d'asservissement.

Il règne actuellement en Angleterre une grande lassitude, un grand découragement au sujet des efforts et des sacrifices que nécessite depuis si longtemps cette entreprise de justice et d'humanité que l'on nomme l'abolition de l'esclavage. Maintes fois, par exemple, les organes les plus accrédités de la presse anglaise, le *Times* en tête, ont demandé le rappel des croisières entretenues à si grands frais à la côte d'Afrique pour empêcher la traite ; maintes fois encore on a fait ressortir l'immensité et l'inutilité des sacrifices que l'Angleterre s'est imposée pour arriver à l'abolition de l'esclavage. Au zèle brûlant, à l'ardeur infatigable des Wilberforce, des Clarkson, des Fowell-Buxton et des autres grands apôtres de l'abolitionisme ont succédé une apathie profonde et un amer découragement.

И въ самомъ дѣлѣ въ теченіе полулѣтка, прошедшаго съ тѣхъ поръ, какъ Англія приступила къ уничтоженію торговли неграми и невольничества, результаты, какихъ она достигла, далеко не вознаградили принесенныхъ ею жертвъ. Дѣло дошло до того, что привелось задать себѣ вопросъ, не лучше ли бы было и для самихъ негровъ, еслибъ европейскія правительства не принимали такого дѣятельнаго участія въ великомъ крестовомъ походѣ аболиціонизма.

Усилія аболиціонистовъ, какъ вы знаете, сосредоточились сперва на уничтоженіи торгова неграми, Англія запретила его въ своихъ владѣніяхъ въ 1807 году, и съ этого времени она неусыпно заботилась объ усрѣшности мѣръ, принятыхъ противъ этого позорнаго торгова. 8 февраля 1815 года она пригласила державы, имѣвшія представителей на вѣнскомъ конгрессѣ, высказаться противъ торгова неграми¹. Въ 1848 году она снова подняла вопросъ о прекращеніи торгова неграми на Ахенскомъ конгрессѣ, а позднѣе въ 1822 году на Веронскомъ конгрессѣ. Наконецъ она рѣшилась содержать постоянную эскадру у африканскихъ береговъ, для преслѣдованія неготорговческихъ судовъ, и заключила съ большею частію европейскихъ державъ договоры и условія для облегченія крейсерамъ надзора. Такъ, 30 ноября 1831 года, она подписала су Франціей договоръ, постановляющій, что крейсера обѣихъ націй могутъ пользоваться правомъ осмотра судовъ, подозрѣваемыхъ въ торговлѣ неграми, хотя бы даже они укрывались подъ англійскимъ и Французскимъ Флагомъ. Сверхъ того, 20 декабря 1841 года, подписанъ былъ между Франціей, Англіей, Австріей, Пруссіей и Россіей, договоръ, имѣвшій цѣлю усилить и расширить конвенцію, закаточенную въ 1831 году.

¹ Въ этой знаменитой деклараціи было сказано, что торговъ неграми противенъ всѣмъ началамъ нравственности и чловѣколюбія, что обществнное мнѣніе во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ громко требуетъ уничтоженія этого торгова: что по парижскому трактату Англія и Франція въ 1814 году приняли на себя обязательство употребить всѣ усилія, чтобъ убѣдить всѣ христіянскія державы провозгласить всемірное и окончательное уничтоженіе торгова неграми; что вслѣдствіе стараній, употребленныхъ ими для исполненія этого обязательства, уполномоченные европейскихъ державъ, собравшіяся на конгрессѣ, объявляютъ желаніе своихъ государей положить конецъ злу, бичующему Африку, унижающему Европу и оскорбляющему все чловѣчество, что, впрочемъ, этою деклараціей они нисколько не думаютъ опредѣлить время, въ какое каждая держава должна окончательно прекратить у себя торговъ неграми; что назначеніе срока для всемірнаго прекращенія этого торгова будетъ предметомъ условій между державами, которыхъ это касается, но что ни одно изъ средствъ, могущихъ ускорить приближеніе этого срока, не должно быть оставлено безъ вниманія.

C'est qu'en effet depuis un demi-siècle que l'Angleterre s'est mise à l'œuvre pour abolir la traite et l'esclavage, les résultats qu'elle a obtenus sont loin d'avoir compensé les sacrifices qu'elle s'est imposés. Les choses en sont venues au point qu'on a pu se demander si, dans l'intérêt des nègres eux-mêmes, il n'aurait pas mieux valu que les gouvernements européens se fussent abstenus de prendre part à la grande croisade de l'abolitionisme.

On sait que les efforts des abolitionnistes se sont concentrés d'abord sur la suppression de la traite. L'Angleterre a aboli la traite en 1807, et depuis cette époque elle n'a pas cessé d'agir pour rendre effective la suppression de cet infâme trafic. Le 8 février 1815, elle provoquait une déclaration des puissances représentées au congrès de Vienne, contre la traite¹ ; en 1818, elle posait de nouveau cette question au congrès d'Aix-la-Chapelle et plus tard, en 1822, au congrès de Vérone. Enfin, elle se décidait à maintenir une escadre en permanence sur la côte d'Afrique pour y faire la chasse aux négriers, et elle concluait avec la plupart des puissances de l'Europe des traités ou des conventions destinés à faciliter la surveillance des croiseurs. C'est ainsi que le 30 novembre 1831, elle signait avec la France une convention stipulant que les croiseurs des deux nations pourraient exercer le droit de visite sur les navires suspects de traite, soit qu'ils se couvrirent du pavillon anglais ou du pavillon français ; c'est ainsi encore qu'un traité destiné à renforcer et à étendre la convention de 1831, fut signé le 20 décembre 1841 entre la France, l'Angleterre, l'Autriche, la Prusse et la Russie. Ce traité, ratifié par les quatre

¹ Cette déclaration célèbre portait que la traite répugne aux principes généraux de la morale et de l'humanité ; que l'opinion publique, dans tous les pays civilisés, en réclame hautement la prompte suppression ; que par le traité de Paris, l'Angleterre et la France ont pris, en 1814, l'engagement d'employer leurs efforts pour amener toutes les puissances de la chrétienté à proclamer l'abolition universelle et définitive de la traite ; que par suite des démarches faites sous l'empire de cet engagement, les plénipotentiaires des puissances européennes, réunies en congrès, déclarent que le désir de leurs souverains, est de mettre un terme au fléau qui désole l'Afrique, avilit l'Europe et afflige l'humanité ; que, par cette déclaration, ils n'entendent rien préjuger quant à l'époque à laquelle chaque puissance en particulier abolira définitivement la traite ; que la fixation du terme pour la cessation universelle de la traite sera matière à négociations entre les puissances que cet objet concerne ; mais qu'aucun des moyens propres à hâter ce moment ne devra être négligé.

Договоръ этотъ, ратификованный четырьмя послѣдними изъ упомянутыхъ державъ, 19 Февраля 1842 года, не былъ однакоже ратификованъ Франціей и сталъ сильнымъ оружіемъ для оппозицій во Французскихъ палатахъ. Намѣренія Англіи были искажены, ее обвинили въ желаніи употребить право осмотра для того, чтобы стѣснять и затруднять торговлю другихъ морскихъ державъ и упрочить за собою «монополію или господство на морѣ». Эги увѣренія могли бы еще имѣть какое-нибудь вѣроятіе, еслибъ Англія, условливаясь о томъ, чтобы подозрительныя суда могли подлежать осмотру англійскихъ крейсеровъ, захотѣла освободить свои собственныя торговыхъ суда отъ осмотра со стороны иностранныхъ крейсеровъ. Но этого вовсе не было. Англія и не думала объявлять такихъ несправедливыхъ притязаній, и англійскія торговыхъ суда точно такъ же подлежали осмотру военныхъ кораблей Французскихъ, австрійскихъ, прусскихъ или русскихъ, какъ и торговыхъ суда этихъ народовъ подлежали осмотру англійскихъ крейсеровъ. Взаимность была полная. Это была повинность, которую образованные народы, съ общаго согласія, налагали на себя для того, чтобы успѣшнѣе содѣйствовать прекращенію торга, всѣмъ міромъ единогласно признаннаго позорнымъ. Пожалуй скажутъ, что Англія, участвуя въ этой повинности, больше выигрывала или менѣе теряла, чѣмъ всѣ прочія державы, что для нея было важнѣе пользоваться правомъ осмотра Французскихъ кораблей, занимающихся торговлею на берегахъ Африки, чѣмъ, напримѣръ, Франціи осматривать англійскія суда, занимающаяся тою же торговлею. Но, справляясь съ статистическими данными, мы находимъ, что торговля Ангаіи въ тѣхъ мѣстахъ по крайней мѣрѣ въ пять или шесть разъ значительнѣе торговли Франціи, изъ чего очевидно слѣдуетъ, что, предоставляя Французамъ право осмотра англійскихъ судовъ на африканскомъ берегу, Англія дѣлала уступку гораздо большую той, какую дѣлала Франція, предоставляя Англичанамъ право осмотра судовъ Французскихъ. Но страсть бываетъ слѣпа, и несмотря на талантъ ораторовъ, защищавшихъ во Франціи договоръ 29 мая 1843 года, которымъ предполагалось замѣнить прежній, несмотря на талантъ ораторовъ, говоримъ мы, въ особенности герцога Броля и г. Гизо, всѣ остались убѣждены, что подавленіе торга неграми было для Англіи не болѣе, какъ лицемѣрною спекуляціей, и что подъ правомъ осмотра скрывалось нестерпимое посягательство на права другихъ націй.

Итакъ мѣры, принятыя Англіей для уничтоженія торга неграми, не только потребовали отъ нея значительныхъ пожертвованій, такъ какъ она была принуждена постоянно содержать эскадру крейсеровъ, въ самой нездоровой странѣ свѣта, но кромѣ того онѣ

dernières puissances le 19 février 1842, ne le fut point par la France, et il devint pour l'opposition un formidable instrument de guerre. On dénatura les intentions de l'Angleterre ; on lui prêta l'intention de vouloir se servir du droit de visite pour gêner et entraver le commerce des nations rivales et s'assurer « le monopole des mers ». Ces assertions auraient eu quelque apparence de fondement si l'Angleterre en stipulant que les navires suspects pourraient être soumis à la visite des croiseurs anglais, avait voulu exempter ses propres navires marchands de la visite des croiseurs étrangers. Mais il n'en était rien. L'Angleterre n'affichait point une prétention si peu justifiable. Les navires de commerce anglais étaient donc ou pouvaient être soumis à la visite des vaisseaux de guerre français, autrichiens, prussiens ou russes, tout comme les vaisseaux marchands de ces nations étaient assujettis à la visite des croiseurs anglais. Il y avait réciprocité complète. C'était une servitude réciproque que s'imposaient, de commun accord, les nations civilisées pour réprimer plus efficacement un commerce que la conscience universelle proclamait infâme. Dira-t-on que l'Angleterre avait plus à gagner ou moins à perdre que les autres puissances à l'établissement de cette servitude ? Qu'il lui importait beaucoup plus de pouvoir visiter les navires français engagés dans le commerce de la côte d'Afrique, par exemple, qu'il n'importait à la France de visiter les navires anglais, engagés dans le même commerce ? Mais quand on consulte les statistiques on trouve que le commerce de l'Angleterre dans ces parages a cinq ou six fois plus d'importance, pour le moins, que celui de la France ; d'où il résulte évidemment qu'en concédant aux Français le droit de visiter les navires anglais à la côte d'Afrique, l'Angleterre accordait beaucoup plus que ne faisait la France en concédant aux Anglais le droit de visiter les navires français. Mais la passion est aveugle, et malgré le talent des orateurs qui défendirent en France la convention du 29 mai 1845 destinée à tenir lieu de la précédente, et en particulier de M. de Broglie et de M. Guizot, il demeura avéré que la répression de la traite n'était pour l'Angleterre qu'une spéculation hypocrite et que le droit de visite cachait un abominable empiétement sur les droits des autres nations.

Non seulement donc les mesures prises par l'Angleterre pour arriver à l'abolition de la traite lui imposèrent des sacrifices considérables, en ce qu'elle fut obligée de maintenir d'une manière continue, dans la région la plus insalubre du globe, une escadre de croi-

послужили къ возобновленію всѣхъ старыхъ обвиненій, направленныхъ противъ ея честолюбія, ея коварства, ея притворной Филантропіи , и наконецъ даже едва не вовлекли ее войну съ Франціею, а позднѣе и съ Соединенными Штатами.

Не должно также забывать, что тѣ же мѣры для прекращенія торгова неграми нанесли значительный ущербъ англійской торговлѣ. Въ самомъ дѣлѣ англійскіе негоціанты извлекали и прямыя и косвенныя выгоды изъ операций этого торгова: прямыя потому, что они производили торгъ неграми въ огромныхъ размѣрахъ не только въ англійскихъ колоніяхъ, но и въ колоніяхъ иностранныхъ; въ силу утрехтскаго договора имъ даже было предоставлено исключительное право ввозить черныхъ невольниковъ въ испанскія колоніи, подлежащія тогда всей строгости запретительной системы; — косвенными образомъ потому, что они поставляли большую часть желѣзныхъ мелочныхъ товаровъ, тканей и проч., на которые вымѣнивались невольники. Слѣдовательно торговыя интересы Англій требовали поддержки торгова неграми. Съ другой стороны, тѣ же интересы требовали, чтобы торговыя англійскія суда, посѣщающія африканскій берегъ для обыкновенныхъ торговыхъ операций, не подлежали формальностямъ, а часто притѣсненіямъ, соединеннымъ съ правомъ осмотра. Запрещая торгъ невольниками и принимая необходимыя мѣры для того, чтобы запрещеніе это сдѣлать сколько возможно дѣйствительнѣе, Англія, что бы кто ни говорилъ, очевидно, приносила въ жертву благородному чувству челоуѣколюбія дѣйствительныя выгоды своей торговли.

По крайней мѣрѣ были ли всѣ эти пожертвованія вознаграждены успѣхомъ? Удалось ли Англій прекратить торгъ невольниками или хотя значительно уменьшить его? Нѣтъ, надо сознаться, что всѣ усилія ея для уничтоженія этого безчестнаго торгова остались недѣйствительны. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, невольниковъ, ежегодно перевозимыхъ съ береговъ Африки на материкъ и на острова Новаго Свѣта, считалось 100.000 челоуѣкъ. Съ тѣхъ поръ цифра эта не подверглась замѣтному уменьшенію. Въ періодъ отъ 1835 года до 1840, она даже поднялась до 135.000 ежегодно. Но еще хуже то, что негроторговцы, будучи принуждены укрываться отъ преслѣдованій крейсеровъ, стѣснили на своихъ судахъ помѣщеніе, назначенное для людскаго груза, убавили запасъ воды для негровъ и проч., вслѣдствіи чего смертность между перевозимыми невольниками, составлявшая только около 14% въ то время, когда торгъ неграми былъ дозволенъ, поднялась до 25% съ тѣхъ поръ, какъ торгъ этотъ былъ запрещенъ. Едва ли нужно говорить, сколько страданій и мукъ заключается въ этихъ 11 прибавочныхъ процентахъ убыли груза.

seurs ; mais encore elles servirent à renouveler toutes les vieilles accusations dirigées contre son ambition, sa perfidie, sa fausse philanthropie ; enfin, peu s'en fallut même qu'elles ne lui attirassent une guerre avec la France et plus récemment avec les États-Unis.

Il ne faut pas oublier non plus que ces mesures répressives de la traite ont occasionné un dommage sensible au commerce anglais. Les négociants anglais étaient, en effet, intéressés directement et indirectement aux opérations de traite. Directement, en ce qu'ils faisaient la traite sur une grande échelle non seulement pour les colonies anglaises mais encore pour celles des autres pays ; en vertu du traité d'Utrecht ils avaient même été autorisés par privilège à importer des noirs esclaves dans les colonies espagnoles, alors soumises à toutes les rigueurs du régime prohibitif. Indirectement, en ce qu'ils fournissaient la plus grande partie des articles, quincaillerie, tissus, etc., contre lesquels les esclaves étaient échangés. L'intérêt commercial de l'Angleterre était donc en faveur du maintien de la traite. Ce même intérêt aurait exigé aussi, d'une autre part, que les navires marchands anglais fréquentant la côte d'Afrique pour les opérations ordinaires du commerce n'eussent point été soumis aux formalités et trop souvent aux vexations du droit de visite. En prohibant la traite et en adoptant les mesures nécessaires pour rendre cette prohibition aussi efficace que possible, l'Angleterre sacrifiait, comme on voit et quoi qu'on en ait pu dire, les intérêts actuels de son commerce, à un généreux sentiment de philanthropie.

Au moins tant de sacrifices ont-ils été récompensés par le succès ? L'Angleterre est-elle parvenue à supprimer la traite ou à la diminuer d'une manière sensible ? Non, il faut le dire, ses efforts pour faire disparaître cet odieux commerce sont demeurés impuissants. À la fin du siècle dernier, on évaluait à 100 000 le nombre des esclaves transportés annuellement de la côte d'Afrique sur le continent et dans les îles du Nouveau-Monde. Ce nombre n'a pas sensiblement diminué depuis. Dans la période de 1835 à 1840, il s'est même élevé annuellement à 135 000. Il y a pis encore. C'est que les négriers obligés de se dérober à la poursuite des croiseurs ont réduit l'espace affecté à leurs cargaisons humaines, diminué leurs approvisionnements d'eau, etc., d'où il est résulté que le déchet des cargaisons qui n'était que de 14% environ lorsque la traite était permise s'est élevé à 25% depuis qu'elle est défendue ; et il est à peine nécessaire de faire ressortir l'accroissement de souffrances et de tortures qu'implique cette augmentation de 11% dans le déchet des cargaisons.

Правда, если бы торгъ неграми не былъ запрещенъ, то численность этого невольнаго переселенія негровъ съ береговъ Африки можетъ-быть увеличивалась бы все въ большей и большей пропорцій, какъ это было съ свободнымъ переселеніемъ изъ Европы. Не 100.000 невольниковъ были бы вывозимы ежегодно, а 300.000, 400.000 или 500.000, если бы торгъ неграми оставался свободенъ. Итакъ, если запрещеніе этого ненавистнаго торга и не уничтожило его совершенно, оно по крайней мѣрѣ помѣшало ему развиться, а это имѣетъ тоже свое значеніе.

По достаточно ли этого? Соотвѣтствуетъ ли этотъ результатъ всѣмъ тѣмъ пожертвованіямъ, какія сдѣланы были Англійей и ея союзниками для прекращенія торга невольниками?

Еслибы препятствіе, поставленное крейсерами развитію торга неграми, имѣло слѣдствіемъ соотвѣтственное уменьшеніе невольничества можно было бы сказать, что дѣйствительно результаты равносильны пожертвованіями, но этого не было. Какое послѣдствіе прежде всего имѣли препятствія, поставленныя ввозу негровъ изъ Африки въ колоніи и земли, гдѣ существуетъ невольничество? Разумѣется, возвышеніе цѣнъ этого особеннаго рода рабочаго скота, и вслѣдствіе того поощреніе *разводить* его. Именно въ Соединенныхъ Штатахъ *разведение* невольниковъ значительно развилось со времени запрещенія негроторговли, и если этотъ торгъ былъ запрещенъ въ южныхъ штатахъ, то это сдѣлано было не столько подъ вміяніемъ челоуѣколюбивыхъ побужденій, сколько изъ видовъ протекціонизма. Итакъ, если запрещеніе торговли неграми привело въ упадокъ промышленность *непроводовъ* и *неоролоецовъ* африканскихъ и негроторговцевъ, за то оно почти въ такой же степени поощрило промышленность людей, занимавшихся разведеніемъ негровъ въ невольничьихъ странахъ. Стоило ли же труда запрещать, съ одной стороны, этотъ торгъ, чтобы тѣмъ самымъ поощрить его съ другой стороны? и неужели американскіе *непроводы* стоили того, чтобы *защищать* ихъ отъ иностранной конкуренціи?

Что запрещеніе торга неграми не могло довести до уничтоженія невольничества, это скоро стало слишкомъ очевидно. Но что же было дѣлать при видѣ такихъ результатовъ? Должно ли было отказаться отъ великаго и святаго дѣла искорененія невольничества? Должна ли была Англія отказаться отъ плода своихъ усилій? Главные дѣятели въ этомъ великомъ подвигѣ челоуѣколюбія не такъ думали: они побудили правительство сдѣлать еще шагъ, прибавить еще большія жертвы къ тѣмъ пожертвованіями, который уже понесены были народомъ, они рѣшились, на свой страхъ, подать великій примѣръ уничтоженіемъ невольничества въ своихъ колоніяхъ.

À la vérité, en admettant que la traite n'eut pas été défendue, les chiffres de cette émigration forcée des nègres de la côte d'Afrique se seraient peut-être accrus dans une proportion de plus en plus forte, comme il est arrivé pour l'émigration libre d'Europe. Ce n'est pas 100 000 esclaves qui auraient été exportés annuellement ; c'est 300 000, 400 000 ou 500 000, si la traite était demeurée libre. Donc si la prohibition de la traite n'a pas eu pour résultat de détruire cet odieux trafic, elle l'a du moins empêché de se développer, et c'est bien quelque chose.

Mais est-ce assez ? Est-ce un résultat qui puisse balancer les sacrifices de toutes sortes que l'Angleterre et ses alliés se sont imposés pour arriver à la suppression de la traite ?

Si l'obstacle que les croisières ont mis au développement de la traite avait eu pour résultat d'entraver dans une proportion équivalente l'accroissement de l'esclavage, on pourrait dire, en effet, qu'il y a eu compensation pour les sacrifices accomplis ; mais il n'en a pas été ainsi. Quel a été le premier résultat des obstacles opposés à l'importation des nègres d'Afrique dans les colonies ou dans les pays à esclaves ? Ça été naturellement d'y faire hausser le prix de cette variété particulière de bêtes de somme, et par conséquent d'en encourager l'élève. Aux États-Unis l'élève des esclaves s'est considérablement développée depuis l'interdiction de la traite, et il convient du reste de remarquer que celle-ci a été prohibée dans les États du Sud bien moins sous l'empire d'un sentiment de justice et d'humanité que sous la pression d'un intérêt protectionniste. Si donc la prohibition de la traite a découragé l'industrie des éleveurs ou des chasseurs d'esclaves africains, et le commerce des négriers, elle a encouragé, dans une proportion presque égale, l'industrie des éleveurs des pays à esclaves et le commerce qu'ils en font. Or était-ce bien la peine de prohiber ce commerce d'un côté pour l'encourager de l'autre ? Et les éleveurs américains méritaient-ils bien d'être protégés contre la concurrence étrangère ?

Que la prohibition de la traite fut impuissante pour amener l'abolition de l'esclavage, cela ne devint bientôt, au surplus, que trop évident. Mais, en présence de ce résultat, que fallait-il faire ? Fallait-il renoncer à la grande et sainte cause de l'abolition de l'esclavage ? Fallait-il que l'Angleterre se résignât à perdre tout le fruit de ses efforts persévérants ? Les promoteurs de cette grande entreprise d'humanité ne le pensèrent point, et ils poussèrent le gouvernement à faire un pas de plus, à ajouter aux sacrifices qu'il avait déjà imposés à la nation, des sacrifices plus grands encore ; ils le décidèrent à donner, à ses risques et périls, le généreux exemple de l'abolition de l'esclavage dans ses colonies.

Если, какъ этого должно ожидать, говорили аболиціонисты, этотъ великій опытъ замѣны труда невольниковъ свободнымъ трудомъ. удастся въ англійскихъ колоніяхъ, другія государства, Соединенные Штаты, Бразилія, Испанія и Франція, не замедлятъ послѣдовать нашему примѣру. Слѣдовательно невольничество будетъ всюду уни чтожено, и тогда торговля неграми прекратится сама собою. Если же, напротивъ, мы сохранимъ невольничество въ своихъ колоніяхъ, то невѣроятно, чтобы другіе народы, имѣющіе невольниковъ, рѣшились когда-либо освободить ихъ, и невольничество будетъ поддерживаться тамъ, или чрезъ мѣстное разведение, или посредствомъ торга неграми, производимаго несмотря на нашихъ крейсеровъ.

Англійскій народъ, какъ оказалось, вполне раздѣлялъ этотъ образъ мыслей, и 28 августа 1833 года, билль объ уничтоженіи невольничества въ англійскихъ колоніяхъ былъ утвержденъ королемъ. Вамъ извѣстно, на какихъ условіяхъ совершился этотъ великій выкуоъ людей. До окончательнаго освобождения, негры подвергнуты были испытанію, продолжавшемуся для однихъ четыре года, для другихъ шесть лѣтъ, начиная съ 1 августа 1834 года, и англійское правительство выплатило плантаторамъ 20 миллионъ Ф. стер. вознагражденія (500 милдіонъ Франк.). Число невольниковъ, выкупленныхъ такимъ образомъ, простиралось до 780,933 человекъ, разбѣянныхъ по разнымъ островамъ Западной Индіи, въ Гвіанѣ и на островѣ Св. Маврікія. Періодъ испытанія былъ чрезвычайно труденъ, ибо съ одной стороны нестерпимое желаніе свободы овладѣло невольниками, а съ другой стороны владѣльцы, опасаясь за будущее, хотѣли воспользоваться остающимся временемъ и находились въ постоянной борьбѣ съ агентами правительства, которымъ было поручено исполненіе постановленій, относящихся къ этому переходному состоянію. Потому великій день окончательной эманципацій былъ радостно встрѣченъ какъ владѣльцами, такъ и невольниками. Къ несчастію, радость владѣльцевъ была непродолжительна. Во время невольничества они имѣли количество работниковъ едва только достаточное для безостановочнаго производства ихъ работъ. Но какъ только эманципація была провозглашена, значительное число освобожденныхъ принялись частію за ремесла и торговлю, частію за обработку клочка земли на собственный счетъ. Слѣдовательно число рабочихъ, желавшихъ продолжать работать на плантаціяхъ, очень уменьшилось. Отъ этого, вопервыхъ, произошло то, что плантаторы уже съ большими затрудненіемъ могли отыскать число рабочихъ, которое было имъ необходимо; вовторыхъ, такъ какъ рабочихъ добывать стало трудно, а спросъ на нихъ былъ великъ, то задѣльная плата сильно

Si, comme il y a lieu de l'espérer, disaient les abolitionnistes, cette grande expérience de la substitution du travail libre au travail esclave réussit dans les colonies anglaises, les autres nations, les États-Unis, le Brésil, l'Espagne, la France ne tarderont pas à nous imiter. L'esclavage sera partout aboli, et alors la traite cessera d'elle-même. Que si, au contraire, nous maintenons l'esclavage dans nos colonies, il n'est pas probable les autres nations propriétaires d'esclaves se décident jamais à les émanciper, et l'esclavage se perpétuera chez elles soit qu'il se recrute par l'élève intérieure ou par la traite faite en dépit de nos croiseurs.

La nation anglaise s'associa à cette manière de penser, et le 28 août 1833, le bill portant abolition de l'esclavage dans les colonies anglaises était revêtu de la sanction de la couronne. Vous savez à quelles conditions fut opéré ce grand rachat d'hommes. Les nègres émancipés furent soumis à une période d'apprentissage de quatre années pour les uns et de six années pour les autres, à partir du 1er août 1834, et le gouvernement anglais paya aux planteurs une indemnité de 20 millions liv. st. (500 millions de fr.). Le nombre des esclaves ainsi rachetés s'élevait à 780 933 individus répartis entre les différentes îles des Indes Occidentales, la Guyane et l'île Maurice. La période d'apprentissage fut extrêmement difficile à passer, car, d'une part, l'impatience de la liberté avait gagné les nègres émancipés à demi ; de l'autre les propriétaires alarmés sur l'avenir, voulaient jouir de leur reste, et ils étaient constamment en querelle avec les agents du gouvernement chargés de protéger les apprentis. Aussi le jour de l'émancipation définitive fut-il accueilli avec bonheur par les propriétaires comme par les esclaves. Malheureusement la joie des propriétaires fut courte. Lorsque l'esclavage était en vigueur, ils possédaient tout au plus le nombre de travailleurs nécessaire pour maintenir leurs exploitations en activité. À peine la liberté fut-elle proclamée, qu'un bon nombre d'émancipés se mirent à exercer des professions manuelles ou commerciales, ou bien encore à cultiver pour leur compte un lopin de terre. Le nombre des travailleurs disposés à continuer à travailler sur les plantations se trouva ainsi singulièrement réduit. Il en résulta en premier lieu, que les planteurs n'obtinrent plus qu'avec une extrême difficulté la quantité de travail qui leur était indispensable ; en second lieu, que le travail étant rare et la demande forte, les salaires s'élevèrent très haut surtout au

возвысилась, особенно на время жатвы. В первый годъ, послѣдовавшій за освобожденіемъ, во многихъ мѣстахъ жатва сгнила на корню за недостаткомъ рукъ.

Что было дѣлать при этомъ новомъ экономическомъ положеніи, которое было создано уничтоженіемъ невольничества? Надо было дѣйствовать рѣшительно и въ особенности поспѣшно, и поискать средствъ, чтобы помочь новой бѣдѣ, то-есть недостаточности и дороговизнѣ труда. Средства эти были двухъ родовъ: 1) надо было улучшить способы производства, такъ, чтобы какъ можно болѣе сберечь трудъ человѣка, замѣняя его машинами; 2) посредствомъ переселенія свободныхъ работниковъ пополнить число рабочихъ рукъ, необходимыхъ на плантаціяхъ. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ плантаторы, убѣдясь, что только эти два средства и были дѣйствительны, скоро рѣшились употребить ихъ. Съ одной стороны они разослали въ разныя земли: въ Германію, въ Португалію, на островъ Мальту, на берега Африки, въ Восточную Индію и даже в Китай, агентовъ эмиграцій, чтобы вербовать тамъ свободныхъ работниковъ; съ другой стороны, они употребили всѣ усилія, чтобы усовершенствовать способы производства, находившіеся у нихъ еще въ первобытномъ состояніи, и въ особенности улучшить способы перевозки. Благодаря быстрому и энергическому приложенію этихъ двухъ средствъ, плантаторамъ удалось счастливо выйдти изъ кризиса эманципацій. На островѣ Св. Маврікія, гдѣ, правда, легко можно было пополнить за дешевую цѣну число рабочихъ рукъ, по причинѣ соствдства съ Индіей, производство не только не уменьшилось, но даже увеличилось.

Къ несчастію, не то было въ Гвіанѣ и на большей части острововъ, принадлежащихъ къ Западной Индіи. Тамъ владѣльцы, по большей части очень обремененные долгами и издавна уже привыкшіе предоставлять распоряженіе плантаціями своимъ управляющимъ, тогда какъ сами они роскошно жили въ Лондонѣ или въ Парижѣ, не могли или не захотѣли принять необходимыя мѣры, чтобы удовлетворить новому экономическому положенію, которое произвела эманципація. Они продолжали работы по старымъ способамъ, и съ другой стороны, привыкши имѣть дѣло съ невольниками, они не сумѣли удержать освобожденныхъ негровъ, ни возвышеніемъ задѣдной платы, ни хорошимъ обращеніемъ, и потому въ рабочихъ у нихъ оказался недостатокъ. Тогда они употребили всѣ усилія, чтобы привлечь работниковъ изъ другихъ земель, побуждая колоніальное законодательное сословіе назначать переселенцамъ значительный пособія (едва ли нужно говорить о несправедливости этихъ *ввозныхъ премій*, отягощавши хъ ту же самую массу народонаселенія, съ которою

moment de la récolte. On vit même, dans l'année qui suivit l'émancipation, des cannes à sucre pourrir sur pied faute de bras suffisants pour les couper.

En présence de cette nouvelle situation économique que l'abolition de l'esclavage avait créée, qu'y avait-il à faire ? Il fallait en prendre résolument et surtout promptement son parti, et aviser aux moyens de remédier au mal imprévu qui se produisait, savoir l'insuffisance et la cherté du travail. Il fallait améliorer les procédés de la production de manière à économiser le plus possible le travail de l'homme en le remplaçant par celui des machines. Il fallait encore se procurer, au moyen d'une immigration de travailleurs libres, le supplément de travail nécessaire pour combler le déficit dont souffraient les plantations. Dans quelques colonies, les planteurs convaincus que ces deux remèdes pouvaient seuls les tirer d'affaires, se décidèrent promptement à les employer. D'une part, ils envoyèrent dans différentes contrées, en Allemagne, au Portugal, à Malte, sur la côte d'Afrique, aux Indes Orientales et jusqu'en Chine, des agents d'émigration pour y recruter des travailleurs libres ; d'une autre part, ils s'efforcèrent de perfectionner leurs procédés de production encore à l'état primitif et, en particulier, d'améliorer leurs moyens de transport. Grâce à l'application prompte et énergique de ces remèdes efficaces ils réussirent à traverser heureusement la crise de l'émancipation. À l'île Maurice même, où l'on pouvait, à la vérité, se procurer aisément un supplément de travail à bon marché, à cause du voisinage de l'Inde, on vit la production s'accroître au lieu de diminuer.

Malheureusement, il n'en fut pas ainsi dans la plupart des îles des Indes Occidentales et à la Guyane. Là, les propriétaires pour la plupart très obérés et d'ailleurs accoutumés, depuis longtemps, à abandonner à des régisseurs l'exploitation de leurs plantations, pendant qu'ils vivaient dans le luxe à Londres et à Paris, les propriétaires, disons-nous, ne purent ou ne voulurent point prendre les mesures nécessaires pour faire face à la nouvelle situation économique que l'émancipation avait créée. Ils continuèrent à travailler d'après les anciens procédés, et d'un autre côté, habitués à avoir affaire à des esclaves, leurs *overseers* ne surent point retenir les nègres émancipés par l'appât des bons salaires et des bons traitements.

Le travail manqua donc aux plantations. Alors les propriétaires influents s'efforcèrent d'attirer artificiellement l'immigration, en faisant voter dans ce but des subsides considérables par les législatures coloniales (et j'ai à peine besoin de signaler l'iniquité de ces primes d'importation dont les frais étaient supportés par la masse

новоприбывающіе работники должны были вступить въ конкуренцію и сбить такимъ образомъ цѣны на труд). Но прибавка числа рабочихъ рукъ, достигнутая однимъ этимъ средствомъ, была все-таки недостаточна, и производство сахара въ западной Индіи и въ Гвіанѣ упало въ значительной степени.

Вотъ нѣкоторыя изъ цифръ, позволяющія точнѣе оцѣнить экономическіе результаты эманципацій. Въ періодъ отъ 1827 года по 1831 годъ, среднее количество ежегоднаго ввоза сахаръ въ Англію изъ Вестъ-Индіи простиралось до 4.006.000 центнеровъ; въ періодъ же отъ 1842 года по 1846 оно понизилось до 2.493.000 центъ» церовъ. Ввозъ англійскихъ произведеній въ Вестъ-Индію также уменьшился, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ ввозъ во всѣ другія англійскія владѣнія возрастали иногда въ страшныхъ размѣрахъ; между тѣмъ какъ онъ увеличивался на 63% въ Сѣверную Америку, на 90% въ Остъ-Индію и на 210% въ Австралію, въ Вестъ-Индію онъ уменьшился на 17%¹.

Но если, съ одной стороны, производство сахара уменьшалось въ Вестъ-Индій, съ другой стороны, запросъ на этотъ пр Удуктъ, потребление котораго вообще возрастаетъ вмѣстѣ съ довольствомъ народови, не переставалъ увеличиваться въ Англіи. Отсюда естественно послѣдовало возрастающее повышеніе цѣны сахара, и слѣдовательно также возрастающее поощреніе его производства. Въ Остъ-Индій, въ Цейланѣ и на островѣ Св. Маврікія это производство, которое въ періодъ отъ 1827 до 1831 года не превосходило 542.000 центнеровъ ежегодно, въ 1847 году поднялось до 2.600.000. Однако къ это усиленіе производства англійскихъ владѣній, въ Азія в въ II дѣйскомъ океанѣ, все еще было недос гатѣчво дѣн уравненіев запроса съ предложеніемъ. Сахаръ безпрестанно возвышался въ вѣнѣ. Тогда, удовлетворяя требованіямъ потребителей, англійское правительство стало постепенно понижать, до взаимнаго уравненія, пошлины, въ различной степени обременявшія заграничный сахаръ, смотря по тому, откуда онъ привозился. Въ 1844 году, ввозъ заграничнаго сахара состоялъ только изъ 99 центнеровъ, а въ 1848 году онъ простирался уже до 1.220.000 центнеровъ и, должно заиѣтити, что большая часть этого ввоза шла изъ Бразиліи и изъ Кубы.

Итакъ уменьшеніе сахарнаго производства на англійскихъ Антиль. льскихъ островахъ, при постоянно возрастающему запросу, произвело возвышеніе цѣны на сахаръ. Это возвышеніе въ свою очередь способствовало къ поощренію производства сахара, а такъ какъ, несмотря на препятствія, поставляемыя крейсерами, для Бразиліи и Кубы легче было навербовать невольниковъ, чѣмъ

¹ Давсонъ, *Progrès des colonies anglaises.*

de la population, à laquelle les nouveaux travailleurs étaient destinés à faire une concurrence au rabais). Mais le supplément de travail obtenu par ce moyen inique, demeura insuffisant, et l'on vit la production du sucre baisser dans de fortes proportions aux Indes Occidentales et à la Guyane.

Voici quelques chiffres qui permettront d'apprécier d'une manière précise, les résultats économiques de l'émancipation. Dans la période de 1827-31, la moyenne annuelle de l'importation du sucre des Indes Occidentales en Angleterre s'élevait à 4 006 000 quintaux ; elle descendit à 2 493 000 quintaux dans la période de 1842-46. L'importation des produits anglais aux Indes Occidentales déclina de même quoique dans une proportion un peu moins forte. Tandis que cette exportation vers toutes les autres possessions britanniques s'accroissait dans des proportions parfois énormes, tandis qu'elle augmentait de 63% vers l'Amérique du Nord, de 90% vers les Indes Orientales et de 219% vers l'Australie, elle diminuait de 17% vers les Indes Occidentales¹.

Cependant, si la production du sucre diminuait aux Indes Occidentales, la demande de ce produit dont la consommation s'accroît naturellement avec l'aisance des populations, ne cessait pas de s'accroître en Angleterre. Il en résulta une hausse croissante dans le prix du sucre, et, par conséquent aussi, un encouragement croissant à le produire. La production des Indes Orientales, de Ceylan et de l'île Maurice qui ne dépassait pas 542 000 quintaux annuellement de 1827 à 1831 s'éleva à 2 600 000 en 1847. Toutefois, cet accroissement de la production dans les possessions britanniques de l'Asie et de l'océan Indien ne suffisait pas encore pour mettre l'offre au niveau de la demande. Le sucre ne cessait point de hausser. Faisant droit aux réclamations des consommateurs, le gouvernement anglais abaissa alors, d'une manière successive jusqu'à égalisation, les droits différentiels prohibitifs qui pesaient sur le sucre étranger. L'importation des sucres étrangers qui n'avait été que de 99 quintaux en 1844, s'éleva à 1 220 000 quintaux en 1848, et chose bonne à noter, la plus grande partie de cette importation provenait du Brésil et de Cuba.

Ainsi donc la diminution de la production du sucre aux Antilles anglaises, en présence d'une demande toujours croissante, avait créé une hausse de ce produit. La hausse à son tour avait contribué à en encourager la production, et comme, en dépit de l'obstacle des croisières, les ateliers d'esclaves du Brésil et de Cuba se recrutaient plus

¹ T. F. Danson. *Progrès des colonies anglaises.*

вольных работников въ освобожденных колоніяхъ, то окончательнымъ результатомъ эманципаціи въ англійскихъ колоніяхъ было то, что невольничество усилилось, и торговля неграми сдѣлалась еще выгоднѣе въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабство оставалось. Столько жертвъ и благородныхъ усилий, которыя Англія приняла на себя подѣ влияніемъ духа справедливости и человѣчности своихъ Филантроповъ, привели только къ перемѣщенію невольничества, въ ущербъ аболиціонной Англіи и въ пользу Испаніи и Бразиліи, которыя не стыдились удерживать у себя классъ невольниковъ и продолжали пополнять его посредствомъ торга неграми.

Нѣкоторое время не вѣрили даже, чтобы послѣдствія были такъ несчастны, но наконецъ надо же было согласиться съ тѣмъ, что стало очевидностью. Общество уничтоженія невольничества принуждено было сознаться, что «хотя запрещеніе торга невольниками и ограничило до извѣстной степени этотъ постыдный промыселъ, но размѣры его и дѣятельность, съ которою онъ производится, попрежнему остались въ зависимости отъ степени запроса на продукты невольничьяго труда на европейскихъ рынкахъ.»

Относительно самаго невольничества, аболиціонисты должны были также сознаться, что развитие его не прекратилось со времени эманципаціи невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ. «Въ періодъ, непосредственно предшествовавшій нашему акту освобожденія (читаемъ мы въ одномъ изъ ежегодныхъ отчетовъ Общества), невольничье народонаселеніе въ Соединенныхъ Штатахъ не превышало 2.250.000 человѣкъ, въ Бразиліи 2.800 000, а въ испанскихъ колоніяхъ 750.000 или всего 5.800.000. По послѣдней народной переписи въ Соединенныхъ Штатахъ, невольничье народонаселеніе тамъ состоитъ теперь изъ 3.300.000 и продолжаетъ оказывать сильное стремленіе къ размноженію; принимая въ расчетъ огромный ввозъ невольниковъ въ Бразилію и въ испанскія колоніи, ввозъ, въ послѣдніи шестнадцать лѣтъ доходившій до миллиона, можно утвердительно сказать, что невольничье народонаселеніе Бразиліи равняется теперь 3.210.000, а народонаселеніе Кубы 900.000, итого 7.450.000, что составляетъ приращеніе въ 1.650.000 невольниковъ во всѣхъ этихъ странахъ, или 550.000 болѣе того числа, которое освободили Англія, Франція, Данія и Швеція»¹.

Съ тѣхъ поръ, какъ Общество уничтоженія невольничества было вынуждено къ этому признанію, положеніе дѣлъ мало

¹ *The twelfth annual report of the British and foreign Anti Slavery Society 1851.*

facilement que les ateliers libres des colonies émancipées, le résultat final de l'émancipation fut de provoquer l'extension de l'esclavage et de donner une prime à la traite dans les pays où le régime du travail esclave avait été maintenu. Tant de sacrifices et d'efforts généreux que l'Angleterre s'était imposés, sous l'influence de l'esprit de justice et d'humanité de ses philanthropes, n'avaient abouti qu'à déplacer le mal, au détriment de ses propres intérêts et au profit de l'Espagne et du Brésil qui ne s'étaient point fait scrupule de maintenir l'esclavage et de continuer à le recruter par la traite.

Pendant quelque temps, on ne voulut pas ajouter foi à des résultats si désastreux ; mais enfin il fallut bien se rendre à l'évidence. La Société pour l'abolition de l'esclavage fut obligée de convenir en ce qui concernait la traite que « l'étendue et l'activité du commerce des esclaves, bien qu'affectées dans une certaine mesure par la prohibition de la traite n'avaient pas cessé pendant d'être gouvernées par la demande des produits du travail esclave sur les marchés d'Europe. »

En ce qui concernait l'esclavage même, les abolitionnistes durent convenir encore, qu'il n'avait pas cessé de se développer depuis l'émancipation des esclaves dans les colonies anglaises. « Dans la période qui précéda immédiatement notre acte d'émancipation, lisons-nous dans un des rapports annuels de la société¹, la population esclave des États-Unis ne dépassait pas 2 250 000 individus, celle du Brésil 2 800 000, et celle des colonies espagnoles 750 000 ou en totalité 5 800 000. D'après le dernier recensement des États-Unis, la population esclave des États-Unis serait maintenant de 5 500 000, avec une rapide tendance à s'accroître ; et on peut affirmer, eu égard à l'immense importation d'esclaves qui s'opère au Brésil et dans les colonies espagnoles, importation qui a atteint le chiffre d'un million dans les seize dernières années, que la population esclave du Brésil est maintenant de 3 210 000, et celle de Cuba de 900 000, soit en totalité 7 450 000 ; ce qui donne un accroissement de 1 650 000 esclaves pour ces différents pays, ou de 550 000 de plus que n'en ont émancipé l'Angleterre, la France, le Danemark et la Suède ensemble. »

Depuis l'époque où la Société pour l'abolition de l'esclavage faisait cette déclaration pénible, la situation a peu changé. Le nombre

¹ *The twelfth annual report of the British and foreign anti-slavery society, 1851.*

измѣнилось. Число невольниковъ не перестало увеличиваться какъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ оно поддерживается мѣстнымъ *разведеніемъ*, такъ и на островѣ Кубѣ, гдѣ оно держится неготорговлею. Одна Бразилія дѣлаетъ похвальныя усилія, чтобы препятствовать распространенію этой язвы, противопоставляя ей свободное переселеніе.

Между тѣмъ какъ невольничество, несмотря на усилія аболіціонистовъ, продолжало такимъ образомъ распространяться въ странахъ, гдѣ оно еще удержалось, плантаторы тѣхъ, колоній, въ которыхъ совершилась эманципація, старались возстановить его въ другой Формѣ. Эти прежніе владѣльцы невольниковъ не могли пріучиться, какъ мы уже говорили, обращаться съ своими работниками, какъ съ людьми. Жестокое обращеніе, какое отъ нихъ терпѣли работники, неаккуратность платежа и недостаточность задѣльной платы, которую они сговаривались понижать, все болѣе и болѣе удаляли черное народонаселеніе изъ плантацій. Что же сдѣлали плантаторы? Они выхлопотали такія полицейскія учрежденія и законы о налогахъ, которые именно назначались для ограниченія свободы цвѣтнаго народонаселенія и прегражденія ему доступа къ пріобрѣтенію собственности. Во Французскихъ колоніяхъ понятіе обродяжничествъ такъ опредѣлено было закономъ, и объ немъ введены были такія постановленія, что негры волею или неволею должны были поступать въ работники¹. Въ то же время несоразмѣрно увеличена была пошлина за покупку небольшихъ количествъ земли съ цѣлью все болѣе и болѣе затруднить для негровъ пріобрѣтеніе мелкихъ поземельныхъ владѣній, и удержать ихъ такимъ образомъ въ состояннн пролетаріевъ-поденщиковъ. Что касается до переселенцевъ, ввозимыхъ большею частію насчетъ колоній, или, другими словами, насчетъ всего народонаселенія, включая и черныхъ, то ихъ вербуютъ на африканскомъ берегу по контрактамъ, срокомъ на десять и даже

¹ Вотъ текстъ статей императорскаго декрета отъ 8 февраля 1852 года, относящихся къ бродяжничеству.

Ст. 16. Бродягами называются люди, неимѣющие средствъ къ существованію, не исправляющіе никакого ремесла и не могущіе представить свидѣтельства о годовомъ наймѣ пли по крайней мѣрѣ записной книжки, въ доказательство того, что они занимаются какою-нибудь постоянною работою.

Ст. 17. Всякіи, кто найденъ бу деть въ сообщничествѣ съ бродягами, можеть быть подвергнутъ наказаніямъ, опредѣленнымъ за бродяжничество.

Безполезно было бы указывать на всю эластичность этихъ постановленій, которыхъ пріюя еиѣ находится въ рукахъ чиновниковъ, вполне преданныхъ плантатороѣ.

des esclaves n'a pas cessé de s'accroître aux États-Unis où il est alimenté par l'élève intérieure et dans l'île de Cuba où il est alimenté par la traite. Le Brésil seul fait des efforts dignes d'éloges pour empêcher cette plaie de s'étendre, en la combattant au moyen de l'émigration libre.

Tandis que l'esclavage continuait ainsi de se développer dans les pays où il avait été maintenu, en dépit des efforts des abolitionnistes, les planteurs des colonies où l'émancipation avait eu lieu s'efforçaient de le rétablir sous une autre forme. Ces anciens propriétaires d'esclaves ne pouvaient s'accoutumer, comme nous l'avons vu plus haut, à traiter leurs travailleurs comme des hommes. Les mauvais traitements qu'ils leur infligeaient, l'inexactitude des paiements et l'insuffisance des salaires qu'ils s'entendaient pour abaisser, éloignèrent de plus en plus les nègres des plantations.

Que firent alors les planteurs ? Ils firent établir des règlements de police et des lois d'impôt, destinés spécialement à restreindre la liberté de la population de couleur, et à l'empêcher d'avoir accès à la propriété. Dans les colonies françaises, par exemple, le vagabondage a été défini et réglementé de manière à permettre de faire de véritables razzias parmi les nègres pauvres pour recruter les ateliers, à l'aide d'engagements forcés¹. En même temps, on augmentait, dans une proportion exorbitante, les droits de mutation sur les petites propriétés afin de rendre l'achat de ces parcelles de terres de plus en plus difficile pour les gens de couleur, ainsi maintenus à l'état de prolétaires engageables. Quant aux émigrants introduits en grande partie aux frais des colonies, en d'autres termes, aux frais de la population tout entière y compris les nègres, on les engage à la côte d'Afrique, moyennant des contrats de 10 ou même de 14 ans, ou, ce

¹ Voici le texte des articles du décret impérial du 8 février 1858, relatifs au vagabondage.

« ART. 16. Les vagabonds ou gens sans aveu sont ceux qui n'ayant pas de moyens de subsistance et n'exerçant habituellement ni métier ni profession ne justifient pas d'un travail habituel par un engagement d'une année au moins ou par leur livret.

ART. 17. Quiconque s'est trouvé dans une réunion de vagabonds pourra être puni des peines prononcées contre le vagabondage. »

Nous n'avons pas besoin de faire ressortir toute l'élasticité de ces dispositions, dont l'exécution est confiée à des magistrats tout dévoués aux planteurs.

на четырнадцать лѣтъ, или, лучше сказать, ихъ на десять или четырнадцать лѣтъ покупають у африканскихъ князьковъ. Когда притомъ подумаешь, что негры, ввезенные въ колонію, не живутъ тамъ среднимъ числомъ долѣ десяти лѣтъ, то спрашивается: чѣмъ же эта система отличается отъ торга невольниками?

Въ англійскихъ колоніяхъ подобныя распоряженія были невозможны. Тамъ даже нельзя вовсе заключать обязательныхъ условій съ неграми; отъ этого плантаторы должны были отказаться вслѣдствіе протеста Общества для прекращенія невольничества (Anti-Slavery Society). Въмѣсто негровъ тамъ нанимають куліевъ и Китайцевъ на два года, на пять и на десять лѣтъ, назначая имъ плату отъ 85 сант. до 1 Фран. 65 сант. въ день (кромѣ помѣщенія и медицинской помощи); но и тутъ эта система найма подаютъ поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, противъ которыхъ Общество для уничтоженія невольничества не перестаетъ возставать¹.

¹ По поводу многихъ писемъ, адресованныхъ въ газету *Times*, подъ псевдонимомъ *Expertus*, и рисующихъ плачевную картину состоянія Вестъ-индскихъ колоній, которыя по словамъ корреспондента *Times* находятся на возвратномъ пути къ варварству, *англійское и иностранное общество для уничтоженія невольничества* предложило своимъ корреспондентамъ на этихъ островахъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которое оно обнародовало недавно въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *The West-India-labour question, being replies to inquiries instituted by the comitee of the british and foreign anti-slavery society, embracing facts and statistics on the present condition of the emancipated classes and of alleged want of labour in the West-India colonies, but especially in Jamaica*. (Вопросъ о трудѣ въ Вестъ-Индіи, книга заключающая въ себѣ отвѣты на вопросы, предложенные комитетомъ англійскаго и иностраннаго общества для уничтоженія невольничества, содержащая Факты и статистическая данныя касательно нынѣшняго состоянія освобожденныхъ сословій и касательно недостатка рабочихъ рукъ, на который жалуются въ Вестъ-Индскихъ колоніяхъ, особенно же въ Ямайкѣ.) Эти вопросы, въ числѣ десяти, касались состоянія рабочаго рынка, степени дороговизны заработной платы, числа вывезенныхъ переселенцевъ, издержекъ на переселеніе, вліянія переселенія на матеріальное и нравственное состояніе населенія колоній. Корреспонденты общества отвѣчали почти единогласно, что если плантаторамъ не достаетъ рабочихъ рукъ, то это зависитъ во-первыхъ оттого, что они къ несчастью не могли еще отдѣлаться отъ привычки обращаться съ своими работниками какъ съ невольниками, во-вторыхъ оттого, что они, по недостатку ли капитала или по неумѣстной скупости, не хотятъ или не могутъ назначать работникамъ приличную плату и аккуратно съ ними разсчитываться; что впрочемъ въ вѣкоторыхъ колоніяхъ особенно въ Гвіанѣ, гдѣ земля въ избыткѣ, прибавленіе числа работниковъ могло бы быть полезно, но съ условіемъ, чтобы переселеніе не дало повода къ возобновленію злоупотребленій торговли неграми. Доселѣ въ Ямайку прибыло 17.000 переселенцевъ изъ Остъ-Индіи и съ западнаго

qui revient au même, on les achète aux chefs de tribus pour 10 ou 14 ans. Or quand on songe que la vie moyenne d'un nègre importé dans les colonies n'atteint pas 10 années, on se demande en quoi ce système diffère de la traite ? Dans les colonies anglaises, un système à peu près analogue est appliqué aux Coolies et aux Chinois. (Les protestations de la Société pour l'abolition de l'esclavage ont fait renoncer aux nègres.) On les engage pour 2, 5 ou 10 ans, moyennant un salaire qui varie de 85 cent. à 1,65 par jour (logement et secours médicaux en sus), et ce système d'engagements donne lieu, comme dans les colonies françaises, à des abus criants contre lesquels la Société pour l'abolition de l'esclavage n'a pas cessé de s'élever¹.

¹ À la suite de plusieurs lettres adressées au *Times* sous le pseudonyme d'Expertus et contenant un tableau lamentable de la situation des colonies au Indes Occidentales, lesquelles, selon le correspondant du *Times*, étaient en train de retourner à la barbarie, la Société anglaise et étrangère pour l'abolition de l'esclavage a adressé à ses correspondants dans ces îles une série de questions dont elle a publié récemment les réponses dans une brochure intitulée : *the West-India labour question, being replies to inquiries instituted by the committee of the british and foreing anti-slavery society, embracing facts and statistics on the present condition of the emancipated classes and on the alleged want of labour in the West-India colonies; but especially in Jamaica* *. Ces questions au nombre de neuf concernaient l'état du marché du travail, le taux des salaires, le nombre des immigrants introduits, les frais d'immigration, l'influence de l'immigration sur la condition matérielle et morale des populations des colonies. Les correspondants de la Société se sont en général accordés à répondre que si les planteurs manquent de bras, cela tient d'abord à ce qu'ils n'ont malheureusement pas perdu l'habitude de traiter leurs travailleurs comme des esclaves, ensuite à ce que, soit par insuffisance de capital, soit par une avarice mal entendue, ils ne peuvent ou ne veulent pas les payer convenablement et régulièrement ; que, du reste, dans certaines colonies, notamment à la Guyane où les terres disponibles abondent, un supplément de travailleurs pourrait être utile ; mais à la condition que l'immigration ne renouvelât point les abus de la traite. Jusqu'à présent la Jamaïque a reçu 17 000 immigrants provenant principa-

Итакъ повторяемъ, мѣры, доселѣ принятыя съ цѣлью уничтоженія невольничества, мѣры, бывшія столь тяжелыми, въ особенности для Англій, не произвели замѣтнаго уменьшения этой язвы. Торговля неграми продолжаетъ производиться, и невольническое народонаселеніе Нового Свѣта продолжаетъ умножаться, какъ ввозомъ негровъ изъ Африки, такъ и разведеніемъ ихъ. Въ тѣхъ колоніяхъ, наконецъ, гдѣ эманципація совершилась, и гдѣ она, благодаря недостаточности пригготовительныхъ мѣръ, причинила большая потери подъ ваиніемъ причинъ, на которыя мы сейчасъ указали, мало-помалу опять установился порядокъ вещей, болѣе близкій къ невольни честву, нежели къ свободѣ.

Неудовлетворительность этихъ результатовъ въ сравненіи съ страшными пожертваніями и убытками, которые влекло за собою запрещеніе торго неграми и прекращеніе невольничества въ англійскихъ колоніяхъ, если не вполнѣ оправдываетъ, то по крайней мѣрѣ достаточно объясняет, охлажденіе общественного мнѣнія въ Англии къ этому великому дѣлу правды и человѣколюбія. Эта холодность общества къ вопросу, который еще недавно такъ живо интересовалъ его, становится слишкомъ очевидна, и *Economist* недавно ясно доказалъ это статьей, изъ которой мы приведемъ только слѣдующее:

берега Африки; въ Гвіану, въ промежутокъ времени отъ 1 января 1835 года до 31 декабря 1857, ихъ прибыло 75,655. изъ числа которыхъ 25,388 изъ Остъ-Индіи, 244,457 съ острова Мадеры, 12,928 изъ Вестъ Индіи, 11,046 съ африканскаго берега, 766 съ мыса Зеленаго, 647 изъ Китая и т. д. Число привезенныхъ въ остальныя колоніи незначительно. Большая часть издержекъ на переселеніе понесена была колоніальными бюджетами. Вообще говоря, переселенцы, какъ въ Физическомъ такъ и въ нравственномъ отношеніи, стоятъ ниже колоніальныхъ негровъ. Последніе вовсе не заслуживаютъ тѣхъ упрековъ, которые имъ дѣлаетъ анонимный корреспондентъ газеты *Times*. Они работаютъ охотно и даже ревностно, когда съ ними хорошо обращаются и хорошо имъ платятъ, дѣтей своихъ они посылаютъ въ школы, прилежно посѣщаютъ церкви, однимъ словомъ они остались тѣмъ, чѣмъ были въ 1848 году, когда губернаторъ Ямайки сэръ-Чарльзъ Грей говорилъ о нихъ: *«Негры вообще кажутся мнѣ такъ чуждымъ безпокойныхъ стремленій, мятежныхъ чувствъ и злобныхъ замыслов, какъ ни одно земледѣльческое народонаселеніе изъ всѣхъ, которыхъ я видѣлъ или о которыхъ когда-либо слышалъ. Я по истинѣ думаю, что при системы управленія, основанной на полномъ равенствѣ и на справедливости, изъ нихъ образуется превосходное земледѣльческое сословіе. Это народъ крѣпкаго сложенія, промышленный, трудолюбивый, прямудушный и благонамѣренный.»* Если состояніе колоній теперь не то, чѣмъ оно могло бы быть, то виною тому болѣе плантаторы чѣмъ негры.

En résumé donc, les mesures prises jusqu'à présent pour arriver à l'abolition de l'esclavage, mesures qui ont été si onéreuses à l'Angleterre en particulier, n'ont point sensiblement diminué l'étendue de cette plaie. La traite a continué de se faire, et la population esclave du Nouveau-Monde n'a pas cessé de s'augmenter, soit par l'importation des nègres d'Afrique, soit par l'élève intérieure ; enfin dans les colonies où l'émancipation a eu lieu, et où elle a causé, par l'insuffisance des mesures prises pour la préparer et l'accomplir, des pertes si considérables, on a vu se rétablir peu à peu, sous l'influence des causes que nous avons indiquées, un régime plus voisin de l'esclavage que de la liberté.

L'insuffisance de ces résultats comparés aux sacrifices et aux pertes énormes occasionnés par la prohibition de la traite et l'abolition de l'esclavage dans les colonies anglaises, explique si elle ne le justifie point, le refroidissement de l'opinion publique en Angleterre pour cette grande entreprise de justice et d'humanité], qui durait depuis plusieurs siècles. Cette désaffection de l'opinion à l'égard d'une question qui jadis l'avait tant intéressée, ne devient que trop évidente, et *The Economist* l'a récemment mise en valeur dans un article dont nous nous conterons de citer quelques lignes :

lement des Indes Orientales et de la côte d'Afrique, la Guyane en a vu arriver 75 655 du 1er janvier 1835 au 31 décembre 1857, provenant 25 388 des Indes Orientales, 24 457 de Madeire, 12 925 des Indes Occidentales, 11 046 de la côte d'Afrique, 766 du cap Vert, 647 de la Chine, etc. Le nombre reçu dans les autres colonies est peu considérable. La plus forte partie des frais d'immigration a été supportée par les budgets coloniaux. En général ces immigrants valent moins physiquement et moralement que les nègres des colonies. Ceux-ci ne méritent en aucune façon les reproches que leur adresse le correspondant anonyme du *Times*. Ils travaillent volontiers et même avec une rare vigueur, lorsqu'ils sont bien traités et bien payés ; ils envoient leurs enfants aux écoles, sont assidus au service divin, bref, ils sont demeurés ce qu'ils étaient en 1848, lorsque sir Charles Grey, gouverneur de la Jamaïque, disait d'eux : the negroes appear to me to be generally as free from rebellious tendencies, turbulent feelings and malicious thoughts as any race of labourers I ever saw or heard of. My impression is indeed, that under a system of perfectly fair dealing, and of real justice, they will come to be an admirable peasantry and yeomanry ; able-bodied, industrious, and hard-working, frank and well disposed.

* London. At the office of the society 27, new Broad street, in-8, 40 P.

« Какъ бы ни были значительны успѣхи общественной нравственности вообще въ продолженіи послѣдней четверти столѣтія, мы имѣемъ, однакожь, причины опасаться, что какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англій, общественное мнѣніе, относительно вопроса о невольничествѣ, стало менѣе здраво, менѣе опредѣленно и твердо. Въ Америкѣ всякое изъ послѣдовательныхъ столкновеній между враждебными партіями доставляло все значительнѣйшее большинство южнымъ штатамъ, между тѣмъ какъ начала, способствовавшія, въ исходѣ прошедшаго столѣтія, добровольному уничтоженію невольничества въ столькихъ штатахъ, не приобрѣли себѣ въ это время новыхъ адептовъ. У насъ, въ Англи, образъ мыслей, касательно этого предмета, не измѣнился, но нашимъ мнѣніямъ не достаетъ той силы убѣжденія, которая запечатлѣла собою эру эманципацій. Мы остаемся безучастными свидѣтелями событий и преній, съ которыми тѣсно связана будущность вопроса о невольничествѣ, и вліятельные органы нашего общественнаго мнѣнія заняты обнаруживаніемъ такихъ Фактовъ, которые отнимаютъ у насъ бодрость дѣятельно и упорно сопротивляться, какъ сопротивлялись мы до сихъ поръ, распространенію торгова невольниками. Дѣйствительно, общественное мнѣніе, ставъ очевидно человѣколюбивѣе и мягче во всемъ, что касается социальныхъ вопросовъ, въ то же время представляетъ, повидимому, менѣе прочности и упорства, чѣмъ тотъ господствовавшій нѣкогда между нами неподдѣльный энтузіазмъ, которому наши вѣсть-индскіе невольники обязаны своимъ освобожденіемъ. Общественное мнѣніе, кажется, совершенно равнодушно, какъ къ поднятому у насъ недавно вопросу о правѣ освидѣтельствованія національнаго Флага всякаго подозрительнаго судна, такъ и къ враждебнымъ чувствамъ, которыя, естественно, должны питать другъ къ другу Англія и Испанія по поводу торговли неграми на островѣ Кубѣ; вопросы эти затрагиваютъ общественное мнѣніе на столько, сколько они связаны съ вопросомъ о политическихъ союзахъщне болѣе. Относительно же распространенія самаго невольничества, съ которымъ оба эти вопроса тѣсно связаны, никто теперь и не подаетъ голоса, а между тѣмъ съ этой-то именно, и притомъ съ одной только этой точки зрѣнія, стали бы разсматривать упомянутые вопросы тридцать лѣтъ тому назадъ; нынѣ же именно эта-то точка зрѣнія и забыта¹ ».

Итакъ, повидимому, вопросъ о прекращеніи невольничества, судя по продолжающемуся возрастанію числа черныхъ невольниковъ, на дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы пойти впередъ, подвинулся назадъ; а что онъ потерялъ и въ мнѣній общественномъ, это

¹ *Economist*, July 10. 1858. (Slavery in relation to America and Spain).

« Quelle que soit l'importance des progrès de la moralité publique en général au cours du dernier quart de siècle, nous avons cependant des raisons de craindre qu'en Amérique comme en Angleterre, l'opinion publique concernant la question de l'esclavage ne soit devenue moins saine, moins précise et moins ferme. En Amérique, chacun des conflits successifs entre partis hostiles a amené une majorité de plus en plus large aux États du Sud, tandis que les efforts qui ont contribué, à la fin du siècle dernier, à l'abolition volontaire de l'esclavage dans de nombreux États, n'ont pas été continués, faute de nouveaux adeptes. Chez nous, en Angleterre, la façon de penser sur ce sujet n'a pas changé, mais nos opinions manquent de cette force de conviction qui a marqué l'ère de l'émancipation. Nous restons des témoins indifférents des événements et des débats auxquels l'avenir de la question de l'esclavage est étroitement liée, et les organes influents de notre opinion publique s'emploient à publier des faits qui nous enlèvent le courage de résister activement et obstinément, comme nous le faisons, ce qui nous permettait de résister à la diffusion de l'esclavage. En effet, l'opinion publique, devenue visiblement plus humaine et plus douce dans tout ce qui touche aux questions sociales, semble en même temps posséder moins de force et de ténacité en comparaison de l'enthousiasme qui régnait autrefois parmi nous, et qui a permis l'émancipation de nos esclaves aux Antilles. L'opinion publique semble complètement indifférente tant à la question récemment soulevée dans notre pays sur le droit d'inspecter le pavillon national de tout navire suspect qu'aux sentiments hostiles que l'Angleterre et l'Espagne doivent naturellement éprouver l'une envers l'autre à l'égard du commerce des noirs sur l'île de Cuba. Ces questions touchent l'opinion publique en tant qu'elles se lient à des questions d'union politique. Quant à la propagation de l'esclavage, à laquelle ces deux questions sont étroitement liées, personne ne travaille désormais à cet objet, qui était pourtant la grande préoccupation il y a de cela quelques années. Mais depuis cet objectif a été tout à fait perdu de vue. »¹

[La question de l'abolition de l'esclavage semble avoir reculé ainsi dans les faits puisque le nombre des esclaves de couleur n'a pas cessé de s'accroître, et elle semble avoir reculé, de même, dans

¹ *Economist*, July 10. 1858. (Slavery in relation to America and Spain).

доказывается только-что приведенною нами выпиской. Но значит ли это, что поборники его дѣйствительно отступили? Значить ли это, что друзья свободы, теперь скорѣе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, согласны допустить сохраненіе такого порядка вещей, которымъ позорится родъ человѣческой? Значить ли это, что теперь они болѣе прежняго расположены принимать въ буквальный смѣслъ кровавую иронію этихъ словъ Монтескье: «Негры, по справедливости, должны быть невольниками, ибо носъ у нихъ приплюснутый и они совершенно черны »? Не думаю. Реакція, происходящая теперь относительно невольничьяго вопроса, вовсе, кажется, не имѣетъ того рѣшительнаго значенія, которое многие хотятъ приписать ей. Она, по моему мнѣнію, есть только естественное послѣдствие ошибокъ, сдѣланныхъ при совершеніи эманципации, и если мы подумаемъ о всей великости и трудности этого дѣла, то не станемъ удивляться, что ошибки были сдѣланы. Скорѣе удивительно было бы, еслибъ онѣ были избѣгнуты, еслибы сразу удалось принять мѣры, наиболѣе вѣрныя, для достиженія желаемаго результата.

Такъ напримѣръ, самому опытному мануфактуристу рѣдко можно не пройти черезъ школу опыта, когда онъ приступаетъ къ какомунибудь новому роду Фабрикацій. Только, когда онъ узнаетъ цѣною многихъ потерь, въ чемъ онъ ошибался, чѣмъ грѣшили способы, которые онъ употреблялъ, — онъ начинаетъ успѣвать тамъ, гдѣ прежде встрѣчалъ неудачи. Тому же закону подчиненъ и государственный человѣкъ, оставляющій торную дорогу для того, чтобы воплотить въ дѣйствительности какое-нибудь изъ началъ справедливости и человѣколюбія. И онъ также обязаны пройти черезъ ту школу опыта, въ которой, по выраженію Франклина, уроки стоятъ такъ дорого, и часто онъ достигаетъ цѣли своей лишь послѣ многихъ усилій и жертвъ, послѣ многихъ разочарованій.

Уже и теперь государственные люди, аболиціонисты, разбирая результаты принятыхъ ими мѣръ, могутъ легко видѣть, въ чемъ они погрѣшили. Существенная погрѣшность ихъ заключалась въ излишнемъ довѣрїи къ дѣйствительности мѣръ чисто запретительныхъ. Они думали, что достаточно было запретить торговлю неграми и первымъ взяться за уничтоженіе невольничества, для того, чтобы задача была рѣшена. Они не замѣтили, что подъ этимъ вопросомъ справедливости и человѣколюбія скрывался экономическій вопросъ, который имъ слѣдовало разрѣшить предварительно, чтобъ обезпечить вѣрное рѣшеніе перваго. Этотъ экономической вопросъ могъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: организовать свободное производство такъ, чтобы оно обходилось не дороже, и чтобы также легко было увеличить его размѣры, какъ производство посредствомъ труда невольничьяго.

l'opinion, le langage des journaux anglais l'atteste. Mais est-ce à dire qu'elle ait reculé en réalité ? Est-ce à dire que les amis de la liberté soient résignés aujourd'hui plus qu'ils ne l'étaient il y a cinquante ans à laisser se perpétuer ce régime qui est une des hontes de l'espèce humaine ? Est-ce à dire qu'ils soient disposés aujourd'hui plus qu'alors à prendre à la lettre cette sanglante ironie de Montesquieu : « il est juste que les nègres soient esclaves parce qu'ils ont le nez écrasé et qu'ils sont tout noirs. » Je ne le pense pas. Cette réaction que subit, en ce moment, la question de l'esclavage, ne me paraît nullement avoir la portée décisive que quelques-uns voudraient lui attribuer. Elle me paraît seulement une conséquence naturelle des fautes commises dans l'œuvre de l'émancipation, et si l'on songe à la grandeur et à la difficulté de cette œuvre, on ne s'étonnera aucunement que ces fautes aient été commises. Il serait beaucoup plus étonnant qu'on les eût évitées et qu'on eût réussi à adopter d'emblée les mesures les plus propres à obtenir le résultat désiré.

Le manufacturier le plus expérimenté, par exemple, manque rarement de faire des écoles quand il entreprend une nouvelle fabrication. Ce n'est qu'après avoir appris à ses dépens par où il pêche, en quoi les procédés dont il fait usage sont vicieux ou imparfaits, qu'il réussit où il avait échoué d'abord. L'homme d'État qui sort des voies battues, en entreprenant d'incarner dans les faits un principe de justice et d'humanité, subit la même loi. Il est obligé, lui aussi, d'aller à cette école de l'expérience dont les leçons coûtent si cher, pour me servir de l'expression de Franklin, et ce n'est trop souvent qu'après bien des efforts et des sacrifices inutiles, après bien des alternatives d'espoir et de découragement, qu'il arrive à son but.

Dès à présent, les hommes d'État abolitionnistes de l'Angleterre peuvent aisément voir par où ils ont péché, en considérant les résultats des mesures qu'ils ont prises. Ils ont péché, en définitive, par un excès de confiance dans l'efficacité des mesures purement prohibitives. Ils ont cru qu'il suffirait de prohiber la traite, et de prendre l'initiative d'une abolition partielle de l'esclavage pour que le problème fut résolu. Ils ne se sont pas aperçus que derrière cette question de justice et d'humanité se cachait une question économique, qu'il fallait préalablement résoudre, sous peine d'échouer dans la solution de la première. Cette question économique pouvait se résumer ainsi : organiser la production libre de manière à la rendre aussi peu coûteuse et aussi aisément extensible que la production esclave. N'était-il pas évident, en effet, qu'aussi longtemps que la

Не очевидно ли въ самомъ дѣлѣ, что пока производство посредствомъ труда невольничьяго будетъ дешевле, чѣмъ производство свободное, сохраненіе и даже распространеніе невольничества будетъ поощряться тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе будетъ разница между цѣною того и другаго труда? Не должно ли было послѣ этого казаться вѣроятнымъ, что *выгоды*, склонявшія вѣсы на сторону невольничества, пересилить *чувства*, пытавшаяся склонить ихъ на сторону свободы?

Правда, что мѣры, въ которыхъ Англіи досталась честь инициативы, имѣли цѣлью, а въ извѣстной мѣрѣ даже и слѣдствіемъ, сдѣлать дороже производство посредствомъ невольничьяго труда или уменьшить сбытъ его. Запрещеніе негроторговли, на примѣръ, имѣло слѣдствіемъ возвышеніе цѣны негровъ. Равнявшаяся запрещенію высокая пошлина на сахаръ, добываемый невольничьимъ трудомъ, существовавшая въ Англіи до 1847 года, преградила этому сахару одинъ изъ самыхъ значительныхъ путей сбыта. Но съ одной стороны, поощреніе разведенія невольниковъ въ Америкѣ, принесенное запрещеніемъ ввоза ихъ изъ Африки, отчасти уничтожало дѣйствіе этого запрещенія. Съ другой стороны, быстрое и огромное увеличеніе потребления сахара во всемъ мірѣ, уменьшало бы все болѣе и болѣе значение запретительной мѣры, принятой въ Англіи противъ сахара, добываемаго трудомъ невольниковъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы мѣра эта продолжала существовать.

Итакъ недостаточно было принимать мѣры для *искусственной* повышенія цѣнъ на продукты невольничьяго труда или для уменьшенія его сбыта, надо было также принять мѣры для *естественного* уменьшенія издержекъ свободного производства. Мѣры эти, какъ мы уже видѣли, были двояки: 1) надо было усовершенствовать обработку земель, приспособляя къ колоніальному земледѣлію машины и средства, подобныя тѣмъ, какими теперь начинаютъ преобразовывать земледѣліе въ Англіи и Сѣверной Америкѣ; надо было, именно, все болѣе и болѣе замѣнять механическимъ трудомъ трудъ Физическій; 2) надо было подумать о средствахъ доставать постоянно въ до-статочномъ количествѣ *усердный свободный трудъ*. Благодаря разсудительному и дружному употребленію этихъ двухъ средствъ, неминуемо должно было наступить время, когда свободная обработка земли стала бы *дешевле* обработки посредствомъ труда невольничьяго. Задача была бы тогда вполне рѣшена, ибо интересы тотчасъ же перестали бы склоняться на сторону невольничества, чтобы перейти на сторону свободы. Свободная обработка земли распространилась бы сама собою, между тѣмъ какъ обработка посредствомъ невольничьяго труда уменьшилась

production esclave demeurerait à meilleur marché que la production libre, le maintien et même l'extension de l'esclavage se trouveraient encouragés précisément dans la proportion de la différence des deux prix de revient ? N'était-il pas probable, en conséquence, que les intérêts qui inclinaient du côté de l'esclavage l'emporteraient sur les sentiments qui essayaient de faire pencher la balance du côté de la liberté ?

À la vérité, les mesures dont l'Angleterre a eu l'honneur de prendre l'initiative avaient pour objet et ont eu dans une certaine mesure pour résultat de renchérir la production esclave, ou de diminuer ses débouchés. La prohibition de la traite a eu pour résultat d'augmenter le prix des nègres. La quasi prohibition du sucre esclave maintenue en Angleterre jusqu'en 1847 a privé, de même, cette espèce de sucre d'un débouché important. Mais, d'un côté, l'encouragement donné à l'élève des esclaves en Amérique par la prohibition de l'exportation des nègres d'Afrique a neutralisé, en partie, les effets de cette prohibition ; d'un autre côté, le rapide et immense accroissement de la consommation du sucre dans le monde entier aurait affaibli de plus en plus l'efficacité de la mesure prohibitive prise en Angleterre contre le sucre esclave, alors même que cette mesure aurait continué de subsister.

Il ne suffisait donc pas de prendre des mesures pour renchérir artificiellement la production esclave ou diminuer ses débouchés, il en fallait prendre aussi pour réduire naturellement les frais de la production libre. Ces mesures, comme nous l'avons vu, étaient de deux sortes : 1° Il fallait perfectionner les cultures, en appliquant aux exploitations coloniales, des machines et des procédés analogues à ceux qui sont en train de transformer aujourd'hui l'agriculture anglaise ou nord-américaine ; il fallait substituer de plus en plus dans les colonies le travail mécanique au travail physique ; 2° il fallait aviser aux moyens de se procurer toujours en quantité suffisante de bon travail libre. Grâce à l'emploi judicieux et simultané de ces deux moyens, le moment devait arriver infailliblement où la culture libre serait à meilleur marché que la culture esclave. Le problème se trouverait alors pleinement résolu, car les intérêts cesseraient aussitôt d'incliner du côté de l'esclavage pour se porter du côté de la liberté, et la culture libre progresserait d'elle-même, tandis que la culture esclave se restreindrait peu à peu, sans même qu'il fût nécessaire

бы мало-по-малу наконецъ совершеннаго счезла, такъ что не было бы даже необходимости прибгать ни къ какимъ запретительнымъ мѣрамъ.

Съ своей стороны, я вполне у бѣжденъ, что еслибы половину усилий и пожертвованій, какія были сдѣланы для искусственнаго увеличенія дороговизны производства посредствомъ невольничьяго труда посвятить на содѣйствіе успѣхамъ свободной обработки земли и на пониженіе цѣны этой обработки, то невольничество теперь уже было бы поражено смертельно и находилось бы на пути къ совершенному упадку. Ограничусь указаніемъ мѣръ, которыя могли быть приняты съ этою цѣлью: для поощренія успѣховъ колоніяльнаго земледѣлія достаточно было уменьшить налоги; дать свободу духу предприимчивости; уничтожить старыя препятствія, поставляемія земледѣльческимъ и другимъ товариществамъ; обезпечить изобрѣтателямъ новыхъ способовъ обработки или новыхъ земледѣльческихъ машинъ собственность ихъ изобрѣтеній и т. д. Для того, чтобы въ достаточномъ количествѣ получить добросовѣстный свободный трудъ, надо было только принять какую-нибудь систему ввоза (иммиграцій) которая бы нисколько не стѣсняла ихъ свободы и слѣдовательно могла бы привести въ колоніи лучшихъ работниковъ, вмѣсто негодныхъ, которые тамъ до состоянія близкаго къ невольничеству. Развѣ невозможно было найти такую систему? Мнѣ кажется, очень возможно. Система займовъ подъ залогъ труда (*hypothèque de travail*), недавно положившая основаніе *ссуднымъ банкамъ*, легко могла бы доставить такой способъ, и рано или поздно надобно будетъ обратиться къ ней¹.

¹ Вотъ объясненіе того, какимъ образомъ можетъ быть приложена эта система. Предположимъ, что основывается общество для перевоза переселенцевъ, способныхъ къ обработкѣ сахара или кофе. Переселенцы эти, торые ѣдутъ изъ Индіи, изъ Китая или даже изъ Африки, не имѣютъ средствъ заплатить за дорогу, но они сильны, способны работать и ѣдутъ въ такую страну, гдѣ трудъ хорошо вознаграждается. Они условливаются съ обществомъ уплатить ему постепенными вычетами изъ своей задѣльной платы, какъ только они успѣютъ найти себѣ мѣсто. Долгъ записывается въ книжку, скрѣпленную властями того мѣста, куда переселенецъ отправляется работать. Агентамъ общества переселенія поручается потомъ получать съ плантаторовъ сборъ вычетовъ изъ заработковъ переселенцевъ. Обязательство, вписанное въ книжкѣ, съ одной стороны, и постановленія, обязывающая переселенца не предаваться добровольно праздности до тѣхъ поръ, пока онъ не выплатитъ своего долга, обезпечиваютъ полученіе по этому новому роду закладныхъ, предоставляя въ то же время заложеннымъ работникамъ полную свободу въ ихъ дѣйствіяхъ. Одна добровольная праздность запрещается имъ до времени

d'employer contre elle aucun moyen prohibitif, jusqu'à ce qu'elle finît par disparaître.

Je suis bien convaincu pour ma part que si la moitié des efforts et des sacrifices qui ont été faits pour enchérir artificiellement la production esclave avaient été consacrés à faire progresser la culture libre dans le sens du bon marché, l'esclavage serait déjà, en ce moment, frappé à mort et en voie de décadence. Je me bornerai à signaler les mesures qui pouvaient être prises dans ce but : pour encourager les progrès de l'agriculture coloniale, il suffisait de diminuer les impôts, de laisser libre carrière à l'esprit d'entreprise, d'abolir les vieilles entraves opposées aux associations agricoles et autres, d'assurer aux inventeurs des nouveaux procédés de culture ou des nouvelles machines agricoles la propriété de leurs œuvres, etc., etc. Pour obtenir en quantité nécessaire de bon travail libre, il suffisait d'adopter un procédé d'immigration qui ne portât aucune atteinte à la liberté de l'immigrant, et qui pût amener en conséquence dans les colonies des travailleurs d'élite au lieu d'y introduire des travailleurs de rebut, réduits à un état analogue à l'esclavage. Ce procédé était-il impossible à trouver ? Je ne le crois pas. Le système de l'hypothèque du travail qui a donné naissance récemment aux banques d'avances aurait pu aisément le fournir et tôt ou tard on y aura recours¹.

¹ Voici une illustration de la manière dont ce système pourrait être appliqué. Supposons qu'une compagnie se fonde pour transporter des émigrants susceptibles d'être employés à la culture du sucre ou du café. Ces émigrants qui viennent de l'Inde, de la Chine ou même de l'Afrique n'ont pas les moyens de payer leur passage ; mais ils sont robustes, capables de travailler, et ils vont dans un pays où le travail est bien rétribué. Ils font marché avec la société en convenant de s'acquitter envers elle par des retenues opérées sur leurs salaires, aussitôt qu'ils auront réussi à se placer. La créance est inscrite sur un livret, lequel est visé par le magistrat du lieu où l'émigrant va travailler. Les agents de la société d'émigration se chargent ensuite d'aller recueillir chez les planteurs le montant des retenues faites sur les salaires de ses débiteurs. Les stipulations en vertu desquelles l'émigrant s'engage à ne point chômer volontairement, aussi longtemps qu'il ne s'est point acquitté de sa dette, garantissent le recouvrement de ce nouveau genre de créances hypothécaires, tout en laissant aux travailleurs hypothéqués la pleine liberté de leurs mouvements. L'oisiveté volontaire seule leur est interdite jusqu'à

Одним словомъ, чтобы достигъ рѣшенія этой великой задачи справедливости и челоуѣколюбія, достаточно было вполнѣ проникнуться слѣдующею глубокою истиной: вполнѣ разрушается только то, что замѣняется другимъ, и дѣйствовать сообразно съ этою истиной. Но мы можемъ быть увѣрены, что то, чего не было сдѣлано, еще сдѣлается. Опыты и промахи не пропадутъ даромъ. Какъ только общественное мнѣніе ясно увидитъ путь, по которому должно слѣдовать для достиженія цѣли, оно снова двинется впередъ; никакое препятствіе не будетъ уже въ силахъ остановить его, и челоуѣчество наконецъ избавится отъ позорной язвы невольничества.

Перехожу къ другому вопросу, который въ послѣднее время сильно занималъ и волновалъ общественное мнѣніе во Франціи. Я разумѣю продажу имуществъ благотворительныхъ заведеній. Цир куляромъ министра внутреннихъ дѣлъ (эту должность тогда занималъ генерала Эспинасъ) предписывалось префектамъ пригласить административныя комиссіи богоугодныхъ заведеній, каковы госпитали, богадѣльни и благотворительныя кассы, продать свою поземельную собственность и обратить ее въ государственную ренту. Эта недвижимая собственность приноситъ 72 миллиона ежегоднаго дохода, что составляетъ, среднимъ числомъ, отъ 2 до 2 1/2 % ея стоимости, слѣдовательно доходъ ихъ могъ быть удвоенъ, еслибы тотъ же капиталъ, вмѣсто того, чтобы заключаться въ недвижимомъ имуществѣ, помѣщенъ былъ въ государственныхъ рентахъ. Но съ другой стороны было ли бы это послѣднее помѣщеніе такъ же вѣрно? Цѣнность земель постоянно возвышается, между тѣмъ какъ цѣнность рентъ подвержена риску банкротствъ, пониженія ренгъ, риску пониженія цѣны на драгоцѣнные металлы, которое въ послѣднее время, особенно во Франціи, стало весьма значительно, вслѣдствіе того, что серебро въ обращеніи замѣнилось золотомъ *de facto*, если не *de jure*. О сравнительной вѣрности этихъ двухъ родовъ помѣщенія, мы находимъ весьма любопытныя свѣдѣнія въ отчетѣ главнаго управления общественного призрѣнія, написанномъ г. Давеномъ. Изъ этого документа видно, между прочимъ, что стофранковая рента, выданная въ 1720 году, въ настоящее время стоила бы только 15 фр., вслѣдствіе банкротствъ, случившихся во время старой монархіи, вслѣдствіе уменьшенія государственнаго долга на одну

погашенія долга; но впрочемъ, необходимость удовлетворенія своихъ потребностей достаточно побуждаетъ ихъ къ труду, и въ этомъ отношеніи вполнѣ обезпечиваетъ предпринимателей. По системѣ, мною очерченной, самые шансы смерти могутъ быть устранены посредствомъ застрахованія жизни переселенцевъ.

En dernière analyse, il faudrait, pour arriver à la solution de ce grand problème de justice et d'humanité, se pénétrer de cette vérité profonde qu'on ne détruit bien que ce qu'on remplace, et agir en conséquence. Mais soyons-en sûrs, ce qui n'a pas été fait, se fera. Les expériences subies, les écoles faites ne seront pas perdues. Dès que l'opinion publique verra clairement par où les abolitionnistes ont échoué jusqu'à présent, dès qu'elle connaîtra bien le chemin qu'il faut suivre pour arriver au but, elle se mettra en marche, sans se laisser arrêter par des obstacles, désormais prévus, et le monde sera enfin débarrassé de la plaie honteuse de l'esclavage.]

J'en viens à une autre question qui a récemment beaucoup préoccupé et inquiété l'opinion publique française, je veux parler de la vente des biens des institutions de charité. Une circulaire du ministre de l'Intérieur (ce poste était alors occupé par le général Espinasse) ordonnait aux préfets d'inviter les commissions administratives des institutions caritatives, tels que les hôpitaux, les hospices et les autres organismes de charité, à vendre leurs propriétés foncières et à les transformer en rente sur l'État. Ces biens immobiliers rapportent 72 millions de revenus annuels, ce qui représente en moyenne 2 à 2,5% de leur valeur ; leurs revenus pourraient donc être doublés si le même capital, au lieu d'être placé dans des biens immobiliers, était investis dans des rentes sur l'État. Mais aussi, cette dernière proposition est-elle recevable ? La valeur des immeubles est en constante augmentation, tandis que la valeur des rentes est exposée à des risques de faillites, de dépréciation et au risque de baisse du prix des métaux précieux, qui est devenu très réel ces derniers temps, et notamment en France, en raison du fait que l'argent en circulation a été remplacé *de facto*, sinon *de jure*, par l'or. Nous trouvons des informations très intéressantes sur la valeur comparative de ces deux types de placements dans le rapport du bureau principal de la charité publique, rédigé par M. Daven. De ce document il ressort, entre autres choses, qu'une rente de cent francs, émise en 1720, ne vaudrait plus que 15 francs, en raison des banqueroutes organisées sous l'ancienne monarchie, du fait de la réduction de la dette publique

extinction de leur dette, et, du reste, la nécessité de pourvoir à leurs besoins les excite suffisamment à travailler pour donner sous ce rapport pleine sécurité aux entrepreneurs d'émigration. Les risques de mort peuvent même être couverts par des assurances sur la vie des émigrants importés en vertu du système qui vient d'être esquissé.

треть въ VI годъ республики (1797 годъ) и пониженія рентъ въ 1852 году. Плата же за аренду земель, принадлежащихъ благотворительнымъ заведеніямъ, увеличилась, напротивъ, вчетверо въ промежутокъ времени съ 1730 до 1830 года; а для нѣкоторыхъ земель повышение цѣны за наемъ было еще значительнѣе. Безъ сомнѣнія, теперь уже нечего опасаться правительственныхъ банкротствъ; правительства теперь на столько уже понимаютъ свои собственныя выгоды, что платятъ аккуратно свои долги, они знаютъ, что только такимъ образомъ они могутъ сохранить свой кредитъ. Какъ бы велики, впрочемъ, ни были выгоды, представляемыя въ настоящее время этимъ новымъ помѣщеніемъ, благоразумно ли было бы, со стороны попечителей сумму, назначенныхъ бѣднымъ, ввѣрять такимъ образомъ одному должнику весь капиталъ, порученный ихъ надзору? Общественное мнѣніе не предполагаетъ этого, и при видѣ оппозиціи, которую вызвала предложенная генераломъ Эспинасомъ мѣра, правительство имѣло разсудительность не настаивать на приведеніи ея въ исполненіе.

Есть еще одинъ доводъ, который можно бы противопоставить этой мѣрѣ, и который, хотя съ виду и походить на парадоксъ, тѣмъ неменѣе имѣетъ весьма важное значеніе. Доводъ этотъ состоитъ въ томъ, что именно для пользы бѣднаго класса невыгодно увеличить средства, которыми располагаетъ общественная благотворительность, ибо это увеличеніе средствъ можетъ способствовать къ расширенію язвы пауперизма, и вмѣсто того чтобъ излѣчить ее, мочетъ только растравить ее. Повторяю, это похоже на парадоксъ, а между тѣмъ это печальная истина. Мы видим, тому паразитическое доказательство у насъ въ Бельгій. Почти четверть нашего народонаселенія (около миллиона на четыре съ половиною миллиона жителей) записана въ благотворительныхъ кассахъ. Но странное дѣло, въ самыхъ бѣдныхъ областяхъ, при равныхъ условіяхъ, считается наименьшее число лицъ, записанныхъ въ число нуждающихся. Отчего же это происходитъ? Просто отъ того, что въ бѣдныхъ областяхъ благотворительныя кассы имѣютъ мало средствъ, между тѣмъ какъ въ богатыхъ у нихъ средствъ много, и отъ того еще, что въ странахъ, гдѣ существуетъ система общественной благотворительности, число бѣдныхъ всегда сообразуется съ ной капитала, назначеннаго для ихъ содержанія. Фактъ этотъ еще разъ подтвержденъ былъ недавно губернаторомъ Брабантской области во время открытія засѣданія областного совѣта. Въ 1847 году, в эпоху голода и крайней бѣдности, число нуждающихся, записанныхъ въ брабантскихъ сельскихъ обществахъ, было 125.201, теперь оно составляетъ 136.980, хотя задѣльная плата съ тѣхъ поръ возвысилась, а

d'un tiers l'an VI de la république (année 1797) et de la réduction de la rente en 1852. La valeur du loyer des immeubles appartenant aux institutions de charité, au contraire, fut multiplié par quatre au cours de la période allant de 1730 à 1830 ; et dans certains cas, l'augmentation a été encore plus forte. Sans aucun doute, il n'y a désormais plus lieu de craindre des faillites gouvernementales. Les gouvernements comprennent désormais tellement leur propre intérêt, qu'ils paient leurs dettes avec soin, sachant bien que ce n'est qu'ainsi qu'ils pourront préserver leur crédit. Mais si grands que soient les bienfaits que produisent aujourd'hui ces nouvelles conditions, serait-il prudent de la part des dépositaires de valeurs destinées aux pauvres, de confier ainsi à un seul débiteur la totalité du capital confié à leur surveillance ? L'opinion publique ne le croit pas, et devant l'opposition qu'a soulevé la mesure proposée par le général Espinasse, le gouvernement a eu la sagesse de ne pas insister.

Un autre argument pourrait être opposé à cette mesure, argument qui, quoiqu'il paraisse d'abord un paradoxe, a néanmoins une validité très réelle. Cet argument c'est que précisément dans l'intérêt de la classe pauvre, il n'est pas bénéfique d'augmenter les fonds mis à la disposition de la charité publique, car cette augmentation de fonds peut contribuer à l'expansion de l'ulcère du paupérisme, et bien loin de le guérir il ne peut que l'irriter. Je le répète, cela semble d'abord un paradoxe, mais en même temps c'est une triste vérité. Nous en trouvons la preuve éclatante ici en Belgique. Près d'un quart de notre population (environ un million sur quatre millions et demi d'habitants) est inscrit sur les listes des institutions de charité. Mais ce qui est curieux, c'est que dans les régions les plus dénuées, toutes choses étant égales par ailleurs, un plus petit nombre de personnes est considéré comme faisant partie de la classe des pauvres. Pourquoi cela ? Tout simplement parce que dans les régions les plus pauvres les institutions de charité ont peu de fonds, alors que dans les régions riches elles en ont beaucoup, et aussi parce que dans les lieux où il existe un système de charité publique, le nombre des pauvres est toujours en rapport avec le montant du capital attribué pour le soulagement de leur misère. Ce fait a été une nouvelle fois confirmé par le gouverneur de la région brabançonne lors de l'ouverture d'une réunion du conseil régional. En 1847, à une époque de famine et d'extrême pauvreté, le nombre des pauvres recensés dans les sociétés rurales brabançonnaises était de 125 201 ; il est aujourd'hui de 136 980, bien que depuis lors les loyers aient augmenté et que les

жизненные припасы стали дешевле. Отъ чего же происходитъ, что офиціальная бѣдность увеличилась, тогда какъ истинная уменьшилась? Единственно отъ того, что доходы благотворительныхъ кассъ умножились, какъ новыми пожертвованіями въ ихъ пользу, такъ и возвышеніемъ цѣнности принадлежащихъ имъ имуществъ. Такъ напримѣръ въ Нивельскомъ округѣ, гдѣ народонаселеніе возрасло только на 2%, между тѣмъ какъ доходы благотворительныхъ заведеній увеличились въ послѣднія десять лѣтъ на 20%, теперь считается 6087 пользующихся вспомошествованіемъ болѣе, чѣмъ въ 1847 году. Благотворительныхъ учрежденія, при нынѣшнемъ ихъ устройствѣ, представляютъ, слѣдовательно, настоящая фабрики нищихъ, и почтенный губернаторъ брабантской имѣлъ полное право сказать, что всѣ эти миллионы, ежегодно раздаваемые, не успѣли избавить до сихъ поръ отъ бѣдности ни одного семейства, и что въ настоящее время встрѣчаются въ спискахъ бѣдныхъ правнуки людей, имена которыхъ встрѣчались тамъ сто лѣтъ тому назадъ. Общественная благотворительность въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ производится, по видимому, уменьшаетъ вліяніе предусмотрительности, и человѣкъ, однажды внесенный въ роковые списки, мало-по-малу привыкаетъ разсчитывать на чужую помощь и менѣе заботится о своей будущности.

Что же должно заключить изъ этого, если не то, что прежде чѣмъ заботиться о средствахъ къ увеличенію доходовъ общественной благотворительности, нужно было бы улучшить распределеніе ея такъ, чтобъ она, имѣя цѣлью облегчать бѣдность, не становилась вмѣсто этого сама причиною пауперизма?

Мнѣ слѣдовало бы указать еще во Франціи на вопросъ *оваррантахъ* (warrants), предложенный на разсмотрѣніе законодательнаго собранія, и на вопросъ объ управленіи Алжиромъ, поднятый по поводу учрежденія новаго спеціального министерства для этой колоніи, министерства, въ главѣ котораго поставленъ былъ принцъ Наполеонъ; но яи то уже во зло употребилъ мѣсто, которое вы такъ обязательно отдали въ мое распоряженіе, а между тѣмъ мнѣ нужно еще поговорить съ вами о многихъ интересныхъ фактахъ. Вамъ извѣстенъ механизмъ этихъ *warrants*, принесшихъ столько пользы англійской торговлѣ облегченіемъ займа подъ залогъ товаровъ. Мѣра, рѣшенная во Французскомъ законодательномъ сословіи, просто имѣла предметомъ устранить тѣ препятствія, которыя Французскіе законы противопоставляютъ всеобщему распространенію этого орудія кредита. Что касается до Алжира, бывшаго нѣкогда однимъ изъ запасныхъ магазиновъ Рима и начинающаго теперь получать такое же значеніе для Франціи, то Французское правительство

moyens de subsistance soient devenus moins chers. Comment se fait-il que la pauvreté officielle ait augmenté, alors que la pauvreté réelle diminuait ? La seule raison est que les ressources des institutions de charité ont augmenté, à la fois grâce à de nouveaux dons en leur faveur et grâce à une augmentation de la valeur des biens qu'ils possédaient. Ainsi, par exemple, dans l'arrondissement de Nivelles, où la population n'a augmenté que de 2%, tandis que les revenus des institutions de charité ont augmenté de 20% au cours des dix dernières années, on compte aujourd'hui 6 087 assistés par la société, soit plus qu'en 1847. Les institutions caritatives, dans leur fonctionnement actuel, représentent donc une véritable usine à mendiants, et l'honorable gouverneur du Brabant avait bien raison de dire que tous ces millions distribués chaque année n'ont pas encore réussi à sortir une seule famille de la pauvreté, et qu'aujourd'hui on peut trouver dans les listes des pauvres les arrière-petits-enfants de personnes dont les noms y figuraient déjà il y a cent ans. La charité publique, dans la forme sous laquelle elle s'exerce aujourd'hui, semble réduire le mobile de la prévoyance, et une personne une fois inscrite sur ces listes fatales, s'habitue peu à peu à compter sur l'aide des autres et se préoccupe moins de son avenir.

Que faut-il en conclure, sinon qu'avant de se soucier des moyens d'augmenter les revenus de la charité publique, il faudrait en améliorer la destination, afin qu'ils ne deviennent pas une cause du paupérisme, au lieu d'être un moyen de le combattre.

Je dois également signaler, concernant la France, la question des *warrants*, proposée à l'examen de l'Assemblée législative, et la question du gouvernement de l'Algérie, soulevée à propos de la création d'un nouveau ministère spécial pour cette colonie, ministère à la tête duquel se trouverait le prince Napoléon ; mais j'ai déjà utilisé une grande partie de la place que vous m'avez si cordialement accordée, et j'ai encore besoin de vous parler de beaucoup de faits intéressants. Vous connaissez d'ailleurs le mécanisme des *warrants*, qui ont tant profité au commerce anglais en facilitant les prêts appuyés sur une garantie en marchandises. La mesure décidée par le Corps législatif français avait simplement pour objet de supprimer les obstacles que les lois françaises opposaient à la diffusion générale de cet instrument de crédit. Quant à l'Algérie, qui fut autrefois l'une des réserves de Rome et qui commence aujourd'hui à acquérir la même importance pour la France, le gouvernement français s'étonne de voir que

удивляется, видя, что европейское переселение течет туда только тонкою струйкой, между тѣмъ какъ оно широкимъ потокомъ изливается по ту сторону Атлантическаго океана. А между тѣмъ, твердятъ безпрестанно агенты правительства, въ Алжирѣ хорошій климатъ, плодоносныя земли, естественныя богатства всякаго рода, и притомъ онъ несравненно ближе къ Европѣ. Все такъ, но въ Алжирѣ сверхъ того есть и правительственная опека, и система регламентацій, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ господствуетъ свобода. Переселенцы же вообще люди съ такимъ дурнымъ вкусомъ, что свободу предпочитаютъ регламентаціи и правительственной опекѣ. Вотъ почему они ѣдутъ въ Соединенные Штаты и не ѣдутъ въ Алжиръ. Принцъ Наполеонъ, впрочемъ, кажется, понимаетъ всю опасность этого излишняго правительственнаго вмѣшательства, составляющаго язву какъ метрополій, такъ и колоній. Это видно изъ слѣдующаго замѣчательнаго мѣста рѣчи, произнесенной имъ недавно въ Лиможѣ: « Для насъ всего опаснѣе теперь поглощеніе личныхъ силъ собирательнымъ могуществомъ, замѣненіе гражданина правительствомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ общественной жизни, ослабленіе всякаго личнаго начинанія подъ опекою преувеличенной административной централизации. Я желалъ бы, чтобы граждане, переставъ разсчитывать на вмѣшательство и милости государства, поставляли законную гордость въ томъ, чтобы находить въ самихъ себѣ достаточную опору, и основывать на своей собственной энергійи и на силѣ общественнаго мнѣнія успѣхъ своихъ предаріягій. Смѣю сказать, что если бы съ нашимъ политическимъ единствомъ, источникомъ нашего политическаго могущества, предметомъ удивленія и часто страха для нашихъ сосѣдей, мы умѣли соединить эту силу, которая рождается изъ самопроизвольной дѣятельности лицъ и свободныхъ ассоціацій, то наше отечество увидѣло бы совершеніе тѣхъ великихъ судебъ, которыя предусматривались знаменитыми гражданами 1789 года. »

Въ Бельгій, несмотря на преобладаніе политическихъ интересовъ, многие экономическіе вопросы стояли также на первомъ планѣ. Принятъ былъ законъ о томъ, чтобы расширить учрежденіе совѣтовъ разбирателей (*conseils de prudhommes*): совѣты эти суть суды, состоящіе изъ промышленниковъ и работниковъ; назначеніе судить и, сколько возможно, примирять несогласія, къ которымъ подають поводъ отношенія рабочихъ къ ихъ хозяевамъ, задѣльная плата, выполнение работы, контракты на время ученія и т. п. Совѣты разбирателей имѣють право налагать небольшіе штрафы и даже присуждать къ нѣсколькимъ днямъ заключенія; но вообще они дѣйствуютъ въ духѣ примирительныхъ судилищъ. Это очень полезное учрежденіе. Дурно однакожь, что значеніе ихъ мѣс-

l'immigration européenne n'y afflue qu'en un mince filet, alors qu'elle se déverse en masse, tel un large torrent, de l'autre côté de l'océan Atlantique. Les agents du gouvernement ne cessent de répéter que l'Algérie dispose d'un bon climat, de terres fertiles, de richesses naturelles de toutes sortes et, en outre, qu'elle est incomparablement plus proche de l'Europe. Tout cela est vrai, mais en Algérie, il existe de plus une tutelle gouvernementale et un système de réglementation, tandis qu'aux États-Unis la liberté règne. En général, les immigrés sont des gens de si mauvais goût qu'ils préfèrent la liberté à la réglementation et à la tutelle du gouvernement. C'est pourquoï ils vont aux États-Unis et qu'ils ne vont pas en Algérie. Le prince Napoléon semble cependant comprendre le danger de cette intervention gouvernementale excessive, qui représente un poids tant pour la métropole que pour la colonie. C'est ce qui ressort du passage suivant, tout à fait remarquable, d'un discours qu'il a récemment prononcé à Limoges : « Le plus grand danger pour nous aujourd'hui, c'est l'absorption des forces individuelles par le pouvoir collectif, c'est le remplacement du citoyen par le gouvernement dans toutes les actions de la vie publique, et l'affaiblissement de toute initiative personnelle sous l'oppression. Je voudrais que les citoyens, cessant de compter sur l'intervention et les faveurs de l'État, aient une légitime fierté de trouver en eux-mêmes un appui suffisant et de fonder par leur propre énergie et avec la force de l'opinion publique leurs entreprises. J'ose dire que si à notre unité politique, source de notre pouvoir politique, objet de surprise et souvent de peur pour nos voisins, nous parvenions à joindre cette force qui naît de l'activité spontanée des individus et des associations libres, alors notre patrie verrait s'accomplir ces grandes destinées envisagées par les célèbres citoyens de 1789. »

En Belgique, malgré la prédominance des intérêts politiques, de nombreuses questions économiques ont également occupé le premier plan. Une loi a été votée pour favoriser le développement des conseils de prudhommes : ces conseils sont des tribunaux composés d'industriels et d'ouvriers ; ils sont nommés pour juger et, dans la mesure du possible, pour concilier les désaccords qui découlent de la relation des travailleurs avec leurs employeurs, des paiements anticipés, des rendements de travail, des contrats, etc. Ces conseils de juges ont le droit d'imposer de petites amendes et même d'accorder plusieurs jours d'emprisonnement ; mais en général ils agissent dans un esprit de conciliation. C'est une institution très utile. Il est cependant regrettable que leur importance soit quelque peu

колько преувеличено. Имъ вздумали приписывать, напримѣръ, право назначать постоянную и справедливую цѣну за трудъ. Излишне, я думаю, было бы повторять, что это чистое самообольщеніе. Цѣны за трудъ опредѣляются, подобно цѣнамъ всѣхъ другихъ товаровъ, въ силу закона запроса и предложенія, и судилищу такъ же было бы невозможно назначать ихъ постояннымъ образомъ, какъ опредѣлять цѣну сахару, кофе или табаку.

Еще другой интересный вопросъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе бельгійскимъ палатамъ: дѣло идетъ о почтовой реформѣ. Въ 1849 году мы, по примѣру Англіи, преобразовали нашу старую почтовую систему; но все-таки еще далеко отстали отъ принятаго нами образца: мы раздѣлили нашу страну на два пояса; радіусъ перваго равнялся 30 километрамъ съ таксой 10 сантимовъ, другой поясъ межаль за этимъ радіусомъ съ таксой 20 сантимовъ. Однакожъ правительство общало тогда спустить таксу до общаго уровня 10 сантимовъ всюду, когда доходъ съ почты превзойдетъ сумму двухъ милліоновъ. Вотъ уже два года, какъ время это наступило: валовой доходъ съ почты составлялъ въ 1856 году 4.550.000; изъ держки же 1.800.000 фр., и слѣдовательно чистый доходъ простирался до 2.755.000. Но министерство побоялось уменьшить свой приходъ, видя что расходы, увы! все увеличиваются, и эта дополнительная реформа была отложена. Вотъ, по этому поводу, нѣкототорыя цифры, свидѣтельствующія о томъ, какъ благодѣтельна была почтовая реформа въ нашемъ отечествѣ, несмотря на то, что она еще далеко не была вполнѣ удовлетворительна. Въ 1847 году, число отправляемыхъ писемъ было только 6.455.000; въ 1856 году число это возрасло до 18.963.000, то-есть, подъ вліяніемъ пониженія тарифа на письма, оно утроилось. Относительно газетъ увеличение было еще значительнѣе. Въ 1847 году, число газетъ, пересылаемыхъ по почтѣ, было не болѣе 4.200.000; въ 1855 году оно возрасло до 21.510.000. Правда, что здѣсь реформа была полная: газеты всякаго Формата въ Бельгій платятъ за пересылку по 1 сантиму съ листа. Неправда ли, что это представляетъ поразительное подтвержденіе вліянія дешевизны на увеличение потребления?

Наконецъ палата наша приняла договору о торговлѣ и мореплаваніи между Бельгійей и Россіей. Договоръ, заслуживаетъ тѣмъ большаго одобренія, что цѣль его не есть учрежденіе между двумя государствами системы исключеній и привилегій, но что онъ, напротивъ того, просто возстановляетъ между ними систему общаго права. Въ 1844 году намъ вздумалось сдѣлать подражаніе знаменитому акту Кромвелля онавигации, и обложить чрезмѣрно высокою таксою товары, ввозимые подъ иностраннымъ Флагомъ.

exagérée. On a décidé de leur attribuer, par exemple, le droit de fixer un prix constant et juste pour le travail. Il est inutile, je crois, de préciser qu'il s'agit là d'une pure illusion. Les prix du travail sont déterminés, comme les prix de tous les autres biens, par la loi de l'offre et de la demande, et il serait aussi impossible à un tribunal de les fixer de manière constante que de déterminer le prix du sucre, du café ou du tabac.

Une autre question intéressante a été proposée à l'examen des chambres belges : il s'agit de la réforme postale. En 1849, à la suite de l'Angleterre, nous avons transformé notre ancien système postal ; mais nous étions encore loin du modèle que nous avions adopté : nous avons divisé notre pays en deux zones ; le rayon de la première était de 30 kilomètres avec un timbre de 10 centimes, l'autre, pour les distances supérieures, avait un timbre de 20 centimes. Mais le gouvernement s'est alors engagé à abaisser le timbre au niveau général de 10 centimes partout où les revenus de la poste dépassaient le chiffre de deux millions. Cela fait deux ans que ce montant est dépassé : le revenu brut du service postal était de 4 550 000 en 1856 ; le montant de la provision s'élevait à 1 800 000 francs, et par conséquent le revenu net s'élevait à 2 755 000 francs. Mais le ministère avait peur de réduire ses recettes, vu les dépenses, hélas ! qui sont toutes en augmentation, et cette réforme a été retardée. Voici, à cet égard, quelques chiffres qui témoignent de l'utilité de la réforme postale dans notre pays, quoiqu'elle soit encore loin d'être complètement satisfaisante. En 1847, le nombre des lettres envoyées n'était que de 6 455 000 ; en 1856, ce nombre s'éleva à 18 963 000, c'est-à-dire que sous l'influence de l'abaissement du tarif des lettres, il fut multiplié par trois. En ce qui concerne les journaux, la hausse a été encore plus importante. En 1847, le nombre de journaux envoyés par courrier ne dépassait pas 4 200 000 ; en 1855, il s'élevait à 21 510 000. Il est vrai que la réforme était, sur ce dernier point, complète : les journaux de tout format en Belgique paient 1 centime par feuille pour l'envoi. N'est-il pas vrai que ce résultat apporte une confirmation frappante de l'influence du bon marché sur l'augmentation de la consommation ?

Enfin, notre Chambre a adopté un accord sur le commerce et la navigation entre la Belgique et la Russie. Ce traité mérite d'autant plus d'être approuvé qu'il n'a pas pour objectif d'établir un système d'exceptions et de privilèges entre les deux États, mais qu'au contraire il rétablit simplement un système de droit commun entre eux. En 1844, nous avons décidé d'imiter le célèbre Acte de navigation de Cromwell et d'imposer une taxe excessivement élevée sur les marchandises importées sous pavillon étranger. L'étranger ne manqua

Намъ не преминули отплатить тѣмъ же, и мы именно подошли подъ указъ отъ 19 іюня 1845 года, приведенный въ исполненіе съ 1 января 1846 года, въ силу котораго Россія налагала прибавочную пошлину въ 50% на товары, ввозимые судами тѣхъ странъ, которыя приняли систему дифференціальныхъ налоговъ¹. Чтò же изъ этого вышло? То, что русскія суда были какъ будто изгнаны изъ Бельгіи, а бельгійскіе корабли изъ Россіи, и что сообщеніе между обоими государствами исполнялось почти исключительно судами тѣхъ только народовъ, которые не слѣдовали системѣ дифференціальныхъ налоговъ, въ особенности *англійскими судами*. Англійскія суда не подлежали въ Россіи прибавочной 50 процентной таксѣ, тоже принуждены были сдѣлать въ ихъ пользу отступленіе отъ своего акта о навигации. Итакъ, вотъ къ чему повело это глубокое соображеніе протекціонизма: къ тому, чтобъ Англии предоставить монополію транспортовъ между Бельгіей и Россіей, обогатить англійскій Флотъ насчетъ бельгійскаго и русскаго! Къ счастью, послѣ почти двѣнадцатилѣтнихъ размышленій, У насъ наконецъ поняли, что система эта была не что иное, какъ грубое самообольщеніе, и послѣдніе слѣды закона о дифференціальныхъ налогахъ были уничтожены закономъ 19 іюня 1856 года. Итакъ мы уже не подлежимъ указу 1845 года, и не было даже необходимости заключать договоръ для восстановления общаго права между двумя государствами. Впрочемъ этотъ трактатъ можетъ имѣть только слабое вліяніе на развитие нашихъ взаимныхъ сношеній, потому что конкуренція между судами бельгійскими и русскими, допущенными теперь къ участию въ перевозѣ товаровъ, не будетъ имѣть достаточно силы, чтобы много понизить цѣну Фрахтовъ между Антверпеномъ и русскими портами. Чтобы развить наши обоюдныя сношенія, необходимо было бы болѣе коренное преобразование вашего таможенного тарифа. Большую часть вашихъ произведеній мы получаемъ беспошлинно или только съ очень небольшими налогами; менѣ и конопля въ сыромъ видѣ проходятъ беспошлинно, маслянистыя сѣмена план тятъ 2,40 фр. съ 1000 километр.; строевой лѣсъ нераспиленный 3,60 фр. за кубическій метръ, распиленный 7,20 и 10,80, фр. зерновой хлѣбъ 0,60 фр. съ 100 километровъ. Это весьма немного и сверхъ того наша масляная промышленность, на примѣръ, сильно протестуетъ противъ пошлины съ масляныхъ сѣменъ, и по всей вѣроятности ея требованія наконецъ будутъ удовлетворены. Напротивъ того пошлины, которыми вы облагаете наши вывозные товары, а именно ткани, очень высоки.

¹ Дифференціальными называются пошлины, когда одинъ и тотъ же товаръ платитъ разную пошлину, смотря по тому, на какомъ судѣ и изъ какой страны онъ привезенъ.

pas de nous rendre la pareille, et nous tombâmes sous le coup du décret du 19 juin 1845, en vigueur depuis le 1er janvier 1846, en vertu duquel la Russie imposait un droit supplémentaire de 50% sur les marchandises importées par les navires des pays qui avaient adopté un système de taxes différentielles. ¹ Qu'est-il arrivé ? C'est que les navires russes semblaient être expulsés de la Belgique et les navires belges de la Russie, et que la communication entre les deux États s'effectuait presque exclusivement par les navires des nations qui ne suivaient pas le système des taxes différentielles, notamment par les navires anglais. Ces deniers n'étaient pas soumis à une taxe supplémentaire de 50% en Russie. Voilà donc à quoi a conduit ce profond système protectionniste : à donner à l'Angleterre le monopole du transport entre la Belgique et la Russie, et à enrichir la flotte anglaise au détriment de la flotte belge et russe ! Heureusement, après presque douze années de réflexion, on s'est finalement rendu compte que ce système n'était qu'une grossière illusion, et les dernières traces du décret sur les taxes différentielles ont été détruites par la loi du 19 juin 1856. Nous ne sommes donc plus soumis au décret de 1845, et il n'a même pas été nécessaire de conclure un accord pour rétablir le droit commun entre les deux États. Le traité ne peut cependant avoir qu'une faible influence sur le développement de nos relations mutuelles, car la concurrence entre les navires belges et russes, désormais autorisés à participer au transport de marchandises, n'aura pas assez de force pour réduire significativement le prix du fret entre le port d'Anvers et les ports de la Russie. Afin de développer nos relations mutuelles, une transformation plus radicale de votre tarif douanier serait nécessaire. Nous recevons la plupart de vos produits en franchise de droits ou avec de très faibles taxes ; le chanvre brut entre en franchise de droits, les graines oléagineuses paient 2,40 francs environ les 1 000 kg ; le bois de construction non scié 3,60 francs le mètre cube, scié 7,20 et 10,80 fr., enfin les céréales 0,60 fr. les 100 kg. C'est très peu, et d'ailleurs nos industriels protestent vigoureusement contre les taxes sur les graines oléagineuses, par exemple, et, selon toute vraisemblance, leurs revendications recevront satisfaction. Au contraire, les droits que vous imposez sur nos produits d'exportation, notamment les tissus, sont très élevés. Et tandis que nous vous achetons chaque année pour

¹ On parle de droits différentiels, lorsqu'un même produit est soumis à des droits différents, selon le navire et le pays d'origine.

И между тѣмъ какъ мы ежегодно покупаемъ у васъ на 20 миллионѣвъ земледѣльческихъ или лѣсныхъ продуктоѣвъ, вы берете у насъ не болѣе, какъ на 3 или 4 миллиѣна нашихъ Фабричныхъ издѣлій. Понизьте же немного болѣе вашъ тариФъ, и намъ легко будетъ продать вамъ на 15 или на 20 миллиѣновъ нашихъ произведеній, покупая при этомъ вашихъ на 30 или 40 миллиѣновъ. Не во гнѣвъ будь сказано приверженцамъ торговаго баланса, отъ этого выиграютъ обѣ стороны.

Наше *Общество для таможенной реформы* завершило свою третью кампанію 2 мая тек года большимъ митингомъ въ Вервѣе, главномъ центрѣ нашей пропаганды. Передовые люди этого общества и самыя дѣятельныя члены его суть люди *практическіе*, промышленники или негоціанты. Теоретики составляютъ въ немъ только незначительное дополненіе; Фактъ этотъ свидѣтельствуеъ, что въ Бельгій экономическія понятія рѣшительноперешли изъ научной сферы въ торговый міръ. Тѣмъ не менѣе, однако, Общество еще встрѣчаетъ сильное сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ Фабрикантоѣвъ и въ особенности со стороны Фабрикантоѣвъ хлопчатобумажнаго производства, которое сосредоточено въ городѣ Гентѣ. Эти промышленники безсовѣстнымъ образомъ воспользовались предразсудками, которые питаеътъ народъ противъ приверженцеѣвъ свободной торговли, и взвели на послѣднихъ обвиненіе, будто они *подкуплены Англичанами*, обвиненіе, столь же важное въ Бельгій, какъ и во Франціи, и быть-можетъ какъ и въ Россіи. Но приверженцы свободной торговли были столь разсудительны, что неслишкомъ этимъ встревожились и продолжали пропаганду, перенося изъ города въ городъ свои митинги. Они даже были и въ Гентѣ, гдѣ въ первый разъ ихъ освистали, а во второй осыпали рукоплесканіями. На общественное мнѣніе, которое сначала вообще имъ не благоприятствовало, произвела сильное впечатлѣніе ихъ твердость, и оно мало по малу переходитъ на ихъ сторону. Въ обнародываемыхъ нынѣ донесеніяхъ нашей коммерческой палаты, многознаменательно подтверждается польза, принесенная пропагандой приверженцеѣвъ свободной торговли.

У насъ въ Бельгій 20 коммерческихъ палаты, и каждое изъ этихъ совѣщательныхъ собраній обязано обнародовать ежегодный отчетъ о состояніи торговли и промышленности въ своемъ округѣ. Палаты могутъ также вносить въ эти отчеты свои желанія относительно реФормы, которыя надо произвести въ законодательствѣ, относительно учрежденій, требуемыхъ пользою торговли и промышленности и пр. и пр. Но еще недавно отчеты коммерческихъ палатъ, по большей части, обнаруживали стремленія болѣе или менѣе запечатлѣнные духомъ протекціонизма; теперь же напротивъ либеральныя стремленія становятся

20 millions de produits agricoles ou forestiers, vous ne nous prenez que pour 3 ou 4 millions de produits industriels. Abaissez encore un peu votre tarif, et il nous sera facile de vous vendre pour 15 ou 20 millions de nos produits, tout en achetant pour 30 ou 40 millions des vôtres. Malgré les plaintes des partisans de la balance commerciale, ce sera au bénéfice des deux partis.

Notre Association pour la réforme douanière a conclu sa troisième campagne le 2 mai dernier par un grand meeting à Verviers, principal centre de notre propagande. Les dirigeants de cette société et ses membres les plus actifs sont des gens pratiques, industriels ou commerçants. Les théoriciens n'en constituent que la plus faible partie. Ce fait témoigne qu'en Belgique les théories économiques se sont déplacées de manière décisive du domaine scientifique vers le monde commercial. Néanmoins, l'Association se heurte encore à une forte résistance de la part de certains fabricants, notamment de la part des fabricants de coton, concentrés dans la ville de Gand. Ces industriels ont profité sans vergogne des préjugés que le peuple nourrit contre les partisans du libre-échange, et ils ont jeté à ces derniers l'accusation d'avoir été soudoyés par les Anglais, accusation aussi confondante en Belgique qu'en France et peut-être qu'en Russie. Mais les partisans du libre-échange sont gens si raisonnables qu'ils ne s'en inquiètent pas trop et qu'ils poursuivirent leur propagande, organisant des rassemblements dans toutes les villes. Ils se sont même rendus à Gand, où la première fois ils ont été hués, et où la seconde fois ils ont été applaudis. L'opinion publique, qui d'abord ne les appuyait pas du tout, fut fortement impressionnée par leur fermeté et peu à peu elle se rangea de leur côté. Les rapports de notre Chambre de Commerce, en cours de publication, confirment de manière significative les bienfaits produits par la propagande des partisans du libre-échange.

On compte 20 chambres de commerce en Belgique, et chacune de ces assemblées consultatives est tenue de publier un rapport annuel sur l'état du commerce et de l'industrie dans sa circonscription. Les chambres peuvent également inclure dans ces rapports leurs souhaits concernant les réformes à opérer dans la législation, concernant les institutions nécessaires au développement du commerce et de l'industrie, etc., etc. Mais jusqu'à ces derniers temps, les rapports des chambres de commerce, pour la plupart, étaient plus ou moins empreints de l'esprit protectionniste ; aujourd'hui, au contraire, les aspirations libérales deviennent prédominantes. Les

преобладающими. Отчеты коммерческих палатъ въ Антверпенѣ, въ Лионѣ и въ Вервье особенно замѣчательны прямою и ясностью своихъ желаній въ пользу свободы торговли. Итакъ мы можемъ надѣяться, что преобразование нашего тарифа, начало которому положено уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ отчасти уменьшеніемъ, отчасти уничтоженіемъ пошлины на сырые матерьялы и на съѣстные припасы, не замедлитъ дополниться отмѣною нашихъ навигаціонныхъ законовъ.

Относительно новыхъ изданій я могу указать вамъ только на немногія книги, чисто политико-экономическія. Наиболѣе замѣчательныя Изъ нихъ суть: 1-й томъ *Traité théorique et pratique d'économie politique* (теоретической и практической трактатъ о политической экономіи) г. Курселль-Сенёля, достойнаго автора *Traité des opérations de banque* (трактата о банковыхъ операціяхъ) и *Manuel des affaires* (руководство къ торговымъ дѣламъ), которые вамъ извѣстны. Г. Курселль-Сенёль, принявшій въ послѣдніе годы кафедру политической экономіи въ Чили, есть одинъ изъ самыхъ основательныхъ умовъ между членами Парижскаго политико-экономическаго общества. Послѣ справедливо оплакиваемаго Шарля Коклена, г. Курселль-Сенёль былъ самымъ лучшимъ защитникомъ свободы банковъ. За тѣмъ слѣдуютъ: *Éléments de finances et de statistique* (основныя начала Финансовъ и статистики), далѣе небольшою томику *Abrégé des principes de l'économie politique* (сокращеніе началъ политической экономіи) г. Жозефа Гарнье. Авторъ *Éléments de finances et de statistique* старается сначала ясно опредѣлить науку о Финансахъ и со своею обыкновенною краткостью и ясностью характеризуетъ ее слѣдующими словами, которыя вы мнѣ позволите привести.

« Наука финансовъ еще мало развита, а между тѣмъ она составляетъ одну изъ главныхъ отраслей политической экономіи. Когда мы достаточно ознакомимся съ нею, она научитъ насъ, какъ удовлетворить истиннымъ потребностямъ государства помощью не мнимыхъ, а истинныхъ средствъ его. До сихъ поръ правительства большею частью находили удобнѣе предоставить средства на произволъ потребностямъ, и не разъ срубали все дерево, чтобы собрать съ него плоды. Не то, чтобы назначеніе науки заключалось въ постоянномъ соглашеніи потребностей съ обычными доходами. Нѣтъ: такой образъ дѣйствій, не требующій впрочемъ высокихъ познаній, можетъ повредить пользамъ государства. Наука о финансахъ, въ настоящемъ смыслѣ, должна подчинить себѣ вмѣстѣ и потребности, и средства... Она заключается, съ одной стороны, въ самомъ рациональномъ выборѣ средствъ, съ другой стороны въ прекращеніи бесполезныхъ расходовъ, и должна обоими этими путями облегчить обществу тяжесть налоговъ, то-есть она должна

rapports des chambres de commerce d'Anvers et de Verviers sont surtout remarquables par la franchise et la clarté de leurs souhaits en faveur du libre-échange. On peut donc espérer que la réforme de notre tarif, commencée il y a quelques années par la réduction et la suppression partielles des droits sur les matières premières et les denrées, ne tardera pas à être complétée par l'abolition de nos lois sur la navigation.

En ce qui concerne les publications nouvelles, je ne peux que vous signaler quelques ouvrages ayant trait directement à l'économie politique. Les plus remarquables d'entre eux sont : le premier volume du *Traité théorique et pratique d'économie politique* de M. Courcelle-Seneuil, le digne auteur du *Traité des opérations de Banque* et du *Manuel des affaires*, que vous connaissez. M. Courcelle-Seneuil, qui a accepté ces dernières années d'enseigner l'économie politique au Chili, est l'un des esprits les plus profonds de la Société d'économie politique de Paris. À la suite du justement déploré Charles Coquelin, M. Courcelle-Seneuil fut le meilleur défenseur de la liberté des banques. Citons ensuite : les *Éléments de finances et de statistique*, puis un petit volume d'*Abrégé des principes de l'économie politique* de M. Joseph Garnier. L'auteur des *Éléments de finances et de statistique* tente d'abord de définir clairement la science financière et, avec sa brièveté et sa clarté habituelles, la caractérise dans les mots suivants, que vous me permettez de citer.

« La science des finances est encore peu avancée, et cependant elle est une des principales branches de l'économie politique. Lorsqu'on la connaîtra suffisamment, elle enseignera les moyens de pourvoir aux véritables besoins de l'État par ses véritables ressources. Jusqu'à présent, la plupart des gouvernements ont trouvé plus commode de mettre les ressources à la discrétion des besoins, et plus d'une fois ils ont coupé l'arbre pour cueillir les fruits. Ce n'est pas que la science consiste toujours à régler les besoins sur les ressources ordinaires. Cette manière d'agir, qui n'exige d'ailleurs que des connaissances d'un ordre plus secondaire, peut compromettre le service de l'État. La science des finances bien entendue doit dominer à la fois les besoins et les ressources... Elle consiste à préférer d'une part les ressources les plus rationnelles, à supprimer les dépenses inutiles, et à alléger, par un concours de moyens dirigés vers ces deux buts, les charges publiques ; c'est-à-dire à rendre les dépenses de l'État de

сдѣлать государственные расходы все болѣе и болѣе производительными, стараться все менѣе и менѣе ограничивать потребление и производство и, конецъ, согласовать подати съ тѣми услугами, которыя общество оказываетъ каждому классу гражданъ. Короче сказать: удовлетворить нормальнымъ потребностямъ общества самыми соотвѣтственными средствами. »

Вотъ цѣль, къ которой должно стремиться. Но увы! намъ до нея еще очень далеко. Затѣмъ г. Гарнье дѣлаетъ обзорѣне государственныхъ расходовъ и разборъ средствъ, служащихъ къ удовлетворенію ихъ, налоговъ и займовъ. Въ заключеніи онъ разбираетъ вопросы о погашеніи долга, превращеніи ренты и Финансовыхъ реформахъ. *Éléments de statistique* составлены съ нѣкоторыми дополнительными подробностями изъ превосходной статьи подъ заглавіемъ *statistique*, помѣщенной авторомъ въ *Dictionnaire de l'économie politique*. Книжка дополнена нѣсколькими « этюдами », которыхъ замѣчательнѣйшіе касаются нищеты и ея причинъ, цѣли политической экономіи и границъ этой науки. Все это написано основательно, наполнено фактами и полезными свѣдѣніями, которыя очень приятно встрѣтить въ методическомъ изложеніи небольшой и дешевой книги. *Abrégé des éléments de l'économie politique* (сокращеніе основныхъ началъ политической экономіи), которое съ успѣхомъ можетъ замѣнить теперь уже нѣсколько устарѣвшій катехизисъ Ж.-Б. Сэя, содержитъ обзорѣне главныхъ данныхъ науки: труда, собственности, капитала, машинъ, монетъ, задѣльной платы, кредита и пр. Авторъ присоединилъ къ этому краткій словарь, стоившій ему, вѣроятно, много труда, и въ которомъ онъ старается опредѣлить точный смыслъ главныхъ выраженій, употребительныхъ въ политической экономіи. Короче, это превосходная книжка для старшихъ воспитанниковъ первоначальныхъ школъ и для всѣхъ молодыхъ людей, начинающихъ изу хать политическую экономію. Изданіе этихъ двухъ сочиненій, которымъ предназначается облегчить распространеніе экономическихъ истинъ, составляетъ еще новую полезную услугу, оказанную наукѣ авторомъ *Éléments de l'économie politique*. Г. Гильомень, неутомимый издатель небольшой, но доблестной фаланги трудовъ Французскихъ экономистовъ, продолжаетъ печатаніе своего *Dictionnaire universel du commerce et de la navigation*, и дошелъ уже до третьяго выпуска. Сверхъ того, онъ недавно издалъ *Annuaire de l'économie politique* (политико-экономическій альманахъ на 1858 годъ). Вотъ уже 15-й годъ этого изданія, въ которомъ собраны главныя статистическія данныя, относящаяся къ народонаселенію, промышленности и торговлѣ Франціи и другихъ государствъ. Онъ готовитъ, также, переводъ ученаго и любопытнаго сочиненія Сибрари о политической

plus en plus productives, à entraver de moins en moins la consommation et la production, et enfin à proportionner les contributions aux services que chaque classe de citoyens retire de la société, c'est-à-dire encore, en moins de mots, à pourvoir aux besoins normaux de la communauté par les ressources les plus naturelles. »

Tel est bien l'objectif vers lequel nous devons tendre. Mais hélas ! nous en sommes encore très loin. Ensuite M. Garnier passe en revue les dépenses des gouvernements et analyse les moyens utilisés pour les satisfaire, impôts et emprunts. En conclusion, il examine les questions du remboursement de la dette, de la conversion des rentes et des réformes financières. Les *Éléments de statistique* forment la suite, avec quelques détails supplémentaires, d'un excellent article intitulé *Statistique*, placé par l'auteur dans le *Dictionnaire de l'économie politique*. L'ouvrage est suivi de plusieurs « études », dont les plus remarquables portent sur la pauvreté et ses causes, l'objet de l'économie politique et les limites de cette science. Tout cela est écrit avec soin, rempli de faits et d'informations utiles, qu'il est très agréable de retrouver dans une présentation méthodique et au sein d'un petit livre à bon marché. L'*Abrégé des éléments de l'économie politique*, qui peut remplacer avec succès le catéchisme désormais un peu dépassé de J.-B. Say, contient une revue des principales notions de la science : travail, propriété, capital, machines, monnaie, billets à ordre, crédit, etc. L'auteur y a joint un petit glossaire, qui lui a probablement coûté beaucoup de travail, et dans lequel il tente de déterminer le sens exact des principales expressions utilisées en économie politique. Bref, c'est un excellent livre pour les étudiants des établissements d'éducation et pour tous les jeunes qui commencent à étudier l'économie politique. Avec ces deux ouvrages, destinés à faciliter la diffusion des vérités économiques, l'auteur des *Éléments de l'économie politique* rend un nouveau service à la science. M. Guillaumin, l'infatigable éditeur d'une petite mais vaillante phalange d'économistes français, continue la publication de son *Dictionnaire universel du commerce et de la navigation* qui atteint déjà son troisième numéro. Il a d'ailleurs publié récemment l'*Annuaire de l'économie politique* pour l'année 1858. C'est la quinzième année de cette publication qui contient les principales données statistiques relatives à la population, à l'industrie et au commerce de la France et de l'étranger. Il prépare également une traduction du savant et curieux ouvrage de Cibrario sur l'économie politique au Moyen-âge,

экономіи въ средніе вѣка, и обѣщаетъ вновь издать сочиненіе г. Готьеѣлля *O правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ народовъ во время морскихъ войнъ*, изданіе, которое будетъ, какъ нельзя болѣе, кстати. Все это книги скромныя и тихія, по знаменитому выраженію Гизо, книги, которыя безъ лишняго шума ограничиваются распространеніемъ полезныхъ и здравыхъ понятій. Но вотъ сочиненіе совершенно другаго рода. Это знаменитый трехтомный памфлетъ Прудона *Sur la justice dans la Révolution et dans l'Église*, за который автора присудили къ 3-лѣтнему заключенію и къ штрафу въ 4.000 фр. Прежде всего я долженъ объявить, что не могу одобрить такого осужденія. Правда, что Прудонъ объявляетъ сомнительными большую часть началъ, на которыхъ основано существованіе обществъ; онъ, съ неслыханною дерзостью, нападаетъ на католицизмъ, и оспаривая нѣкоторыя теоріи, напримѣръ, теорію народонаселенія, щеголяетъ такою непристойностью выражений, которая заставила бы покраснѣть старыхъ казуистовъ школы Молина и Санчеса. Но, чтобъ эти шумныя нападки и эта циническая вольность языка могли представлять хотя малѣйшую опасность для общественного порядка, чтобъ отъ нихъ могъ произойти хоть малѣйшій дѣйствительный вредъ для общества, это я рѣшительно отвергаю. Право, въ теченіе послѣднихъ 10 или 15 лѣтъ, мы довольно наслушались дерзкихъ и все низпровергающихъ тезисовъ, слышали много нападокъ на собственность, семейство, на религію и общество. Поколебались ли отъ этого наши убѣжденія? Сдѣлались ли мы сень-симонистами, коммунистами, Фаланстеріянцами, атеистами? Нѣтъ! Протообщественныя ученія износились, а общество осталось. Это *басня о змѣѣ, хотѣвшей укусить пилу*. Никакіе софизмы въ мірѣ не могутъ повредить истинѣ. Софисты только притупяютъ себѣ зубы, вотъ и все. Слѣдовательно сочиненія въ родѣ тѣхъ, которыя обыкновенно пишетъ Прудонъ, болѣе шумливы, чѣмъ опасны; къ этому нужно еще прибавить, что запрещеніемъ ихъ ограничивается свобода науки ко вреду самаго общества. Умъ человѣка, какъ вы знаете, похожъ на тѣ рѣки, которыхъ наносный песокъ содержитъ золото. Металлъ этотъ, всегда бываетъ смѣшанъ здѣсь съ множествомъ грязи. Еслибы золотоискателямъ вздумали приказать — доставать металлъ, не дотрогиваясь до грязи, не значило ли бы это сдѣлать трудъ ихъ невозможнымъ? Не также ли кроется глубинѣ ума человѣческаго, разсѣянная мелкими частичками въ кучѣ заблуждений и софизмовъ, какъ золото въ рѣчной грязи? Наложить запрещеніе на заблужденіе и софизмъ не значить ли это запретить и истину? Одно изъ двухъ, или запрещенія останутся недѣйстви тельными, какъ это было, напримѣръ, въ XVIII столѣтіи, и въ такомъ случаѣ, къ чему же

et promet de rééditer l'ouvrage de M. Hautefeuille sur les droits et devoirs des peuples neutres en temps de guerres maritimes, publication qui sera fort opportune. Tous ces livres ont un ton modeste et tranquille, selon la célèbre expression de Guizot, ce sont des livres qui, sans faire de bruit inutile, se limitent à diffuser des idées utiles. Mais ici se présente un essai d'un tout autre genre. Il s'agit du célèbre pamphlet en trois volumes de Proudhon, *Sur la justice dans la Révolution et dans l'Église*, pour lequel l'auteur a été condamné à 3 ans de prison et à 4 000 francs d'amende. Tout d'abord, je dois déclarer que je ne peux approuver une telle condamnation. Il est vrai que Proudhon remet en cause la plupart des principes sur lesquels repose la société ; il attaque le catholicisme avec une audace inouïe, et tout en contestant certaines théories, par exemple la théorie de la population, il affiche une obscénité dans ses expressions qui ferait rougir les vieux casuistes de l'école de Molina et de Sanchez. Mais que ces attaques bruyantes et cette licence dans le langage puissent représenter le moindre danger pour l'ordre public, et que le moindre préjudice réel à la société puisse en résulter, c'est ce que je récusé absolument. En réalité, depuis 10 ou 15 ans, nous avons entendu bien des thèses audacieuses et subversives, nous avons assisté à beaucoup d'attaques contre la propriété, la famille, la religion et la société. Nos convictions en ont-elles été ébranlées ? Sommes-nous devenus Saint-Simoniens, communistes, phalanstériens, athées ? Non ! Les enseignements antisociaux sont épuisés, et la société demeure. Cela rappelle la fable du serpent qui voulait mordre une scie. Aucun sophisme au monde ne peut nuire à la vérité. Les sophistes ne feront que s'émauser les dents, c'est tout. Par conséquent, des œuvres comme celles qu'écrit habituellement Proudhon sont plus bruyantes que dangereuses. À cela il faut aussi ajouter qu'en les interdisant, on limite la liberté de la science au détriment de la société elle-même. L'esprit humain, comme vous le savez, est comme ces rivières dont le sable alluvionnaire contient de l'or. Le métal y est toujours mélangé à beaucoup d'impuretés. Si les chercheurs d'or décidaient d'extraire le métal sans toucher à la terre avec lequel il est mélangé, cela ne rendrait-il pas leur travail impossible ? N'y a-t-il pas aussi des choses cachées dans les profondeurs de l'esprit humain, dispersées en petites particules dans un amas d'illusions et de sophismes, comme l'or dans la boue des rivières ? Interdire l'erreur et le sophisme ne signifie-t-il pas aussi interdire la vérité ? De deux choses l'une, ou les interdictions resteront lettre morte, comme c'était par exemple le cas au XVIIIe siècle, et dans ce cas,

запрещать? — или же они будут дѣйствительны, и тогда трудъ золотоискателей науки сдѣлается невозможнымъ, самое занятіе это прекратится у того народа, который посягнетъ такимъ образомъ на свободу изслѣдованія истины, и принужденъ будетъ впредь получать ее извнѣ; онъ изсушитъ у себя источникъ умственнаго богатства, онъ по собственной винѣ обнищаетъ и подчинитъ себя другимъ. Итакъ не судилищамъ, а академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, слѣдовало предоставить произнесенеіе приговора въ первой инстанціи надъ сочиненіемъ Прудона; апеллировать же надо было къ общественному мнѣнію. Впрочемъ въ этой книгѣ ничего нѣтъ новаго; у Прудона въ самомъ дѣлѣ, новость заключается скорѣе въ формѣ, чѣмъ въ содержаніи, скорѣе въ выраженіи, чѣмъ въ мысли. Господствующая идея его книги заключается въ томъ, что справедливость есть естественный фактъ, присущій духу человѣческому независимо отъ всякихъ догматовъ но, полно, имѣетъ ли достоинство новизны это нятіе о справедливости? Самъ Прудонъ беретъ на себя трудъ сообщить намъ, что это понятіе существовало уже въ древности, что оно было принадлежностью всѣхъ древнихъ Философскихъ школы. Правда, онъ идетъ еще далѣе. Онъ утверждаетъ, что религія (Прудонъ въ особенности нападаетъ на католицизмъ) вредитъ нравственности. Но и тутъ онъ только повторяет, то старыя атеистическія книги, то возраженія протестантовъ противъ католицизма. Поэтому не стоило труда поддѣлываться подъ манеру Лютера и подражать даже грубымъ особенностямъ рѣчи великаго реформатора XVI вѣка. Впрочемъ, если существенное содержаніе книги не ново, за то Форма ея оригинальна и смѣла, она поражаетъ и невольно заставляетъ размышлять. А принуждать къ размышленію, заставляя умы глубже порыться въ наносномъ пескѣ, гдѣ кроется истина, — это чистое золото разума, — не все ли равно, что способствовать умноженію богатствъ науки, умственнаго капитала человѣчества?

Но время не терпитъ, оставимъ Прудона въ покоѣ и кончимъ бюллетень нашего ученаго міра. Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ раздала различныя преміи за отвѣты на предложенные ею вопросы: первая премія (основанная барономъ де Морогъ) за лучшее изслѣдованіе о пауперизмѣ досталась г. де Макито, ніверскому префекту. Г. Викторъ Модестъ, прекрасное сочиненіе котораго хотя и выходило изъ ряда обыкновенныхъ, но грѣшило слишкомъ большою новизною и смѣлостью, удостоился только второй медали. Вторая премія за отвѣтъ на вопросъ: *о взаимномъ отношеніи политической экономіи и нравственности*, не была присуждена, а выдана только была медаль въ тысячу

pourquoi interdire ? — ou elles seront appliquées, et alors le travail des chercheurs d'or de la science deviendra impossible, cette même occupation cessera parmi ceux qui faisaient usage de la liberté d'étudier la vérité, et on sera désormais obligé de la recevoir de l'extérieur ; on tarira la source de la richesse intellectuelle, et on s'appauvrira, de propos délibéré, pour se soumettre à d'autres. Ce ne sont donc pas les tribunaux, mais l'Académie des sciences morales et politiques, qui aurait dû prononcer en première instance un verdict sur l'œuvre de Proudhon ; puis un appel aurait été interjeté devant l'opinion publique. Cependant, il n'y a rien de nouveau dans ce livre. Chez Proudhon, en effet, la valeur réside plus dans la forme que dans le contenu, et dans l'expression plutôt que dans la pensée. L'idée dominante de son livre est que la justice est un fait naturel, inhérent à l'esprit humain, indépendamment de tout dogme ; mais, en vérité, cette idée de la justice mérite-t-elle d'être qualifiée de nouvelle ? Proudhon lui-même prend la peine de nous dire que cette idée existait déjà dans l'Antiquité, qu'elle était celle de toutes les écoles philosophiques du temps. C'est vrai qu'il va plus loin. Il soutient que la religion (et Proudhon attaque en particulier le catholicisme) nuit à la moralité. Mais même ici, il ne fait que répéter soit de vieux livres athées, soit des objections protestantes au catholicisme. Cela ne valait pas la peine d'imiter les manières de Luther et de reproduire jusqu'aux traits grossiers qui abondent dans les discours de ce grand réformateur du XVIe siècle. Cependant, si le contenu essentiel du livre n'est pas nouveau, sa forme est originale et audacieuse ; elle étonne et malgré toutes les répulsions elle fait réfléchir. Or forcer à la réflexion, forcer les esprits à creuser plus profondément dans le sable alluvionnaire où réside la vérité, ou l'or pur de la raison, n'est-ce pas contribuer à accroître la richesse de la science et le capital intellectuel de l'humanité ?

Mais l'espace nous manque, laissons Proudhon tranquille et terminons le bulletin de notre monde savant. L'Académie des sciences morales et politiques décerne divers prix en réponse aux questions qu'elle propose : le premier prix (fondé par le baron de Morogues) pour la meilleure étude sur le paupérisme, revient à M. de Magnitot, préfet de la Nièvre. M. Victor Modeste, dont l'excellente étude, bien que hors ligne, était coupable de trop d'audace et d'innovations, n'obtint que la deuxième place. Le deuxième prix, en réponse à la question : les rapports entre l'économie politique et la morale, n'a pas été décerné, mais une médaille de mille francs a été

Франковъ г. Генриху Бодрильяру, главному редактору *Journal des Économistes*, и другая медаль въ пятьсотъ франковъ г. Антуану Ронде, профессору въ Марсели. Третья премія за отвѣтъ на вопросу о причинахъ, раждающихъ поземельную ренту, и обусловливающихъ ея повыше́нiе и пониже́нiе, досталась г. Бутрону, адъюнкту университета. Донесенiе о двухъ послѣднихъ конкурсахъ, изъ которыхъ одно составлено было г. Шарлемъ Дюнойе, другое г. Ипполитомъ Пасси, перепечатано было въ *Journal des Économistes*. Когда появятся въ свѣтъ эти увѣнчанные академiею мемуары, мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ вопросамъ, которые они подняли.

Наши политико-экономическiя общества также не остаются въ бездѣйствiи. Одному замѣчательному экономисту г. Легарди де Больё, вице-президенту брусельскаго общества, пришла мысль предложить на разсмотрѣнiе трехъ обществъ разомъ, парижскаго, мадридскаго и брусельскаго, вопросъ объ обязательномъ воспитанii, по поводу котораго завязалась учтивая полемика между г. Фредерикомъ Пасси и журналомъ *Économiste belge*. Пренiя были очень интересны, но вопросъ не рѣшенъ еще окончательно, поэтому вы позволите мнѣ отложить отчетъ о немъ. Замѣтимъ только пока, что мысль придать международный характеръ пренiямъ о предметѣ, близкомъ для всѣхъ народовъ, кажется намъ очень счастливою. Не подвинется ли рѣшенiе экономическихъ вопросовъ, если они предложены будутъ въ одно время на разсмотрѣнiе обществъ, пекущихся объ успѣхахъ науки въ Парижѣ, въ Брюсселѣ, въ Мадридѣ, скоро ли мнѣ будетъ можно прибавить — и въ Москвѣ?

Парижское общество экономистовъ посвятило большую часть двухъ засѣданiй своихъ, происходившихъ 5 марта и 5 апрѣля, изслѣдованiю вопроса, объ уничтоженii крѣпостнаго состоянiя въ Россii. Въ первомъ изъ этихъ засѣданiй, оно выслушало гр. Урускаго, предводителя варшавскаго дворянства, г. Евгенiя Ламанскаго, секретаря Русскаго Географическаго общества, которые сообщили ему весьма интересныя свѣдѣнiя о нынѣшнему состоянii въ вопроса; во второмъ засѣданii г. Воловскiй и гр. Цѣшковскiй разбирали спеціально крѣпостное состоянiе въ Польшѣ. Я не устану, впрочемъ, повторять вамъ, съ какимъ глубокимъ участiемъ нашъ экономическiй мiръ слѣдитъ за великимъ подвигомъ преобразованiй, совершающихся теперь въ Россii. Мы съ полнымъ сочувствiемъ встрѣтили мѣры, принятыя съ цѣлью сдѣлать вопросъ объ уничтоженii крѣпостнаго состоянiя предметомъ обсужденiя дворянскихъ комитетовъ; намъ хотѣлось бы только, чтобы поле, открытое для обсуждения, было нѣсколько обширнѣе. Мы порадовались также и извѣстiю о выкупѣ части вашихъ

remise à M. Henri Baudrillard, rédacteur en chef du *Journal des Économistes*, et une autre médaille de cinq cents francs à M. Antoine Ronde, professeur à Marseille. Le troisième prix en réponse à la question sur les causes qui donnent naissance à la rente foncière et qui déterminent son augmentation et sa diminution, a été attribué à M. Boutron, professeur adjoint de l'université. Le compte rendu des deux derniers concours, dont l'un fut rédigé par M. Charles Dunoyer, l'autre par M. Hippolyte Passy, fut repris dans le *Journal des Économistes*. Lorsque paraîtront ces mémoires académiquement couronnés, nous aurons encore l'occasion de revenir sur les questions qu'elles soulèvent.

Nos sociétés d'économie politique ne restent pas non plus inactives. Un remarquable économiste, M. Lehardy de Beaulieu, vice-président de la Société de Bruxelles, a eu l'idée de proposer à l'examen de trois sociétés à la fois, Paris, Madrid et Bruxelles, la question de l'enseignement obligatoire, qui a donné lieu à une polémique polie entre M. Frédéric Passy et le journal *l'Économiste Belge*. Le débat a été très intéressant, mais la question n'est pas encore définitivement résolue, et c'est pourquoi vous me permettez de reporter le rapport que je dois en faire. Notons simplement pour l'instant que l'idée de donner un caractère international au débat sur un sujet qui concerne tous les peuples nous paraît très heureuse. La solution des problèmes économiques ne progressera-t-elle pas s'ils sont proposés en même temps à l'examen des sociétés soucieuses du succès de la science à Paris, à Bruxelles, à Madrid et, si je puis ajouter bientôt, à Moscou ?

La Société d'économie politique de Paris a consacré l'essentiel de ses deux dernières réunions, qui se sont déroulées les 5 mars et 5 avril, à examiner la question de l'abolition du servage en Russie. Dans la première de ces réunions, elle a écouté le comte Uruski, chef de la noblesse de Varsovie, M. Eug. Lamansky, secrétaire de la Société russe de géographie, qui lui ont fourni des informations très intéressantes sur l'état actuel de la question ; lors de la deuxième réunion, M. Wolowski et M. Cieszkowski ont analysé spécifiquement le servage en Pologne. Je ne me lasserai pas de vous répéter avec quelle profonde sympathie notre monde économique suit le grand mouvement de transformation qui s'opère actuellement en Russie. Nous avons accueilli avec une grande sympathie les mesures prises pour faire de la question de l'abolition du servage un sujet de discussion dans les comités de nobles ; nous souhaiterions seulement que le champ ouvert à la discussion soit un peu plus large. Nous nous sommes également réjouis de la nouvelle du rachat d'une

бумажных денегъ, какъ самой дѣйствительной мѣрѣ для подержанія цѣнности остальныхъ, и для предупрежденія бѣдствій неминуемо слѣдующихъ за пониженіемъ цѣнностей, находящихся въ обращеніи. Наконецъ мы порадовались еще, когда узнали, что правительство предполагаетъ предоставить частной промышленности эксплуатацію мануфактуру и рудниковъ, чтобы все болѣе и болѣе заключить себя въ предѣлы своихъ естественныхъ обязанностей. Преобразованія эти, такъ мало ожидаемыя, такъ кстати предпринимаемыя, доставили намъ удовольствіе по крайней мѣрѣ равное тому, какое мы недавно испытали будучи свидѣтелями великихъ преобразованій, совершенныхъ Робертомъ Пилемъ въ Англій. Мы изъ і являемъ благодарность свою просвѣщенному и великодушному монарху, проникшемуся, кажется, тѣмъ же духомъ, который составляетъ величіе англійскаго министра; когда мы думаемъ о государѣ, поставляющемъ славу свою въ томъ, чтобы поселить благосостояніе и свободу въ скромной хижинѣ крестьянина, намъ невольно приходять на память слѣдующія благородныя слова Пила:

« Я оставлю, можетъ быть, имя, о которомъ съ удовольствіемъ будутъ вспоминать въ жилищѣ того, кто въ потѣ лица добываетъ свой насущный хлѣбъ, когда ему дано будетъ возстановлять свои силы пищею обильной и тѣмъ болѣе приятной, что сознание несправедливости перестанетъ сообщать ей горечь. »

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

partie de votre papier-monnaie, mesure la plus efficace pour soutenir la valeur du reste de votre monnaie, et pour prévenir les désastres qui suivent inévitablement une diminution des valeurs en circulation. Enfin, nous nous sommes réjouis encore davantage lorsque nous avons appris que votre gouvernement entendait remettre à l'industrie privée l'exploitation des manufactures et des mines, afin de se cantonner de plus en plus dans les limites de ses devoirs naturels. Ces transformations, si énergiques, si opportunément entreprises, nous procurent un plaisir au moins égal à celui que nous éprouvâmes jadis devant les grandes transformations opérées par Robert Peel en Angleterre. Nous exprimons notre gratitude au monarque éclairé et magnanime, qui semble imprégné du même esprit qui a fait la grandeur du ministre anglais. Lorsqu'on voit un souverain se faire gloire d'introduire la prospérité et la liberté jusque dans l'humble hutte du paysan, on pense immanquablement aux nobles paroles de Peel :

« Peut-être laisserai-je un nom qui sera quelquefois prononcé avec des expressions de bienveillance dans les demeures de ceux dont le lot en ce monde est le travail, qui gagnent leur pain à la sueur de leur front, et qui se souviendront de moi quand ils répareront leurs forces par une nourriture abondante et franche d'impôt, d'autant plus douce pour eux qu'aucun sentiment d'injustice n'y mêlera plus son amertume. »

GUSTAVE DE MOLINARI.

ИМПЕРАТОРЪ НАПОЛЕОНЪ Ш
КАКЪ ПИСАТЕЛЬ

Нѣскольکو времени тому назадъ газета *Times* величала Наполеона Ш названіемъ «Сфинкса новѣйшихъ временъ». Слово это всѣмъ показалось очень мѣтко. И въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи мало найдется людей, которые надѣлали бы міру столько *сюрпризовъ*, и дѣйствія которыхъ были бы въ такой степени отмѣчены печатью *неожиданности*. Какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика Наполеона Ш дѣйствуетъ какъ-то скачками, являясь то стѣснительною до невозможности, то снисходительною и почти либеральною, то мирною и консервативною, то воинственною и почти революціонною. Куда стремится Наполеонъ II? Какая цѣль его? И въ добавокъ, есть ли у него какая-нибудь цѣль, кромѣ поддержанія своей власти и утвержденія своей династій? Что онъ такое? Обыкновенный ли честолюбецъ, для котораго власть одно только средство удовлетворять своимъ матеріальнымъ желаніямъ и своей страсти къ господству, составляющему для него источникъ личныхъ наслажденій? Или онъ честолюбецъ высшаго разряда, который почитаетъ власть средствомъ къ осуществленію политической системы, необходимой, по его мнѣнію, для величія и благосостоянія его родины и всего рода человѣческаго? А если мы допустимъ эту послѣднюю гипотезу, то въ чемъ же состоитъ политическая система Наполеона Ш? Положимъ, наконецъ, что система эта извѣстна, не случается ли ему уклоняться отъ нея? Твердо ли онъ держится ея, идетъ ли онъ неуклонно къ своей цѣли, несмотря на неровности, на скачки, на кажущіяся противорѣчія его политики? Вотъ, что необходимо изслѣдовать, чтобы разрѣшить загадку сфинкса.

Это еще не все. По разрѣшеніи загадки, по отысканіи ключа къ политическому образу дѣйствій «Сфинкса новѣйшихъ временъ», необходимо еще оцѣнить этотъ образъ дѣйствій съ точки зрѣнія общихъ интересовъ цивилизаціи. Если мы допустимъ, что императоръ Французовъ имѣетъ свою систему и преслѣдуетъ какую-нибудь цѣль, или стремится осуществить какой-нибудь идеаль, то необходимо еще разсмотрѣть, истинна или ложна его система, стоитъ ли эта цѣль, этотъ идеаль на дорогѣ, указанной Провидѣніемъ человѣчеству, полагаетъ ли императоръ Французовъ препятствія всеобщему прогрессу или содѣйствуетъ ему.

Вотъ двойная проблема, которую мы предложили себѣ, принимаясь за изученіе одного изъ современныхъ дѣятелей, которому судьба даровала возможность имѣть такое сильное

NAPOLÉON III PUBLICISTE

[Le *Times* qualifiait, il y a quelque temps, l'empereur Napoléon III de sphinx moderne. Le mot a fait fortune. Il est peu d'hommes en effet, qui aient causé autant de *surprises* au monde, peu d'hommes dont les actes aient eu, au même degré, le cachet de l'imprévu. À l'intérieur comme au dehors, sa politique, tour à tour compressive et libérale, conservatrice et révolutionnaire, pacifique et guerrière, procède par saccades et abonde en péripéties inattendues. C'est le vol inégal et heurté de l'hirondelle ou de la chauve-souris, tantôt rasant la terre, tantôt s'élevant par un essor brusque et soudain, tantôt virant à droite, tantôt virant à gauche, soit que l'oiseau ne sache pas bien lui-même la direction qu'il veut suivre et qu'il obéisse à son instinct capricieux ou au vent qui souffle, soit qu'il veuille dissimuler sa marche pour la rendre plus sûre. Où va l'empereur Napoléon III ? Quel est son but ? Et d'abord, en dehors du maintien de son pouvoir et de la consolidation de sa dynastie, a-t-il un but ? Est-ce un ambitieux vulgaire, qui ne voie dans le pouvoir qu'un moyen de satisfaire ses appétits égoïstes ? Ou bien est-ce un ambitieux d'un ordre supérieur qui mette la force immense dont il dispose au service d'un système politique qu'il croit nécessaire à la grandeur de sa patrie et au bonheur du genre humain ? Et dans cette seconde hypothèse, quel est le système politique de Napoléon III ? Enfin, ce système étant connu, le suit-il avec fidélité, ne lui arrive-t-il jamais de s'en écarter ? Poursuit-il invariablement son but, malgré les inégalités, les soubresauts, les contradictions apparentes de sa politique ? Voilà ce qu'il s'agit de rechercher si l'on veut deviner l'énigme du sphinx.

Ce n'est pas tout. Après avoir deviné l'énigme, après avoir trouvé la clé de la conduite politique du sphinx moderne, il faut encore apprécier cette conduite au point de vue des intérêts généraux de la civilisation. En admettant que l'empereur des Français ait un système et poursuive un but ou un idéal, il s'agit de savoir si ce système est vrai ou faux, si ce but, si cet idéal est placé en avant sur la route dont la Providence a marqué les étapes à l'humanité, ou s'il s'écarte de la voie, si par conséquent, en entraînant à la poursuite d'une utopie décevante, une des nations qui servent de têtes de colonne à l'humanité, Napoléon III ne retarde point la marche de la civilisation universelle. Il s'agit, pour tout dire, de savoir si l'empereur des Français est un obstacle au progrès ou un auxiliaire du progrès.

хорошее или дурное вліяніе на своихъ ближнихъ. Долгомъ своимъ считаемъ прибавить къ этому, что мы не находимся подъ вліяніемъ какой-либо партіи, что мы а priori не противники и не приверженцы Наполеона III, что мы изучаемъ его съ точки зрѣнія чисто научной, стараясь по возможности избѣжать пристрастій; однимъ словомъ, что мы желаемъ высказать о немъ сужденіе не такъ какъ о живомъ человѣкѣ, но какъ бы объ одномъ изъ древнихъ Фараоновъ, высохшія муміи которыхъ возбуждаютъ только любознательность антикварія и алчность собирателя древностей.

Объяснивъ цѣль нашу, приступимъ къ дѣлу.

Для вѣрной оцѣнки побужденій, направляющихъ дѣятельность человѣка, необходимо сначала изучить его темпераментъ, его характеръ, его вкусы, свойства его ума; потомъ необходимо принять въ соображеніе полученное имъ воспитаніе и среду, въ которой онъ жилъ. Говоря языкомъ математиковъ, это двѣ великія силы, выводомъ или результатомъ которыхъ будутъ поведеніе и дѣятельность человѣка. Люди, близко наблюдавшіе Наполеона III, единогласно признаютъ въ немъ вліяніе двухъ натуръ, совершенно противоположныхъ — сѣверной и южной. Отъ матери своей Гортензій Боарне, онъ долженъ былъ наследовать свойства, характеризующія креоловъ. Пылкое воображеніе, смѣлое мужество, нѣкоторое великодушіе характера, въ соединеніи съ тою опрометчивостью, или лучше сказать съ тѣмъ отсутствіемъ строгаго чувства нравственной отвѣтственности, которое увлекаетъ человѣка на всякое отчаянное предпріятіе, какъ бы гибельны ни были послѣдствія его для него и для другихъ: вотъ характеристическія черты, которыя представляетъ намъ креольскій темпераментъ, надѣлившій Лудовика-Наполеона страстью къ приключеніямъ, а также и свойственную всѣмъ жителямъ юга страстью къ юга страстью къ внѣшнему блеску. Но съ этими качествами и недостатками южныхъ людей, онъ соединяетъ въ себѣ глубокомысліе, обдуманность, хладнокровіе, терпѣніе и настойчивость, характеризующія сѣверныхъ людей, и въ особенности Голландцевъ.

Таковы основы натуры, которою одаренъ сынъ бывшаго короля голландскаго и королевы Гортензій. Но это только элементы или первые матеріалы характера; воспитаніе формируетъ и измѣняетъ ихъ, подобно тому, какъ земледѣліе измѣняетъ почву. Мозгъ есть земля, производительныя способности которой болѣе или менѣе могущественны и разнообразны, смотря по элементамъ ее составляющимъ; но производительность ея зависитъ также въ значительной степени отъ обрабатыванія почвы и отъ вліянія на нее атмосферы. Какое же воспитаніе получилъ

Voilà le double problème que nous nous sommes posé en commençant cette étude sur un des hommes de notre temps auxquels il a été donné d'exercer la plus grande somme d'influence bonne ou mauvaise sur la situation de ses semblables ; à quoi nous ajouterons que nous n'avons eu aucunement le dessein d'écrire un pamphlet de circonstance, que nous ne sommes *à priori* ni l'adversaire ni l'ami de l'empereur Napoléon III ; que nous l'étudions à un point de vue purement scientifique, en nous efforçant autant que possible de nous préserver de l'influence des passions du jour ; que nous nous sommes proposé, en un mot, de le juger comme s'il s'agissait non d'un personnage vivant mais d'un de ces vieux Pharaons dont les momies desséchées n'excitent plus que la curiosité des antiquaires et l'avidité des collectionneurs. Cela dit entrons en matière.

Quand on veut être édifié sur les mobiles qui dirigent la conduite d'un homme, il faut d'abord étudier son tempérament, son caractère, ses goûts, la nature de son intelligence ; il faut ensuite se rendre compte de l'éducation qu'il a reçue et du milieu où il a vécu. Ce sont là les deux grandes forces, pour nous servir du langage des mathématiciens, dont la conduite et les actes d'un homme sont le produit ou la résultante. Eh bien, ceux qui ont observé de près l'empereur Napoléon III s'accordent à reconnaître en lui l'alliance de deux natures essentiellement dissemblables, celle du Nord et celle du Midi. Il tient de sa mère, Hortense Beauharnais, les défauts et les qualités qui caractérisent les créoles, une imagination ardente, un courage téméraire, une certaine générosité de caractère, unis à cette imprévoyance ou pour mieux dire à ce défaut du sentiment de la responsabilité morale, qui fait que l'on ne s'arrête point devant les éventualités mauvaises pour soi-même ou pour autrui d'une entreprise hasardeuse ; il tient encore du tempérament créole l'esprit d'aventures, et le goût du clinquant et des paillettes qui caractérise les méridionaux. À ces qualités et à ces défauts des hommes du midi, viennent se joindre l'esprit réfléchi et méditatif, le sang froid, la patience et l'obstination qui sont propres aux hommes du Nord et qui distinguent en particulier le peuple sur lequel son père fut appelé à régner.

Voilà les éléments ou les matières premières de la nature du fils de l'ancien roi de Hollande et de la reine Hortense. Mais ces matériaux de l'esprit et du caractère, l'éducation les façonne et les modifie, comme la culture façonne et modifie le sol. Un cerveau est une terre dont les aptitudes productives sont plus ou moins puissantes et variées selon les éléments qui la composent, mais dont la production dépend, aussi, dans une large mesure, de la culture à laquelle elle est soumise et de l'atmosphère dont elle subit l'influence. Quelle

Наполеонъ III? Въ какой общественной атмосферѣ онъ провелъ дѣтство и юность, когда умъ и характеръ человѣка формируются? Наставникомъ его былъ сынъ Леба, бывшего члена конвента и одного изъ самыхъ яростныхъ сподвижниковъ террора; Леба-отецъ раздѣлилъ потомъ участь Робеспьера. Можно предположить, что наставникъ Наполеона III съ ранней юности внушалъ ему правила, въ которыхъ былъ воспитанъ самъ, и что существенную часть программы воспитанія юнаго *императорскаго орла* составляли убѣжденія и дѣйствія этого страшнаго собранія, которое главною цѣлю поставило себѣ равенство, и для достиженія ея руководствовалось духомъ секты и деспотизмомъ, самымъ безпощаднымъ и необузданнымъ изъ всѣхъ деспотизмовъ. Слѣды этого воспитанія встрѣчаются потомъ безпрестанно въ сочиненіяхъ и въ дѣйствіяхъ Наполеона III, особенно въ первой его юности. Для возстановленія имперіи въ общемъ мнѣніи, онъ обратился прежде всего къ республиканцамъ и въ доказательство своего сочувствія къ нимъ отправился въ Италію въ качествѣ простаго волонтера, чтобы сражаться за дѣло революціи. Но воспитаніе его, среда и обстоятельства, въ которыхъ протекло его дѣтство и юность, должны были подѣйствовать еще сильнѣе уроковъ наставника на эту пламенную и впечатлительную душу, сдѣлать кумиромъ его не конвентъ, а нѣчто иное, внушить ей политическую вѣру, далеко не республиканскую. Родился онъ въ 1808 году, когда имперія достигла своего апогея, съ младенчества воспитанъ былъ въ благоговѣніи къ императору, и привыкъ почитать его какимъ-то полубогомъ, изгнаннымъ изъ Франціи только вслѣдствіе непріятельскаго нашествія; возросшій въ Швейцаріи посреди живописной и величавой природы, онъ долженъ былъ воспламеняться воспоминаніями славы императора и несчастіями узника Св. Елены, который, на своей отдаленной скалѣ, представлялся ему во всемъ своемъ величіи, со всѣмъ обаяніемъ великаго мученика. Какая же обстановка могла сильнѣе возбудить энтузіазмъ юной души, отъ природы равно наклонной къ сильнымъ страстямъ и способной сохранять долго свои впечатлѣнія, какъ огонь подъ пепломъ! А ежедневные семейные разговоры, обыкновеннымъ и неистощимымъ предметомъ которыхъ было величіе прошедшаго шага, еще болѣе ярко сіявшее сквозь мракъ паденія и изгнанія, необыкновенный геній человѣка, который создалъ это прошедшее и который теперь томился на далекомъ островѣ посреди пустыннаго океана, эти бесѣды, въ которыхъ лучезарная и торжественная сторона императорской эпопеи выступала во всемъ блескѣ, между тѣмъ какъ всѣ бѣдствія и недостатки ея тщательно были умалчиваемы, — все это питало экзальтацію юной души, страстной и мечтател-

éducation l'empereur Napoléon III a-t-il reçue ? Dans quelle atmosphère sociale a-t-il vécu, pendant cette période de l'enfance et de la jeunesse où l'esprit et le caractère sont encore en voie de formation ? Il a eu pour précepteur le fils du conventionnel Lebas, qui était, comme on le sait, l'un des plus fougueux apôtres de la Terreur, et qui partagea la destinée de Robespierre. On peut donc conjecturer que son précepteur lui inocula de bonne heure les principes dans lesquels il avait été élevé lui-même : selon toute apparence le culte des hommes et des actes de cette terrible assemblée qui se proposait pour but principal l'égalité, et qui employait comme moyen le despotisme le plus absolu et le moins scrupuleux qui fut jamais, constitua une des parties essentielles du programme d'éducation du jeune aiglon impérial. On retrouvera au surplus des traces nombreuses de cette empreinte jacobine dans les écrits et dans les actes de Napoléon III, surtout dans ceux de sa première jeunesse. Il commença comme on le verra par s'adresser aux républicains pour relever l'Empire, et il leur donna des gages en allant combattre en Italie comme simple volontaire de la Révolution. Mais sa naissance, le milieu et les circonstances au sein desquelles s'écoulèrent son enfance et sa jeunesse devaient agir plus fortement encore que ne pouvaient le faire les leçons d'un précepteur, sur cette âme ardente et impressionnable, et lui donner une autre idole que la Convention, une autre foi politique que la foi républicaine. Né en 1808, au moment où l'Empire touchait à son apogée, élevé dès sa tendre enfance à considérer l'empereur comme une espèce de demi Dieu, chassé de France par l'invasion étrangère, au moment où son esprit commençait à devenir capable de réflexion, élevé en Suisse au milieu d'une nature pittoresque et grandiose, comment ne se serait-il point passionné au souvenir des gloires impériales et des malheurs de l'exilé de Sainte-Hélène, que sa prison lointaine grandissait encore en lui donnant le prestige touchant des hautes infortunes ? Quelle situation fut jamais plus propre à exciter l'enthousiasme d'une jeune âme, que la nature avait faite à la fois propre à se passionner vivement et à conserver longtemps ses impressions, comme un feu sous la cendre ? Chaque jour, d'ailleurs, les conversations du foyer, qui avaient pour thème habituel et inépuisable les splendeurs du passé, rendues plus éclatantes encore par les ombres de la chute et de l'exil, ces conversations dans lesquelles le côté glorieux de l'épopée impériale apparaissait avec un relief colossal, tandis que les misères de ce régime étaient soigneusement laissées à l'arrière-plan, ne venaient-elles pas

ьноїи, И мало-помалу превращало эту экзальтацію въ фанатизмъ. Въ глазахъ юноши, получившаго подобное воспитаніе и надѣленнаго въ то же время качествами и недостатками Фанатиковъ, не долженъ ли былъ Наполеонъ принять грандіозные размѣры какого-то политическаго пророка, подобнаго Моисею или Лисусу Навину, которому Провидѣніе указало провести народы, освобожденные революціей, въ обѣтованную страну равенства и свободы? Продолжать дѣло его, насильственно прерванное нашею чужеземцевъ, не было ли чѣмъ-то въ родѣ священнаго долга, призванія, указаннаго Провидѣніемъ? Впрочемъ, можно ли было и сомнѣваться въ успѣхѣ этого дѣла, каковы бы на были препятствія? Вѣдь истина всегда должна восторжествовать: стоить только вѣровать въ нее и неуклонно служить ей.

Итакъ, если разобрать натуру человѣка, управляющаго нынѣ Франціей, если принять въ соображеніе полученное имъ воспитаніе, среду, въ которой протекла его юность, обстоятельства, въ которыхъ онъ жилъ, то становится понятно, что возстановленіе и продолженіе императорской системы сдѣлалось его неотвязною мыслію, господствующею задачей его жизни. Этимъ объясняются всѣ его сочиненія и поступки, это бросаетъ яркій свѣтъ на весь путь его жизни, подвергавшейся множеству случайностей, но всегда направленной къ одной цѣли, несмотря на всѣ кажущіяся уклоненія и противорѣчія; намъ ясно становится, съ какимъ человѣкомъ мы имѣемъ дѣло, мы узнаемъ почву и ея обработку, сѣмя, упавшее въ нее, обстоятельства, при которыхъ совершилось возвращеніе, и предвидимъ, какова должна быть жатва.

Императорская система, воплощающая идею революціи, императорская система, утверждающая новый порядокъ новѣйшей эры — вотъ каковъ долженъ быть идеалъ и, можно сказать, политическая религія этого энтузіастическаго и задумчиваго ума, этой души пылкой и настойчивой. Юный неопитъ наполеоновской идеи обратитъ этотъ идеалъ, эту религію въ предметъ всѣхъ своихъ помысленій, сдѣлаетъ ихъ двигателями всѣхъ своихъ дѣйствій. И онъ будетъ дѣйствовать то перомъ для изложенія ученія, которому служить, то мечомъ для приложенія его къ дѣлу. Смотря по обстоятельствамъ, онъ будетъ или писателемъ или политическимъ дѣятелемъ. Политическій дѣятель показали уже себя міру, за писатель остался почти въ неизвѣстности. Сочиненія его, при выходѣ въ свѣтъ, не произвели большаго впечатлѣнія, и даже въ послѣдствіи, когда авторъ ихъ занялъ такое видное мѣсто, они едва вышли изъ забвенія. Эта постоянная неизвѣстность, въ которой оставался писатель, въ то время какъ политическій дѣятель обратилъ на себя всеобщее вниманіе, зависитъ отъ разныхъ причинъ. Впервые оттого, что

alimenter son exaltation juvénile ? Napoléon ne devait-il pas prendre aux yeux d'un jeune homme, élevé dans ces circonstances et dans ce milieu, les proportions d'une sorte de prophète politique, d'un Moïse ou d'un Josué, chargé de conduire dans la terre promise de l'égalité et de la liberté, les peuples émancipés par la Révolution ? Continuer son œuvre violemment interrompue, n'était-ce pas, en quelque sorte, un devoir sacré, une mission providentielle ? Le succès de cette mission ne pouvait d'ailleurs être douteux quels que fussent les obstacles à surmonter, car la vérité finit toujours par avoir gain de cause : il suffit d'avoir foi en elle, et de ne jamais se décourager de la servir.

En analysant ainsi la nature de l'homme qui gouverne maintenant la France, en tenant compte de l'éducation qu'il a reçue, du milieu au sein duquel s'est passé sa jeunesse, des circonstances dans lesquelles il a vécu, on conçoit que la restauration du régime impérial soit devenue son idée fixe, le but souverain de sa vie. Ses écrits et ses actes s'expliquent, on a une lumière qui permet de suivre le fil de cette existence si accidentée, mais toujours dirigée vers un même but malgré ses déviations et ses contradictions apparentes ; on sait à quel homme on a affaire : on connaît le terrain, la culture qu'il a reçue, le grain dont on l'a ensemencé, les circonstances au sein desquelles la germination s'est faite, on peut prévoir quelle sera la moisson.

Le régime impérial incarnant dans les faits la pensée de la Révolution, le régime impérial établissant l'ordre nouveau de l'ère moderne, voilà quel va être l'idéal et presque la religion politique de cet esprit enthousiaste et méditatif, de cette âme ardente et obstinée. Le jeune néophyte de l'idée napoléonienne en fera désormais l'objet de toutes ses pensées, le mobile de toutes ses actions, et tour à tour il se servira de la plume pour exposer la doctrine dont il est l'apôtre, et de l'épée pour la faire régner. Il sera, selon les circonstances, écrivain ou homme d'action. L'homme d'action s'est fait assez connaître ; en revanche l'écrivain est demeuré obscur. Ses œuvres ont fait peu de bruit à leur apparition, et, plus tard, lorsque l'auteur eut commencé à jouer un rôle prépondérant, elles ne sont point sorties de l'oubli. Cette obscurité persistante où est demeuré l'écrivain, alors que l'homme d'action devenait le point de mire de tous les regards, tient à différentes causes. Elle tient surtout à ce que les écrits du

сочиненія Наполеона III, возвышаясь, правда, надъ уровнемъ посредственности, не отличаются достоинствомъ идеи или формы; нельзя отрицать, что они носятъ на себѣ печать восторженныхъ вѣрованій, но такъ какъ «наполеоновская идея», предметъ этихъ вѣрованій, не облечена лучезарнымъ ореоломъ истины, такъ какъ императорская система — эмпирическое порожденіе обстоятельствъ — не заключаетъ въ себѣ элементовъ системы, которая была бы въ состояніи удовлетворить умъ, и еще менѣе элементовъ идеала, который могъ бы удовлетворить душу, то вѣра, одушевляющая автора, и даже ловкость изложенія нисколько не уравновѣшиваютъ недостатковъ его доктрины.

По своей ли собственной винѣ, или по винѣ защищаемого имъ дѣла, но только онъ не привлекаетъ къ себѣ и не приковываетъ вниманія вѣрностью и глубиной мысли, онъ не удовлетворяетъ ни экономиста, ни политика, ни философа, онъ не ослѣпляетъ также блескомъ своихъ софизмовъ или не сбиваетъ съ пути, не изумляетъ ловкостью своей діалектики тѣхъ, кого убѣдить онъ не въ состояніи. Ясность и искусство изложенія доставили бы ему видное мѣсто между писателями, еслибъ онъ посвятилъ себя на служеніе идеѣ вѣрной и истинной; они не достаточны для прикрытія всей экономической, политической и нравственной нищеты, отличающей «наполеоновскую идею». Вотъ почему писатель, несмотря на нѣкоторыя серьезные достоинства, не могъ сразу приобрести извѣстность: талантъ его былъ не довольно великъ, — а необходимъ былъ талантъ громадный, — чтобы прикрыть внутреннюю пустоту дѣла, котораго защитникомъ онъ являлся. Кто хотѣлъ узнать и оцѣнить самое дѣло, тотъ старался изучить его изъ первыхъ источниковъ, изъ словъ и дѣйствій Наполеона I. Позднѣе, когда писатель исчезъ передъ политическимъ дѣятелемъ, въ немъ видѣли только обыкновеннаго честолюбца и потому не приписывали его сочиненіямъ никакого значенія, никакой важности, почитая ихъ не искренними. Глубокая и пламенная вѣра, которою они были проникнуты, считалась поддѣльною; сочиненіями Наполеона III пользовались партія бонапартистовъ и партія республиканская, для взаимныхъ перекорговъ, и брали изъ нихъ, что было имъ пригодно. Но люди другихъ партій не полагали, что стоило бы пересматривать сочиненія не выражавшія нисколько дѣйствительныхъ убѣжденій автора, — допустивъ даже, что у него были убѣжденія, — и потому самому нисколько не ведущія къ объясненію его истинныхъ намѣреній. Такое предположеніе было ошибочно. Событія доказали и доказываютъ ежедневно, что политическій дѣятель поступаетъ такъ, какъ думалъ писатель, и что въ сочиненіяхъ Наполеона III можно найти объясненіе всѣхъ его дѣйствій.

prince Louis Napoléon, quoique dépassant certainement le niveau ordinaire, ne se distinguent ni par les grandes qualités de la pensée ni par celles de la forme. Elles portent, à la vérité, le cachet d'une foi enthousiaste, mais comme le régime impérial, objet de cette foi, ne renferme point les éléments d'un système qui satisfasse l'esprit et encore moins d'un idéal qui satisfasse l'âme, la conviction dont l'auteur est animé et même l'habileté d'exposition dont il fait preuve ne suffisent point pour suppléer à ce qui manque à sa doctrine.

Soit par sa faute ou plutôt encore par celle de la cause qu'il soutient, il n'attire et ne retient point par la justesse et la profondeur de la pensée, il ne satisfait ni l'économiste, ni le politique, ni le philosophe ; il n'éblouit point non plus par l'éclat de ses sophismes ou il ne déroute point en les étonnant, par la subtilité de sa dialectique, ceux qu'il ne réussit pas à convaincre ; sa clarté et son habileté d'exposition suffiraient pour lui assigner une belle place s'il les avait mises au service d'une idée juste, elles ne suffisent point pour dissimuler la pauvreté économique, politique et morale de « l'idée napoléonienne ». Voilà pourquoi l'écrivain n'a point, tout d'abord, malgré quelques qualités sérieuses, réussi à sortir de l'obscurité : c'est que son talent n'était pas assez riche — et il aurait dû l'être beaucoup — pour suppléer à l'indigence de la cause à laquelle il s'était voué. Plus tard, lorsque l'écrivain eut décidément fait place à l'homme d'action, comme on ne voulait voir en lui qu'un ambitieux jeté dans le moule ordinaire, on n'a attribué à ses œuvres aucune signification, aucune importance, parce qu'on ne les croyait point sincères. La foi profonde et enthousiaste dont elles portaient l'empreinte a été regardée comme purement factice, et l'on n'a pas pensé, en conséquence, qu'il valut la peine de revenir sur des œuvres qui n'exprimaient point les convictions réelles de leur auteur, ne pouvaient éclairer sur ses desseins véritables. On s'est trompé. Les événements ont prouvé et prouvent tous les jours que l'homme politique agit comme l'écrivain pensait, et qu'on peut trouver dans les écrits du prince Louis Napoléon l'explication des actes de l'empereur Napoléon III.

Мы постараемся поправить эту ошибку, представивъ во всевозможной полнотѣ Наполеона III, какъ писателя. Мы разберемъ его сочиненія совершенно безпристрастно, поясняя этотъ разборъ нѣкоторыми біографическими указаніями, и по возможности чаще будемъ приводить слова самого императора-писателя, чтобы не пало на насъ обвиненіе въ искаженіи его мыслей. По прочтеніи этого анализа, можно будетъ убѣдиться въ достоинствѣ системы, которой онъ служитъ, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстны средства, которыя онъ употребилъ, чтобы доставить ей торжество.

I.

Карль-Лудовикъ-Наполеонъ¹ Бонапартъ (сказано въ краткомъ біографическомъ очеркѣ, предпосланномъ сочиненіямъ его, которыя изданы были въ 1848 году при наполеоновской книжной лавкѣ г. Карломъ Эдуардомъ Трамбленомъ), сынъ королевы Гортензій и короля Лудовика, брата императора Наполеона; родился въ Парижѣ, въ тюльерійскомъ дворцѣ 28 апрѣля 1808 года². Въ 1810 году совершено было его крещеніе, и воспріемниками были императоръ и императрица Марія Луиза. Въ 1816 году онъ оставилъ Францію вмѣстѣ съ матерью своею, которая поселилась сначала въ Баваріи, а потомъ въ Швейцаріи. Въ 1831 года, Лудовикъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ участвовалъ въ возмущеніи, происшедшемъ въ Романьѣ; онъ потерялъ брата во время этихъ горестныхъ событій, и когда Италия занята была снова Австрійцами, то онъ вмѣстѣ съ матерью своею тайно пробрался въ Парижъ; тамъ онъ просилъ у Лудовика-Филиппа позволенія вступить во Французскую армію простымъ солдатомъ. Такъ какъ въ просьбѣ этой ему было отказано, то онъ отправился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Англію, потомъ снова въ

¹ По смерти отца своего въ 1831 году, принцъ подписывалъ имя свое *Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ*, въ исполненіе воли императора, который положилъ, чтобы старшій въ семействѣ носилъ всегда имя Наполеона. Во время выборовъ, происходившихъ послѣ февральской революціи, порядкомъ именъ принца повелъ къ смѣшенію его съ его двоюроднымъ братомъ, сыномъ Иеронима, носившимъ также имя Наполеона, и оттого онъ сталъ подписывать имя свое по прежнейу *Лудовико-Наполеон Бонапартъ*, что и сохранилъ до вступленія своего на престолъ.

² Замѣчательно, говоритъ біографъ, что римскій король и принцъ Лудовикъ-Наполеонъ — единственные принцы, происшедшіе на свѣтъ во время имперіи; оттого они одни только и получили при рожденіи во — енные почести и привѣтствія народа. Пушечные выстрѣлы возвѣстили рожденіе принца Лудовика-Наполеона по всей линіи великой арміи, на всемъ обширномъ протяженіи имперіи и Голландскаго королевства.

Nous tâcherons de réparer cet oubli, en faisant connaître aussi complètement que possible Napoléon III écrivain. Nous analyserons ses œuvres, en éclairant cette analyse par quelques indications biographiques, et nous citerons souvent les paroles mêmes de l'écrivain impérial pour qu'on ne nous accuse point d'altérer sa pensée. On connaîtra ainsi le système dont il s'est fait l'apôtre comme on connaît les moyens qu'il a employés pour le faire prévaloir.

I.

Charles Louis Napoléon¹ Bonaparte (nous apprend la courte esquisse biographique qui précède ses œuvres dans l'édition publiée en 1848 à la librairie napoléonienne par M. Charles Édouard Tremblaire), fils de la reine Hortense et du roi Louis, frère de l'empereur Napoléon, est né à Paris, au palais des Tuileries, le 20 avril 1808². En 1810, il fut tenu sur les fonts de baptême par l'empereur et l'impératrice Marie Louise. En 1816, il quitta la France avec sa mère, qui se fixa d'abord en Bavière, puis en Suisse, puis à Rome. En 1831, Louis Napoléon prit part à l'insurrection de la Romagne, avec son frère aîné qu'il perdit dans ces malheureux événements. Lorsque l'Italie fut de nouveau envahie par les Autrichiens, il vint avec sa mère incognito à Paris ; et il fit demander à Louis Philippe de servir comme simple soldat dans les rangs de l'armée française. Cette demande lui ayant été refusée, il alla passer quelques mois en Angleterre, puis il se rendit de nouveau en Suisse où il habita le

¹ Depuis la mort de son frère, en 1831, le prince signait son nom ainsi : *Napoléon Louis Bonaparte*, afin de se conformer à la volonté de l'empereur, qui avait décidé que l'aîné de la famille s'appellerait toujours Napoléon. Lors des élections qui eurent lieu après la révolution de Février, l'ordre des prénoms du prince ayant donné lieu à quelque confusion, à cause de son cousin fils de Jérôme qui portait aussi le nom de Napoléon, il se décida à reprendre la signature qu'il avait avant la mort de son frère, savoir *Louis Napoléon Bonaparte*. Il conserva cette signature jusqu'à l'avènement de l'Empire.

² Il est curieux, dit son biographe, de remarquer que le roi de Rome et le prince Louis Napoléon furent les deux seuls princes de la famille qui naquirent sous le régime impérial ; aussi furent-ils les deux seuls qui reçurent à leur naissance les honneurs militaires et les hommages du peuple. Des salves d'artillerie annoncèrent la naissance du prince Louis Napoléon sur toute la ligne de la grande armée, dans la vaste étendue de l'Empire et dans le royaume de Hollande.

Швейцарію, гдѣ поселился въ замкѣ Арененбергѣ, на берегахъ Констанскаго озера. Въ 1832 году кантонъ Тюргау поднесъ ему почетное право гражданства «въ воздаяніе за множество благодѣяній, полученныхъ кантономъ отъ семейства графини С-Ле (королевы Гортензій), современіи пребыванія ея въ Арененбергѣ».

Изъявляя горячую благодарность президенту совѣта кантона за это отличіе, принцъ сказалъ: «Мое положеніе изгнанника изъ отечества заставляетъ меня еще сильнѣе чувствовать этотъ знакъ участія съ вашей стороны. Могу увѣрить васъ, что, каковы бы ни были обстоятельства моей жизни, какъ Французъ и Бонапартъ, я всегда буду гордиться званіемъ гражданина государства свободнаго.» Потомъ, въ знакъ благодарности, онъ предложилъ кантону двѣ шести-фунтовыя пушки съ полнымъ приборомъ и упряжью и — что несравненно лучше — устроилъ въ селеніи Залленштейнъ даровую школу. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ посѣщалъ въ качествѣ волонтера военную школу въ Тунѣ, гдѣ специально занимался изученіемъ своего любимаго оружія — артиллеріи. По изданіи его *Manuel de l'Artillerie* (Руководства къ артиллеріи), въ 1834 году, бернское правительство назначило его артиллерійскимъ капитаномъ. «Я горжусь, сказалъ онъ тогда г. Тавелю, вице-президенту Бернскаго кантона, изъявляя ему свою признательность за оказанное ему вниманіе, — я горжусь тѣмъ, что поступаю въ число защитниковъ государства, гдѣ господство народа признано основаніемъ конституціи, и гдѣ каждый гражданинъ готовъ пожертвовать собою за свободу и независимость своей родины.»

Но Руководство къ артиллеріи въ хронологическомъ порядкѣ составляетъ третье сочиненіе Лудовика-Наполеона. Въ два предыдущіе года, онъ издалъ *Les rêveries politiques* (политическія грезы) и *Les considerations politiques et militaires sur la Suisse* (политическія и военныя соображенія относительно Швейцаріи) *Политическія грезы* относятся къ 1832 году. Авторъ ихъ, имѣвшій тогда двадцать четыре года отъ роду, возвращался изъ Италіи, гдѣ, какъ мы уже сказали, онъ сражался за дѣло италіянской независимости, и гдѣ палъ подлѣ него его старшій братъ. Въ этой книгѣ мы видимъ уже зародышъ большей части идей, которыя авторъ развиваетъ въ послѣдствіи, только онѣ еще не тверды и неопредѣленны; это скорѣе предчувствія, чѣмъ идеи. За то слогъ перваго опыта пылокъ и увлекателенъ, хотя и не лишенъ, напыщенности и разглагольствованія. Воспитанникъ г. Леба и волонтеръ войны за италіянскую независимость, не обинуясь, во всеуслышаніе провозглашаетъ себя демократомъ Онъ преклоняется передъ великою революціей, и въ провозглашеннѣхъ ею принципахъ видитъ залогъ будущаго порядка. Осуществленіе

château d'Arenenberg sur les bords du lac de Constance. En 1832, le canton de Thurgovie lui conféra le droit de bourgeoisie honoraire, « en reconnaissance pour les bienfaits nombreux que le canton avait reçus de la famille de la duchesse de Saint-Leu (la reine Hortense) depuis son séjour à Arenenberg. » En remerciant avec effusion le président du conseil du canton pour cette faveur, le prince disait :

« Ma position d'exilé de ma patrie me rend plus sensible à cette marque d'intérêt de votre part. Croyez que dans toutes les circonstances de ma vie, comme français et Bonaparte, je serai fier d'être citoyen d'un État libre. »

En témoignage de reconnaissance, il offrit au canton deux canons de six avec train et équipages complets, et — ce qui valait mieux — il créa dans le village de Sallenstein une école gratuite. Pendant plusieurs années il alla comme volontaire à l'école militaire de Thun, où il s'appliqua spécialement à l'étude de l'artillerie devenue plus tard son arme favorite. La publication de son *Manuel d'artillerie* lui valut d'être nommé en 1834 capitaine d'artillerie par le gouvernement de Berne.

« Je suis fier, disait-il encore, en remerciant de cette faveur M. Tavel vice-président du canton de Berne, je suis fier de compter parmi les défenseurs d'un État où la souveraineté du peuple est reconnue comme base de la constitution, et où chaque citoyen est prêt à se sacrifier pour la liberté et l'indépendance de son pays. »

Mais le *Manuel d'artillerie* n'est, en suivant l'ordre chronologique, que le troisième ouvrage de Louis Napoléon. Dans les deux années précédentes, il avait publié les *Rêveries politiques* et les *Considérations politiques et militaires* sur la Suisse, devenue sa seconde patrie. Les *Rêveries politiques* datent de 1832. L'auteur qui avait alors 24 ans revenait d'Italie, où, comme nous l'avons dit, il avait combattu et où il avait vu mourir son frère à ses côtés, pour la cause de l'indépendance. On y trouve en germe la plupart des idées que l'auteur développera plus tard, seulement elles sont encore un peu vagues et flottantes ; ce sont des aspirations plutôt que des idées. En revanche, le style de ce premier essai est chaud et coloré, sans être exempt toutefois d'enflure et de déclamation. L'élève de M. Lebas et le volontaire de l'indépendance italienne n'hésite pas à se proclamer hautement démocrate. Il s'incline devant la grande Révolution et il voit dans les principes qu'elle a proclamés les fondements de l'ordre à venir. La réalisation de ces principes, l'incarnation de la pensée

этихъ принциповъ, воплощеніе революціонной идеи, вотъ цѣль, которой должно достигнуть, и къ которой должны непрерывно стремиться всѣ усилія и всѣ мысли передовыхъ людей. Но какимъ образомъ достигнуть ее? Какимъ путемъ должно идти? Должно идти путемъ, начертаннымъ рукой Наполеона I, который былъ по преимуществу мужемъ революціи и, можно сказать, ея душеприкащикомъ. Необходимо снова приняться за дѣло его, насильственно прерванное нашествіемъ иностранцевъ, необходимо возстановить имперію, чтобы доставить торжество революціи.

Слѣдовательно, осуществленіе принципа революцій, какъ во Франціи, такъ и въ остальномъ мірѣ, должно быть главною цѣлью; средство къ этому — возстановленіе и продолженіе императорской системы, въ томъ видѣ, какъ создалъ ее великій человѣкъ, воплотившій въ себѣ геній революціи, какъ положилъ онъ ей несокрушимое основаніе, какъ онъ завершилъ бы ее, еслибъ его гуманная и цивилизующая мысль была понята Европой. Вотъ тема автора. Но прежде всего нужно доказать, что необходима мость системы, которая продолжала бы дѣло революціи, слѣдуя по стопамъ первой имперіи, чувствуется въ мірѣ. На этомъ основаніи авторъ начинаетъ, по образцу писателей-соціалистовъ, начертаніемъ мрачной картины политическаго и соціальнаго состоянія Европы. Онъ обнаруживаетъ болѣзнь и преувеличиваетъ ее для того, чтобы выставить ярче необходимость врачеванія; просимъ имѣть въ виду это замѣчаніе при чтеніи слѣдую ихъ словъ.

«Свобода печати, гозорить онъ, даетъ каждому средства высказать свои мнѣнія; теперь пишутъ то, о чемъ прежде только думали, и увѣренность въ лучшей будущности двигаетъ всѣми способностями, какъ бы слабы онѣ ни были. Одна изъ причинъ, побуждающихъ патріотовъ писать, это горячее желаніе улучшить состояніе народа, потому что, если бросимъ взглядъ на судьбы различныхъ націй, то ужасъ обдастъ насъ, и потомъ мы невольно возвысимъ голосъ на защиту правъ разума и человѣчества. И въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы повсюду? Благосостояніе массъ, принесенное въ жертву не потребностямъ, но капризамъ малаго числа избранныхъ. Повсюду лицомъ къ лицу двѣ партіи; одна, стремящаяся къ будущему для достиженія полезнаго, другая, хватающаяся за прошедшее, для сохраненія злоупотребленій. Тамъ мы видимъ деспота, который давитъ народъ, здѣсь избранника народнаго, который его подкупаетъ; тамъ народъ рабовъ, умирающій для приобрѣтенія независимости; здѣсь свободный народъ, который томится, потому что у него похищаютъ свободу.»

révolutionnaire, voilà le but qu'il s'agit d'atteindre, et vers lequel tous les efforts et toutes les pensées des hommes de progrès doivent converger sans cesse. Mais comment y arriver ? Quelle voie faut-il suivre ? Il faut suivre la voie frayée par Napoléon Ier, qui a été par excellence l'homme de la Révolution, et pourrait-on dire son exécuteur testamentaire. Il faut reprendre son œuvre violemment interrompue par l'invasion étrangère ; il faut rétablir l'empire pour faire triompher la Révolution.

Ainsi donc le but à atteindre, c'est la réalisation des principes de la Révolution, tant en France que dans le reste du monde, le moyen c'est le rétablissement et la continuation du régime impérial, tel que l'avait conçu le grand homme dans lequel s'était incarné le génie de la Révolution, tel qu'il en avait jeté les bases indestructibles, tel qu'il l'aurait achevé, si sa pensée civilisatrice et humanitaire eut été comprise par l'Europe. Voilà le thème de l'auteur. Mais d'abord, il s'agit de démontrer que le besoin d'un régime qui continue l'œuvre de la Révolution, en suivant les procédés du premier empire, se fait sentir dans le monde. L'auteur débute en conséquence par esquisser un sombre tableau de l'état politique et social de l'Europe. Il décrit le mal en l'exagérant afin de rendre plus sensible la nécessité urgente d'un remède.

« La liberté de la presse permettant à chacun de faire connaître ses opinions, on écrit aujourd'hui ce que l'on se serait contenté de penser autrefois, et la persuasion d'un meilleur avenir stimule toutes les capacités quelque faibles qu'elles soient. Une des raisons qui engagent les patriotes à écrire, c'est le désir ardent d'améliorer la condition des peuples ; car si l'on jette un coup d'œil sur les destinées des diverses nations, on recule d'épouvante et l'on élève alors la voix pour défendre les droits de la raison et de l'humanité. En effet, que voit-on partout ? Le bien-être de tous sacrifié non aux besoins mais aux caprices d'un petit nombre. Partout deux partis en présence, l'un qui marche vers l'avenir pour atteindre l'utile, l'autre qui se cramponne au passé pour conserver les abus. Là, on voit un despote qui opprime ; ici un élu du peuple qui corrompt ; là un peuple esclave qui meurt pour acquérir son indépendance, ici un peuple libre qui languit parce qu'on lui dérobe sa victoire. »

Само собою разумѣется, что дѣло идетъ о Франціи; авторъ обвиняетъ доктринеровъ въ томъ, что они отвлекли іюльскую революцію отъ ея законной цѣли, а слабое и продажное правленіе ихъ кажется ему еще хуже, чѣмъ владычество меча.

«Увы, зачѣмъ, говоритъ онъ, прекрасная іюльская революція была опозорена людьми, которые, страшась посадить дерево свободы, хотятъ только привить вѣтку его къ стволу, сгнившему уже въ продолженіи столѣтій и отверженному цивилизаціей! Общее недовольство, замѣчаемое въ Европѣ, происходитъ отъ недостатка довѣренности народовъ къ ихъ государямъ. Всѣ обѣщали, ни одинъ не сдержалъ своего слова. Деспоты, правящіе съ мечомъ въ рукахъ и не признающіе никакого закона кромѣ личнаго произвола, не унижаютъ по крайней мѣрѣ родъ человѣческій, они гнетутъ его, нисколько его не развращая. Тираннія освѣжаетъ людей, но правительства слабыя, которыя подъ личиною свободы, стремятся къ деспотизму, которыя могутъ только подкупать то, что имъ нужно сокрушить, которыя несправедливы къ слабымъ и пресмыкаются передъ сильными, эти-то правительства ведутъ общество къ разложенію, потому что они убаюкиваютъ людей своими обѣщаніями, между тѣмъ какъ тѣ пробуждаютъ ихъ своимъ насиліемъ.»

Итакъ, іюльское правительство измѣнило своему призванію, которое должно было проявиться въ торжествѣ революціи. Оно виновно въ измѣнѣ дѣлу прогресса, и на него невозможно возлагать никакой надежды. Кто же приметъ на себя дѣло, котораго правительство Лудовика-Филиппа не хотѣло или не умѣло выполнить? Не трудно догадаться. Но пусть говоритъ самъ авторъ:

«Для достиженія этой цѣли, каждый создавалъ себѣ различныя средства; я полагаю, что для полнаго успѣха необходимо соединеніе двухъ народныхъ дѣлъ, дѣла Наполеона II и дѣла революціи. Сынъ великаго человѣка есть единственный представитель величайшей славы, какъ революція есть единственная представительница величайшей свободы. Съ именемъ Наполеона нечего будетъ опасаться возвращенія террора, съ именемъ республики нечего будетъ опасаться возвращенія неограниченной власти. Французы! не будемъ несправедливы и возблагодаримъ того, который, вышедши изъ среды народа, дѣлалъ все для его благосостоянія, который всюду распространялъ свѣтъ и упрочилъ независимость отечества; если когда-нибудь народы будутъ свободны, то этимъ они обязаны будутъ Наполеону. Онъ приучалъ народъ къ добродѣтели, единственному основанію республики. Не станемъ упрекать его за его диктатуру: она вела насъ къ свободѣ, какъ желѣзо, взрывающее землю,

Il s'agit, comme bien on suppose, de la France, et ce sont les doctrinaires qu'il accuse d'avoir détourné la révolution de juillet de son but légitime, ce sont les doctrinaires dont le gouvernement faible et corrompueur lui paraît pire encore que le régime du sabre.

« Ah ! pourquoi, dit-il, la belle révolution de juillet a-t-elle été flétrie par des hommes qui, redoutant de planter l'arbre de la liberté, ne veulent qu'en greffer les rameaux sur un tronc que les siècles ont pourri et dont la civilisation ne veut plus.

Le malaise général qu'on remarque en Europe vient du peu de confiance que les peuples ont en leurs souverains. Tous ont promis, aucun n'a tenu... Les despotes qui gouvernent le sabre à la main et qui n'ont de lois que leur caprice, ceux-là du moins me dégradent pas l'espèce humaine ; ils l'oppriment sans la démoraliser. La tyrannie retrempe les hommes, mais les gouvernements faibles qui, sous un masque de liberté, marchent à l'arbitraire, qui ne peuvent que corrompre ce qu'ils voudraient abattre, qui sont injustes envers les faibles et humbles envers les forts, ces gouvernements-là conduisent à la dissolution de la société ; car ils endorment par leurs promesses, tandis que les autres réveillent par leurs martyres. »

Le gouvernement de juillet a donc manqué à sa mission, qui était de faire prévaloir la cause de la Révolution.

Il est coupable de haute trahison envers la cause du progrès, et il n'y a plus aucun espoir à fonder sur lui. Qui donc reprendra l'œuvre qu'il n'a pas pu ou voulu accomplir ? On le devine. Mais laissons parler l'auteur :

« Pour arriver à ce but, chacun a rêvé des moyens différents ; je crois qu'on ne peut y parvenir qu'en réunissant les deux causes populaires, celle de Napoléon II et de la République. Le fils du grand homme est le seul représentant de la plus grande gloire, comme la république celui de la plus grande liberté. Avec le nom de Napoléon on ne craindra plus le retour de la terreur, avec le nom de la république on ne craindra plus le retour du pouvoir absolu. Français, ne soyons pas injustes et rendons grâce à celui qui, sorti des rangs du peuple, fit tout pour sa prospérité : qui répandit les lumières et assura l'indépendance de la patrie ; si un jour les peuples sont libres, c'est à Napoléon qu'ils le devront. Il habitait le peuple à la vertu, seule base d'une république. Ne lui reprochons pas sa dictature : elle nous menait à la liberté, comme le soc de fer qui creuse

приготовляетъ плодородіе полей. Не онъ ли распространилъ цивилизацію отъ Таго до Вислы, не онъ ли укоренилъ во Франціи принципы республики? Равенство передъ закономъ, господство заслуги и дарованій, благосостояніе торговли и промышленности, эманципація всѣхъ народовъ: вотъ къ чему онъ велъ насъ неуклонно. Французское юношество! откуда пылкость, одушевляющая тебя, эта любовь къ свободѣ и славѣ, которая дѣлаетъ тебя твердою опорой и надеждой отечества? Онъ возникли въ тебѣ отъ того, что заря твоей жизни освѣщена была аустерлицкимъ солнцемъ, отъ того, что любовь къ отечеству была твоимъ первымъ чувствомъ, и что прочное воспитаніе, которое получило ты подъ крыломъ побѣды, рано сдѣлало тебя доступнымъ къ воспріятію благородныхъ страстей, отъ которыхъ такъ сильно бьется сердце. Все несчастіе царствованія императора Наполеона состоитъ въ томъ, что онъ не могъ пожать всего имъ посѣяннаго, что онъ освободилъ Францію, но не успѣлъ упрочить за нею свободу.

«Но люди часто несправедливы къ тѣмъ, кто сдѣлалъ имъ болѣе всего добра; они приходятъ въ восторгъ отъ имени и пренебрегаютъ дѣйствительностію. Сулла, человекъ запальчивый, насильственно ведетъ Римлянъ къ свободѣ; Августъ, хитрый тиранъ, тихо ведетъ ихъ къ рабству. Въ то время какъ при Суллѣ республика усиливалась, всѣ кричали противъ его тиранніи, тогда какъ при Августѣ усиливалась тираннія, и всѣ говорили о свободѣ.

«Нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время необходимы прочные законы, которые могли бы навсегда утвердить счастье и свободу государства; но не забудемъ, что есть минуты кризиса, изъ которыхъ отечество можетъ выйти съ торжествомъ только съ помощію генія Наполеонова или несокрушимой воли конвента, потому что необходима сильная рука, которая бы подавила деспотизмъ рабства деспотизмомъ свободы.»

Союзъ партій наполеоновской съ партией республиканскою, необходимый для осуществленія, хотя бы и съ помощію сильной руки деспотизма, революціонныхъ принциповъ, вотъ практическое средство, предлагаемое авторомъ. Но этотъ союзъ, къ которому юный волонтеръ итальянской независимости доказалъ свое сочувствіе, жертвуя собою, — этотъ союзъ не могъ бы однакоже состояться безъ предварительнаго назначенія и опредѣленія условій. Каковы же должны быть эти условія? Авторъ старается представить ихъ въ проектѣ конституціи, главные элементы которой, по словамъ его, онъ извлекъ изъ конституцій 91 и 93 годовъ.

les sillons, prépare la fertilité des campagnes. C'est lui qui porta la civilisation depuis le Tage jusqu'à la Vistule ; c'est lui qui enracina en France les principes de la république. L'égalité devant les lois, la supériorité du mérite, la prospérité du commerce et de l'industrie, l'affranchissement de tous les peuples : voilà où il les menait au pas de charge. Jeunesse française, d'où vient cette ardeur qui vous enflamme, cet amour de la liberté et de la gloire qui fait de vous les fermes soutiens et l'espoir de la patrie ? C'est que l'aurore de votre vie fut éclairée par le soleil d'Austerlitz, que l'amour de la patrie fut votre premier sentiment, et que l'instruction solide que vous puisiez sous les ailes de la victoire donnait de bonne heure accès dans vos âmes aux nobles passions qui font palpiter un cœur. Le malheur du règne de l'empereur Napoléon c'est de n'avoir pu recueillir tout ce qu'il avait semé, c'est d'avoir délivré la France sans avoir pu la rendre libre.

Mais les hommes sont souvent injustes envers ceux qui leur ont fait le plus de bien ; ils s'enthousiasment des noms et négligent les choses réelles. 'Sylla, homme emporté, mène violemment les Romains à la liberté ; Auguste, rusé tyran, les conduit doucement à la servitude. Pendant que sous Sylla la république reprenait des forces, tout le monde criait à la tyrannie et pendant que sous Auguste la tyrannie se fortifiait on ne parlait que de liberté.'

Nul doute qu'il ne faille aujourd'hui des lois immuables qui assurent à jamais le bonheur et les libertés du pays ; mais n'oublions pas qu'il y a des moments de crise d'où la patrie ne saurait sortir triomphante qu'avec le génie d'un Napoléon ou la volonté immuable d'une Convention ; car il faut une main forte qui abatte le despotisme de la servitude avec le despotisme de la liberté. »

L'alliance de la cause et du parti bonapartiste avec la cause et le parti républicain, en vue de réaliser, fut-ce même en recourant à la forte main du despotisme, les principes de la Révolution, voilà le moyen pratique que propose l'auteur. Mais cette alliance à laquelle le jeune volontaire de l'indépendance italienne venait de donner des gages substantiels, en payant de sa personne, cette alliance ne peut se conclure cependant, sans que les conditions en soient réglées, définies d'avance. Quelles seront ces conditions ? L'auteur s'attache à les formuler dans un plan de Constitution, dont il a tiré, dit-il, la plupart des éléments des Constitutions de 1791 et de 1793.

«Первыя потребности государства, говоритъ онъ въ видѣ предисловія, суть: независимость, свобода, прочность, преобладаніе достоинства, и довольство, равномерно распространенное. Лучшее правительство будетъ то, при которомъ злоупотребленіе власти можно легко исправить, гдѣ безъ соціального переворота, безъ пролитія крови, можно будетъ измѣнить и законы, и главу государства, потому что одно поколѣніе не можетъ подчинить своимъ законамъ поколѣнія будущія.»

Для упроченія независимости необходимо, чтобы правительство было сильно, а чтобы правительство было сильно, необходимо, чтобы оно пользовалось довѣріемъ народа и могло имѣть многочисленную и хорошо устроенную армію, не подвергаясь обвиненіямъ въ тиранніи. «Для обезпеченія свободы (продолжаетъ авторъ), которая есть не что иное какъ слѣдствіе независимости, необходимо, чтобы весь народъ безъ изъятія могъ участвовать въ избраніи національныхъ представителей, необходимо, чтобы масса, которую подкупить невозможно, которая не льститъ и не притворяется, сдѣлалась постояннымъ источникомъ, изъ котораго бы истекали всякія власти. Для того чтобы довольство распространилось по всѣмъ классамъ, необходимо не только уменьшить налоги, но и придать правительству видъ прочности, который бы успокоивалъ гражданъ и давалъ имъ возможность полагаться на будущее.»

«Вслѣдствіе высказанныхъ мною мнѣній, заключаетъ нашъ юный мечтатель, очевидно, что принципы мои совершенно республиканскіе. И что же можетъ быть прекраснѣе мечты о господствѣ добродѣтели, о развитіи нашихъ способностей, о прогрессѣ цивилизацій? Если въ моемъ проектѣ конституціи я предпочитаю монархическую форму правленія, то это потому только, что, по моему мнѣнію, такое правительство приличнѣе всего для Франціи, что оно доставитъ болѣе гарантій спокойствію, силѣ и свободѣ.»

«Когда бы Рейньъ былъ моремъ, когда бы добродѣтель была всегда единственнымъ двигателемъ людей, когда бы одно достоинство могло достигать власти, — тогда я предпочелъ бы чистую и простую форму республики. Но такъ какъ мы окружены опасными врагами, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи милліоны солдатъ, которые могутъ возобновить у насъ вторженіе варваровъ, то я полагаю, что республика не въ состояніи была бы отразить нашествіе чужеземцевъ и подавить гражданскія волненія иначе, какъ прибѣгнувъ къ мѣрамъ строгости, вреднымъ для свободы. Я желалъ бы для Франціи правительства, которое могло бы доставить всѣ преимущества республики, не заключая въ себѣ ея недостатковъ, однимъ словомъ, такого

« Les premiers besoins d'un pays, dit-il en manière de préambule, sont *l'indépendance, la liberté, la stabilité, la suprématie du mérite et l'aisance également répandue*. Le meilleur gouvernement sera celui où tout abus du pouvoir pourra toujours être corrigé, où sans bouleversement social, sans effusion de sang, on pourra changer et les lois et le chef de l'État, car une génération ne peut assujettir à ses lois les générations futures. »

Pour assurer l'indépendance il faut que le gouvernement soit fort, et pour que le gouvernement soit fort qu'il ait la confiance du peuple, de telle manière qu'il puisse avoir une armée nombreuse et bien disciplinée sans qu'on crie à la tyrannie. Pour assurer la liberté — ce qui n'est, poursuit-il, qu'une conséquence de l'indépendance, — il faut que tout le peuple indistinctement puisse concourir aux élections des représentants de la nation ; il faut que la masse qu'on ne peut jamais corrompre, et qui ne flatte ni ne dissimule soit la source constante d'où émanent tous les pouvoirs. Pour que l'aisance se répande dans toutes les classes, il faut non seulement que les impôts soient diminués, mais encore que le gouvernement ait un aspect de stabilité qui tranquillise les citoyens et permette de compter sur l'avenir.

« D'après les opinions que j'avance, conclut notre jeune rêveur, on voit que mes principes sont entièrement républicains. Et quoi de plus beau, en effet, que de rêver à l'empire de la vertu, au développement de nos facultés, au progrès de la civilisation. Si dans mon projet de Constitution je préfère la forme monarchique, c'est que je pense que ce gouvernement conviendrait plus à la France en ce qu'il donnerait plus de garanties de tranquillité, de force et de liberté.

Si le Rhin était une mer, si la vertu était toujours le seul mobile, si le mérite parvenait seul au pouvoir, alors je voudrais une république pure et simple. Mais, entourés comme nous le sommes d'ennemis redoutables qui ont à leurs ordres des millions de soldats qui peuvent renouveler chez nous l'irruption des Barbares, je crois que la république ne pourrait repousser l'invasion étrangère et comprimer les troubles civils qu'en ayant recours aux moyens de rigueur qui nuisent à la liberté... Je voudrais un gouvernement qui procurât tous les avantages de la république sans entraîner les mêmes incon-

правительства, которое было бы сильно безъ деспотизма, свободно безъ анархіи, независимо безъ завоеваній.»

Затѣмъ слѣдуетъ текстъ проекта конституціи, которому назначено осуществить этотъ прекрасный идеалъ.

Объявленіе правъ человѣка и гражданина, предшествующее ему, изложено слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ.

«Х (имя государя) волей народною, императоръ Французской республики.

«Народъ французскій, убѣжденный въ томъ, что забвеніе и презрѣніе естественныхъ правъ человѣческихъ составляетъ единственныя причины бѣдствій міра сего, рѣшилъ изложить въ торжественной деклараціи эти священныя и ненарушимыя права для того, чтобы всѣ граждане имѣли возможность непрерывно сравнивать дѣйствіе правительства съ назначеніемъ всякаго общественнаго учрежденія, не дозволяя никогда тиранній угнетать и позорить себя; для того, чтобы народъ имѣлъ всегда передъ глазами основанія своей свободы и своего благосостоянія, правитель — свои обязанности, законодатель — предметъ своего служенія.

«Вслѣдствіе этого онъ провозглашаетъ, призывая Бога во свидѣтели, слѣдующую декларацію правъ человѣка и гражданина.»

Затѣмъ слѣдуютъ 14 статей, опредѣляющихъ цѣль общества, которое состоитъ въ «общественномъ благосостояніи» (мимоходомъ сказать это тоже опредѣленіе Бабефа въ его манифестѣ равенства); права человѣчества, которыя суть равенство, свобода, безопасность, благоденствіе, съ указаніемъ гарантій, для того необходимыхъ. Статьи 5 и 7 заслуживаетъ особаго упоминенія.

«Ст. 5. Право сообщать всѣмъ свои мысли и мнѣнія посредствомъ ли печати или инымъ какимъ-либо путемъ, право мирныхъ собраній, свобода вѣроисповѣданія никогда не могутъ быть нарушены.»

«Ст. 7. Всякое дѣйствіе противъ человѣка, внѣ случаевъ и Формъ, предписанныхъ закономъ, считается произвольнымъ и тиранническимъ; тотъ, противъ котораго оно направлено съ насиліемъ, имѣетъ право отражать его силой.»

Нѣсколько далѣе (ст. 12), авторъ признаетъ право на вспомошествованіе и даже право на трудъ, о которомъ въ послѣдствіи социализмъ долженъ былъ надѣлать такъ Много шума.

«Ст. 12. Общественное вспомошествованіе составляетъ священный долгъ. Общество обязано заботиться о прокормленіи несчастныхъ гражданъ, доставляя имъ работу или обезпечивая существованіе тѣхъ, которые не въ состояніи работать.»
Нако-
нецъ:

vénients ; en un mot un gouvernement qui fut fort sans despotisme, libre sans anarchie, indépendant sans conquêtes. »

Vient ensuite le texte du projet de Constitution qui doit réaliser ce bel idéal.

La déclaration des droits de l'homme et du citoyen qui la précède, débute de cette façon originale :

« X (nom du souverain) par la volonté du peuple empereur de la république française.

Le peuple français, convaincu que l'oubli et le mépris des droits naturels de l'homme sont les seules causes des malheurs du monde, a résolu d'exposer, dans une déclaration solennelle, ces droits sacrés et inaliénables, afin que tous les citoyens, pouvant comparer sans cesse les actes du gouvernement avec le but de toute institution sociale, ne se laissent jamais opprimer et avilir par la tyrannie, afin que le peuple ait toujours devant les yeux les bases de sa liberté et de son bonheur, le magistrat la règle de ses devoirs, le législateur l'objet de sa mission.

En conséquence, il proclame, en présence de Dieu, la déclaration suivante des droits de l'homme et du citoyen. »

Suivent 14 articles définissant le but de la société qui est « le bonheur commun » (c'est aussi la définition de Babœuf dans son manifeste des Égaux) ; les droits de l'homme qui sont l'égalité, la liberté, la sûreté, la propriété, et spécifiant les garanties qui doivent leur être accordées. Les articles 5 et 7 méritent particulièrement d'être cités.

« Art. 5. Le droit de manifester sa pensée et ses opinions soit par la voie de la presse soit de tout autre manière, le droit de s'assembler paisiblement, le libre exercice des cultes ne peuvent être interdits.

Art. 7. Tout acte exercé contre un homme, hors des cas et dans les formes que la loi détermine, est arbitraire et tyrannique ; celui contre lequel on voudrait l'exécuter par la violence a le droit de le repousser par la force. »

Un peu plus loin (art. 12) il reconnaît le droit à l'assistance ou même le droit au travail dont le socialisme devait faire si grand bruit plus tard.

« Art. 12. Les secours publics sont une dette sacrée. La société doit la subsistance aux citoyens malheureux, soit en leur procurant du travail, soit en assurant les moyens d'existence à ceux qui sont hors d'état de travailler. »

«Ст. 14. Народъ имѣеть всегда право разсматривать, преобразовывать и измѣнять конституцію. Одно какое-либо поколѣние не имѣеть права подчинять своимъ законамъ поколѣнія будущія.»

За деклараціей правъ человѣка и гражданина слѣдуютъ различныя конституціонныя постановленія, относительно правъ гражданства, господства народа, образа правленія, законодательнаго сословія, сената, камеры народныхъ трибуновъ, министровъ, судебной власти, общественнаго войска, отношеній Французской республики къ иностраннымъ націямъ и особыя распоряженія.

Замѣтимъ самыя характеристическія изъ этихъ распоряженій. Господство народа, само собою разумѣется, должно быть «единственное, нераздѣльное, несокрушимое, неопровержимое». Всѣ власти истекаютъ отъ народа, но онъ можетъ дѣйствовать только посредствомъ полномочія. Уполномоченные суть законодательное сословіе и императоръ. Законодательное сословіе состоитъ изъ двухъ палатъ, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ. Только сенаторы, число которыхъ можетъ простираться до 300, должны быть избираемы изъ людей, оказавшихъ значительныя услуги отечеству, и, относительно ихъ, выборъ избирательныхъ коллегій долженъ быть утвержденъ трибунами, сенаторъ и императоромъ. Императоръ издаетъ постановленія и распоряженія, необходимыя для выполнения законовъ, не имѣя никакого права останавливать дѣйствіе самыхъ законовъ, ни допустить ихъ неисполненіе. Его особа неприкосновенна до тѣхъ поръ, пока онъ не нарушаетъ своей присяги. Министры его подлежатъ отвѣтственности за совершенныя ими преступленія противъ общественной безопасности и противъ конституціи, за всякое покушеніе противъ собственности, личной свободы и пр. Министръ не можетъ быть банкиромъ или заниматься биржевою игрой. Служить отечеству есть долгъ, самый священный для каждаго гражданина, и потому конскрипція возстановляется, какъ самое либеральное и самое необходимое изъ государственныхъ учрежденій. Что же касается до отношеній Французской республики къ иностраннымъ націямъ, авторъ говоритъ о нихъ слѣдующее:

«Французскій народъ естественный другъ и союзникъ свободныхъ народовъ. Онъ не вмѣшивается въ правленіе другихъ націй. Онъ не терпитъ, чтобы другія націи вмѣшивались въ его правленіе.»

«Онъ даетъ у себя убѣжище иностранцамъ, изгнаннымъ изъ ихъ отечества за дѣло свободы.»

Enfin :

« Art. 14. Un peuple a toujours le droit de revoir, de réformer et de changer sa Constitution. Une génération ne peut assujettir à ses lois les générations futures. »

Après la déclaration des droits de l'homme et du citoyen viennent les diverses dispositions constitutives concernant l'exercice des droits de cité, la souveraineté du peuple, les formes du gouvernement, le corps législatif, le sénat, la chambre des tribuns du peuple, les ministres, le pouvoir judiciaire, la force publique, les rapports de la république française avec les nations étrangères, et les dispositions particulières.

Notons simplement les plus saillantes de ces dispositions. La souveraineté du peuple est, bien entendu, « une, indivisible, inaliénable et imprescriptible. » Tous les pouvoirs émanent de la nation, mais elle ne peut les exercer que par délégation. Les délégués sont le corps législatif et l'empereur. Le corps législatif se compose de deux chambres élues par le suffrage universel. Seulement les sénateurs, dont le nombre pourra être porté à 500, devront avoir rendu un service éminent à la patrie, et le choix des collèges électoraux en ce qui les concerne doit être ratifié par les tribuns, le sénat et l'empereur. L'empereur fait les règlements et ordonnances nécessaires pour l'exécution des lois sans pouvoir jamais ni suspendre les lois elles-mêmes, ni dispenser de leur exécution. Sa personne est inviolable tant qu'il ne viole pas ses serments. Ses ministres sont responsables de tous les délits par eux commis contre la sûreté nationale et la Constitution, de tout attentat à la propriété et à la liberté individuelle, etc. — Un ministre ne peut être banquier ni jouer à la bourse. — Servir sa patrie étant un devoir sacré pour tout citoyen, la conscription est rétablie comme « la plus libérale et la plus urgente des institutions. » Quant aux rapports de la république française avec les nations étrangères, l'auteur les résume ainsi :

« Le peuple français est l'ami et l'allié naturel des peuples libres. Il ne s'immisce point dans le gouvernement des autres nations. Il ne souffre pas que les autres nations s'immiscent dans le sien.

Il donne asile aux étrangers bannis de leur pays pour la cause de la liberté. »

La principale des dispositions particulières qui terminent l'œuvre, concerne le cautionnement des feuilles périodiques qui est déclaré aboli.

Главное изъ особыхъ распоряженій, которымъ проектъ оканчивается, относится къ требованію денежныхъ залоговъ отъ издателей журналовъ, которое, по убѣжденію автора, должно быть уничтожено.

Эти *Политическія грезы*, первый опытъ юнаго проповѣдника наполеоновской идеи, были имъ отданы на разсмотрѣніе г. де-Шатобріану, находившемуся тогда въ Швейцаріи. Г. деШатобріанъ сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ и примѣчаній, которыя утратились. Они впрочемъ, относились болѣе къ словамъ чѣмъ къ сущности дѣла, Напримѣръ въ одной изъ нихъ предлагалось замѣнить слово *народъ*, словомъ *нація*.

II.

Въ слѣдующемъ году за *Политическими грезами* послѣдовали *Политическія и военныя соображенія относительно Швейцаріи*, въ которыхъ авторъ совѣтуетъ преимущественно усилить центральную власть, поддерживая при томъ систему Федеративную. Указывая на угнетеніе однихъ кантоновъ другими, онъ справедливо замѣчаетъ, что республика и свобода не всегда могутъ быть синонимами.

«Что касается до насъ, дѣтей революціи, то мы удивляемся, что Швейцарія, несмотря на свое республиканское правленіе, принуждена еще, подобно прочимъ націямъ, дѣлать усилие, чтобъ избавиться отъ ига и пріобрѣсти различныя права. Это оттого, что на дѣлѣ республика не составляетъ олицетворенія принципа, а только форму правительства. Она не составляетъ принципа потому, что не всегда обезпечиваетъ свободу и равенство. Республика, въ общепринятомъ смыслѣ, означаетъ только правленіе нѣсколькихъ лицъ, потому что до сихъ поръ почти во всѣхъ республикахъ мы видѣли, что народъ подчиненъ тираннической аристократіи и самымъ возмутительнымъ злоупотребленіямъ власти. Римъ, при правленіи, похожемъ на правленіе англійское, имѣлъ просвѣщенную аристократію; но она обогащала население привилегированнаго города добычами и поборами съ другихъ націй. Въ Италіи республика отличалась своимъ деспотизмомъ. Законы венеціянскіе были написаны кровью. Между тѣмъ какъ республика мудрая и демократическая можетъ быть лучшимъ правительствомъ, республика тиранническа — самое худшее изъ правительствъ, потому что гораздо легче освободиться отъ ига одного человѣка, чѣмъ отъ ига многихъ.»

Посредничеству Наполеона I онъ приписываетъ болѣею частью уничтоженіе мѣстныхъ тиранній и политическое возрожденіе Швейцаріи. Конечно, на это можно возразить, что

Ces *Rêveries politiques*, coup d'essai du jeune apôtre de l'idée napoléonienne furent soumises par lui à M. de Chateaubriand qui était alors en Suisse. M. de Chateaubriand y fit quelques annotations et observations qui ont été perdues, et qui portaient d'ailleurs sur les mots plus que sur les choses. L'une d'elles, par exemple, consistait à mettre *nation* au lieu de *peuple*.

II.

Aux *Rêveries politiques* succédèrent, l'année suivante, les *Considérations politiques et militaires sur la Suisse*, dans lesquelles l'auteur recommande surtout de fortifier le pouvoir central tout en maintenant le système fédératif. Il remarque judicieusement en signalant l'oppression que certains cantons, Berne par exemple, faisaient peser sur d'autres cantons assujettis, que république et liberté ne sont pas nécessairement synonymes.

« Pour nous autres enfants de la Révolution, il nous semble étonnant de voir la Suisse, quoique république, avoir comme les autres nations un joug à rejeter et des droits à obtenir. C'est qu'en effet le mot de république n'est pas une désignation de principes, ce n'est qu'une forme de gouvernement. Ce n'est pas un principe parce qu'elle ne garantit pas toujours la liberté et l'égalité. République, dans son acception générale, ne signifie que le gouvernement de plusieurs. Car n'avons-nous pas vu jusqu'ici dans presque toutes les républiques le peuple soumis à une aristocratie tyrannique, à des abus révoltants. Rome, avec un gouvernement semblable à celui de l'Angleterre, avait une aristocratie éclairée ; mais elle enrichissait le peuple de la ville privilégiée, des dépouilles et des droits qu'elle enlevait aux autres nations. En Italie, les républiques étaient despotiques. Les lois de Venise étaient écrites avec du sang et de même qu'une république sage et démocratique peut être le meilleur des gouvernements, une république tyrannique est le pire de tous, car il est plus facile de s'affranchir du joug d'un seul que de celui de plusieurs. »

C'est à la médiation de Napoléon Ier qu'il attribue en grande partie la suppression des tyrannies locales et la régénération politique de la Suisse. On peut objecter, sans doute, que Napoléon laissa

Наполеонъ обезсиливалъ центральную власть; но это зависѣло отъ временныхъ потребностей его положенія, потребностей, которыя часто заставляли его временно принимать политику, находившуюся въ кажущемся противорѣчїи съ принципами, которымъ онъ старался доставить торжество.

«Отъ чего же императоръ лишилъ центральную власть силы и твердости? Оттого, что онъ онъ не хотѣлъ, чтобы Швейцарія стѣсняла его намѣренія; онъ желалъ, чтобъ она была счастлива, но до поры до времени безсильна; впрочемъ дѣйствія его относительно этой страны совершенно согласуются съ дѣйствіями его относительно всѣхъ другихъ государствъ. Повсюду онъ основывалъ правленія, составлявшія переходъ отъ старыхъ идей къ новымъ. Повсюду въ томъ, что основывалъ онъ, можно замѣтить два отличительные элемента: временное основаніе съ наружною прочностію: *временное* потому, что онъ чувствовалъ, что Европа нуждается въ обновленіи; *съ наружною прочностію*, чтобы скрыть отъ враговъ свои великія намѣренія, и чтобы не обвинили его въ желаніи овладѣть всѣмъ міромъ. Съ этою-то цѣлю онъ покрылъ императорскою діадемой свои республиканскіе лавры, съ этою же цѣлю онъ роздалъ престолы своимъ братьямъ.

«Великій человекъ не имѣетъ узкаго взгляда и слабостей, которые приписываетъ ему толпа. Если бы это было такъ, то онъ бы не былъ великимъ человекомъ. Онъ назначилъ королямъ своихъ братьевъ вовсе не для того, чтобы надѣлать коронами членовъ своего семейства, а для того, чтобъ они были въ разныхъ странахъ опорами новаго зданія. Онъ сдѣлалъ ихъ королями, чтобы внушить довѣренность къ прочности и избѣжать обвиненія въ честолюбіи. Онъ размѣстилъ такимъ образомъ своихъ братьевъ, потому что они одни могли примирить идею обновленія съ наружною неподвижностію, потому что они одни, становясь королями, могли быть подчинены его волѣ, потому что они одни могли потерять королевства и утѣшиться тѣмъ, что они останутся французскими принцами.

« . . . . Разсматривая весь образъ дѣйствій Наполеона, можно вездѣ найти тѣ же признаки прогресса, тѣ же наружныя формы прочности. Въ этомъ заключается сущность его исторїи. Но, спросятъ насъ, какой же назначенъ былъ срокъ этого временнаго состоянія?

«Оно должно было окончиться торжествомъ надъ Русскими, уничтоженіемъ англійской системы. Еслибъ онъ остался побѣдителемъ, то Вестфалія превратилась бы въ германскую національность, вицекоролество италіянское превратилось бы въ національность италіянскую. Во Франціи либеральная система замѣнила бы диктатуру: повсюду прочность, свобода, незави-

le pouvoir central sans force ; mais cela tenait aux nécessités temporaires de sa position, nécessités qui l'obligeaient souvent à adopter provisoirement une politique en opposition apparente avec les principes qu'il voulait faire prévaloir.

« Pourquoi l'empereur avait-il laissé le pouvoir central sans force et sans vigueur ? C'est qu'il ne voulait pas que la Suisse put entraver ses projets ; il désirait qu'elle fût heureuse mais momentanément nulle ; et d'ailleurs sa conduite pour ce pays est conforme à celle qu'il adopta pour tous les autres. Partout il n'installa que des gouvernements de transition entre les idées anciennes et les idées nouvelles. Partout on peut remarquer dans ce qu'il établit deux éléments distincts : une base provisoire avec les dehors de la stabilité. Provisoire, parce qu'il sentait que l'Europe voulait être régénérée ; avec les dehors de la stabilité, afin d'abuser ses ennemis sur ses grands projets, et pour qu'on ne l'accusât pas de tendre à l'empire du monde. C'est dans ce but qu'il surmonta d'un diadème impérial ses lauriers républicains ; c'est dans ce but qu'il mit ses frères sur des trônes.

Un grand homme n'a pas les vues étroites et les faiblesses que lui prête le vulgaire. Si cela était, il cesserait d'être un grand homme. Ce n'est donc point pour donner des couronnes à sa famille qu'il nomma ses frères rois, mais bien pour qu'ils fussent, dans les divers pays, les piliers d'un nouvel édifice. Il les fit rois pour qu'on crût à la stabilité et qu'on n'accusât pas son ambition. Il y mit ses frères parce qu'eux seuls pouvaient concilier l'idée d'un changement avec l'apparence de l'inamovibilité, parce qu'eux seuls pouvaient être soumis à sa volonté quoique rois, parce qu'eux seuls pouvaient se consoler de perdre un royaume en redevenant princes français.

Si l'on examine toute la conduite de Napoléon on trouvera partout les mêmes symptômes de progrès, les mêmes apparences de stabilité. C'est là le fond de son histoire. Mais dira-t-on, quand devait être le terme de cet état provisoire ? À la défaite des Russes, à l'abaissement du système anglais. S'il eût été vainqueur, on aurait vu le duché de Varsovie se changer en nationalité de Pologne, la Westphalie se changer en nationalité allemande, la vice-royauté d'Italie se changer en nationalité italienne. En France, un régime libéral eût remplacé le régime dictatorial ; partout stabilité, liberté,

симость замѣнили бы неполныя національности и старомодныя постановленія.»

Не трудно замѣтить, что при этомъ случаѣ авторъ нѣсколько походить на тѣхъ страстныхъ комментаторовъ Гомера, которые въ его поэмахъ находятъ множество вещей, незамѣтныхъ для презрѣнной толпы читателей, и едва ли бывшихъ извѣстными самому пѣвцу Илиады и Одиссеи. Не удивился ли бы не много самъ Наполеонъ, если бы ему сказалъ кто-нибудь, что, дѣйствуя деспотизмомъ и употребляя его во зло, онъ имѣлъ цѣлю положить несокрушимое основаніе свободѣ? Но пойдемъ далѣе. Авторъ разсматриваетъ всѣ политическія учрежденія по отношенію ихъ къ духу каждаго народа; онъ держится того мнѣнія, что если Федерация свойственна Швейцаріи и Соединеннымъ Штатамъ, то одна только централизація свойственна Франціи, по крайней мѣрѣ въ наше время, на томъ основаніи, что такъ какъ этотъ образъ правленія можетъ быть хорошъ для одной страны и дуренъ для другой, то и образъ правленія, годный въ одну эпоху, нигде не годится въ другую.

«За что восхваляютъ жестокою политику Людовика XI и Ришелье? За то, что они унизили великихъ вассаловъ, которые, управляя отдѣльными провинціями, составляли конфедерацію, и раздробляли силы государства. Въ большемъ государствѣ необходимо центръ, который былъ бы источникомъ благоденствія подобно тому, какъ сердце составляетъ источникъ жизни въ человѣческомъ тѣлѣ... Намъ нечего ходить за примѣромъ въ чужіе края; во Франціи намъ нужно правительство, которое согласовалось бы съ нашими потребностями, съ нашею натурой и съ условіями нашего существованія. Потребности наши — свобода и равенство; натура наша — быть горячими Двигателями цивилизаціи; условія нашего существованія — быть сильными на защиту нашей независимости. Итакъ, чтобы быть свободными, независимыми и сильными, намъ необходимо правительство національное, то-есть такое правительство, котораго бы всѣ элементы истекали изъ народа, единственнаго источника всего великаго и благороднаго. Что же касается до Швейцаріи, состоящей изъ различныхъ народовъ, то она въ теченіи вѣковъ привыкла къ Федеративной системѣ, и сама природа положила ей основаніе, раздѣливъ кантоны горными цѣпями, ущеліями, озерами и рѣками. Швейцарія не стоитъ, подобно Франціи, во главѣ націй, не составляетъ подобно ей предмета опасеній и зависти для государей, предмета надежды и утѣшенія для народовъ.»

Авторъ настаиваетъ на необходимости общихъ гарантій для всѣхъ кантоновъ, относительно нѣкоторыхъ правъ, пользованіе

indépendance, au lieu de nationalités incomplètes et d'institutions transitoires. »

L'auteur ressemble un peu ici, on doit s'en apercevoir, à ces commentateurs passionnés d'Homère qui voient dans ses poèmes une foule de choses que la vile multitude des lecteurs n'y aperçoit point et dont, selon toute apparence, le chantre de l'Iliade et de l'Odyssée lui-même ne s'est jamais douté. Napoléon n'aurait-il pas été quelque peu surpris si on lui avait dit qu'en usant et en abusant du despotisme il se proposait pour but d'établir sur une base indestructible la liberté ? Mais poursuivons. L'auteur examine ensuite les institutions politiques dans leurs rapports avec le génie de chaque peuple, et il est d'avis que si le fédéralisme peut convenir à la Suisse et aux États-Unis, en revanche la centralisation seule convient à la France, au moins au temps où nous sommes, car de même que tel régime peut convenir à un pays et ne pas convenir à un autre, de même le régime qui convient à une époque peut ne plus rien valoir à une autre.

« Pourquoi vante-t-on la politique cruelle de Louis XI et de Richelieu ? C'est qu'ils abaissèrent les grands vassaux qui, commandant chacun une province, formaient une confédération et divisaient la force de l'État. Il faut, dans un grand pays, un centre qui soit le principe de la prospérité, comme le cœur est le principe de la vie dans le corps humain... Nous n'avons pas besoin de chercher un modèle dans les pays étrangers ; ce qu'il nous faut en France, c'est un gouvernement qui soit en rapport avec nos besoins, notre nature et notre condition d'existence. Nos besoins sont l'égalité et la liberté ; notre nature, c'est d'être les ardents promoteurs de la civilisation ; notre condition d'existence est d'être forts afin de défendre notre indépendance. Ainsi donc, pour être libres, indépendants et forts, il nous faut un pouvoir national, c'est-à-dire un pouvoir dont tous les éléments se retrempe dans le peuple, seule source de tout ce qui est grand et généreux. Quant à la Suisse, composée de différents peuples, elle est habituée depuis des siècles au système fédératif ; la nature en a jeté les bases en séparant les cantons par des chaînes de montagnes, des défilés, des lacs et des fleuves. Elle n'est pas, comme la France, à la tête des nations, objet de crainte et de jalousie pour les rois, objet d'espoir et de consolation pour les peuples. »

L'auteur insiste cependant sur la nécessité de garanties communes à tous les cantons pour certains droits dont l'exercice est

которыми необходимо для народа свободного, особенно относительно права выражать мысль свою посредством печати.

«Каждый гражданинъ республики долженъ желать свобо ды, а свобода пустой звукъ, если невозможно свободно выражать на бумагѣ мысли свои и убѣжденія. Если бы гласность встрѣтила препятствія въ одномъ кантонѣ, то она перенесла бы свѣтъ свой и благодѣянія въ другой; и кантонъ, отвергнувшій ее, не избѣжалъ бы ея ударовъ. Свобода печати должна быть всеобщая.»

Далѣе авторъ сравниваетъ систему избирательную и наследственную, и отдаетъ преимущество первой, на основаніи соображеній, которыя стоить привести здѣсь.

«Главное преимущество Швейцарскаго союза составляетъ основной законъ, опредѣляющій на двѣнадцать лѣтъ срокъ пересмотра Федеральнаго уложенія. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, обезпеченіе народнаго правленія. Безъ подобныхъ законовъ, правленіе народа было бы пустымъ словомъ, которое правители употребляютъ для обмана легковѣрныхъ, которое робкіе граждане повторяютъ для успокоенія совѣсти своей, побуждавшей ихъ сооружать на широкихъ основаніяхъ учрежденія своего отечества.

«Въ сенатусъ-консультѣ XII года, утверждающемъ обязанности семейства Бонапартовъ, относительно Французскаго народа, принципъ этотъ признанъ, потому что, по прошествіи извѣстнаго времени, установлена была обязанность воззванія къ народу.

«Говорятъ, что въ большомъ государствѣ избирательная система можетъ сдѣлаться источникомъ большихъ безпорядковъ; но все имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону.

«Противники народнаго правленія скажутъ вамъ: избирательная система повсюду повлекла за собою безпокойства. Въ Римѣ она раздѣлила республику между Маріемъ и Суллой, между Цезаремъ и Помпеемъ; Германія приходила въ страшное волненіе при избраніи императоровъ; христіанство западной церкви потрясваемо было избраніемъ папъ: было время, что три намѣстника св. Петра оспаривали другъ у друга его наследіе; Польша обогрѣлась кровію при избраніи королей; а во Франціи въ продолженіи трехъ столѣтій, наследственная система торжествовала надъ всѣми раздорами.

«Другіе будутъ отвѣчать: избирательная система господствовала въ Римѣ въ продолженіе 450 лѣтъ, и Римъ былъ властителемъ міра, средоточіемъ цивилизаціи. Наследственная система не остановила революцій, которыя изгнали одинъ разъ династію Вазы, два раза Стюартовъ и три раза Бурбоновъ. Если наследственный принципъ устранялъ войны за избраніе, которыя происходили въ Польшѣ и въ Германіи, то замѣнялъ ихъ войнами за престолонаслѣдіе, каковы, наприкладъ, война Алой и Бѣлой

indispensable à un peuple libre, notamment pour le droit d'exprimer sa pensée par la voie de la presse.

« Tout citoyen d'une république doit désirer d'être libre, et la liberté est un vain mot, si l'on ne peut exprimer librement par écrit ses pensées et ses opinions. Si la publicité avait des entraves dans un canton, elle irait porter ses lumières et ses bienfaits dans un autre ; et, le canton qui l'aurait exclue ne serait plus à l'abri de ses atteintes. La liberté de la presse doit donc être générale. »

L'auteur compare ensuite le système électif et le système héréditaire et il donne la préférence au premier, par des motifs qui valent la peine d'être rapportés.

« Le premier avantage du projet de pacte suisse est la loi fondamentale qui fixe à douze ans l'époque de la révision du pacte fédéral. Voici, en effet, la souveraineté nationale garantie. Sans de semblables lois, la souveraineté du peuple n'est qu'un vain mot que les gouvernements emploient pour tromper les crédules, que les gouvernés timides répètent pour apaiser leur conscience qui leur disait de bâtir sur de larges bases les institutions de la patrie.

Dans le sénatus consulte de l'an XII qui établit les devoirs de la famille Bonaparte envers le peuple français, ce principe était reconnu ; car, au bout d'un certain temps, l'obligation d'un appel au peuple était consacrée.

On dit que dans un grand pays le système électif peut être la source de grands désordres, mais tout a son bon et mauvais côté. Les ennemis de la souveraineté populaire vous diront : le système électif a partout amené des troubles : à Rome, il a partagé la république entre Marius et Sylla, entre César et Pompée ; l'Allemagne a été en feu pour l'élection des empereurs ; la chrétienté a été troublée par le choix des papes : on a vu trois apôtres de saint Pierre se disputer son héritage ; la Pologne a été ensanglantée pour le choix des rois ; tandis qu'en France, le système héréditaire a pendant trois cents ans surmonté toutes les dissensions.

D'autres répondront : le système électif a gouverné Rome pendant 450 ans, et Rome fut la reine du monde, le foyer de la civilisation. Le système héréditaire n'a pas arrêté les révolutions qui chassèrent une fois les Wasa, deux fois les Stuart et trois fois les Bourbons. Si le principe héréditaire a empêché les *guerres d'élections* comme celles de Pologne et celles d'Allemagne, il y a substitué les *guerres de successions*, comme la rose rouge et la rose blanche, la

Розы, война за испанское наслѣдство и за наслѣдство Маріи-Терези; наконецъ, этотъ принципъ, нерѣдко угнетательный, породилъ единственныя законныя войны, тоестъ войны за независимость.

«Конечно, прочность правленія составляетъ счастье народа; безъ довѣренности къ будущему, нѣтъ жизненнаго начала въ обществѣ, нѣтъ торговли, нѣтъ благотворныхъ предпріятій; массы страдаютъ отъ застоя всѣхъ элементовъ благоденствія, которые задерживаются опасеніемъ близкаго переворота. Но гдѣ же найти средство пріобрѣтенія такой прочности? Прилѣпиться ли къ прошедшему, какъ къ основанію несокрушиму, и оковать будущее, какъ будто бы оно было въ нашей власти? Не одинаково ли ошибочно почитать настоящее выше всего, что существовало прежде, или почитать его выше всего, что можетъ случиться въ послѣдствіи? Невозможно сказать какой-либо націи: «Вотъ твое счастье, оно заключено въ предѣлахъ, черезъ которые перейдти невозможно; всякій прогрессъ будетъ ошибкой, всякое возвращеніе къ прошедшему — преступленіемъ.»

«Природа не можетъ оставаться неподвижною. Постановленія дряхлѣютъ, между тѣмъ какъ родъ человѣческой возраж дается непрерывно. Первыя — непрочное дѣло рукъ человѣческихъ, второй — созданіе Божества. Порча можетъ исказить первыя, второй не подверженъ порчѣ. Насъ вдохновляетъ духъ небесъ, духъ совершенствованія.

«Итакъ прогрессъ необходимъ, и если вздумаютъ задерживать его неподвижными законами, то рано или поздно послѣдовать долженъ взрывъ, сокрушающій общественное зданіе, взрывъ, соразмѣрный съ препятствіями, которыя долженъ будетъ преодолѣть прогрессъ. Однако слѣдуетъ узнать, кто долженъ рѣшить, какія перемѣны необходимо произвести въ учрежденіяхъ, и опредѣлить время этихъ перемѣнъ. Кто же?

«Народъ! онъ составляетъ самую сильную и самую справедливую изъ всѣхъ партій; онъ ненавидитъ анархію, столько же, сколько и рабство; онъ неподкупенъ и всегда ясно сознаетъ то, что ему нужно.»

За тѣмъ авторъ разбираетъ Финансовыя учрежденія Швейцаріи и замѣчаетъ:

«Всякая Финансовая система должна вести къ разрѣшенію слѣдующей проблемы: вспомошествованіе бѣдныхъ классовъ. Это Филантропическое правило признано всѣми здравомыслящими людьми; только средство составляетъ еще предметъ споровъ и несогласій между публицистами.»

Умѣренность налоговъ въ Швейцаріи даетъ ему случай подтвердить, что правительство Наполеона было существенно

guerre pour le trône d'Espagne, celle de Marie Thérèse ; et d'ailleurs ce principe, souvent oppressif, a fait naître les seules guerres légitimes, c'est-à-dire les guerres d'indépendance.

Il est vrai que la stabilité fait seule le bonheur d'un peuple ; sans confiance dans l'avenir, point d'esprit vital dans la société, point de commerce, point d'entreprises bienfaisantes ; les masses souffrent de la stagnation de tous les éléments de prospérité qui sont arrêtés par la crainte d'un bouleversement prochain. Mais quel est le moyen d'acquérir cette stabilité ? Est-ce de s'attacher au passé comme à une base immuable, et à enchaîner l'avenir comme s'il était déjà en notre possession ? N'est-il pas tout aussi faux de regarder le présent comme supérieur à tout ce qui a existé, que de le croire au-dessus de tout ce qui arrivera par la suite ? On ne peut pas dire à une nation : ton bonheur est là, il est fixé par des bornes insurmontables ; tout progrès serait un défaut, tout retour au passé un crime.

La nature n'est pas stationnaire. Les institutions vieillissent, tandis que le genre humain se rajeunit sans cesse. L'un est l'ouvrage fragile des hommes, l'autre celui de la Divinité. La corruption peut s'introduire dans le premier ; le second est incorruptible. C'est l'esprit céleste, l'esprit de perfectionnement qui nous entraîne. »

Le progrès est donc nécessaire, et si l'on entreprend de le retarder par des lois immobiles, tôt ou tard une explosion vient bouleverser l'édifice social, explosion qui sera en raison de la résistance que le progrès aura dû surmonter. Cependant, il s'agit de savoir qui décidera des changements à apporter dans les institutions et de l'opportunité de ces changements. Qui ?

« Le peuple ! qui est le plus juste et le plus fort de tous les partis ; le peuple qui abhorre autant les excès que l'esclavage ; le peuple qu'on ne peut jamais corrompre, et qui a toujours le sentiment de ce qui lui convient. »

L'auteur passe alors en revue les institutions financières de la Suisse, et il déclare que :

« Tout système financier doit se réduire désormais à ce problème : soulager les classes pauvres. Cette maxime philanthropique est reconnue de tous les bons esprits ; le moyen seul est le sujet des contestations et des discussions des publicistes. »

La modicité des impôts en Suisse lui donne l'occasion de constater que le gouvernement de Napoléon était essentiellement un

Дешевымъ правительствомъ, потому что бюджетъ его, несмотря на войны, никогда не превышалъ 600 — 700 милліоновъ. Онъ забываетъ только прибавить, — и мы подробнѣе поговоримъ объ этомъ при разборѣ *Наполеоновскихъ идей*, — что военныя контрибуціи, взимаемая съ иностранныхъ народовъ, доставляли большую прибавку къ этимъ бюджетамъ. Императорское правительство не дорого обходилось Франціи. Положимъ такъ, но оно дорого стоило Европѣ. По разсмотрѣннн финансовыхъ учреждений, авторъ переходитъ къ внѣшнимъ отношеніямъ Швейцаріи; онъ совѣтуетъ ей замѣнить ея систему нейтралитета тѣснымъ союзомъ съ Франціей.

«Швейцарія естественная союзница Франціи, потому что она прикрываетъ часть ея границъ. Императоръ Наполеонъ говорилъ: «Франція связана съ Швейцаріей интересомъ защиты; для другихъ же державъ Швейцарія можетъ сдѣлаться важна въ интересѣ нападенія. Первый интересъ *постоянный*, второй только *мимо-летный* и зависитъ отъ произвола.» Не раскрываютъ ли эти немногія слова самымъ разительнымъ образомъ настоящаго положенія и истинныхъ интересовъ Швейцаріи?

«Нейтралитетъ ограждаетъ большое государство отъ нападеній, потому что каждая изъ воюющихъ сторонъ старается избѣжать лишняго могущественнаго непріятели. Мы видали не разъ, что эта система давала первостепенной державѣ возможность выжидать результата первыхъ сраженій, чтобы стать потомъ на сторонѣ побѣдителей. Но для малаго государства призракъ нейтралитета одна химера, къ которой привязываются съ удовольствіемъ, потому что она скрываетъ опасности затруднительнаго положенія, а въ сущности она нисколько не ограждаетъ независимости.

«Довѣряютъ обыкновенно трактатамъ, подписаннымъ всѣми державами; но многія государства нисколько не стѣснялись обязанностію строго исполнять трактаты, воздерживаясь отъ увлеченій; ихъ соединяетъ и раздѣляетъ неудержимая сила мгновенія.

«Въ 1796 году Венеція утратила свое существованіе, потому что пожелала сохранить нейтралитетъ, вмѣсто того, чтобы принять оборонительный и наступательный союзъ, предложенный ей Наполеономъ. Не умѣвши ни поддержать свою страдательную роль посреди столь могущественныхъ непріятели, ни искренно соединиться съ кѣмъ-либо изъ нихъ, она должна была сдѣлаться добычей побѣдителя, куда бы ни склонилось счастье.

«А за чѣмъ бы, кажется, свободному народу оставаться равнодушнымъ зрителемъ, еслибы началась упорная борьба между свободой и рабствомъ? За чѣмъ бы Швейцаріи оставаться

gouvernement à bon marché, car son budget, malgré la guerre, n'excéda jamais 600 ou 700 millions. Seulement, il oublie d'ajouter, et nous nous étendrons davantage sur ce point à propos des *Idees napoléoniennes*, que les contributions de guerre levées sur les peuples étrangers fournissaient un large appoint à ce budget. Le gouvernement impérial ne coûtait pas cher à la France. Soit ! mais il coûtait cher à l'Europe. — Après l'examen des institutions financières vient celui des relations extérieures de la Suisse. L'auteur lui conseille de substituer à son système de neutralité une alliance intime avec la France.

« La Suisse est l'alliée naturelle de la France, parce qu'elle couvre une partie de ses frontières. L'empereur Napoléon disait : 'C'est l'intérêt de la défense qui lie la France à la Suisse, c'est l'intérêt de l'attaque qui peut rendre la Suisse importante pour les autres puissances. Le premier est un intérêt *permanent*, le second n'est que *passager* et de caprice.' Ce peu de mots ne révèlent-ils pas d'une manière frappante la véritable position et le véritable intérêt de la Suisse ?

Pour un grand pays la neutralité le met à l'abri des attaques, car tous ont un intérêt à ne pas avoir à dos un puissant ennemi de plus. Nous avons vu souvent que, pour un État de premier ordre, ce système permet d'attendre l'issue des premiers combats, afin de se mettre du côté du vainqueur. Pour un petit État, le fantôme de la neutralité n'est qu'une chimère qu'on embrasse avec plaisir, parce qu'elle cache les dangers d'une position difficile ; mais en effet, elle ne protège nullement l'indépendance.

On se fie à un traité signé par toutes les puissances ; mais les différents États ne sont jamais retenus par la froide observation des traités ; c'est la force irrésistible du moment qui les allie ou les divise.

En 1796, Venise cessa d'exister parce qu'elle voulut rester neutre au lieu d'accepter le traité d'alliance offensif et défensif que lui offrait Napoléon. N'ayant su ni maintenir son rôle passif au milieu de si puissants ennemis ni s'allier franchement à aucun d'eux, de quelque côté que la fortune se fut déclarée, elle devenait toujours la proie du vainqueur.

Eh ! pourquoi un peuple libre resterait-il spectateur indifférent s'il s'élevait une lutte opiniâtre entre la cause de la liberté et celle de l'esclavage ? Pourquoi la Suisse resterait-elle inactive, lorsque le

въ бездѣйствіи, когда свобода должна упрочить ей независимость, а торжество рабства, напротивъ того, подчинило бы ее желѣзному ярму? Допустимъ, напримѣръ, что составила бы новая коалиція государей противъ Франціи, и что воюющія стороны въ собственныхъ интересахъ своихъ будутъ охранять нейтралитетъ Гельвеціи. Если коалиція одержитъ верхъ, то какія перемѣны могутъ произойти въ судьбахъ Швейцаріи? Она можетъ снова подпасть подъ иго аристократіи и иностранныхъ державъ: ее могутъ раздѣлить, какъ раздѣлили Польшу. Еслибы, напротивъ того, Франція, въ отмщеніе за Ватерлоо, вздумала возобновить Іену и Аустерлицъ, то свобода Швейцаріи, какъ и прочей Европы, утвердилась бы еще болѣе. Ясно, что истинный интересъ Швейцаріи состоитъ въ томъ, чтобъ искренно соединиться съ партіей, успѣхъ которой упрочитъ за нею ея привилегіи и независимость.

«Я знаю, къ сожалѣнію, что счастье дѣлаетъ человѣка эгоистомъ. Нѣкоторые Швейцарцы воображаютъ, что, будучи отдѣлены отъ прочей Европы своими учреждениями и горами, они могли бы остаться спокойными посреди общаго переворота. Это чистое заблужденіе: вся Европа связана неразрывными узами. Франція стоитъ во главѣ этой соединительной цѣпи, и отъ спасенія Парижа зависитъ спасеніе свободы цѣлой Европы.»

Въ заключеніе авторъ посвящаетъ много страницъ разбору военной системы Швейцаріи и средствъ, которыя могли бы сдѣлать ее дѣйствительною. Онъ оканчиваетъ, пуская слѣдующую ракету наполеоновскаго шовинизма :

«Говоря о Швейцаріи въ военномъ отношеніи, я чувствовалъ, какъ сильно билось у меня сердце при воспоминаніи блестящихъ кампаній Массены и Лекурба. И въ самомъ дѣлѣ, найдется ли мѣсто въ Европѣ, которое бы не сохранило слѣдовъ Французской славы? Переходите ли вы по мосту, названіе его напоминаетъ вамъ, что наши батальйоны взяли его штыками. Перебираетесь ли вы по Альпамъ и Апеннинамъ, вы встрѣчаете вездѣ дороги, проложенныя по слѣдамъ нашихъ солдатъ, которые первые пробили въ нихъ путь. Наконецъ, земля, по которой мы ступаемъ отъ Москвы до пирамидъ, была боевымъ полемъ, на которомъ дѣти республики и имперіи покрыли новымъ блескомъ имя Франціи. И (что всего можетъ-быть славнѣе) если мы встрѣчаемъ у народовъ чужеземныхъ улучшенія въ ихъ кодексахъ, полезныя занятія, прочныя труды, благодѣтельныя учрежденія, то всѣмъ этимъ они обязаны юнымъ батальйонамъ республики, которые изготовили эти перемѣны, опрокидывая всѣ препятствія, задерживавшія ихъ шествіе; а старыя когорты имперіи укрѣпили

triomphe de l'une assurerait son indépendance, lorsqu'au contraire le triomphe de l'autre la remettrait sous un joug de fer ? Supposons un moment qu'une nouvelle coalition de rois se fit contre la France, et que les parties belligérantes trouvassent même de leur intérêt de respecter la nationalité helvétique. Si la coalition avait le dessus, quel changement ne subiraient pas les destinées de la Suisse ? Elle retomberait sous le joug de l'aristocratie et des puissances étrangères : on la partagerait peut-être comme la Pologne. Si au contraire, la France, en se vengeant de Waterloo, renouvelait Iéna, Austerlitz, les libertés de la Suisse comme celles de l'Europe n'en recevraient qu'un nouvel affermissement. Son intérêt réel est donc de s'allier franchement avec le parti dont les succès lui assurent le maintien de ses libertés et de son indépendance.

Je sais que malheureusement le bonheur rend égoïste. Quelques Suisses croient que, séparés du reste de l'Europe par leurs institutions et par leurs montagnes, ils pourraient rester tranquilles au milieu d'un bouleversement général. Qu'ils se détrompent : toute l'Europe se tient par des liens indissolubles. La France est à la tête de la chaîne, et du salut de Paris dépend le salut des libertés de l'Europe entière. »

Enfin, l'auteur consacre de longues pages à l'examen du système militaire de la Suisse et des moyens de le rendre plus efficace. Il termine en lançant cette fusée de chauvinisme napoléonien.

« En parlant militairement de la Suisse, mon cœur a souvent battu en pensant à ces belles campagnes de Masséna et de Lecourbe. Et en effet, quel lieu d'Europe peut-on parcourir sans y voir des traces de la gloire française ? Passez-vous un pont, le nom vous rappelle que nos bataillons l'ont emporté à la baïonnette. Traversez-vous les Alpes et les Apennins, les routes qui aplanissent les montagnes ont été faites sur les traces de nos soldats, qui, les premiers, en ouvrirent les passages. Enfin, la terre que nous foulons aux pieds, depuis Moscou jusqu'aux Pyramides, a été le champ de bataille où les enfants de la république et de l'Empire ont donné un nouveau lustre au nom français. Et ce qu'il y a peut-être encore de plus glorieux, c'est que chez tous les peuples étrangers, si nous voyons des améliorations dans leurs codes, des ouvrages utiles, des travaux durables, des institutions bienfaisantes, ce sont les jeunes bataillons de la république qui ont préparé ce changement en renversant tout ce qui entravait leur marche ; ce sont les vieilles cohortes de l'Empire

ихъ, полагая первое основаніе новому зданію, завершить которое должна была іюльская революція.

«А съ 1815 года, что случилось съ славными остатками нашихъ великихъ армій? Да позволено мнѣ будетъ воздать имъ должное. За исключеніемъ нѣкоторыхъ знаменитостей имперіи, всѣ остальные во всякое время, во всѣхъ странахъ, обнаружили горячее рвеніе къ содѣйствію всякому благородному дѣлу. Во Франціи они обагрили кровію свою эшафоты реставраціи. Въ Греціи они помогли угнетеннымъ возстановить ихъ независимость! Въ Италіи, они были вождями этой несчастной молодежи, которая стремится къ свободѣ. Они наполнили тюрьмы своими изувѣченными тѣлами. Вездѣ встрѣчаются еще солдаты великаго человѣка, гдѣ дѣло идетъ о чести, свободѣ и отчизнѣ.»

III.

По окончаніи своихъ *Политическихъ и военныхъ соображеній, относительно Швейцаріи*, принцъ Лудовикъ-Наполеонъ приступилъ къ начертанію своего *Руководства къ артиллеріи* для артиллерійскихъ офицеровъ Гельветической республики, о которомъ мы упомянули выше. Мы не остановимся на этомъ сочиненіи, которое, по спеціальности своей, для насъ не совсѣмъ доступно. Мы ограничимся только замѣчаніемъ, что принцу очень нравились мощныя орудія войны, и нѣтъ сомнѣнія, что его инициативѣ они обязаны своимъ усовершенствованіемъ во Франціи въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, тогда какъ, до наступленія второй имперіи, артиллерійскій комитетъ отличался только своею неподвижностью. Въ 1847 году онъ издалъ еще первый томъ своихъ *Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie* (Изслѣдованія о прошедшей и будущей судьбѣ артиллеріи), — обширное сочиненіе, которое должно было состоять изъ пяти томовъ in-4°, съ множествомъ таблицъ. Въ первомъ томѣ идетъ рѣчь о влияніи артиллеріи на поле битвы. Событія помѣшали бывшему артиллерійскому капитану Бернскаго кантона окончить это обширное сочиненіе; несмотря на то, онъ не переставалъ посвящать часть рѣдкихъ досуговъ своихъ отъ дѣлъ правленія этому любимому своему занятію. Недавно еще возвѣщено было изданіе: *Histoire des canons rayés, par l'empereur Napoleon III* (Исторія нарѣзныхъ пушекъ, соч. императора Наполеона III), книги, служащей продолженіемъ его *Изслѣдованій о прошедшей и будущей судьбѣ артиллеріи*.

Что же касается до его политическихъ сочиненій, то въ нихъ замѣтенъ шестилѣтній пробѣлъ отъ 1833 до 1839 г. Пробѣлъ этотъ объясняется тѣмъ, что, создавши теорію, онъ готовился къ дѣйствію. Къ 1835 году относится событіе, служащее доказател-

qui l'ont affermi en jetant les premières bases d'un nouvel édifice que la révolution de juillet était appelée à terminer.

Et depuis 1815 que sont devenus ces restes glorieux de nos grandes armées ? Qu'on me permette de leur rendre justice. Excepté quelques sommités de l'Empire, tous les autres se sont montrés dans tous les temps, dans tous les pays, ardents à seconder toute noble entreprise. En France, ils ont rougi de leur sang les échafauds de la Restauration. En Grèce, ils ont aidé des esclaves à recouvrer leur indépendance. En Italie, ils sont les chefs de cette malheureuse jeunesse qui aspire à la liberté. Ils ont rempli les prisons de leurs corps mutilés. Enfin, en Pologne, quels étaient les chefs de ce peuple héroïque ? Des soldats de Napoléon. Partout on trouve encore des soldats du grand homme, quand il s'agit d'honneur, de liberté et de patrie. »

III.

Après avoir écrit les *Considérations politiques et militaires sur la Suisse*, le prince Louis Napoléon s'occupa de rédiger le *Manuel d'artillerie* à l'usage des officiers de la république helvétique, dont nous avons fait mention plus haut. Nous ne nous étendrons point sur cet ouvrage que nous ne sommes point compétent pour apprécier. Bornons-nous à remarquer que le prince avait un goût très vif pour ces puissants outils de la guerre, et qu'on doit certainement à son initiative les progrès qu'ils ont réalisés depuis dix ans, en France, où, avant le second empire, le comité d'artillerie se signalait par son invincible répugnance pour les innovations.

En 1847, il publiait encore le premier volume des *Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie*, grand ouvrage qui devait consister en cinq volumes in-4°, avec un grand nombre de planches. Le premier volume traite de l'influence de l'artillerie sur le champ de bataille. Les événements ne permirent point à l'ex-capitaine d'artillerie du canton de Berne d'achever ce grand ouvrage ; il n'a point cessé cependant de consacrer une partie des rares loisirs que lui laisse l'exercice du pouvoir à cette étude de prédilection. Tout récemment encore on annonçait la publication d'une « histoire des canons rayés » par l'empereur Napoléon III, faisant suite aux *Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie*.

Quant à ses travaux politiques, ils subissent une lacune de six années, de 1833 à 1839. C'est qu'après avoir écrit il se préparait à agir. En 1835, se place un fait qui atteste combien l'auteur des

ствомъ, какъ вѣровалъ авторъ *Политическихъ грезъ* въ призваніе, назначенное ему судьбой, какъ наслѣднику императора и провозвѣстнику наполеоновской идеи. Когда донья Марія, королева португальская, лишилась супруга своего, герцога лейхтенбергскаго, то нѣкоторые лица вздумали предложить Лудовику-Наполеону заступить мѣсто покойнаго. Онъ отклонилъ отъ себя это предложеніе письмомъ отъ 14 декабря 1835 года, которое бросаетъ яркій свѣтъ на расположеніе его духа и на планы, составлявшіе постоянный предметъ его помышленій.

«Благородный образъ дѣйствій моего отца, который въ 1810 году отрекся отъ престола, потому что не могъ согласить интересовъ Франціи съ интересами Голландіи, никогда не выйдетъ изъ моей памяти. Великимъ примѣромъ своимъ отецъ мой доказалъ, насколько отечество дороже чужеземнаго престола. И дѣйствительно, я чувствую, что, привыкнувъ съ дѣтства любить мою родину выше всего въ мірѣ, я не предпочту ничего интересамъ Франціи.»

«Убѣжденный въ томъ, что великое имя, которое я ношу и которое напоминаетъ пятнадцать лѣтъ славы, не всегда будетъ въ глазахъ моихъ соотечественниковъ поводомъ къ моему изгнанію; я спокойно буду ожидать въ странѣ гостепріимной и свободной, чтобы народъ снова призвалъ къ себѣ тѣхъ, кто рые изгнаны были изъ отечества съ помощію 1.200.000 чужеземцевъ. Надежда служить нѣкогда Франціи въ званіи граж данина и солдата укрѣпляетъ мою душу и стоитъ на мои глаза всѣхъ троновъ въ мірѣ.»

29-го октября 1836 года, пять лѣтъ спустя послѣ изданія *Политическихъ грезъ*, авторъ ихъ, находя, конечно, что это «нѣкогда» слишкомъ долго не наступаетъ, рѣшилъ на первую попытку свою въ Страсбургѣ къ ниспроверженію іюльскаго правительства. Онъ обвинялъ его въ измѣнѣ дѣлу революціи, и намѣревался замѣнить его правленіемъ, которое, по его мнѣнію, одно только могло возстановить великіе принципы 1789 года. Это предпріятіе претендента, о которомъ никто не думалъ въ то время, всѣ сочли рѣшительнымъ сумасбродствомъ. Несмотря на то, оно имѣло, и въ послѣдствіи событія доказали это, болѣе вѣроятностей на успѣхъ, чѣмъ вообще тогда предполагали. У принца было множество единомышленниковъ въ арміи, недовольной миролюбивою политикой, которой держался Лудовикъ-Филиппъ, и которая составляетъ честь его царствованія. Сверхъ того, коалиція либераловъ и бонапартистовъ во время реставраціи, рѣчи генерала Фуа, пѣсни Беранже произвели реакцію въ пользу императорской системы, тогда какъ бѣдствія, нанесенныя ею, начинали исчезать изъ памяти, и только одна

Rêveries politiques avait foi dans la mission qu'il était appelé à remplir, en qualité d'héritier de l'empereur et de dépositaire de l'idée napoléonienne. Dona Maria, reine du Portugal, ayant perdu son mari, le duc de Leuchtenberg, quelques personnes jetèrent les yeux sur Louis Napoléon pour le remplacer. Il déclina cette offre par une lettre datée du 14 décembre 1835, dans laquelle l'état de son esprit et les desseins qui faisaient l'objet constant de ses méditations se trouvent vivement accusés.

« La belle conduite de mon père qui abdiqua en 1810 parce qu'il ne pouvait allier les intérêts de la France avec ceux de la Hollande n'est pas sortie de mon esprit. Mon père m'a prouvé, par son grand exemple, combien la patrie est préférable à un trône étranger. Je sens, en effet, qu'habitué, dès mon enfance, à chérir mon pays par-dessus tout, je ne saurais rien préférer aux intérêts français.

Persuadé que le grand nom que je porte ne sera pas toujours un titre d'exclusion aux yeux de mes compatriotes, puisqu'il leur rappelle quinze années de gloire, j'attends avec calme, dans un pays hospitalier et libre, que le peuple rappelle dans son sein ceux qu'exilèrent en 1815, douze cent mille étrangers. Cet espoir de servir un jour la France comme citoyen et comme soldat, fortifie mon âme et vaut, à mes yeux, tous les trônes du monde. »

Un an après, le 29 octobre 1836, l'auteur des *Rêveries politiques* voyant que ce « jour » tardait trop au gré de son impatience, essayait à Strasbourg un premier coup d'État contre le gouvernement de Juillet qu'il accusait d'avoir trahi la cause de la Révolution, et auquel il voulait substituer le seul régime capable, à ses yeux, de réaliser les grands principes de 1789. Cette entreprise d'un prétendant auquel personne ne songeait plus alors, fut considérée comme un acte de folie. Cependant, elle avait — les événements l'ont prouvé plus tard — plus de chances de succès qu'on ne le supposait. Le prince comptait de nombreux partisans dans l'armée, mécontente de la politique de paix que le roi Louis-Philippe avait inaugurée et qui sera l'honneur de son règne. D'un autre côté la coalition des libéraux et des bonapartistes sous la Restauration, les discours du général Foy, les chansons de Béranger, avaient produit une réaction en faveur du régime impérial, dont le temps commençait à effacer les souvenirs désastreux, et dont le côté brillant et prestigieux demeurait

блестящая и обаятельная сторона ея выступала все болѣе и болѣе. Предпріятіе не удалось, вслѣдствіе обстоятельства, совершенно случайнаго. Задержанный въ то время, принцъ отправленъ былъ въ Америку, откуда онъ не замедлил возвратиться, чтобы принять послѣдній поцѣлуй своей матери, умершей въ 1837 году. Французское правительство утверждало, что онъ обязался провести десять лѣтъ вдали отъ Европы. Съ своей стороны принцъ утверждалъ, что онъ никогда не давалъ подобнаго обязательства. Какъ бы то ни было, въ собраніи его сочиненій находится нѣсколько интересныхъ писемъ, относящихся къ этому бурному періоду его поприща. Впервыхъ, письмо его къ матери, содержащее подробное описаніе его страсбургскихъ приключеній. Эти приключенія привели бы въ отчаяніе обыкновеннаго честолюбца, но они не могли подавить сектатора. Конечно, несчастный заговорщикъ обнаруживаетъ въ своемъ разказѣ нѣкоторую грусть, доходящую до горечи, но какъ будто даетъ почувствовать, что онъ готовъ приняться за новую попытку. И въ самомъ дѣлѣ, не долженъ ли онъ возвѣстить міру благу вѣсть, доставить торжество системѣ, необходимой для спасенія общества, выполнить назначеніе, указанное ему Провидѣніемъ?

«Вамъ извѣстно, говоритъ онъ своей матери, подъ какимъ предлогомъ я выѣхалъ изъ Арненберга, но вамъ неизвѣстно то, что происходило тогда въ моемъ сердцѣ. Сильный своимъ убѣжденіемъ, что наполеоновское дѣло есть самое національное во Франціи, и что оно одно ведетъ къ цивилизации всей Европы, гордый благородствомъ и чистотой своихъ намѣреній, я твердо рѣшилъ возстановить императорскій орелъ или пастъ жертвой моихъ политическихъ вѣрованій.

«Я отправился тою же дорогой, по которой три мѣсяца назадъ ѣздилъ въ Инкирхъ и въ Бадень; все вокругъ меня было по прежнему, но какая разница въ одушевлявшихъ меня впечатлѣніяхъ! Тогда на душѣ у меня было ясно и весело, какъ на небѣ, сіявшемъ надъ моею головой; теперь грустный и задумчивый духъ мой, казалось, согласовался съ туманнымъ и холоднымъ воздухомъ, меня окружавшимъ. Меня спросятъ можетъбыть, что же заставило меня разстаться съ счастливою жизнью для того, чтобъ идти на встрѣчу всѣмъ опасностямъ сомнительнаго предпріятія. Я отвѣчу, что тайный голось увлекалъ меня, и что я ни за что бы на свѣтѣ не согласился отложить до Другаго времени попытку, которая, повидимому, имѣла на своей сторонѣ всю вѣроятность успѣха.

«Теперь, когда дѣйствительность заступила мѣсто предположеній, когда я все видѣлъ самъ, и могу судить обо всемъ по собственному опыту, я остаюсь при своихъ вѣрованіяхъ, я даже

seul en relief. L'affaire échoua au début par une circonstance toute fortuite. Fait prisonnier, le prince fut envoyé en Amérique, d'où il ne tarda pas à revenir pour recevoir les derniers embrassements de sa mère (morte en 1837). Le gouvernement français prétendit qu'il s'était engagé à demeurer dix ans éloigné d'Europe. Le prince nia qu'il eût pris un tel engagement. Quoi qu'il en soit, le recueil de ses œuvres contient quelques lettres intéressantes qui se rapportent à cette période agitée de sa carrière. C'est d'abord une lettre à sa mère contenant un récit détaillé des événements de Strasbourg. Ces événements auraient pu décourager un ambitieux ordinaire ; ils ne pouvaient abattre un sectaire. Le conspirateur malheureux laisse sans doute percer dans son récit une certaine tristesse qui va même jusqu'à l'amertume ; mais on sent qu'il est prêt à recommencer. N'a-t-il pas, en effet, une bonne nouvelle à annoncer au monde, un système nécessaire au salut de la société à faire prévaloir, une mission providentielle à remplir ?

« Vous savez, dit-il à sa mère, quel est le prétexte que je donnai à mon départ d'Arenenberg ; mais ce que vous ne savez pas, c'est ce qui se passait alors dans mon cœur. Fort de ma conviction qui me faisait envisager la cause napoléonienne comme la seule cause nationale en France, comme la seule cause civilisatrice en Europe, fier de la noblesse et de la pureté de mes intentions, j'étais bien décidé à relever l'aigle impérial ou à tomber victime de ma foi politique.

Je partis, faisant dans ma voiture le même chemin que j'avais suivi il y a trois mois pour me rendre à Unkirch et à Baden ; tout était de même autour de moi ; mais quelle différence dans les impressions qui m'animaient ! J'étais alors gai et serein comme le jour qui m'éclairait ; aujourd'hui, triste et rêveur, mon esprit avait pris la teinte de l'air brumeux et froid qui m'entourait. On me demandera ce qui me forçait d'abandonner une existence heureuse pour courir tous les risques d'une entreprise hasardeuse. Je répondrai qu'une voix secrète m'entraînait, et que, pour rien au monde, je n'aurais voulu remettre à une autre époque une tentative qui me semblait présenter tant de chances de succès.

Et ce qu'il y a de plus pénible à penser pour moi, c'est qu'actuellement que la réalité est venue remplacer mes suppositions, et qu'au lieu de ne faire qu'imaginer, j'ai vu ; je puis juger, et je reste dans mes croyances, d'autant plus convaincu que si j'avais pu suivre le

сильнѣе убѣждаюсь въ нихъ, потому что, еслибы мнѣ возможно было слѣдовать плану, который я составилъ себѣ въ началѣ, то я былъ бы теперь въ своемъ отечествѣ, а не подь экваторомъ. Что мнѣ за дѣло, если чернь провозгласить меня безумцемъ за то, что я потерпѣлъ неудачу: она же вознесла бы до небесъ мои достоинства, еслибы я восторжествовалъ! Я беру на себя отвѣтственность за все случившееся, потому что я дѣйствовалъ по убѣжденію, а не по увлеченію.»

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе событий. 28-го октября принцъ прибылъ въ Страсбургъ и остановился тамъ въ маленькой комнаткѣ въ улицѣ де ла-Фонтень. Тамъ его посѣтилъ полковникъ Водре, которому онъ открылъ планъ своихъ дѣйствій. Все рѣшено было между ними, и положено было приступить къ дѣлу на слѣдующее утро. Вечеромъ назначено было общее собраніе заговорщиковъ въ домѣ, прилегавшемъ къ аустерлицкому кварталу, гдѣ расположенъ былъ четвертый артиллерійскій полкъ, состоявшій подь командой полковника Водре.

«29-го, въ одиннадцать часовъ вечера, одинъ изъ друзей моихъ пришелъ за мной, въ улицу де ла-Фонтень, чтобы проводить меня въ общее собраніе: мы вмѣстѣ прошли черезъ весь городъ; луна ярко освѣщала всѣ улицы, что казалось мнѣ благопріятнымъ предзнаменованіемъ на завтрашній день; я со вниманіемъ осматривалъ мѣста, по которымъ проходилъ; молчаніе, господствовавшее повсюду, производило на меня сильное впечатлѣніе; чѣмъ замѣнится завтра это спокойствіе? Впрочемъ, говорилъ я своему спутнику, безпорядковъ не будетъ, если дѣло мнѣ удастся. Для предупрежденія волненій, нерѣдко сопровождающихъ народныя движенія, я задумалъ совершить переворотъ посредствомъ арміи. Но, прибавилъ я, сколько нужно имѣть увѣренности, сколько глубокаго убѣжденія въ благородствѣ своего предпріятія, чтобы подвергаться не опасностямъ, на которыя мы пускаемся, но суду общественнаго мнѣнія, которое растерзаетъ насъ, которое покроетъ насъ позоромъ, если мы потерпимъ неудачу. И несмотря на то, призываю Бога въ свидѣтели, что не изъ видовъ личнаго честолюбія, но въ томъ убѣжденіи, что обязанъ исполнить мое призваніе, я подвергаюсь опасности потерять то, что дороже для меня жизни, — уваженіе моихъ согражданъ.»

«По прибытіи въ улицу *Des Orphelins*, въ назначенный домъ, я нашелъ тамъ всѣхъ друзей моихъ, которые собрались въ двухъ комнатахъ нижняго этажа. Я поблагодарилъ ихъ за преданность ихъ моему дѣлу и сказалъ, что съ этой минуты мы будемъ дѣлать все пополамъ, и радость и горе. Одинъ изъ Офицеровъ принесъ орла: это былъ тотъ самый, который принадлежалъ 7-му линей-

plan que je m'étais d'abord tracé, au lieu d'être maintenant sous l'équateur, je serais dans ma patrie. Que m'importent les cris du vulgaire qui m'appellera insensé parce que je n'aurai pas réussi, et qui aurait exagéré mon mérite si j'avais triomphé ! Je prends sur moi toute la responsabilité de l'événement, car j'ai agi par conviction et non par entraînement. »

Suit le récit des événements. Le 28 octobre, le prince arrive à Strasbourg et il va se loger dans une petite chambre, rue de la Fontaine. Là il voit d'abord le colonel Vaudrey auquel il soumet le plan de ses opérations. Tout est décidé entre eux pour le lendemain matin. Le soir un rendez-vous général est donné dans une maison voisine du quartier d'Austerlitz, où se trouvait caserné le 4e régiment d'artillerie que commandait le colonel Vaudrey.

« Le 29, à onze heures du soir, un de mes amis vint me chercher rue de la Fontaine pour me conduire au rendez-vous général : nous traversâmes ensemble toute la ville ; un beau clair de lune éclairait les rues ; je prenais ce beau temps pour un favorable augure pour le lendemain ; je regardais avec attention les endroits par où je passais ; le silence qui y régnait faisait impression sur moi ; par quoi ce calme sera-t-il remplacé demain ? 'Cependant, dis-je à mon compagnon, il n'y aura pas de désordre si je réussis : car c'est surtout pour empêcher les troubles qui accompagnent souvent les mouvements populaires que j'ai voulu faire la révolution par l'armée. Mais, ajoutai-je, quelle confiance, quelle profonde conviction il faut avoir de la noblesse d'une cause pour affronter non les dangers que nous allons courir, mais l'opinion publique qui nous déchirera, qui nous accablera de reproches si nous ne réussissons pas ! Et cependant je prends Dieu à témoin que ce n'est pas pour satisfaire à une ambition personnelle, mais parce que je crois avoir une mission à remplir, que je risque ce qui m'est plus cher que la vie, l'estime de mes concitoyens.' »

Arrivé à la maison, rue des Orphelins, je trouvai mes amis réunis dans deux chambres au rez-de-chaussée. Je les remerciai du dévouement qu'ils montraient à ma cause, et je leur dis que dès ce moment nous partagerions ensemble la bonne comme la mauvaise fortune. Un des officiers apporta une aigle : c'était celui qui avait appartenu au 7e régiment de ligne ; l'aigle de Labedoyère, s'écria-

ному полку. «Орель Лабедойера!» раздалось со всѣхъ сторонъ, и каждый изъ насъ спѣшилъ прижать его къ сердцу съ чувствомъ глубокаго умиленія. Всѣ офицеры были въ полномъ мундирѣ; я самъ надѣлъ артиллерійскій мундиръ и шапку главнаго штаба.»

«Ночь показалась намъ очень длинна; я провель ее въ писаніи своихъ прокламацій, которыхъ я не хотѣлъ печатать заранѣе, во избѣжаніе нескромности. Положено было остаться въ этомъ домѣ до тѣхъ поръ, пока полковникъ не пригласить меня въ казармы. Мы считали часы, минуты, секунды; въ шесть часовъ утра назначено было приступить къ дѣлу. Трудно выразить, что чувствуешь при подобныхъ обстоятельствахъ; въ одну секунду переживаешь цѣлые годы, потому что жить — это значитъ пользоваться нашими органами, нашими чувствами, нашими способностями, всѣми частями насъ самихъ, которыя даютъ намъ ощущать наше существованіе; а въ критическія минуты, наши органы, наши способности, наши чувства, возбужденныя въ высшей степени, сосредоточиваются на одномъ пунктѣ; это часъ, который долженъ рѣшить нашу участь; чувствуешь себя сильнымъ, когда можешь сказать: завтра я буду освободителемъ своего отечества или умру за него; жалокъ тотъ, кому обстоятельства помѣшали исполнить или то, или другое.»

« . . . . . Наконецъ пробило шесть часовъ! Никогда удары часоваго колокола не отдавались такъ болѣзненно въ моемъ сердцѣ; но черезъ минуту, труба Аустерлицкаго квартала усилила еще бѣніе его... Великая минута приближалась... »

Дѣйствительно, полковникъ Водре увѣдомилъ принца, что все готово. Принцъ выбѣгаетъ на улицу въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ несетъ орла. Онъ достигаетъ Аустерлицкаго квартала, гдѣ полкъ стоялъ уже въ боевомъ порядкѣ. Полковникъ Водре представляетъ его солдатамъ, которые привѣтствуютъ его кликами: *Vive l'Empereur! Vive Napoléon!* (Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Наполеонъ!)

«Я произнесъ тогда слѣдующія слова: «Рѣшившись побѣдить или умереть за дѣло французскаго народа, я прежде всего обратился къ вамъ, потому что у насъ съ вами сохранились одни великія воспоминанія; въ нашемъ полку, императоръ Наполеонъ, мой дядя служилъ капитаномъ; съ вами онъ прославился при осадѣ Тулона, и вашъ же храбрый полкъ отворилъ ему ворота Гренобля, когда онъ возвратился съ острова Эльбы. Солдаты! вамъ предстоитъ новая участь. Передъ вами слава начатія великаго дѣла; вамъ первымъ принадлежитъ честь поклониться орлу Аустерлица и Ваграма.» Тогда я схватилъ орла, котораго несъ г. де-Керелль, одинъ изъ моихъ офицеровъ, и, представляя его солдатамъ, продолжалъ: «Солдаты! вотъ символъ Францу-

t-on, et, chacun de nous le pressa sur son cœur avec une vive émotion... Tous les officiers étaient en grand uniforme ; j'avais mis un uniforme d'artillerie et sur ma tête un chapeau d'état-major.

La nuit nous parut bien longue, je la passai à écrire mes proclamations que je n'avais pas voulu faire imprimer d'avance, de peur d'indiscrétion. Il était convenu que nous resterions dans cette maison jusqu'à ce que le colonel me fit prévenir de me rendre à la caserne. Nous comptions les heures, les minutes, les secondes ; six heures du matin était le moment indiqué. Qu'il est difficile d'exprimer ce qu'on éprouve dans de semblables circonstances ; dans une seconde on vit plus que dans dix années ; car vivre c'est faire usage de nos organes, de nos sens, de nos facultés, de toutes les parties de nous-mêmes, qui nous donnent le sentiment de notre existence ; et, dans ces moments critiques, nos facultés, nos organes, nos sens, exaltés au plus haut degré, sont concentrés sur un seul point ; c'est l'heure qui doit décider de toute notre destinée ; on est fort quand on peut se dire : demain je serai le libérateur de ma patrie ou je serai mort ; on est bien à plaindre lorsque les circonstances ont été telles qu'on n'a pu être ni l'un ni l'autre.

Enfin six heures sonnèrent ! Jamais les sons d'une horloge ne retentirent si violemment dans mon cœur ; mais un instant après la trompette du quartier d'Austerlitz vint encore en accélérer les battements. Le grand moment approchait... »

En effet, le colonel Vaudrey lui fait dire que tout est prêt. Le prince se précipite dans la rue avec une douzaine d'officiers, dont l'un portait l'aigle. Il arrive au quartier d'Austerlitz, où le régiment était rangé en bataille. Le colonel Vaudrey le présente aux soldats, qui répondent par des cris de : vive Napoléon ! vive l'empereur !

« Je pris alors la parole en ces termes : 'Résolu à vaincre ou à mourir pour la cause du peuple français, c'est à vous les premiers que j'ai voulu me présenter, parce qu'entre vous et moi il existe de grands souvenirs ; c'est dans votre régiment que l'empereur Napoléon, mon oncle, servit comme capitaine ; c'est avec vous qu'il s'est illustré au siège de Toulon : et c'est encore votre brave régiment qui lui ouvrit les portes de Grenoble au retour de l'île d'Elbe. Soldats ! de nouvelles destinées vous sont réservées : À vous la gloire de commencer une grande entreprise ; à vous l'honneur de saluer les premiers l'aigle d'Austerlitz et de Wagram.' Je saisis alors l'aigle que portait un de mes officiers, M. de Querelles, et, le leur présentant : 'Soldats ! continuai-je, voici le symbole de la gloire française, destiné

зской славы, которому назначено сдѣлаться эмблемой свободы. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ онъ водилъ отцовъ нашихъ къ побѣдамъ, онъ блисталъ на всѣхъ поляхъ битвы, онъ пронесся по всѣмъ столицамъ Европы. Солдаты! хотите соединиться около этого благороднаго знамени, которое я ввѣрю вашей чести и вашему мужеству? Хотите идти противъ измѣнниковъ и утѣснителей отчизны, съ криками: «Да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ свобода!» Тысячи голосовъ отвѣчали мнѣ утвердительно: мы двинулись впередъ, предшествуемые музыкой; всѣ лица сіяли радостію и надеждой...»

Непродолжительны были эта радость и эта надежда. Шествіе двинулось къ генералу Вуаролу, комманданту крѣпости. Тщетны были всѣ усилія принца увлечь его. Огорченный неудачей, которой онъ не ожидалъ («я убѣжденъ былъ, говоритъ онъ, что одного взгляда на орла достаточно будетъ, чтобы пробудить въ генералѣ славныя воспоминанія и увлечь его») онъ отправляется въ казармы Финкемата, гдѣ находился пѣхотный полкъ. Но здѣсь офицеры останавливаютъ увлеченіе солдатъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ на тѣсномъ дворѣ, принцъ вскорѣ задержанъ былъ вмѣстѣ съ своими спутниками.

«Канониры хотѣли употребить въ дѣло свои орудія, но мы остановили ихъ; мы тотчасъ же замѣтили, что погибло бы много народа; я видѣлъ, какъ полковника (Водре) задержали пѣхотинцы и освободили солдаты его; я самъ готовъ былъ пасть посреди толпы людей, которые, узнавъ меня, скрестили передо мной штыки. Я отражалъ удары моею саблей, старался успокоить солдатъ, когда канониры извлекли меня изъ-подъ ихъ ружей и поставили между собой. Я бросился тогда съ нѣсколькими унтеръ-офицерами къ коннымъ канонирамъ, чтобы захватить лошадей; вся пѣхота ринулась за мной; меня приперли къ стѣнѣ лошадыми, и я не могъ пошевелиться. Тутъ солдаты нахлынули со всѣхъ сторонъ, схватили меня и отвели на гауптвахту.» Оттуда его перевели въ Новую тюрьму.

«И вотъ, теперь, восклицаетъ онъ, — я сижу въ четырехъ стѣнахъ съ рѣшетчатыми окнами, въ пріютѣ преступниковъ. О! тѣ только, кому извѣстно, что значитъ внезапный переходъ отъ высочайшаго счастья, доставляемаго самими благородными мечтами, къ страшному несчастію, не оставляющему никакой надежды, поймутъ одни, что происходило въ моемъ сердцѣ.» Послѣ того принца повели къ допросу.

«Я покорился своей участи и былъ совершенно спокоенъ. Мнѣ предложили слѣдующіе вопросы: «Что побудило васъ дѣйствовать такъ, какъ вы дѣйствовали?» — Мои политическія убѣжденія, отвѣчалъ я, и мое желаніе увидѣть отечество, котораго

à devenir aussi l'emblème de la liberté. Pendant quinze ans, il a conduit nos pères à la victoire ; il a brillé sur tous les champs de bataille, il a traversé toutes les capitales de l'Europe. Soldats ! ne vous rallierez-vous pas à ce noble étendard, que je confie à votre honneur et à votre courage ? Ne marcherez-vous pas avec moi contre les traîtres et les oppresseurs de la patrie, au cri de : vive la France, vive la liberté !' Mille cris affirmatifs me répondirent : nous nous mîmes alors en marche, musique en tête ; la joie et l'espérance brillaient sur tous les visages... »

Cette joie et ces espérances devaient être de courte durée. Le cortège se rend chez le général Voïrol, commandant de la place. Le prince essaie mais en vain de le séduire. Un peu affecté par un échec auquel il n'était pas préparé — car j'étais convaincu, dit-il dans sa foi robuste, que la seule vue de l'aigle devait réveiller chez le général de vieux souvenirs de gloire et l'entraîner — il se rend à la caserne Finkematt, où se trouvait un régiment d'infanterie. Mais ici les officiers arrêtent l'entraînement des soldats. Acculé dans une cour étroite le prince est bientôt arrêté avec les siens.

« Les canonniers voulaient faire usage de leurs armes, mais nous les en empêchâmes ; nous vîmes tout de suite que nous aurions fait tuer beaucoup de monde : je vis le colonel (Vaudrey) tour à tour arrêté par l'infanterie et délivré par ses soldats ; moi-même j'allais succomber au milieu d'une multitude d'hommes qui, me reconnaissant, croisaient sur moi leurs baïonnettes. Je parais leurs coups avec mon sabre, en tâchant de les apaiser, lorsque les canonniers vinrent me tirer d'entre leurs fusils, et me placer au milieu d'eux. Je m'élançai alors, avec quelques sous-officiers, vers les canonniers montés pour me saisir d'un cheval ; toute l'infanterie me suivit ; je me trouvai acculé entre les chevaux et le mur sans pouvoir bouger. Alors les soldats arrivèrent de toutes parts, se saisirent de moi et me conduisirent dans le corps de garde. »

De là, on le transporte à la prison neuve.

« Me voilà donc, s'écrie-t-il, entre quatre murs, avec des fenêtres à barreaux, dans le séjour des criminels. Ah ! ceux qui savent ce que c'est que de passer tout à coup de l'excès du bonheur que procurent les plus nobles illusions, à l'excès de la misère qui ne laisse plus d'espoir, et de franchir cet immense intervalle sans avoir un moment pour s'y préparer, comprendront ce qui se passait dans mon cœur. »

On lui fait alors subir un interrogatoire.

« J'étais calme et résigné ; mon parti était pris. On me fit les questions suivantes : 'Qu'est-ce qui vous a poussé à agir comme vous l'avez fait ? — Mes opinions politiques, répondis-je, et mon

лишило меня нашествіе чужеземцевъ. Въ 1830 году я просилъ, чтобы меня приняли, какъ простаго гражданина, а со мной обращались, какъ съ претендентомъ. «Вы намѣревались устроить военное управленіе?» — Я намѣревался устроить правленіе, основанное на избраній народномъ. — «Что бы вы сдѣлали, еслибы вамъ удалось одержать побѣду?» — Я собралъ бы національный конгрессъ. Я объявилъ потомъ, что такъ какъ я одинъ все устроилъ, одинъ увлекъ другихъ, то на мою голову должна пасть отвѣтственность во всемъ. Когда меня отвели обратно въ тюрьму, я бросился на приготовленную мнѣ постель, и, несмотря на всѣ мои мученія, сонъ, усладитель печалей, усыпляющій на время страданія души, успокоилъ меня; покой не страшится несчастія, онъ бѣжитъ прочь только отъ угрызеній совѣсти. Но какъ ужасно было пробужденіе! Все случившееся казалось мнѣ тяжкимъ кошмаромъ.» Скажемъ къ чести принца, что онъ болѣе всего беспокоился объ участи своихъ товарищей. Генераль Вуароль пришелъ навѣстить его и выказалъ къ нему большое участіе. Вообще обращались съ нимъ хорошо, — «за исключеніемъ нѣкоего г. Лебеля, котораго прислали изъ Парижа, и который, желая выказать свою власть, запретилъ мнѣ отворять окна, что необходимо было для освѣженія воздуха, взялъ у меня часы, которые возвратилъ мнѣ уже при отъѣздѣ, и даже заказалъ абажуры, чтобы не пропускать свѣта въ мою тюрьму.» 9-го числа принца посадили въ почтовую карету и отправили въ Парижъ. Тамъ онъ видѣлся съ г. Делессеромъ, который сообщилъ ему, что королева Гортензія пріѣзжала во Францію и умоляла короля о помилованіи, и что его отправятъ въ Соединенные Штаты. Онъ изъявилъ желаніе раздѣлить участь товарищей своего несчастія и писалъ къ королю, умоляя его пощадить ихъ жизнь. Онъ писалъ также къ г. Одилонъ-Барро, прося его принять на себя защиту полковника Водре. Вотъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ этого письма, въ которомъ онъ старается обратить на одного себя всю отвѣтственность за страсбургскую попытку.

«Несмотря на все желаніе мое остаться съ товарищами моихъ несчастій и раздѣлить ихъ участь, несмотря на просьбы мои объ этомъ, король, въ великомъ милосердіи своемъ, повелѣлъ отправить меня въ Лоріанъ и оттуда въ Америку. Тронутый, какъ подобаешь, великодушіемъ короля, я глубоко опечаленъ разлукой съ моими единомышленниками...» Потомъ онъ обвиняетъ себя, что онъ самъ все устроилъ, всѣмъ распорядился для выполненія своего предпріятія. 29-го, въ 8 часовъ вечера, никто еще не зналъ, что завтра должно было вспыхнуть возмущеніе. Тогда только онъ открылъ имъ свой планъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

désir de servir ma patrie dont l'invasion étrangère m'avait privé. En 1830, j'ai demandé à être traité en simple citoyen ; on m'a traité en prétendant ! — Vous vouliez établir un gouvernement militaire ? — Je voulais établir un gouvernement fondé sur l'élection populaire. — Qu'auriez-vous fait, vainqueur ? — J'aurais assemblé un Congrès national.' Je déclarai ensuite que moi seul ayant tout organisé, moi seul ayant entraîné les autres, moi seul aussi je devais assumer sur ma tête toute la responsabilité. Reconduit en prison, je me jetai sur un lit qu'on m'avait préparé, et malgré mes tourments, le sommeil qui adoucit les peines en donnant une relâche aux douleurs de l'âme, vint calmer mes sens ; le repos ne fuit pas le malheur, il n'y a que le remords qui n'en laisse pas. Mais comme le réveil fut affreux ! Je croyais avoir eu un horrible cauchemar. »

Il s'inquiète, surtout, disons-le à son honneur, du sort réservé à ses compagnons. Le général Voirol vient le voir et se montre très affectueux pour lui. On le traite bien, sauf :

« Un certain M. Lebel, qu'on envoya de Paris et qui voulant montrer son autorité, m'empêcha d'ouvrir mes fenêtres pour respirer l'air, me retira ma montre qu'il ne me rendit qu'à mon départ et enfin avait même commandé des abat-jour pour intercepter la lumière. »

Le 9, on le fait partir pour Paris dans une chaise de poste : à Paris il a un entretien avec M. Delessert qui lui apprend que la reine Hortense est venue en France pour implorer la clémence du roi, et qu'il va être conduit aux États-Unis. Il proteste de son désir de partager le sort de ses compagnons d'infortunes et il écrit au roi pour le supplier d'épargner leur vie. Il écrit aussi à M. Odilon Barrot en le priant de se charger de la défense du colonel Vaudrey. Voici quelques passages curieux de cette lettre, dans laquelle il s'attache à assumer seul la responsabilité du coup de main de Strasbourg.

« Malgré mon désir de rester avec mes compagnons d'infortune et de partager leur sort, malgré mes réclamations à ce sujet, le roi, dans sa clémence, a ordonné que je fusse conduit à Lorient, pour de là passer en Amérique. Touché comme je le dois, de la générosité du roi, je suis profondément affligé de quitter mes coaccusés... »

Il s'accuse ensuite d'avoir seul tout organisé, tout combiné. Le 29 à huit heures du soir, personne ne savait encore que le coup devait avoir lieu le lendemain. C'est alors qu'il dévoila ses plans à ses complices en leur tenant le langage suivant :

«Господа! вамъ извѣстны всѣ причины неудовольствій противъ правительства 9-го августа, но вы знаете также, что ни одна изъ существующихъ партій не довольно сильна въ настоящее время, чтобы низвергнуть его, ни одна не имѣетъ достаточнаго вѣса, чтобы стать во главѣ управленія. Эта слабость правительства, такъ же какъ и слабость партій, происходитъ отъ того, что каждая изъ нихъ представляетъ интересы одного только класса общества. Одни опираются на духовенство и дворянство, другіе на буржуазію, третьи наконецъ на однихъ пролетаріевъ.

«При такомъ состояніи дѣлъ, есть только одно знамя, кото рое можетъ соединить всѣхъ гражданъ, потому что оно знамя всей Франціи, а не какой-либо одной партій: это орель имперіи. Подъ эту хоругвию, напоминающую столько славныхъ подвиговъ, нѣтъ ни одного отверженнаго класса. Она представляетъ собой интересы всѣхъ классовъ. Императоръ Наполеонъ получилъ свою власть отъ Французскаго народа; четыре раза его господство освящено было народною волей: въ 1804 году наслѣдственность въ семействѣ императора признана была четырьмя милліонами голосовъ; послѣ того, никто не совѣтовался съ народомъ. Какъ старшій изъ племянниковъ Наполеона, я могу считать себя представителемъ народнаго избранія, не скажу «имперіи», потому что въ теченіи 20 лѣтъ идеи и потребности Франціи должны были измѣниться. Но принципъ не можетъ быть уничтоженъ фактами; уничтожить его можно только другимъ принципомъ; а уж конечно ни 1.200.000 иностранцевъ 1815 года, ни 221 членъ палаты 1830 года не въ состояніи уничтожить принципа избранія 1804 года. Наполеоновская система состоитъ въ томъ, чтобы двигать впередъ цивилизацію безъ несогласій и насилія, открывать идеи, развивая вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальные интересы, утверждать власть, внушая къ ней уваженіе, управлять массами, сообразно съ ихъ умственными способностями, дабы соединить вокругъ алтаря отечества Французовъ всѣхъ партій, указывая имъ путь чести и славы. Возстановимъ, говорилъ я имъ, народъ въ его правахъ, орла на нашихъ знаменахъ и прочность въ нашихъ учрежденіяхъ...»

«Они говорили мнѣ о своей присягѣ, но я напомнилъ имъ, что въ 1815 году они дали присягу Наполеону II и его династій. Одно нашествіе непріятелей, сказалъ я имъ, разрѣшило васъ отъ этой присяги. Такъ что жъ изъ этого? сила можетъ возстановить то, что истреблено было силой.»

Письмо къ матери, въ которомъ вставлены отрывки письма, адресованнаго къ г. Одилону-Барро, прервано отъѣздомъ принца изъ Франціи. Онъ продолжаетъ его въ видѣ путевого журнала. Во

« Messieurs, vous connaissez tous les griefs de la nation envers le gouvernement du 9 août, mais vous savez aussi qu'aucun parti existant aujourd'hui n'est assez fort pour le renverser, aucun assez puissant pour réunir tous les Français, si l'un d'eux parvenait à s'emparer du pouvoir. Cette faiblesse du gouvernement comme cette faiblesse des partis vient de ce que chacun ne représente que les intérêts d'une seule classe de la société. Les uns s'appuient sur le clergé et la noblesse, les autres sur l'aristocratie bourgeoise, d'autres enfin sur les prolétaires seuls.

Dans cet état de choses, il n'y a qu'un seul drapeau qui puisse rallier tous les partis, parce qu'il est le drapeau de la France et non celui d'une faction : c'est l'aigle de l'Empire. Sous cette bannière qui rappelle tant de souvenirs glorieux, il n'y a aucune classe expulsée : elle représente les intérêts et les droits de tous. L'empereur Napoléon tenait son pouvoir du peuple français ; quatre fois son autorité reçut la sanction populaire : en 1804, l'hérédité dans la famille de l'empereur fut reconnue par quatre millions de votes ; depuis, le peuple n'a plus été consulté... Comme l'aîné des neveux de Napoléon, je puis donc me considérer comme le représentant de l'élection populaire, je ne dirai pas de l'Empire, parce que depuis vingt ans, les idées et les besoins de la France ont dû changer. Mais un principe ne peut être annulé par des faits ; il ne peut l'être que par un autre principe ; or, ce ne sont pas les 1 200 000 étrangers de 1815, ce n'est pas la chambre des 221 de 1830 qui peuvent rendre nul le principe de l'élection de 1804. Le système napoléonien consiste à faire marcher la civilisation sans discorde et sans excès, à donner l'élan aux idées, tout en développant les intérêts matériels, à raffermir le pouvoir en le rendant respectable, à discipliner les masses d'après leurs facultés intellectuelles, enfin à réunir autour de l'autel de la patrie, les Français de tous les partis en leur donnant pour mobiles l'honneur et la gloire. Remettons, leur dis-je, le peuple dans ses droits, l'aigle sur nos drapeaux et la stabilité dans nos institutions... Ils me parlèrent de leurs serments ; mais je leur rappelai qu'en 1815, ils avaient prêté serment à Napoléon II et à sa dynastie. 'L'invasion seule, leur dis-je, vous a déliés de ce serment. Eh bien, la force peut rétablir ce que la force seule a pu détruire.' »

La lettre à sa mère dans laquelle sont intercalés ces fragments de la lettre adressée à M. Odilon Barrot, est interrompue par son départ de France. Il la reprend sous forme de journal de voyage. Pendant

время продолжительнаго переѣзда изъ Лоріана въ Ріо Жанейро, куда его отвезли сначала, онъ предается по временамъ глубокой печали, которую изливаетъ въ сердце матери. Можетъ-быть онъ нѣсколько рисуется даже въ эти минуты, потому что знаетъ, что письмо его будетъ показано многочисленнымъ друзьямъ, да сверхъ того онъ сохранилъ достаточно вѣры въ свою звѣзду, чтобы питать еще надежду, что письмо это будетъ напечатано, когда несчастный и угнетенный заговорщикъ сдѣлается въ Свою очередь мужемъ судьбы.

«Каждый человѣкъ, пишетъ онъ 14 декабря въ виду Канарскихъ острововъ, каждый человѣкъ носить въ себѣ собственный міръ, состоящій изъ всего, что онъ видѣлъ и любилъ; туда онъ удаляется непрерывно, даже во время странствованій своихъ по чуждому міру; не знаю, чѣмъ тяжелѣе вспоминать тогда, о несчастіяхъ ли, которыя васъ поразили, или о счастливымъ времени, котораго уже нѣтъ болѣе. Мы перешли зиму, и теперь у насъ снова лѣто; пассатные вѣтры заступили мѣсто бурь, что даетъ мнѣ возможность проводить на палубѣ большую часть времени; сидя на ютѣ, я припоминаю все, что со мной случилось, думаю о васъ и объ Арененбергѣ. Счастіе и несчастіе человѣка зависитъ отъ чувствъ, которыя онъ приноситъ съ собою въ свое новое положеніе; два мѣсяца тому назадъ я только и желалъ того, чтобы не возвращаться въ Швейцарію; теперь же, если бы можно было отдаться своимъ впечатлѣніямъ я бы не имѣлъ иного желанія, какъ снова пожить въ моей маленькой комнатѣ, въ этой прекрасной странѣ, гдѣ, какъ мнѣ кажется, я бы былъ совершенно счастливъ! Увы! кто одаренъ способностью сильно чувствовать, тотъ долженъ проводить дни свои въ тоскѣ бездѣйствія или въ тревогахъ горестной дѣятельности.

«Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я проводилъ Матильду и возвращался домой, то увидѣлъ въ паркѣ дерево, разбитое молніей, и сказалъ самъ себѣ, что бракъ нашъ расторгнетъ судьба... Что я смутно предчувствовалъ тогда, совершилось теперь; ужели въ 1836 году истощилось все счастіе, отмѣренное на мою долю?

«Не обвиняйте меня въ слабости, если я позволяю себѣ передавать вамъ всѣ мои впечатлѣнія. Можно сожалѣть о томъ, что теряешь, и не раскаиваться въ томъ, что дѣлаешь. Впрочемъ, невозможно ощущенія наши отрѣшить отъ внѣшнихъ причинъ до такой степени, чтобъ идеи наши не измѣнялись нѣсколько, сообразно съ предметами, насъ окружающими; солнечный свѣтъ или направленіе вѣтра сильно дѣйствуютъ на наше нравственное состояніе; когда погода такъ хороша, какъ сегодня, когда море такъ спокойно, какъ спокойно бывало Констанцское озеро, во

cette longue traversée de Lorient à Rio Janeiro, où on le conduit d'abord, il s'abandonne par moments à une tristesse profonde, qu'il déverse dans le sein maternel. Peut-être pose-t-il un peu, même dans ces moments-là, car il sait que sa lettre sera montrée à de nombreux amis, et il a conservé assez de foi dans son étoile pour croire qu'elle sera publiée quand le conspirateur malheureux et bafoué sera devenu, à son tour, l'homme du destin.

« Chaque homme — écrit-il en vue des Canaries le 14 décembre — chaque homme porte en lui un monde composé de tout ce qu'il a vu et aimé et où il reste sans cesse, alors même qu'il parcourt un monde étranger ; j'ignore alors ce qui est le plus douloureux de se souvenir des malheurs qui vous ont frappé ou du temps heureux qui n'est plus. Nous avons traversé l'hiver et nous sommes de nouveau en été ; les vents alisés ont succédé aux tempêtes ; ce qui me permet de rester la plupart du temps sur le pont : assis sur la dunette, je réfléchis à ce qui m'est arrivé et je pense à vous et à Arenenberg. Les situations dépendent des affections qu'on y porte : il y a deux mois je ne demandais qu'à ne plus revenir en Suisse ; actuellement, si je me laissais aller à mes impressions, je n'aurais d'autre désir que de me retrouver dans ma petite chambre, dans ce beau pays où il me semble que je devais être si heureux ! Hélas ! quand on a une âme qui sent fortement, on est destiné à passer ses jours dans l'accablement de son inaction ou dans les convulsions des situations douloureuses.

Lorsque je revenais il y a quelques mois, de reconduire Mathilde, en rentrant dans le parc, j'ai retrouvé un arbre rompu par l'orage, et je me suis dit à moi-même, notre mariage sera rompu par le sort... Ce que je supposais vaguement s'est réalisé ; ai-je donc épuisé, en 1836, toute la part de bonheur qui m'était échue ?

Ne m'accusez pas de faiblesse, si je me laisse aller à vous rendre compte de toutes mes impressions. On peut regretter ce que l'on a perdu, sans se repentir de ce qu'on a fait. Nos sensations ne sont pas, d'ailleurs, assez indépendantes des causes extérieures pour que nos idées ne se modifient pas toujours un peu, suivant les objets qui nous environnent ; la clarté du soleil ou la direction du vent ont une grande influence sur notre état moral ; quand il fait beau, comme aujourd'hui ; que la mer est calme comme le lac de Constance,

время наших прогулок по берегамъ его, когда луна, та же самая луна освѣщаетъ насъ тѣмъ же синеватымъ блескомъ, когда наконецъ атмосфера такъ же тепла, какъ въ Европѣ въ августѣ мѣсяцѣ, мнѣ становится грустнѣе обыкновеннаго; всѣ воспоминанія веселія и печальныя одинаковою тяжестью падаютъ мнѣ на сердце. Прекрасная погода расширяетъ его и дѣлаетъ болѣе впечатлительнымъ, тогда какъ дурная погода сжимаетъ его: однѣ только страсти стоятъ выше атмосферическихъ перемѣнъ. Когда мы разстались съ Аустерлицкими казармами, снѣжная метель налетѣла на насъ; полковникъ Водре, которому я замѣтилъ это, сказалъ мнѣ: «Несмотря на этотъ вихрь, день будетъ сегодня прекрасный».

Во время долгаго переѣзда онъ перечитывалъ сочиненія Шатобриана и Ж. Ж. Руссо; онъ бесѣдовалъ съ двумя пассажирами, своими спутниками, изъ которыхъ одинъ былъ когда-то библиотечаремъ Донъ Педро; другой, молодой Французскій ученый г. Д., отправлявшійся въ Бразилію, производилъ опыты надъ электричествомъ. Онъ говорилъ принцу, «что два года тому назадъ ему предсказала ясновидящая, что одинъ изъ членовъ императорской фамиліи явится во Франціи и свергнетъ съ престола Лудовика-Филиппа». 1 января 1837 принцъ поздравляетъ мать свою съ новымъ годомъ.

«Милая маменька, пишетъ онъ ей на этотъ разъ съ простотой, почти ребяческою, сегодня новый годъ; я теперь за 1500 милль отъ васъ, въ другомъ полушаріи; къ счастью, мысль можетъ перелетѣть это пространство въ одну секунду. Я теперь съ вами, сообщаю вамъ, какъ тяжело мнѣ было доставить вамъ столько тревогъ и горя; снова говорю вамъ, какъ много васъ люблю, какъ глубока моя признательность къ вамъ». Затѣмъ слѣдуютъ привѣтствія «добрѣйшей г-жѣ Сальважъ»¹ бѣдной Кларѣ², г. Уттрану и Арсенію. 10 января по прибытіи въ Рио-Жанейро, онъ въ тотъ же самый день пишетъ къ своей матери, оканчивая свой путевой журналъ:

«Не собирайтесь слѣдовать за мною, я самъ еще не знаю, гдѣ придется мнѣ основаться на постоянное жительство; можетъ-быть мнѣ всего удобнѣе покажется Южная Америка; трудъ, за который заставить меня принятъя судьба, чтобы составить себѣ какое-нибудь положеніе, будетъ моимъ единственнымъ утѣшеніемъ.» Изъ Рио-Жанейро его переправили въ Нью-Йоркъ, откуда онъ написалъ 30 апрѣля, къ одному изъ друзей своихъ

¹ Другъ королевы Гортензіи и впоследствии ея душеприкащика.

² Клара Паркенъ, дочь одного офицера, участвовавшаго въ стразбургскомъ возмущеніи.

quand, nous nous y promenions le soir ; que la lune, la même lune, nous éclaire de la même lueur bleuâtre ; que l'atmosphère enfin, est aussi douce qu'au mois d'août en Europe ; alors je suis plus triste qu'à l'ordinaire ; tous les souvenirs gais ou pénibles viennent tomber avec le même poids sur ma poitrine ; le beau temps dilate le cœur et le rend plus impressionnable, tandis que le mauvais temps le resserre : il n'y a que les passions qui soient au-dessus des intempéries des saisons. Lorsque nous quittâmes la caserne d'Austerlitz, un tourbillon de neige vint fondre sur nous ; le colonel Vaudrey, auquel je le fis remarquer, me dit : 'Malgré cette bourrasque, ce jour-ci sera un beau jour.' »

Il occupe ses longues journées à relire les œuvres de Chateaubriand et de J.-J. Rousseau ; il cause avec les deux passagers, ses compagnons de bord, l'un ancien bibliothécaire de Don Pedro, l'autre un jeune savant français, M. D., qui va au Brésil pour faire des expériences sur l'électricité et qui lui dit « qu'une somnambule lui avait prédit, il y avait deux ans, qu'un membre de la famille de l'empereur viendrait en France et détrônerait Louis-Philippe... » Le 1er janvier 1837 il souhaite la bonne année à sa mère.

« Ma chère maman, lui écrit-il, cette fois avec une simplicité presque enfantine, c'est aujourd'hui le premier jour de l'an ; je suis à 1 500 lieues de vous, dans un autre hémisphère ; heureusement la pensée parcourt tout cet espace en moins d'une seconde. Je suis près de vous, je vous exprime tous mes regrets de tous les tourments que je vous ai occasionnés, je vous renouvelle l'expression de ma tendresse et de ma reconnaissance. »

Puis viennent « les compliments bien tendres » aux amis d'Arenenberg, « à cette bonne madame Salvage¹, à cette pauvre petite Claire², à M. Cottrau et à Arsène. » Le 10 janvier, arrivée à Rio-Janeiro. « Ne pensez pas, écrit-il, ce jour-là même, à sa mère, en finissant son journal de voyage, ne pensez pas à venir me rejoindre, je ne sais pas encore où je me fixerai ; peut-être trouverai-je plus de chances à habiter l'Amérique du Sud : le travail auquel l'incertitude de mon sort m'obligera à me livrer pour me créer une position sera la seule consolation que je puisse goûter. » — De Rio-Janeiro, il est transporté à New-York, d'où il écrit le 30 avril à un de ses amis,

¹ Amie de la reine Hortense, chargée plus tard d'être son exécuteur testamentaire.

² Claire Parquin (fille du commandant, complice du prince à Strasbourg).

г. Вьельяру письмо, въ которомъ объяснялъ ему причины, побудившія его рѣшиться на страсбургскую попытку. «Успѣхъ моего предпріятія, говоритъ онъ, представлялъ мнѣ слѣдующія выгоды: въ одинъ день, однимъ ударомъ, я бы совершилъ дѣло, которое протянется можетъ быть десять лѣтъ; я избавилъ бы Францію отъ борьбы, волненій, безпорядковъ, переворота, который рано или поздно долженъ наступить... Безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе выгодъ представлялъ мнѣ успѣхъ моего предпріятія, тѣмъ бѣдственнѣе оказывалась неудача. Но, вступая во Францію, я не помышлялъ о той роли, которую мнѣ придется занимать въ случаѣ пораженія; въ случаѣ несчастія я разчитывалъ на свои прокламаціи, какъ на завѣщаніе, и смерть казалась мнѣ благомъ. Таковъ былъ мой взглядъ на это предпріятіе.» Онъ недолго пробылъ въ Соединенныхъ Штатахъ и во-время возвратился въ Арененбергъ, чтобы закрыть глаза своей матери; но скорѣй Французское правительство, опасаясь возобновленія страсбургской попытки, выставило на границу войско, чтобы принудить Швейцарію удалить его. Швейцарія не хотѣла уступить и выставила съ своей стороны 20.000 человекъ. Война готова была вспыхнуть; но принцъ не хотѣлъ далѣе употреблять во зло великодушное гостепрѣимство, которымъ онъ пользовался, и рѣшился добровольно уѣхать изъ Швейцаріи, не переставая утверждать, что возвращеніемъ своимъ изъ Америки онъ не нарушилъ никакого обѣщанія. Онъ удалился въ Англію, гдѣ въ 1839 году издалъ самую замѣчательную изъ своихъ брошюръ, подъ заглавіемъ: *Des idées Napoléoniennes* (О наполеоновскихъ идеяхъ), которая служила предисловіемъ къ высадкѣ въ Булонь, подобно тому какъ *Политическія грезы и Соображенія относительно Швейцаріи* служили предисловіемъ къ возмущенію въ Страсбургѣ.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

M. Vieillard, une lettre où il explique les motifs qui l'ont conduit à la tentative de Strasbourg.

« Le succès de mon entreprise, dit-il, m'offrait les avantages suivants : je faisais, par un coup de main, en un jour, l'ouvrage de dix années peut-être ; réussissant, j'épargnais à la France *les luttes, les troubles, les désordres d'un bouleversement qui arrivera je crois tôt ou tard...* Il est vrai qu'autant la réussite de ce plan m'offrait d'avantages, autant le non succès prêtait au blâme. Mais, en entrant en France, je n'ai pas pensé au rôle que me ferait une défaite ; je comptais, en cas de malheur, sur mes proclamations comme testament et sur la mort comme un bienfait. Telle était ma manière de voir. »

Il ne reste que peu de temps aux États-Unis, et il revient à Arenenberg, à temps pour fermer les yeux à sa mère ; mais bientôt le gouvernement français craignant qu'il ne renouvelât la tentative de Strasbourg, réunit une armée à la frontière pour obliger la Suisse à l'expulser. La Suisse ne voulut point céder et, de son côté, elle rassembla 20 000 hommes. La guerre était sur le point d'éclater, lorsque le prince ne voulant pas abuser davantage de l'hospitalité généreuse qui lui était accordée, prit le parti de quitter le pays, tout en persistant à affirmer qu'il n'avait, en se rendant en Suisse, manqué à aucun engagement. Il se retira en Angleterre, où il publia en 1839 la plus remarquable de ses brochures, les *Idées napoléoniennes*, qui fut la préface du coup de main de Boulogne comme les *Rêveries politiques* et les *Considérations sur la Suisse* avaient été celle du coup de main de Strasbourg.

GUSTAVE DE MOLINARI.

(À suivre.)

ИМПЕРАТОРЪ НАПОЛЕОНЪ Ш
КАКЪ ПИСАТЕЛЬ ¹

IV.

Наполеоновскія идеи заключаютъ въ себѣ самую полную, самую искусную и въ то же время самую восторженную апологию императорской системы, которую авторъ представляетъ типомъ революціоннаго правительства, орудіемъ осуществленія революціоннаго начала, какъ во Франціи, такъ и въ цѣломъ мірѣ. При первомъ взглядѣ кажется, что довольно трудно представить апологию имперіи, какъ системы, назначеніемъ которой было будто бы распространеніе обновляющихъ принциповъ революціи, тѣмъ болѣе что имперія, какъ всѣмъ извѣстно, нисколько не была либеральна: всѣ ея политическія, религіозныя, административныя и экономическія постановленія большею частію направлены противъ свободы. Но при этомъ необходимо замѣтить весьма важное обстоятельство, что Французская революція нисколько не была революціей либеральною въ собственномъ смыслѣ, что свобода (какъ мы понимаемъ ее въ наше время), состоящая въ ограниченіи самыми тѣсными предѣлами притязаній и вмѣшательства администраціи въ дѣла религіи, воспитанія, промышленности, торговли и пр., имѣла тогда весьма мало приверженцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что учредительное собраніе, состоявшее изъ передовыхъ умовъ Франціи, провозгласило великіе принципы свободы, и даже осуществило нѣкоторые изъ нихъ; оно установило свободу промышленности и торговли внутри государства, свободу печати и ассоціаціи, свободу воспитанія и вѣроисповѣданія, хотя въ послѣднемъ случаѣ и удержало нѣкотораго рода правительственную организацію; но послѣдующія собранія произвольно уклонялись отъ пути, начертаннаго учредительнымъ собраніемъ. Такъ, на примѣръ, законы конвента носятъ на себѣ самый рѣзкій отпечатокъ деспотизма. Конечно, это деспотизмъ, дѣйствовавшій во имя народа, но развѣ оттого онъ былъ не деспотизмомъ? Правда и то, что это былъ деспотизмъ временный, направленный къ окончательному утверженію свободы. Но что это за окончательная свобода, которую надо было утверждать съ помощію временнаго деспотизма? Диктаторы комитета общаго блага и ихъ приверженцы ни въ какомъ случаѣ не умѣли бы объяснить того. Прочтите рѣчи Робеспьера, *Постановленія С-тъ-Жюста*, манифесты Бабѣфа, и вы

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 21.

IV.

Les *Idées napoléoniennes* renferment l'apologie la plus complète, la plus habile et la plus enthousiaste, tout à la fois, qui ait été faite du régime impérial, considéré comme le gouvernement-type de la Révolution, comme l'instrument chargé de traduire en fait, soit en France, soit dans le reste du monde, la pensée révolutionnaire. Cette apologie de l'Empire, présenté comme un système destiné à faire prévaloir partout les principes régénérateurs de la Révolution, ne semble pas au premier abord sans difficultés. Car l'Empire n'a été, on le sait, rien moins que libéral : la plupart de ses institutions politiques, religieuses, administratives, économiques sont dirigées contre la liberté. Mais il y a ici une observation essentielle à faire, c'est que la Révolution française n'a pas été, à proprement parler, une révolution libérale ; c'est que la liberté, telle que nous l'entendons de nos jours, et qui consiste dans le *laisser faire* en matière de culte, d'enseignement, de beaux-arts, de travaux publics, d'industrie, de commerce, etc., ne comptait alors qu'un bien petit nombre de partisans. Sans doute, l'Assemblée constituante, composée de l'élite intellectuelle de la France, avait proclamé de grands principes de liberté, et elle en avait même réalisé quelques-uns, elle avait établi la liberté de l'industrie et du commerce à l'intérieur, la liberté de la presse et de l'association, la liberté de l'enseignement et des cultes, quoique en maintenant une certaine organisation gouvernementale de l'enseignement et des cultes : mais les assemblées qui suivirent s'écartèrent à l'envi de la voie tracée par l'Assemblée constituante. Les lois de la Convention, par exemple, portent au plus haut degré le cachet du despotisme. À la vérité, c'est un despotisme exercé au nom du peuple, mais en est-ce moins du despotisme ? À la vérité encore, c'est un despotisme provisoire destiné à amener l'établissement définitif de la liberté. Mais ce que devait être cette liberté définitive, les dictateurs du comité de salut public et leurs soutiens auraient été fort embarrassés de le dire. Lisez les discours de Robespierre, les *Institutions* de Saint-Just, les manifestes de Babeuf, et vous

¹ Voir le *Messenger Russe*, n° 21.

найдете въ нихъ только стремленіе къ равенству, мысли Платона, приправленные явнымъ намѣреніемъ господствовать надъ прочими народами. Такъ, напримѣръ, по ученію С-тъ-Жюста Французская республика должна быть существенно военною и содержать въ мирное время постоянную армію въ 800 тысячъ человѣкъ. Что же касается до настоящей свободы, какъ начинаютъ ее понимать и приводить въ дѣйствіе самыя образованныя націи, то народные трибуны и писатели того времени не имѣли о ней ни малѣйшаго понятія. И могло ли быть иначе? Массы погружены были въ глубочайшее невѣжество. Образованные классы, сравнительно малочисленные, воспитаны были католическимъ духовенствомъ, которое, пользуясь монополіей преподаванія и религіи, не могло ни въ какомъ случаѣ дать имъ слишкомъ либеральнаго образованія. Правда, что нѣкоторые избранные умы, вступая въ область религіи, философіи и политической экономіи, успѣли отрѣшиться отъ среды, въ которой получили свое воспитаніе, и отъ общественнаго порядка, въ которомъ жили, и возвыситься до яснаго пониманія свободы. Но они были малочисленны; упоминая же объ экономистахъ, теоретикомъ которыхъ былъ Кене, а государственнымъ мужемъ Тюрго, по справедливости можно сказать, что вся школа ихъ помѣстилась бы на антресоляхъ. Безъ сомнѣнія, частыя сношенія съ Англійей и вскорѣ потомъ американская война много содѣйствовали распространенію во Франціи идей свободы, но въ 1789 году эти идеи, далеко еще не полныя, оставались удѣломъ только малаго числа избранныхъ умовъ. Массы, страдавшія отъ злоупотребленій стараго порядка вещей, и писатели или ораторы, служившіе адвокатами этимъ массамъ, желали, конечно, низверженія деспотизма, бывшаго корнемъ этихъ злоупотребленій, и утвержденія свободы, какъ антитезы деспотизма. Но рассматривая внимательно то, что они называли свободой, мы находимъ въ ней именно тѣ же элементы, изъ которыхъ состоитъ деспотизмъ, то-есть вмѣшательство правительства во всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, ограниченіе или уничтоженіе свободы индивидуальной, даже находимъ элементы эти несравненно въ большихъ размѣрахъ; единственное различіе, существующее между старымъ деспотизмомъ и деспотизмомъ новымъ, состоитъ въ томъ, что первый находился въ рукахъ аристократическаго класса, а второй дѣйствовалъ во имя народа черезъ посредство народныхъ представителей.

Итакъ, Французская революція во всемъ ея объемѣ нисколько не была революціей либеральною, и очень ошибочно было бы принимать слово «свобода», употреблявшееся у революціонеровъ, въ томъ смыслѣ, какой мы привыкли придавать ему въ настоящее время. Для нихъ свобода значила уничтоженіе опеки

n'y trouverez guère que des tendances égalitaires, des réminiscences de Platon, avec un appétit fortement accusé de domination sur les autres peuples. Selon Saint-Just, la république française doit être essentiellement militaire, et entretenir sur pied *en temps de paix* une armée permanente de 800 000 hommes. Selon Babœuf, plus *avancé* encore que Saint-Just, elle doit réaliser le bonheur commun en faisant rentrer les propriétés des particuliers dans le domaine public et en établissant la communauté des biens. C'est assez dire que les tribuns et les écrivains populaires de ce temps n'avaient aucune idée de la liberté réelle, de la liberté telle que la race anglo-saxonne commence à la comprendre et à l'appliquer. Et comment en aurait-il été autrement ? Les masses croupissaient dans une ignorance profonde. Les classes éclairées avaient été élevées par un clergé, investi du monopole de l'enseignement et du culte, qui ne pouvait leur donner sur la liberté des notions, ou qu'il ne possédait pas lui-même ou qu'il considérait comme hétérodoxes. Les esprits d'élite qui, en se plaçant les uns dans le domaine de la religion et de la philosophie, les autres dans le domaine économique, avaient su s'affranchir de l'influence du milieu où ils avaient reçu leur éducation et du régime sous lequel ils vivaient pour s'élever jusqu'à la notion de la liberté, étaient peu nombreux, et l'on avait pu dire, avec vérité, des économistes, dont Quesnay était le théoricien et Turgot l'homme d'État, que toute leur école tenait dans un entresol. Les masses qui souffraient des abus de l'Ancien régime, ou pour mieux dire les écrivains et les orateurs qui se faisaient leurs avocats, n'entendaient guère la liberté qu'à la façon des esclaves que conduisait Spartacus : il s'agissait pour eux non point de n'avoir plus de maîtres mais d'être maîtres à leur tour. Analysez la liberté telle qu'ils la comprenaient, telle qu'ils la pratiquèrent quand ils eurent le pouvoir entre leurs mains, et vous y trouverez précisément les mêmes ingrédients qui composent le despotisme ; c'est-à-dire l'intervention du gouvernement dans tout le domaine de l'activité humaine, la restriction de la libre initiative des gouvernés au profit du monopole des gouvernants ; vous y trouverez même ces ingrédients à plus forte dose ; la seule différence qu'il y ait entre l'ancien despotisme et le nouveau, c'est que le premier était entre les mains d'une classe aristocratique, tandis que le second était exercé au nom du peuple par les élus du peuple.

La Révolution française prise dans son ensemble n'a donc pas été une révolution libérale, et ce serait une grave erreur que de prendre le mot liberté dont se servaient les révolutionnaires dans l'acception que nous avons l'habitude de lui donner aujourd'hui. La liberté pour eux c'était l'affranchissement de la tutelle des classes

аристократических ланссовъ, но она нисколько не была уничиженіемъ опеки вообще. Нѣтъ! По ихъ мнѣнію, такъ же какъ и по мнѣнію преемниковъ ихъ, новѣйшихъ соціалистовъ, общество не можетъ обойтись безъ руководства, безъ ежеминутной опеки, иначе оно впадетъ въ анархію. Необходимо было только преобразовать эту опеку въ видахъ общаго интереса, но преобразовать ее такимъ образомъ, чтобъ она не могла обратиться въ монополію одного класса. Никто не заботился о томъ, нужна ли она, и къ чему она поведетъ; многіе даже убѣждены были, что чѣмъ многостороннѣе будетъ опека, чѣмъ болѣе правительство распространитъ предѣлы своего вѣдомства и собственно дѣятельностью замѣнитъ индивидуальную инициативу, тѣмъ болѣе нація, почитаемая малолѣтнею, будетъ имѣть на своей сторонѣ вѣроятностей счастья и благоденствія; хлопотали только объ одномъ, чтобы на будущее время опека *надъ всѣми* дѣйствовала во имя *всѣхъ* и съ помощію *всѣхъ*, о томъ, чтобы она никогда не была монополіею одного какогонибудь класса.

Такова была идея Французской революціи. Она была гораздо болѣе идеей равенства, чѣмъ идеей свободы. Когда Наполеонъ I вырвалъ власть изъ немощныхъ и продажныхъ рукъ, опустившихъ бразды утомленной революціи, когда онъ задумалъ утвердить правительство прочное и сильное, что же онъ сдѣлалъ для достижения своей цѣли? Онъ принялся за преобразование прежней правительственной опеки, нисколько не заботясь объ ударахъ, наносимыхъ имъ нравственной, умственной и матеріальной свободѣ своихъ согражданъ, которые, по общему мнѣнію, почитались малолѣтними, которыми нужно было много руководить, руководить до крайности, тщательно избѣгая только возстановленія этой опеки въ пользу одного класса, и устранивая ее такимъ образомъ, чтобы всякій могъ надѣяться принять когда-нибудь участіе въ ней, или что одно и то же — участіе въ прелестяхъ деспотизма надъ обществомъ.

Оттого-то, рассматривая императорское правленіе, не безъ удивленія встрѣчаешь въ самыхъ существенныхъ частяхъ его старинный порядокъ вещей. Такъ напримѣръ, система налоговъ совершенно та же, — измѣнились одни названія. Подать (*la taille*) и двадцатая части (*les vingtièmes*) приняли названіе поземельнаго сбора (*contribution foncière*), налогъ гильдій и це ховъ (*la taxe des maîtrises et des jurandes*) и подать золотой марки (*le droit de marc d'or*), уплачиваемыя за право вести торговлю или заниматься какою-нибудь отраслью промышленности, замѣнены были торговымъ свидѣтельствомъ (*les patentes*); штемпельный поборъ, носившій названіе *droit de contrôle*, получилъ наименованіе *droit de timbre*; *les aides* стали называться *contributions indirectes, droits réunis; la gabelle*,

aristocratiques ; mais ce n'était point l'affranchissement de toute tutelle. Non ! à leurs yeux, comme à ceux des socialistes modernes leurs successeurs, la société ne pouvait se passer d'une direction, d'une tutelle de tous les instants sans tomber dans l'anarchie. On inclinait même volontiers à penser que plus cette tutelle serait étendue, plus le gouvernement multiplierait ses attributions, et substituerait son action à celle de l'initiative individuelle, plus la nation considérée comme mineure aurait de chances de prospérité et de bonheur ; on n'avait qu'une seule préoccupation, c'est que la tutelle de tous fût exercée désormais au nom de tous et avec le concours de tous ; c'est qu'elle cessât pour jamais d'être le monopole d'une classe.

Voilà la pensée de la Révolution française, et cette pensée, le Dictateur puissant et résolu qui substitua son autorité à l'anarchie du Directoire se chargea de la réaliser. Lorsque Napoléon Ier eut arraché le pouvoir aux mains débiles et corrompues qui laissaient flotter les rênes de la Révolution fatiguée, que fit-il ? Il s'occupa avant tout de réorganiser la tutelle gouvernementale, sans se préoccuper des atteintes qu'il portait à la libre activité morale, intellectuelle et matérielle des citoyens considérés, selon l'opinion générale, comme des mineurs ayant besoin d'être beaucoup gouvernés, gouvernés à outrance, mais en évitant soigneusement de rétablir cette tutelle au nom d'une classe, en la constituant de manière à ce que chacun pût aspirer à exercer un jour sa part de tutelle ou ce qui revient au même de despotisme sur tous.

Ajoutons que, pour remplir cette tâche, il ne se mit pas en frais d'imagination. Il se borna à reconstituer, dans ses parties essentielles, avec l'uniformité de plus, l'Ancien régime. C'est ainsi, par exemple, qu'il rétablit purement et simplement le système d'impôts de l'ancienne monarchie, en se bornant à en changer les dénominations. Ainsi la *taille* et les *vingtièmes* prirent le nom de contribution foncière, la taxe des *maîtrises et des jurandes* et le droit de *marc d'or* que l'on payait pour être admis à faire le commerce ou à exercer une profession industrielle furent remplacés par les *patentes* ; le droit de *contrôle* fut désormais connu sous le nom de droit de *timbre* ; les *aides* se nommèrent *contributions indirectes, droits réunis* ; la *gabelle* si

столь ненавистная народу, получила болѣе мягкое названіе налога на соль (*l'impôt du sel*); заставныя пошлины, сначала уничтоженныя революціей вмѣстѣ съ большею частію прочихъ налоговъ, были въ послѣдствіи возстановлены подъ Филантропическимъ названіемъ заставной благотворительной пошлины (*octrois de bienfaisance*); повинности, отправлявшіяся до революціи натурой, на постройку дорогъ (*les corvées*), были отмѣнены, но крестьяне подчинены были хлѣбному сбору (*la prestation en nature*), что было то же самое, только подъ другимъ названіемъ. Прежняя система милиціи, къ которой прибѣгали только въ крайнихъ случаяхъ при старомъ порядкѣ, когда армія пополнялась обыкновенно добровольною вербовкой внутри и внѣ государства, сдѣлалась постоянною подъ названіемъ *конскрипціи*. Однимъ словомъ, всѣ повинности стараго порядка появились снова; онѣ даже были увеличены; разница состояла въ томъ только, что ни одинъ классъ не былъ отъ нихъ избавленъ, за исключеніемъ, впрочемъ, самой тяжелой повинности, конскрипціи, отъ которой богатые классы могли откупаться. Система регламентаціи стараго порядка появилась вновь; множество промысловъ и ремеслъ были опять подчинены ей: пекарни, бойни, типографіи, театры, банки, должности адвокатовъ, биржевыхъ маклеровъ, нотаріусовъ, медиковъ и пр. Преподаваніе, составлявшее прежде почти исключительную монополію религиозныхъ корпорацій, сдѣлалось теперь монополіей государства: Наполеонъ возстановилъ университетъ и упрочилъ за нимъ право устранять всякую конкуренцію. Вѣроисповѣданія получили также новые уставы и подчинены были государству. Наконецъ, Наполеонъ далъ правила промышленнымъ и торговымъ ассоціямъ, воспретилъ ассоціи политическія, положилъ преграды свободному распредѣленію труда законами о книжкахъ для работниковъ и о коалиціяхъ, ограничилъ права займовъ, завѣщаній, торговыхъ сдѣлокъ; послѣднія были стѣснены гораздо болѣе, чѣмъ при прежнемъ порядкѣ, потому что никогда во Франціи не бывало такого запретительнаго тарифа, какъ во время имперіи. Онъ даже готовъ былъ возстановить цехи и гильдіи, и онъ бы сдѣлалъ это непременно, еслибы новый порядокъ не создалъ новыхъ интересовъ, съ которыми ему необходимо было соображаться. Чтобы вся эта обширная система вмѣшательства и регламентаціи могла дѣйствовать успѣшно, ему необходимо было возстановить огромную администрацію, основанную при старомъ порядкѣ, и развившуюся преимущественно во время Лудовика XIV; онъ распространилъ и утвердилъ ее еще болѣе; онъ усовершенствовалъ, даже можетъ быть создалъ во Франціи *централизацію*.

odieuse reçut la dénomination anodine d'*impôt du sel* ; les octrois, d'abord abolis comme la plupart des autres impôts par la Révolution, furent rétablis ensuite sous la dénomination philanthropique d'*octrois de bienfaisance* ; les *corvées* qui étaient encore requises avant la Révolution pour la construction des routes demeurèrent supprimées ; mais les paysans furent assujettis aux *prestations en nature*, ce qui était exactement la même chose sous un autre nom. Le système des *milices* auquel on n'avait recours sous l'Ancien régime que dans des circonstances extraordinaires, car l'armée se recrutait ordinairement par des enrôlements volontaires à l'intérieur ou à l'étranger, devint permanent sous le nom de *conscription*. Bref, toutes les charges de l'Ancien régime reparurent ; elles furent même aggravées ; seulement aucune classe n'en fut plus exemptée, à l'exception toutefois de la plus onéreuse de toutes, la conscription, dont les classes riches purent se racheter. Le système réglementaire de l'Ancien régime reparut de même en grande partie ; une foule d'industries et de professions y furent de nouveau soumises : la boulangerie, la boucherie, l'imprimerie, les théâtres, les banques, les professions d'avocat, d'agent de change, de courtier, de notaire, de médecin, etc. L'enseignement autrefois monopolisé par les corporations religieuses fut maintenant monopolisé par l'État : Napoléon rétablit l'Université en lui donnant tout pouvoir pour empêcher la concurrence. Les cultes à leur tour furent soigneusement garrottés et assujettis à l'État. Enfin Napoléon réglementa les associations industrielles et commerciales, supprima les associations politiques, opposa des entraves à la libre disposition du travail par les lois sur les livrets des ouvriers et sur les coalitions, limita le droit de prêter, de tester et d'échanger, ce dernier d'une manière plus rigoureuse encore qu'il ne l'était sous l'Ancien régime, car aucun tarif ne fut plus prohibitif que celui de l'Empire. Il fut, de même, sur le point de rétablir les maîtrises et les jurandes, et il l'aurait fait si le nouveau régime n'eût créé des intérêts avec lesquels il fut obligé de compter. Pour faire fonctionner tout ce vaste système d'intervention et de réglementation, il fut encore obligé de rétablir l'immense administration dont l'Ancien régime avait jeté les bases, et qui s'était particulièrement développée sous Louis XIV ; il l'étendit et la fortifia ; il perfectionna s'il ne créa point en France la *centralisation*.

Но несмотря на то, что эти созданія и возстановленія не обнаруживали въ себѣ ни малѣйшаго прогресса и либерализма, Наполеона нельзя назвать человѣкомъ ретрограднаго движенія, ни даже отсталымъ отъ своего вѣка и страны. Революція, которой онъ наслѣдовалъ, отличалась во всякомъ случаѣ еще меньшимъ стремленіемъ къ прогрессу и либерализму. Правда, что революція не возстановила старинныхъ налоговъ, но она выпустила массу ассигнацій, которыя въ сущности составляютъ самый незаконный и самый тяжелый налогъ. Революція не издала регламентовъ для ассоціацій, печати, преподаванія и вѣроисповѣданія; но она запирала клубы и запрещала журналы, которые ей не нравились, отправляя на гильйотину или осуждая на изгнаніе ораторовъ и журналистовъ; съ другой стороны, она допускала только то преподаваніе и только ту религію, которыя подчинялись ея волѣ. Она подчинила также внутреннюю торговлю стѣснительному постановленію о таксахъ, *maximum*, и законамъ о барышникахъ, и превратила таможенный тарифъ въ оружіе войны противъ Англіи. Наконецъ право завѣщаній, которое Наполеонъ только ограничилъ своимъ гражданскимъ кодексомъ, было совершенно уничтожено конвентомъ, постановившимъ строгое равенство раздѣла безъ всякихъ исключеній. Правленіе, установленное Наполеономъ, во всѣхъ частяхъ своихъ, было либеральнѣе того правленія, подъ которымъ Французы прожили десять лѣтъ, во время революціи; если въ нѣкоторыхъ случаяхъ постановленія при немъ были многочисленнѣе, за то вообще они не были такъ стѣснительны и, такъ произвольны. Объяснить причину этого очень легко: при установленіи новаго порядка вещей, Наполеонъ совѣтовался съ людьми всѣхъ партій, и по необыкновенной ясности своего ума, умѣлъ собрать воедино то, что можно назвать *мудростью его вѣка и страны*. Не его вина, что страна его и вѣкъ не отличались ни образованностью, ни либерализмомъ! Вмѣнить ему это въ преступленіе было бы до крайности несправедливо. Равно несправедливо было бы упрекать человѣка, получившаго самое поверхностное образованіе и проведшаго всю молодость свою въ лагерѣ, за то, что онъ не опередилъ своей эпохи въ вопросахъ административныхъ, Финансовыхъ, юридическихъ, экономическихъ и политическихъ. Могъ ли онъ сдѣлать что-нибудь болѣе, какъ посовѣтоваться съ людьми, которые извѣстны были основательнымъ знаніемъ этихъ вопросовъ, собрать мнѣнія, господствовавшія между ними, и превратить ихъ въ факты? Это-то дѣйствительно и выполнилъ онъ съ изумительнымъ практическимъ смысломъ и необыкновенною энергіей. Въ одномъ только можно упрекнуть его, — и это одно препятствуетъ намъ признать его человѣкомъ истинно-гениальнымъ, — онъ

Cependant, quoique cette reconstitution et à quelques égards même, cette aggravation des entraves que l'Ancien régime opposait à la liberté humaine et des charges dont il la grevait, ne fût rien moins que *libérale* et *progressive*, on ne saurait dire que Napoléon ait été un esprit rétrograde, ou du moins qu'il ait été en arrière de son temps et de son pays. La Révolution dont il héritait avait été, à tout prendre, encore moins libérale et progressive qu'il ne l'était lui-même. La Révolution n'avait point, à la vérité, rétabli les anciens impôts ; mais elle avait fabriqué des assignats, qui constituaient en réalité le plus inique et le plus lourd des impôts. La Révolution n'avait point régleménté l'association, la presse, l'enseignement et les cultes ; mais elle fermait les clubs et supprimait les journaux qui lui déplaisaient en faisant guillotiner ou en déportant les orateurs et les journalistes ; d'un autre côté, elle ne tolérait que l'enseignement et les cultes qui se soumettaient à son bon plaisir. Elle avait assujéti de même le commerce intérieur à la régleméntation oppressive du *maximum* et des lois sur les accapareurs, et transformé le tarif des douanes en une arme de guerre contre l'Angleterre. Enfin le droit de tester que Napoléon se contenta de limiter par le code civil, la Convention l'avait complètement supprimé, en établissant, sans exception aucune, l'égalité rigoureuse des partages. L'ensemble du régime constitué par Napoléon n'était donc pas moins libéral que l'ensemble du régime sous lequel les Français avaient vécu pendant les dix années qu'avait duré la Révolution ; s'il était plus régleméntaire à certains égards, on peut affirmer qu'en général il était moins oppressif et moins arbitraire. C'est que Napoléon, pour le constituer, avait consulté des hommes de tous les partis ; et qu'il avait résumé, grâce à l'admirable lucidité de son intelligence, ce qu'on pourrait appeler *la sagesse de son temps et de son pays*. Ce n'était pas sa faute si son temps et son pays n'étaient pas plus éclairés, et surtout, s'ils n'étaient pas plus libéraux ! On ne peut, à coup sûr, lui en faire un crime. On ne peut légitimement reprocher à un homme qui n'avait reçu qu'une éducation fort superficielle et qui avait passé sa jeunesse dans les camps de n'avoir pas été en avant de son époque dans toutes les questions administratives, financières, juridiques, économiques, politiques. Tout ce qu'il pouvait faire c'était de consulter les hommes qui passaient pour le mieux connaître ces questions, de résumer les opinions qui dominaient parmi eux et de les traduire en faits. Mais voici ce qu'on peut lui reprocher, et ce qui nous empêche de le considérer véritablement comme un homme de génie, c'est

слишкомъ высоко цѣнили «мудрость своего вѣка и своей страны», и преградилъ доступъ всякому прогрессу; создавая весь объемъ постановленій и законовъ, сообразныхъ съ господствующими мнѣніями своей эпохи, онъ воображалъ, что эти постановления и законы достигли окончательнаго совершенства, и вслѣдствіе этого, имперію свою сдѣлалъ гигантскою окаменѣlostью революціонной идеи; очевидно, что, при умѣ свѣтломъ и практическомъ, онъ не отличался большою дальновидностью.

Панегиристъ его совершенно вѣрно представляетъ его чело-вѣкомъ, усвоившимъ себѣ и олицетворившимъ идею революціи, или иначе, мудрость своей эпохи и страны. И въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ не сдѣлалъ ничего болѣе. Но могла ли казаться непреложною мудрость эпохи бурной и взволнованной, страны, гдѣ самые просвѣщенные умы имѣли и могли имѣть только самыя поверхностныя свѣдѣнія въ наукахъ политическихъ? Могла ли она имѣть притязаніе на направленіе будущности? Конечно нѣтъ; наполеоновскій идеалъ состоитъ въ громадной администраціи, обнимающей всю сферу, въ которой вращается чело-вѣческая дѣятельность, направляющей ее, задерживающей и ускоряющей движеніе ея по своему произволу; это деспотизмъ опеки, дѣйствующій во имя воѣхъ и одинаково тяготѣющій надъ всѣми. Таковъ долженъ быть идеалъ революціи, предпринятой противъ привилегированнаго класса въ странѣ, издавна привыкшей къ правительственной опеке, но онъ не можетъ быть идеаломъ эпохи, въ которой наука и опытъ доказываютъ ежедневно, что деспотизмъ составляетъ посто янную преграду прогрессу, хотя бы онъ тяготѣлъ одинаково надъ всѣми и во имя всѣхъ; что, вслѣдствіе этого, нѣтъ никакаго і выгоды одинъ деспотизмъ замѣнять другимъ, подѣ предлогомъ равенства и національности; что дѣло прогресса состоитъ въ постепенномъ освобожденіи чело-вѣческаго рода отъ старинной опеки, подѣ которою онъ жилъ до сихъ поръ, въ превращеніи малолѣтнихъ въ людей взрослыхъ, и въ ежедневномъ расширеніи предѣловъ свободы.

Я полагаю, что эти предварительныя замѣчанія дадутъ возможность оцѣнить настоящимъ образомъ панегирикъ императорскихъ постановленій, заключающійся въ *Наполеоновскихъ идеяхъ* и представляющій произведеніе Французской мудрости 1799 года, какъ идеалъ для Франціи 1839 года, будто сорокъ лѣтъ прошли совершенно даромъ для мудрости вѣка и для мудрости Франціи.

d'avoir prisé trop haut cette sagesse de son temps et de son pays ; c'est d'avoir, en fondant un ensemble d'institutions et de lois conformes aux opinions du jour, attribué à ces institutions et à ces lois un caractère définitif et d'avoir fait, en conséquence, de l'Empire une sorte de pétrification gigantesque de la pensée de la Révolution en ne laissant pour ainsi dire aucune porte ouverte au progrès ; c'est d'avoir eu, avec un esprit clair et pratique, une vue courte !

Son panégyriste est donc dans le vrai lorsqu'il le représente comme résumant et appliquant la pensée de la Révolution ; autrement dit la sagesse de son époque et de son pays. Napoléon en effet, n'a pas fait autre chose. Mais cette sagesse d'une époque orageuse et troublée et d'un pays où les esprits les plus éclairés ne possédaient et ne pouvaient posséder que d'une manière imparfaite les premières notions des sciences politiques, cette sagesse pouvait-elle être considérée comme ayant un caractère immuable ? Pouvait-elle avoir la prétention de régir l'avenir ? Non, à coup sûr. L'idéal napoléonien c'est une administration immense embrassant toute la sphère dans laquelle se meut l'activité humaine qu'elle dirige en la modérant ou en l'accélégrant à son gré ; c'est un despotisme tutélaire, exercé au nom de tous et qui pèse également sur tous. Ce pouvait être, ce devait être même l'idéal d'une révolution entreprise contre une classe privilégiée, dans un pays de longue main accoutumé à la tutelle gouvernementale, ce ne peut être l'idéal d'une époque où la science fondée sur l'expérience démontre chaque jour avec plus de force et de clarté que la tutelle gouvernementale, fût-elle exercée également sur tous et au nom de tous, n'en est pas moins un fardeau écrasant et une cause permanente de retard, qu'il importe en conséquence assez peu de substituer une tutelle gouvernementale à une autre sous prétexte d'égalité ou de nationalité ; que l'œuvre du progrès consiste à débarrasser peu à peu les masses des liens qui les meurtrissent sous prétexte de les protéger, en faisant une part de plus en plus large à la liberté de l'individualité humaine.

Ces observations préliminaires permettront, croyons-nous, d'apprécier à sa juste valeur le panégyrique des institutions impériales, tel qu'il apparaît dans les *Idées napoléoniennes*. Ce panégyrique n'accuse pas, il faut le dire, chez son auteur une compréhension bien pénétrante et bien juste du caractère et des besoins de son époque. Car si Napoléon Ier était de son temps en établissant le régime que nous venons d'esquisser à grands traits ; l'auteur des *Idées napoléoniennes* écrivant quarante ans après, était en retard du sien, en présentant ce produit de la sagesse de la France en 1799, comme un idéal à suivre pour la France de 1839.

V.

Авторъ *Наполеоновскихъ идей* начинаетъ свое сочиненіе краткимъ, довольно напыщеннымъ предисловіемъ, которое подписано *Карльтонъ Террасъ, июль 1839*, и которое, повидимому, имѣетъ цѣлю возбудить сочувствіе въ юномъ, либеральномъ поколѣніи. «Еслибъ участь, которая назначена была мнѣ по рожденію, говоритъ онъ, не измѣнилась вслѣдствіе событій, то, какъ племянникъ императора, я сдѣлался бы однимъ изъ защитниковъ его престола, однимъ изъ распространителей его идей; я бы пользовался славой быть одною изъ опоръ его зданія, или положилъ бы свою голову, сражаясь, въ рядахъ его гвардіи, за Францію. Императора нѣтъ болѣе!... Но живъ духъ его. Лишенный возможности защищать оружіемъ его спасительную власть, я могу, по крайней мѣрѣ, попытаться защитить память его моими сочиненіями. Озарить общественное мнѣніе уясненіемъ идеи, господствовавшей въ его высокихъ предначертаніяхъ, пополнить его обширные проекты, вотъ цѣль, до сихъ поръ преисполняющая сердце мое радостью и утѣшающая меня въ изгнаніи. Меня не остановитъ опасеніе оскорбить противныя мнѣнія; идеи, находящіяся подъ эгидою величайшаго генія новѣйшихъ временъ, можно высказывать, не обинуясь: онѣ не могутъ измѣниться отъ вліянія политической атмосферы. Врагъ всякой безусловной теоріи и всякой нравственной зависимости, я не связанъ обязательствомъ ни съ какою партіей, ни съ какою сектой, ни съ какимъ правительствомъ; голосъ мой свободенъ, какъ и мысль моя... и я люблю свободу!»

Первая глава сочиненія посвящена формамъ правительства вообще. Въ ней авторъ разсматриваетъ назначеніе правительства и формы, въ которыхъ оно проявляется. Формы различаются по духу народовъ и по обстоятельствамъ, при которыхъ слагается правительство. Что же касается до назначенія правительствъ, то оно состоитъ въ веденіи націй по пути прогресса. Безъ сомнѣнія, народы могутъ достигать прогресса сами собой но они подвигаются медленно, тогда какъ, руководимые правительствомъ на этомъ пути, «они должны только дать просторъ правительству». Отсюда авторъ выводитъ заключеніе, что такъ какъ правительства основаны для того, «чтобы содѣйствовать обществу въ преодолѣніи препятствій, затрудняющихъ его шествіе», то дѣло ихъ «никогда не было и никогда не будетъ слишкомъ легко». По этому поводу онъ возстаетъ всѣми силами противъ теоріи *laissez faire* и *невмѣшательства* сударства, о которыхъ проповѣдуютъ экономисты. Ж.-Б. Сэй, который, во время первой имперіи, былъ свидѣтелемъ всѣхъ бѣдствій ультра-правительственнаго вмѣша-

V.

L'auteur des *Idées napoléoniennes* débute par une courte préface passablement emphatique, datée de *Carlton Terrace*, juillet 1839, et qui semble avoir surtout pour objet de rallier à sa cause la jeune génération libérale.

« Si la destinée que me présageait ma naissance, dit-il, n'eût pas été changée par les événements, neveu de l'empereur, j'aurais été un des défenseurs de son trône, un des propagateurs de ses idées ; j'aurais eu la gloire d'être un des piliers de son édifice ou de mourir dans un des carrés de sa garde en combattant pour la France. L'empereur n'est plus !... mais son esprit n'est pas mort. Privé de la possibilité de défendre par les armes son pouvoir tutélaire, je puis au moins essayer de défendre sa mémoire par des écrits. Éclairer l'opinion en recherchant la pensée qui a présidé à ses hautes conceptions, rappeler ses vastes projets, est une tâche qui sourit encore à mon cœur et qui me console de l'exil ! La crainte de choquer des opinions contraires ne m'arrêtera pas ; des idées qui sont sous l'égide du plus grand génie des temps modernes peuvent s'avouer sans détour ; elles ne sauraient varier au gré de l'atmosphère politique. Ennemi de toute théorie absolue et de toute dépendance morale, je n'ai d'engagement envers aucun parti, envers aucune secte, envers aucun gouvernement ; ma voix est libre comme ma pensée... et j'aime la liberté ! »

Le premier chapitre de l'ouvrage est consacré aux gouvernements en général. L'auteur y examine la mission du gouvernement et les formes qu'il affecte. Les formes diffèrent selon le génie des peuples et les circonstances dans lesquelles un gouvernement s'établit. Quant à sa mission, elle consiste à guider les nations dans la voie du progrès. Sans doute, les peuples peuvent progresser d'eux-mêmes, mais ils progressent lentement, tandis que lorsque le gouvernement les conduit dans cette voie, « ils n'ont qu'à se laisser gouverner ». D'où l'auteur conclut que les gouvernements étant établis « pour aider la société à vaincre les obstacles qui entravaient sa marche », leur tâche « n'a jamais été et ne sera jamais bien facile. » À ce propos, il s'élève avec force contre la théorie du *laissez faire* et de la *non-intervention* de l'État préconisée par les économistes. J.-B. Say, qui avait pu constater, sous le premier Empire, les maux de l'ultra-gouvernementalisme, et qui s'efforçait de dégoûter les

тельства, и который старался вооружить умы противъ этой системы крайней правительственной опеки надъ народомъ, дошелъ до того, что назвалъ правительство *необходимою язвой*. Авторъ *Наполеоновскихъ идей* съ жаромъ опровергаетъ это выраженіе, направленное Ж.-Б. Сэемъ прямо противъ всемогущаго правительства имперіи.

«Правительство, говоритъ онъ, вовсе не составляетъ, какъ увѣряетъ одинъ знаменитый экономистъ, *необходимою язвы*; гораздо справедливѣе будетъ, если мы назовемъ его благодѣтельнымъ двигателемъ всякаго общественнаго организма.»

Въ примѣръ прогресса, совершаемаго массами съ одной стороны и правительствомъ съ другой, онъ приводитъ сначала Соединенные Штаты, гдѣ, въ ожиданіи новаго порядка, правительству остается только невмѣшательство, для того чтобы народонаселеніе разлилось безпрепятственно по обширнымъ территориямъ Сѣверной Америки, и потомъ Россію, гдѣ, по словамъ его, прогрессъ идетъ и долженъ идти отъ правительства, и гдѣ централизація необходима.

«Въ Россіи, императорской династіи принадлежать всѣ усовершенствованія, которыя въ теченіе полутора вѣка извлекли изъ варварства эту обширную имперію. Императорская власть должна бороться противъ всѣхъ старыхъ предрасудковъ нашей старой Европы; необходимо, чтобы она сосредоточивала какъ можно болѣе въ рукахъ одного лица всѣ силы государства, для уничтоженія злоупотребленій, умножающихся подъ защитой общинныхъ и Феодалныхъ привилегій. Востокъ только отъ нея можетъ принять улучшенія, которыхъ ожидаетъ.»

Итакъ, по мнѣнію автора *Наполеоновскихъ идей*, Россія не можетъ образовать себя и образовать Востокъ, — что составляетъ ея спеціальное призваніе, — иначе, какъ съ помощію централизаціи. Предоставляю Русскимъ рѣшить этотъ вопросъ, по скольку онъ касается ихъ способности къ образованію. Что же касается до Востока, то авторъ допускаетъ, какъ видите, что Россія должна считать своимъ призваніемъ навязываніе прогресса восточнымъ народамъ, съ помощію тѣхъ же средствъ. Въ послѣдствіи, сдѣлавшись императоромъ Французовъ, онъ, повидимому, перемѣнилъ свое мнѣніе и хотѣлъ противодѣйствовать исполненію этого призванія, которое онъ приписывалъ Россіи относительно восточнаго міра. Во всякомъ случаѣ, еще не разъяснились настоящія причины, вызвавшія восточную войну, и можетъ быть между идеями автора, на этотъ счетъ, и дѣйствіями императора Французовъ нѣтъ того противорѣчія, которое можно было бы предполагать. Увидимъ!

esprits de ce système de tutelle à outrance du gouvernement sur la nation, avait été jusqu'à appeler le gouvernement un *ulcère nécessaire*. L'auteur des *Idées napoléoniennes* relève avec vivacité cette expression que J.-B. Say avait dirigée particulièrement contre le gouvernement omnipotent et omnifaisant de l'Empire.

« Un gouvernement n'est pas, dit-il, comme l'a dit un économiste distingué, un *ulcère nécessaire* ; mais c'est plutôt le moteur bienfaisant de tout organisme social. »

Comme exemple du progrès s'accomplissant par les masses d'une part, par le gouvernement de l'autre, il cite les États-Unis où, jusqu'à nouvel ordre, le gouvernement n'a qu'à *laisser faire* pour que la population se répande, sans rencontrer d'obstacles, sur les immenses territoires de l'Amérique du Nord, et la Russie, où le progrès vient, au contraire, dit-il, et doit continuer à venir du gouvernement, où la centralisation est une nécessité.

« En Russie, c'est à la dynastie impériale qu'on doit tous les progrès qui, depuis un siècle et demi, ont tiré ce vaste empire de la barbarie. Le pouvoir impérial doit lutter contre tous les vains préjugés de notre vieille Europe ; il faut qu'il centralise, autant que possible, dans les mains d'un seul, les forces de l'État, afin de détruire tous les abus qui se perpétuent à l'abri des franchises communales et féodales. L'Orient ne peut recevoir que de lui les améliorations qu'il attend. »

Ainsi donc, d'après l'auteur des *Idées napoléoniennes*, la Russie ne peut se civiliser et civiliser l'Orient — ce qui est sa mission spéciale — qu'à l'aide de la centralisation. Nous laissons aux Russes le soin de se prononcer sur ce point. Nous leur laissons le soin de décider s'ils sont incapables de se civiliser par eux-mêmes, si l'administration seule est propre à remplir cette tâche, si l'intérêt de la civilisation en Russie exige, en conséquence, qu'ils se résignent à abdiquer entre ses mains toute liberté, toute initiative ; qu'ils marchent dans la voie du progrès, mécaniquement, comme des marionnettes de bois dont une main intelligente ferait mouvoir les fils. Nous doutons un peu qu'ils soient sur ce point de l'avis de notre auteur. En ce qui concerne l'Orient, il admet, comme on voit, que la Russie se donne pour mission de lui imposer le progrès. Plus tard, à la vérité, devenu empereur des Français, il parut avoir changé d'avis. Toutefois, la lumière n'est pas faite encore sur les causes réelles qui ont amené la guerre d'Orient, et il se pourrait bien qu'il n'y eut point entre les idées du prince Louis Napoléon, sur la mission de la Russie en Orient, et les actes de l'empereur des Français, la contradiction qu'on pourrait supposer. Attendons !

Что же касается до призванія Франціи, или, лучше сказать, до призванія Французскаго правительства, руководящаго націей, то оно, какъ само собою разумѣется, гораздо обширнѣе Его дѣло взять въ свои руки, или миромъ, или войной, главное руководство надъ цивилизаціей.

«Ты, Франція Генриха IV, Лудовика XIV, Карно, Наполеона, ты, которая была всегда для западной Европы источникомъ прогресса, ты, которая владѣешь двумя опорами царствъ, гениемъ мирныхъ искусствъ и гениемъ войны, неужели у тебя нѣтъ призванія, которое ты должна совершить? Неужели ты истощишь всѣ свои силы, всю свою энергію въ непрерывной бѣрьбѣ съ своими собственными дѣтьми? Нѣтъ, не такова твоя доля; настанетъ скоро день, когда для управления тобой необходимо будетъ понять, что роль твоя, при всѣхъ трактатахъ, возлагать мечъ Бренна на вѣсы, въ пользу цивилизаціи.»

Итакъ, Франція источникъ прогресса, а призваніе ея правительства — разливать непрерывно на остальной міръ волны этого благодѣтельнаго источника. Въ 1789 году, источникъ вскипѣлъ и обратился въ громаднѣйшій потокъ: призваніемъ Наполеона I было дать направленіе этому потоку, ввести его въ настоящее русло, обратить его въ величественную рѣку, которая бы разлитіями своими, правильно распредѣленными, распространяла изобиліе и плодородіе по своимъ берегамъ. Или, говоря словами автора, «только одинъ Наполеонъ умѣлъ прояснить хаосъ революціи, хаосъ ничтожества и славы, отдѣлать истины отъ страстей, элементы успѣха отъ зародышей смерти, и возвести въ синтетическую идею всѣ эти великіе принципы, которые непрерывно боролись между собой и задерживали прогрессъ, равно важнѣйшій для всего человѣчества.»

«Явившись на сценѣ міра, Наполеонъ увидѣлъ, что ему принадлежитъ роль душеприкащика революціи. Разрушительный огонь партій уже потухъ; умирающая, но не побѣжденная революція, завѣщавая Наполеону исполненіе своей послѣдней воли, должна была сказать ему: «Утверди на прочномъ основаніи главные результаты моихъ усилій, соедини раздѣленныхъ Французовъ, отрази Феодальную Европу, ополчившуюся противъ тебя, уврачуй мои раны, просвѣти народы, распространи въ широту то, что я должна была создать въ глубину; будь для Европы тѣмъ, чѣмъ я была для Франціи; и даже еслибы ты долженъ былъ своею кровію оросить дерево цивилизаціи, еслибы предположенія твои были не поняты, и люди близкіе тебѣ, лишенные отчизны, должны были скитаться по свѣту, не оставляя никогда священнаго дѣла Французскаго народа и доставъ ему торжество всѣми средствами, которая породитъ твой гений и одобритъ человѣчество.»

Quant à la mission de la France, ou pour mieux dire du gouvernement français, conducteur de la nation, elle est, bien entendu, plus vaste. Son œuvre, c'est de prendre en main, soit par la paix soit par la guerre, la direction suprême de la civilisation.

« Toi France de Henri IV, de Louis XIV, de Carnot, de Napoléon, toi qui fut toujours pour l'occident de l'Europe la source du progrès, toi qui possèdes les deux soutiens des Empires, le génie des arts pacifiques et le génie de la guerre, n'as-tu plus de mission à remplir ? Épuiseras-tu tes forces et ton énergie à lutter sans cesse avec tes propres enfants ? Non, telle ne peut être ta destinée ; bientôt viendra le jour où, pour te gouverner, il faudra comprendre que ton rôle est de mettre dans tous les traités ton épée de Brennus en faveur de la civilisation. »

Ainsi la France est la source du progrès, et la mission de son gouvernement c'est de faire écouler incessamment sur le reste du monde cette source bienfaisante. En 1789, la source a bouillonné et elle est devenue un torrent : ce fut la mission de Napoléon Ier de donner une direction à ce torrent, de le régulariser, de le transformer en un fleuve majestueux qui répand sur ses bords, par ses débordements convenablement réglés, la fertilité et l'abondance. Ou pour nous servir des expressions de l'auteur :

« Ce fut Napoléon qui débrouilla le chaos de la Révolution — chaos de néant et de gloire — sépara les vérités des passions, les éléments de succès des germes de mort, et ramena à l'idée de synthèse tous ces grands principes qui, luttant sans cesse entre eux, compromettaient le succès auquel tous étaient intéressés.

Napoléon, en arrivant sur la scène du monde, vit que son rôle était d'être *l'exécuteur testamentaire* de la Révolution. Le feu destructeur des partis était éteint, et lorsque la Révolution mourante mais non vaincue légua à Napoléon l'accomplissement de ses dernières volontés, elle dût lui dire : 'Affermis sur des bases solides les principaux résultats de mes efforts, réunis les Français divisés, repousse l'Europe féodale liguée contre moi, cicatrice mes plaies, éclaire les nations, exécute en étendue ce que j'ai dû faire en profondeur ; sois pour l'Europe ce que j'ai été pour la France ; et quand même tu devrais de ton sang arroser l'arbre de la civilisation, voir tes projets méconnus et les tiens sans patrie errer dans le monde, n'abandonne jamais la cause sacrée du peuple français, et fais-la triompher par tous les moyens que le génie enfante, que l'humanité approuve.'

«И Наполеонъ до конца остался вѣренъ этому великому призванію. Подвигъ его былъ труденъ. Надобно было утвердить на новыхъ принципахъ общество, кипѣвшее еще ненавистью и злобой, и для постройки его употреблять тѣ же ору дія, которыя до тѣхъ поръ служили только орудіями разрушенія.

«Общая участь каждой вновь возникающей истины — устрашать, а не привлекать, оскорблять, а не убѣждать. И чѣмъ болѣе сдерживаютъ ее, тѣмъ съ большею силой вырывается она наружу; а встрѣчая препятствія, она должна бороться и опрокидывать все на пути до тѣхъ поръ, пока большинство не пойметъ и не приметъ ея, и пока она не ляжетъ въ основаніе новаго общественнаго устройства.

«Свобода пойдетъ одинаковымъ путемъ съ христіанскою вѣрой. Орудіе смерти для дряхлаго римскаго общества, христіанство долгое время возбуждало къ себѣ страхъ и ненависть народовъ; потомъ, мученичествомъ и гоненіями, вѣра Христова проникла во всѣ сердца, во всѣ умы; вскорѣ подъ ея знамена стали воины и цари; Константинъ и Карлъ Великій съ торжествомъ провели ее по всей Европѣ. Тогда вѣра сложила оружіе брани; она разоблачила передъ лицомъ всѣхъ правила порядка и мира, которыя она заключала въ себѣ, и сдѣлалась элементомъ организацій общества, даже опорой власти. То же самое будетъ и съ свободой. Она прошла уже по тѣмъ же степенямъ. Въ 1793 году она поразила ужасомъ народы и царей; потомъ, облекшись въ формы болѣе мягкія, она пробралась повсюду вслѣдъ за нашими батальйонами. Въ 1815 году всѣ партіи стали подъ знамя ея, и, поддерживаемыя ея нравственною силой, украсились ея цвѣтами. Но принятіе было не искренно, и свобода принуждена была снова облечься броней. Борьба вспыхнула и пробудила прежнія опасенія. Будемъ надѣяться, что они исчезнутъ, и что свобода облечется опять въ свои праздничныя одежды, чтобы не снимать ихъ болѣе.

«Преимущественно передъ всѣми политическими дѣятелями, императоръ Наполеонъ содѣйствовалъ водворенію свободы, спасая нравственное вліяніе революціи и уменьшая опасенія, которыя она внушала. Безъ консульства и имперіи революція была бы только великою драмой, которая оставила бы только великія воспоминанія, но мало слѣдовъ. Революція потонула бы въ контръ-революціи, между тѣмъ какъ случилось противное, потому что Наполеонъ вкоренилъ во Франціи и распространилъ по всей Европѣ главныя благодѣянія великаго переворота, и потому что — употребимъ его собственное выраженіе — онъ очистилъ революцію, утвердилъ королей и облагородилъ народы. Онъ очистилъ революцію, отдѣливъ истины, которымъ она доставила

Cette grande mission, Napoléon l'accomplit jusqu'au bout. Sa tâche fut difficile. Il fallait asseoir une société bouillonnante encore de haine et de rancune sur de nouveaux principes, se servir, pour consolider, des mêmes instruments qui jusque-là n'avaient servi qu'à abattre.

Le sort commun à toute nouvelle vérité qui surgit est d'effrayer au lieu de séduire, de blesser au lieu de convaincre. C'est qu'elle s'élançait avec d'autant plus de force qu'elle a été plus longtemps comprimée ; c'est qu'ayant des obstacles à vaincre, il faut qu'elle lutte et qu'elle renverse, jusqu'à ce que comprise et adoptée par la généralité, elle devienne la base d'un nouvel ordre social.

La liberté suivra la même marche que la religion chrétienne. Arme de mort pour la vieille société romaine, le christianisme a excité pendant longtemps la crainte et la haine des peuples ; puis, à force de martyres et de persécutions, la religion du Christ a pénétré dans les esprits et dans les consciences ; bientôt elle eût à ses ordres des armées et des rois ; Constantin et Charlemagne la promènèrent triomphante en Europe. Alors la religion déposa ses armes de guerre ; elle dévoila à tous les yeux les principes d'ordre et de paix qu'elle renfermait, et devint l'élément organisateur des sociétés, l'appui même du pouvoir. Il en sera ainsi de la liberté. Elle a déjà eu les mêmes phases. En 1793, elle effraya les peuples autant que les souverains ; puis ayant revêtu des formes plus douces, elle s'insinua partout à la suite de nos bataillons. En 1815 tous les partis adoptèrent son drapeau, et, s'étayant de sa force morale, ils se couvrirent de ses couleurs. L'adoption n'était pas sincère, la liberté fut obligée de reprendre son armure de guerre. Avec la lutte repa-
rèrent les craintes. Espérons que bientôt elles cesseront, et que la liberté revêtira ses habits de fête pour ne plus les quitter.

L'empereur Napoléon a contribué plus que tout autre à accélérer le règne de la liberté, en sauvant l'influence morale de la Révolution, et en diminuant les craintes qu'elle inspirait. Sans le Consulat et l'Empire, la Révolution n'eût été qu'un grand drame qui laisse de grands souvenirs mais peu de traces. La Révolution se serait noyée dans la contre-révolution, tandis que le contraire a eu lieu, parce que Napoléon enracina en France et introduisit partout en Europe les principaux bienfaits de la grande crise et que pour nous servir de ses expressions, il dessouilla la Révolution, affermit les rois et ennoblit les peuples. Il dessouilla la Révolution, en séparant les

торжество, отъ страстей, которыя помрачили ее своимъ безуміемъ; онъ утвердилъ королей, внушивъ къ власти ихъ довѣренность и уваженіе; онъ облагородилъ народы, внушивъ имъ сознаніе ихъ силы и надѣливъ ихъ постановленіями, возвышающими человѣка въ его собственныхъ глазахъ. Императора должно почитать благовѣствователемъ новыхъ идей.»

Принимая мнѣнія автора о призваніи правительствъ вообще и о призваніи Французскаго правительства въ особенности, слову «свобода», не сходящему съ пера его, невозможно придать другаго значенія, кромѣ того, которое онъ придавалъ ему самъ. И дѣйствительно, если призваніе правительства вести народы путемъ прогресса, то очевидно, что свобода для этой цѣли дѣло второстепенной важности. Главное заключается въ томъ, чтобы правительство было сильно и хорошо устроено, чтобы правительственная опека дѣйствовала на всѣхъ, отъ имени и въ интересахъ всѣхъ. Вотъ первая потребность общества. Потребность свободы уже слѣдуетъ за нею. Свобода служитъ вѣнцомъ общественнаго зданія въ томъ смыслѣ, что сильная правительственная организція, много дѣйствуя сама собой, можетъ предоставить, по своему усмотрѣнію, гражданамъ въ полное ихъ распоряженіе извѣстную сферу дѣятельности, — сферу, впрочемъ, всегда тѣсную, потому что, въ интересахъ прогресса, правительство должно быть сильно, а кругъ дѣйствій его обширенъ и многостороненъ. Но даже въ этой сферѣ, по самому свойству своему тѣсной и второстепенной, свобода дѣйствій или мнѣній гражданина не должна стѣснять или затруднять свободу дѣйствій и мнѣній правительства. Если правительство найдетъ въ нихъ препятствіе своимъ намѣреніямъ и своимъ видамъ, то оно имѣетъ полное право остановить ихъ. Такъ дѣйствовалъ Наполеонъ I и дѣйствовалъ совершенно основательно, если принять въ соображеніе обстоятельства, въ которыхъ онъ находился.

«Во время революцій затруднительнѣе всего избѣжать путаницы въ либеральныхъ идеяхъ. Обязанность каждаго правительства противодѣйствовать ложнымъ идеямъ и руководствовать идеями новыми, смѣло становясь воглавѣ ихъ; если же, вмѣсто того чтобы вести народъ, правительство дозволить увлечь себя, то оно стремится къ своей гибели и подвергаетъ опасности общество, вмѣсто того чтобы охранять его.

«Императоръ былъ представителемъ истинныхъ идей своего вѣка, и оттого онъ безъ труда приобрѣлъ огромное вліяніе. Что же касается до вредныхъ идей, то онъ никогда не попадалъ на нихъ прямо, но бралъ ихъ, такъ сказать, съ тылу, вѣлъ переговоры съ ними и наконецъ подчинялъ ихъ своему нравственному вліянію,

vérités qu'elle fit triompher des passions qui, dans leur délire, les avaient obscurcies ; il raffermir les rois en rendant le pouvoir honoré et respectable ; il ennoblit les peuples en leur donnant la conscience de leur force et ces institutions qui relèvent l'homme à ses propres yeux. L'empereur doit être considéré comme le messie des idées nouvelles. »

Si l'on se reporte aux opinions de l'auteur sur la mission des gouvernements et, en particulier, sur la mission du gouvernement de la France, on n'attachera pas au mot « liberté » dont il affecte de se servir plus d'importance qu'il n'en attachait lui-même. En effet, si la mission du gouvernement consiste à conduire les peuples dans la voie du progrès, il est évident que la liberté ne peut avoir pour eux qu'une utilité secondaire. L'essentiel c'est que le gouvernement soit fort et bien constitué ; c'est que la tutelle gouvernementale soit exercée sur tous au nom et dans l'intérêt de tous. Voilà le premier besoin d'une société. Le besoin de liberté ne vient qu'après. La liberté peut couronner l'édifice, en ce sens que la forte organisation gouvernementale, tout en agissant beaucoup elle-même, peut autoriser les citoyens à agir de leur côté, dans la sphère d'activité qui leur est abandonnée — sphère toujours restreinte cependant, puisqu, dans l'intérêt du progrès, les gouvernements doivent toujours être forts, et leurs attributions toujours nombreuses et étendues. Mais il ne faut pas, même dans cette sphère naturellement étroite et subordonnée, il ne faut pas que la liberté d'action ou d'opinion des citoyens gêne ou entrave la liberté d'action ou d'opinion du gouvernement. Si le gouvernement y trouve un obstacle à ses desseins et à ses vues, il est parfaitement fondé à l'ajourner. C'est là ce qu'a fait Napoléon Ier, et ce qu'il a fait avec raison, eu égard aux circonstances dans lesquelles il se trouvait.

« La grande difficulté des révolutions est d'éviter la confusion dans les idées populaires. Le devoir de tout gouvernement est de combattre les idées fausses et de diriger les idées vraies, en se mettant hardiment à leur tête ; car si au lieu de conduire, un gouvernement se laisse entraîner, il court à sa perte et il compromet la société au lieu de la protéger.

C'est parce que l'empereur fut le représentant des idées vraies de son siècle, qu'il acquit si facilement l'ascendant le plus immense. Quant aux idées nuisibles, il ne les attaqua jamais de front, mais il les prit à revers, parlementa, traita avec elles et enfin les soumit par

зная хорошо, что насиліемъ невозможно дѣйствовать противъ идей.

«Имѣя всегда цѣль передъ глазами, онъ, сообразно съ обстоятельствами, употреблялъ для достиженія ея самыя сильныя средства.

«Какая же была цѣль у него? Свобода!

«Да, свобода... и чѣмъ болѣе будутъ изучать исторію Наполеона, тѣмъ яснѣе обнаружится эта истина. Свобода подобна рѣкѣ: чтобъ она принесла съ собой изобиліе, а не разрушеніе, необходимо прорыть ей русло широкое и глубокое. Если, при правильномъ и величественномъ теченіи, она остается въ своихъ естественныхъ предѣлахъ, то земли, орошаемая ею, благословляютъ ея теченіе; но если она налетаетъ подобно потоку, выходящему изъ береговъ, то на нее смотрятъ какъ на величайшій изъ бичей; она возбуждаетъ общую ненависть, и тогда люди, въ предубѣжденіи своемъ, ограждаютъ себя отъ свободы, потому что она разрушаетъ, какъ стали бы ограждать себя отъ огня, за то, что онъ сожигаетъ, или отъ воды за то, что она производитъ наводненія.

«Намъ могутъ сказать, что свобода не была упрочена императорскими законами; конечно, имя ея не было поставлено во главѣ всѣхъ законовъ, не было прибито на всѣхъ перекресткахъ, но каждый законъ имперіи служилъ приготовленіемъ къ ея мирному и твердому царствованію.

«Когда въ государствѣ существуютъ партіи, ожесточенныя одна противъ другой, когда сильно кипитъ ненависть, то необходимо уничтожить эти партіи, укротить эту ненависть, прежде чѣмъ свобода сдѣлается возможною.

«Когда въ странѣ, гдѣ восторжествовала демократія, какъ то было во Франціи, принципъ равенства не достигъ еще полного развитія, то необходимо ввести его во всѣ законы, прежде чѣмъ свобода сдѣлается возможною.

«Когда нѣтъ ни общественнаго духа, ни религіи, ни политической вѣры, необходимо возсоздать что-нибудь изъ этихъ трехъ предметовъ, прежде чѣмъ свобода сдѣлается возможною. «Когда непрерывныя перемѣны въ конституціи потрясли уваженіе къ закону, необходимо возстановить вліяніе законовъ, прежде чѣмъ свобода сдѣлается возможною.

«Когда прежніе нравы уничтожены соціальною революціей, необходимо создать новые, основанные на новыхъ принципахъ, прежде чѣмъ свобода сдѣлается возможною.

«Когда правительство, каковы бы ни были его формы, не имѣетъ болѣе ни силы, ни обаянія, когда порядокъ не существуетъ ни въ администраціи, ни въ государствѣ, то необходимо создать

une influence morale ; car il savait que la violence ne vaut rien contre des idées.

Ayant toujours un but devant les yeux, il employa, suivant les circonstances, les moyens les plus prompts pour y arriver.

Quel est son but ? La liberté.

Oui, la liberté !... et plus on étudiera l'histoire de Napoléon, plus on se convaincra de cette vérité. Car la liberté est comme un fleuve : pour qu'elle apporte l'abondance et non la dévastation, il faut qu'on lui creuse un lit large et profond. Si, dans son cours régulier et majestueux, elle reste dans ses limites naturelles, les pays qu'elle traverse bénissent son passage ; mais si elle vient comme un torrent qui déborde, on la regarde comme le plus terrible des fléaux ; elle éveille toutes les haines, et l'on voit alors des hommes, dans leur prévention, repousser la liberté parce qu'elle détruit, comme si l'on devait bannir le feu parce qu'il brûle, et l'eau parce qu'elle inonde.

La liberté, dira-t-on, n'était pas assurée par les lois impériales, son nom n'était pas, il est vrai, en tête de toutes les lois, ni affiché à tous les carrefours, mais chaque loi de l'empire en préparait le règne paisible et sûr.

Quand, dans un pays, il y a des partis acharnés les uns contre les autres, des haines violentes, il faut que ces partis disparaissent, que ces haines s'apaisent, avant que la liberté soit possible.

Quand, dans un pays démocratisé comme l'était la France, le principe d'égalité n'est pas appliqué généralement, il faut l'introduire dans toutes les lois, avant que la liberté soit possible.

Lorsqu'il n'y a plus ni esprit public, ni religion, ni foi politique, il faut recréer au moins une de ces trois choses, avant que la liberté soit possible.

Lorsque les changements successifs de constitution ont ébranlé le respect dû à la loi, il faut recréer l'influence légale avant que la liberté soit possible.

Lorsque les anciennes mœurs ont été détruites par une révolution sociale, il faut en recréer de nouvelles avec les nouveaux principes, avant que la liberté soit possible.

Quand le gouvernement, quelle que soit sa forme, n'a plus ni force ni prestige ; que l'ordre n'existe ni dans l'administration ni

это обаяніе, необходимо возстановить этотъ порядокъ, прежде чѣмъ свобода сдѣлается возможною.

«Когда въ націи нѣтъ болѣе аристократіи, и когда въ ней ничто, кромѣ арміи, не организовано, необходимо возстановить гражданскій порядокъ, основанный на точной и правильной организаціи, прежде чѣмъ свобода сдѣлается возможною.

«Наконецъ, когда государство находится въ войнѣ съ своими сосѣдями и когда оно заключаетъ еще въ своихъ нѣдрахъ приверженцевъ иностранныхъ государствъ, то необходимо побѣдить враговъ и пріобрѣсти вѣрныхъ союзниковъ, прежде чѣмъ свобода сдѣлается возможною.»

Изъ всего этого ясно, что свобода при Наполеонѣ I была невозможна. Но благодаря генію императора, благодаря отличному правительственному устройству, которымъ онъ надѣлил Францію, государство могло оправиться отъ революціоннаго переворота и достигнуть огромнаго развитія, не чувствуя потребности въ этомъ вспомогательномъ средствѣ, которое бы могло быть для него, судя по обстоятельствамъ, скорѣе вредно, чѣмъ полезно, которое задержало бы прогрессъ, препятствуя упроченію новаго правительства и стѣсня его дѣйствія, и нисколько не содѣйствовало бы прогрессу, употребляя въ дѣло дѣятельность, еще не подчиненную закону и слѣдовательно безпокойную и вредную, которую могла бы повлечь за собою свобода!

Третья глава посвящена разсмотрѣнію постановленій и актовъ императорскаго правительства, которые дали Французамъ возможность обходиться безъ свободы во время этой великой эпохи. Начертавъ мрачную картину состоянія Франціи въ эпоху 18 брюмера и исчисливъ всѣ мѣры, принятія первымъ консуломъ для улучшенія государства, возвращеніе эмигрантовъ, возстановленіе внутренней безопасности, уничтоженіе разбоевъ и пр., онъ разсматриваетъ административную и политическую организацію, которыми новое правительство надѣлило Францію. Само собою разумѣется, что его идеи относительно призванія, указанного правительству, заставляютъ его превозносить похвалами систему централизаціи, принятую въ имперіи. Вѣдь правительство, кругъ дѣйствій котораго обширенъ, правительство, которому поручено вести націю по пути прогресса нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго, должно быть облечено великою властію. И въ государствѣ демократическомъ оно должно быть еще сильнѣе, чѣмъ въ государствѣ аристократическомъ.

«Въ государствѣ демократическомъ, каковымъ была Франція, административная организація была важнѣе чѣмъ гдѣ-либо, потому что она до извѣстной степени господствуетъ надъ организаціей политической. Такъ какъ въ государствѣ аристократичес-

dans l'État, il faut recréer le prestige, il faut rétablir l'ordre avant que la liberté soit possible.

Lorsque dans une nation il n'y a plus d'aristocratie et qu'il n'y a d'organisé que l'armée, il faut reconstituer un ordre civil, basé sur une organisation précise et régulière, avant que la liberté soit possible.

Enfin, lorsqu'un pays est en guerre avec ses voisins et qu'il renferme encore dans son sein des partisans de l'étranger, il faut vaincre les ennemis et se faire des alliés sûrs avant que la liberté soit possible. »

La liberté n'était donc pas possible sous Napoléon Ier. Mais, grâce au génie de l'empereur, grâce à l'admirable organisation gouvernementale dont il dota la France, le pays pût se rétablir de la secousse révolutionnaire et réaliser d'immenses progrès, sans éprouver le besoin de cet auxiliaire qui lui aurait été, eu égard aux circonstances, plus nuisible qu'utile, qui aurait retardé le progrès en empêchant la consolidation du gouvernement nouveau et en entravant son action, beaucoup plus qu'il ne l'aurait hâté en mettant à son service une activité encore indisciplinée, perturbatrice et mal-faisante.

Le troisième chapitre est consacré à l'examen des institutions et des actes du gouvernement impérial qui ont permis aux Français de se passer avec avantage de la liberté pendant cette grande époque. Après avoir fait un sombre tableau de l'état de la France lors du 18 brumaire et énuméré les mesures réparatrices du premier consul, rappel des émigrés, rétablissement de la sécurité intérieure par l'extinction du brigandage, etc., l'auteur passe en revue l'organisation administrative et l'organisation politique dont le nouveau pouvoir dota la France. Comme on le suppose bien, ses idées sur la mission qui est dévolue au gouvernement lui font approuver, sans réserve, le système de centralisation adopté par l'empire. Car un gouvernement dont les attributions sont immenses, un gouvernement qui est chargé de conduire la nation dans les voies du progrès moral, intellectuel et matériel, doit nécessairement être investi d'une grande force. Et il en doit être ainsi dans un pays démocratique plus encore que dans un pays aristocratique.

« Dans un État démocratique comme était la France, l'organisation administrative avait plus d'importance que dans tout autre ; car elle domine jusqu'à un certain point l'organisation politique. Dans un pays aristocratique, l'action politique étant le partage de

комъ политическая дѣятельность составляетъ принадлежность одного класса въ полномъ его составѣ, и уполномоченные этого класса господствуютъ гораздо болѣе своимъ личнымъ вліяніемъ, чѣмъ вліяніемъ административнымъ, то правительственная сила распределена между всѣми патриціанскими семействами. Но въ правительствѣ, имѣющемъ основаніе демократическое, одинъ глава его пользуется правительственною властію; нравственная сила исходитъ только отъ него, а равно и все прямо восходитъ къ нему, и любовь, и ненависть. Въ такомъ обществѣ, централизація должна быть сильнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, потому что администраторы пользуются только тѣмъ обаяніемъ, которое даетъ имъ власть, а чтобы сохранить это обаяніе, имъ необходимо пользоваться большимъ авторитетомъ, не переставая быть въ совершенной зависимости отъ главы государства, который тогда только и можетъ имѣть надъ ними самый дѣятельный надзоръ.»

Эти размышленія справедливы, конечно, если допустить, что нація нуждается въ обширной администраціи, вмѣшивающейся непрерывно во всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, чтобы руководить ею на пути къ прогрессу. Но они принимаютъ совершенно иной характеръ, если вѣрить новѣйшимъ экономистамъ, утверждающимъ, что прогрессъ развивается отъ свободной содѣйствія всѣхъ гражданъ, которые сами пролагаютъ себѣ путь и управляютъ сами собою, и если вѣрить также, что вся дѣятельность правительства должна все болѣе и болѣе ограничиваться поддержаніемъ общественной безопасности и обезпеченіемъ свободной дѣятельности каждому гражданину, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ не посягалъ на свободу другихъ.

Авторъ осыпаетъ похвалами различныя отрасли императорской администраціи и въ особенности управленіе Финансами. «Императоръ помнилъ, говоритъ онъ, что Франціи необходимъ бюджетъ въ 800 милл. въ военное время и въ 600 милл. въ мирное. Во все правленіе императора бюджетъ никогда не превышалъ этой цифры, за исключеніемъ времени, послѣдовавшаго за бѣдственнымъ походомъ въ Россію. Итакъ, несмотря на войну, онъ былъ на 400 милл. менѣе того, которымъ отяготили Францію двадцать четыре года совершеннаго мира.» Это, какъ мы уже замѣтили прежде, любимое сближеніе панегириста императорской системы. Только при этомъ сравненіи онъ опускаетъ изъ виду самый существенный элементъ: я разумѣю здѣсь *внѣшніе поборы*. Эти поборы, составлявшіе значительную прибавку къ императорскимъ бюджетамъ, происходили изъ двухъ источниковъ: 1) изъ контрибуцій, взимаемыхъ чаще всего натурой при походѣ войскъ, основнымъ правиломъ которыхъ было жить насчетъ тѣхъ странъ, гдѣ они вели войну; 2) изъ собственно такъ-

toute une classe, les délégués du pouvoir règnent plutôt par leur influence personnelle que par une influence administrative ; la force gouvernementale est répartie entre toutes les familles patriciennes. Mais dans un gouvernement dont la base est démocratique, le chef seul a la puissance gouvernementale ; la force morale ne dérive que de lui ; tout aussi remonte directement jusqu'à lui, soit haine, soit amour. Dans une telle société, la centralisation doit être plus forte que dans toute autre ; car les représentants du pouvoir n'ont de prestige que celui que le pouvoir leur prête, et pour qu'ils conservent ce prestige, il faut qu'ils disposent d'une grande autorité sans cesser d'être vis-à-vis du chef dans une dépendance absolue, afin que la surveillance la plus active puisse s'exercer sur eux. »

Ces réflexions sont justes, si l'on admet qu'une nation ait besoin d'une administration immense, intervenant sans cesse dans toutes les branches de l'activité humaine, pour la conduire dans la voie du progrès. Mais elles n'ont plus le même caractère si l'on croit avec les économistes modernes que le progrès naît du libre concours des efforts des citoyens se dirigeant ou se gouvernant eux-mêmes, si l'on croit, en conséquence, que les attributions des gouvernements doivent se réduire de plus en plus au maintien de la sécurité publique, de manière à permettre à chacun de conserver la plus grande somme possible de liberté et d'en faire l'usage le plus avantageux, sans porter atteinte à la liberté d'autrui.

L'auteur fait successivement l'éloge des différentes branches de l'administration impériale, et en particulier de l'administration des finances.

« L'empereur estimait, dit-il, qu'il fallait à la France un budget de 800 millions pour l'état de guerre et de 600 millions pour l'état de paix. Le budget sous l'Empire n'a jamais dépassé le chiffre ci-dessus, excepté après les revers de Moscou ; il était donc, malgré la guerre, de 400 millions moins élevé que celui dont les vingt-quatre années d'une paix profonde ont grevé la France ! »

Comme nous avons déjà eu occasion de le remarquer, c'est là un rapprochement favori du panégyriste du système impérial. Seulement il néglige dans cette comparaison un élément tout à fait essentiel, nous voulons parler des *recettes extérieures*. Ces recettes, qui formaient un appoint considérable des budgets impériaux, provenaient de deux sources : 1° des contributions prélevées le plus souvent en nature par les armées qui avaient pour loi fondamentale de vivre des pays sur lesquels elles faisaient la guerre ; 2° des

называемых военных контрибуцій, которыми обыкновенно облагались побѣжденные при заключеніи мира. Въ интересномъ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ *Napoléon administrateur et financier* (Наполеонъ, какъ администраторъ и финансистъ), сэръ-Франсисъ д'Ивернуа исчислилъ, по самымъ отчетамъ императорскаго министра финансовъ, въ 1700 милл. Франковъ общій итогъ внѣшнихъ поборовъ въ періодѣ времени отъ 1806 до 1811, что составляетъ по 300 милл. въ годъ. Правда, позднѣе, они уменьшились, когда побѣда перестала быть казнохранительницей Наполеона, но тѣмъ съ не меньшею тягостію падали они на тѣ страны, которыя Французская армія попирала своими ногами во все продолженіе императорскаго правленія. Поэтому нельзя сказать, чтобъ императорское правительство осуществило идеаль дешаваго правительства. И когда авторъ *Наполеоновскихъ идей* въ свою очередь сталъ продолжать систему своего предшественника, то, не пользуясь, подобно ему, *внѣшними поборами*, онъ долженъ былъ убѣдиться въ неосновательности упрековъ, которыми онъ осыпалъ правительство реставраціи и іюльское правительство. вмѣсто того чтобъ уменьшить расходы правительства на 400 милл., онъ ихъ увеличилъ почти на 400 милл. и продолжаетъ увеличивать ежедневно.

Въ числѣ финансовыхъ улучшеній, составляющихъ, по его мнѣнію, славу имперіи, необходимо упомянуть о законѣ, который обязывалъ сборщиковъ податей, нотаріусовъ и биржевыхъ маклеровъ представлять обезпеченія.

«Для правительства новаго, говорить онъ, необходимо было держать курсъ своихъ кредитныхъ бумагъ въ положеніи прогрессивномъ; а естественнымъ слѣдствіемъ такой необходимости было право полицейскаго надзора надъ людьми, которые, спекулируя только на измѣненіи этого курса, могли изъ собственныхъ выгодъ сообщать ему обратное движеніе.»

Нельзя ли объяснить этуо цитатой стѣснительныя и, наконецъ, запретительныя мѣры, поразившія закулисныхъ агентовъ при второй имперіи?

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе улучшеній, произведенныхъ императорскою администраціей въ различныхъ отрасляхъ челоѣческой дѣятельности: въ земледѣліи, торговлѣ, промышленности, путяхъ сообщенія; далѣе приводятъ я мѣры, принятыя для улучшенія положенія бѣдныхъ классовъ, и учрежденіе пріютовъ для нищихъ, наконецъ излагается организація университета. Это послѣднее учрежденіе, сосредоточившее въ рукахъ правительства воспитаніе юныхъ поколѣній, составляетъ для автора предметъ особаго восторга: онъ мало заботится, какъ видите, о свободѣ преподаванія, которую совершенно уничтожалъ университетъ.

contributions de guerre proprement dites, qui étaient imposées aux vaincus, ordinairement à la conclusion de la paix. Dans son curieux ouvrage intitulé *Napoléon administrateur et financier*, sir Francis d'Ivernois évaluait, d'après les comptes-rendus mêmes du ministre des finances de l'Empire, à 1 700 millions le montant total des recettes extérieures pendant la période de 1806 à 1810, soit à plus de 500 millions par an. Plus tard, à la vérité, elles baissèrent lorsque Napoléon eut cessé d'avoir la victoire pour trésorier ; mais elles n'en pesèrent pas moins lourdement sur les pays que foulèrent aux pieds les armées françaises pendant toute la durée du régime impérial. On ne peut donc pas dire que le gouvernement impérial ait réalisé l'idéal d'un *gouvernement à bon marché*. Et lorsque l'auteur des *Idées napoléoniennes*, à son tour, a pu appliquer le système de son devancier, mais sans avoir, comme lui, la ressource des *recettes extérieures*, il a dû se convaincre de l'injustice des reproches qu'il adressait au gouvernement de la Restauration et au gouvernement de Juillet. Car, au lieu de diminuer de 400 millions les frais du gouvernement de la France, il les a augmentés au contraire d'environ 400 millions et il les augmente tous les jours.

Au nombre des améliorations financières qu'il félicite l'Empire d'avoir accomplies, il faut signaler la loi qui obligeait les receveurs généraux, les notaires et les agents de change à fournir des cautionnements.

« Pour un gouvernement nouveau, dit-il, il était essentiel que le cours de la dette se maintînt en état progressif ; et les conséquences naturelles de cette nécessité étaient un droit de police et de surveillance sur les hommes qui, ne spéculant que sur la variation de ce cours, peuvent avoir intérêt à lui imprimer un mouvement rétrograde. »

Ce passage ne peut-il pas servir à expliquer les mesures restrictives et finalement prohibitives qui ont frappé la coulisse sous le second Empire ?

Vient ensuite l'exposé des améliorations introduites par l'administration impériale dans les différentes branches de l'activité nationale, agriculture, industrie, commerce, voies de communication ; les efforts tentés pour améliorer la situation des classes pauvres, notamment par la création des dépôts de mendicité, l'exposé du système d'organisation de l'université. Cette dernière institution, qui concentrait entre les mains de l'État l'éducation des jeunes générations, est particulièrement l'objet de son admiration : il fait bon marché, comme on va le voir, de la liberté d'enseignement, à laquelle l'université impériale ne laissait, pour ainsi dire, aucune place.

«Въ 1806 году, императоръ почувствовалъ потребность дать правильное устройство воспитанію, и подчинилъ его одной общей системѣ. Систему эту упрекали въ стѣсненіи свободы, но, какъ мы сказали выше, время свободы еще не наступало; а когда правительство стоитъ во главѣ націи, которая только что освободилась отъ всѣхъ преданій прошедшаго, то оно обязано не только руководить настоящимъ поколѣніемъ, но и воспитывать поколѣніе возникающее, въ правилахъ, которыя дали торжество этой революціи. *Прочное политическое устройство невозможно, сказалъ императоръ, если не будетъ сословія преподавателей, основаннаго на прочныхъ принципахъ; существованіе такого сословія поддерживаетъ общественный порядокъ.*»

Наконецъ, организація войска возбуждаетъ его восторгъ еще сильнѣе, чѣмъ организація университета, и онъ называетъ конскрипцію «однимъ изъ величайшихъ учрежденій нашего вѣка».

За панегирикомъ административной организаціи имперіи слѣдуетъ панегирикъ организаціи политической. Прежде всего, авторъ возстаетъ противъ маніи подражанія иностраннымъ учрежденіямъ въ дѣлѣ политическихъ конституцій. «Конституція, говоритъ онъ, должна быть составлена собственно для той націи, къ которой желаютъ приспособить ее. Она должна походить на одежду, которая тогда только и хороша, когда выкраивается только для одного человѣка.» Такимъ образомъ правленіе, приличное Англіи или Соединеннымъ Штатамъ, нисколько не можетъ быть удобно для Франціи. По мнѣнію автора, Наполеонъ I выкроилъ единственную одежду, приходящуюся по мѣркѣ Франціи; съ необыкновенною любовію авторъ выставляетъ всѣ части этого пышнаго одѣянія, которымъ Франція обязана генію величайшаго изъ современныхъ политическихъ кройщиковъ.

«Для полной оцѣнки императорской системы, говоритъ онъ въ заключеніе, можно сказать, что основаніе ея демократическое, потому что всѣ власти исходятъ изъ народа; между тѣмъ какъ въ устройствѣ ея существуетъ іерархія различныхъ общественныхъ степеней, служащая возбуждающимъ средствомъ для всѣхъ дарованій.

«Состояніе открыто для 40 милліоновъ людей; единственное различіе ихъ основано на личномъ достоинствѣ; наградой служатъ различныя степени общественной лѣтвицы.

«Такимъ образомъ, въ политическомъ отношеніи: собранія кантоновъ, избирательныя коллегіи, законодательное сословіе, государственный совѣтъ, сенатъ, высшіе саны.

«Въ арміи, каждый человѣкъ служитъ солдатомъ, каждый солдатъ можетъ сдѣлаться офицеромъ, полковникомъ, генераломъ, маршаломъ.

« En 1806, l'empereur sentit le besoin de régulariser l'instruction par un système général. On a reproché à ce système d'entraver la liberté ; mais, comme il a été dit plus haut, le temps de la liberté n'était pas venu ; et lorsqu'un gouvernement se trouve à la tête d'une nation qui vient de s'affranchir de toutes les idées du passé, il est de son devoir non seulement de diriger la génération présente, mais d'élever la génération qui surgit dans les principes qui ont fait triompher cette révolution : 'Il n'y aura pas d'état politique fixe, dit l'empereur, s'il n'y a pas de corps enseignant avec des principes fixes ; sa création, au contraire, fortifiera l'ordre civil.' »

Enfin l'organisation de l'armée excite, plus encore que celle de l'université, son admiration enthousiaste et il considère la conscription « comme l'une des plus grandes institutions du siècle ».

Après le panégyrique de l'organisation administrative, vient celui de l'organisation politique de l'Empire. L'auteur s'élève d'abord contre la manie d'imitation des institutions étrangères, en matière de constitutions politiques.

« Une constitution, dit-il, doit être faite uniquement pour la nation à laquelle on veut l'adapter. Elle doit être un vêtement qui, pour être bien fait, ne doit aller qu'à un seul homme. »

C'est ainsi que le régime qui convient à l'Angleterre ou aux États-Unis ne saurait convenir à la France. À son avis, Napoléon Ier a taillé le seul habit qui aille à la France, et il se complaît à faire valoir tous les détails de ce vêtement splendide dû au génie du plus grand des tailleurs politiques.

« Pour résumer le système impérial, conclut-il enfin, on peut dire que la base en est démocratique, puisque tous les pouvoirs viennent du peuple ; tandis que l'organisation est hiérarchique, puisqu'il y a dans la société des degrés différents pour stimuler toutes les capacités.

Le concours est ouvert à 40 millions d'âmes ; le mérite seul les distingue ; les différents degrés de l'échelle sociale les récompensent.

Ainsi politiquement : assemblées de canton, collèges électoraux, corps législatif, conseil d'État, sénat, grands dignitaires.

Pour l'armée, tout homme est soldat, tout soldat peut devenir officier, colonel, général, maréchal.

«Относительно Почетнаго Легіона, всѣ заслуги имѣютъ на него одинаковое право: гражданскіе чиновники, военные, промышленники, духовные, ученые, — всѣ могутъ быть кавалерами, офицерами, командорами, великими Офицерами, кавалерами большаго орла.

«Народное просвѣщеніе имѣетъ свои элементарныя и среднія училища, свои лицеи, а во главѣ ихъ стоитъ институтъ вѣнцомъ всего зданія.

«Юстиція имѣетъ свои суды первой инстанцій, императорскіе и кассационные суды.

«Наконецъ, администрація имѣетъ своихъ меровъ и ихъ помощниковъ, своихъ префектовъ и подпрефектовъ, своихъ министровъ, своихъ государственныхъ совѣтниковъ.

«Итакъ, Наполеонъ былъ какъ бы средоточіемъ, вокругъ котораго вращались всѣ силы народа. Онъ раздѣлил Францію въ административномъ отношеніи — на общинные округа и префектуры, въ политическомъ — на избирательныя коллегии и сенаторіи; въ военномъ — на дивизионные округа; въ судебномъ — на округа императорскихъ судовъ; въ религіозномъ — на епископства; въ философическомъ — на лицеи; въ нравственномъ — на округа Почетнаго Легіона.

«Политическое сословіе, равно какъ сословіе ученое и административное, имѣли общины своимъ подножіемъ, головой достигали сената.

«Такимъ образомъ, правительство императора — употребимъ сравненіе — было пирамидальнымъ колоссомъ на широкомъ основаніи и съ высоко-поднятою главой, »

Пусть такъ! Но колоссъ этотъ былъ колоссомъ деспотизма! Конечно, еслибы полкъ былъ идеаломъ человѣческаго общества, то императорская Франція могла бы служить образцомъ человѣческихъ обществъ. Вся гражданская администрація имперіи, въ томъ числѣ и университетъ, носила на себѣ печать организаци и дисциплины военной. Это былъ гражданскій деспотизмъ, устроенный на военную ногу. Но вель ли этотъ деспотизмъ, могъ ли онъ вести къ свободѣ, какъ воображаетъ авторъ *Наполеоновскихъ идей*? Напротивъ того, не устранилъ ли онъ ея всѣми силами? Предположимъ, что основатель императорскаго правленія царствовалъ бы довольно долго, чтобы довести до послѣднихъ крайностей систему централизаціи, которую если онъ не создалъ самъ, то продолжилъ, развилъ и усовершенствовалъ; до чего бы онъ дошелъ наконецъ? Очевидно, онъ Дошелъ бы, еслибы только не остановился вдругъ на полудорогѣ, до совершеннаго подчиненія свободной дѣятельности гражданъ дѣйствіямъ правительства или, другими словами, онъ дошелъ бы до соціализма.

Pour la Légion d'honneur, tous les mérites y ont le même droit : services civils, militaires, industriels, ecclésiastiques, scientifiques ; tous peuvent obtenir les grades de légionnaires, officiers, commandants, grands officiers, grands aigles.

L'instruction publique a ses écoles primaires, ses écoles secondaires, ses lycées, et l'Institut comme tête de tout l'édifice.

La justice a ses tribunaux de première instance, ses cours impériales, sa cour de cassation.

Enfin l'administration a ses maires, ses adjoints, ses sous-préfets, ses préfets, ses ministres, ses conseillers d'État.

Napoléon était donc en quelque sorte le foyer autour duquel venaient se grouper toutes les forces nationales. Il avait divisé la France administrativement par les arrondissements communaux et les préfectures ; politiquement par les collèges électoraux et les sénatoreries ; militairement par les divisions militaires ; judiciairement par les cours impériales ; religieusement par les évêchés ; philosophiquement par les lycées ; moralement par les arrondissements de la Légion d'honneur.

Le corps politique comme le corps enseignant, comme le corps administratif avait ses pieds dans les communes et sa tête dans le sénat.

Le gouvernement de l'empereur était donc, pour nous servir d'une comparaison, un colosse pyramidal à base large et à tête haute. »

Soit ! mais ce colosse était celui du despotisme. Certes, si un régiment était l'idéal de la société humaine, la France impériale aurait pu passer pour le modèle du genre. Toutes les administrations civiles de l'Empire, y compris l'Université, portaient le cachet de l'organisation et de la discipline militaires. C'était le despotisme civil militairement organisé. Or ce despotisme conduisait-il, pouvait-il conduire à la liberté, comme le prétend l'auteur des *Idées napoléoniennes* ? Ne lui tournait-il pas, au contraire, précisément le dos ? Supposons que le fondateur du régime impérial eût régné assez longtemps pour pousser jusqu'à ses dernières conséquences le système d'intervention gouvernementale qu'il avait sinon inauguré du moins continué, développé et perfectionné, à quoi aurait-il abouti ? Il aurait abouti évidemment — à moins qu'il ne se fût brusquement arrêté sur la pente — à la substitution complète de l'action de l'État à celle de l'activité libre des citoyens, en d'autres termes, il aurait abouti au socialisme.

Napoléon Ier ne conduisait donc pas la France à la liberté par la voie du despotisme ; il la conduisait au socialisme, c'est-à-dire à la suppression de toute liberté.

Слѣдовательно, Наполеонъ I вель Францію, путемъ деспотизма, не къ свободѣ, а къ социализму, то-есть къ уничтоженію всякой свободы.

Этого-то и не замѣчаетъ авторъ *Наполеоновскихъ идей*, не имѣя довольно яснаго понятія о свободѣ, и даже, можно сказать, не имѣя современнаго о ней понятія. Для него, какъ и для большей части людей революціи, которые въ этомъ отношеніи остановились на идеяхъ античнаго міра, понятіе о свободѣ сливается съ понятіями о національной независимости и о равенствѣ гражданскомъ и политическомъ. Деспотизмъ Наполеона I, этотъ деспотизмъ, добровольно принятый независимою націей и основанный на базисѣ равенства, по этому самому кажется ему совмѣстнымъ съ свободой. Онъ даже отрицаетъ, чтобъ императорскую систему можно было назвать деспотизмомъ, и основывается на томъ только, что эта система утверждена была общою подачей голосовъ. Какъ будто бы выраженія «добровольное рабство» и «свобода» могутъ быть принимаемы за синонимы!

Авторъ идетъ еще далѣе; онъ не соглашается никакъ, чтобы Наполеон I одаренъ былъ темпераментомъ деспота. Онъ утверждаетъ, напротивъ того, что Наполеонъ I ненавидѣлъ произволъ, составляющій сущность деспотизма, и представилъ тому убѣдительно доказательство, горько жалуясь однажды на произволъ, которому въ его царствованіе подчинена была печать.

«Мы видимъ, говоритъ онъ, что императоръ, въ 1810 году, выразилъ свое неудовольствіе за то, что не было составлено закона о печати¹, и, замѣтимъ это; императоръ часто произносилъ слѣдующія достопамятныя слова: «Я не хочу, чтобъ это право осталось за моими преемниками, потому что они бы могли употребить его во зло.»

Лучше этого трудно что-нибудь сказать. Только панегиристъ имперіи забылъ прибавить, что императору стоило сказать одно слово, чтобъ уничтожить рабство печати. Но онъ не сказалъ этого слова, несмотря на ненависть свою къ произволу. А самъ преемникъ его сказалъ ли это слово?...

Какъ бы то ни было, а называть императора деспотомъ было бы ошибочно; вѣдь имперія была добровольно принята Французами, которые утвердили ее посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, совершенно демократически. Равно ошибочно думать,

¹ «Печать, которая слыветъ свободною, находится въ совершенномъ рабствѣ, полиція урѣзываетъ, уничтожаетъ сочиненія, сколько ей угодно; и даже не самъ министръ судить ее, а обязанъ относиться въ свою канцелярію. Нѣтъ ничего неправильнѣе, незаконнѣе такого устройства.» (Слова императора въ государственномъ совѣтѣ.)

Mais voilà ce que l'auteur enthousiaste des *Idées napoléoniennes* n'aperçoit point, faute d'avoir une notion suffisamment claire et on pourrait dire même faute de posséder la notion moderne de la liberté. Pour lui, comme pour la plupart des hommes de la Révolution, qui en étaient restés sur ce point aux idées de l'antiquité, la notion de la liberté se confond avec celle de l'indépendance nationale et de l'égalité civile et politique. Le despotisme de Napoléon Ier, ce despotisme volontairement accepté par une nation indépendante, et reposant sur la base de l'égalité, ne lui paraît donc aucunement incompatible avec la liberté. Il va même jusqu'à nier qu'on puisse qualifier le système impérial de despotisme puisque ce système avait été ratifié par le suffrage universel des Français, comme si « servitude volontaire » et « liberté » étaient des expressions synonymes !

L'auteur va plus loin encore ; il nie que Napoléon Ier ait eu le tempérament d'un despote. Napoléon, au contraire, détestait l'arbitraire qui est l'essence du despotisme, et il en donna un jour une preuve significative, en se plaignant amèrement du régime de bon plaisir auquel la presse était soumise sous son règne.

« Nous le voyons, dit-il, en 1810 manifester son mécontentement, de ce qu'on n'ait pas fait de loi sur la presse¹, et, ce qu'il est surtout utile de remarquer, c'est que l'empereur prononçait souvent ces paroles mémorables : 'je ne veux pas que ce pouvoir reste à mes successeurs, parce qu'ils pourraient en abuser.' »

Rien de mieux. Seulement, le panégyriste de l'Empire néglige d'ajouter que l'empereur pouvait d'un seul mot faire cesser l'esclavage de la presse. Ce mot, il se garda cependant de le dire, malgré sa haine de l'arbitraire... Et son héritier lui-même l'a-t-il dit ?...

Quoi qu'il en soit, c'est une erreur de croire que l'empereur ait été un despote, et la preuve c'est que l'Empire a été volontairement accepté par les Français, *également* consultés. C'est une autre erreur

¹ « La presse, qu'on prétend libre, est dans l'esclavage le plus absolu ; la police cartonne, supprime, comme elle veut, les ouvrages ; et même ce n'est pas le ministre qui juge, il est obligé de s'en rapporter à ses bureaux. Rien de plus irrégulier, de plus arbitraire que ce régime. » (Paroles de l'Empereur au conseil d'État.)

что имперія была, какъ то часто повторялось, правительствомъ военнымъ; «напротивъ ни одно правительство не было внутри государства такъ мало военнымъ, какъ правительство императора.» Болѣе всего это доказывается тѣмъ, что во время общественныхъ церемоній онъ давалъ гражданскимъ чиновникамъ преимущество передъ военными. Авторъ не отрицаетъ впрочемъ, что Наполеонъ распространялъ во Франціи воинственный духъ, водворяя даже въ лицахъ мундиръ и дисциплину солдата.

«Но развѣ дурно распространять въ народѣ воинственный духъ, зототъ духъ, возбуждающій самыя благородныя страсти: честь, безкорыстіе, любовь къ отечеству, и внушающій правила порядка, точности и подчиненности? Воинственный духъ опасенъ тогда только, когда онъ составляетъ исключительную принадлежность одной касты.»

Надо признаться однако, что онъ вовсе не внушаетъ довѣренности, особенно сосѣдямъ.

Этотъ двойной панегирикъ административной и политической организациі имперіи оканчивается воззваніемъ къ тѣни императора; покорная тѣнь появляется и мощнымъ голосомъ налагаетъ молчаніе на уста порицателей императорской системы.

«Похвала императору заключается въ фактахъ; стоитъ только просмотрѣть *Moniteur*. Слава его подобна солнцу: слѣпецъ только не видитъ солнца. Темные порицатели не измѣняютъ нисколько неотразимаго вліянія великихъ подвиговъ; нѣсколько чернильныхъ капель, пролитыхъ въ море, не въ состояніи измѣнить цвѣта водѣ его. Но такъ какъ существуютъ грубые умы, не понимающіе ничего высокаго, и такъ какъ въ переходныя эпохи духъ партій искажаетъ великія историческія черты, то не бесполезно будетъ напомнить массамъ, которыя питаются столько уваженія къ императору, что благоговѣніе ихъ основано не на обманчивомъ призракѣ бесплодной славы, но на точной оцѣнкѣ дѣйствій, которыхъ цѣлю было общее благо человѣчества.

«И еслибы въ небесной обители, гдѣ почиваетъ теперь его великая душа, Наполеонъ могъ еще обращать вниманіе на волненія и пересуды, сталкивающіеся на землѣ, разгнѣванная тѣнь его имѣла бы полное право отвѣчать своимъ обвинителямъ: «Все, что сдѣлалъ я для внутренняго благосостоянія Франціи, я могъ выполнить только въ краткіе промежутки времени между битвами. Но вы, порицающіе меня, что совершили вы въ проделаніи двадцати четырехъ лѣтъ глубокаго мира?»

«Укротили ли вы безпорядки, соединили ли вы партій передъ алтаремъ отечества? Доставили ли вы государственнымъ властямъ нравственный вѣсъ, обезпеченный за ними закономъ и служащій ручательствомъ ихъ прочности?»

de croire que l'Empire ait été, comme on l'a trop souvent répété, un gouvernement militaire : « jamais au contraire pouvoir ne fut moins militaire à l'intérieur que celui de l'empereur. » Et la preuve c'est qu'il donnait dans les cérémonies publiques la préséance aux employés civils sur les militaires. À la vérité, il propageait l'esprit militaire, en introduisant notamment l'uniforme et la discipline du soldat jusque dans les lycées.

« Mais est-ce un mal de propager dans la nation l'esprit militaire, cet esprit qui éveille les plus nobles passions, l'honneur, le désintéressement, l'amour de la patrie, et qui donne des habitudes d'ordre, de régularité et de soumission ? L'esprit militaire n'est dangereux qu'autant qu'il est l'apanage exclusif d'une caste. »

Avouons cependant qu'il n'est pas bien rassurant non plus, au moins pour le voisinage.

Ce double panégyrique de l'organisation administrative et politique de l'Empire se termine par une évocation à son ombre. L'ombre docile apparaît, et elle réduit au silence par une véhémence apostrophe les détracteurs du régime impérial :

« L'éloge de l'empereur est dans les faits ; il suffit de feuilleter le *Moniteur*. Sa gloire est comme le soleil ; aveugle qui ne la voit pas. Des détracteurs obscurs ne changeront pas l'influence irrécusable d'actes patents ; quelques gouttes d'eau répandues dans la mer ne sauraient altérer la couleur de ses eaux. Cependant, comme il y a des esprits vulgaires qui ne peuvent comprendre ce qui est grand, et que, dans les époques de transition, l'esprit de parti défigure les grands traits historiques, il n'est pas inutile de rappeler aux masses, qui ont tant d'admiration pour l'empereur, que leur vénération n'est pas basée sur l'éclat trompeur d'une vaine gloire, mais sur l'appréciation exacte d'actions qui avaient pour but le bien-être de l'humanité.

Et si dans le séjour céleste où repose maintenant en paix sa grande âme, Napoléon pouvait encore se soucier des agitations et des jugements qui se heurtent ici-bas, son ombre irritée n'aurait-elle pas le droit de répondre à ses accusateurs : 'Tout ce que j'ai fait pour la prospérité intérieure de la France, je n'ai eu pour l'accomplir que l'intervalle des batailles. Mais vous qui me blâmez, qu'avez-vous fait pendant vingt-quatre ans d'une paix profonde ?

Avez-vous apaisé les discordes, réuni les partis autour de l'autel de la patrie ? Avez-vous acquis aux différents pouvoirs de l'État la prépondérance morale que la loi leur concède et qui est un gage de stabilité ?

« . . . Наградили ли вы, подобно мнѣ, всѣ заслуги, уничтожили ли вы лихоимство и ввели ли вы въ администрацію ту строгую и чистую нравственность, которая доставляетъ уваженіе власти? «Вызвали ли вы, подобно мнѣ, къ жизни множество новыхъ отраслей промышленности?

«Открыли ли вы новые рынки для торговли?

«Улучшили ли вы положеніе бѣдныхъ классовъ?

«Возстановили ли вы законъ о разводѣ, ограждавшій семейную нравственность?

«Удержали ли вы духовенство въ предѣлахъ его религіозныхъ обязанностей, вдали отъ политической власти?

«Трехцвѣтное знамя, имя Француза, сохранили ли то обаяніе и то могущество, которыя снискали имъ уваженіе цѣлаго міра?...

«Нѣтъ; отъ моего царствованія вы сохранили только то, что было переходнымъ, временнымъ, и отбросили всѣ выгоды, которыя должны были сгладить его несовершенства. »

VI.

Посвятивъ три главы, оканчивающіяся этою просопопеей, разсмотрѣнію административной и политической организаціи имперіи и благодѣяній, излитыхъ на Францію императорскою системою, авторъ приступаетъ, въ четвертой главѣ, къ разсмотрѣнію внѣшней политики имперіи и исчисляетъ благодѣянія, которыми Европа — увы, столь неблагодарная! — обязана была этой политикѣ.

Прежде всего императоръ занялся упроченіемъ за Франціей военнаго первенства. Въ то время, какъ онъ явился на сценѣ міра, Франція должна была защищаться противъ всей Европы.

«Едва прошло нѣсколько лѣтъ, и Наполеонъ, недавно еще глава государства, находившагося въ войнѣ со всю Европой, соединилъ подѣ трехцвѣтнымъ знаменемъ, чтобъ идти на Москву, Прусаковъ, Ганноверцевъ, Саксонцевъ, Голландцевъ, Вестфальцевъ, Поляковъ, Австрійцевъ, Виртембергцевъ, Баварцевъ, Швейцарцевъ, Ломбардцевъ, Тосканцевъ, Неаполитанцевъ и пр. и пр.

«По этому скопленію народовъ, соединенныхъ подѣ его предводительствомъ, можно судить о превосходствѣ внѣшней политики императора. Если онъ потерпѣлъ неудачу въ Москвѣ, то это не потому, чтобы соображенія его были ошибочны: нужно было, чтобы судьба и стихіи вооружились противъ него. Конечно, опасности такого великаго предпріятія соразмѣрны съ результатами, которыхъ стараются достигнуть. »

Avez-vous, comme moi, récompensé tous les mérites, réprimé la corruption et introduit dans l'administration cette morale sévère et pure qui rend l'autorité respectable ?

Avez-vous comme moi, fait jaillir du sol cent nouvelles industries ?

Avez-vous ouvert de nouveaux débouchés au commerce ?

Avez-vous amélioré le sort des classes pauvres ?

Avez-vous rétabli la loi du divorce qui garantissait la moralité des familles ?

Avez-vous contenu le clergé dans ses attributions religieuses, loin du pouvoir politique ?

Le drapeau tricolore, le nom français ont-ils conservé ce prestige et cette influence qui les faisaient respecter de tout l'univers ?...

Non ; vous avez gardé de mon règne tout ce qui n'était que transition, qu'obligations momentanées et vous avez rejeté tous les avantages qui en palliaient les défauts.' »

VI.

Après avoir consacré les trois chapitres que termine cette propopée, à l'examen de l'organisation administrative et politique de l'Empire et des bienfaits que le système impérial a répandus en France, l'auteur aborde dans le quatrième chapitre l'examen de la politique extérieure de l'Empire, et il énumère les bienfaits dont l'Europe, hélas ! si ingrate, a été redevable à cette politique.

L'empereur s'occupa d'abord d'assurer la prépondérance militaire de la France. Lorsqu'il parut sur la scène du monde, la France était obligée de se défendre contre toute l'Europe.

« Quelques années se sont à peine écoulées que Napoléon naguère chef d'un État qui était en guerre avec toute l'Europe, réuni sous le drapeau tricolore, pour marcher sur Moscou, des Prussiens, des Hanovriens, des Hollandais, des Saxons, des Westphaliens, des Polonais, des Autrichiens, des Wurtembourgeois, des Bavaois, des Suisses, des Lombards, des Toscans, des Napolitains, etc., etc.

C'est par l'agglomération de tous ces peuples réunis sous ses ordres qu'on peut juger de l'habileté de la politique de l'empereur. S'il n'a pas réussi à Moscou, ce n'est pas que ses combinaisons aient été mal prises : il a fallu que la fatalité et les éléments se liguassent contre lui. C'est que les risques mêmes dans une aussi grande entreprise sont en proportion des résultats qu'on veut obtenir. »

Но каковы были бы эти результаты? Какую цѣль преслѣдовалъ Наполеонъ, внося войну даже въ самыя отдаленныя страны Европы?

«Какъ только Наполеонъ принялъ власть въ свои руки, то безъ сомнѣнія ему представилась общая цѣль, къ достиженію которой онъ долженъ былъ стремиться; но, смотря по ходу событій, намѣренія его измѣнялись, цѣль его становилась величественнѣе, или скромнѣе. «Я не имѣлъ безумной мысли, говоритъ онъ, уламывать событія въ раму моей системы; напротивъ того, Я измѣнялъ мою систему, соображаясь съ связью событій.»

«Обезпечить независимость Франціи, утвердить прочный европейскій миръ, — вотъ цѣль, къ которой онъ приближался, несмотря на компликацію событій и непрерывное столкновеніе противоположныхъ интересовъ. Чѣмъ болѣе разоблачатся дипломатическія тайны, тѣмъ очевиднѣе будетъ истина, что Наполеонъ увлекаемъ былъ силой вещей къ устройству колоссальной державы, которую создала война, и которую война же потомъ разрушила. Онъ не былъ зачинщикомъ; напротивъ того, онъ долженъ былъ непрерывно отражать европейскія коалиціи. Если же онъ и принужденъ былъ иногда предупреждать замыслы своихъ враговъ, то потому только, что инициатива составляетъ гарантію успѣха. «Впрочемъ, какъ говоритъ Минье, настоящій виновникъ войны не тотъ, кто ее объявляетъ, но тотъ, кто дѣлаетъ ее необходимою.»

«Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ этой великой драмы, которая началась при Арколѣ и окончилась подъ Ватерло, и мы увидимъ, что Наполеонъ является однимъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ существъ, которыя создаетъ Провидѣніе какъ величавыя орудія своихъ непроницаемыхъ судебъ, и которыхъ призваніе до такой степени предначертано заранѣе, что какъ будто какая-нибудь невидимая сила побуждаетъ ихъ къ совершенію назначеннаго.»

Затѣмъ слѣдуетъ поэтическое изображеніе императорскихъ войнъ, предпринятыхъ единственно съ цѣлю утвердить миръ на прочномъ основаніи. По мнѣнію автора, этотъ періодъ борьбы могъ окончиться въ Тильзитѣ.

«Будущность прочнаго мира проглянула въ Тильзитѣ: два могущественнѣйшіе монарха въ свѣтѣ, представители 80 милліоновъ людей и цивилизаціи Запада и Востока, встрѣчаются на рѣкѣ, служащей гранью ихъ великихъ интересовъ. Свиданіе Александра и Наполеона на Нѣманѣ было какъ бы соединеніемъ двухъ вольтовыхъ полюсовъ, которые, по различію своихъ свойствъ, встрѣчаясь, производятъ электрической свѣтъ. И какъ въ самомъ дѣлѣ не повѣрять будущему, блистающему счастіемъ,

Mais quels étaient ces résultats ? Quel but poursuivait Napoléon en portant la guerre jusque dans les parties les plus reculées de l'Europe ?

« Dès que Napoléon eût la puissance en main, il dut évidemment avoir un but général à atteindre ; mais, suivant la marche des événements, ses vues se sont modifiées, son but s'est agrandi ou rétréci. 'Je n'avais pas la folie, disait-il, de vouloir tordre les événements à mon système ; mais au contraire je pliais mon système sur la texture des événements.'

Assurer l'indépendance de la France, établir une paix européenne solide, tel est le but auquel il fut si près de parvenir, malgré la complication des événements et le conflit continuel d'intérêts opposés. Plus les secrets diplomatiques se dévoileront, plus on se convaincra de cette vérité, que Napoléon fut conduit pas à pas, par la force des choses, à cette puissance gigantesque qui fut créée par la guerre, et que la guerre détruisit. Il ne fut pas agresseur ; au contraire, il fut sans cesse obligé de repousser les coalitions de l'Europe. Si parfois il a l'air de devancer les projets de ses ennemis, c'est que dans l'initiative est la garantie du succès. Et d'ailleurs, comme l'a dit Mignet, le véritable auteur de la guerre n'est pas celui qui la déclare, mais celui qui la rend nécessaire.

Parcourons rapidement ce grand drame qui a commencé à Arcole et qui a fini à Waterloo ; et nous verrons que Napoléon apparaît comme un de ces êtres extraordinaires que crée la providence pour être l'instrument majestueux de ses impénétrables desseins, et dont la mission est tellement tracée d'avance, qu'une force invincible semble les obliger de l'accomplir. »

Suit un tableau poétique des guerres impériales, guerres entreprises uniquement en vue d'asseoir la paix sur une base durable. Cette période de luttes pouvait, remarque-t-il, se clore à Tilsitt.

« Un avenir de paix se fait entrevoir à Tilsitt. Les deux plus puissants monarques du monde représentant 80 millions d'hommes et la civilisation de l'Occident et de l'Orient, se rencontrent sur un fleuve qui sépare de bien grands intérêts. L'entrevue d'Alexandre et de Napoléon sur le Niémen fut comme l'union des deux pôles voltaïques, qui, par la différence de leur nature, produisent la lumière électrique en se rencontrant. Comment ne pas croire, en effet, à un

когда два великіе монарха соглашаются поддержать спокойствіе вселенной ?

«Нѣсколько времени спустя, въ 1808 году, Наполеонъ находился въ Эрфуртѣ, посреди конгресса государей, покоренныхъ или убѣжденныхъ; но Англія не покорялась, ни убѣждалась; у нея были Флоты, покрывавшіе всѣ берега, и золото, сильно наклоняющее вѣсы трактатовъ.» Итакъ война продолжается, но

« Намѣренія императора расширились соразмѣрно съ поприщемъ его подвиговъ; событія дали ему даже возможность задумать возрожденіе Европы. Главнымъ затрудненіемъ для Наполеона было не побѣдить, но распорядиться своими завоеваніями. Какъ властитель Франціи, онъ долженъ былъ употребить ихъ на пользу Французовъ; какъ великій человекъ, онъ имѣлъ въ виду пользу всей Европы, то-есть нужно было, чтобы результаты его завоеваній удовлетворили временному интересу войны, доставляя ему въ то же время средства къ водворенію системы всеобщаго мира. Провинціи, которыя онъ включилъ въ составъ Франціи, были только средствами обмѣна, которыя онъ хранилъ въ запасѣ до окончательнаго замиренія.»

Вотъ почему онъ посадилъ на время братьевъ своихъ на престолы покоренныхъ имъ государствъ, имѣя въ виду окончательное преобразование Европы въ будущемъ.

«И въ самомъ дѣлѣ только одни они могли, оставаясь королями, подчиняться его волѣ и быть въ готовности, согласно съ декретами его политики, оставить тронъ, чтобы снова сдѣлаться Французскими принцами; они соединяли наружную независимость королевской власти съ семейною зависимою. Вотъ почему императоръ измѣнялъ, смотря по обстоятельствамъ, правительство Голландіи, Неаполя, Ломбардіи, Испаніи и великаго герцогства Бергскаго.

« . . . Такимъ образомъ императоръ согласовалъ по возможности временные интересы, переходныя потребности съ великою цѣлію реформированія Европы, основаннаго на всеобщемъ интересѣ. Но судьба повидимому всегда влекла его къ новымъ войнамъ; и какъ будто недостаточно было Наполеону освободить отъ вѣковыхъ путей Италію, Швейцарію, Германію, нужно было еще, чтобы онъ велъ войска свои подъ знойное небо Андалузіи и по снѣжнымъ равнинамъ Россіи, и чтобы арміи его, подобно легіонамъ Цезаря, даже умирая, оставляли слѣды своего шествія въ зачаткахъ новой цивилизаціи. Въ 1812 году борьба закипѣла съ ужасною силой. Для установленія и упроченія общаго мира, необходимо было, чтобы Англія на западѣ и Россія на востокѣ убѣждены были силой разума или укрошены побѣдой. Великіе планы императора готовы были исполниться; западная Европа

avenir brillant de prospérité, lorsque ces deux grands monarques sont d'accord pour le repos du monde ?

Un peu plus tard, en 1808, Napoléon, continue l'auteur, se trouve à Erfurt, au milieu d'un congrès de rois maîtrisés ou convaincus ; mais l'Angleterre n'est ni maîtrisée ni convaincue ; elle a des flottes qui couvrent toutes les côtes et de l'or qui fait pencher la balance des traités. » La guerre continue donc. Mais :

« Les vues de l'empereur se sont agrandies en proportion du terrain de ses exploits ; les événements l'ont mis à même de vouloir la régénération de l'Europe. La plus grande difficulté pour Napoléon n'a pas été de vaincre, mais de disposer de ses conquêtes. Comme souverain de la France, il doit en user dans un intérêt français ; comme grand homme, dans un intérêt européen. C'est-à-dire qu'il faut que l'emploi de ses conquêtes satisfasse l'intérêt momentané de la guerre, tout en lui fournissant les moyens de fonder un système de paix générale. Les provinces qu'il incorpore à la France ne sont donc qu'autant de moyens d'échange, qu'il tient en réserve jusqu'à une pacification définitive. »

C'est pourquoi il plaça provisoirement ses frères sur les trônes des États qu'il avait conquis, en pensant à la transformation finale de l'Europe à venir.

« Eux seuls, en effet, pouvaient, quoique rois, être soumis à sa volonté, et se résoudre, suivant les décrets de sa politique, à quitter un trône pour redevenir princes français ; ils alliaient l'indépendance apparente de la royauté avec la dépendance de famille. Aussi a-t-on vu l'Empereur changer, suivant les événements, les gouvernements de la Hollande, de Naples, de la Lombardie, de l'Espagne et du grand-duché de Berg.

... L'empereur concilia donc autant que cela fut possible les intérêts momentanés, les exigences transitoires avec son grand but du remaniement de l'Europe basé sur les intérêts de tous. Mais le sort sembla toujours l'obliger à de nouvelles guerres ; et comme s'il ne suffisait pas que Napoléon eut affranchi des entraves des siècles passés, l'Italie, la Suisse, l'Allemagne, il faut encore qu'il conduise ses armées sous le ciel brûlant de l'Andalousie, et dans les neiges de la Russie, et que semblable à celles de César, ses légions, même en mourant, laissent, comme traces de leur passage, les germes d'une nouvelle civilisation. En 1812, la lutte redevient plus terrible. Pour que la paix universelle puisse s'établir et se consolider, il faut que l'Angleterre à l'Occident, et la Russie à l'Est soient persuadées par la raison ou domptées par la victoire. Les grands desseins de l'empereur vont s'accomplir ; l'occident de l'Europe marche sur Moscou.

шла на Москву; но увы! одна зима все измѣнила!.. Наполеоновская Европа не могла уже существовать. По громадности бѣдствій, пусть судять объ исполнскомъ результатѣ успѣха...»

Какимъ образомъ императоръ, несмотря на все желаніе свое водворить миръ, былъ вовлекаемъ безпрерывно въ новыя войны? Кто виноватъ въ этомъ? Англія.

«Всѣ войны наши, говоритъ авторъ, нанесла намъ Англія; императоръ дѣйствовалъ противъ нея только въ видахъ возмездія. Если же упорная борьба длилась такъ долго, то это потому, безъ сомнѣнія, что оба народа мало знали другъ друга, и что каждое изъ двухъ правительствъ обманывалось насчетъ положенія своего сосѣда. Можетъ-быть, Англія видѣла въ Наполеонѣ только деспота, угнетающаго свою страну и истощающаго всѣ средства для удовлетворенія своего воинственного честолюбія; она не умѣла уразумѣть, что императоръ былъ избранникомъ народа и представителемъ всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, за которые сражалась Франція съ 1789 года. Можно также предположить, что Французское правительство, смѣшивая просвѣщенную аристократію Англіи съ Феодальною аристократіей, тяготѣвшею надъ Франціей до революціи, воображало, что имѣть дѣло съ правительствомъ тиранническимъ. Но англійская аристократія — баснословный Бриарей: она держится въ народѣ сотнею тысячъ корней; она получила отъ него столько же пожертвованій, сколько получилъ ихъ Наполеонъ отъ Французскаго народа.»

Стало-быть Англія побуждала императора предпринимать безпрерывно новыя войны. Впрочемъ много горевать объ этомъ нечего, потому что войны эти были плодотворны. Война, направляемая Наполеономъ, сдѣлалась превосходнымъ рычагомъ цивилизацій. И авторъ съ наслажденіемъ исчисляетъ благодѣянія, которыми императорскія арміи осыпали различные народы Европы. Въ Италіи они разрушили множество мелкихъ республикъ, которыя, по словамъ Монтескье, «обязаны были своимъ существованіемъ только постоянству своихъ злоупотребленій». Наполеонъ замѣнилъ эти мелкія государства, полныя злоупотребленій, тремя великими отдѣлами: королевствомъ Италіанскимъ, королевствомъ Неаполитанскимъ и Французскими провинціями, доставивъ имъ благодѣянія правленія, выкроеннаго по мѣркѣ того, которымъ управлялась великая нація. И вовсе не честолюбіе заставило его присоединить къ Франціи значительную часть Италіи; ибо присоединеніе это было только временное. Оно окончилось бы тотчасъ же, какъ скоро эти провинціи были бы приспособлены къ новой системѣ, имъ основанной. Ихъ временное

Mais, hélas ! un hiver a tout changé !... L'Europe napoléonienne ne peut plus exister. Qu'à la grandeur des revers on juge du résultat gigantesque du succès !... »

Comment l'empereur, malgré son désir de fonder la paix sur une base durable fut-il entraîné sans cesse à de nouvelles guerres ? À qui la faute ? À l'Angleterre.

« Toutes nos guerres, dit-il, sont venues d'Angleterre. Cependant l'empereur ne voulait pas la ruine de l'Angleterre ; il n'agissait contre elle que par représailles. Si donc une lutte aussi acharnée s'est perpétuée longtemps, c'est sans doute parce que les deux peuples se connaissaient trop peu, et que chaque gouvernement s'abusait réciproquement sur l'état de son voisin. L'Angleterre ne voyait peut-être dans Napoléon qu'un despote qui opprime son pays et qui épuise toutes ses ressources pour satisfaire son ambition guerrière ; elle ne savait pas reconnaître que l'empereur était l'élu du peuple, dont il représentait tous les intérêts matériels et moraux, pour lesquels la France avait combattu depuis 1789. On pourrait de même avancer que le gouvernement français, confondant l'aristocratie éclairée de l'Angleterre avec l'aristocratie féodale qui pesait sur la France avant la Révolution, croyait avoir affaire à un gouvernement oppresseur. Mais l'aristocratie anglaise est comme le Briarée de la fable : elle tient au peuple par cent mille racines ; elle a obtenu de lui autant de sacrifices que Napoléon a obtenu d'efforts de la nation française. »

C'est donc l'Angleterre qui a obligé l'empereur à entreprendre incessamment de nouvelles guerres. Cependant il ne faut pas trop s'en affliger, car ces guerres ont été fécondes. Dirigée par Napoléon, la guerre devenait un admirable véhicule de civilisation. Et l'auteur énumère avec complaisance les bienfaits dont les différents peuples de l'Europe ont été redevables aux armées impériales. En Italie c'est la destruction d'une foule de petites républiques « qui ne devaient, comme le dit Montesquieu, leur existence qu'à la perpétuité de leurs abus ». Napoléon remplace ces petits États fourmillant d'abus par trois grandes divisions : le royaume d'Italie, le royaume de Naples et les provinces françaises, en leur procurant les bienfaits d'un régime taillé sur le patron de celui qui régissait la grande nation. Ce n'était point l'ambition qui l'avait poussé à annexer à la France une bonne partie de l'Italie. Car cette annexion n'était que provisoire. Elle aurait cessé dès que les provinces annexées eussent été façonnées un

присоединеніе къ Франціи было не что иное, какъ родъ *политическаго отнятія ребенка отъ груди*.

«Наполеонъ присоединилъ къ великой имперіи Пиемонтъ, также Римъ и Флоренцію, съ цѣлю приучить народы ихъ къ правительству, дѣлающему людей воинами и гражданами. Лишь бы только окончилась война, онъ возвратилъ бы Италіи эти провинціи, и освѣженные его властію, онѣ почли бы за счастье перейти изъ-подъ Французскаго владычества подъ національное управленіе, тогда какъ, еслибы это пересозданіе произошло послѣшнѣе, то народы, не приготовленные, содѣйствіемъ Франціи, къ общей національности, сожалѣли бы, конечно, о своихъ старинныхъ политическихъ индивидуальностяхъ.»

Въ Швейцаріи, актомъ посредничества, Наполеонъ умиротворяетъ кантоны. Въ Германіи онъ соединяетъ въ одно цѣлое владѣнія множества мелкихъ князей, онъ заставляетъ дать конституцію Баваріи и вводитъ въ Саксоніи свободу исповѣданія. Въ Польшѣ онъ утверждаетъ гражданскій кодексъ и воздвигаетъ въ Варшавѣ «трибуну посреди безмолвной атмосферы сосѣднихъ государствъ». Для Испаніи онъ приготовилъ проектъ конституціи, уничтожавшей всѣ старинныя злоупотребленія. Къ несчастію, Испанія была такъ не дальновидна, что не захотѣла принять возрожденіе, которое предлагали ей съ штыками въ рукахъ вооруженные провозвѣстники революціи, «и оттолкнула единственную руку, которая могла бы спасти ее».

«Если война, говоритъ авторъ въ заключеніе, есть бичъ человѣчества, то этотъ бичъ утрачиваетъ большую часть своего вреднаго вліянія, когда сила оружія имѣетъ цѣлю не разрушеніе, а сооруженіе. Войны имперіи похожи были на разлитіе Нила: когда воды этой рѣки затопляютъ поля Египта, то можно подумать, что онѣ несутъ за собою разрушеніе, но едва войдутъ онѣ въ русло свое, какъ изобиліе и плодородіе возникаютъ на мѣстѣ, ими увлажненномъ.»

Эта цитата напоминаетъ прекрасный памфлетъ Фредерика Бастіа, подъ заглавіемъ: *Ce qu'on voit et ce qu'on ne voit pas* (что люди видятъ, и чего не видятъ). Въ самомъ дѣлѣ, авторъ *Наполеоновскихъ идей* видитъ улучшения, которыя введены побѣдами и завоеваніями революціонной и императорской арміи въ нѣкоторыя отсталыя европейскія государства. Но онъ *не видитъ*, чего стоили эти побѣды и завоеванія; онъ *не видитъ*, что въ сравненіи съ огромнымъ капиталомъ, растроченнымъ для достиженія этихъ улучшеній посредствомъ войны, они ничтожны; онъ *не видитъ* также, что еслибы возможно было избавить міръ отъ войнъ революціи и имперіи, то улучшения гораздо болѣе важныя могли бы совершиться въ это время, и что они совер-

nouveau régime dont il était le fondateur. Leur réunion temporaire à la France n'était qu'une espèce de *sevrage politique*.

« Napoléon avait réuni au grand empire le Piémont, ainsi que Rome et Florence, dans le but d'habituer ces peuples à un gouvernement qui fit les hommes citoyens et soldats. Une fois les guerres finies, il les aurait rendus à la mère-patrie ; et ces provinces, re-trempées par son autorité, se fussent trouvées heureuses de passer de la domination française sous un gouvernement italien ; tandis que si cette grande réorganisation eût été plus hâtive, ces peuples, que l'action française n'aurait point préparée à une nationalité commune, auraient sans doute regretté leurs anciennes individualités politiques. »

En Suisse, il pacifie les cantons par l'acte de médiation. En Allemagne, il médiatise une foule de petits princes, il fait donner une constitution à la Bavière, et il introduit la liberté de conscience en Saxe. Il introduit le code civil en Pologne et élève à Varsovie « une tribune au milieu de l'atmosphère silencieuse des gouvernements voisins ». Pour l'Espagne, il avait préparé un projet de constitution qui détruirait tous les vieux abus. Malheureusement l'Espagne eut le tort de ne point vouloir de la régénération que lui offraient à la pointe des baïonnettes les apôtres armés de la révolution et « elle repoussa la seule main qui pouvait la sauver ».

« Si la guerre, conclut-il, est le fléau de l'humanité, ce fléau perd une grande partie de sa malheureuse influence quand la force des armes est appelée à fonder au lieu de détruire. Les guerres de l'Empire ont été comme le débordement du Nil ; lorsque les eaux de ce fleuve couvrent les campagnes de l'Égypte, on pourrait croire à la dévastation ; mais à peine se sont-elles retirées, que l'abondance et la fertilité naissent sur leur passage. »

Ce morceau ne fait-il pas souvenir du charmant pamphlet économique de Fréd. Bastiat, intitulé : *Ce qu'on voit et ce qu'on ne voit pas*. L'auteur des *Idées napoléoniennes* voit, en effet, les améliorations que les victoires et conquêtes de la France révolutionnaire et impériale ont introduites dans quelques pays arriérés de l'Europe. Mais *il ne voit pas* ce que ces victoires et conquêtes ont coûté ; *il ne voit pas* qu'en comparaison du capital énorme dépensé pour les obtenir, au moyen de la guerre, ces améliorations sont insignifiantes ; *il ne voit pas* non plus que si les guerres de la Révolution et de l'Empire avaient pu être épargnées au monde, des améliorations bien autrement importantes auraient certainement été réalisées dans la même période, et qu'elles

шились бы *даромъ*. Онъ *не видитъ*, что уже болѣе столѣтія Европа выработывала себѣ политическій и экономическій прогрессъ, что волненія и перевороты, порожденные революціей и военною диктатурой, окончившею ее подъ названіемъ имперіи, должны были не содѣйствовать успѣху, а напротивъ задерживать его. Подобно всѣмъ сеидамъ одной какой-либо системы, онъ *видитъ* то, что служить подтвержденіемъ этой системы: онъ *не видитъ* того, что ведетъ къ порицанію ея.

Три послѣднія главы посвящены цѣли, къ которой стремился императоръ, причинамъ его паденія и заключенію.

Цѣль его намъ уже извѣстна: онъ старался учредить и упрочить во Франціи обширную правительственную опеку, которая обняла бы всѣ сферы человѣческой дѣятельности и повела бы Францію къ свободѣ посредствомъ рабства. Въ Европѣ же цѣлью его было устройство постояннаго мира, — вѣдь Наполеонъ былъ не что иное, какъ непризнанный послѣдователь добрѣйшаго аббата де С.-Пьерра, — но посредствомъ войны. Побѣждая всѣхъ враговъ своихъ, наполеоновская Франція образовала бы, по своему образцу, различныя европейскія государства, и составивъ изъ нихъ обширную конфедерацію, стала бы во главѣ ея.

«Быстро схватывая направленіе цивилизаціи, императоръ ускорялъ ея шестію немедленнымъ выполненіемъ того, что заключалось въ отдаленныхъ предначертаніяхъ Провидѣнія. Геній его заставлялъ предугадывать, что соперничество, раздѣляющее различныя націи Европы, исчезнетъ передъ всеобщимъ, хорошо понятымъ интересомъ.

«Чѣмъ болѣе совершенствуется міръ, чѣмъ болѣе расширяются преграды, раздѣляющія людей, тѣмъ болѣе встрѣчается государствъ, влекомыхъ къ одними и тѣми же инстинктами къ соединенію.

«Во время младенчества обществъ, существовали только личныя отношенія одного человѣка къ другому; потомъ общій интересъ соединилъ небольшое число отдѣльныхъ личностей, отказавшихся отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ естественныхъ правъ, для того чтобъ общество обезпечило имъ пользование всѣми прочими правами. Тогда образовалось колѣно или племя или ассоціація людей, гдѣ исчезло естественное состояніе, и гдѣ законъ замѣнилъ право сильного. Чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлала цивилизація, тѣмъ въ большихъ размѣрахъ совершалось такое преобразованіе. Сначала бились между дверями жилищъ, между холмами; потомъ духъ завоеваній и духъ защиты составили города, области, государства, а такъ какъ общая опасность соединила большую часть этихъ участковъ земли, то и составились націи. Тогда національный интересъ поглотилъ всѣ интересы

l'auraient été *sans frais*. *Il ne voit pas* que l'Europe était depuis plus d'un siècle en travail du progrès politique et économique, et que, bien loin d'accélérer ce progrès, les immenses perturbations et les réactions engendrées par la Révolution et la dictature militaire qui l'a terminée sous le nom d'Empire, ont dû contribuer, au contraire, à le retarder. Comme tous les séides d'un système, il *voit* ce qui vient à l'appui de ce système, *il ne voit pas* ce qui le détruit.

Les trois derniers chapitres sont consacrés au but où tendait l'empereur, aux causes de sa chute et à la conclusion.

Son but, nous le connaissons maintenant, c'était d'établir et de consolider en France une immense tutelle gouvernementale embrassant toute la sphère de l'activité humaine, et conduisant la France à la liberté par le chemin de la servitude. En Europe, son but encore, c'était l'établissement d'une paix perpétuelle — car Napoléon n'a été autre chose qu'un héritier méconnu du bon abbé de Saint-Pierre — par le moyen de la guerre. Victorieuse de tous ses ennemis, la France napoléonienne aurait constitué sur son modèle les différents États de l'Europe, en les appelant à former une vaste confédération dont elle aurait été la tête.

« Prompt à saisir la tendance de la civilisation, l'empereur en accélérât la marche, en exécutant sur-le-champ ce qui n'était renfermé que dans les lointains décrets de la Providence. Son génie lui faisait prévoir que la rivalité qui divise les différentes nations de l'Europe disparaîtrait devant un intérêt général bien entendu.

Plus le monde se perfectionne, plus les barrières qui divisent les hommes s'élargissent, plus il y a de pays que les mêmes intérêts tendent à réunir.

Dans l'enfance des sociétés, l'état de nature existait d'homme à homme ; puis un intérêt commun réunit un petit nombre d'individus, qui renoncèrent à quelques-uns de leurs droits naturels, afin que la société leur garantît l'entière jouissance de tous les autres. Alors se forma la tribu ou la peuplade, association d'hommes où l'état de nature disparut, et où la loi remplaça le droit du plus fort. Plus la civilisation a fait de progrès, plus cette transformation s'est opérée sur une grande échelle. On se battait d'abord de porte à porte, de colline à colline ; puis l'esprit de conquête et l'esprit de défense ont formé des villes, des provinces, des États ; et un danger commun ayant réuni une grande partie de ces fractions territoriales, les nations se formèrent. Alors l'intérêt national embrassant tous les

мѣстные и областные: война стала происходить только между народами, и каждый народъ поочередно совершалъ побѣдное шествіе по территории своего сосѣда, когда во главѣ его находился великій человѣкъ, и когда передъ нимъ было великое дѣло. Община, городъ, область увеличивали одна вслѣдъ за другой свою общественную сферу и расширяли предѣлы круга, въ которомъ пребываетъ естественный бытъ. Это преобразование остановилось на границѣ каждаго государства; и все-таки сила, а не право рѣшаетъ судьбу народовъ.

«Замѣнить между европейскими націями естественное состояніе состояніемъ общественнымъ, — такова была мысль императора; всѣ его политическія комбинаціи направлены были къ этому великому результату; но для достиженія его необходимо было побудить Англію и Россію къ искреннему содѣйствію его планамъ.

«Пока будутъ биться въ Европѣ, сказалъ Наполеонъ, война будетъ всегда междуусобная.

«Священный союзъ — идея, которую похитили у меня»: эти слова императора означаютъ священный союзъ народовъ посредствомъ государей, а не союзъ государей противъ народовъ: вотъ въ чемъ огромная разница между его идеей и способомъ, которымъ привели ее въ исполненіе. Наполеонъ перемѣстилъ государей сообразно съ временными интересами народовъ; въ 1815 году народы перемѣщены были сообразно съ частными интересами государей. Государственные люди этой эпохи, руководствуясь только духомъ вражды и страстями, основали европейское равновѣсіе на соперничествѣ великихъ державъ, вмѣсто того чтобъ утвердить его на общихъ интересахъ; оттого и система ихъ рушилась со всѣхъ сторонъ.

«Напротивъ того, политика императора заключалась въ устройствѣ прочной европейской ассоціаціи, потому что система его опиралась на настоящія національности и на удовлетвореніе общихъ интересовъ. Еслибы счастье не измѣнило ему, онъ имѣлъ бы въ рукахъ своихъ всѣ средства устроить судьбу Европы; онъ оставилъ въ запасъ цѣлыя государства, которыми онъ могъ распорядиться для достиженія своей цѣли. Голландцы, Римляне, Піемонтцы, жители Бремена и Гамбурга, всѣ вы, съ изумленіемъ увидѣвшіе себя Французами, возвратитесь въ атмосферу національности, приличной вашему прошедшему и вашему положенію, а Франція, уступая права, данныя ей надъ вами побѣдой, будетъ все-таки дѣйствовать въ собственномъ интересѣ; потому что интересъ ея не можетъ отдѣлиться отъ интереса народовъ образованныхъ. Для скрѣпленія европейской ассоціаціи, императоръ, по его собственнымъ словамъ, заставилъ бы принять европейскій

intérêts locaux et provinciaux, on ne se battit plus que de peuple à peuple ; et chaque peuple à son tour s'est promené triomphant sur le territoire de son voisin, lorsqu'il a eu un grand homme à sa tête et une grande cause derrière lui. La commune, la ville, la province, ont donc, l'une après l'autre, agrandi leur sphère sociale, et reculé les limites du cercle au-delà duquel existe l'état de nature. Cette transformation s'est arrêtée à la frontière de chaque pays ; et c'est encore la force et non le droit qui décide du sort des peuples.

Remplacer entre les nations de l'Europe l'état de nature par l'état social, telle était donc la pensée de l'empereur ; toutes ses combinaisons politiques tendaient à cet immense résultat ; mais pour y arriver, il fallait amener l'Angleterre et la Russie à seconder franchement ses vues.

Tant que l'on se battra en Europe, a dit Napoléon, cela sera une guerre civile.

'La Sainte-Alliance est une idée qu'on m'a volée', c'est-à-dire la Sainte-Alliance des peuples par les rois et non celle des rois contre les peuples : là est l'immense différence entre son idée et la manière dont on l'a réalisée. Napoléon avait déplacé les souverains dans l'intérêt momentané des peuples ; en 1815, on déplaça les peuples dans l'intérêt particulier des souverains. Les hommes d'État de cette époque, ne consultant que des rancunes ou des passions, basèrent un équilibre européen sur les rivalités des grandes puissances, au lieu de l'asseoir sur des intérêts généraux ; aussi leur système s'est-il écroulé de toutes parts.

La politique de l'empereur, au contraire, consistait à fonder une association européenne solide, en faisant reposer son système sur des nationalités complètes et sur des intérêts généraux satisfaits. Si la fortune ne l'eût pas abandonné, il aurait eu dans ses mains tous les moyens de constituer l'Europe ; il avait gardé en réserve des pays entiers dont il pourrait disposer pour atteindre son but. Hollandais, Romains, Piémontais, habitants de Brême et de Hambourg, vous tous qui avez été étonnés de vous trouver Français, vous rentrerez dans l'atmosphère de nationalité qui convient à vos antécédents et à votre position ; et la France, en cédant les droits que la victoire lui avait donnés sur vous, agira encore dans son propre intérêt ; car son intérêt ne peut se séparer de celui des peuples civilisés. Pour cimenter l'association européenne, l'empereur, suivant ses propres paroles, eût fait adopter un code européen, une cour de cassation

кодексъ, европейскій кассационный судъ, который исправлялъ бы ошибки народовъ, подобно тому какъ кассационный судъ во Франціи исправляеть ошибки ея судилищъ. Онъ создалъ бы европейскій институтъ для оживленія, направленія и распредѣленія всѣхъ европейскихъ ученыхъ обществъ. Однообразіе монеты, вѣсовъ, мѣръ, однообразіе законодательства водворились бы съ помощію его мощнаго посредничества.

«Послѣднее великое преобразование совершилось бы для нашего материка. Какъ въ началѣ интересы общинные стали выше интересовъ индивидуальныхъ, потомъ городскіе выше общинныхъ, областные выше городскихъ, наконецъ національные выше областныхъ; точно такъ же европейскіе интересы возвысились бы надъ интересами національными, и челоѵчество было бы удовлетворено; потому что Провидѣніе не могло опредѣлить, чтобъ одна нація была счастлива только на счетъ другихъ, и чтобы въ Европѣ были только побѣдители и побѣжденные, а не мирные члены одной великой семьи.

«По основаніи наполеоновской Европы, императоръ приступилъ бы во Франціи къ мирнымъ учрежденіямъ. Онъ упрочилъ бы свободу: ему стоило только растянуть созданныя имъ запасныя нити.

« . . . Впечатлѣніе райскаго сновидѣнія производить на душу картина счастья и прочности, которую представила бы Европа, когда совершились бы обширныя предположенія императора. Каждое государство, огражденное вѣстественными границами, соединенное съ сосѣдями узами интереса и дружбы, пользовалось бы всѣми благами независимости, мира и свободы. Государи, чуждые страха и подозрѣній, занимались бы только улучшеніемъ участи своихъ народовъ и распространеніемъ между ними всѣхъ выгодъ цивилизаціи.»

Однимъ словомъ, императоръ, какъ по крайней мѣрѣ представляетъ его намъ восторженный панегиристъ, имѣлъ одну только цѣль — счастье Франціи и цѣлаго міра, и достигалъ ее осуществленіемъ возраждающей революціонной идеи. Утвердить на обширномъ и незыблемомъ основаніи миръ и свободу — таково было великое призваніе, которому онъ посвятилъ Всю жизнь свою. Призваніе это Французы понимали вполне и переносили охотно рабство и войну, потому что они знали, что конечная цѣль, къ которой вель ихъ «мужъ революцій», заключалась въ мирѣ и свободѣ. Къ несчастію, прочіе народы не были такъ развиты, какъ Французы.

«Утомленные временными, бѣдствіями войны, чужеземные народы забыли благодѣянія, которыя приносилъ имъ Наполеонъ, и, во избѣжаніе этихъ бѣдствій, отвергли будущность вѣчной

européenne, redressant pour tous les erreurs, comme la cour de cassation en France redresse les erreurs de ses tribunaux. Il eût fondé un Institut européen pour animer, diriger et coordonner toutes les associations savantes en Europe. L'uniformité des monnaies, des poids, des mesures, l'uniformité de la législation, eussent été obtenues par sa puissante intervention.

La dernière grande transformation eut donc été accomplie pour notre continent. Et de même que dans le principe les intérêts communaux s'étaient élevés au-dessus des intérêts individuels ; puis les intérêts de cité au-dessus des intérêts de commune, les intérêts de province au-dessus des intérêts de cité ; enfin, les intérêts de nation au-dessus des intérêts de province ; de même aussi, les intérêts européens auraient dominé les intérêts nationaux ; et l'humanité eût été satisfaite ; car la Providence n'a pu vouloir qu'une nation ne fût heureuse qu'aux dépens des autres, et qu'il n'y eût en Europe que des vainqueurs et des vaincus et non des membres réconciliés d'une même et grande famille.

L'Europe napoléonienne fondée, l'empereur eût procédé en France aux établissements de la paix. Il eût consolidé la liberté ; il n'avait qu'à détendre les fils du réseau qu'il avait formé.

... C'est avec l'impression que laisse un rêve enivrant qu'on s'arrête sur le tableau de bonheur et de stabilité qu'eût présenté l'Europe si les vastes projets de l'empereur eussent été accomplis. Chaque pays, circonscrit dans ses limites naturelles, uni à son voisin par des rapports d'intérêt et d'amitié, aurait joui à l'intérieur des bienfaits de l'indépendance, de la paix et de la liberté. Les souverains, exempts de crainte et de soupçon, ne se seraient appliqués qu'à améliorer le sort de leurs peuples et à faire pénétrer chez eux tous les avantages de la civilisation. »

Bref, l'empereur, tel du moins que se le représente son panégyriste enthousiaste, l'empereur n'avait d'autre but que de faire le bonheur de la France et du monde, en réalisant la pensée de la Révolution. Asseoir sur une base immense et inébranlable la liberté et la paix, telle était la grande mission à laquelle il avait voué sa vie. Cette mission les Français la comprenaient bien, et ils supportaient volontiers la servitude et la guerre, parce qu'ils savaient que le but final où les conduisait le génie de « l'homme de la Révolution », c'était la liberté et la paix. Malheureusement, les autres peuples n'étaient pas aussi avancés que les Français.

« Impatients des maux momentanés de la guerre, les peuples étrangers oublièrent les bienfaits que Napoléon leur apportait et pour un mal passager ils repoussèrent tout un avenir d'indépendance.

независимости. Даже величайшій геній новѣйшихъ временъ не въ состояніи былъ въ странахъ чуждыхъ уничтожить всѣ преду-бѣжденія, успокоить всѣ умы.»

Итакъ единственная вина Наполеона заключалась въ томъ, что, увлекаемый событіями, онъ задумалъ слишкомъ рано присутупить къ своему дѣлу, захотѣлъ «въ десять лѣтъ правленія совершить дѣло многихъ вѣковъ». Вотъ почему онъ возстановилъ противъ себя Европу. Однакоже, несмотря на его паденіе, наполеоновскія идеи заронились повсюду, и народы истощаютъ всѣ свои усилія, чтобы возстановить то, что Наполеонъ завелъ у нихъ. Нужно только помочь имъ въ этомъ дѣлѣ, нисколько не копируя имперіи во всѣхъ ея частностяхъ, а просто слѣдуя неуклонно наполеоновскимъ идеямъ.

«Наполеоновскія идеи имѣютъ свойства идей, направляющихъ движеніе общества, потому что онѣ движутся собственною силой, даже при отсутствіи великаго ума, въ которомъ онѣ возникли: онѣ походятъ на тѣло, которое, будучи ринуто въ пространство, собственною тяжестью достигаетъ назначенной цѣли.

«Въ настоящее время нѣтъ никакой нужды передѣлывать систему императора, она передѣлается сама собой; всѣ государи и народы соединятся для возстановленія ея, потому что каждый найдетъ въ ней гарантію порядка, мира и благоденствія.

«Духъ нашего вѣка требуетъ простаго разума. Лѣтъ тридцать назадъ, надо было угадывать и приготавливать; теперь нужно только судить здраво и имѣть волю.

«Въ современныхъ фактахъ, какъ и въ фактахъ историческихъ, сказалъ Наполеонъ, уроки можно почерпать всегда, но образцы очень рѣдко. Подражать тому, что совершилось, нѣтъ никакой возможности, потому что подражаніе не всегда ведетъ за собой сходство.

«Дѣйствительно, копировать частности прошедшаго правительства, вмѣсто того чтобы усвоить себѣ духъ его, значило бы дѣйствовать подобно полководцу, который, находясь на томъ же полѣ сраженія, гдѣ Наполеонъ или Фридрихъ II одержали побѣду, вздумалъ бы упрочить себѣ успѣхъ повтореніемъ тѣхъ же эволюцій.

«Перечитывая исторію народовъ, также какъ перечитывая исторію битвъ, необходимо извлекать изъ нихъ общія правила, не принуждая себя слѣдовать рабски шагъ за шагомъ по слѣду, который напечатлѣнъ не на песокъ, но на почвѣ болѣе возвышенной, — на интересахъ человѣчества.

«Повторимъ въ заключеніе, что наполеоновская идея никакъ не идея войны, но идея общественности, торговли, промышленности, человѣчества. Если, на глаза нѣкоторыхъ людей, она

C'est qu'il n'était pas donné même au plus grand génie des temps modernes, de pouvoir, en quelques années, détruire à l'étranger toutes les préventions, persuader toutes les consciences. »

Napoléon emporté par les événements n'eut donc d'autre tort que de vouloir achever trop tôt son œuvre, de vouloir « en dix ans d'empire faire l'ouvrage de plusieurs siècles ». Voilà pourquoi il a soulevé l'Europe contre lui. Cependant, malgré sa chute, les idées napoléoniennes ont germé partout, et les peuples se consomment en efforts pour refaire ce que Napoléon avait établi chez eux. Il ne s'agit plus que de les assister dans cette œuvre, sans toutefois s'attacher servilement à copier l'Empire jusque dans ses détails, en s'efforçant simplement de demeurer fidèle à l'Idée du grand empereur.

« Les idées napoléoniennes ont donc le caractère des idées qui règlent le mouvement des sociétés, puisqu'elles avancent par leur propre force, quoique privées de leur auteur : semblables à un corps qui, lancé dans l'espace, arrive par son propre poids au but qui lui était assigné.

Il n'est plus besoin maintenant de refaire le système de l'empereur, il se refera de lui-même ; souverains et peuples, tous aideront à le rétablir, parce que chacun y verra une garantie d'ordre, de paix et de prospérité.

Où trouver d'ailleurs, aujourd'hui, cet homme extraordinaire qui imposait au monde par le respect dû à la supériorité des conceptions ?

Le génie de notre époque n'a besoin que de la simple raison. Il y a trente ans il fallait deviner et préparer ; maintenant il ne s'agit que de voir juste et de recueillir.

Dans les faits contemporains, comme dans les faits historiques, a dit Napoléon, on peut trouver des leçons, rarement des modèles. On ne saurait copier ce qui s'est fait ; parce que les imitations ne produisent pas toujours les ressemblances.

En effet, copier dans ses détails, au lieu de copier dans son esprit, un gouvernement passé, ce serait agir comme un général qui, se trouvant sur le champ de bataille où vainquit Napoléon ou Frédéric, voudrait s'assurer le succès en répétant les mêmes manœuvres.

En lisant l'histoire des peuples, comme l'histoire des batailles, il faut en tirer des principes généraux, sans s'astreindre servilement à suivre pas à pas une trace qui n'est pas empreinte sur le sable, mais sur un terrain plus élevé, les intérêts de l'humanité.

Répétons-le en terminant, l'idée napoléonienne n'est point une idée de guerre, mais une idée sociale, industrielle, commerciale, humanitaire. Si pour quelques hommes, elle apparaît toujours entourée

появляется, всегда окруженная молніями битвъ, то это потому только, что она дѣйствительно слишкомъ долго заслонена была пороховымъ дымомъ и пылью боевыхъ схватокъ. Но нынѣ разсѣялись облака, и сквозь славу оружія виднѣется слава гражданская, болѣе прочная и величественная.

«Да почиютъ въ мирѣ останки императора! Воспоминаніе о немъ съ каждымъ часомъ распространяется все болѣе и болѣе. Каждая волна, разбивающаяся о скалу Св. Елены, приноситъ съ европейскимъ вѣтромъ привѣтъ его памяти, сожалѣніе о его кончинѣ, и эхо Лонгвуда повторяетъ надъ гробницу его: *свободные народы трудятся повсюду, чтобы возстановить твое великое дѣло.*»

Таково это сочиненіе; по мнѣнію автора, оно должно было, конечно, послужить въ послѣдствіи библіей или лучше сказать кораномъ наполеоновской доктрины, а въ ожиданіи этого — оправданіемъ булонскаго покушенія...

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

de la foudre des combats, c'est qu'elle fut, en effet, trop longtemps enveloppée par la fumée du canon et la poussière des batailles. Mais aujourd'hui les nuages se sont dissipés, et on entrevoit à travers la gloire des armes une gloire civile plus grande et plus durable.

Que les mânes de l'empereur reposent donc en paix ! Sa mémoire grandit tous les jours. Chaque vague qui se brise sur le rocher de Sainte-Hélène apporte, avec un souffle d'Europe, un hommage à sa mémoire, un regret à ses cendres, et l'écho de Longwood répète sur son cercueil : *'Les peuples libres travaillent partout à refaire ton ouvrage.'* »

Telle est cette œuvre, destinée certainement dans la pensée de son auteur à devenir plus tard l'évangile ou pour mieux dire le Koran de la doctrine napoléonienne, mais qui devait, en attendant, servir d'*exposé des motifs* à la tentative de Boulogne.

GUSTAVE DE MOLINARI.

ИМПЕРАТОРЪ НАПОЛЕОНЪ Ш
КАКЪ ПИСАТЕЛЬ ¹

VII.

Вскорѣ послѣ изданія *Наполеоновскихъ Идей*, принцъ Лудовикъ-Наполеонъ началъ дѣятельно приготавливаться къ своей новой попыткѣ, которой, повидимому, событія благопріятствовали. Тогда былъ заключенъ трактатъ 15-го іюля 1840 г., исключавшій Францію изъ участія въ устройствѣ восточныхъ дѣлъ. Европейскому миру угрожала серіозная опасность. Для возбужденія воинственнаго духа Франціи, министерство г. Тьера отправило принца Жуанвильскаго на островъ Св. Елены, за «прахомъ императора». Принцъ Лудовикъ Наполеонъ и его приверженцы умѣли искусно воспользоваться обстоятельствами и во множествѣ экземпляровъ распустили *Наполеоновскія Идеи* и нѣкоторыя другія брошюры, какъ напримѣръ оправданіе страсбургской попытки поручика Лети, *Лондонскія Письма*, приписываемыя г-ну де-Персиньи, и собственно назначенныя для чтенія въ казармахъ; *Наполеоновская Идея*, брошюра, написанная самимъ принцемъ и изданная въ іюль 1840 года, и др. Разные журналы получили предложеніе поддерживать дѣло претендента, а такъ какъ они отказались, то съ этою цѣлію основана была въ Парижѣ ежедневная газета *Le Capitale*. Сумма въ 140 тысячъ Франковъ поступила въ распоряженіе издателя этой газеты, который (что особенно замѣчательно) поддерживалъ въ то же время необходимость союза съ Россіей для окончательнаго разрѣшенія восточнаго вопроса.

Мы не будемъ разбирать этихъ различныхъ изданій, которыя повторяютъ и развиваютъ тему, изложенную въ *Наполеоновскихъ Идеяхъ*. Мы ограничимся только одною выпиской изъ *Наполеоновской Идеи* (брошюры, совершенно отдѣльной отъ сочиненія, разобраннаго нами выше) которая доказываетъ, до какой экзальтаціи дошелъ умъ принца, приготавливавшагося къ новой попыткѣ.

«Французское общество не повинуется правильному движенію, но ищетъ себѣ дороги; оно идетъ не прямо, но блуждаетъ, какъ попало.

«Мы также искали дороги и блуждали, и намъ представился путеводитель. Путеводителемъ нашимъ сталъ этотъ необыкновенный человѣкъ, который, подобно Иисусу Навину, остановилъ солнце и разсѣялъ тьму. Путь нашъ — черта, проведенная имъ съ одного конца міра на другой и служащая источникомъ плодородія и изобилія.

¹ См. Русскій Вѣстникъ, N°N° 21-й и 22-й.

VII.

À peine le prince Louis Napoléon eut-il publié les *Idées napoléoniennes*, qu'il se mit à préparer activement ce nouveau coup de main, que les circonstances semblaient d'ailleurs favoriser. En effet, le traité du 15 juillet 1840, excluant la France du concert européen pour le règlement des affaires d'Orient, venait d'être conclu. La paix européenne paraissait sérieusement compromise. Le ministère de M. Thiers avait cru opportun de réveiller les instincts belliqueux de la France, en envoyant à Sainte-Hélène le prince de Joinville pour y chercher les « cendres de l'empereur ». Le prince Louis Napoléon et ses partisans mirent habilement les circonstances à profit en faisant répandre à profusion les *Idées napoléoniennes*, et quelques autres brochures, telles que la justification de l'attentat de Strasbourg par le lieutenant Laity, les *lettres de Londres* attribuées à M. de Persigny et spécialement destinées à être répandues dans les casernes, l'*Idée napoléonienne*, brochure écrite par le prince lui-même et publiée au mois de juillet 1840, etc., etc. Des ouvertures furent faites à différents journaux pour les engager à soutenir la cause du prétendant et sur leur refus un journal quotidien, le *Capitole*, fut fondé à Paris dans ce but. Une somme de 140 000 fr. fut versée entre les mains de l'éditeur de ce journal, lequel, particularité bonne à signaler, soutenait, en même temps, l'alliance avec la Russie, pour le règlement de la question d'Orient.

Nous n'analyserons point ces diverses publications, qui reproduisent en les amplifiant le thème exposé dans les *Idées napoléoniennes*. Nous nous bornerons à citer un simple passage de l'*Idée napoléonienne* (qu'il ne faut pas confondre avec la précédente) et qui atteste à quel degré d'exaltation d'esprit l'héritier des traditions impériales était arrivé, en préparant sa nouvelle tentative.

« La société française n'obéit pas à une impulsion régulière mais elle cherche une trace à suivre ; elle ne marche pas, elle erre à l'aventure.

Or à nous qui cherchions et qui errions aussi, un chemin, un guide nous est apparu. Ce guide c'est l'homme extraordinaire qui, second Josué, arrêta la lumière et fit reculer les ténèbres. Ce chemin, c'est le sillon qu'il creusa d'un bout du monde à l'autre, et qui doit apporter la fertilité et l'abondance.

¹ Voir le *Messager Russe*, n° 21 et 22.

«На трудномъ пути, по которому суждено проходить нашему вѣку, руководителями нашими не должны быть школьные риторы; гораздо разумнѣе будетъ слѣдовать правиламъ и ученію человѣка, который былъ не только великимъ полководцемъ, но и великимъ законодателемъ. Когда въ исторіи временъ минувшихъ появлялся на сценѣ міра великій человѣкъ, соединявшій въ себѣ двойственный характеръ воителя и основателя царствъ, то послѣдовавшія за нимъ поколѣнія, послѣ смерти его, всегда усваивали себѣ созданныя имъ постановленія, всегда шли указаннымъ путемъ.

«Въ теченіи многихъ вѣковъ, народы береговъ Іордана слѣдовали закону Моисееву. Постановленія Мухаммеда положили основаніе царству Востока, которое до сихъ поръ устояло противъ нашей цивилизаціи. Несмотря на убійство Цезаря, его политика и примѣръ, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, поддерживали единство Римской имперіи и давали ей возможность отражать варваровъ и распространять свои границы.

«Восемь вѣковъ Феодальная и религіозная система Карла Великаго господствовала въ Европѣ и составляла какъ бы переходъ отъ римскаго общества къ обществу, возникшему въ 89 году. А такъ какъ мы видѣли между собой и во главѣ своей новаго Моисея, Мухаммеда, Цезаря, Карла Великаго, то неужели мы станемъ искать примѣра и политическаго устройства не въ его заповѣдяхъ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

«Великіе люди имѣютъ ту общую черту съ божествомъ, что онѣ никогда не умираютъ вполне. Ихъ духъ переживаетъ тѣло, и *наполеоновская идея* воспрянула изъ гробницы Св. Елены, подобно тому, какъ евангельское ученіе побѣдоносно вознеслось надъ міромъ, несмотря на крестную смерть.

«Вѣра политическая, также какъ и вѣра религіозная, имѣла своихъ мучениковъ; для возвѣщенія ея явятся апостолы, воздвигнется царство.

«Объяснимъ вкратцѣ, что мы разумѣемъ подѣ названіемъ *наполеоновской идеи*.

«Всякое политическое волненіе пораждаетъ идею нравственности, прогресса, цивилизаціи. Наполеоновская идея вы шла изъ Французской революціи, какъ Минерва изъ головы Юпитера въ желѣзныхъ доспѣхахъ и съ шлемомъ на головѣ. Она билась, чтобъ отстоять свое существованіе, она восторжествовала, чтобъ убѣдить въ истинѣ, она пала, чтобы возродиться изъ пепла, подражая въ этомъ примѣру божества.»

Затѣмъ авторъ излагаетъ не очень ясно, но очень напыщенно, въ чемъ состоитъ эта идея общественнаго благосостоянія.

Dans la route difficile que notre âge doit parcourir, au lieu de prendre comme chefs de doctrine des rhéteurs de collège, il nous semble plus logique de suivre les préceptes et de nous faire les apôtres de l'homme qui fut encore plus grand comme législateur qu'il ne fut redoutable comme capitaine. Lorsque dans l'histoire des temps passés apparut sur la scène du monde un grand homme qui réunissait en lui le double caractère de fondateur et de guerrier, on vit toujours les générations qui le suivirent reprendre après sa mort les institutions qu'il avait sanctionnées, l'allure qu'il avait indiquée.

Pendant des siècles, les peuples des rives du Jourdain ont suivi les lois de Moïse. Les institutions de Mahomet ont fondé cet empire d'Orient qui résiste encore aujourd'hui à notre civilisation. Malgré le meurtre de César, sa politique et son impulsion ont encore, pendant six cents ans, maintenu l'unité romaine, repoussé les Barbares et reculé les limites de l'Empire.

Pendant huit siècles, le système féodal et religieux établi par Charlemagne a gouverné l'Europe et servi de transition entre la société romaine et celle qui surgit depuis 1789. Et nous qui avons eu dans nos rangs et à notre tête, un Moïse, un Mahomet, un César, un Charlemagne, irions-nous chercher autre part que dans ses préceptes, un exemple et une synthèse politiques !

Les grands hommes ont cela de commun avec la divinité qu'ils ne meurent jamais tout entiers. Leur esprit leur survit, et l'idée napoléonienne a jailli du tombeau de Sainte Hélène, de même que la morale de l'Évangile s'est élevée triomphante malgré le supplice du Calvaire.

La foi politique, comme la foi religieuse, a eu ses martyrs ; elle aura comme elle ses apôtres, comme elle son empire !

Expliquons en peu de mots ce que nous entendons par l'idée napoléonienne.

De toute convulsion politique jaillit une idée morale, progressive, civilisatrice. L'idée napoléonienne est sortie de la Révolution française comme Minerve de la tête de Jupiter, le casque en tête et toute couverte de fer. Elle a combattu pour exister, elle a triomphé pour persuader, elle a succombé pour renaître de ses cendres : important en cela un exemple divin ! »

L'auteur expose ensuite, mais avec plus d'emphase que de précision, en quoi consiste cette idée de salut social.

«Наполеоновская идея раздробляется на столько вѣтвей, сколько Фазъ заключаетъ въ себѣ духъ человѣческой; она оживляетъ земледѣліе, она изобрѣтаетъ новыя отрасли промышленности; она заимствуетъ у государствъ иностранныхъ нововведенія, которыя могутъ быть полезны ей. Она сглаживаетъ горы, пересѣкаетъ рѣки, облегчаетъ пути сообщенія и заставляетъ народы подавать другъ другу руки.

«Она употребляетъ въ дѣло всѣ руки и всѣ умы. Она посягаетъ хижины, предлагая не безплодныя объявленія правъ человѣчества, но средства, необходимыя, чтобъ утолить жажду и голодь бѣдняка; сверхъ того у нея всегда найдется разказъ о славныхъ подвигахъ, возбуждающихъ любовь къ отечеству! Идея наполеоновская подобна идеѣ евангельской: она бѣжитъ роскоши, ей не нужно ни блеска, ни великолѣпія, чтобы пропроникнуть куда-нибудь и получить доступъ, и только при послѣдней крайности она прибѣгаетъ къ богу браней. Смиренно, но безъ униженія, она стучится во всѣ двери, безъ гнѣва и озлобленія переносить всѣ обиды, она идетъ, никогда не останавливаясь, потому что ей предшествуетъ свѣтъ, и народы слѣдуютъ по стопамъ ея.

«Наполеоновская идея, въ сознаніи своей силы, отталкиваетъ отъ себя далеко подкупъ, лесть и ложь, этихъ гнусныхъ спутниковъ слабости. Ожидая всего отъ народа, она не льститъ ему; она презираетъ Фразы демократическаго камергерства, служащая для оболщенія народныхъ массъ, для приобрѣтенія мелочныхъ симпатій, въ подражаніе тѣмъ придворнымъ, которые воскуряли еиміамъ великому королю въ его старости, превознося достоинства, которыхъ въ немъ уже не было. Она не имѣетъ цѣлю создавать себѣ мимолетную популярность, раздувая не совсѣмъ потухшую ненависть И разсыпая лесть пагубнымъ страстямъ; она каждому говорить то, что думаетъ, король ли онъ или народный трибунъ, бѣднякъ ли онъ или богачъ; она награждаетъ похвалами или наказываетъ порицаніями, смотря по тому, заслуживаютъ ли поступки похвалы или порицанія.

«Наполеоновская идея давно уже упрочила за собой симпатію массъ, потому что у народовъ чувство предшествуетъ размышленію, потому что сердце чувствуетъ прежде чѣмъ умъ начинаетъ разсуждать. Когда распространилась христіанская вѣра, народы приняли ее прежде, чѣмъ поняли все величіе ея ученія. Вліяніе великаго гения, похожее въ этомъ отношеніи на вліяніе божества, есть токъ, который разливается подобно электричеству, возбуждаетъ воображеніе, заставляетъ биться сердце и увлекаетъ человѣка, потому что трогаетъ душу, даже не убѣдивъ ея.

« L'idée napoléonienne se fractionne en autant de branches que le génie humain a de phases différentes ; elle va vivifier l'agriculture, elle invente de nouveaux produits, elle emprunte aux pays étrangers les innovations qui peuvent lui servir. Elle aplanit les montagnes, traverse les fleuves, facilite les communications et oblige les peuples à se donner la main.

Elle emploie tous les bras et toutes les intelligences. Elle va dans les chaumières, non pas en tenant à la main de stériles déclarations des droits de l'homme, mais avec les moyens nécessaires pour étancher la soif du pauvre, pour apaiser sa faim, et, de plus, elle a un récit de gloire pour éveiller son amour de la patrie ! L'idée napoléonienne est comme l'idée évangélique : elle fuit le luxe et n'a besoin ni de pompe, ni d'éclat pour pénétrer et se faire recevoir ; ce n'est qu'à la dernière extrémité qu'elle invoque le dieu des armées. Humble sans bassesses, elle frappe à toutes les portes, reçoit les injures sans haine et sans rancune, et marche toujours sans s'arrêter, parce qu'elle sait que la lumière la devance et que les peuples la suivent.

L'idée napoléonienne ayant la conscience de sa force repousse loin d'elle la corruption, la flatterie et le mensonge, ces vils auxiliaires de la faiblesse. Quoiqu'elle attend tout du peuple, elle ne le flatte pas ; elle méprise ces phrases de chambellanisme démocratique avec lesquelles on caresse les masses pour se rallier de mesquines sympathies, imitant ces courtisans qui encensaient le grand roi dans sa vieillesse, en vantant les mérites qu'il n'avait plus. Son but n'est pas de se créer une popularité passagère en rallumant des haines mal éteintes et en flattant des passions dangereuses ; elle dit à chacun ce qu'elle pense, roi ou tribun, riche ou pauvre ; elle accorde la louange ou jette le blâme, suivant que les actions sont louables ou dignes de mépris.

L'idée napoléonienne s'est conciliée depuis longtemps la sympathie des masses, parce que les sentiments chez les peuples précèdent le raisonnement, que le cœur sent avant que l'esprit conçoive. Lorsque la religion chrétienne s'étendit, les nations l'adoptèrent avant de comprendre toute la portée de sa morale. L'influence d'un grand génie, semblable en cela à l'influence de la Divinité, est un fluide qui se répand comme l'électricité, exalte les imaginations, fait palpiter les cœurs, et entraîne parce qu'elle touche l'âme avant que de persuader.

«Вліянієм своимъ на массы народа она пользовалась не для разстройства общества, а напротивъ, для утвержденія и преобразованія его. Итакъ, наполеоновская идея, по самому свойству своему, служитъ провозвѣстницей мира, а не войны, — порядка и устройства, а не насильственныхъ переворотовъ. Безъ ненависти и горечи она проповѣдуетъ политическое ученіе, созданное великимъ челоувѣкомъ. Она развиваетъ великія правила правосудія, власти, свободы, которыя слишкомъ скоро забываются посреди волненій.

«Стараясь болѣе всего дѣйствовать убѣжденіемъ, она проповѣдуетъ согласіе и довѣренность, и гораздо охотнѣе прибѣгаетъ къ разуму, чѣмъ къ силѣ. Но если невыносимыя гоненія доведутъ ее до крайности, и она сдѣлается единственною надеждою злополучныхъ народовъ, послѣднимъ прибѣжищемъ славы и чести государства, то она снова надѣнетъ шлемъ, возьметъ копье и, поднимаясь на олтарь отечества, повторитъ народу, обманутому такимъ множествомъ ораторовъ и министровъ, слова, сказанныя нѣкогда Св. Ремигіемъ горделивому Сикамбру: «Низложи своихъ ложныхъ боговъ, разбей свои глиняные истуканы; сожги то, чему ты поклонялся, и поклонись тому, что сожигаль.»

Ясно, что въ умѣ автора *наполеоновская маетъ* размѣры сверхъестественныя. Въ исторіи только «христіанская идея» можетъ идти на ряду съ нею. На этомъ основаніи, хранители этой идеи должны были вмѣнить себѣ въ священную обязанность всѣми средствами доставить ей торжество. Спасеніе Франціи, счастье вселенной, будущность цивилизаціи зависѣли отъ нея. Передъ величіемъ и святостью такой цѣли, возможно ли было слишкомъ строго разбирать путь, который вель къ ея достиженію? Слѣдую знаменитому правилу, *цель должна была оправдывать средства*. Приготовивъ умы своими сочиненіями и замысливъ привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ высшихъ начальниковъ въ войскѣ¹, принцъ рѣшился на свою вторичную

¹ Между официальными документами процесса по дѣлу въ Булони, находится чрезвычайно любопытное показаніе генерала Маньяна (нынѣ маршала), начальствовавшаго тогда въ Сѣверномъ департаментѣ. Для переговоровъ съ генераломъ, принцъ употребилъ капитана Мезонана, который уже давно былъ въ сношеніяхъ съ нимъ. Капитанъ отправился къ нему съ этою цѣлію въ Лилль и былъ приглашенъ къ обѣду.

«На другой день послѣ этого обѣда, сказано въ показаніи генерала, Мезонанъ, котораго я полагалъ уже въ дорогѣ, вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, извѣстивъ меня, по обыкновенію, о прибытіи своемъ, черезъ моего адъютанта; онъ показался мнѣ сконфуженнымъ, и я спросилъ его: почему онъ не уѣхалъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что у него есть ко мнѣ письмо. — Отъкого? «Прочитайте, генералъ». Онъ подалъ мнѣ письмо, на которомъ

Cette influence qu'elle croit exercer sur les masses, elle veut l'employer non pas à bouleverser la société, mais au contraire à la rassembler et à la réorganiser. L'idée napoléonienne est donc par sa nature une idée de paix plutôt qu'une idée de guerre, une idée d'ordre et de reconstitution plutôt qu'une idée de bouleversement. Elle professe sans fiel et sans haine la morale politique que le grand homme conçut le premier. Elle développe ces grands principes de justice, d'autorité, de liberté, qu'on oublie trop souvent dans les temps de trouble.

Voulant surtout persuader et convaincre, elle prêche la concorde et la confiance, et en appelle plus volontiers à la raison qu'à la force. Mais si, poussé à bout par trop de persécution, elle devenait le seul espoir des populations malheureuses, et le dernier refuge de la gloire et de l'honneur du pays, alors, reprenant son casque et sa lance, et montant sur l'autel de la patrie, elle dirait au peuple, trompé par tant de ministres et d'orateurs, ce que saint Remy disait au fier Siscambre : 'Renverse tes faux dieux et tes images d'argile ; brûle ce que tu as adoré jusqu'ici et adore ce que tu as brûlé.' »

On le voit, dans l'esprit de l'auteur, « l'idée napoléonienne » acquiert des proportions surhumaines. Il n'y a dans l'histoire que « l'idée chrétienne » qui puisse marcher de pair avec elle. Le dépositaire de cette idée n'était-il donc point tenu d'essayer, par tous les moyens, de la faire prévaloir ? Le salut de la France, le bonheur du monde, l'avenir de la civilisation n'en dépendaient-ils point ? Devant la grandeur et la sainteté d'un tel but, pouvait-il se montrer bien scrupuleux sur la voie à suivre pour y atteindre ? Suivant une maxime célèbre, *la fin ne justifiait-elle pas les moyens* ? Aussi, après avoir préparé les esprits par ses publications et essayé de nouer des intelligences avec quelques sommités de l'armée¹, le prince résolut-il de

¹ Parmi les documents officiels du procès de Boulogne, on trouve un témoignage extrêmement intéressant du général Magnan (aujourd'hui maréchal), alors responsable du département du Nord. Pour négocier avec le général, le prince fit appel au commandant Mésonan, avec qui il entretenait des relations de longue date. Le général alla le voir à cet effet à Lille et l'invita à dîner.

« Le lendemain de ce dîner, Mésonan, que je croyais parti, entra dans mon cabinet après s'être fait annoncer comme de coutume par mon aide de camp ; je lui trouvai un air embarrassé ; je lui demandai comment il n'était pas parti. Il me répondit qu'il avait une lettre à me remettre. — Et de qui ? — Lisez, mon général.

попытку. 4-го августа 1840 года онъ съѣлъ въ Лондонѣ на пароходѣ *City of Edinburgh*, нанятый имъ у лондонской компаніи пароходства; онъ захватилъ съ собой въ Гревсендѣ и Маргатѣ небольшіе отряды своихъ приверженцевъ, которыхъ онъ оставилъ тамъ, чтобы не возбудить подозрѣній, а 6-го, рано утромъ, онъ высадился на берегъ въ сопровожденіи 60 человекъ, въ Вимере (*Vimereux*), въ четырехъ километрахъ отъ Булони. Этотъ маленький отрядъ, носившій мундиръ и № 40-го линейнаго полка и снабженный оружіемъ, вышедшимъ изъ бермингемскихъ фабрикъ, отправился по направленію къ Булони и сдѣлалъ привалъ у подошвы колонны, воздвигнутой на берегу, въ память булонскаго лагеря. Подъ предводительствомъ Аладениза, молодаго поручика 42-го полка, заговорщики явились въ казармы этого

было надписано: Г. капитану Мезонану. Я возвратилъ письмо, говоря: «Вы ошибаетесь, капитанъ, письмо это къ вамъ, а не ко мнѣ.» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Нѣтъ, оно къ вамъ». Я распечаталъ письмо и прочелъ первыя фразы, которыя помню, какъ нельзя лучше. «Любезный капитанъ, нужно непременно, чтобы вы тотчасъ же повидались съ упомянутымъ генераломъ; вы знаете, что онъ человекъ способный и назначенный мною въ званіе маршала Франціи. Вы предложите ему отъ моего имени 100 тыс. фр., а 300 тыс. я передамъ банкиру въ Парижѣ по его назначенію, въ случаѣ если онъ потеряетъ свое мѣсто.»

Я остановился, взволнованный негодованіемъ, перевернулъ страницу и увидѣлъ подпись: «Наполеонъ Людовикъ». Я возвратилъ письмо капитану, и сказалъ ему, что никогда не воображалъ, чтобы онъ осмѣлился сдѣлать мнѣ подобное предложеніе, что мой девизъ: *Fais ce que dois, advienne que pourra*; что я никогда не измѣнялъ своей присягѣ и проч., что онъ, Мезонанъ, дѣйствуетъ какъ совершенный безумецъ, принимая сторону племянника, дѣло котораго и смѣшно и нелѣпо.

«Я прибавилъ къ этому: еслибы даже я былъ до такой степени низокъ и подлъ, чтобы принять отъ принца 400 тыс. фр., то я бы укралъ ихъ, потому что, явись я завтра же передъ гарнизономъ Лилля, чтобы говорить съ нимъ языкомъ, противнымъ долгу и присягѣ, послѣдній капралъ схватилъ бы меня за воротъ и арестовалъ бы меня: до такой степени армія проникнута чувствомъ долга и чести. Я сказалъ Мезонану: «мнѣ бы слѣдовало задержать васъ и письмо ваше отправить въ Парижъ, но я считаю недостойнымъ себя доносить на человека, который былъ принятъ у меня, какъ гость. Спасайтесь, пока есть еще время; откажитесь отъ вашихъ намѣреній, если хотите сохранить уваженіе вашихъ товарищей, которое вы потеряете непременно, если узнаютъ въ арміи о вашемъ поступкѣ.» Мезонанъ хотѣлъ возражать; я отворилъ дверь моего кабинета и выпроводилъ его, говоря: «Отправляйтесь на висѣлицу въ другое мѣсто». Прощаясь съ нимъ, я ему обѣщалъ, что если онъ уѣдетъ изъ Лилля и не возвратится болѣе, то я не скажу никому о его гнусномъ предложеніи...
Донесеніе г. Персиля. Показаніе генерала Маньяна. Moniteur Universel 16 сентября 1840.

risquer sa seconde tentative. Le 4 août 1840, il s'embarquait à Londres sur le paquebot à vapeur *City of Edimbourg*, qu'il avait loué à la compagnie des paquebots à vapeur de Londres ; il prenait à Gravesend et à Margate de petits détachements de ses partisans qu'il avait disséminés pour ne point éveiller les soupçons, et le 6, de grand matin, il débarquait avec une soixantaine d'hommes sur la plage de Wimereux, à 4 km de Boulogne. Cette petite troupe, qui portait l'uniforme et le numéro du 40e régiment de ligne, et dont les armes sortaient des fabriques de Birmingham, se mit en marche pour Boulogne, en faisant une halte au pied de la colonne élevée sur la plage, en mémoire du camp de Boulogne. Elle se présenta, guidée par un jeune lieutenant du 42e, Aladenize, à la caserne de ce régiment. Les

Il me remit cette lettre, qui avait pour suscription : À monsieur le commandant Mésonan. Je la lui rendis en lui disant : Vous vous trompez, monsieur, elle est pour vous et non pas pour moi. Il me répondit : Non, elle est pour vous. J'ouvris la lettre, et je lus les premières phrases que je crois pouvoir me rappeler parfaitement. « Mon cher commandant, il est important que vous voyiez de suite le général en question ; vous savez que c'est un homme d'exécution, et que j'ai noté comme devant être un jour maréchal de France. Vous lui offrirez 100 000 fr. de ma part, et 300 000 fr. que je déposerai chez un banquier, à son choix, à Paris, dans le cas où il viendrait à perdre son commandement. » Je m'arrêtai, l'indignation me gagnant ; je tournai le feuillet, et vis que la lettre était signée Napoléon-Louis. Je remis la lettre au commandant, en lui disant que je croyais lui avoir inspiré assez d'estime pour qu'il n'osât pas me faire une pareille proposition ; que ma devise était : *Fais ce que dois, advienne que pourra* ; que jamais je n'avais trahi mes serments, etc. ; que lui, Mésonan, était fou de se mettre du parti du neveu ; que c'était un parti ridicule et perdu. »

J'ajoutai : Et quand je serais assez lâche, assez misérable pour accepter les 400 000 fr. du prince, je les lui volerais ; car, si demain je me présentais devant la garnison de Lille pour lui parler un autre langage que celui de la fidélité aux devoirs et aux serments, le dernier des caporaux me mettrait la main sur le collet et m'arrêterait, tant l'armée a le sentiment du devoir et de l'honneur. Je dis à Mésonan : Je devrais vous faire arrêter, et envoyer votre lettre à Paris ; mais il est indigne de moi de dénoncer l'homme que j'ai reçu chez moi, que j'ai reçu à ma table ; je ne le ferai pas. Sauvez-vous, il en est temps encore ; conservez, en renonçant à ces projets, l'estime de vos camarades, et que l'armée ignore ce que vous avez voulu tenter. Mésonan voulut répliquer ; j'ouvris la porte de mon cabinet et le mis dehors en lui disant : Allez vous faire pendre ailleurs. En le congédiant, je lui promis que s'il parlait de Lille, s'il n'y revenait pas, je ne donnerais aucune suite à ces infâmes propositions... — Rapport de M. Persil. Témoignage du Général Magnan. *Moniteur Universel* du 16 septembre 1840.

полка. Солдаты были собраны, и принцъ, такъ же, какъ въ Страсбургѣ, старался увлечь ихъ. Но одинъ капитанъ, г. Пюжелъе, вовремя извѣщенный о происходившемъ, вышелъ на дворъ и закричалъ солдатамъ, чтобъ они задержали «этого авантюрьера, этого бунтовщика». Солдаты колебались. Принцъ выхватилъ пистолетъ и прицѣлился въ капитана. Раздался выстрѣлъ, и пуля ударила въ щеку одного гренадера¹; затѣмъ послѣдовала схватка; солдаты отбросили заговорщиковъ вонъ изъ казармъ. Тогда послѣдніе разсѣялись по городу, раздавая прокламаціи и пытаясь, однако безуспѣшно, захватить верхній городъ, ворота котораго сопротивлялись ихъ усиліямъ. Между тѣмъ собралась національная гвардія и присоединилась къ войску, чтобъ отразить такое неожиданное нападеніе. Принцъ, видя рѣшительную неудачу, бросился по дорогѣ къ Вимере, съ намѣреніемъ сѣсть на пароходъ. Но пока все описанное нами происходило въ городѣ, капитанъ надъ портомъ отправилъ нѣсколько шлюпокъ противъ *City of Edinburgh*, экипажъ котораго не оказалъ никакого сопротивленія. Замѣтимъ мимоходомъ, что между разными предметами, захваченными на этомъ суднѣ, оказалась сумма въ 400 тысячъ франковъ и живой орелъ². Такимъ образомъ отступленіе было отрѣзано. Принцъ съ своими спутниками блуждалъ по берегу моря, подавая сигналы судну, которое, какъ думалъ онъ, было еще въ рукахъ экипажа, и отъ котораго отдѣлялись шлюпки, направлявшіяся въ ихъ сторону; они бросились въ море къ нимъ навстрѣчу, когда на берегу появилась національная гвардія. Имъ закричали, чтобъ они сдались. Такъ какъ они не повиновались и нѣкоторые изъ нихъ бросились въ воду, съ намѣреніемъ достигнуть шлюпокъ вплавь, то по нимъ сдѣлали залпъ, которымъ убило одного человѣка и ранило нѣсколькихъ. Тогда они сдались національной гвардіи, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ принцъ, были схвачены изъ воды и спасены отъ потопленія солдатами, наполнявшими шлюпки. Ихъ отвели сначала въ Булонь и потомъ въ Гамъ, въ ожиданій судебного приговора.

¹ При допросѣ передъ судомъ перовъ, принцъ объяснялъ это дѣло слѣдующимъ образомъ:

«*Вопросъ.* На отказъ капитана помогать вамъ и на угрозу его силой выгнать васъ изъ казармъ, не отвѣчали ли вы выстрѣломъ изъ пистолета почти въ упоръ, выстрѣломъ, который не попалъ въ него, а ранилъ солдата, стоявшаго позади его или рядомъ съ нимъ?»

«*Отвѣтъ.* Я уже говорилъ прежде, что есть мгновенія, въ которыя невозможно дать себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда въ казармахъ произошло волненіе, я взялъ пистолетъ и выстрѣлилъ, не направляя его ни на кого въ особенности.

² *Moniteur Universel* 9-го августа.

soldats furent réunis, et, comme à Strasbourg, le prince essaya de les entraîner. Mais un capitaine, M. Coll Puygélief, prévenu à temps de ce qui se passait, descendit dans la cour, en criant aux soldats d'arrêter cet « aventurier », ce « factieux ». Les soldats hésitent. Le prince saisit un pistolet et le dirige sur le capitaine. Le coup part, et la balle va traverser la joue d'un grenadier¹. Une mêlée s'ensuit ; les soldats rejettent les conspirateurs hors de la caserne. Ceux-ci se répandent alors dans la ville, en distribuant une proclamation, et ils essaient, mais en vain, de s'emparer de la ville haute dont la porte résiste à leurs efforts. Sur ces entrefaites, la garde nationale s'était réunie et elle se mettait de concert avec la troupe en devoir de repousser cette agression inattendue. Le prince, voyant que son coup de main avait échoué encore une fois, reprend le chemin de Wimereux dans l'intention de se rembarquer. Mais, dans l'intervalle, le capitaine du port avait dirigé des embarcations vers le *City of Edimbourg*, dont l'équipage n'avait fait aucune résistance. Parmi les objets saisis sur ce navire se trouvaient une somme de quatre cent mille francs et un aigle vivant². La retraite était donc coupée. Le prince et sa troupe erraient sur la plage en faisant des signaux de détresse au navire, qu'ils croyaient toujours entre les mains de l'équipage, et dont ils voyaient se détacher des embarcations se dirigeant de leur côté ; ils s'avançaient dans la mer pour les rejoindre, lorsque la garde nationale parut sur la plage. On leur cria de se rendre. Comme ils refusaient, en essayant de gagner les embarcations à la nage, on fit sur eux une décharge, qui en tua un et qui en blessa plusieurs. Ils se rendirent alors à la garde nationale, et quelques-uns, parmi lesquels se trouvait le prince, furent recueillis, sur le point de se noyer, par les soldats qui remplissaient les embarcations. On les conduisit à Boulogne, d'où ils furent transférés à Ham en attendant leur jugement.

¹ Dans son interrogatoire à la Cour des pairs, le prince expliquait ce fait de la manière suivante :

« D. Sur le refus du capitaine de seconder vos projets et sur sa menace d'employer la force pour vous expulser de la caserne n'avez-vous pas tiré, presque à bout portant, sur le capitaine un coup de pistolet qui ne l'a pas atteint, mais qui a blessé un soldat placé derrière ou à côté de lui.

« R. J'ai déjà dit précédemment qu'il y a des moments où l'on ne peut pas se rendre compte de ses intentions. Lorsque j'ai vu le tumulte commencer à la caserne, j'ai pris mon pistolet et il est parti sans que j'aie voulu le diriger contre lui que ce soit. »

² *Moniteur universel* du 9 août.

Между прокламаціями заговоршиковъ замѣчательны тѣ, которые обращены были къ войску и къ Французскому народу.

«Солдаты, говорилъ принцъ, назначеніе Франціи повелѣвать, а она повинуется. Вы — избранная часть народа, а съ вами обходятся, какъ съ негоднымъ стадомъ. Вы созданы для того, чтобъ охранять національную честь, а ваше оружіе направляютъ противъ вашихъ же братій. Тѣ, которые повелѣваютъ вами, желали бы унижить благородное ремесло солдата! Негодованіе овладѣло вами, и вы старались развѣдать, что стало съ орлами Арколи, Аустерлица, Иены. Вотъ они, эти орлы! возьмите ихъ снова; съ ними, воскреснуть слава, честь, счастье, и что всего важнѣе, признательность и уваженіе къ вамъ вашихъ согражданъ.

«Солдаты! привѣтственные крики Ваши Во время появленія моего въ Страсбургѣ, не исчезли изъ моей памяти. Я не забылъ сожалѣнія, которое вы изъявили мнѣ при моей неудачѣ.

«Между мною и вами существуютъ неразрывныя узы; у насъ одни и тѣ же предметы ненависти и любви, одни и тѣ же интересы, одни и тѣ же враги.

«Солдаты! великая тѣнь императора Наполеона говорить вамъ моими устами. Поспѣшите, пока она переплываетъ океанъ, освободиться отъ измѣнниковъ и притѣснителей; докажите ей, когда она прибудетъ къ вамъ, что вы достойные сыновья великой арміи, и что вы снова приняли тѣ священные эмблемы, которыя, въ продолженіе сорока лѣтъ, заставляли трепетать враговъ Франціи, когда въ числѣ этихъ враговъ были тѣ, кто теперь повелѣваетъ вами.

«Солдаты, къ оружію!

«Да здравствуетъ Франція!»

Подписано: *Наполеонъ*.

Прокламація къ Французскому народу написана въ такихъ же рѣзкихъ выраженіяхъ. Она начиналась тѣмъ же, чѣмъ оканчивалась предыдущая; тема ея — возвращеніе «праха императора».

«Французы! прахъ императора долженъ возвратиться только въ обновленную Францію! Останки великаго челоуѣка не должны быть предметомъ нечистыхъ и лицемѣрныхъ поклоненій. Слава и свобода должны окружать гробницу Наполеона! Измѣнники отечеству должны исчезнуть!»

Затѣмъ слѣдовало исчисленіе всѣхъ неудовольствій, взволновавшихъ друзей славы и свободы противъ іюльскаго правительства.

«Промышленники и торговцы, говорилъ онъ, интересы ваши принесены въ жертву требованіямъ чужестранцевъ; на подкупы

Parmi les proclamations répandues par les conjurés, celles qui étaient adressées « à l'armée » et « au peuple français » méritent une mention particulière.

« Soldats, disait le prince, la France est faite pour commander et elle obéit. Vous êtes l'élite du peuple et on vous traite comme un vil troupeau. Vous êtes faits pour protéger l'honneur national, et c'est contre vos frères qu'on tourne vos armes. Ils voudraient, ceux qui vous gouvernent, avilir le noble métier du soldat ! Vous vous êtes indignés et vous avez cherché ce qu'étaient devenus les aigles d'Arcole, d'Austerlitz, d'Iéna. Ces aigles, les voilà ! Je vous les rapporte, reprenez-les ; avec elles vous aurez gloire, honneur, fortune, et ce qui est plus que tout cela, la reconnaissance et l'estime de vos concitoyens. Soldats ! vos acclamations lorsque je me présentai à vous à Strasbourg ne sont pas sorties de ma mémoire. Je n'ai pas oublié les regrets que vous manifestiez sur ma défaite. Entre vous et moi il y a des liens indissolubles ; nous avons les mêmes haines et les mêmes amours ; les mêmes intérêts et les mêmes ennemis. Soldats ! la grande ombre de l'empereur Napoléon vous parle par ma voix. Hâtez-vous, pendant qu'elle traverse l'Océan, de renvoyer les traîtres et les oppresseurs ; montrez-lui à son arrivée que vous êtes les dignes fils de la grande armée, et que vous avez repris ces emblèmes sacrés qui, pendant quarante ans, ont fait trembler les ennemis de la France, parmi lesquels étaient ceux qui vous gouvernent aujourd'hui.

Soldats, aux armes !
Vive la France.

(Signé) NAPOLÉON. »

La proclamation au peuple français n'était pas moins accentuée. Elle débutait comme la précédente finissait, sur le thème du retour des « cendres de l'empereur ».

« Français, les cendres de l'empereur ne reviendront que dans une France régénérée ! Les mânes du grand homme ne doivent pas être souillées par d'impurs et hypocrites hommages. Il faut que la gloire et la liberté soient debout à côté du cercueil de Napoléon ! Il faut que les traîtres aient disparu ! »

Venait ensuite une énumération, déjà suffisamment connue, des griefs des amis de la gloire et de la liberté contre le gouvernement de juillet.

« Industriels et commerçants, disait-il, vos intérêts sont sacrifiés aux exigences étrangères ; on emploie à corrompre l'argent dont

идуть деньги, которыя императоръ употреблялъ на поощреніе вашей дѣятельности и на обогащеніе ваше.

« . . . . Французы, говорилъ онъ въ заключеніе, я вижу передъ собою блистательную будущность отечества. Я чувствую за собою тѣнь императора, побуждающаго меня идти впередъ; я остановлюсь только тогда, когда возьму въ руки аустерлицкій мечъ, восстановлю орлы на знаменахъ и народъ въ правахъ его.»

Затѣмъ слѣдовалъ декретъ, изданный «принцемъ Наполеономъ во имя Французскаго народа», въ силу котораго династія орлеанскихъ Бурбоновъ переставала царствовать, палаты распускались, созывался національный конгрессъ по прибытіи принца въ Парижъ, г. Тьеръ, президентъ совѣта министровъ, назначался президентомъ временнаго правительства, маршалъ Клозель главнокомандующимъ парижской арміи, а генераль Пюжоль начальникомъ 1-й военной дивизіи. Всѣ назначенія были сдѣланы, какъ само собою разумѣется, безъ вѣдома тѣхъ лицъ, до которыхъ они относились.

Немедленно созванъ былъ Судъ Перовъ, и г. Франкъ Карре, генеральный прокуроръ, составилъ противъ принца и его сообщниковъ предложеніе, гласившее, что

«Означенный Карль Лудовикъ Наполеонъ Бонапартъ, имѣющій отъ роду 32 года, родившійся въ Парижѣ, проживающій въ Лондонѣ, ростомъ 1 метръ 68 сантиметровъ, волосы и брови темнорусые, лобъ обыкновенный, глаза сѣрые, носъ большой, ротъ средній, подбородокъ круглый, лицо овальное,

«Будеть задержанъ и отведенъ въ тюрьму.»

Донесеніе о покушеніи заговорщиковъ было представлено суду г. Персилемъ, однимъ изъ комиссаровъ, которымъ поручено было слѣдствіе по этому дѣлу. Это довольно обширное донесеніе находится въ *Moniteur* отъ 16 и 17 сентября. Процессъ начать былъ 28 сентября, а пренія продолжались до 2-го октября. Приговоръ произнесенъ 6-го. Защитникомъ принца былъ г. Беррье. Между адвокатами прочихъ осужденныхъ замѣтимъ г. Ферд. Барро, защищавшаго полковника Вуазена и нѣкоторыхъ другихъ, и г. Жюля Фавра, знаменитаго республиканскаго адвоката, принявшаго на себя защиту Аладениза. Мы бы увлеклись далеко за предѣлы нашей статьи, еслибы стали слишкомъ подробно описывать этотъ интересный процессъ. Мы ограничимся краткимъ изложеніемъ самыхъ характеристикскихъ его чертъ.

По прочтеніи обвинительнаго акта, канцлеръ Пакъе приказалъ главному обвиненному встать и отвѣчать на вопросы, которые ему будутъ предложены; принцъ началъ оправданіе свое чтеніемъ манифеста, въ которомъ онъ, для приданія вида

l'empereur se servait pour encourager vos efforts et vous enrichir.

Français, concluait-il, je vois devant moi l'avenir brillant de la patrie. Je sens derrière moi l'ombre de l'empereur qui me pousse en avant ; je ne m'arrêterai que lorsque j'aurai repris l'épée d'Austerlitz, remis les aigles sur nos drapeaux et le peuple dans ses droits. »

Suivait un décret rendu par « le prince Napoléon au nom du peuple français », et portant que la dynastie des Bourbons d'Orléans avait cessé de régner, — que les Chambres étaient dissoutes, — qu'un Congrès national serait convoqué, à l'arrivée du prince à Paris, que M. Thiers, alors président du conseil des ministres, était nommé président du gouvernement provisoire, le maréchal Clauzel commandant de l'armée de Paris, et le général Pajol confirmé dans le commandement de la 1ère division militaire. Ces nominations étaient faites, bien entendu, à l'insu de ceux qu'elles concernaient.

La cour des Pairs ne tarda pas à être convoquée, et un réquisitoire lancé par M. Franck Carré, procureur général, contre le prince et ses complices. Ce réquisitoire ordonnait, notamment que :

« Ledit Charles Louis Napoléon Bonaparte âgé de trente-deux ans, né à Paris, demeurant à Londres, taille de 1 m. 60 centimètres, cheveux et sourcils châtain blond, front ordinaire, yeux gris, nez fort, bouche moyenne, menton rond, visage ovale ;

Serait pris au corps et conduit dans la maison d'arrêt. »

Le rapport sur l'attentat fut présenté à la cour par M. Persil, l'un des commissaires chargés de l'instruction de l'affaire. Ce rapport assez volumineux se trouve au *Moniteur* des 16 et 17 septembre. Le procès commença le 28 septembre, et les débats se poursuivirent jusqu'au 2 octobre. L'arrêt fut rendu le 6. Le prince avait pour défenseur M. Berryer. Parmi les avocats des autres accusés, il faut noter M. Ferd. Barrot, défenseur du colonel Voisin, et de quelques autres, et M. Jules Favre, le célèbre avocat républicain, défenseur d'Aladenize. Nous nous bornerons à rappeler brièvement les incidents les plus caractéristiques de ce curieux procès.

Après la lecture de l'acte d'accusation, le chancelier M. Pasquier ayant ordonné à l'accusé de se lever, pour répondre aux questions qui allaient lui être posées, le prince débuta par la lecture d'un manifeste, dans lequel il invoquait pour légitimer sa tentative le principe

законности своему підприємтію, обращался къ принципу народной воли и напоминалъ, что семейство его достигло престола по приговору четырехъ миллионѣвъ голосѣвъ, и никакое другое опредѣленіе не измѣнило этого приговора. Онъ отыскивалъ своего права, какъ говорилъ онъ, и политика правительства 1830 года побудила его немедленно приступить къ дѣлу.

«Императоръ, мой дядя, сказалъ онъ, согласился лучше отказаться отъ престола, чѣмъ принять трактаты, которые бы стѣснили границы Франціи и заставили бы ее переносить презрѣніе и угрозы, которыя дозволяютъ себѣ иностранцы въ настоящее время. Примѣръ этотъ никогда не выходилъ изъ моей памяти. Незаслуженное и жестокое изгнаніе, въ которомъ въ продолженіи 25 лѣтъ влачилась жизнь моя, начавшаяся на ступеняхъ трона, и которое довело меня до тюрьмы, не въ состояніи было ни раздражить, ни утомить моего сердца; оно никогда, ни на одну минуту, не охладило ревности моей къ славѣ, правамъ и интересамъ Франціи. Мои убѣжденія объясняютъ мой образъ дѣйствій.»

Вотъ заключеніе этой рѣчи, снискавшей себѣ громкую извѣстность.

«Еще одно слово, мм. гг., я представляю передъ вами принципъ, дѣло, пораженіе. Принципъ — это владычество народа, дѣло-имперія, пораженіе — Ватерлоо. Принципъ былъ признанъ вами, дѣлу вы служили, за пораженіе вы желаете отмстить. Нѣтъ! между вами и мною не можетъ быть разногласія»

Допросъ его не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго. Въ защиту его, г. Беррье болѣе всего ставилъ на видъ, что такъ какъ принципъ законности (*légitimité*) не существуетъ болѣе во Франціи, то принцъ почиталъ себя въ правѣ прибѣгнуть къ принципу національной воли, опираясь на четыре миллиона голосѣвъ 1804 года, противъ деклараціи 219 депутатовъ, которые въ 1830 году основали Орлеанскую династію. Съ большою ловкостію онъ воспользовался перенесеніемъ праха Наполеонова, чтобы указать на пробужденіе воинственнаго духа во Франціи и тѣмъ извинить попытку наслѣдника этого великаго имени.

«Министерство желало, говорилъ знаменитый адвокатъ, показать снова Франціи тотъ великій мечъ, передъ которымъ преклонились пирамиды, и который едва не отдѣлилъ Англію отъ европейскаго материка. Всѣ симпатіи къ императору, всѣ чувства бонапартистовъ были вызваны на свѣтъ, чтобы возбудить во Франціи этотъ воинственный духъ. Задумали открыть могилу героя, потревожить прахъ его, чтобы перенести его въ Парижъ, и во всемъ блескѣ славы возложить оружіе его на новую гробницу. Неужели вы не поймете, какое впечатлѣніе должны

de la souveraineté du peuple, et les quatre millions de suffrages qui avaient porté sa famille au trône, sans qu'aucun autre vote eut depuis invalidé celui-là. Il poursuivait un droit, que la politique suivie par le gouvernement de 1830 l'autorisait pleinement à revendiquer.

« L'empereur, mon oncle, dit-il, aime mieux abdiquer l'Empire que d'accepter par des traités les frontières restreintes qui devaient exposer la France à subir les dédains et les menaces que l'étranger se permet aujourd'hui. Je n'ai pas respiré un seul jour dans l'oubli de tels enseignements. La proscription imméritée et cruelle, qui pendant vingt-cinq ans a traîné ma vie des marches du trône sur lesquelles je suis né jusqu'à la prison d'où je sors en ce moment, a été impuissante à irriter comme à fatiguer mon cœur ; elle n'a pas pu me rendre étranger un seul jour à la gloire, aux droits, aux intérêts de la France. Ma conduite, mes convictions l'expliquent. »

Il terminait ainsi cette allocution demeurée célèbre :

« Un dernier mot, messieurs. Je représente devant vous un principe, une cause, une défaite. Le principe, c'est la souveraineté du peuple, la cause celle de l'Empire, la défaite, Waterloo. Le principe, vous l'avez reconnu ; la cause vous l'avez servie, la défaite vous voulez la venger. Non il n'y a pas de désaccord entre vous et moi... »

Son interrogatoire n'offrit rien de saillant. M. Berryer, en présentant sa défense, argumenta surtout de ce que le principe tutélaire de la légitimité n'existant plus en France, le prince pouvait se croire autorisé à invoquer le principe de la souveraineté nationale en s'appuyant sur les 4 millions de votes de 1804, contre la déclaration des 219 députés qui avait établi en 1830 la dynastie d'Orléans. Il s'emparait encore, habilement, des excitations données à l'esprit militaire de la France, par la rentrée des cendres de Napoléon pour excuser la tentative de l'héritier de ce grand nom.

« Le ministère a voulu, disait l'illustre avocat, qu'elle fut montrée à la France cette grande épée qui avait presque courbé les Pyramides et qui avait presque entièrement séparé l'Angleterre du continent européen. Toutes les sympathies impériales, tous les sentiments bonapartistes ont été profondément remués, pour réveiller en France cet esprit guerrier. La tombe du héros, on est allé l'ouvrir, on est allé remuer ses cendres pour les transporter dans Paris et déposer glorieusement ses armes sur un cercueil... Est-ce que vous ne com-

были произвести подобныя манифестаціи на умъ молодаго принца? Если и было совершено преступленіе, то не сами ли вы вызвали его тѣми чувствами, которыми вы же старались одушевить всѣхъ Французовъ, и въ комъ изъ Французовъ могли чувства эти обнаружиться сильнѣе, если не въ наслѣдникѣ Наполеона?»

Защита ведена была очень ловко. Оттого *Мониторъ* и представилъ только отрывки изъ рѣчи Беррье, подъ предлогомъ, едва ли позволительнымъ, будто бы голосъ оратора (надо замѣтить, одинъ изъ самыхъ звучныхъ во Франціи) не доходилъ до слуха стенографовъ¹.

¹ Изъ прочихъ обвиненныхъ особенную смѣлость выказалъ г. деПерсини. Его обвиняли въ томъ, что онъ бросился на капитана Пужелье съ намѣреніемъ убить его. Онъ необинуясь сознался въ этомъ и какъ бы старался еще болѣе подтвердить свое признаніе.

Воп. Когда капитанъ гренадеровъ хотѣлъ войти въ казармы, не бросились ли вы на него, съ намѣреніемъ убить его?

От. Когда онъ вошелъ, меня не было съ нимъ; я стоялъ въ глубинѣ двора, рядомъ съ принцемъ; я бросился на него и хотѣлъ его задержать. Если бы не поручикъ Аладенизъ, я бы непременно убилъ капитана.

Воп. Стало-быть вы имѣли намѣреніе убить его?

От. Да.

Воп. Итак, вы сознаетесь, что имѣли намѣреніе умертвить его, а умерщвлять такимъ образомъ могутъ одни убійцы.

От. Я хотѣлъ убить его, сражаясь съ нимъ лицомъ къ лицу, а вовсе не такъ, какъ дѣйствуютъ убійцы. Ружье мое было заряжено, а я шелъ на него со штыкомъ.

Воп. Но напасть на него съ ружьемъ и штыкомъ посреди людей, также вооруженныхъ, было дѣломъ убійцы.

От. Мнѣ нечего отвѣчать болѣе; я принесъ сюда свою голову. Въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій г. де-Персини хотѣлъ самъ защищаться, но восторженность его выраженной и продолжительность рѣчи заставили г. канцлера Пакье остановить его.

«Я горжусь, говорилъ обвиненный съ пламеннымъ энтузіазмомъ, я горжусь тѣмъ, что девизомъ своимъ принялъ девизъ того благороднаго короля богемскаго, который пришелъ умирать при Кресси за дѣло Франціи, этотъ скромный, но не лишенный величія девизъ: *я служу!*»

«Наполеоновская идея, продолжалъ онъ, бывшая высшимъ проявленіемъ Французской революціи, соединяющая прошедшіе вѣка съ новымъ вѣкомъ, вызвавшая изъ нѣдръ самой буйной аристократіи самую колоссальную власть, замѣнившая восьми-вѣковую аристократію демократическою іерархіей, доступною всѣмъ достоинствамъ, всѣмъ добродѣтелямъ, всѣмъ дарованіямъ, самую великою общественною организацией, когда-либо придуманною людьми; наполеоновская идея, которая, распространяя равенство, старается доставить народамъ величайшія права, съ тѣмъ только, чтобы права эти обезпечены были сначала прочными постановленіями, такимъ образомъ соединяетъ доктрину

prenez pas ce que de telles manifestations ont dû produire dans l'esprit du jeune prince ?... S'il y a eu crime, n'est-ce pas vous qui l'avez provoqué par les sentiments dont vous avez animé les Français et entre tout ce qui est Français l'héritier de Napoléon lui-même ? »

C'était à coup sûr fort adroit. Aussi le *Moniteur* ne reproduisit-il que des fragments du discours de M. Berryer, sous le prétexte à peine spécieux que la voix de l'orateur — une des voix les mieux timbrées de France — n'était pas parvenue jusqu'au sténographe¹.

¹ Parmi les autres accusés, M. de Persigny se signala par son audace. Ainsi on l'accusait de s'être jeté sur le capitaine Coll Puygelier, avec l'intention de le tuer. Il n'hésitait pas à convenir du fait, en y mettant même de l'insistance.

« D. Lorsque le capitaine des grenadiers s'est présenté pour entrer à la caserne, ne vous êtes-vous pas élancé sur lui dans l'intention de le tuer ?

R. Je n'étais pas à côté de lui quand il est entré ; j'étais au fond de la cour près du prince ; je me suis précipité sur lui pour l'arrêter. Sans le lieutenant Aladenize qui m'a arrêté, j'aurais tué le capitaine.

D. Ainsi votre intention était de le tuer ?

R. Oui, monsieur.

D. Ainsi vous reconnaissez bien que votre intention était de tuer, et tuer ainsi, c'est assassiner.

R. Le tuer en l'attaquant face à face et non en assassin. Mon fusil était chargé mais je me présentais devant lui avec la baïonnette.

D. Mais l'attaquer avec un fusil et sa baïonnette lorsque vous étiez entouré d'hommes également armés, c'était l'assassiner.

R. Je n'ai rien de plus à dire ; j'ai apporté ma tête ici. »

Dans une des séances suivantes, Persigny voulut présenter lui-même sa défense ; mais l'exaltation de son langage et la longueur de son discours qui ne formait rien moins qu'une brochure déterminèrent le chancelier M. Pasquier à lui ôter la parole.

« Je suis fier, disait l'accusé avec un délirant enthousiasme, je suis fier d'avoir pris la devise de ce généreux roi de Bohême qui vint mourir à Crécy pour la cause de la France, cette devise modeste mais qui a aussi sa grandeur : *je sers*.

« L'idée napoléonienne, poursuivait-il, qui fut l'expression la plus sublime de la Révolution française, qui rattache les siècles passés au nouveau siècle, qui du sein de la démocratie la plus agitée fit surgir l'autorité la plus gigantesque, qui remplace une aristocratie de huit siècles par une hiérarchie démocratique accessible à tous les mérites, à toutes les vertus, à tous les talents, la plus grande organisation sociale que les hommes aient conçue ; l'idée napoléonienne qui, prodigue d'égalité veut assurer aux peuples les plus grandes libertés, mais ne leur en accorde la jouissance complète qu'après les avoir étayées de solides institutions, associant

Судъ, вѣроятно подѣ влияніемъ скорого и не совсѣмъ своевременнаго прибытія «праха императора», обнаружилъ большую умѣренность. Смертныхъ приговоровъ произнесено не было. Лудовикъ-Наполеонъ осужденъ былъ на вѣчное заточеніе, сообщники его на содержаніе въ тюрьмахъ отъ двухъ до двадцати лѣтъ.

7-го октября 1840 года, принцъ переведенъ былъ изъ люксембургской тюрьмы въ крѣпость Гамъ.

VIII.

Онъ провелъ тамъ шесть лѣтъ. Впрочемъ, заключеніе его облегчено было всевозможными средствами. Надо отдать справедливость іюльскому правительству, что если оно и сдѣлало много ошибокъ, то ни въ какомъ случаѣ не обнаруживало

свободы съ доктриной власти; наполеоновская идея печется преимущественно о народѣ, любимомъ сынѣ своемъ, но не льститъ ему; она непрерывно помышляетъ о его нуждахъ, и величайшую славу свою полагаетъ въ уничтоженіи нищенства и въ *организациіи труда*; наполеоновская идея идетъ во главѣ промышленныхъ предпріятій, славнымъ мечомъ своимъ опрокидываетъ всѣ препятствія на пути и сзываетъ всю Европу на обширную политическую конфедерацию; наполеоновская идея — это великая идея XIX вѣка, узаконенная гениемъ, прославленная побѣдой, освященная мученичествомъ, вы это знаете» и пр. и пр.

Послѣ этого предисловія, обвиненный началъ было обзорѣніе политики Франціи и Европы со временъ паденія имперіи, когда канцлеръ попросилъ его сократить чтеніе его рѣчи-брошюры. Г. де-Персиньи (тогда еще просто Фіалень Персиньи) остановился, протестуя противъ этого распоряженія, и уступилъ слово своему адвокату.

Защита прочихъ обвиненныхъ не представляла ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ развѣ защиты поручика Аладениза, на котораго падало самое тяжкое обвиненіе. Аладенизъ былъ тотъ молодой офицеръ 42-го полка, который, измѣняя присягѣ своей, ввелъ принца и его сообщниковъ въ полковыя казармы и пытался увлечь солдатъ. Краснорѣчивый адвокатъ его, г. Жюль Фавръ, старался извинить несчастнаго юношу воинственными воспоминаніями имперіи, которыя возбудить старалось само правительство; въ рѣчи его можно указать на горячую тираду о «границахъ Рейна», почитаемыхъ цѣлью каждаго Французопатріота.

Большая часть сообщниковъ принца въ булонскомъ дѣлѣ достигла въ послѣдствіи высокаго положенія, или получила отъ него щедрое вознагражденіе. Намъ случилось недавно читать во французскихъ журналахъ, что императоръ пожаловалъ г. Аладенизу, бывшему консулу въ Ниццѣ, землю цѣною въ 300 тыс. Фр. въ награжденіе за услуги, оказанныя Аладенизомъ, въ бытность его поручикомъ, принцу Лудовику Наполеону. Императоръ уже прежде назначилъ приданое одной изъ дочерей г. Аладениза.

La cour, influencée probablement par le retour passablement malencontreux des « cendres de l'empereur », se montra indulgente. Il n'y eût point de condamnations à mort. Louis Napoléon fut condamné à la détention perpétuelle ; ses complices le furent à des peines graduées de 2 à 20 ans d'emprisonnement.

Le 7 octobre 1840, le prince était transféré de la prison du Luxembourg dans la forteresse de Ham.

VIII.

Louis-Napoléon resta six ans à Ham. Sa captivité fut du reste adoucie autant qu'elle pouvait l'être. Car c'est une justice à rendre au gouvernement de juillet que s'il a commis de grandes fautes, on

ainsi les doctrines de liberté aux doctrines d'autorité ; l'idée napoléonienne qui songe surtout au peuple, ce fils de sa prédilection, qui ne le flatte pas, mais s'occupe sans cesse de ses besoins, et place sa plus grande gloire dans l'extinction de la mendicité et dans *l'organisation du travail* ; l'idée napoléonienne qui marche à la tête des voies industrielles que sa glorieuse épée débarrasse de toute entrave, et appelle l'Europe à une vaste Confédération politique, l'idée napoléonienne, cette grande idée du XIXe siècle, légitimée par le génie, illustrée par la victoire, sanctifiée par le martyre, vous la connaissez, etc. »

Après ce préambule, l'accusé commençait à passer en revue la politique de la France et de l'Europe depuis la chute de l'Empire, lorsque le chancelier l'engagea à abrégier la lecture de son discours-brochure. M. de Persigny (alors simplement Fialin Persigny) s'interrompt en protestant et il céda la parole à son défenseur.

La défense des autres accusés ne présenta rien de remarquable, si ce n'est peut-être celle du jeune lieutenant Aladenize sur lequel pesait la plus grave des accusations. Aladenize était, en effet, ce jeune officier du 42e, qui trahissant son serment avait introduit le prince et ses complices dans la caserne du régiment et essayé d'entraîner les soldats. Son éloquent avocat, M. Jules Favre, s'appuya à son tour pour excuser ce malheureux jeune homme sur les belliqueux souvenirs de l'Empire que le gouvernement lui-même avait pris à tâche de réveiller, et on peut signaler dans son discours une brûlante tirade sur les « limites du Rhin » considérées comme le but que doit se proposer tout français patriote.

Il nous est arrivé récemment de lire dans des revues françaises que l'empereur avait accordé à M. Aladenize, ancien consul à Nice, un terrain d'une valeur de 300 000 fr. en récompense des services rendus par lui lorsqu'il était lieutenant. L'empereur avait déjà attribué une dot à l'une des filles de M. Aladenize.

жестокости относительно своих враговъ. Въ продолженіи своего шестилѣтняго заключенія, принцъ могъ свободно принимать многочисленныхъ посѣтителей; туда являлись къ нему главные начальники республиканской партіи, которымъ онъ не переставалъ оказывать всевозможныя любезности. (Г. Луи-Бланъ, всегда обнаруживавшій къ нему большую симпатію, посѣтилъ его также¹; недавно напечатанъ былъ разказъ о его свиданіи съ

¹ Портретъ принца, изображенный г. Луи-Бланомъ въ его *Histoire des dix ans*, и снисходительное сужденіе его о страсбургской попыткѣ, Доказываютъ эту симпатію, которая должна была въ послѣдствіи выказаться еще яснѣе: послѣ февральской революціи г. Луи-Бланъ потребовалъ уничтоженія декрета объ изгнаніи членовъ Бонапартовой фамилии. Портретъ принца дѣлаетъ честь благороднымъ чувствамъ историка; но ужь конечно не обнаруживаетъ въ немъ большой вѣрности взгляда.

«Изъ двухъ сыновей бывшаго голландскаго короля, брата Наполеона, старшій погибъ во время италіянскихъ волненій смертію таинственною и преждевременною. Что же касается до младшаго, удалившагося въ Швейцарію, то онъ неуклонно занимался составленіемъ плановъ, льстившихъ его гордости и отвѣчавшихъ самымъ горячимъ желаніямъ души его... Но предпріятіе было опасно, и принцъ, замыслившій его, не имѣлъ еще тогда той опытности, которую въ послѣдствіи онъ приобрѣлъ своими неудачами.

«Умѣть повелѣвать своимъ сердцемъ, быть всегда нечувствительнымъ и терпѣливымъ, любить только свою цѣль, и безпрестанно притворяться; не расточать мужества своего на проекты и во всей цѣлости сохранять его для рѣшительнаго дѣйствія; вести другихъ къ самоотверженію, нисколько не довѣряя ему; вступать въ переговоры съ подлостью, угадывая ее, и презирать людей; чтобы быть сильнымъ, казаться такимъ, и приобрѣтати себѣ приверженцевъ не благодарностью, которая истощаетъ рвеніе, а надеждой, которая побуждаетъ его, вотъ въ чемъ проявляется геній честолюбцевъ въ эгоистическомъ и обыкновенномъ значеніи слова. Но принцъ Лудовикъ-Бонапартъ, ни достоинствами своими, ни недостатками не обнаруживалъ ничего подобнаго. Чувствительность его возбудить было не трудно, и тѣ, кому удавалось это, могли управлять имъ. Ему случалось иногда ложно судить о людяхъ по опрометчивости или по добротѣ. Пылъ желаній обманывалъ и увлекалъ его. Одаренный прямою характеромъ, вредною для его предпріятій, онъ отличался (что рѣдко встрѣчается въ одно и то же время) и возвышенностью души, заставляющею любить истину, и слабостью, которою пользуются льстецы; для умноженія числа своихъ приверженцевъ, онъ никогда не щадилъ себя. Однимъ словомъ, онъ не обладалъ ни искусствомъ сберегать свои средства, ни умѣньемъ преувеличивать ихъ значеніе. Но за то онъ былъ великодушенъ, предпримчивъ, отличался быстротою въ военныхъ экзерциціяхъ, ловко и горделиво носилъ свою военную одежду. Нѣтъ офицера храбрѣе, нѣтъ всадника смѣлѣе его. Несмотря на то, что на лицѣ его выражалась гораздо болѣе кротость, чѣмъ энергія и привычка повелѣвать, несмотря на какое-то обычное утомленіе его задумчиваго взгляда, нѣтъ сомнѣнія, что

ne peut du moins l'accuser de s'être montré cruel envers ses ennemis. Pendant ces six années de captivité, le prince pût recevoir de nombreuses visites, et particulièrement celles des principaux chefs du parti républicain avec lequel il n'avait pas cessé d'être en coquetterie. (M. Louis Blanc qui lui avait toujours témoigné beaucoup de sympathie¹ fut du nombre de ses visiteurs et il a publié, il y a quelque

¹ Le portrait du prince, tel que l'a esquissé l'auteur de *l'Histoire de dix ans*, et le jugement tout au moins fort indulgent qu'il porte sur la tentative de Strasbourg, attestent cette sympathie dont M. Louis Blanc devait après la révolution de février encore donner une preuve manifeste en insistant pour le rappel des décrets de bannissement des membres de la famille Bonaparte, sans exception. Le portrait du prince fait honneur aux bons sentiments de l'historien ; mais peut-être ne donnera-t-il pas une idée aussi haute de la sûreté de son jugement.

« Des deux fils de l'ancien roi de Hollande, frère de Napoléon, l'aîné avait succombé, dans les troubles d'Italie, à une mort aussi mystérieuse que prématurée. Et quant au plus jeune retiré en Suisse, il s'y était appliqué sans relâche à préparer de loin des projets qui souriaient à son orgueil et répondaient aux plus vives aspirations de son âme... Mais l'entreprise était hasardeuse, et le prince qui l'avait conçue n'avait pas encore tout ce que devaient lui donner plus tard les enseignements de la mauvaise fortune.

« Savoir commander à son cœur, être insensible et patient, n'aimer que son but, dissimuler ; ne pas dépenser son audace dans les projets et la réserver tout entière pour l'action ; pousser au dévouement sans trop y croire, traiter avec la bassesse en la devinant, mépriser les hommes ; pour devenir fort, le paraître ; et se donner des créatures, moins par la reconnaissance qui fatigue le zèle, que par l'espérance qui le stimule ; là est dans le sens égoïste et vulgaire du mot, le génie des ambitieux. Or, le prince Louis Bonaparte n'avait, soit en qualités soit en vices, presque rien de ce qui le compose. Sa sensibilité, facile à émouvoir, le livrait désarmé aux faux empressements des subalternes. Il lui arrivait quelquefois de mal juger les hommes par précipitation ou par bonté. La fougue de ses désirs le trompait et l'entraînait. Doué d'une droiture nuisible à ses desseins, il avait, par un rare assemblage, et l'élévation d'âme qui fait aimer la vérité, et la faiblesse dont profitent les flatteurs. Pour augmenter le nombre de ses partisans, il se prodiguait. Il ne possédait, en un mot, ni l'art de ménager ses ressources ni celui d'en exagérer habilement l'importance. Mais, en revanche, il était généreux, entreprenant, prompt aux exercices militaires, élégant et fier sous l'uniforme. Pas d'officier plus brave, de plus hardi cavalier. Quoique sa physionomie fut douce plutôt qu'énergique et dominatrice, quoiqu'il y eût une sorte de langueur habituelle dans son regard, où

принцемъ.) Онъ получилъ позволеніе сохранить при себѣ врача своего, доктора Конно, съ помощію котораго ему удалось, спустя шесть лѣтъ, бѣжать изъ тюрьмы и пробраться въ Англію. Между тѣмъ, онъ употребилъ въ пользу долгіе досуги своего заточенія и написалъ нѣсколько брошюръ, каковы, напримѣръ, *Fragments historiques ou comparaison des revolutions de 1688 et de 1830* (Историческіе отрывки или сравненіе революцій 1688 и 1830 г.), изданные въ 1844 году; *Analyse de la question des sucres* (Изслѣдованіе вопроса о сахарѣ), 1842 года; *Projet de loi sur le recrutement de l'armée 1843* (Проектъ закона о пополненіи арміи, 1843 года); *Réponse du Prince Napoléon Louis à M. de Lamartine* (Отвѣтъ принца Наполеона-Людвика г. де-Ламартину, 1844); *Extinction de Paupérisme* (Уничтоженіе пауперизма, 1844). Сверхъ того онъ продолжалъ заниматься своимъ большимъ сочиненіемъ объ артиллеріи и завелъ сношенія съ г. Фредерикомъ Дежоржемъ, директоромъ одного республиканскаго журнала *Progrès du Pas de Calais*, къ которому онъ пересылалъ множество статей о современныхъ вопросахъ. Тайна, впрочемъ не совсѣмъ глубокая, его не подписанной корреспонденціи, открыта была самимъ журналомъ, къ которому она была адресована. Подъ заглавіемъ *Демократическія убѣжденія принца Наполеона-Людвика Бонапарта, Progrès du Pas de Calais* напечаталъ (въ No своемъ отъ 28 октября 1843 года) письмо, адресованное его знаменитымъ сотрудникомъ къ редактору *Journal de Loiret*, который спрашивалъ его, съ какими цѣлями онъ возвратится въ великое Французское семейство, если двери темницы его откроются передъ нимъ, и если семейство его освободится отъ тяготѣющаго надъ нимъ изгнанія.

«Я никогда не вѣрилъ и никогда не повѣрю, отвѣчалъ принцъ, чтобы Франція была удѣломъ одного человѣка или одного семейства; я никогда не отыскивалъ другихъ правъ, кромѣ правъ Французскаго гражданина, и единственнымъ желаніемъ моимъ было созвать весь народъ для избранія правительства, для него приличнаго. Происходя изъ семейства, которое обязано возвышеніемъ своимъ общему приговору націи, я бы измѣнилъ своему происхожденію, своей натурѣ и, что важнѣе всего, здравому

солдаты полюбили бы его за откровенность его поступковъ, за искренность рѣчи, за его станъ, напоминавшій станъ его дяди, и за императорскій порывъ, который мгновенная страсть зажигала въ его голубыхъ глазахъ.» *Histoire des dix ans* т. V, глава VI. Это сужденіе, обнаруживающее въ авторѣ много оригинальности и мало наблюдательности, можетъ, если мы не ошибаемся, служить объясненіемъ, почему нѣкоторые республиканцы упорно почитали Людовика-Наполеона человѣкомъ честолюбивымъ, но не опаснымъ.

temps, le récit de son entrevue avec le prétendant impérial.) On lui permit de conserver auprès de lui son médecin, le docteur Conneau, avec le concours duquel il put s'évader six ans plus tard et se rendre en Angleterre. En attendant, il utilisa les longs loisirs de sa captivité, en écrivant plusieurs brochures, telles que : *Fragments historiques* ou comparaison des révolutions de 1688 et de 1830, publiés en 1841. — *Analyse de la question des sucres*, 1842. — *Projet de loi sur le recrutement de l'armée*, 1845. — *Réponse de Louis Napoléon à M. de Lamartine*, 1844. — *Extinction du paupérisme*, 1844. Il continua, en outre, son grand ouvrage sur l'artillerie, et il se mit en relations avec M. Degeorge, directeur d'un journal républicain, le *Progrès du Pas de Calais*, à qui il envoya de nombreux articles sur toutes les questions à l'ordre du jour. Le secret, assez transparent d'ailleurs, de ces communications non signées, fut divulgué par le journal même auquel elles étaient adressés. Sous le titre de « profession de foi démocratique du prince Napoléon Louis Bonaparte », le *Progrès du Pas de Calais* publia (dans son n° du 28 octobre 1845) une lettre adressée par son illustre collaborateur au *Journal du Loiret*, qui lui avait demandé à quel titre il rentrerait dans la grande famille française si les portes de sa prison lui étaient ouvertes et si sa famille se trouvait relevée de la sentence d'exil qui pesait sur elle.

« Jamais je n'ai cru et jamais je ne croirai, répondait le prince, que la France soit l'apanage d'un homme ou d'une famille ; jamais je n'ai invoqué d'autres droits que ceux de citoyen français, et jamais je n'aurai d'autre désir que de voir le peuple entier, légalement convoqué, choisir librement la forme de gouvernement qui lui conviendra. Issu d'une famille qui a dû son élévation au suffrage de la nation, je mentirais à mon origine, à ma nature et qui plus est,

passait la rêverie, nul doute que les soldats ne l'eussent aimé pour ses allures franches, pour la loyauté de son langage, pour sa taille, petite comme celle de son oncle, et pour l'éclair impérial que la passion du moment allumait dans son oeil bleu. Quel nom d'ailleurs que le sien ! » (*Histoire de dix ans*, t. V, chap. V.)

Ce jugement peut servir, croyons-nous, à expliquer pourquoi jusqu'au dernier moment certains républicains se sont obstinés à considérer Louis-Napoléon comme un esprit ambitieux peut-être mais peu dangereux.

смыслу, еслибъ я не ставилъ народНой воли основаніемъ всякой политической организаціи. Правда, я требовалъ перваго мѣста, но только на брешѣ. У меня были честолюбивые замыслы, но я могу признаться въ нихъ во всеуслышаніе, замыслы соединить вокругъ моего плебейскаго имени всѣхъ приверженцевъ народнаго владычества, всѣхъ тѣхъ, кто искалъ славы и свободы. Если я ошибся, ужели осудить меня за то демократическое мнѣніе? Ужели Франція накажетъ меня?

«Повѣрьте, милостивый государь, что какова бы ни была участь, ожидающая меня въ будущемъ, никто не скажетъ обо мнѣ никогда, чтобъ я, въ продолженіе моего изгнанія или заточенія, ничему не научился или забылъ что-нибудь.»

Въ концѣ 1845 года, во время опасной болѣзни отца своего, онъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ исходатайствовать ему позволеніе повидаться съ отцомъ, и давалъ честное слово возвратиться въ тюрьму, но получилъ отказъ. 14 января 1846 года онъ писалъ о томъ же къ королю, и также безуспѣшно. Тогда нѣсколько депутатовъ, и преимущественно г. Одилонъ Барро, совѣтовали ему подать королю просьбу о помилованіи и ручались за успѣхъ. Но онъ съ живостію отвергъ это предложеніе, не желая повредить своей будущности, въ которую не переставалъ вѣровать. «Скоро уже исполнится шесть лѣтъ, писалъ онъ по этому случаю къ г. Одилону Барро отъ 2 февраля 1846 года, какъ я безъ ропота переносу заточеніе, бывшее естественнымъ слѣдствіемъ нападеній моихъ на правительство. Я буду переносить его еще десять лѣтъ, не обвиняя ни судьбы, ни людей.»

Бросимъ бѣглый взглядъ на сочиненія, изданныя имъ въ періодъ его заточенія.

Историческіе отрывки или сравненіе революцій 1688 и 1830 года были написаны въ первые мѣсяцы пребыванія принца въ Гамбѣ. По его мнѣнію, они должны были служить оправданіемъ попыткѣ, окончившейся такъ неудачно и совершенно отдававшей его на жертву сарказмамъ его враговъ.

«Для очистки чести моей достаточно, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, доказать, что, пускаясь смѣло въ бурное море, я долго и глубоко обдумывалъ причины и слѣдствія революцій, трудность успѣха и бѣдствія, неразлучныя съ кораблекрушеніемъ.»

«Въ то время, какъ въ Парижѣ поклоняются браннымъ останкамъ императора, я, племянникъ его, заживо погребенъ въ душной тюрьмѣ; но я смѣюсь надъ непослѣдовательностью людскою и благодарю Бога, даровавшаго мнѣ, послѣ такихъ жестокихъ испытаній, убѣжище въ тюрьмѣ, находящейся на почвѣ Франціи. Поддерживаемый пламенною вѣрой и чистою совѣстью,

au sens commun, si je n'admettais pas la souveraineté du peuple comme base fondamentale de toute organisation politique... J'ai réclamé il est vrai, une première place mais sur la brèche. J'avais une grande ambition, mais elle était hautement avouable, l'ambition de réunir autour de mon nom plébéien tous les partisans de la souveraineté nationale, tous ceux qui voulaient la gloire et la liberté. Si je me suis trompé, est-ce à l'opinion démocratique à m'en vouloir ? Est-ce à la France à m'en punir ?

Croyez, monsieur, que, quel que soit le sort que l'avenir me réserve, on ne dira jamais de moi que pendant l'exil ou la captivité, je n'ai rien appris ni rien oublié. »

À la fin de 1845, son père étant gravement malade, il écrivit au ministre de l'intérieur pour demander la permission d'aller lui rendre les derniers devoirs, en donnant sa parole d'honneur de revenir dans sa prison. On la lui refusa. Le 14 janvier 1846, il écrivit au roi. Nouveau refus. Alors, plusieurs députés, et, en particulier, M. Odilon Barrot, l'engagèrent à adresser au roi une espèce de demande en grâce, en lui promettant de la faire réussir. Mais il repoussa vivement cette ouverture, afin de ne pas enchaîner un avenir dans lequel il persistait à avoir foi.

« Depuis bientôt six ans, écrivait-il à cette occasion à M. Odilon Barrot (2 février 1846), je supporte sans me plaindre une réclusion qui est une des conséquences naturelles de mes attaques contre le gouvernement. Je la supporterai encore dix ans s'il le faut sans accuser ni le sort ni les hommes. »

Jetons maintenant un coup d'œil rapide sur les publications de cette période de captivité.

Les *Fragments historiques* ou comparaison des révolutions de 1688 et de 1830 furent écrits dans les premiers mois du séjour du prince à Ham. Ils devaient, dans sa pensée, servir de justification à une tentative qui venait d'échouer si malheureusement et qui le livrait, sans défense, aux sarcasmes de ses ennemis.

« Il me suffit, pour venger mon honneur, dit-il dans sa préface, de prouver que si je me suis embarqué audacieusement sur une mer orageuse, ce n'est pas sans avoir d'avance médité profondément sur les causes et les effets des révolutions, sur les écueils de la réussite comme sur les gouffres du naufrage.

Pendant qu'à Paris on défie les restes mortels de l'empereur, moi, son neveu, je suis enterré vivant dans une étroite enceinte ; mais je me ris de l'inconséquence des hommes, et je remercie le ciel de m'avoir donné comme refuge après tant d'épreuves cruelles, une prison sur le sol français. Soutenu par une foi ardente et une cons-

я съ терпѣніемъ переносу свое несчастіе и утѣшаюсь въ настоящемъ тѣмъ, что вижу будущность враговъ моихъ начертанною неизгладимыми буквами въ исторіи всѣхъ народовъ.»

Авторъ нашъ сравниваетъ положеніе Англіи въ 1688 году съ положеніемъ Франціи въ 1830 г. Онъ находитъ, что въ обоихъ государствахъ необходимо было согласить старыя интересы съ интересами новыми. Дѣла этого не поняли Стюарты и пали, потому что не поняли его. Вильгельмъ III былъ дальновиднѣе ихъ: онъ успѣлъ основать правительству прочное и сильное, потому что оно отвѣчало потребностямъ вѣка и страны. Если бы Вильгельмъ III поступилъ иначе, еслибъ онъ попытался возстановить старую систему Стюартовъ, то его свергли бы также съ престола, и тогда провозгласили бы, конечно несправедливо, что англійская нація неспособна ни къ какому прочному правительству.

«Вильгельмъ III удовлетворилъ требованіямъ своей эпохи и возстановилъ общественное спокойствіе, но еслибъ онъ послѣдовалъ политикѣ Стюартовъ, его бы низвергнули, и враги англійской націи, при видѣ новой потребности въ перемѣнахъ, обвибы народъ въ непостоянствѣ и легкомысліи, вмѣсто того чтобъ обвинить правительство въ ослѣпленіи и вѣроломствѣ; они бы сказали, что Англія страна, которою управлять невозможно; они бы назвали ее, какъ называетъ ее Іаковъ II въ своихъ мемуарахъ, *націей отравленною*.

« . . . Примѣръ Стюартовъ свидѣтельствуеетъ, что чужеземная помощь никогда не въ состояніи поддержать правительство, отвергаемое народомъ.

«Исторія Англіи гласитъ теперь королямъ:

«Идите во главѣ идеи вашего вѣка, эти идеи послѣдуютъ за вами и поддержатъ васъ.

«Идите вслѣдъ за ними, онѣ васъ увлекутъ.

«Идите противъ нихъ, онѣ васъ низвергнутъ.»

Намеки, употребляемые авторомъ этихъ отрывковъ, нисколько не загадочны. Вильгельмъ III, который былъ бы низвергнутъ, еслибы послѣдовалъ примѣру Стюартовъ и оперся на чужеземную помощь, есть не кто иной, какъ Лудовикъ-Филиппъ. Революція 1830 года тѣмъ и отличается отъ революціи 1688 года, что она не рѣшаетъ ничего; напротивъ того, она вызываетъ новую революцію, которая должна быть начата и окончена, сообразно съ потребностями Франціи, *настоящимъ* Вильгельмомъ III. Такъ какъ революція эта была необходима, то гамскій узникъ и рѣшился самъ начать ее, по примѣру своего образца. Онъ не хотѣлъ предоставить массамъ выполненія ея, потому что по мнѣнію его:

cience pure, je m'enveloppe dans mon malheur avec résignation, et je me console du présent en voyant l'avenir de mes ennemis écrit en caractères ineffaçables dans l'histoire de tous les peuples. »

Il examine donc les analogies qui existent entre la situation de l'Angleterre de 1688 et celle de la France de 1830. Il voit dans les deux pays des intérêts anciens et des intérêts nouveaux, qu'il s'agissait de concilier. Cette œuvre les Stuarts ne la comprirent pas, et ils succombèrent pour ne l'avoir pas comprise. Guillaume III au contraire en eût l'intelligence, et il réussit à fonder un gouvernement stable et fort parce que ce gouvernement était en harmonie avec les besoins du temps et du pays. Si Guillaume III s'était conduit autrement, s'il avait essayé de replâtrer le vieux système des Stuarts, il aurait été renversé à son tour, et l'on aurait, mais certes bien à tort, proclamé la nation anglaise une nation ingouvernable.

« Guillaume III satisfait aux exigences de son époque et rétablit la tranquillité publique ; mais s'il eût suivi la politique des Stuarts il eut été renversé, et les ennemis de la nation anglaise, en voyant encore de nouveaux besoins de changement, eussent accusé le peuple d'inconséquence et de légèreté, au lieu d'accuser les gouvernants d'aveuglement et de perfidie ; ils eussent dit que l'Angleterre était une nation *ingouvernable* ; ils l'eussent appelée, comme Jacques II la nomme dans ses mémoires, une nation empoisonnée.

L'exemple des Stuarts prouve que l'appui étranger est toujours impuissant à sauver les gouvernements que la nation n'adopte pas.

Et l'histoire d'Angleterre dit hautement aux rois :

Marchez à la tête des idées de votre siècle, ces idées vous suivent et vous soutiennent.

Marchez à leur suite, elles vous entraînent.

Marchez contre elles, elles vous renversent. »

Les allusions auxquelles se livre l'auteur de ces fragments sont aussi transparentes que possible. Le Guillaume III qui est renversé en France pour avoir suivi le système des Stuarts et s'être appuyé sur l'étranger, c'est, bien entendu, Louis-Philippe. La révolution de 1830 diffère en conséquence de celle de 1688 en ce qu'elle ne résout rien ; en ce qu'elle rend nécessaire au contraire une révolution nouvelle, qui devra être accomplie ou terminée, conformément aux besoins de la France nouvelle, par un *vrai* Guillaume III. Cette révolution nécessaire le prisonnier de Ham avait voulu la tenter à l'exemple de son modèle. Il n'avait pas voulu abandonner aux masses elles-mêmes le soin de l'accomplir, parce qu'il pensait que :

«Вообще революцій, направляемая рукой вождя, оканчиваются совершенно въ пользу народныхъ массъ, ибо, для достиженія своей цѣли, вождь долженъ дѣйствовать неуклонно въ духѣ народа и постоянно соображаться съ интересами, доставившими ему торжество; напротивъ того, революцій, производимыя массами, обращаются въ пользу однихъ вождей партій, потому что народъ, одержавъ побѣду, почитаетъ дѣло свое оконченнымъ и нуждается въ продолжительномъ отдохновеніи послѣ усилій, доставившихъ ему эту побѣду.»

Попытка его была неудачна; но такъ какъ положеніе дѣлъ не измѣнилось, то революція по прежнему необходима, и онъ, говоря словами его предисловія, «утѣшается въ настоящемъ тѣмъ, что будущность враговъ его начертана неизгладимыми буквами въ исторіи всѣхъ народовъ.»

Предчувствія и довѣренность къ звѣздѣ своей не обманули его. Но скажетъ ли исторія, что онъ лучше Лудовика-Филиппа удовлетворилъ потребностямъ новой Франціи? Будетъ ли онъ *настоящимъ* Вильгельмомъ III? Отвѣтъ можетъ дать будущее.

За *Историческими отрывками* слѣдуютъ сочиненія совершенно инаго характера: *Изслѣдованіе вопроса о сахарѣ*, которое особенно интересно, потому что оно заключаетъ въ себѣ довольно полное изложеніе экономическихъ понятій автора. Надо сказать правду, что эти понятія далеко не современны. Политическая экономія, какъ и политика наслѣдника «наполеоновскихъ идей», вытекаетъ изъ имперіи. Производство туземнаго сахара, которое онъ защищаетъ въ этомъ изслѣдованіи, есть созданіе наполеоновское.

«Когда море было заперто для Франціи, говоритъ онъ, императоръ принялъ одно изъ тѣхъ рѣшеній, которыя задумать и совершить можетъ только великій человѣкъ; онъ задумалъ перенести колоніи въ Европу, предоставивъ наукѣ изыскать въ нашихъ климатахъ произведенія, соотвѣтствующія экваторіальнымъ.» Съ этою цѣлю, декретомъ отъ 25 марта 1811 г., онъ повелѣлъ, чтобы 32.000 гектаровъ обращены были на воздѣлываніе свекловицы, и предоставилъ въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ миллионъ Франковъ для поощренія этой промышленности, а равно и для разведенія вайды, которая должна была замѣнить индиго. Эти созданія искусственной промышленности не имѣли сначала большаго успѣха, и свекловичный сахаръ никакъ не могъ замѣнить вполне сахаръ тростниковый. А между тѣмъ значительные капиталы употреблены были на эту отрасль промышленности. Реставрація сочла себя не въ правѣ оставить ее. Она освободила ее отъ всякаго налога, между тѣмъ, какъ колоніальный сахаръ обложенъ былъ высокою пошлиной,

« En général les révolutions conduites et exécutées par un chef tournent entièrement au profit des masses ; car, pour réussir le chef est obligé d'abonder entièrement dans le sens national, et pour se maintenir, il doit rester fidèle aux intérêts qui l'ont fait triompher ; tandis qu'au contraire, les révolutions faites par les masses ne profitent souvent qu'aux chefs, parce que le peuple croit le lendemain de la victoire son ouvrage achevé, et qu'il est dans son essence de se reposer longtemps de tous les efforts qu'il lui a fallu pour vaincre. »

Il a échoué dans sa tentative ; mais comme la situation n'a point changé, une révolution n'en demeure pas moins nécessaire, et comme il l'écrivait dans sa préface : « il se console du présent en voyant l'avenir de ses ennemis écrit en caractères ineffaçables dans l'histoire de tous les peuples. »

Ses pressentiments et sa confiance en son étoile ne l'ont pas trompé. Mais l'histoire dira-t-elle qu'il a mieux satisfait aux besoins de la France nouvelle que ne l'avait fait Louis-Philippe ? Sera-t-il, lui, le vrai Guillaume III ? L'avenir nous le dira.

Aux *Fragments historiques* succède un travail d'un tout autre caractère, l'*Analyse de la question des sucres*, qui est surtout intéressante en ce qu'elle renferme un exposé assez complet des opinions économiques de l'auteur. Ces opinions, il faut le dire, ne sont pas précisément des plus avancées. L'économie politique comme la politique de l'héritier des *Idées napoléoniennes*, date de l'Empire. L'industrie du sucre indigène dont il défend la cause dans cette analyse était, du reste, une création napoléonienne.

« Lorsque la mer eut été fermée à la France, l'empereur, dit-il, prit une de ces résolutions qu'un grand homme seul peut concevoir et accomplir, il voulut transporter les colonies en Europe en chargeant la science de trouver dans nos climats les équivalents des produits de l'équateur. »

Dans ce but, l'empereur ordonna par un décret du 25 mars 1811, que 32 000 hectares seraient consacrés à la culture de la betterave, et il mit un million de francs à la disposition du ministre de l'intérieur pour encourager cette industrie, ainsi que la culture du pastel qui devait remplacer l'indigo. Ces créations d'industries artificielles n'eurent d'abord qu'un médiocre succès, et le sucre de betterave ne suppléa que fort imparfaitement au sucre de canne. Cependant des capitaux importants avaient été engagés dans cette industrie. La Restauration ne crut pas devoir l'abandonner. Elle l'exempta de toute taxe, tandis que les sucres des colonies étaient soumis à des

а заграничный запрещенъ къ привозу. Благодаря такому громадному поощренію, производство туземнаго сахара развивалось и совершенствовалось, между тѣмъ какъ производство колоніальнаго сахара, стѣсненное невольничествомъ, оставалось постоянно на одной и той же точкѣ. Тогда колоній стали жаловаться, и, вслѣдствіе жалобы ихъ, туземный сахаръ въ свою очередь подчиненъ былъ налогамъ. Несмотря на эти налоги, производство его продолжало развиваться, къ великому отчаянію колонистовъ, которые потребовали наконецъ уничтоженія своего соперника. Даже составленъ былъ проектъ выкупа, съ выдачей 40 милл. вознагражденія производителямъ туземнаго сахара. Проектъ этотъ не былъ принятъ; ограничились только возвышеніемъ налоговъ на свекловичный сахаръ, такъ что они сравнялись съ налогами на сахаръ колоніальный. Несмотря на все это, обиліе капиталовъ, усовершенствованіе машинъ, разумный трудъ свободныхъ работниковъ дали туземному производству возможность выдержать конкуренцію тростниковаго сахара. Правда, что во Франціи борьба происходила только между сахаромъ колоніальнымъ и туземнымъ, что иностранный сахаръ былъ вовсе устраненъ съ арены запретительнымъ тарифомъ и что, вслѣдствіе этого, потребители были обложены тяжелою податью, при искусственномъ и постоянномъ возвышеніи цѣнности одного изъ продуктовъ, наиболее содѣйствующихъ благосостоянію массъ. Но извѣстно, что интересъ потребителей остается всегда на второмъ планѣ въ дѣлѣ налоговъ и таможенъ.»

Авторъ *Изслѣдованія вопроса* о сахарѣ возстаетъ, и совершенно справедливо, противъ уничтоженія свеклосахарнаго производства; но съ другой стороны онъ нисколько не заботится объ интересахъ массы потребителей, требуя устраниннн иностраннаго сахара или, по-крайней мѣрѣ, приложенія къ нему правилъ *подвижной лѣстницы* пошлинъ. «Главное дѣло, говоритъ онъ, состоитъ въ устраниннн иностраннаго сахара, посредствомъ подвижныхъ налоговъ, сообразныхъ съ рыночными цѣнами, и въ допущеннн его къ привозу только въ такомъ случаѣ, когда Французскіе продукты не въ состояннн будутъ удовлетворять потребителей.»

Такое предложеніе не обнаруживаетъ въ авторѣ глубокихъ экономическихъ познаннн. Гибельныя слѣдствія *подвижной лѣстницы* пошлинъ, примѣненной къ зерновому хлѣбу, извѣстны всѣмъ, и не трудно предсказать, что приложеніе ея къ сахару поведетъ къ тѣмъ же результатамъ. Впрочемъ авторъ, выказывая отъ времени до времени сочувствіе къ свободной торговлѣ, представляетъ себя откровеннымъ и отъявленнымъ протекціонистомъ. И въ этомъ случаѣ онъ остается вѣренъ преданію.

droits élevés et les sucres étrangers à des droits prohibitifs. Grâce à cette énorme prime d'encouragement, la sucrerie indigène se développa en se perfectionnant tandis que la production sucrière des colonies, enrayée par l'esclavage, demeurait à peu près stationnaire. Alors, les colonies se plaignirent, et sur leurs réclamations la sucrerie indigène fut à son tour soumise à des droits. Malgré ces droits, elle continua de se développer, au grand désespoir des colons qui finirent par demander la suppression de leur rivale. Un projet fut même rédigé portant qu'une indemnité de rachat de 40 millions serait accordée aux producteurs de sucre indigène. Ce projet ne fut pas adopté ; on se borna à augmenter les droits sur le sucre de betterave, jusqu'à les niveler avec ceux qui grevaient le sucre des colonies. Grâce à l'abondance de ses capitaux, à la perfection de ses machines, à l'intelligence des travailleurs libres qui la desservent, l'industrie indigène a pu néanmoins se soutenir contre la concurrence du sucre de canne. Il est vrai qu'en France, la lutte n'a porté qu'entre le sucre des colonies et le sucre indigène, que le sucre étranger a été écarté de l'arène par des droits prohibitifs, et que les consommateurs ont été ainsi obligés de supporter un lourd impôt par le renchérissement artificiel et permanent d'une des denrées qui contribuent le plus au bien-être des masses. Mais on sait que l'intérêt des consommateurs a été toujours laissé à l'arrière-plan dans les questions d'impôts et de douanes.

L'auteur de *l'Analyse de la question des sucres* s'oppose, et certainement avec raison, à la suppression de la sucrerie indigène ; mais d'un autre côté, il fait bon marché des intérêts de la masse des consommateurs, en demandant l'expulsion des sucres étrangers, ou tout au moins, en réclamant l'application aux sucres du régime de *l'échelle mobile*.

« La première décision à prendre, dit-il, c'est d'expulser les sucres étrangers en les tenant en réserve au moyen d'un droit mobile et proportionnel au prix courant, afin de permettre leur entrée dans le seul cas où les productions françaises ne suffiraient pas à la consommation. »

Cette solution n'atteste pas chez l'auteur des connaissances économiques bien approfondies. On connaît les effets désastreux de l'échelle mobile appliquée aux grains, et il est permis d'augurer que ce régime ne donnerait pas un meilleur résultat si on l'appliquait aux sucres. L'auteur, du reste, n'attribue au commerce extérieur qu'un rôle inférieur, subordonné, dans l'économie d'une nation. Et chez lui c'est encore de tradition.

«Императоръ Наполеонъ, говоритъ онъ, составилъ слѣдующее распределение, указывающее, на какихъ основаніяхъ должна воздвигнуться политическая экономія во Франціи.

«Земледѣліе составляетъ основаніе и силу государственнаго благосостоянія.

«Промышленность составляетъ довольство, счастье народа.

«Внѣшняя торговля — изобиліе, разумное употребленіе двухъ первыхъ.

«Послѣдняя создана для двухъ первыхъ, двѣ первыя ни сколько не созданы для нея. Интересы этихъ трехъ существенныхъ основаній не рѣдко расходятся и даже часто противоположны другъ другу.»

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ отношеніи наполеоновская политическая экономія находится въ совершенномъ разладѣ съ либеральною политическою экономіей, которая утверждаетъ, что между земледѣліемъ промышленностію и торговлей существуетъ гармонія, а не противорѣчіе интересовъ. Но пойдемъ далѣе. По мнѣнію автора, внѣшняя торговля имѣетъ только интересъ второстепенный, и жертвовать ею необходимо для благоденствія прочихъ отраслей дѣятельности, и преимущественно для выгодъ рабочаго класса.

«Для созданія промышленности необходимы: наука, которая изобрѣтаетъ, практической смыслъ, который прилагаетъ къ дѣлу изобрѣтенное, капиталы, которые основываютъ ее, и таможенные пошлины, которыя ей покровительствуютъ до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ совершеннаго развитія. Благодарственная совокупность подобныхъ мѣръ довела Англію до высокой степени промышленной дѣятельности; этой же системѣ обязана Франція большею частію своей промышленностію: подвигая науку къ открытіямъ приманкой высокиихъ премій, пополняя недостатокъ капитала значительнымъ вспоможеніемъ, поражая запрещеніемъ иностранные продукты, императоръ Наполеонъ одарилъ Францію Филатурами, фабрикаціей казимира, марены, вайды, подвинулъ впередъ механическую разработку льна и далъ обширное развитіе желѣзнымъ заводамъ, Фабрикамъ шелковыхъ, бумажныхъ и льняныхъ тканей.

«Еслибы во Франціи защитники свободной торговли дерзнули приложить къ дѣлу свои пагубныя теоріи, то Франція потеряла бы не менѣе двухъ милліардовъ своего богатства; два милліона работниковъ остались бы безъ дѣла, и торговля наша лишилась бы тѣхъ выгодъ, которыя она извлекаетъ изъ огромнаго количества грубыхъ матеріаловъ, привозимыхъ изъ-за границы на наши мануфактуры.»

« L'empereur Napoléon, dit-il, a fait la classification suivante qui montre les bases sur lesquelles l'économie politique de la France doit être fondée :

L'agriculture est la base et la force de la prospérité du pays.

L'industrie est l'aisance, le bonheur de la population.

Le commerce extérieur, la surabondance, le bon emploi des deux autres.

Celui-ci est fait pour les deux autres, les deux autres ne sont pas faits pour lui. Les intérêts de ces trois bases essentielles sont divergents, souvent opposés. »

Sur ce point, notons-le en passant, l'économie politique napoléonienne est en désaccord complet avec l'économie politique pure et simple, qui prétend comme on sait, qu'il y a harmonie et non opposition d'intérêts entre l'agriculture, l'industrie et le commerce. — Mais poursuivons. Aux yeux de l'auteur, le commerce extérieur n'est donc qu'un intérêt secondaire, qu'il faut savoir sacrifier, au besoin, à la prospérité des autres branches et surtout aux intérêts de la classe ouvrière.

« Pour créer l'industrie il faut la science qui invente, l'intelligence qui applique, les capitaux qui fondent, les droits de douane qui protègent jusqu'au développement complet. C'est par l'heureux effet de semblables mesures que l'Angleterre est arrivée à un degré prodigieux d'activité industrielle ; la France est également redevable à ce système de la plupart de ses industries ; car c'est en poussant la science aux découvertes par l'appât de primes élevées, en suppléant à la rareté des capitaux par des avances considérables, en frappant de droits prohibitifs les produits étrangers que l'empereur Napoléon dota la France du filage du coton, de la fabrication du casimir, de la garance, du pastel ; imprima l'élan à la découverte du filage du lin à la mécanique et donna un immense essor aux forges, aux fabriques de tissus de soie, de laine et de coton.

Si en France les partisans de la liberté du commerce osaient mettre en pratique leurs funestes théories, la France perdrait en richesse une valeur d'au moins deux milliards, deux millions d'ouvriers resteraient sans travail, et notre commerce serait privé du bénéfice qu'il tire de l'immense quantité de matières premières qui sont importées pour alimenter nos manufactures. »

Впрочемъ, авторъ не возстаеъ а priori противъ всякой таможенной реформы; онъ допускаеъ, что пошлины можно понизить, но тогда только, когда уже достовѣрно, что такая-то промышленность можетъ обойтись безъ покровительства. Мы видимъ въ немъ умѣреннаго протекціониста, даже пожалуй прогрессиста, но ужь ни въ какомъ случаѣ не приверженца свободной торговли, какъ утверждали нѣкоторые.

Въ другой брошюрѣ, написанной также въ Гамской тюрьмѣ, Мы находимъ не менѣе интересныя свѣдѣнія объ экономическихъ идеяхъ автора. Дѣло идетъ объ *уничтоженіи пауперизма*.

Эта брошюра появилась въ 1844 году. Въ эту эпоху во Франціи происходило страшное изверженіе соціалистскихъ идей. Г. Луи-Бланъ только что издалъ свою *Организацію труда*; Фаланстеріяны сгруппировались и начали изданіе своего журнала *La Phalange*, обратившагося въ послѣдствіи въ *Démocratie pacifique*. Г. Эжень Сю готовился къ изданію своихъ соціалистическихъ романовъ. Въ основаніи этого движенія лежала великая идея-улучшеніе участи рабочихъ классовъ. Къ несчастію, отсутствіе экономического преподаванія (политическая экономія занимала тогда и занимаетъ теперь во Франціи только двѣ кафедръ) должно было до невѣроятности запутать эти трудные вопросы. Соціалисты единогласно осуждали настоящее устройство общества, и въ особенноти свободную конкуренцію, которую они величали *анархическою конкуренціей*; но они не могли согласиться въ средствахъ, чѣмъ бы замѣнить ее. У каждого была въ запасѣ своя система, которую онъ почиталъ соціальною панацеей. По просьбѣ друзей своихъ, принадлежавшихъ къ демократической партіи, принцъ Лудовикъ-Наполеонъ написалъ свое *Уничтоженіе пауперизма*.

Этотъ планъ организаціи труда имѣетъ много общаго съ планомъ г. Луи Блана. Въ самомъ дѣлѣ, въ обоихъ проектахъ дѣло идетъ объ устройствѣ обширной ассоціаціи работниковъ при посредствѣ и подъ надзоромъ государства. Только принцъ, надо ему отдать справедливость, не раздѣляетъ идей своего конкуррента о равенствѣ. За то проектъ его имѣетъ какой-то воинственный характеръ; повидимому, онъ почерпнулъ нѣкоторыя изъ своихъ идей въ устройствѣ русскихъ военныхъ поселеній, которыя пользовались нѣкоторое время большою извѣстностію. Но есть пунктъ, на которомъ онъ совершенно сходится съ г. Луи Бланомъ: оба они говорятъ, что экономическое положеніе общества никуда не годится, и что необходимо измѣнить его въ самомъ скоромъ времени.

Подобно г. Луи Блану, авторъ *Уничтоженія пауперизма* самыми мрачными красками изображаетъ положеніе работы и

L'auteur ne s'oppose pas toutefois *à priori* à toute réforme douanière ; il admet que les droits puissent être abaissés, mais seulement quand il est bien avéré qu'une industrie peut se passer de protection. C'est un *protectionniste progressiste*, ce n'est pas un libre-échangiste.

Nous trouvons dans une autre brochure, écrite également dans la prison de Ham, des indications non moins intéressantes sur les idées économiques de l'auteur. Il s'agit de *l'Extinction du paupérisme*.

Cette brochure parut en 1844. À cette époque, il y avait en France comme une efflorescence d'idées socialistes. M. Louis Blanc venait de publier son *Organisation du travail*, les phalanstériens s'étaient groupés et ils avaient commencé la publication du journal la *Phalange* devenue ensuite la *Démocratie pacifique* ; M. Eugène Sue se préparait à écrire ses romans socialistes. Au fond de ce mouvement, il y avait une idée généreuse : celle de l'amélioration du sort des classes ouvrières. Malheureusement, l'absence d'un enseignement économique (l'économie politique ne comptait alors en France et elle n'y compte encore que *deux* chaires) devait engendrer, en ces matières, les aberrations les plus incroyables. Les socialistes s'accordaient pour condamner l'organisation actuelle de la société, et, en particulier, la libre concurrence qu'ils qualifiaient de « concurrence anarchique » ; mais ils ne s'entendaient guère sur les moyens de la remplacer. Chacun avait son système qu'il proposait comme une panacée sociale. Sollicité par ses amis du parti démocratique de faire connaître le sien, le prince Louis Napoléon écrivit son *Extinction du paupérisme*.

Ce plan « d'organisation du travail » ressemble à bien des égards à celui de M. Louis Blanc. Dans les deux projets il s'agit, en effet, d'organiser une vaste association ouvrière, au moyen de l'intervention et de la commandite de l'État. Seulement, le prince, rendons-lui cette justice, ne partage pas les idées égalitaires de son émule. D'un autre côté, son plan a un certain cachet militaire : il semble avoir puisé quelques-unes de ses idées dans l'organisation des colonies militaires de la Russie qui jouirent pendant quelque temps, comme on sait, d'une grande célébrité. Mais il y a un point sur lequel il est entièrement d'accord avec M. Louis Blanc : c'est que la situation économique de la société est détestable et qu'il faut se hâter de la changer.

Comme M. Louis Blanc, l'auteur de *l'Extinction du paupérisme* débute donc par présenter un sombre tableau de la situation du

работниковъ. Земледѣліе, говоритъ онъ, разстроено раздробле ніемъ земли, а между тѣмъ возстановленіе правъ старшинства невозможно; промышленность не что иное, какъ машина, дѣйствующая безъ регулятора и сокрушающая своими колесами и людей и вещество. «Настоящій Сатурнъ работы, промышленность пожираетъ дѣтей своихъ и существуетъ только ихъ смертію.» Внутренняя торговля страдаетъ, потому что нація состоитъ изъ производителей, которые не могутъ продавать, и изъ голодныхъ потребителей, которые не могутъ покупать. Внѣшняя торговля искажена слабостію и неспособностію правительства. При этомъ случаѣ авторъ высказываетъ афоризмъ скорѣе воинственный, чѣмъ торговый:

«Количество товаровъ, отпускаемыхъ какимъ-нибудь государствомъ, должно непремѣнно соотвѣтствовать числу ядеръ, которое оно можетъ послать своимъ непріятелямъ, когда честь и достоинство того требуютъ.»

Мы не намѣрены возражать противъ этого афоризма. Мы ограничимся однако замѣчаніемъ, что государство, отпускающее самое значительное количество товаровъ, именно вольный городъ Гамбургъ, есть вмѣстѣ то самое, которое менѣе всего можетъ послать ядеръ непріятелю. Но какимъ способомъ помочь страдающимъ земледѣлія, промышленности и торговли? Посредничествомъ государства и разумнымъ распредѣленіемъ налоговъ, которое должно сдѣлаться *лучшимъ изъ вкладовъ*.

«Взیمانіе налоговъ можно сравнить съ дѣйствіемъ солнца, поглащающимъ испаренія земли, и возвращающимъ ихъ снова въ видѣ дождя, для орошенія всѣхъ мѣстъ, которымъ нужна вода, чтобы сдѣлаться плодородными и производительными. Если это возвращеніе влаги совершается правильно, то слѣдствіемъ его бываетъ плодородіе; но когда небо, въ гнѣвъ своемъ, разливаетъ по частямъ, въ видѣ грозъ, бурь и тромбъ, поглащенные испаренія, зародыши производительности гибнуть и наступаетъ безплодіе, потому что одни мѣста получаютъ излишнее, другія лишаются необходимаго. Но какъ бы ни было, благотѣльно или зловредно дѣйствіе атмосферы, въ концѣ года почти всегда *однаковое количество воды* взято и возвращено. Одно только *распредѣленіе* составляетъ разницу. Равномѣрное и правильное, оно создаетъ изобиліе, щедрое и мѣстное — влечетъ за собою голодъ.

«Тѣ же самыя слѣдствія вытекаютъ изъ хорошей и дурной администраціи. Если суммы, взимаемая ежегодно со всѣхъ жителей, идутъ на употребленіе непроизводительное, какъ напримѣръ на устройство бесполезныхъ площадей, на сооруженіе бесплодныхъ памятниковъ, на содержаніе въ мирное время

travail et des travailleurs. L'agriculture, dit-il, est ruinée par le morcellement et cependant le rétablissement du droit d'aînesse est impossible ; l'industrie est une machine qui fonctionne sans régulateur et qui broie dans ses rouages les hommes comme la matière. « Véritable Saturne du travail, l'industrie dévore ses enfants et ne vit que de leur mort. » Le commerce intérieur souffre parce que la nation se trouve composée de producteurs qui ne peuvent pas vendre et de consommateurs affamés qui ne peuvent pas acheter. Le commerce extérieur est enrayé par la faiblesse et le manque de dignité du gouvernement. À ce propos, l'auteur émet cet aphorisme plus belliqueux que commercial :

« Qu'il me suffise de dire que la quantité de marchandises qu'un pays exporte est toujours en raison directe du nombre de *boulets* qu'il peut envoyer à ses ennemis quand son honneur et sa dignité le commandent. »

Nous ne voulons pas discuter cet aphorisme. Qu'on nous permette de remarquer cependant que l'État du continent qui exporte le plus de marchandises — savoir la ville libre de Hambourg — est en même temps celui qui a le moins de boulets à envoyer à ses ennemis. Mais poursuivons. Comment remédier aux souffrances de l'agriculture, de l'industrie et du commerce ? Par l'intervention de l'État et au moyen d'un emploi judicieux de l'impôt dont il s'agit de faire le *meilleur des placements*.

« Le prélèvement de l'impôt peut se comparer à l'action du soleil qui absorbe les vapeurs de la terre pour les reporter ensuite à l'état de pluie, sur tous les lieux qui ont besoin d'eau pour être fécondés et pour produire. Lorsque cette restitution s'opère régulièrement, la fertilité s'ensuit ; mais lorsque le ciel, dans sa colère, déverse partiellement en orages, en trombes et en tempêtes, les vapeurs absorbées, les germes de production sont détruits et il en résulte la stérilité, car il donne aux uns beaucoup trop et aux autres pas assez. Cependant, quelle qu'ait été l'action bienfaisante ou malfaisante de l'atmosphère, c'est presque toujours au bout de l'année la *même quantité d'eau* qui a été prise et rendue. La *répartition* seule fait donc la différence. Équitable et régulière, elle crée l'abondance ; prodigue et partielle elle amène la disette.

Il en est de même d'une bonne ou mauvaise administration. Si les sommes prélevées chaque année sur la généralité des habitants sont employées à des usages improductifs, comme à créer des places inutiles, à élever des monuments stériles, à entretenir au milieu

войска, болѣе убыточнаго чѣмъ то, которое одержало побѣду подъ Аустерлицемъ, налогъ въ подобномъ случаѣ становится обременительнымъ до крайности; онъ истощаетъ страну, беретъ, не возвращая; но если, напротивъ того, средства эти употребляются на созданіе новыхъ элементовъ производства, на равномерное разлитіе богатствъ, на уничтоженіе нищеты содѣйствіемъ и организаціей труда, наконецъ на исцѣленіе недуговъ, которые влечетъ за собою наша цивилизація, тогда конечно налогъ становится, по выраженію одного министра на трибунѣ, *лучшимъ изъ вкладовъ*.

«Стало-быть, только въ одномъ бюджетѣ можно найти главную опору всякой системы, цѣлю которой должно быть вспомошествованіе рабочимъ классамъ. Искать ее гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ было бы химерой.»

Что же надо дѣлать? Надо создать обширную ассоціацію работниковъ, которая доставила бы работу незанятымъ рукамъ и исправила бы недостатки, сопряженные съ раздробленіемъ собственности, возвращая въ то же время по деревнямъ избытокъ городского населенія.

«Рабочій классъ не имѣетъ ничего; нужно дать ему собственность. Все имущество его составляютъ его руки, и этимъ рукамъ необходимо дать общепольное занятіе. Онъ составляетъ племя Илотовъ посреди племени Спартанцевъ. Ему надо дать мѣсто въ обществѣ и связать его интересы съ интересами почвы. Онъ не имѣетъ ни организаціи, ни связей, ни правъ, ни работы, надо дать ему права и будущность, и возвысить его въ собственныхъ глазахъ посредствомъ ассоціаціи, воспитанія и дисциплины.»

Вотъ планъ, предлагаемый авторомъ для достиженія этой цѣли. Во Франціи заключается 9.190.000 гектаровъ неудобной земли, которая принадлежитъ частію правительству, частію общинамъ, частію частнымъ лицамъ, и которая круглымъ числомъ даетъ дохода не болѣе 8 Фр. съ гектара. За исключеніемъ одной трети, занятой зданіями, ручьями, каналами и пр., или не подлежащей обработкѣ, для воздѣлыванія останется еще 6.126.000 гектаровъ.

Эти 6.126.000 гектаровъ должно предоставить въ распоряженіе ассоціаціи работниковъ съ уплатой собственникамъ вознагражденія, сообразнаго съ ихъ доходами. Ассоціація должна образовать земледѣльческія колоніи и заняться ихъ разработкой. Государство обязано доставить необходимое для нихъ пособіе. Это пособіе исчислено авторомъ въ 300 милліоновъ, распределенныхъ на четыре года. Авторъ представляетъ затѣмъ различныя вычисленія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что, по истеченіи двадцати трехъ лѣтъ, ежегодные доходы земледѣльческихъ колоній возвы-

d'une paix profonde une armée plus dispendieuse que celle qui vainquit à Austerlitz, l'impôt, dans ce cas, devient un fardeau écrasant ; il épuise le pays, il prend sans rendre ; mais si, au contraire, ces ressources sont employées à créer de nouveaux éléments de production, à rétablir l'équilibre des richesses, à détruire la misère en activant et organisant le travail, à guérir enfin les maux que notre civilisation entraîne avec elle, alors certainement l'impôt devient pour les citoyens, comme l'a dit un jour un ministre à la tribune, le *meilleur des placements*.

C'est donc dans le budget qu'il faut trouver le premier point d'appui de tout système qui a pour but le soulagement de la classe ouvrière. Le chercher ailleurs est une chimère. »

Qu'y a-t-il donc à faire ? Il faut créer une vaste association ouvrière qui emploie les bras inoccupés et remédie au morcellement de la propriété, en rappelant en même temps dans les campagnes le trop-plein des villes.

« La classe ouvrière ne possède rien, il faut la rendre propriétaire. Elle n'a de richesse que ses bras, il faut donner à ces bras un emploi utile pour tous. Elle est comme un peuple d'Illotes au milieu d'un peuple de Sybarites. Il faut lui donner une place dans la société, et attacher ses intérêts à ceux du sol. Enfin, elle est sans organisation et sans liens, sans droits et sans avenir, il faut lui donner des droits et un avenir, et la relever à ses propres yeux par l'association, l'éducation et la discipline. »

Voici le plan que propose l'auteur pour atteindre ce but. Il y a en France 9 190 000 hectares de terres incultes, qui appartiennent soit au gouvernement soit aux communes, soit aux particuliers, et qui ne donnent guère plus de 8 fr. de revenu par hectare. En en déduisant un tiers occupé par les bâtiments, ruisseaux, canaux, etc., ou indéfrichable, il resterait 6 127 000 hectares à défricher.

Ces 6 127 000 hectares seraient mis par une loi à la disposition de l'association ouvrière, sauf à payer aux propriétaires une indemnité égale au revenu qu'ils en retirent. L'association créerait des colonies agricoles pour les défricher. L'État fournirait les avances nécessaires. Ces avances sont estimées par l'auteur à 500 millions à fournir en quatre ans. L'auteur se livre ensuite à divers calculs desquels il résulte qu'au bout de 23 ans, les recettes annuelles des colo-

сятся до 1.194.694.800 фр., расходы до 378.622.278 фр., что доставить чистой прибылью 816.072.278 фр. въ распоряженіе ассоціаціи. Изъ этого дохода правительство будетъ взимать 37 милл. фр. поземельнаго налога, такъ что пособіе, оказанное имъ, составитъ для него великолѣпный вкладъ.

Таковы Финансовыя результаты этого дѣла. Но прежде всего необходимо организовать рабочій классъ, чтобы сдѣлать его способнымъ къ участию въ такой плодотворной операціи. Съ этою цѣлю между работниками и промышленниками-антрепренёрами нужно устроить посредствующій классъ, подъ названіемъ *Prud'hommes*. Каждая группа десяти работниковъ должна избирать одного прюдома. Эти прюдомы должны раздѣляться на два разряда. Одни съ своими артелями должны поступать въ земледѣльческія колоніи, другіе оставаться въ частной промышленности. «Каждый начальникъ фабрики или фермы, каждый промышленникъ, кто бы онъ ни былъ, обязанъ будетъ закономъ, если только онъ употребляетъ на своя работы болѣе десяти человекъ, брать къ себѣ прюдома для управленія ими и давать ему двойное жалованье сравнительно съ работниками.» Эти прюдомы будутъ чѣмъ-то въ родѣ армейскихъ унтеръ-офицеровъ. Они составятъ первую ступень соціальной іерархіи. Главнѣйшею ихъ обязанностію будетъ распредѣлять, какъ можно удобнѣе, работу и отдѣлять въ земледѣльческія колоніи излишекъ незанятыхъ рукъ. Каждый разъ, когда встрѣтится излишекъ рукъ въ частной промышленности, прюдомы будутъ раздѣлять съ мерами общинъ право отправлять въ земледѣльческія колоніи работниковъ, которыхъ они не въ состояніи будутъ употребить съ пользой. Эти излишніе работники будутъ употребляемы на разработку новыхъ земель и пр. Если же, напротивъ, частная промышленность почувствуетъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, то земледѣльческія колоніи обя заны пополнить его.

«Чтобъ яснѣе опредѣлить нашу систему, говоритъ авторъ, мы прибѣгнемъ къ сравненію. Если посреди страны протекаетъ широкая рѣка, то она служитъ источникомъ общаго благоденствія; но иногда излишнее обиліе ея водъ или скудость ихъ ведетъ къ наводненіямъ или къ засухамъ. Какъ отвратить эти два бѣдствія? Выкапываютъ обширныя бассейны, — Ниль служитъ тому примѣромъ, — куда рѣка изливаетъ излишекъ своихъ водъ, когда онѣ обильны и, наоборотъ, изъ нихъ же заимствуетъ воду, когда сама терпитъ въ ней недостатокъ; и такимъ способомъ обезпечиваютъ волнамъ то постоянство уровня, изъ котораго возникаетъ изобиліе. Итакъ, вотъ что мы предлагаемъ сдѣлать для рабочаго класса, этой другой рѣки, которая можетъ быть въ одно и то же время источникомъ разоренія и плодородія, смотря

nies agricoles s'élevaient à 1 194 694 800 fr. ; les dépenses à 378 622 278 fr., ce qui laisserait un revenu net de 816 072 522 à la disposition de l'association. Sur ce revenu le gouvernement percevrait 57 millions de fr. d'impôt foncier, en sorte que les avances qu'il aurait faites constitueraient pour lui un magnifique placement.

Voilà pour les résultats financiers de l'affaire ; mais avant tout, il s'agirait d'organiser la classe ouvrière pour la rendre capable de participer à une si féconde opération. On créerait, dans ce but, sous le nom de prudhommes, une classe intermédiaire entre les ouvriers et les entrepreneurs d'industrie. Chaque groupe de dix ouvriers élirait un prudhomme. Les prudhommes seraient divisés en deux catégories. Les uns entreraient avec leurs escouades dans les colonies agricoles. Les autres resteraient dans l'industrie privée.

« Tout chef de fabrique ou de ferme, tout entrepreneur quelconque serait obligé par une loi, dès qu'il emploierait plus de dix ouvriers, d'avoir un prudhomme pour les diriger, et de lui donner un salaire double de celui des simples ouvriers.

Ces prudhommes rempliraient dans la classe ouvrière le rôle des sous-officiers dans l'armée. Ils formeraient le premier degré de la hiérarchie sociale. Une de leurs fonctions principales serait de régler la répartition utile du travail, et de déverser l'excédent des bras inoccupés dans les colonies agricoles. Chaque fois qu'il y aurait excédent de bras dans l'industrie privée, les prudhommes partageraient avec les maires des communes le droit d'envoyer aux colonies agricoles les ouvriers qu'ils ne pourraient pas utiliser. Ces ouvriers surabondants seraient employés à faire de nouveaux défrichements, etc. Lorsqu'au contraire, l'industrie privée souffrirait du manque de bras, les colonies agricoles se chargeraient de lui en fournir.

Pour mieux définir notre système, dit l'auteur, nous aurons recours à une comparaison. Lorsqu'au milieu d'un pays coule un large fleuve, ce fleuve est une cause générale de prospérité ; mais quelquefois la trop grande abondance de ses eaux ou leur excessive rareté, amène ou l'inondation ou la sécheresse. Que fait-on pour remédier à ces deux fléaux ? On creuse, le Nil en fournit l'exemple, de vastes bassins où le fleuve déverse le surplus de ses eaux quand il en a trop, et en reprend au contraire, quand il n'en a pas assez ; et de cette manière on assure aux flots cette égalité constante de niveau d'où naît l'abondance. Eh bien, voilà ce que nous proposons pour la classe ouvrière, cet autre fleuve qui peut être à la fois une source de ruine ou de fertilité, suivant la manière dont on tracera son cours.

по тому, какъ направлено будетъ ея теченіе. Мы требуемъ для волнующей массы работниковъ большихъ пріютовъ, гдѣ бы занимались развитіемъ силъ ихъ, какъ Физическихъ, такъ и умственныхъ, пріютовъ, которые, при остановкѣ въ общей дѣятельности государства, сохраняли бы въ себѣ избытокъ силъ, еще ни употребленныхъ, и могли бы отдавать ихъ обратно во время общаго движенія. Однимъ словомъ, мы требуемъ настоящихъ *излитій* народонаселенія, *резервуаровъ*, полезныхъ для работы, которые поддерживаютъ всегда на одинаковой высотѣ этотъ другой уровень, уровень божественной справедливости, который требуетъ, чтобы потъ бѣдняка получалъ достойное его вознагражденіе.

«Въ земледѣльческихъ колоніяхъ работники будутъ распределены по артелямъ, подъ управленіемъ пріюдомовъ. Они будутъ получать солдатское жалованье. До тѣхъ поръ, пока колонія не получитъ барышей, всѣ работники размѣщены будутъ въ баракахъ, въ родѣ лагерныхъ. Въ каждой баракѣ помѣстятся десять человекъ съ своимъ пріюдомомъ. Женатые работники получаютъ по отдѣльной баракѣ на каждое семейство. Надъ пріюдомами будутъ поставлены директора, избираемые общимъ собраніемъ пріюдомовъ и работниковъ. Наконецъ, каждая колонія будетъ состоять подъ начальствомъ губернатора, избраннаго общимъ собраніемъ директоровъ и пріюдомовъ. Печатный отчетъ о дѣйствіяхъ ассоціаціи будетъ ежегодно представляемъ общему собранію рабочихъ и генеральному совѣту департамента, который обязанъ утвердить его и имѣть право удалять пріюдомовъ или директоровъ, оказавшихся неспособными. Ежегодно губернаторы колоній должны будутъ сѣзжаться въ Парижъ, и тамъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, обсуживать, какое лучшее употребленіе можно сдѣлать изъ доходовъ въ общихъ интересахъ всей ассоціаціи. Часть этихъ доходовъ будетъ раздѣлена между членами ассоціаціи, другая пойдетъ на увеличеніе общественнаго владѣнія и на покупку новыхъ земель.

«Если количество удобной земли во Франціи окажется недостаточнымъ, то ассоціація устроитъ колоніи въ Алжирѣ, даже въ Америкѣ; она можетъ современемъ занять весь міръ! Вездѣ, гдѣ найдется хотя одинъ гектаръ для обработки, и гдѣ бѣднякъ потребуеть пищи, она явится съ своими капиталами, съ своею арміей рабочихъ, съ своею неутомимою дѣятельностію.»

Таковъ этотъ планъ, назначенный для разрѣшенія проблемы *уничтоженія пауперизма*. Авторъ, воспламеняясь своею идеей, въ приложеніи ея видитъ спасеніе общества, и думаетъ даже (что очень странно), что въ немъ заключается политическая охрана противъ «старинныхъ притязаній нѣкоторыхъ людей».

Nous demandons pour la masse flottante des travailleurs, de grands refuges où l'on s'applique à développer leurs forces comme leur esprit, refuges qui, lorsque l'activité générale du pays se ralentira, conservent le surplus des forces non employées pour les rendre ensuite au fur et à mesure au mouvement général. Nous demandons en un mot de véritables *déversoirs* de la population, *réservoirs* utiles du travail, qui maintiennent toujours à la même hauteur cet autre niveau de la justice divine qui veut que la sueur du pauvre reçoive sa juste rétribution. »

Dans les colonies agricoles, les ouvriers seront organisés par escouades sous la direction des prudhommes. On leur paiera la solde du soldat. Jusqu'à ce que la colonie ait donné des bénéfices, tous les ouvriers seront logés dans des baraques comme celles des camps. Ces baraques contiendront dix hommes avec leur prudhomme. Lorsqu'ils seront mariés, il y aura une baraque par famille et les baraques seront construites sur une plus petite échelle. Au-dessus des prudhommes, il y aura des *directeurs* élus par les prudhommes et les ouvriers. Enfin chaque colonie aura un *gouverneur* nommé par les prudhommes et les directeurs. Chaque année les comptes seront imprimés, communiqués à l'assemblée générale des travailleurs et soumis au conseil général du département qui devra les approuver et aura le droit de casser les prudhommes ou directeurs qui auraient montré leur incapacité. Tous les ans, les gouverneurs des colonies se rendront à Paris, et là, sous la présidence du ministre de l'intérieur, ils discuteront le meilleur emploi à faire des bénéfices dans l'intérêt de l'association générale. Une partie de ces bénéfices sera distribuée aux membres de l'association ; une autre partie sera consacrée à étendre le domaine commun par l'achat de nouvelles terres.

Quand il n'y aura plus assez de terre à bas prix en France, l'association établira des succursales en Algérie, en Amérique même, elle peut un jour envahir le monde ! car partout où il y aura un hectare à défricher et un pauvre à nourrir, elle sera là avec ses capitaux, son armée de travailleurs, son incessante activité. »

Tel est ce plan qui est destiné à résoudre le problème de l'*extinction du paupérisme*. L'auteur, enthousiasmé de son idée, voit dans son adoption le salut de la société, et il semble même, chose originale, y voir un préservatif politique contre « les prétentions surannées de quelques hommes ».

«Теперь, говоритъ онъ въ заключеніе, вознагражденіе за работу предоставлено случаю или насилію. Передъ вами или угнетающій господинъ, или бунтующій работникъ.

«Что нужно для выполненія подобнаго проекта? Годовое жалованье войску, сумма, данная Америкѣ, увеличенная въ пятнадцать разъ, издержки, равныя тѣмъ, которыя идутъ на укрѣпленіе Парижа.

«И такое пособіе по прошествіи двадцати лѣтъ будетъ доставлять Франціи миллиардъ, рабочему классу 800 милл. и 37 милл. казнѣ!

«Пусть правительство примется за выполненіе нашей идеи, пусть оно утвердитъ благосостояніе массъ на основаніяхъ непоколебимыхъ, тогда само сдѣлается непоколебимымъ. Бѣдность не возмутится, если богатство не будетъ притѣснять ее; оппозиціи исчезнутъ, и старинныя притязанія, справедливо или нѣтъ, приписываемыя нѣкоторымъ людямъ, улягутся, подобно блуждающимъ вихрямъ, которыя бесплодно рябятъ поверхность воды подъ экваторомъ и исчезаютъ при приближеніи настоящаго вѣтра, надувающаго паруса и двигающаго суда.

« . . . Два столѣтія тому назадъ, Лафонтенъ высказалъ слѣдующую сентенцію, которая слишкомъ часто оказывается справедливою, сентенцію столь грустную, столь разрушительную для всякаго общества, всякаго порядка, всякой іерархіи: *Je vous le dis en bon francais, notre ennemi c'est notre maître*. (Говорю вамъ яснымъ языкомъ: нашъ врагъ — нашъ господинъ.)

«Въ настоящее время цѣлю всякаго искуснаго правительства должно быть устремленіе всѣхъ своихъ усилій къ тому, чтобы можно было сказать: *торжество христіанства уничтожило рабство*; торжество Французской революціи уничтожило крѣпостное состояніе; торжество демократическихъ идей уничтожило пауперизмъ!»

Не трудно замѣтить недостатки этого плана организаціи труда. Впервыхъ съ финансовой точки зрѣнія онъ ниже всякой критики. Нѣсколько разъ старались уже употребить въ пользу неудобныя земли, иначе называемыя *terres de rebut*, старались также дать занятіе празднымъ работникамъ, иначе называемымъ *le rebut* рабочаго населенія, устройствомъ земледѣльческихъ колоній. Разительный примѣръ представляетъ Голландія, гдѣ генераль Ванъ-денъ-Бошъ (*Van-den-Bosch*) основалъ въ 1818 году благотворительное общество для устройства земледѣльческихъ колоній, куда бы можно было размѣстить избытокъ рабочаго населенія. Эти колоніи получили значительное пособіе отъ правительства, и несмотря на то, по прошествіи тридцати лѣтъ, въ 1848 году ихъ движимый и недвижимый капиталъ не превышалъ

« Aujourd'hui, conclut-il, la rétribution du travail est abandonnée au hasard ou à la violence. C'est le maître qui opprime ou l'ouvrier qui se révolte.

Et que faut-il pour réaliser un semblable projet ? Une année de solde de l'armée, quinze fois la somme que l'on a donnée à l'Amérique, une dépense égale à celle qu'on emploie aux fortifications de Paris.

Et cette avance rapportera, au bout de vingt ans, à la France un milliard, à la classe ouvrière 800 millions, au fisc 37 millions !

Que le gouvernement mette à exécution notre idée... qu'il établisse le bien-être des masses sur des bases inébranlables et il sera inébranlable lui-même. La pauvreté ne sera plus séditeuse lorsque l'opulence ne sera plus oppressive ; les oppositions disparaîtront et les prétentions surannées qu'on attribue à tort ou à raison à quelques hommes, s'évanouiront comme les folles brises qui rident la surface des eaux sous l'équateur, s'évanouissent en présence du vent réel qui vient enfler les voiles et faire marcher le navire.

... Dans l'avant dernier siècle, La Fontaine émettait cette sentence, trop souvent vraie et cependant si triste, si destructive de toute société, de tout ordre, de toute hiérarchie : *'Je vous le dis en bon français, notre ennemi, c'est notre maître.'*

Aujourd'hui le but de tout gouvernement habile doit être de tendre par ses efforts à ce qu'on puisse dire bientôt : *le triomphe du christianisme a détruit l'esclavage, le triomphe de la Révolution française a détruit le servage ; le triomphe des idées démocratiques a détruit le paupérisme !* »

Les vices de ce plan « d'organisation du travail » sont faciles à apercevoir. Au point de vue financier, il ne supporte guère l'examen. On a essayé maintes fois d'utiliser d'une part les terres incultes, autrement dit les terres de rebut, d'une autre part, les ouvriers inoccupés, autrement dit le rebut de la population ouvrière, en créant des colonies agricoles. Cela s'est fait particulièrement en Hollande, où le général Van den Bosch fonda en 1818 une société de bienfaisance pour la création de colonies agricoles destinées à recevoir l'excédent de la population ouvrière. Ces colonies obtinrent du gouvernement un subside considérable, et cependant, 30 ans plus tard, en 1848 leur capital mobilier et immobilier ne dépassait pas 5 millions de florins

3 миллионѡвъ Флориновѡвъ, а долгу у нихъ было отъ 8 до 9 миллионѡвъ¹. Причина заключается въ томъ, что земледѣліе, такъ же какъ и всѣ прочія отрасли промышленности, для полученія благоприятныхъ результатовъ, требуютъ хорошихъ орудій и, болѣе всего, хорошей работы.

Правда, авторъ *Уничтоженія пауперизма* разчитываетъ не только на бѣдняковъ и нищихъ при заселеніи своихъ колоній, но также и на хорошихъ работниковъ. Но неужели онъ думаетъ, что «солдатское жалованье» и перспектива лагерной жизни въ баракахъ такъ привлекательны, что они соберутся туда *добровольно*? По словамъ его, прюдомы и меры общинъ получаютъ право отправлять ихъ туда, когда это будетъ нужно; они будутъ также въ правѣ отправлять ихъ, въ случаѣ надобности, въ частную промышленность. Пусть такъ! Но что значить эта власть, присваиваемая прюдомамъ? Она значить, что работники лишатся свободнаго распоряженія своимъ трудомъ, другими словами, что они обратятся въ крѣпостныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это крѣпостное состояніе будетъ устроено демократически, потому что избраніе прюдомовъ зависитъ отъ самихъ работниковъ; но развѣ отъ того оно не будетъ крѣпостнымъ состояніемъ? А обращать работниковъ въ крѣпостное состояніе, развѣ это средство улучшить ихъ трудъ?

Еслибъ авторъ нѣсколько получше изучилъ естественное устройство общества и результаты экономической свободы, то онъ убѣдился бы, что это равновѣсіе, которое онъ намѣренъ устроить посредствомъ *резервуаровъ труда*, устраивается само собою, безъ усилій и расходовъ, подъ вліяніемъ свободы, что слѣдуетъ только предоставить производству земледѣльческому, промышленному и торговому, свободное устройство и развитіе, обезпечивъ ему необходимую безопасность, и оно устроится самымъ экономическимъ образомъ и разовьется на столько, на сколько дозволитъ ему капиталъ, трудъ и рынокъ, находящіеся въ его распоряженіи; тогда бы онъ убѣдился, что работники, предоставленные самимъ себѣ, идутъ также какъ и капиталы по тѣмъ направленіямъ, гдѣ ихъ можно употребить съ наибольшею пользой, и гдѣ, вслѣдствіе этого, они получаютъ наибольшее вознагражденіе; что стоитъ только предоставить имъ полную свободу движенія, ограничиваясь лишь освѣщеніемъ рабочаго рынка (и то по мѣрѣ того, какъ чувствуется потребность освѣщенія на этомъ рынкѣ, онъ освѣщается самъ собой), и предложеніе рукъ будетъ находиться всегда въ равновѣсін съ требованіемъ на

¹ См. объ этомъ предметѣ статью *Земледѣльческія колоніи* въ *Политико-экономическомъ словарѣ* гг. Кокелена и Гильомена.

et elles avaient 8 à 9 millions de fl. de dettes¹. C'est que dans l'agriculture comme dans les autres branches de la production, il faut, pour obtenir de bons résultats, employer de bons instruments et surtout de bon travail. À la vérité, l'auteur de *l'Extinction du paupérisme* ne compte pas seulement sur les pauvres et les mendiants pour peupler ses colonies ; il compte aussi sur les bons ouvriers. Mais « la paie du soldat » et la perspective d'un campement dans des baraques suffiront-elles bien pour les y faire venir *librement* ? On donnera, dit-il, aux prudhommes et aux maires des communes, le pouvoir de les y envoyer, quand cela sera nécessaire. On donnera aussi aux prudhommes le pouvoir de les renvoyer dans l'industrie privée quand celle-ci les réclamera. Soit ! mais que signifie ce pouvoir attribué aux prudhommes ? Il signifie que les ouvriers perdront la libre disposition de leur travail ; en d'autres termes qu'ils seront réduits à l'état de serfs. Sans doute, ce servage sera organisé d'une manière démocratique, puisque les prudhommes seront nommés par les ouvriers eux-mêmes, mais en sera-ce moins un servage ? Or réduire les ouvriers à l'état de serfs, est-ce bien le moyen d'améliorer et de relever leur condition ?

Si l'auteur avait un peu mieux étudié l'organisation naturelle de la société et les effets de la liberté économique, il se serait convaincu que cet équilibre qu'il voulait établir au moyen de ses *réservoirs de travail* s'établit de lui-même, sans efforts et sans peine, sous l'influence de la liberté ; qu'il suffit de laisser la production agricole, industrielle et commerciale s'organiser et se développer d'elle-même, en lui fournissant simplement la sécurité dont elle a besoin, pour qu'elle s'organise de la manière la plus économique, et se développe autant que le comportent les capitaux, le travail et les débouchés dont elle dispose ; il se serait convaincu encore que les travailleurs abandonnés à eux-mêmes vont toujours, aussi bien que les capitaux, dans les directions où ils peuvent être employés le plus utilement ; où par conséquent, ils sont le mieux rémunérés ; qu'il suffit de leur laisser pleine liberté de se mouvoir, en se bornant à éclairer leur marché pour que la distribution du travail s'opère de manière à équilibrer toujours l'offre des bras avec la demande ; qu'il n'est donc pas néces-

¹ Voir à ce sujet, l'art. *Colonies agricoles*, dans le *Dictionnaire de l'économie politique* de MM. Ch. Coquelin et Guillaumin.

нихъ; что нѣтъ никакой нужды въ системѣ демократическаго рабства отыскивать регулятора производства и труда, что регуляторъ этотъ существуетъ, и что названіе ему *свобода!* Но авторъ писалъ въ такое время и въ такой странѣ, гдѣ свобода не пользовалась большимъ уваженіемъ. Его брошюра имѣла нѣкоторый успѣхъ. Соціалисты, не принимая его системы (вѣдь у нихъ была своя!), стали смотрѣть на него, какъ на собрата, а въ послѣдствіи *Уничтоженіе пауперизма*, распространенное во множествѣ экземпляровъ по дешевой цѣнѣ въ 25 сантимовъ и даже безденежно, по всѣмъ мастерскимъ, послужило къ увеличенію числа его приверженцевъ между рабочими классами.

VIII.

Прочія сочиненія гамскаго узника состоятъ изъ болѣе или менѣе обширныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ *Progrès du Pas de Calais*. Статьи эти многочисленны. Большая часть ихъ собрана и напечатана въ третьемъ томѣ сочиненій Лудовика Наполеона (изданіе г. Трамблена, 1848), подъ заглавіемъ: *Мнѣнія Лудовика Наполеона о различныхъ политическихъ и административныхъ вопросахъ*. Мы назовемъ только самыя замѣчательныя.

Въ статьѣ: *О торговлѣ неграми, о филантропахъ и о правѣ осмотра судовъ*, онъ осыпаетъ упреками Филантропію за то, что она ложными мѣрами ухудшила положеніе невольниковъ и поставила колоніи въ опасное положеніе. Для уничтоженія невольничества, онъ предлагаетъ слѣдующій способъ:

«Что же необходимо дѣлать? Вотъ что: еслибы великій вопросъ объ уничтоженіи невольничества веденъ былъ правительствами, людьми, искренно преданными благу человѣчества, то-есть благу бѣлой и черной породы, безъ различія, они бы прежде всего, постепенно развивая невольниковъ, приучили ихъ къ нечувствительному переходу отъ принужденнаго труда къ свободному. Въ продолженіи этого переходнаго времени, они бы наблюдали, съ согласія всѣхъ государствъ, гдѣ существуетъ невольничество, чтобы торговля эта производилась человѣколюбиво, чтобы строгому наказанію подвергался капитанъ корабля, который не размѣщалъ бы негровъ своихъ, какъ размѣщаютъ Европейцевъ, переселяющихся въ Америку.... Когда бы уничтожилось невольничество, тогда же, конечно, пала бы сама собой и торговля неграми, и человѣчество было бы удовлетворено.»

Положимъ такъ! Но система постепеннаго развитія, проповѣдуемая авторомъ, увѣ! похожа, какъ нельзя болѣе, на невольничество, а наемъ свободныхъ работниковъ, для Французскихъ колоній, производимый въ настоящее время на берегу Африки,

saire de demander à un système de servage démocratisé un régulateur de la production et du travail ; que ce régulateur existe et qu'il s'appelle : *liberté*. Mais l'auteur écrivait dans un temps et dans un pays où l'économie politique et la liberté étaient peu en faveur. Sa brochure obtint un certain succès. Les socialistes, sans se rallier à son système (n'avaient-ils pas les leurs ?) le regardèrent désormais comme un confrère, et plus tard, *l'Extinction du paupérisme*, répandue à profusion au bas prix de 25 centimes ou même distribuée gratis dans les ateliers, servit à augmenter le nombre de ses partisans parmi les classes ouvrières.

VIII.

Les autres travaux du prisonnier de Ham ne consistent guère que dans des articles plus ou moins étendus adressés au *Courrier du Pas de Calais*. Ces articles sont nombreux. Ils ont été recueillis pour la plupart et publiés dans le troisième volume des œuvres de Louis Napoléon (édition de M. Ch. Éd. Tremblaire, 1848) sous le titre de « opinions de Louis Napoléon sur différentes questions politiques et administratives. » Nous nous contenterons de signaler les plus remarquables.

Dans un article sur « la Traite des nègres, les philanthropes et le Droit de visite », il reproche à la philanthropie d'avoir par de fausses mesures aggravé la situation des esclaves et compromis le sort des colonies. Il demande pour arriver à l'abolition de l'esclavage, l'application d'un système qu'il exposait ainsi :

« Qu'y a-t-il à faire ? Le voici : Si la grande question de l'abolition de l'esclavage eût été conduite par des gouvernements, par des hommes voulant sincèrement le bien de l'humanité, c'est-à-dire la prospérité de la race blanche et de la race noire, ils eussent d'abord habitué les esclaves de leurs colonies, en les soumettant à un apprentissage graduel, à passer insensiblement du travail forcé au travail libre. Ils eussent pendant ce temps, de concert avec tous les gouvernements à esclaves, veillé à ce que la traite se fit avec humanité en soumettant à des peines sévères tout capitaine de navire qui n'eût pas installé ses nègres comme des Européens qui émigrent en Amérique... L'esclavage une fois détruit, la traite évidemment était anéantie du même coup et l'humanité était satisfaite. »

Soit ! mais ce régime d'apprentissage que préconise l'auteur ressemble, hélas ! à s'y méprendre à l'esclavage, et les engagements de travailleurs libres actuellement effectués à la côte d'Afrique pour

по волѣ царственнаго писателя, также очень похожъ на торговлю неграми. Итакъ разрѣшеніе трудной проблемы объ уничтоженіи невольничества, предлагаемое авторомъ, весьма неудовлетворительно, чтобы не сказать болѣе.

Въ другой статьѣ, *Объ отношеніяхъ Франціи къ европейскимъ державамъ*, онъ приводитъ усваиваемое имъ слѣдующее мнѣніе Наполеона I о политической роли, которую должна занимать Франція.

«Франція, по своему географическому положенію, по богатству своей почвы и по разумной энергіи своихъ жителей, должна быть руководительницей европейскаго общества; прибѣгая къ завоеваніямъ, она выходитъ изъ роли, назначенной ей отъ природы; подчиняясь обязательствамъ какого бы то ни было союза, она унижаетъ себя. Въ отношеніи къ европейскимъ государствамъ она то же, что левъ въ отношеніи къ существамъ, его окружающимъ. Она не можетъ двигаться впередъ, не покровительствуя или не разрушая, она даетъ другимъ опору своей силы, но никогда не мѣняетъ ея, въ видахъ собственнаго интереса, на помощь, необходимую ей для ея собственной защиты. Собственная сила ея всегда достаточна для нея, даже и тогда, если она чувствуетъ себя на мгновение ослабленною общимъ недугомъ націй, внутренними раздорами; одного конвульсивнаго движенія достаточно ей, чтобы наказать враговъ своихъ за дерзкій вызовъ на бой.

« . . . . Когда имѣешь честь, и вмѣстѣ счастье, быть Франціей, то необходимо понимать всю важность этого исключительнаго положенія *націи солнца*, которое занимаешь, и ни въ какомъ случаѣ не превращаться въ *націю спутника*.»

Остается узнать только, расположены ли будутъ прочія націи довольствоваться ролью планетъ, обращающихся около *націи солнца*?

Въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ *Миръ или война*, авторъ высказываетъ мнѣніе, что послѣ 1830 года Франція должна была бы занять въ Европѣ мѣсто, слѣдующее ей по праву, и что политика мира имѣетъ свою хорошую сторону только тогда, когда миръ плодотворенъ.

«Великая цѣль, говоритъ онъ, приучить націю къ истинной свободѣ, создавая администрацію откровенную, которая бы далеко отбросила отъ себя заблужденіе прошлыхъ правительствъ, воображавшихъ, что можно противодѣйствовать либеральному направленію только владычествомъ надъ массами, страхомъ и подкупомъ вождей партій.»

Еще въ другой статьѣ своей *О мирѣ*, онъ требуетъ отчета у іюльскаго правительства «въ сотняхъ тысячъ людей, умершихъ

les colonies françaises conformément aux vues du prisonnier de Ham, n'ont pas moins d'analogie avec la traite. La solution que propose l'auteur pour résoudre le problème si ardu de l'esclavage est donc tout au moins insuffisante.

Dans un autre article sur « les rapports de la France avec les puissances de l'Europe », il cite en se l'assimilant, cette opinion de Napoléon Ier sur le rôle politique de la France :

« La France est, par sa situation géographique, la richesse de son sol et l'énergie intelligente de ses habitants, l'arbitre de la société européenne ; elle sort du rôle que la nature lui assigne lorsqu'elle devient conquérante, elle en descend lorsqu'elle obéit aux obligations d'une alliance quelconque. Elle est aux nations de l'Europe ce qu'est le lion aux êtres qui l'entourent. Elle ne peut se mouvoir sans être protectrice ou destructive, elle prête l'appui de sa force mais elle ne l'échange jamais dans son propre intérêt contre un secours qui lui soit nécessaire pour sa défense. Sa propre force lui suffit toujours, lors même qu'elle se trouve momentanément affaiblie par la maladie des nations, les divisions intestines. Car il ne lui faut qu'un effort convulsif pour punir ses ennemis d'avoir osé l'appeler au combat.

Quand on a l'honneur et le bonheur tout à la fois d'être France, il faut comprendre toute la portée de cette position de faveur de *nation-soleil* que l'on est et ne point se transformer en *nation-satellite*. »

Il reste à savoir seulement si les autres nations seraient disposées à se contenter du rôle de planètes gravitant autour de la *nation-soleil* ?

Ailleurs dans un article sur « la paix ou la guerre », il émet l'opinion qu'après 1830 la France aurait dû reprendre en Europe le rang qui lui appartenait ; mais que la politique de paix avait aussi son beau côté, à la condition que la paix eût été rendue féconde.

« C'était, dit-il notamment, un but immense d'habituer la nation à la véritable liberté en créant une administration loyale, probe et juste, qui eût rejeté loin d'elle les errements des gouvernements passés qui croyaient ne pouvoir contrebalancer les institutions libérales qu'en dominant les masses par l'intimidation et en gagnant les chefs par la corruption. »

Ailleurs encore, dans un article sur la paix, il demande compte au gouvernement de juillet « des cent mille hommes morts depuis

въ продолженіи четырнадцати лѣтъ въ Алжиріи, тогда какъ эти жертвы не упрочили нисколько нашего господства.»

«Если человѣчество дозволяетъ рисковать жизнію миллионъ людей, на поляхъ битвы, для защиты своей національности и независимости, то оно осуждаетъ и покрываетъ позоромъ эти безнравственныя войны, которыя ведутъ людей на убой съ единственною цѣлю имѣть вліяніе на общественное мнѣніе и поддержать какими бы то ни было средствами правительство, находящееся постоянно въ затруднительномъ положеніи.»

Мы знаемъ уже мнѣніе автора о средствахъ утвердить миръ и даже сдѣлать его постояннымъ: они заключаются въ созданіи наполеоновской Европы. Онъ возвращается къ этой идеѣ, но, продолжая утверждать, что миръ можетъ быть упроченъ только посредствомъ системы, введенной въ Европѣ Франціей, онъ противъ обыкновенія выказываетъ болѣе уваженія къ правамъ другихъ націй.

«Разверните мемуары Сюлли и посмотрите, каковы были великіе помыслы человѣка, умиротворившаго Францію и создавшаго религиозную свободу. Для прочнаго утвержденія европейскаго равновѣсія, Генрихъ IV предугадывалъ необходимость, чтобы всѣ націи пользовались одинаковою властью, и чтобы ни одна не тяготила другую своимъ преобладаніемъ; онъ понималъ, что какъ для народовъ, такъ и для отдѣльныхъ людей, равенство составляетъ источникъ всякой справедливости. Генрихъ IV расположилъ большую часть Европы въ пользу своихъ челоуѣколюбивыхъ проектовъ, и когда ножъ гнуснаго убійцы пресѣкъ его драгоценныя дни, онъ имѣлъ въ виду собрать многочисленную армію изъ европейскихъ контингентовъ, не для совершенія какого-нибудь безплоднаго завоеванія, но для водворенія общаго мира. Необходимо было заставить Испанію признать равенство и независимость націй; тогда онъ установилъ бы родъ ареопага, который не грубою силой, а разумомъ, могъ бы разбирать международныя ссоры. Еслибы Генрихъ IV прожилъ долѣе, то ему по справедливости можно бы дать названіе *героя мира*.»

Въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ замѣтны признаки направленія болѣе либеральнаго, которымъ авторъ безъ сомнѣнія обязанъ былъ пребыванію своему въ Англіи. Съ этой точки зрѣнія мы укажемъ на статью *Объ улучшеніяхъ, которыя должно ввести въ наши парламентскіе права и обычаи*, гдѣ онъ съ необыкновенною вѣрностію доказываетъ, что превосходство парламентской системы въ Англіи зависитъ отъ того, что тамъ этой системѣ сильно помогаетъ право ассоціаціи.

«Въ Англіи, до представленія своего въ парламентъ, важные вопросы большею частію предварительно обсуживаются и разсма-

quatorze ans en Algérie sans que ces sacrifices aient assuré notre domination. »

« Si l'humanité permet, ajoute-t-il, qu'on hasarde la vie de millions d'hommes sur les champs de bataille pour défendre sa nationalité et son indépendance, elle flétrit et condamne ces guerres immorales qui font tuer les hommes dans le seul but d'influencer l'opinion publique et de soutenir par quelque expédient un pouvoir toujours dans l'embarras. »

Nous connaissons déjà ses idées sur les moyens d'assurer la paix et même de la rendre perpétuelle : c'est de créer une Europe napoléonienne. Il revient sur cette idée, mais, tout en continuant à soutenir que la paix ne peut être assurée qu'au moyen d'un système imposé à l'Europe par la France, il se montre un peu plus respectueux que d'habitude pour les droits des autres nations.

« Ouvrez les mémoires de Sully et voyez quelles étaient les grandes pensées de l'homme qui avait pacifié la France et fondé la liberté religieuse. Pour établir solidement l'équilibre européen, Henri IV prévoyait qu'il fallait que toutes les nations fussent égales en puissance, et qu'aucune ne dominât les autres par sa prépondérance ; il prévoyait que pour les peuples, comme pour les individus, l'égalité seule est la source de toute justice. Henri IV avait amené la plus grande partie de l'Europe à le seconder dans ses vues humanitaires ; et, lorsque le fer d'un lâche assassin vint trancher des jours si précieux, il rassemblait une immense armée composée de contingents européens, se proposant pour but non une conquête stérile mais la paix universelle. Il allait forcer l'Espagne à reconnaître l'égalité et l'indépendance des nations, et il eût établi une espèce d'aréopage destiné à vider par la raison et non par la force brutale les querelles de peuple à peuple. Henri IV, s'il eût vécu, eût pu être surnommé avec raison le héros de la paix. »

Dans quelques autres articles, on trouve encore l'indice de tendances plus libérales qu'il devait sans aucun doute à son séjour en Angleterre. Nous signalerons, à ce point de vue, un article sur les « améliorations à introduire dans nos mœurs et dans nos habitudes parlementaires », où il démontre, avec une rare justesse, que la supériorité du régime parlementaire en Angleterre provient ce que ce régime y a pour auxiliaire le droit d'association.

« En Angleterre, la plupart des questions importantes avant d'être portées au Parlement, ont été préalablement approfondies et

триваються во множествѣ общественныхъ и частныхъ собраній, которыя, подобно машинамъ, очищаютъ, толкутъ и мѣсятъ политическое вещество до перехода его на великій парламентскій *luminoir*. Когда членъ палаты общинъ появляется въ Вестминстерѣ, то онъ имѣетъ уже полное свѣдѣніе о всѣхъ предметахъ, которые представлены будутъ парламенту въ продолженіи сессіи, потому что онъ уже не разъ держалъ рѣчи на многихъ митингахъ и обѣдахъ, онъ выдержалъ уже много преній въ клубахъ. Не излишнимъ будетъ замѣтить, что обычай сосѣдей нашихъ лишать себя общества женщинъ въ клубахъ и при концѣ обѣдовъ не остается безъ вліянія на развитіе общественнаго мнѣнія, потому что отсутствіе женщинъ даетъ возможность мужчинамъ ежедневно трактовать о серьезныхъ вопросахъ.

«Во Франціи, напротивъ того, депутатъ, являющійся въ палату, получаетъ понятіе о политическихъ вопросахъ только изъ статей своего журнала, и не имѣетъ случая разузнать общественное мнѣніе и предварительною борьбой приготовить себя къ великой борьбѣ на трибунѣ.

«Итакъ, право ассоціаціи составляетъ главную основу представительнаго правительства. »

Онъ возвращается къ этому предмету въ статьѣ *О правительствѣхъ и опорѣ ихъ*, и приходитъ въ негодованіе, что Франція лишена такого существеннаго права.

«Не должны ли краснѣть мы, народъ свободный, или по крайней мѣрѣ какъ мы считаемъ себя, потому что прошли по нѣсколькимъ революціямъ для достиженія свободы, — не должны ли мы краснѣть, говорю я, при мысли, что даже Ирландія, злополучная Ирландія, пользуется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ большею свободой, чѣмъ іюльская Франція? Здѣсь, на примѣръ, двадцать человѣкъ не могутъ собраться безъ дозволенія полиціи, между тѣмъ какъ въ отчизнѣ О'Коннеля тысячи человѣкъ собираются, обсуживаютъ свои интересы, угрожаютъ ниспроверженіемъ британскому владычеству, и ни одинъ министръ не смѣетъ нарушить законъ, покровительствующій въ Англіи праву ассоціаціи. »

Между предлагаемыми имъ улучшеніями парламентскихъ обычаевъ, онъ совѣтуетъ дозволить депутатамъ говорить съ своихъ мѣсть, и мнѣніе свое подкрѣпляетъ дѣльными доказательствами.

«Въ англійскомъ парламентѣ, говоритъ онъ, существуетъ обыкновеніе, весьма важное по своимъ слѣдствіямъ, хотя и незначашее по наружности, это отсутствіе трибуны или кафедры, съ которой говорятъ ораторы. Каждый говоритъ съ своего мѣста.

discutées dans une foule de réunions publiques ou privées, qui sont comme autant de rouages qui épluchent, broient et pétrissent la matière politique avant qu'elle ne passe sous le grand laminoir parlementaire. Lorsque le membre de la Chambre des communes arrive à Westminster, il a déjà une entière connaissance de tous les sujets qui doivent se présenter pendant la session, car il a déjà pris maintes fois la parole dans un grand nombre de *meetings* et de *diners*, il a soutenu de fréquentes discussions dans les *clubs* dont il fait partie. Il n'est pas inutile de remarquer que l'habitude où sont nos voisins de se priver de la société des femmes dans leurs clubs et à la fin de leurs repas n'est pas sans influence sur le développement de l'opinion publique, car c'est l'absence des femmes qui permet aux hommes d'aborder journellement les questions sérieuses.

En France, au contraire, le député qui arrive à la Chambre n'a entendu de controverses politiques que dans son journal, et les occasions lui manquent pour approfondir l'opinion et pour s'exercer dans des luttes préparatoires à la grande lutte de la tribune.

Le droit d'association est donc la base fondamentale d'un gouvernement représentatif. »

Il revient encore sur ce sujet dans un article *sur les gouvernements et leurs soutiens*, et il s'indigne de voir la France privée d'un droit si essentiel.

« Ne devrions-nous pas rougir, nous, peuple libre ou qui du moins nous croyons tel, puisque nous avons fait plusieurs révolutions pour le devenir ; ne devrions-nous pas rougir, disons-nous, en songeant que même l'Irlande, la malheureuse Irlande, jouit, sous certains rapports d'une plus grande liberté que la France de juillet ?

Ici, par exemple, vingt personnes ne peuvent se réunir sans l'autorisation de la police ; tandis que dans la patrie d'O'Connell, des milliers d'hommes se rassemblent, discutent leurs intérêts, menacent les fondements de l'Empire britannique, sans qu'un ministre ose violer la loi qui protège, en Angleterre, le droit d'association. »

Au nombre des améliorations à introduire encore dans les mœurs parlementaires, il signale, en appuyant son opinion sur d'excellentes raisons, l'autorisation de parler de sa place, au lieu de monter à la tribune.

« Il y a, dit-il, dans le parlement anglais, une disposition qui entraîne de très graves conséquences, quoiqu'en apparence elle semble très insignifiante, c'est l'absence totale de tribune, c'est-à-dire de chaire où se tiennent les orateurs. Chacun parle de sa place. Or cette

Обычай этотъ даетъ возможность высказаться самымъ скромнымъ дарованіямъ, не обязывая ихъ произносить рѣчи.

«Великое неудобство трибуны состоитъ въ томъ, что она Допускаетъ говорить только искусныхъ ораторовъ, а часто великіе ораторы вовсе не самые разсудительные люди, вовсе не тѣ, которые вѣрно разсматриваютъ вопросы.

«Есть много депутатовъ, мы убѣждены въ томъ, которые одарены обширными познаніями и охотно бы и часто говорили, еслибы могли говорить съ мѣста, а не входить на трибуну, что устрашаетъ cadaго, кто не привыкъ ораторствовать въ большомъ обществѣ. Когда во Франціи депутатъ вздумаетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній съ мѣста, то ему кричатъ безпре станно: «на трибуну!» Это значить: Мы не хотимъ слышать нѣсколько разсудительныхъ словъ, которыя бы пояснили вопросъ: мы хотимъ слышать рѣчь въ трехъ отдѣлахъ, съ приступомъ и заключеніемъ.»

Онъ высказываетъ также живое сочувствіе къ личной свободѣ, которою пользуются Англичане, и ко всевозможнымъ гарантіямъ, съ нею сопряженнымъ. Мѣсто это также стоитъ привести.

«Не одни только законы покровительствуютъ гражданамъ, но также и способъ, какимъ они приводятся въ исполненіе, способъ, какимъ празительства употребляютъ власть свою въ дѣло. Въ Англіи власть никогда не увлекается пристрастіями дѣйствія ея всегда умѣренны и законны, отъ того тамъ и не слышно о нарушеніи правъ жилища гражданина, которому часто подвергаются во Франціи, подъ названіемъ домашняго обыска: тайны семейныя уважаются, переписка остается неприкосновенною, никто не стѣсняетъ главнаго права свободы отправляться куда угодно, потому что ни отъ кого не требуютъ паспортовъ, этой стѣснительной выдумки комитета общественной безопасности, которая, затрудняя и отягощая мирныхъ гражданъ, нисколько не оставливаетъ тѣхъ, кто хочетъ обмануть бдительность власти.

«Большимъ обезпеченіемъ свободы служитъ организація полиціи, которая не старается подвести подъ наказаніе, но предупреждаетъ преступленія и старается избавить отъ наказаній.»

По замѣчанію его, есть только одинъ случай, когда въ Англіи гражданинъ подвергается заключенію безъ судебного приговора; этотъ случай — оскорбленіе, нанесенное суду или палатѣ общинъ, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ нѣчто общее съ судомъ. Но если мѣста, пользующіяся этимъ правомъ, вздумали бы употребить его во зло, заключенный могъ бы прибѣгнуть къ власти, которая никогда не погрѣшаетъ въ Англіи, когда ее призываютъ на защиту свободы, къ общественному мнѣнію.

coutume permet aux plus modestes talents de se faire entendre, sans les obliger à faire des discours.

Le grand désavantage de la tribune, c'est de ne permettre qu'aux orateurs consommés de parler, et souvent les grands orateurs ne sont pas les hommes les plus logiques ni ceux qui approfondissent le mieux les questions. Il y a beaucoup de députés, nous en sommes persuadé, qui, doués de vastes connaissances, prendraient souvent la parole, s'ils pouvaient le faire de leur place, sans être forcés de monter à la tribune, ce qui effraie tous ceux qui n'ont pas une grande habitude de parler en public. Lorsqu'en France un député veut faire de sa place quelques observations, on lui crie sans cesse : 'Montez à la tribune !' Ce qui veut dire : 'Nous ne voulons pas entendre quelques mots sensés qui éclaircissent la question : Nous voulons un discours en trois points avec exorde et péroraison.' »

Il professe également une vive admiration pour la liberté individuelle dont les Anglais jouissent et pour les garanties de toutes sortes dont elle est environnée. Le morceau vaut encore la peine d'être cité.

« Ce ne sont pas seulement les lois qui protègent les citoyens, c'est aussi la manière dont elles sont exécutées, c'est la manière dont le gouvernement exerce le pouvoir. En Angleterre, l'autorité n'est jamais passionnée : ses allures sont modérées et toujours légales ; aussi n'y connaît-on pas les violations du domicile d'un citoyen, auxquelles on est si sujet en France, sous le nom de visites domiciliaires : on respecte le secret des familles en laissant intactes les correspondances ; on ne gêne en rien la première de toutes les libertés, celle d'aller où bon vous semble, car on n'exige de personne ces passeports, invention oppressive du comité de salut public et qui sont un embarras et un obstacle pour les citoyens paisibles, sans arrêter, en aucune façon, ceux qui veulent tromper la vigilance de l'autorité.

Ce qui assure encore la liberté, c'est l'organisation de la police qui, au lieu de provoquer afin de punir, prévient les crimes et évite les peines. »

Il n'y a, remarque-t-il, qu'un seul cas où, en Angleterre, un citoyen puisse être emprisonné arbitrairement, c'est dans le cas d'offense envers une cour de justice ou envers la Chambre des communes (qui a sous quelques rapports les mêmes attributs qu'une cour). Mais si les corps qui possèdent ce privilège en abusaient :

« L'accusé en appellerait à une puissance qui n'a jamais fait défaut en Angleterre lorsqu'on l'a invoquée pour protéger la liberté ; c'est l'opinion publique.

«Надо сознаться, говорить онъ, что какъ бы ни были хорошо составлены законы, правительство могло бы исказить ихъ или обратить въ свою пользу, еслибъ общественное мнѣніе не было всегда насторожѣ, и не готово было остановить его, если оно уклонится отъ законнаго пути. Въ самомъ дѣлѣ, законъ или хартія, лишенные опоры общественнаго мнѣнія, не что иное, какъ клочки бумаги. Но они становятся святымъ кивотомъ, когда общественный интересъ обезпечиваетъ силу ихъ словъ, и когда нарушить одинъ изъ законовъ или не исполнить ихъ всѣ будетъ смертнымъ приговоромъ правительству.

«Намъ достаточно подтвердить фактъ, что во Франціи, гдѣ съ такою ревностію слѣдятъ за всѣмъ, что касается до равенства и національной чести, никто не считаетъ личной свободы святынею. Пусть нарушаютъ свободу гражданъ, пусть нарушаютъ права ихъ домашняго очага, пусть подвергаютъ ихъ цѣлые мѣсяцы тюремному заключенію по одному подозрѣнію; нѣсколько благородныхъ людей возвысятъ голосъ, но общественное мнѣніе останется спокойнымъ и безстрастнымъ до тѣхъ поръ, пока вы не возбудите какой-нибудь политической страсти.

«Вотъ въ чемъ заключается главная причина насильственныхъ дѣйствій власти: она поступаетъ по своему произволу, потому что нѣтъ узды, которая бы сдерживала ее. Въ Англіи же, напротивъ того, политическія страсти умолкаютъ передъ святостію общественнаго права. Отъ чего такая разница? Отъ того, что Англія государство, основанное на законахъ, а Франція еще не достигла этого, оттого что Англія государство крѣпко организованное, а Франція въ продолженіи сорока лѣтъ ведетъ борьбу то съ революціями, то съ контръ-революціями, и не успѣла еще утвердить въ себѣ уваженія къ принципамъ.»

Такимъ же либераломъ, даже можно сказать радикаломъ, является гамскій узникъ въ статьѣ *О дворянствѣ*.

«Астрономы научаютъ насъ, говорить онъ, что существуютъ звѣзды, столь отдаленныя отъ нашей планеты, что еслибъ они исчезли внезапно, то мы бы видѣли ихъ еще въ теченіи двадцати лѣтъ. То же можно сказать и о дворянствѣ. Мы видимъ еще свѣтъ его, хотя въ дѣйствительности оно уже давно исчезло. Съ 89 года нѣтъ ни княжествъ, ни герцогствъ, ни графствъ, ни маркизатовъ, ни бароній, а между тѣмъ у насъ есть еще князья, герцоги, графы, маркизы и бароны.

«... Впрочемъ, мы находимъ столь же непонятнымъ возводить въ герцоги безъ герцогствъ, какъ и производить въ полковники безъ полковъ. Если дворянство съ привилегіями противорѣчить нашимъ понятіямъ, то безъ привилегій оно дѣлается смѣшнымъ. Писатели XIV вѣка, упоминая о полководцахъ древности, гово-

Car, il faut l'avouer, quelque bien que soient faites les lois, le pouvoir pourra les enfreindre, ou les faire tourner à son profit, si l'opinion publique n'est pas toujours prête à l'arrêter lorsqu'il s'écarte de la justice. En effet, une loi ou une charte, privée de l'appui général de l'opinion, n'est qu'un chiffon de papier. Mais elle devient une arche sainte lorsque l'intérêt public en garantit tous les mots, et qu'en effacer un ou ne pas les exécuter tous, est pour le pouvoir un arrêt de mort.

Il nous suffit de constater ce fait qu'en France, où l'on se montre si jaloux de tout ce qui touche à l'égalité et à l'honneur national, on ne s'attache pas religieusement à la liberté individuelle. Qu'on trouble la tranquillité des citoyens, qu'on viole leur domicile, qu'on leur fasse subir pendant des mois entiers un emprisonnement préventif, enfin qu'on méprise les garanties individuelles, quelques hommes généreux élèveront la voix, mais l'opinion publique restera calme et impassible, tant que vous n'éveillerez pas une passion politique.

Là gît la grande raison de la violence du pouvoir : il peut être arbitraire parce qu'il ne trouve pas de frein qui l'arrête. En Angleterre, au contraire, les passions politiques cessent devant une violation du droit commun. C'est que l'Angleterre est un pays légal et que la France ne l'est pas encore devenue ; c'est que l'Angleterre est un pays fortement constitué, tandis que la France lutte tour à tour depuis quarante ans entre les révolutions et les contre-révolutions, et que la religion des principes y est à créer. »

Il ne se montre pas moins libéral, nous pourrions dire même radical dans un article sur « les nobles ».

« Les astronomes, dit-il, nous apprennent qu'il y a des étoiles si éloignées de notre globe que si elles s'anéantissaient subitement nous les verrions encore pendant vingt ans. Il en est de même de la noblesse. Nous voyons encore sa lueur, quoiqu'elle ait disparu réellement depuis longtemps. Il n'y a plus depuis 1789 de principautés, de duchés, de comtés, de marquisats, de baronnies, et cependant nous avons encore des princes, des ducs, des comtes, des marquis et des barons.

Or, nous trouvons aussi illogique de créer des ducs sans duchés que de nommer des colonels sans régiments. Car si la noblesse avec privilège est opposée à nos idées, sans privilèges elle devient ridicule. Au XIVe siècle, les écrivains, en parlant des généraux de l'antiquité,

рили: князь Аннибалъ и герцогъ Сципионъ; они были правы, потому что титулы князя и герцога обозначали не только званіе, но и должность; нынѣ же, за исключеніемъ королевской фамиліи, титулы не имѣютъ никакого смысла. И со всѣмъ тѣмъ, сколько странностей въ характерѣ человѣческомъ! Еслибы министерство произвело г. Пакье, напримѣръ, въ генералы *in partibus*, онъ бы возсталъ противъ этого; онъ бы сказалъ, что надъ нимъ насмѣхаются, давая ему титулъ, служащій эмблемой власти, которой онъ не имѣеть; но его возводятъ въ званіе герцога, какъ Аннибала, какъ Карла Смѣлаго, и онъ совершенно доволенъ. Пусть будетъ такъ!

« . . . Что касается до насъ, то мы бы желали, чтобы, вмѣсто возведенія нѣсколькихъ человѣкъ въ званіе благородныхъ, правительство приняло великое рѣшеніе создать имъ тысячи и миллионы. Мы бы желали, чтобъ оно вмѣнило себѣ въ обязанность облагородить 35 милл. Французовъ, разливая между ними образованіе, нравственность, довольство, всѣ блага, бывшія до сихъ поръ удѣломъ немногихъ, тогда какъ они должны бы быть достояніемъ всѣхъ и каждаго.»

Приведемъ еще мнѣніе его о духовенствѣ и государствѣ. Онъ не желаетъ, чтобы духовенство отдѣлено было отъ государства, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но онъ требуетъ, чтобы «университетъ пересталъ быть атеистическимъ», и чтобы духовенство перестало быть ультрамонтанскимъ. Университетъ не будетъ болѣе атеистическимъ, когда правительство рѣшится быть чѣмъ-нибудь и двинетъ впередъ истинную философію (какую? авторъ умалчиваетъ). Духовенство не будетъ болѣе ультрамонтанскимъ, когда члены его будутъ почерпать свое образованіе изъ одного источника съ прочими гражданами, то-есть когда не будетъ семинарій. Въ доказательство онъ представляетъ примѣръ Германіи.

«Нѣтъ сомнѣнія, что католическое духовенство въ южной Германіи самое образованное, самое снисходительное, самое либеральное, а почему такъ? Потому что въ Германіи молодые люди, готовящіяся къ духовному званію, изучаютъ богословіе въ университетахъ вмѣстѣ съ кандидатами на всѣ другія профессіи. Вмѣсто того чтобъ удаляться отъ міра и почерпать въ семинаріяхъ духъ вражды къ обществу, посреди котораго имъ придется жить, они приучаются быть сначала гражданами, а потомъ уже священниками. За то нѣмецкое католическое духовенство и отличается своимъ высокимъ образованіемъ и горячимъ патриотизмомъ.»

disaient le prince Annibal et le duc Scipion ; ils avaient raison, car les titres de prince et de duc indiquaient non seulement une dignité mais un grade ; or, aujourd'hui, si on excepte la famille royale, les titres ne représentent plus rien. Et cependant comme le caractère humain est bizarre ! Si le ministère avait nommé M. Pasquier, par exemple, général *in partibus*, celui-ci se serait récréé ; il aurait prétendu qu'on voulait se moquer de lui en lui donnant un titre, emblème d'une autorité qu'il ne pouvait exercer ; on le nomme duc comme Annibal, comme Charles-le-Téméraire et il est content. Soit !

Quant à nous, nous voudrions qu'au lieu de faire quelques nobles, le gouvernement prît la grande résolution d'en faire des milliers et millions. Nous voudrions qu'il prît à tâche d'anoblir les trente-cinq millions de Français en leur donnant l'instruction, la morale, l'aisance, biens qui jusqu'ici n'ont été l'apanage que d'un petit nombre et qui devraient être l'apanage de tous. »

Citons encore son opinion sur le « clergé et l'État ». Il ne veut pas que le clergé soit séparé de l'État comme aux États-Unis, mais il demande « que l'Université cesse d'être *athée* et que le clergé cesse d'être ultramontain ». L'Université ne sera plus athée lorsque le gouvernement aura le courage d'être quelque chose en donnant l'impulsion à la vraie philosophie (laquelle ? l'auteur néglige de le dire). Le clergé ne sera plus ultramontain, lorsque ses membres puiseront leur éducation aux mêmes sources que les autres citoyens, c'est-à-dire lorsqu'il n'y aura plus de séminaires. Comme exemple à l'appui il cite l'Allemagne.

« L'Allemagne méridionale est, sans contredit, le pays où le clergé catholique est le plus instruit, le plus tolérant, le plus libéral ; et pourquoi en est-il ainsi ? C'est parce que les jeunes gens qui se destinent en Allemagne au sacerdoce, apprennent la théologie aux Universités, en commun avec tous les candidats aux autres professions. Au lieu d'être dès l'enfance séquestrés du monde et de puiser dans les séminaires un esprit hostile à la société au milieu de laquelle ils doivent vivre, ils apprennent de bonne heure à être citoyens avant d'être prêtres. Aussi le clergé catholique allemand se distingue-t-il par ses hautes lumières et son ardent patriotisme. »

Принцъ посвящаетъ нѣсколько статей изслѣдованію военной системы во Франціи и такъ же, какъ и въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ, отдаетъ преимущество прусской системѣ; болѣе всего онъ оуждаетъ замѣну солдатъ, находя, что она противна равенству.

«Въ Пруссіи, говоритъ онъ, не знаютъ торговли, которую можно назвать *торговлей бѣлыхъ*, и которую можно обозначить слѣдующими словами: «Когда есть деньги, — покупать человѣка, чтобъ избавиться отъ военной службы и посылать простолю Дина на смерть вмѣсто себя». Замѣны тамъ нѣтъ. Слѣдовательно, прусская организація одна только и прилична нашей демократической натурѣ, равенству, вошедшему въ наши нравы, нашему политическому положенію, потому что она основана на *справедливости, равенствѣ, экономіи*, и цѣлю своею имѣетъ не завоеваніе, а независимость.»

Онъ трактуетъ также объ избирательной системѣ во Франціи и, какъ само собою разумѣется, объявляетъ себя въ пользу общей подачи голосовъ, но только распредѣляетъ ее по *двумъ степенямъ*.

Кромѣ этихъ дополнительныхъ объясненій своихъ идей, онъ помѣстилъ въ *Progrès du Pas de Calais* нѣсколько полемическихъ статей, направленныхъ или противъ порицателей наполеоновскихъ идей, или противъ внутренней и внѣшней политики іюльскаго правительства. Такъ, напримѣръ, онъ написалъ горячій отвѣтъ г. де-Ламартину, который оуждалъ императорскую систему въ письмѣ къ г. Шапюи Монлавиллю: *о популярныхъ сочиненіяхъ*. Этотъ отвѣтъ, довольно длинный, состоитъ изъ повторенія, только въ другой формѣ, сущности *Наполеоновскихъ Идей*; мы выпишемъ изъ него только два мѣста, одно о 18-мъ брюмерѣ, другое о логической связи консульства и имперіи.

«Я не защищаю принципа революцій 18-го брюмера, ни насильственнаго способа, которымъ она совершилась. Возмущеніе противъ установившейся власти можетъ быть необходимою, но никогда не можетъ служить примѣромъ, который бы можно было обратить въ принципъ. 18-е брюмера было явнымъ нарушеніемъ конституціи III года; но надо припомнить, что эта конституція была уже три раза нарушена самымъ наглымъ образомъ: 18го Фруктидора, когда правительство посягнуло на независимость законодательнаго сословія, осудивъ членовъ его на ссылку безъ суда; 30-го преріаля, когда законодательное сословіе посягнуло на независимость правительства; наконецъ 22-го Флореаля, когда святотатственнымъ декретомъ своимъ правительство и законодательное сословіе посягнули на владычество народа, уничтоживъ выборы, имъ произведенные.

Il consacre plusieurs articles à l'examen du système militaire de la France, et il continue, comme dans ses précédents ouvrages, à se prononcer en faveur du système prussien ; il condamne surtout le remplacement comme contraire à l'égalité.

« En Prusse, dit-il, on ne connaît pas le trafic, qu'on peut appeler *traite des blancs*, et qui se résume par ces mots : 'acheter un homme quand on est riche pour se dispenser du service militaire, et envoyer un homme du peuple se faire tuer à sa place.' Il n'y a pas de remplaçants. L'organisation prussienne est donc la seule qui convienne à notre nature démocratique, à nos mœurs égalitaires, à notre situation politique, car elle se base sur *la justice, l'égalité, l'économie*, et a pour but non la conquête mais l'indépendance ! »

Il étudie encore le système électoral de la France et il se prononce bien entendu en faveur du suffrage universel, mais à deux degrés.

Outre ces exposés complémentaires de ses idées, il envoie au *Progrès du Pas de Calais* un certain nombre d'articles de polémique, destinés soit à répondre aux adversaires des idées napoléoniennes soit à attaquer la politique intérieure et extérieure du gouvernement de juillet. Il adresse par exemple une vive réponse à M. de Lamartine qui avait attaqué le régime impérial dans une lettre à M. Chapuys-Montlaville sur les *Publications populaires*. Cette réponse assez longue ne faisant guère que reproduire, sous une autre forme, la substance des *Idées napoléoniennes*, nous n'en extrairons que deux passages, l'un sur le 18 brumaire, l'autre sur l'enchaînement logique de la création du Consulat et de celle de l'Empire.

« Je ne défends pas le principe de la révolution du 18 brumaire ni la manière brutale dont elle s'est opérée. Une insurrection contre un pouvoir établi peut être une nécessité, jamais un exemple qu'on puisse convertir en principe. Le 18 brumaire fut une violation flagrante de la Constitution de l'an III ; mais il faut convenir aussi que cette Constitution avait déjà été trois fois audacieusement enfreinte : au 18 brumaire, lorsque le gouvernement attenta à l'indépendance du corps législatif en condamnant ses membres à la déportation sans jugement ; au 30 prairial, quand le corps législatif attenta à l'indépendance du gouvernement ; enfin au 22 floréal, quand, par un odieux sacrilège, le gouvernement et le corps législatif attentèrent à la souveraineté du peuple, en cassant les élections faites par lui.

«Предстоитъ рѣшить важный вопросъ, спасло или нѣтъ республику 18-е брюмера; а для поясненія этого факта, достаточно принять въ соображеніе, въ какомъ состояніи находилось государство до него и въ какомъ послѣ него.

«Я не защищаю систематически ни всѣхъ постановленій имперіи, ни всѣхъ дѣйствій императора; — я только объясняю ихъ. Я не одобряю созданія дворянства, которое тотчасъ же, по паденіи главы своего, забыло свое плебейское происхождение и соединилось съ притѣснителями; я не одобряю нѣкоторыхъ бесполезныхъ насильственныхъ дѣйствій, служившихъ для поддержанія власти, основанной на волѣ народа; но я утверждаю, что изъ всѣхъ правительствъ, которыя предшествовали консульству и имперіи и слѣдовали за ними, ни одно, даже во время мира, не сдѣлало для благоденствія Франціи и тысячной доли того, что совершилъ императоръ во время войны.

« . . . Какъ гражданинъ, какъ человѣкъ, стоящій за льготы своей страны, я провожу рѣзкое различіе между консульствомъ и имперіей; какъ философъ, я не дѣлаю между ними никакого различія, потому что какое бы ни носилъ званіе Наполеонъ, консула или императора, призваніе его было одно и то же. Въ званіи консула, онъ утвердилъ во Франціи главныя благодѣянія революцій; сдѣлавшись императоромъ, онъ эти же благодѣянія распространилъ по всей Европѣ. Призваніе его, касавшееся сначала одной Франціи, обратилось потомъ въ общечеловѣческое. »

Вотъ, наконецъ, въ заключеніе этого обзора сочиненій гамскаго узника, довольно милое анекдотическое сравненіе, которое онъ употребилъ для характеристики политики июльскаго правительства.

«Разъ, лѣтомъ, императоръ Наполеонъ всталъ ранѣе обыкновеннаго и, проходя по одной изъ большихъ пріемныхъ залъ въ Тюльери, очень удивился, что каминъ былъ жарко затопленъ, и что передъ нимъ сидѣлъ мальчикъ, поддерживавшій огонь большими буковыми дровами. Императоръ остановился и спросилъ ребенка, зачѣмъ онъ развелъ такой большой огонь въ залѣ, которая занята бываетъ только въ пріемные дни; тотъ, не подозрѣвая, кто говоритъ съ нимъ, отвѣчалъ очень наивно: «Я добываю золу, сударь, для моего отца, которому она нужна на продажу.» Образъ дѣйствій правителей нашихъ съ 1830 года во всѣхъ отношеніяхъ сходенъ съ дѣйствіями этого служителя тюльерійскаго дворца, который, для собственныхъ выгодъ, понапрасну жегъ дрова, ввѣренныя его попеченіямъ; они точно такъ же расточаютъ всѣ средства Франціи во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ: мелочной личный интересъ идетъ у нихъ всегда

La question importante à résoudre est de savoir si le 18 brumaire sauva ou non la république ; et pour éclaircir ce fait, il suffit de considérer quel était l'état du pays avant cet événement et ce qu'il fut après.

Je ne défends pas systématiquement toutes les institutions de l'Empire, ni toutes les actions de l'empereur, je les explique. Je regrette la création d'une noblesse qui, dès le lendemain de la chute de son chef, a oublié son origine plébéienne pour faire cause commune avec les oppresseurs ; je regrette certains actes de violence inutiles au maintien d'un pouvoir fondé sur la volonté du peuple ; mais ce que je prétends, c'est que de tous les gouvernements qui précédèrent ou qui suivirent le Consulat et l'Empire, aucun ne fit, même pendant la paix, pour la prospérité de la France, la millième partie de ce que créa l'empereur pendant la guerre.

Comme citoyen, comme homme dévoué aux libertés de mon pays, je fais une grande distinction entre le Consulat et l'Empire ; comme philosophe, je n'en fais aucune, parce que, consul ou empereur, la mission de Napoléon fut toujours la même : consul, il établit en France les principaux bienfaits de la Révolution ; empereur il répandit dans toute l'Europe ces mêmes bienfaits. Sa mission, d'abord purement française, fut ensuite humanitaire. »

Voici enfin, pour terminer cet aperçu des travaux du prisonnier de Ham, une assez jolie comparaison anecdotique dont il se servait pour caractériser la politique du gouvernement de juillet — un gouvernement qui l'avait traité cependant avec une indulgence rare, et qui souffrait ses attaques avec une longanimité exemplaire.

« Par un jour d'été l'empereur Napoléon s'étant levé de plus grand matin qu'à l'ordinaire, traversa un des grands salons de réception des Tuileries, et fut très étonné de trouver en entrant un immense feu allumé dans la cheminée et un enfant occupé à accumuler sur le foyer de grandes bûches de hêtre. L'empereur s'arrêta, interpella l'enfant sur le motif qui le portait à faire un si grand feu, au milieu de l'été, dans une salle qui n'était occupée que dans les jours de réception ; mais celui-ci lui répondit avec une grande naïveté sans le reconnaître : *Monsieur je fais des cendres pour mon père dont c'est le profit.* Eh bien, la conduite de nos gouvernants depuis 1830 est en tout point semblable à celle de cet employé du palais des Tuileries, qui pour augmenter ses bénéfices, faisait brûler inutilement le bois confié à sa garde : eux aussi dilapident toutes les ressources de la France dans toutes leurs entreprises ; un intérêt sordide dominant

вперед интересовъ общественныхъ и оттого отъ чернадцатилѣтней политики ихъ не остается ничего, кромѣ пламени и дыму.»

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

toujours les intérêts généraux, il ne reste de leur politique de quatorze ans que feu et fumée. »

GUSTAVE DE MOLINARI.

ИМПЕРАТОРЪ НАПОЛЕОНЪ Ш
КАКЪ ПИСАТЕЛЬ¹

ХП.

Послѣ бѣгства своего изъ гамской тюрьмы, откуда онъ спасся, переодѣтый каменщикомъ и съ доской на плечѣ, которою онъ прикрылъ себѣ лицо, чтобы пройти мимо часоваго, не возбудивъ его подозрѣнія (25 мая 1846 г.), принцъ Лудовикъ-Наполеонъ снова отправился въ Лондонъ, гдѣ и прожилъ до 1848 года. Повидимому онъ отказался, по крайней мѣрѣ на то время, отъ попытокъ своихъ во Франціи, и дѣятельно принялся за свои политическія и экономическія занятія, которымъ онъ посвящалъ все время своего заточенія. Когда онъ находился еще въ Гамбѣ, жители Центральной Америки предложили ему перебраться въ Новый Свѣтъ и стать во главѣ предпріятія, имѣвшаго цѣлю прорытіе Панамскаго перешейка. Въ 1844 году, его даже посѣтилъ г. Кастелланъ, полномочный министръ штатовъ Гатемалы, Санъ-Сальвадора и Гондураса, прибывшій во Францію съ просьбой къ Французскому правительству о содѣйствіи въ этомъ предпріятіи; получивъ отказъ, онъ обратился къ принцу, приглашая его принять на себя исполненіе этого проекта. Принцъ обнаружилъ живое участіе къ сдѣланному ему предложенію и тогда же написалъ по-англійски мемуаръ, подъ заглавіемъ: *Canal of Nicaragua or a project to connect the Atlantic and Pacific Oceans by means of a canal. London. Mills and son, 1846.* (Каналь Никарагскій или проектъ соединенія Атлантическаго и Тихаго океана посредствомъ канала. Лондонъ. Милльсъ и сынъ, 1846)².

Въ этомъ мемуарѣ принцъ объявляетъ, что, по мнѣнію его, всего удобнѣе устроить каналъ, который бы могъ употребить въ дѣло рѣку Санъ-Хуанъ, пересѣчь близлежащія озера Никарагу и Масагу и примкнуть къ порту Реалехо на Тихомъ океанѣ. Въ послѣдствіи г. Белли, предпріятіе котораго окончилось такъ неудачно, принялъ отчасти этотъ проектъ. Вся разница въ томъ, что каналъ, проектированный г-мъ Белли, долженъ былъ только пересѣкать озеро Никарагу и образовать кратчайшій путь до залива Салинасъ. Оставляя въ сторонѣ техническія подробности, относящіяся къ расходамъ по устройству канала и къ вѣроятнымъ выгодамъ предпріятія, что, какъ кажется, исчислено весьма тщательно, мы укажемъ только на два замѣчательныя мѣста въ

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 21, 22, 23.

² Этотъ мемуаръ былъ въ первый разъ переведенъ и напечатанъ во Франціи въ *Revue Britannique* въ маѣ 1849.

IV.

Après son évasion de la prison de Ham, d'où il s'était échappé déguisé en ouvrier maçon et en portant une planche qui cachait sa figure à la sentinelle (25 mai 1846), le prince Louis Napoléon alla de nouveau s'établir à Londres où il résida jusqu'en 1848. Il parut avoir renoncé, provisoirement du moins, à recommencer ses tentatives en France et il continua les travaux politiques et économiques qui avaient occupé les loisirs de sa captivité. Pendant son séjour à Ham, des habitants de l'Amérique centrale lui avaient fait proposer de passer en Amérique pour se mettre à la tête d'une entreprise de percement de l'isthme de Panama. En 1844, il reçut même la visite d'un ministre plénipotentiaire des États de Guatemala, San Salvador et Honduras, M. Castellon, qui venait pour demander au gouvernement français son concours à cette entreprise, et qui ne l'ayant pas obtenu, se rendit auprès du prisonnier de Ham pour l'engager à en prendre la direction. Louis Napoléon accueillit favorablement ces ouvertures, à la suite desquelles il écrivit en anglais un mémoire intitulé : *Canal of Nicaragua, or a project to connect the Atlantic and Pacific oceans by means of a canal*. London, Mills and son 1846². Dans ce mémoire, le prince se prononçait en faveur d'un canal qui aurait utilisé le lit du fleuve San Juan, traversé les lacs voisins de Nicaragua et de Massagua et abouti au port de Realejo sur l'océan Pacifique. Depuis, M. Félix Belly, dont l'entreprise a échoué si malheureusement, a adopté en partie ce projet. Seulement, le canal projeté par M. Belly traversait simplement le canal de Nicaragua pour aboutir par un trajet beaucoup plus court à la baie de Salinas. Laissant de côté les détails techniques relatifs aux frais de construction du canal et aux produits probables de l'entreprise, qui paraissent calculés avec beaucoup de soin et qui sont exposés sans trop de charlatanisme, nous signalerons simplement deux passages remarquables de ce

¹ Voir le *Messager Russe*, n° 21, 22 et 23.

² Ce mémoire a été traduit et publié pour la première fois en France par la *Revue britannique*, mai 1849.

этомъ мемуарѣ. Одно относится къ положенію города Леона или Масаги, который находится между озеромъ того же племени и озеромъ Никарагой, и, по мнѣнію автора мемуара, долженъ сдѣлаться современемъ Константинополемъ Новаго Свѣта. По этому случаю, онъ переносится мыслію къ положенію настоящаго Константинополя, которое онъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія, весьма неблагопріятной для Турокъ.

«Существуетъ городъ, знаменитый въ исторіи, хотя и утратившій нынѣ свое древнее величіе; чудное положеніе его возбуждаетъ зависть всѣхъ европейскихъ державъ, которыя, по общему согласію, поддерживаютъ въ немъ правительство полуварварское, совершенно неспособное пользоваться преимуществами, ниспосланными ему самою природою. Географическое положеніе Константинополя дѣлаетъ его властелиномъ Стараго Свѣта: занимая центральный пунктъ между Европой, Азіей и Африкой, онъ могъ бы сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ торговли всѣхъ этихъ странъ и пріобрѣсти на нихъ огромное вліяніе. Расположенный между двумя морями, похожими на озера, входъ въ которыя находится совершенно въ его рукахъ, онъ могъ бы содержать, не страшась нападеній со стороны другихъ націй, самыя громадныя Флоты, и съ помощію ихъ упрочить за собою владычество надъ морями Средиземнымъ и Чернымъ. Владѣя съ одной стороны устьями Дуная, открывающими ему путь въ Германію, съ другой теченіемъ Евфрата, открывающимъ ему путь въ Индію, онъ могъ бы предписывать законы торговлѣ Греціи, Франціи, Италіи, Испаніи и Египта; вотъ чѣмъ бы могъ быть горделивый градъ Константина, и вотъ чего онъ достигнуть не въ состояніи, потому что, какъ говоритъ Монтескье, «Богъ допустилъ, чтобы на свѣтѣ существовали Турки, люди болѣе всего способные къ бесплодному обладанію великою имперіей.»

Другое мѣсто, которое мы намѣрены привести здѣсь, составляетъ заключеніе мемуара и какъ бы доказываетъ, что будущій директоръ компаній Никарагскаго канала, подъ вліяніемъ промышленной и мирной идеи, которая занимала его въ то время, отказался отъ прежней роли послѣдователя императорскихъ преданій.

«Благоденствіе Центральной Америки, говоритъ онъ, тѣсно соединено съ интересами всей вообще цивилизаціи, и ничто не можетъ такъ сильно содѣйствовать благу человѣчества, какъ уничтоженіе преградъ, раздѣляющихъ людей, племена и народы. Таковъ путь, указанный намъ христіанствомъ и усиліями великихъ людей, отъ времени до времени появлявшихся на театрѣ міра. Христіанская религія поучаетъ насъ, что всѣ мы братья и что передъ Богомъ рабъ равенъ своему господину, такъ же какъ

mémoire. Le premier est relatif à la position de la ville de Leon ou de Massagua située entre le lac de ce nom et le lac de Nicaragua, et qui paraît destinée aux yeux de l'auteur du mémoire à devenir le Constantinople du Nouveau-Monde. À ce propos, sa pensée se porte sur la situation actuelle de Constantinople, qu'il apprécie d'une manière essentiellement peu flatteuse pour les Turcs, dont il devait cependant quelques années plus tard, par un accident politique qui n'est pas encore expliqué, se faire le protecteur.

« Il existe une cité fameuse dans l'histoire, quoique aujourd'hui déchu de son antique splendeur, et dont l'admirable position est un objet de jalousie pour toutes les grandes puissances de l'Europe, qui s'accordent pour y maintenir un gouvernement à demi-barbare, incapable du moins de tirer parti des avantages que lui a prodigués la nature. La position géographique de Constantinople en fait la reine de l'ancien monde : occupant le point central entre l'Europe, l'Asie et l'Afrique, elle pourrait devenir l'entrepôt du commerce de toutes ces contrées, et acquérir sur elles une immense prépondérance. Assise entre deux mers, qui sont comme deux grands lacs dont elle commande l'entrée, elle pourrait y renfermer, à l'abri des attaques de toutes les autres nations, les flottes les plus formidables, à l'aide desquelles elle assurerait sa domination dans la Méditerranée, comme dans la mer Noire ; maîtresse à la fois des bouches du Danube, qui lui ouvriraient la route de l'Allemagne, et des sources de l'Euphrate, qui lui ouvriraient la route des Indes, elle dicterait alors des lois au commerce de la Grèce, de la France, de l'Italie, de l'Espagne et de l'Égypte ; voilà ce que pourrait être l'orgueilleuse cité de Constantinople, et voilà ce qu'elle n'est pas, parce que, comme le dit Montesquieu : 'Dieu a permis qu'il y ait dans le monde des Turcs, les hommes du monde les plus propres à posséder inutilement un grand Empire.' »

L'autre passage que nous voulons citer sert de conclusion au mémoire, et il semble attester que le futur directeur de la compagnie du canal de Nicaragua, avait, sous l'influence de l'idée vraiment grande et utile qui l'occupait en ce moment, dépouillé le vieil homme des traditions impériales.

« La prospérité de l'Amérique centrale, disait-il, se rattache aux intérêts de la civilisation en général, et le meilleur moyen de travailler au bien-être de l'humanité, c'est d'abattre les barrières qui séparent les hommes, les races et les nations. C'est la marche qui nous est indiquée par le christianisme et par les efforts des grands hommes qui ont paru par intervalles sur la scène du monde. La religion chrétienne nous enseigne que nous sommes tous frères, et qu'aux yeux de Dieu, l'esclave est égal au maître — de même que

Азіятець, Африканецъ и Индѣецъ равны Европейцу. Съ другой стороны, великіе люди земли войнами своими смѣшали племена и оставили по себѣ нѣсколько несокрушимыхъ памятниковъ, каковы напримѣръ: срытіе горъ, расчистка лѣсовъ, канализація рѣкъ; памятники эти, облегчая сообщеніе, служатъ къ сближенію и соединенію людей и народовъ. Война и торговля дали міру цивилизацію. Война окончила свое дѣло; одна торговля продолжаетъ теперь ея завоеванія. Откроемъ ей новый путь. Сблизимъ съ Европой племена Океаніи и Австраліи, и сдѣлаемъ ихъ участниками всѣхъ благъ христіанства и образованности.»

Но проектъ этотъ не повелъ ни къ чему, и принцъ, изготовившійся уже къ отъѣзду въ Центральную Америку (откуда, впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ возвратился бы при первомъ извѣстїи о февральской революціи, какъ нѣкогда дядя его возвратился изъ Египта), остался въ Англіи и принялся за свое большое сочиненіе объ артиллеріи, первый томъ котораго напечатанъ былъ въ 1847 году подъ заглавіемъ: *Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie*. Но ему не суждено было окончить это изслѣдованіе, столь высоко цѣнимое спеціалистами; въ предисловіи къ нему встрѣчается много остроумныхъ замѣтокъ о причинахъ, которыя повели къ усовершенствованію боевыхъ орудій и машинъ, и о способахъ, которыми произведено было это усовершенствованіе. Февральская революція, которую онъ предвидѣлъ и которой ожидалъ съ сосредоточеннымъ нетерпѣніемъ, отвлекла его отъ кабинетныхъ занятій и указала ему путь къ достиженію цѣли, побудившей его прежде рѣшиться на неудачныя покушенія въ Страсбургѣ и Булони. Онъ воспользовался случаемъ, который представляли ему обстоятельства, съ необыкновенною ловкостію и благоразуміемъ, чего никакъ нельзя было ожидать отъ героя двухъ прежнихъ безразсудныхъ попытокъ. Опытъ научилъ его, что для успѣха въ подобныхъ предпріятіяхъ необходимо соединить, слѣдуя старинной поговоркѣ, «смѣлость льва съ мудростію змѣи», и онъ умѣлъ чрезвычайно искусно воспользоваться урокомъ, за который заплатилъ такъ дорого. Роль, которую онъ игралъ со времени февральской революціи, выходить изъ предѣловъ, этой статьѣ. Съ этой минуты назначенныхъ нами себѣ въ писатель уступаетъ мѣсто политическому дѣятелю, хотя и не перестаетъ оказывать ему сильное содѣйствіе, потому что всѣ рѣчи, такъ же какъ и всѣ поступки претендента на «имперію республики» (*L'empire de la république*), какъ выражается на себѣ авторъ *Политическихъ Грезъ* (см. I часть), носятъ отпечатокъ необыкновенной ловкости и удивительной сметливости. Пусть судятъ по слѣдующимъ простымъ образчикамъ. При первомъ извѣстїи о революціи, принцъ прибылъ въ Парижъ, и 26

l'Asiatique, l'Africain et l'Indien sont égaux à l'Européen. D'un autre côté les grands hommes de la terre ont, par leurs guerres, mêlé ensemble les différentes races, et laissé derrière eux quelques-uns de ces impérissables monuments, tels que l'aplanissement des montagnes, le percement des forêts, la canalisation des rivières, monuments qui, en facilitant les communications, tendent à rapprocher et à réunir les individus et les peuples. La guerre et le commerce ont civilisé le monde. La guerre a fait son temps ; le commerce seul poursuit aujourd'hui ses conquêtes. Ouvrons-lui une nouvelle route. Rapprochons de l'Europe les peuplades de l'Océanie et de l'Australie, et faisons-les participer aux bienfaits du christianisme et de la civilisation. »

Mais ce projet n'aboutit point, et après avoir été sur le point de partir pour l'Amérique centrale — d'où il y a apparence du reste qu'il serait revenu à la première nouvelle de la révolution de février, comme autrefois son oncle était revenu d'Égypte — le prince se remit à travailler à son grand ouvrage sur l'artillerie, dont il publia le premier volume en 1847, sous ce titre : *Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie*. Mais il ne devait pas terminer cet ouvrage fort estimé par les hommes du métier et dont l'introduction abonde en considérations ingénieuses sur les causes qui ont déterminé les progrès des outils et des machines de la guerre, et sur la manière dont ce progrès s'est opéré. La révolution de février, qu'il avait prévue et qu'il attendait avec une impatience concentrée, vint l'enlever à ses travaux de cabinet, et lui donner les moyens d'arriver au but qu'il avait vainement essayé d'atteindre par les coups de main de Strasbourg et de Boulogne. Il mit à profit l'occasion que les événements lui offraient, avec une habileté et une prudence qu'on n'aurait certes point attendues du héros des deux échauffourées précédentes. C'est que l'expérience lui avait appris que pour réussir dans de telles entreprises il faut unir, suivant un vieux proverbe « l'audace du lion à la prudence du serpent. » Il sut admirablement profiter de cette leçon qu'il avait apprise à ses dépens. Le rôle qu'il a joué à dater de la révolution de février sort du cadre que nous nous sommes tracé. Dès ce moment, l'écrivain fait place au politique, tout en lui fournissant cependant un concours des plus efficaces, car tous les discours comme tous les actes du prétendant à « l'Empire de la République » pour nous servir d'une expression de l'auteur des *Rêveries politiques* (voir le chapitre Ier), portent l'empreinte d'une habileté rare et d'un à-propos merveilleux. Que l'on en juge par ces simples échantillons. À la première nouvelle de la révolution, Louis Napoléon accourut à Paris,

февраля явился въ ратушу, чтобы признать и привѣтствовать временное правительство. Посѣщеніе это, какъ легко можно себѣ вообразить, не доставило большаго удовольствія хозяевамъ. Незваннаго гостя во имя патріотизма потросили немедленно возвратиться въ Англію. Принцъ повиновался безъ всякихъ отговорокъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, о немъ не было и рѣчи, развѣ только въ кругу его малочисленныхъ, но пылкихъ и дѣятельныхъ приверженцевъ. Политическіе республиканцы и въ особенности г. Ледрю-Ролленъ пытались устранить опасность, грозившую имъ съ этой стороны, и требовали, чтобы онъ *одинъ* былъ исключенъ при отмѣнѣ закона, осуждавшаго на изгнаніе членовъ семейства Бонапартовъ. Но другіе республиканцы, и между ними г. Луи-Бланъ (интересное и наивное сужденіе котораго о виновникѣ страсбургскаго покушенія мы привели выше и который видѣлъ въ немъ мечтателя, вовсе неопаснаго), воспротивились этому ограниченію, и оно не было допущено. Нѣсколько времени спустя, принцъ избранъ былъ членомъ національнаго собранія въ четырехъ департаментахъ. Но онъ желалъ возбудить болѣе сильное сочувствіе къ себѣ. Онъ отказался отъ предложеннаго ему полномочія, не желая, какъ говорилъ онъ въ письмѣ къ президенту собранія, «чтобъ избраніе его приписано было какимъ-нибудь проискаемъ и послужило поводомъ къ волненію». Нѣсколько дней спустя послѣ грознаго іюльскаго возстанія, въ возбужденіи котораго многіе обвиняли его, разумѣется совершенно несправедливо (потому что промышленный кризисъ и натянутое положеніе, произведенное ученіемъ социалистовъ, достаточно объясняютъ его), онъ еще разъ отказался отъ полномочія, предложеннаго ему Корсикой. Наконецъ, 28 августа, онъ увѣдомилъ изъ Лондона, гдѣ имѣлъ постоянное пребываніе, одного изъ дѣятельныхъ партизановъ своихъ, генерала Піа, о намѣреніи своемъ принять кандидатуру, предложенную ему снова въ нѣсколькихъ департаментахъ. «Имя мое, говорилъ онъ, не можетъ уже служить болѣе поводомъ къ безпорядку. Я пламенно желаю возвратиться во Францію и занять мѣсто между народными представителями, которые желаютъ организовать республику на широкихъ и прочныхъ основаніяхъ.» Сочиненія его могутъ теперь объяснить тайный смыслъ этой фразы.

Избранный въ пяти департаментахъ, онъ занялъ мѣсто свое на скамьяхъ національнаго собранія 26 сентября. Пишущему эти строки посчастливилось присутствовать при этомъ достопамятномъ засѣданіи, и онъ сохранилъ въ памяти своей глубокое впечатлѣніе, произведенное появленіемъ будущаго императора на скамьяхъ собранія, назначеннаго для устройства республики, появленіемъ, совершенно неожиданнымъ, потому что и въ этомъ

et, le 26 février, il se rendit à l'hôtel de ville pour aller saluer et « reconnaître » le gouvernement provisoire. Cette visite ne fut, comme bien on suppose, que très médiocrement goûtée par ceux qui la recevaient. On pria le visiteur importun de retourner immédiatement en Angleterre, en faisant appel à son patriotisme. Le prince obéit de la meilleure grâce du monde. Pendant près de trois mois, il ne fut plus question de lui, si ce n'est parmi le groupe peu nombreux mais plein d'ardeur et d'activité de ses partisans. Les républicains politiques et, en particulier, M. Ledru-Rollin essayèrent de parer au danger qu'ils voyaient poindre de ce côté, en demandant qu'il fut excepté *seul* du rappel de la loi d'exil qui frappait les membres de la famille Bonaparte. Mais d'autres républicains parmi lesquels nous citerons M. Louis Blanc dont nous avons rapporté le curieux et naïf jugement sur l'auteur de l'attentat de Strasbourg, ne voyant en lui qu'un rêveur peu dangereux, combattirent cette disposition restrictive, et elle ne fut point adoptée. À quelque temps de là, le prince était nommé membre de l'Assemblée nationale par quatre départements. Mais il voulait se faire désirer. Il refusa le mandat qui lui était offert, ne voulant pas, disait-il dans une lettre adressée au président de l'Assemblée, « que son élection pût être attribuée à l'intrigue et devenir un nouveau sujet de trouble. » Quelques jours après la formidable insurrection de juin, que quelques-uns l'accusaient d'avoir suscitée, mais à tort certainement (car la crise industrielle et la surexcitation produite par les doctrines socialistes suffisaient bien pour l'expliquer), il refusait encore le mandat qui lui était offert par la Corse. Enfin, le 28 août, il annonça de Londres où il n'avait pas cessé de résider, à un de ses partisans actifs, le général Piat, son intention d'accepter la candidature qui lui était de nouveau offerte par plusieurs départements.

« Mon nom, disait-il, ne peut plus être un prétexte de désordres. Il me tarde donc de rentrer en France et de m'asseoir au milieu des représentants du peuple qui veulent organiser la république sur des bases larges et solides. »

La connaissance que nous avons maintenant de ses écrits précédents peut nous permettre d'apercevoir le sous-entendu ou si l'on veut la restriction mentale qui se cachait dans cette phrase.

Nommé par cinq départements, il prenait place le 26 septembre sur les bancs de l'Assemblée nationale. Celui qui écrit ces lignes avait la bonne fortune d'assister à cette séance mémorable, et il a gardé présente à la mémoire l'impression profonde que produisit l'apparition du futur empereur sur les bancs de l'Assemblée destinée à constituer la république, — apparition inattendue, car dans cette

случаѣ принцъ поддадся страсти своей къ театральнымъ эффектамъ и не предупредилъ никого о своемъ прибытіи. Предметомъ преній былъ проектъ конституціи, и собраніе слушало, или лучше сказать не слушало, рѣчь какогого скучнаго оратора. Вдругъ отворилась маленькая дверь съ лѣвой галлерей; оттуда появился принцъ и молча сѣлъ подлѣ г. Вьельяра, своего бывшего наставника. Въ то же мгновеніе всѣ взоры устремились въ его сторону. На первый взглядъ Физіономія вошедшаго замѣчательна была только большими усами и отсутствіемъ всякаго сходства съ императоромъ. По его загорѣлому лицу и воинственной наружности, его можно было бы принять за одного изъ африканскихъ генераловъ, которыхъ такъ много было тогда въ собраніи. Едва только вошелъ онъ въ залу, какъ г. Клеманъ, докладчикъ объ его избраніи, взошелъ на трибуну, испрашивая временнаго допущенія вновь избраннаго члена, пока онъ не представитъ свидѣтельства о своемъ возрастѣ и національности. Послѣ нѣкотораго волненія, собраніе утвердило статьи доклада. Тогда въ свою очередь принцъ потребовалъ позволенія говорить и направился къ трибунѣ съ бумагой въ рукахъ. Наступило глубокое молчаніе. Можно было услышать, какъ пролетитъ муха. Только появленіе самого дяди могло бы дать иное направленіе лихорадочному любопытству, возбужденному въ собраніи дебютомъ племяннику. Нисколько не конфузясь, принцъ прочелъ громкимъ и яснымъ, хотя нѣсколько взволнованнымъ голосомъ и съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ (по какомуто роковому предзнаменованію, онъ между прочимъ искажалъ слово *république*, которое произносилъ *répiblique*, что подало поводъ ко множеству насмѣшливыхъ выходокъ *Charivari*), чрезвычайно ловко составленную декларацию, въ которой, отдавъ благодареніе республикѣ, возвратившей его въ отечество, онъ возвѣщалъ о своемъ твердомъ намѣреніи вмѣстѣ съ товарищами своими трудиться объ утвержденіи республики.

«Поведеніе мое, сказалъ онъ въ заключеніе, всегда руководимое долгомъ, всегда одушевляемое уваженіемъ къ закону, докажетъ, вопреки голосу страстей, который старался очернить мои поступки и осудить меня вновь на изгнаніе, что никто въ этомъ собраніи не превзойдетъ меня въ твердой рѣшимости посвятить себя на защиту порядка и на утвержденіе республики.»

Несмотря на все желаніе республиканцевъ повредить его дѣлу, они не могли никакъ придратъся къ его деклараціи, видимому совершенно искренней и встрѣченной возгласами большинства: очень хорошо, очень хорошо! Собраніе, сильно тронутое, перешло къ очереднымъ занятіямъ. Но чрезъ нѣсколько дней послѣ того, противники его, видя, что кандидатура его на званіе

occasion encore le prince avait cédé à son goût pour les coups de théâtre, en ne prévenant personne de sa venue. On discutait le projet de Constitution, et l'Assemblée écoutait ou pour mieux dire n'écoutait pas un orateur ennuyeux. Tout à coup une petite porte s'ouvre sur le couloir de la gauche, le prince en descend et il va s'asseoir en silence auprès de M. Vieillard son ancien précepteur. En un instant, tous les regards se dirigent de son côté. La physionomie du nouveau venu n'était remarquable que par une forte moustache et son absence complète de ressemblance avec l'empereur. Son teint bronzé et sa figure assez martiale pouvaient le faire prendre pour l'un des généraux d'Afrique, alors assez nombreux dans l'Assemblée. À peine avait-il fait son entrée, que le rapporteur de son élection, M. Clément, monta à la tribune en demandant son admission provisoire, le nouvel élu n'ayant justifié ni de son âge ni de sa nationalité. Après quelque tumulte, l'Assemblée adopte les conclusions du rapport. À son tour, le prince demande la parole, et se dirige vers la tribune, un papier à la main. Il se fait un grand silence. On entendrait une mouche voler. Il faudrait une apparition de l'oncle en personne pour détourner la curiosité haletante que provoque ce début du neveu. Le prince, sans se laisser déconcerter, lit d'une voix forte et claire mais un peu émue et avec un léger accent étranger (il estropiait notamment, fatal présage ! le mot république, qu'il prononçait *repiplique* à la grande jubilation du *Charivari*), une déclaration extrêmement adroite, dans laquelle après avoir remercié la république de lui avoir rendu sa patrie, il annonce sa ferme intention de travailler avec ses collègues à l'affermissement du nouveau régime.

« Ma conduite, dit-il en terminant, toujours inspirée par le devoir, toujours animée par le respect de la loi, ma conduite prouvera à l'encontre des passions qui ont cherché à me noircir pour me proscrire que nul ici plus que moi n'est résolu à se dévouer à la défense de l'ordre et à l'affermissement de la république. »

Les républicains, malgré leur bonne envie de lui faire une mauvaise affaire, ne purent trouver à mordre sur cette déclaration plus ou moins sincère, qui valut à son auteur : les Très bien ! Très bien ! de la majorité, et l'Assemblée encore tout émue reprit son ordre du jour. Cependant, quelques jours après, ses adversaires voyant sa candidature à la présidence de la république devenir sérieuse, revinrent

президента республики становится дѣломъ серіознымъ, вооружились снова. Они хотѣли воспользоваться неопытностію его на трибунѣ, чтобы подвергнуть его какойнибудь неудачѣ какъ оратора, или заставить его проговориться. Но они встрѣтили бойца себѣ не по силамъ. Принцъ устранилъ ихъ происки, возвѣстивъ въ новой писанной имъ деклараціи, что онъ принимаетъ предложенную ему кандидатуру и не будетъ отвѣчать на вызовы своихъ противниковъ. Способъ выраженій его при этомъ случаѣ и программа будущихъ дѣйствій его въ званіи президента — верхъ совершенства въ политическомъ отношеніи (конечно, если допустимъ, что въ политикѣ цѣль оправдываетъ средства); онъ обнаружилъ при этомъ, въ самой высокой степени, рѣдкую способность вѣрно затрогивать самые живые интересы собранія, какъ бы ни были разнообразны элементы, его составляющіе.

Кандидатъ на президентство обратился прежде всего къ консерваторамъ, которые, не составляя большинства, отличались силой и вліяніемъ, и представилъ имъ себя будущимъ возстановителемъ общественнаго порядка, потрясеннаго соціализмомъ.

«Какъ бы ни былъ результатъ выборовъ, говорилъ онъ, я преклонюсь передъ волей народа, и заранѣе обѣщаю полное содѣйствіе всякому твердому и справедливому правительству, которое возстановитъ порядокъ, какъ въ умахъ, такъ и въ дѣлахъ, которое будетъ дѣятельно охранять религію, «семейство, собственность, вѣчныя основы всякаго общественнаго положенія; которое вызоветъ возможныя реформы, укротитъ ненависть, примиритъ партіи и успокоитъ встревоженное отечество надеждой на будущее.

«Возстановитъ порядокъ — значить упрочить довѣріе, восполнить кредитомъ временный недостатокъ денежныхъ средствъ исправить финансы, оживитъ торговлю.

«Защититъ религію и семейство — значить упрочить свободу вѣроисповѣданій и свободу воспитанія.

«Покровительствовать собственности — значить поддерживать неприкосновенность произведеній всякаго труда; обезпечить прочность обладанія какъ необходимое основаніе гражданской свободы.»

За этими предположеніями, столь утѣшительными для консерваторовъ, слѣдовали другія, которыя должны были удовлетворить сторонниковъ прогресса, нисколько не возбуждая опасенія консерваторовъ.

«Что же касается до возможныхъ реформъ, то, по мнѣнію моему, необходимы слѣдующія:

« Допущеніе всякой экономіи, которая, не разстраивая правильнаго теченія общественныхъ дѣлъ, дастъ возможность

à la charge. Ils voulaient profiter de son inexpérience de la tribune pour l'exposer à un échec oratoire ou lui faire commettre quelque imprudence de parole. Mais ils avaient affaire à plus fort qu'eux. Le prince déjoua leurs manœuvres en annonçant à la fois, dans une nouvelle déclaration écrite, qu'il acceptait la candidature qui lui était offerte et qu'il ne répondrait plus aux provocations de ses adversaires. Rien de plus habile que son langage en cette circonstance ; rien de plus habile non plus que sa profession de foi de candidat à la présidence. Celle-ci est un petit chef-d'œuvre de politique, et l'on y trouve à un degré qui n'a point été surpassé cette aptitude si rare qui consiste à toucher juste les fibres de l'auditoire auquel on s'adresse, si divers que soient les éléments dont il se compose.

Le candidat présidentiel s'adressait d'abord aux conservateurs qui avaient pour eux la force et l'influence sinon le nombre et il se présentait à eux comme le futur restaurateur de l'ordre social ébranlé par le socialisme.

« Quel que soit le résultat de l'élection, disait-il, je m'inclinerai devant la volonté du peuple et mon concours est acquis d'avance à tout gouvernement juste et ferme qui rétablisse l'ordre dans les esprits comme dans les choses ; qui protège efficacement la religion, la famille, la propriété, bases éternelles de tout état social ; qui provoque les réformes possibles, calme les haines, réconcilie les partis et permette ainsi à la patrie inquiète de compter sur le lendemain.

Rétablir l'ordre c'est ramener la confiance, pourvoir par le crédit à l'insuffisance passagère des ressources, restaurer les finances, ranimer le commerce.

Protéger la religion et la famille, c'est assurer la liberté des cultes et la liberté de l'enseignement.

Protéger la propriété, c'est maintenir l'inviolabilité des produits de tous les travaux ; c'est garantir et la sécurité et la possession, fondements indispensables de la liberté civile. »

Après ces paragraphes si rassurants pour les conservateurs, en venaient d'autres qui ne pouvaient manquer de satisfaire les amis du progrès sans alarmer cependant les conservateurs.

« Quant aux réformes possibles voici celles qui me paraissent les plus urgentes.

Admettre toutes les économies qui sans désorganiser les services publics, permettent la diminution des impôts les plus onéreux au

уменьшить налоги, наиболее тягостные для народа; поощрение предприятий, которыя, развивая богатства земледѣлія, могутъ доставить работу незанятымъ рукамъ во Франціи и въ Алжиріи, обезпеченіе старости работниковъ учрежденіемъ благотворительныхъ заведеній; введеніе въ наши промышленные законы перемѣнъ, которыя бы направлены были не къ разоренію богатаго въ пользу бѣднаго, но къ обезпеченію благосостоянія каждаго гражданина, основанному на благосостояніи всего шества.

«Уменьшеніе по возможности числа должностей, зависящихъ отъ правительства и нерѣдко обращающихъ народъ свободный въ народъ просителей.

«Устраненіе гибельнаго направленія, увлекающаго правительство дѣйствовать отъ себя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ частныя лица могутъ дѣйствовать такъ же хорошо и даже лучше. Централизація интересовъ и предпріятій составляетъ принадлежность деспотизма. Республика должна стремиться къ уничтоженію монополій.

«Наконецъ охраненіе свободы печати отъ двухъ крайностей, всегда для нея вредныхъ: отъ произвола власти и необузданнаго своеволія.»

Наконецъ нужно было успокоить Европу, утраченную именемъ Наполеона, но не возбуждая при томъ неудовольствія въ арміи и не оскорбляя національной гордости. Вслѣдствіе этого онъ обѣщаль облегчить тягость конскрипціи и улучшить положеніе офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, потомъ сказалъ, обращаясь къ Европѣ:

«Я не похожъ на честолюбца, который мечтаетъ то объ имперіи и войнѣ, то о приложеніи къ дѣлу разрушительныхъ теорій. Воспитанный въ странахъ свободныхъ и въ школахъ несчастія, я останусь вѣренъ обязанностямъ, которыя возложитъ на меня воля народа и собранія.

«... Война можетъ только увеличить наши несчастія. Соблюденіе мира будетъ самою священной изъ моихъ обязанностей. Франція воевала во время первой своей революціи, потому что ее вызывали на бой. На вторженіе непріятелей она отвѣчала завоеваніями. Теперь никто не вызываетъ ея, она можетъ посвятить всѣ силы свои на мирныя улучшенія, не отказываясь отъ политики честной и рѣшительной. Великая нація должна безмолвствовать или своею рѣчью производить дѣйствіе.»

Необходимо было также, если не удовлетворить, то по крайней мѣрѣ уничтожить всякій поводъ къ нападкамъ на его искренность, и въ этомъ отношеніи онъ высказался безъ всякихъ уступокъ.

«Если меня изберутъ президентомъ, то я не отступлю ни передъ какою опасностію, ни передъ какою жертвой на защиту

peuple ; encourager les entreprises qui, en développant les richesses de l'agriculture, peuvent en France et en Algérie, donner du travail aux bras inoccupés ; pourvoir à la vieillesse des travailleurs par des institutions de prévoyance ; introduire dans nos lois industrielles des modifications qui tendent non à ruiner le riche au profit du pauvre mais à fonder le bien-être de chacun sur la prospérité de tous.

Restreindre dans de justes limites le nombre des emplois qui dépendent du pouvoir et qui souvent font d'un peuple libre un peuple de solliciteurs.

Éviter cette tendance funeste qui entraîne l'État à exécuter lui-même ce que les particuliers peuvent faire aussi bien et mieux que lui. La centralisation des intérêts et des entreprises est dans la nature du despotisme. La nature de la république repousse le monopole.

Enfin préserver la liberté de la presse des deux excès qui la compromettent toujours : l'arbitraire et sa propre licence. »

Enfin il s'agissait de rassurer l'Europe qu'effarouchait le nom de Napoléon, sans s'aliéner l'armée, et sans offenser la fierté nationale. Le candidat promettait en conséquence d'alléger le fardeau de la conscription et d'améliorer le sort des officiers, des sous-officiers et des soldats, puis s'adressant à l'Europe :

« Je ne suis point, disait-il, un ambitieux qui rêve tantôt l'Empire et la guerre, tantôt l'application de théories subversives. Élevé dans des pays libres à l'école du malheur, je resterai toujours fidèle aux devoirs que m'imposeront vos suffrages et les volontés de l'Assemblée.

Avec la guerre point de soulagement à nos maux. La paix serait donc le plus cher de mes désirs. La France, lors de sa première révolution, a été guerrière parce qu'on l'avait forcée de l'être. À l'invasion, elle répondit par la conquête. Aujourd'hui qu'elle n'est pas provoquée, elle peut consacrer ses ressources aux améliorations pacifiques, sans renoncer à une politique loyale et résolue. Une grande nation doit se taire ou ne jamais parler en vain. »

Il fallait bien aussi, sinon donner satisfaction aux républicains, du moins enlever tout prétexte aux attaques qu'ils dirigeaient contre sa sincérité, et sur ce point il s'exécutait sans marchander.

« Si j'étais nommé président, je ne reculerais devant aucun danger, devant aucun sacrifice pour défendre la société si audacieu-

общества, подверженнаго самымъ дерзкимъ нападеніямъ; я устремлю, не обинуясь, всѣ силы мои на утвержденіе республики мудрой своими законами, честной своими постановленіями, великой и сильной своими дѣйствіями.

«Я поставлю себѣ за честь, по истеченіи четырехъ лѣтъ, передать моему преемнику прочную власть, совершенно обезпеченную свободу и дѣйствительно совершившейся прогрессъ.»

Можетъ-быть моралистъ не былъ бы совершенно доволенъ такою программой будущихъ дѣйствій главы государства. Но не представляется ли она верхомъ совершенства для политика? Какъ бы то ни было, успѣхъ увѣнчалъ подобное совершенство благоразумія и ловкости, и, по прошествіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ по вступленіи своемъ въ собраніе, наслѣдникъ императорскихъ преданій провозглашенъ былъ президентомъ республики. Съ этой минуты сочиненія и рѣчи президента или императора такъ тѣсно связаны съ его дѣйствіями, что раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности. Вслѣдствіе этого, мы должны здѣсь окончить и замѣтки наши о писателѣ.

XIII.

Не рѣдко выражено было сомнѣніе въ искренности убѣжденій императора Наполеона III. Говорили, что онъ пользуется священными воспоминаніями первой имперіи для собственныхъ выгодъ, нисколько не поклоняясь политическому полубогу, которому онъ намѣренъ былъ наслѣдовать. Представленный нами очеркъ его жизни и произведеній до принятія имъ власти Доказываетъ, что его оклеветали, и что если его можно упрекнуть въ чемъ-нибудь, то ужъ никакъ не въ измѣнѣ его политическимъ вѣрованіямъ, но напротивъ того въ доведеніи ихъ до фанатизма.

Фанатизмъ этотъ мы старались объяснить свойствами ума и характера сына Горгензій Богарне, воспитаніемъ, которое онъ получилъ, обстоятельствами и средой, въ которыхъ онъ возросъ. Разсматривая внимательно эту нравственную и умственную почву и сѣмена, рано посѣянные въ ней, нисколько не удивляешься той жатвѣ, которую они принесли. Нисколько не удивительно, что писатель сравниваетъ Наполеона I съ Моисеемъ, съ Иисусомъ Навиномъ, даже со Христомъ, и утверждаетъ, что наполеоновская идея равносильна идеѣ христіанской; также не удивительно нисколько, что политическій дѣятель рѣшается на попытки въ Страсбургѣ и Булони и на переворотъ 2-го декабря для осуществленія той системы, которая одна, по мнѣнію его, можетъ разрѣшить въ интересахъ Франціи и всего человѣчества великія политическія и соціальныя проблемы нашего времени.

sement attaquée ; je me dévouerais tout entier, sans arrière-pensée, à l'affermissement d'une république sage par ses lois, honnête par ses intentions, grande et forte par ses actes.

Je mettrais mon honneur à laisser au bout de quatre ans à mon successeur le pouvoir affermi, la liberté intacte, un progrès réel accompli. »

Un moraliste pourrait n'être pas complètement satisfait de cette profession de foi. Mais pour un politique n'est-elle pas un chef-d'œuvre ? Quoi qu'il en soit, le succès couronna tant de prudence et de dextérité, et deux mois et demi après son entrée à l'Assemblée, l'héritier des traditions impériales était acclamé président de la république. À partir de ce moment, les écrits et les discours du président ou de l'empereur se lient trop intimement à ses actes pour qu'il soit possible de les analyser sans écrire en même temps l'histoire de la Présidence et de l'Empire. Nous terminerons donc ici cette notice sur le publiciste.

XIII.

On a mis souvent en doute la sincérité des opinions de l'empereur Napoléon III. On a prétendu qu'il exploitait la religion des souvenirs du premier Empire, sans adorer lui-même le demi-Dieu politique dont il voulait recueillir l'héritage. L'esquisse que nous venons de donner de sa vie et de ses œuvres jusqu'au jour de son avènement au pouvoir atteste qu'on l'a calomnié ; que si l'on peut lui adresser un reproche, ce n'est pas d'avoir manqué de foi politique, c'est, au contraire, d'avoir poussé sa foi jusqu'au fanatisme.

Ce fanatisme nous avons essayé de l'expliquer par la nature de l'esprit et du caractère du fils d'Hortense Beauharnais, par l'éducation qu'il a reçue, par les circonstances et le milieu dans lesquels il a été élevé. Quand on considère de près ce sol intellectuel et moral, et les semences qui de bonne heure y ont été jetées, on ne s'étonne point à l'aspect de la moisson qu'il a portée. On ne s'étonne point de voir l'écrivain comparer Napoléon à Moïse, à Josué, au Christ lui-même, et affirmer que l'idée napoléonienne est le pendant de l'idée chrétienne ; on ne s'étonne pas davantage de voir l'homme d'action risquer les coups de main de Strasbourg et de Boulogne et le coup d'État du 2 Décembre pour réaliser un système qui seul peut résoudre à ses yeux, conformément aux intérêts de la France et du genre humain, les grands problèmes politiques et sociaux de notre temps.

Но если такимъ образомъ можно объяснить попытки въ Страсбургѣ и Булони и переворотъ 2-го декабря, то ни въ какомъ случаѣ оправдать ихъ невозможно. Мы знаемъ, что политика охотно преклоняется передъ успѣхомъ, и что тотъ самый человѣкъ, который бы, въ случаѣ неудачи, заслужилъ названіе преступнаго безумца, слыветъ при достиженіи успѣха великимъ человѣкомъ. Но если политика охотно признаетъ совершившіеся факты, то нравственность не перестанетъ никогда возвышать голосъ свой противъ нарушенія вѣчныхъ законовъ. Зло не позволительно даже и тогда, когда оно ведетъ къ добру, и цѣль даже въ дѣлахъ политическихъ никогда не оправдываетъ средствъ.

Фанатизмъ разсуждаетъ иначе, мы это знаемъ. Для фанатика въ религіи или политикѣ обыкновенные законы нравственности не составляютъ препятствій; если дѣло идетъ о торжествѣ какого-нибудь религіознаго догмата, то онъ не отступитъ ни передъ инквизиціей, ни передъ рѣзней Варооломеевской ночи, а если вы обратитесь къ его совѣсти, то онъ въ отвѣтъ вамъ пожметъ плечами или улыбнется. И что въ самомъ дѣлѣ значить нравственность въ сравненіи съ вѣчнымъ спасеніемъ душъ, которымъ ересь грозитъ гибелью? Если дѣло идетъ о политической системѣ, съ торжествомъ которой, какъ съ палладіумомъ, фанатикъ соединяетъ счастье человѣческаго рода, то онъ также не остановится ни передъ чѣмъ. «Цѣльвотъ что должно принимать въ соображеніе, говорилъ знаменитый заговорщикъ г. Барбесъ, въ подражаніе инквизиторамъ и виновникамъ Варооломеевской ночи: «все должно преклоняться передъ владычествомъ цѣли». — «Совѣсть моя чиста, восклицалъ въ свою очередь Лудовикъ-Наполень послѣ страсбургскаго покушенія: она меня не упрекаетъ ни въ чемъ». И онъ говорилъ искренно, потому что онъ также былъ убѣжденъ, что, низвергнувъ іюльское правительство для утверженія наполеоновской идеи, онъ будетъ служить интересамъ Франціи и всего человѣчества, а передъ величіемъ такой цѣли могъ ли онъ много заботиться о нравственности средствъ?

Впрочемъ, порицая средства, употребленныя для торжества наполеоновской идеи, должно разсмотрѣть: истинна ли эта идея, и обязанъ ли міръ, какъ утверждаетъ съ такою энергіей и увѣренностію великій первосвященникъ новой доктрины, сдѣлаться наполеоновскимъ, какъ онъ сдѣлался христіанскимъ.

Что же необходимо для этого? Необходимо, чтобы наполеоновская доктрина составляла нѣчто цѣлое, являлась соединеніемъ правилъ нравственныхъ, политическихъ и экономическихъ, выше тѣхъ, которыми до настоящей минуты руководствовались образованныя общества; необходимо, чтобы система, составляющая плоть этой доктрины, была орудіемъ цивилизаціи болѣе дѣйстви-

Cependant si les tentatives de Strasbourg et de Boulogne et le coup d'État du 2 Décembre se trouvent ainsi expliqués, ils ne sont point justifiés. Nous savons que la politique s'incline volontiers devant le succès, et que tel qui, après un échec, était regardé comme un fou criminel, passe, après avoir réussi, pour un grand homme. Mais si la politique légitime volontiers les faits accomplis, la morale ne cesse jamais de protester contre la violation de ses lois éternelles. Il n'est pas permis de faire le mal pour arriver au bien, et la fin, même dans les choses de la politique, ne justifie pas les moyens.

Le fanatisme raisonne autrement, nous le savons. Pour un fanatique, en religion ou en politique, les lois ordinaires de la morale ne sont point des obstacles. S'agit-il de faire prévaloir un dogme religieux, il ne reculera ni devant l'inquisition ni devant la Saint-Barthélemy, et si vous faites appel à sa conscience, il se contentera de hausser les épaules ou de sourire. Qu'est-ce en effet que la morale auprès du salut éternel des âmes, que les hérésies compromettent ? S'agit-il d'un système politique au triomphe duquel le fanatique attache, comme à un palladium, le bonheur du genre humain. — Le but, voilà ce qu'il s'agit d'examiner, disait un conspirateur célèbre, M. Barbès, après les inquisiteurs et les fauteurs de la Saint-Barthélemy ; tout doit céder à la souveraineté du but ! — Ma conscience est pure, s'écrie à son tour Louis Napoléon, après l'attentat de Strasbourg, elle ne me reproche rien. Et il était sincère. Car il croyait, lui aussi, qu'en renversant le gouvernement de Juillet pour introniser l'idée napoléonienne, il allait servir les intérêts de la France et de l'humanité, et devant la grandeur d'une telle fin, pouvait-il se préoccuper beaucoup de la moralité des moyens ?

Mais si les moyens employés pour faire prévaloir l'idée napoléonienne sont mauvais, cette idée, du moins, est-elle bonne ? Le monde est-il bien destiné, ainsi que l'affirme avec tant d'énergie et de foi le grand prêtre de la doctrine nouvelle, à devenir napoléonien comme il est devenu chrétien ?

Pour que le napoléonisme fut appelé à régir désormais le monde, à l'exemple et à la suite du christianisme, que faudrait-il ? Il faudrait que la doctrine napoléonienne contînt un ensemble, un faisceau de notions morales, politiques et économiques supérieures à celles qui ont régi jusqu'à présent les sociétés civilisées ; il faudrait que le régime qui est le produit de cette idée fut un instrument de civilisation plus efficace qu'aucun autre. Alors, en effet, ce régime finirait, par la

тельнымъ чѣмъ всякое другое. Тогда конечно силой самихъ вещей, которая неудержимо влечетъ народы по пути прогресса и побуждаетъ ихъ къ принятію самыхъ лучшихъ правительственныхъ системъ, также какъ къ заведенію у себя усовершенствованныхъ машинъ и промышленныхъ улучшеній, эта система была бы наконецъ принята всѣми. Несмотря на сопротивление политической рутины, націи приняли бы правительственную систему Наполеона, какъ онѣ приняли паровую машину Уатта, пароходъ Фультона и множество другихъ полезныхъ усовершенствованій, несмотря на сопротивление промышленной рутины.

Но дѣйствительно ли Наполеонъ, какъ увѣряетъ его панегиристъ и продолжатель, создалъ новую систему правительства, которая выше всѣхъ системъ, до него изобрѣтенныхъ и введенныхъ въ употребленіе? Можно ли по справедливости почестъ его Уаттомъ или Фультономъ въ политическомъ, административномъ и экономическомъ отношеніи? Несмотря на всѣ восторженныя увѣренія автора *Наполеоновской Идеи*, намъ кажется, достаточно будетъ бросить бѣглый взглядъ на постановленія и политику первой имперіи, чтобы убѣдиться, что Наполеонъ не придумалъ ничего новаго въ правительственномъ отношеніи, что онъ былъ не болѣе какъ компиляторъ, что онъ почти рабски слѣдовалъ преданіямъ централизирующаго и завоевательнаго деспотизма Лудовика XIV, съ тою только разницею, что дѣйствовалъ во имя народнаго права, подобно комитету общественнаго спасенія, тогда какъ прежняя монархія дѣйствовала во имя божественнаго права. И въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ его постановленій не отличается характеромъ оригинальности или новизны, ни одно не принадлежитъ собственно ему; онъ не создаетъ теоріи, онъ даже обнаруживаетъ глубокое презрѣніе къ теоретикамъ, которыхъ старается запятнать или осмѣять, придавая имъ прозвище *идеологовъ*. Его ненависть къ идеологіи доходитъ даже до того, что онъ запрещаетъ перепечатывать *Курсъ политической экономіи* Ж. Б. Сэя. Если, по справедливости, его нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ отсталъ отъ своего вѣка, то невозможно также сказать, чтобы онъ опередилъ его. Онъ централизаторъ и деспотъ, чѣмъ были и Лудовикъ XIV во имя божественнаго права, и революція во имя права народнаго; подобно своимъ предшественникамъ, въ политикѣ онъ придерживался макиавеллизма, въ политической экономіи — запретительной системы. Мы не ставимъ ему этого въ преступленіе. Не многимъ избраннымъ суждено идти впереди своего вѣка и увлекать за собою современниковъ. А чтобы величать Наполеона нововводителемъ и прогрессистомъ, необходимо принять за нововведенія централизацію, макиавелизмъ и запретительную систему.

force même des choses qui pousse incessamment les nations dans les voies du progrès et les oblige à adopter les systèmes de gouvernement les plus parfaits aussi bien que les machines et les procédés industriels les plus perfectionnés ; ce régime, disons-nous, finirait par être mis universellement en vigueur. Les nations adopteraient, malgré toutes les résistances de la routine politique, le système gouvernemental de Napoléon, comme elles ont adopté la machine à vapeur de Watt, le bateau à vapeur de Fulton et tant d'autres inventions progressives, malgré les résistances de la routine industrielle.

En sera-t-il bien ainsi ? Napoléon est-il, comme l'assure son panégyriste et son continuateur, l'inventeur d'un nouveau système de gouvernement préférable à tous les systèmes qui ont été inventés et appliqués avant lui ou qui ont pu l'être après ? Peut-on le considérer comme un Watt ou un Fulton, politique, administratif et économique ? Malgré les affirmations enthousiastes de l'auteur de *l'Idée napoléonienne*, il suffit, croyons-nous, de jeter un coup d'œil sur les institutions et sur la politique du premier Empire pour s'assurer que Napoléon n'a rien inventé en matière de gouvernement ; qu'il n'a été tout au plus qu'un compilateur ; qu'il s'est borné à continuer, d'une manière presque servile, les traditions du despotisme centralisateur et conquérant de Louis XIV, en les arrachant à l'arbre du Droit divin, comme l'avaient fait avant lui la Convention et le comité de salut public, pour les greffer sur la souche de la souveraineté populaire. Aucune de ses institutions n'a un caractère d'originalité ou de nouveauté ; aucune ne lui appartient en propre ; il ne fait point de théories, il affecte même un profond mépris pour les théoriciens qu'il essaie de flétrir ou de ridiculiser en leur infligeant le sobriquet d'*idéologues*. Sa haine de l'idéologie va jusqu'à lui faire prohiber la réimpression du *Cours d'économie politique* de J.-B. Say. Si l'on ne peut lui reprocher, avec justice, d'être en arrière de son temps, on ne peut davantage le louer d'être en avant. Il est centralisateur et despote, comme l'avaient été Louis XIV au nom du droit divin, la Convention au nom du droit populaire, et de même sa politique est machiavélique, son économie politique prohibitionniste comme l'avaient été celles de ses devanciers. Nous ne lui en faisons pas un crime. Il n'est donné qu'aux hommes d'un véritable génie, de marcher en avant de leur époque et d'entraîner leurs contemporains à leur suite ; mais, à moins qu'on ne considère la centralisation, le machiavélisme et le prohibitionnisme comme des nouveautés et comme des progrès, on ne saurait qualifier Napoléon de novateur et de progressiste.

Что же случилось потомъ? То, что, несмотря на свою сильную вѣру и восторженное поклоненіе, продолжатель новаго пророка замѣтилъ пробѣлы и противорѣчія въ его мнимой системѣ и напрягаетъ всѣ силы своего воображенія, чтобы пополнить первые, объяснить и примирить послѣднія. Онъ соглашается, что Наполеонъ возстановилъ и преобразовалъ во Франціи, на основаніи народнаго господства, централизацію, источникомъ которой былъ деспотизмъ божественнаго права. Пусть такъ! но онъ совершилъ это для водворенія свободы. Онъ вель непрерывно войну, такъ же, какъ и его предшественники, и даже болѣе ихъ. Правда и это, но онъ вель ее, чтобы водворить миръ и утвердить его на основаніи несокрушимомъ.

Эта двойная цѣль, которую авторъ *Наполеоновской Идеи* приписываетъ творцу постановленій имперіи и властелину Европы, была ли дѣйствительно его цѣлью? Былъ ли въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ, какъ автору угодно изображать его, непризнаннымъ апостоломъ, мученикомъ свободы и мира?

Но чтобы Наполеонъ, учреждая императорскую систему, усвоивая и совершенствуя централизацію Лудовика XIV, имѣлъ конечную цѣлю дать Франціи свободу, чтобъ онъ даже понималъ вѣрно настоящій смыслъ слова «свобода», что немногіе понимали въ его время и что немногіе понимаютъ въ наше время, даже въ странахъ, наиболѣе свободныхъ, это такое предположеніе, противъ котораго протестуетъ вся его исторія. Чтобъ онъ вель безпрестанно войну съ единственною цѣлю водворить на землѣ золотой вѣкъ постоянного мира, чтобъ онъ былъ не болѣе какъ ученикомъ добрѣйшаго аббата де-Сен-Пьера, — это предположеніе еще болѣе ошибочное, противъ котораго во многихъ случаяхъ протестовалъ самъ Наполеонъ. А что отвѣчалъ мнимый апостолъ тѣмъ, кто спрашивали его, къ чему поведутъ его непрерывныя войны? Онъ отвѣчалъ просто и наивно, что *самъ не знаетъ*, и, не во гнѣвъ его панегиристу, онъ говорилъ правду¹.

¹ «У меня могло быть много плановъ, но я никогда не въ состояніи былъ исполнить ни одного изъ нихъ. Какъ бы долго ни держалъ я кормило, какъ бы ни сильна была рука моя, еще сильнѣе были внезапныя и многочисленныя волны, и я благоразумно уступалъ имъ, чтобы не потерпѣть крушенія при упорномъ противоборствѣ. Итакъ, я никогда не былъ властелиномъ своей судьбы, но всегда подчинялся обстоятельствамъ, до такой степени, что при началѣ моего возвышенія, во время консульства, истинные друзья, горячіе приверженцы, спрашивали меня иногда съ самыми лучшими намѣреніями и даже для собственнаго руководства, чего я намѣренъ достигнуть? И я отвѣчалъ всегда, что самъ ничего не знаю. Они удивлялись, были недовольны мною, а между тѣмъ я говорилъ правду.» (*Mémorial de Ste Hélène 11 Novembre 1816.*)

Ainsi qu'arrive-t-il ? C'est que, malgré sa foi robuste et son admiration enthousiaste, le continuateur du nouveau prophète s'aperçoit des lacunes et des contradictions de ce prétendu système de rénovation politique et sociale, et qu'il met largement son imagination à contribution pour combler les unes, expliquer et concilier les autres. Napoléon, convient-il, avait rétabli et réorganisé en France sur la base de la souveraineté populaire, la centralisation du despotisme de droit divin. Soit ! Mais c'était pour arriver à la liberté. Il faisait, comme ses devanciers, plus que ses devanciers, incessamment la guerre. Soit encore, mais c'était pour arriver à la paix et pour la fonder sur une base indestructible.

Ce double but que l'auteur de *l'Idée napoléonienne* prête à l'auteur des constitutions de l'Empire et au dominateur de l'Europe, est-il réel ? Napoléon a-t-il été véritablement l'apôtre méconnu, le martyr de la liberté et de la paix ?

Que Napoléon, en instituant le régime impérial, en reprenant en sous-œuvre et en perfectionnant la centralisation de Louis XIV, ait eu pour but final de donner la liberté à la France, qu'il ait su même bien au juste ce qu'il fallait entendre par ce mot liberté, que si peu de gens comprenaient de son temps, que si peu de gens comprennent encore du nôtre, même dans les pays les plus libres de la terre, c'est là une affirmation contre laquelle son histoire tout entière proteste. Qu'en faisant incessamment la guerre, il n'ait eu d'autre but que d'arriver au pas de charge à l'âge d'or de la paix perpétuelle, qu'il n'ait été autre chose qu'un disciple botté et éperonné du bon abbé de Saint-Pierre, c'est une affirmation plus contestable encore s'il est possible, et contre laquelle Napoléon lui-même s'est chargé, en mainte occasion, de protester. Que répondait, en effet, ce prétendu apôtre de la paix à ceux qui lui demandaient où devaient aboutir ses guerres continuelles ? Il répondait simplement et naïvement *qu'il n'en savait rien*, et n'en déplaise à son panégyriste, il disait vrai. ¹

¹ « Je puis avoir eu bien des plans, mais je ne fus jamais en liberté d'en exécuter aucun. J'avais beau tenir le gouvernail, quelque forte que fût la main, les lames subites et nombreuses l'étaient plus encore, et j'avais la sagesse d'y céder plutôt que de sombrer en voulant y résister obstinément. Je n'ai donc jamais été véritablement mon maître, mais j'ai toujours été gouverné par les circonstances ; si bien qu'au commencement de mon élévation, sous le consulat, de vrais amis, mes chauds partisans, me demandaient parfois, dans les meilleures intentions et pour leur gouverne, où je prétendais arriver ; et je répondais toujours que je n'en savais rien. Ils en demeuraient frappés, peut-être mécontents, et pourtant je leur disais vrai. » (*Mémorial de Sainte-Hélène, 11 Novembre 1816.*)

Слѣдовательно, необходимо было создать эту мнимую систему, о которой никогда и не помышлялъ Наполеонъ; необходимо было въ эмпиризмѣ противника идеологии открыть идею, и къ этому приступилъ съ глубокою вѣрой и упорною настойчивостью, достойными лучшей цѣли, авторъ *Политическихъ Грезъ и Наполеоновской Идеи*.

Но что же было результатомъ его благочестивыхъ усилій? Успѣлъ ли онъ въ своемъ дѣлѣ? Успѣлъ ли онъ извлечь изъ наполеоновскаго эмпиризма идею, систему, оригинальную и новую методу правительства? Нѣтъ, онъ не успѣлъ въ этомъ нисколько. То, что онъ выдаетъ за новую и самую совершенную систему, есть, какъ мы уже сказали выше, лишь смѣшеніе старыхъ политическихъ, административныхъ и экономическихъ системъ, которыя въ теченіи вѣковъ угнетаютъ и опустошаютъ міръ. Единственное нововведеніе его заключается въ томъ, что онъ опирался въ своихъ дѣйствіяхъ на принципъ народного владычества. Вотъ и все! Да и то, нововведеніе ли это? Жанъ-Жакъ Руссо и его ученики въ комитетѣ Общественнаго Спасенія не поступали ли точно такъ же и прежде него?

Сверхъ того, существуетъ непреложный критерій истины и хорошихъ свойствъ системы, — это ея приложеніе. Система, представленная новою и оригинальною, и изложенная въ сочиненіи, которое мы разсматривали, прошла черезъ это рѣшительное испытаніе. Посмотримъ же, что оказалось въ результатѣ?

Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ наполеоновская идея безгранично властвуетъ надъ Франціей, откуда она можетъ озарять и остальной міръ. И что же? Выполнила ли она обѣщанія автора своего или проповѣдника, назовите какъ угодно? Она должна была дать свободу Франціи: въ настоящее время ближе ли къ свободѣ Франція чѣмъ восемь лѣтъ назадъ? Она должна была водворить миръ на землѣ: болѣе ли обезпеченъ миръ въ настоящее время чѣмъ восемь лѣтъ назадъ?

Итакъ *Наполеоновская Идея* не выполнила обѣщаній своего автора. Она нисколько не послужила дѣлу свободы и мира, которое называется также и дѣломъ прогресса. И я прибавлю къ этому, что она не можетъ послужить ему, потому что свободы не достигаютъ никогда путемъ рабства, а мира путемъ войны.

Не даромъ изъ устъ образца этой ложной системы, этой Формы политическаго соціализма, вырвались, въ горькія минуты изгнанія слѣдующія слова: *«Я погибъ потому, что вздумалъ противодѣйствовать идеямъ моего вѣка.»*

Il a donc fallu créer, après coup, ce système prétendu, auquel Napoléon n'avait jamais songé ; il a fallu, dans l'empirisme de ce despote ennemi de l'idéologie, découvrir une idée libérale et humanitaire, et c'est à quoi s'est appliqué, avec une foi profonde et une ténacité digne d'une meilleure cause, l'auteur fanatisé des *Réveries politiques* et des *Idées napoléoniennes*.]

Mais quel fut le résultat de ses pieux efforts ? A-t-il réussi dans son entreprise ? A-t-il réussi à extraire de l'empirisme napoléonien une idée, un système, une méthode de gouvernement originale et nouvelle ? Non, il n'y est pas parvenu. Ce qu'il présente comme un système nouveau et des plus parfaits n'est, comme nous l'avons dit plus haut, qu'un mélange d'anciens systèmes politiques, administratifs et économiques qui, pendant des siècles, ont opprimé et dévasté le monde. Sa seule innovation réside dans le fait qu'il fonde son action sur le principe de la souveraineté populaire. C'est tout ! Et encore, est-ce une innovation ? Jean-Jacques Rousseau et ses émules du Comité de salut public n'ont-ils pas agi exactement de la même manière avant lui ?

De plus, il existe un critère immuable pour décider de la vérité et des qualités d'un système : c'est sa mise en application. Le système, présenté comme nouveau et original, et exposé dans l'essai que nous avons étudié, a passé par cette épreuve décisive. Voyons quel en a été le résultat.

Depuis huit ans, l'idée napoléonienne exerce un pouvoir illimité sur la France, d'où elle se propose d'éclairer le reste du monde. Alors ? A-t-elle tenu les promesses de son auteur ou de son prédicateur, quel que soit le nom que vous lui donnez ? Il était question de donner la liberté à la France : la France est-elle plus proche de la liberté aujourd'hui qu'elle ne l'était il y a huit ans ? On parlait d'apporter la paix sur terre : le monde est-il plus tranquille aujourd'hui qu'il ne l'était il y a huit ans ?

L'*Idée napoléonienne* n'a pas tenu les promesses de son auteur. Elle n'a en aucun cas servi la cause de la liberté et de la paix, ou en d'autres termes la cause du progrès. Et j'ajouterai qu'elle était incapable de la servir, car la liberté ne s'obtient jamais par l'esclavage, ni la paix par la guerre.

Rien d'étonnant à ce que l'auteur de ce faux système, de cette forme de socialisme politique, ait eu ces mots, dans l'amertume de son exil forcé : « *J'ai péri parce que je me suis mis en travers des idées de mon temps.* »

GUSTAVE DE MOLINARI.

TABLE DES MATIÈRES

1858-1859

089. — LE MESSAGER RUSSE (РУССКИЙ ВѢСТНИК).	5
I. Liste des articles de Gustave de Molinari dans cette revue (1858-1876).	5
II. Articles parus entre 1858 et 1859 (première partie).	10
Des conditions et du mécanisme du crédit	10
Correspondance économique, 9 avril 1858	120
Correspondance économique, 25 juillet 1858	170
Napoléon III publiciste	246

